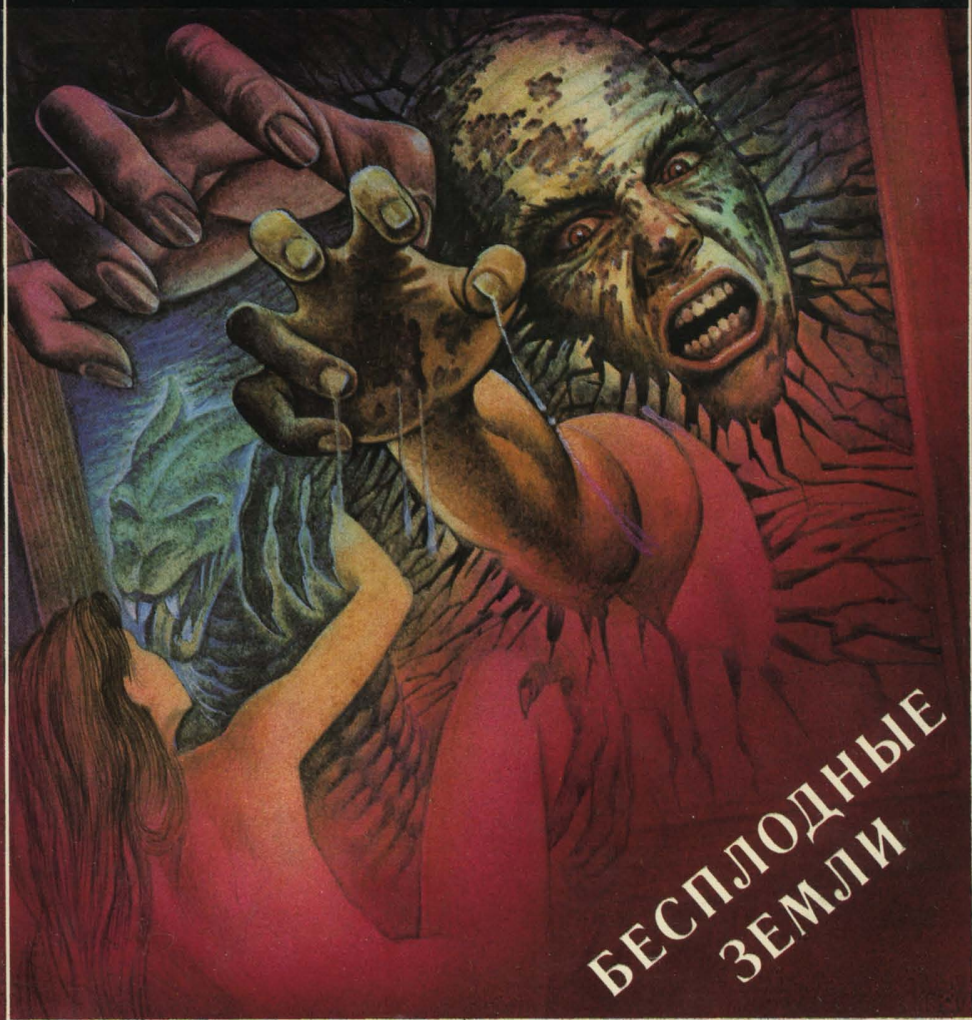

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

БЕСПЛОДНЫЕ
ЗЕМЛИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

Львов
СИГМА
1996

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 40

Stephen King

THE WASTE LANDS

Стивен Кинг
БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ : роман

Copyright © by Stephen King

ISBN 0-7515-0050-X

Темная Башня III

**БЕСПЛОДНЫЕ
ЗЕМЛИ**

*Что там за корни в земле, что за ветви растут
Из каменной почвы? Этого, сын человека,
Ты не скажешь, не угадаешь, ибо узнал лишь
Грудю поверженных образов там, где солнце палит,
А мертвое дерево тени не даст, ни сверчок — утешенья,
Ни камни сухие — журчанья воды. Лишь
Тут есть тень под этой красной скалой
(Приди же в тень под этой красной скалой),
И я покажу тебе нечто, отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку;
Я покажу тебе ужас в пригоршине праха.*

Т.С.Элиот «Бесплодная земля»
(Перевод А. Сергеева.)

*Когда ж порой случалось вознестись
Чертополоха стеблю над травой
Косматой непокорной головой,
Ее упрямо устремляя ввысь,
Сонм родичей согбенных «Покорись!»
Роптал, терзаясь ревностью злой.
В шершавых смуглых стрелках щавеля,
Истоптанных в сплошной кровоподтек
(Как будто чтоб отринуть и намек
На чаяние зелени), земля
Сквозь дыры светит — кто наоставлял
Прорех и погубил живой листок?
Кто здесь прошел, калеча и топча
Былинку ль, нежный стебелек с цветком,
Колючку ли? Поведает о ком
Оттиснутая в мураве печать?
Должно быть, выбрел зверь лесной из чащ,
Своим звериным умыслом влеком.*

Роберт Браунинг «Чайльд Роланд»

— Что это за река? — лениво спросила Миллисент.
— Всего лишь ручей. Ну, может быть, не ручей, а речонка. Она называется Пустоструйка.
— Правда?
— Да, — подтвердила Унифред, — именно так.

Роберт Эйкман, «Рука руку моет»

Краткое содержание

«Бесплодные земли» — третья часть длинной истории, навеянной и в известной степени основывающейся на эпической поэме Роберта Браунинга «Чайльд Роланд к башне темной пришел».

Первая книга, «Стрелок», рассказывает о том, как Роланд, последний стрелок в мире, «сдвинувшемся с места», преследует и в конце концов догоняет человека в черном, чародея по имени Уолтер, который в ту пору, когда Срединному Миру — Межземелью — еще удавалось сохранять единство, притворно добивался дружбы с отцом Роланда. Догнать этого колдуна-получеловека — не конечная цель Роланда, а лишь очередная веха на пути к могущественной и таинственной Темной Башне, стоящей в нексусе времени.

Собственно, кто такой Роланд? Каков был его мир до того, как сдвинулся с места? Что есть Башня, и для чего он с таким упорством ищет ее? Мы располагаем лишь обрывочными ответами. Роланд, безусловно, своего рода рыцарь, один из тех, кому поручено сохранить (или, возможно, спасти) мир, запечатлевшийся в их памяти «проникнутым любовью и светом». Однако, насколько воспоминания Роланда соответствуют тому, каков был его мир на самом деле, вопрос весьма спорный.

Мы знаем, что, раскрыв любовную связь своей матери с Мартеном, чародеем куда более могущественным, чем Уолтер, Роланд был принужден до срока пройти испытание на зрелость; мы знаем, что это Мартен, в надежде что мальчик не выдержит испытания и будет «отослан на Запад», в безлюдные пустыни, устроил так, чтобы Роланд узнал об интрижке матери; нам известно, что, выдержав испытание, Роланд камня на камне не оставил от планов Мартена.

Нам также известно, что между миром стрелка и нашим миром существует некая странная, но основополагающая связь и что сообщение между мирами порой возможно.

В пустыне, на постоялом дворе у давно заброшенного почтового тракта, Роланд встречает мальчика по имени Джейк — мальчика, чья

жизнь в нашем мире оборвалась; мальчика, которого толкнули под колеса автомобиля на перекрестке в центре Манхэттена. Джейк Чэмберс умер под пристальным взглядом человека в черном, Уолтера, и очнулся в мире Роланда.

Им не удастся вместе догнать человека в черном — Джейк погибает во второй раз... теперь из-за того, что стрелок, поставленный перед вторым мучительнейшим выбором в своей жизни, решает пожертвовать символическим сыном. Роланду предоставлено выбирать между Башней и мальчиком, и он избирает Башню. Последнее, что Джейк говорит стрелку перед тем, как сорваться в пропасть: «Раз так, идите. Есть и другие миры, не только этот».

Последнее столкновение Роланда и Уолтера происходит на пропаленной голгофе, усеянной гниющими костями. Человек в черном предсказывает Роланду будущее по колоде карт Таро, обращая особое внимание стрелка на три *очень* странные карты — это Невольник, Владычица Теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

Вторая книга, «Двери между мирами», начинается с того, что вскоре по завершении своего столкновения с Уолтером смертельно усталый стрелок пробуждается среди ночи на берегу Западного Моря и обнаруживает, что прилив принес с собой стаю ползучих плотоядных созданий, «кошмарных омаров». До того как Роланду удастся ускользнуть за ограниченные пределы досягаемости хищных тварей, омары серьезно ранят его. Стрелок лишается большого и указательного пальцев правой руки. В довершение всего отравленный ядом омароподобных чудовищ Роланд, вновь пустившись краем Западного Моря на север, в дороге заболевает... быть может, смертельно.

На пути Роланда оказываются три двери — они стоят на прибрежном песке свободно, ничем не закрепленные. Каждая из дверей открывается — для Роланда и только для Роланда — в наш мир; собственно, в тот большой город, где жил Джейк. Стремясь спасти свою жизнь и переправить в свой мир тех троих, что должны сопровождать его к Темной Башне, Роланд трижды посещает Нью-Йорк в трех разных точках нашего временного континуума.

Эдди Дийн — это *Невольник*, пристрастившийся к героину молодой человек из Нью-Йорка конца восьмидесятых. Шагнув у себя в дверь на морском берегу, Роланд оказывается в сознании Эдди Дийна в ту минуту, когда Эдди, выступающий в роли «челнока» (он везет кокаин для субъекта по имени Энрико Балазар), приземляется в аэропорту Кеннеди. В ходе их с Эдди мучительных совместных приключений Роланду удастся достать немного пенициллина и переправить Эдди Дийна в свой мир. Героиноман Эдди, обнаружив, что умыкнут туда, где героина (а также, к слову сказать, и жареной курочки, столь любимой морячком Лупоглазом) нет и в помине, мягко говоря, не испытывает восторга.

Вторая дверь приводит Роланда к *В. дыщице Теней* — на самом деле это две женщины в одном теле. На сей раз Роланд неожиданно для себя оказывается в Нью-Йорке начала шестидесятых, в обществе прикованной к инвалидному креслу молодой активистки движения за права человека. Зовут ее Одетта Холмс. Внутри Одетты прячется хитрая, коварная и полная ненависти Детта Уокер. Но результат перемещения этой «двойной» женщины в мир Роланда для Эдди и быстро слабеющего стрелка эфемерен. Одетта убеждена, что происходящее с ней — не то сон, не то иллюзия; Детта, наделенная умом гораздо более грубого, по-звериному прямого склада, не мудрствуя лукаво целиком посвящает себя задаче убить Роланда и Эдди, которые видятся ей белыми дьяволами-мучителями.

Джек Морт, серийный убийца, скрывающийся за третьей дверью (Нью-Йорк середины семидесятых), — это *Смерть*. Морт дважды становился причиной больших перемен в жизни Одетты Холмс-Детты Уокер, хотя ни они обе, ни он сам об этом не знают. За свою безумно (но — о! — так осмотрительно) прожитую жизнь Морт, чей *modus operandi*¹ — либо толкать жертву, либо что-нибудь сбрасывать на нее сверху, успел проделать с Одеттой и то, и другое. Когда Одетта была ребенком, он сбросил ей на голову кирпич, отчего девочка впала в кому, а на свет явилась Детта Уокер, тайная сестра Одетты. Много лет спустя, в 1959 году, в Гринвич-вилледж Морт вновь случайно встречает Одетту и толкает ее под поезд метро. Вопреки замыслу Морта, Одетта снова остается в живых; впрочем, дорогой ценой: подъезжающий к станции поезд отрезал ей обе ноги. Лишь присутствие самоотверженного молодого врача (и, быть может, злобного, но неукротимого духа Детты Уокер) спасает ей жизнь... или так кажется. На взгляд Роланда, эти взаимосвязи предполагают действие силы гораздо более могущественной, чем простое совпадение; он убежден, что титанические силы, витающие вокруг Темной Башни, вновь стягиваются к ней.

Роланд узнает, что Морт, возможно, — ключ еще к одной тайне, разгадка парадокса, способного свести с ума. Ибо жертва, к которой подкрадывается Морт в миг, когда стрелок входит в его жизнь, — не кто иной, как Джейк, мальчик, встреченный Роландом на постоялом дворе и сгинувший под горами. Роланд никогда не имел причин ни сомневаться в рассказе Джейка об обстоятельствах его гибели в нашем мире, ни задаваться вопросом, кто был убийцей Джейка — разумеется, Уолтер. Когда вокруг того места, где лежал умирающий Джейк, собралась толпа, мальчик увидел его, одетого священником, и описание не вызвало у Роланда ни малейших сомнений.

Он и поныне уверен: о да, Уолтер, бесспорно, был там. Но предположим, Джек Морт, а не Уолтер толкнул Джейка под колеса

¹ *Modus operandi* — метод действия (лат.)

подъезжающего «Кадиллака». Возможно ли это? Роланд затрудняется сказать наверняка, однако, если дело обстоит именно *так*, где же сейчас Джейк? Мертв? Жив? Застрел где-то во времени? А если Джейк Чэмберс по-прежнему живет и здравствует в своем родном мире Манхэттена середины семидесятых, *почему Роланд еще помнит о нем?*

Несмотря на такое повергающее в недоумение и, возможно, опасное развитие событий, испытание дверьми между мирами — и извлечением троих — заканчивается для Роланда успешно. Эдди Дийн примиряется со своим местом в мире Роланда, потому что влюбляется во Владычицу Теней. Детта Уокер и Одетта Холмс, номер два и номер три из тройки Роланда, сливаются в единую личность, сочетающую в себе черты и Детты, и Одетты, когда стрелок наконец оказывается в силах заставить оба этих «я» признать друг друга. Получившийся гибрид способен и принять любовь Эдди, и ответить на нее. Одетта Сюзанна Холмс и Детта Сюзанна Уокер, таким образом, превращаются в новую женщину — *третью*: Сюзанну Дийн.

Джек Морт гибнет под колесами поезда метро — того самого легендарного поезда «А», который пятнадцатью или шестнадцатью годами раньше отхватил ноги Одетте. Невелика потеря.

А Роланд Галаадский впервые за столько лет, что и не счесть, больше не одинок в своем странствии, в поиске Темной Башни. Катберта и Аллена, сопровождавших его во дни давно минувшие, сменили Эдди и Сюзанна... но у стрелка есть одна особенность: он приносит друзьям несчастье.

«Бесплодные земли» подхватывают нить повествования о приключениях трех пилигримов на просторах Межземелья спустя несколько месяцев после столкновения у последней двери на взморье. Путники уже изрядно углубились внутрь материка. Время отдыха близится к концу, пришла пора учения. Сюзанна учится стрелять... Эдди — резать по дереву... а стрелок познает, каково по капле терять рассудок.

(Замечу еще одно: мои нью-йоркские читатели поймут, что я позволил себе некоторые вольности в обращении с географией города. Надеюсь, меня можно за это простить.)

Книга первая

**ДЖЕЙК:
Ужас в пригоршне
праха**

Часть 1

МЕДВЕДЬ И КОСТЬ

1

В третий раз она имела дело с боевыми патронами... И впервые ей предстояло выхватить револьвер из кобуры, сооруженной для нее Роландом.

Боевых патронов у них было вдоволь; вернувшись из мира, где до поры своего извлечения жили-поживали Эдди и Сюзанна Дийн, Роланд принес их три с лишним сотни. Но иметь вдоволь боеприпасов не означало, что их можно транжирить; собственно говоря, совсем напротив. Боги не одобряют мотовства. Роланд, воспитанный в этом убеждении сперва отцом, а затем величайшим из своих Учителей, Кортон, и по сей день твердо верил: боги не обязательно карают сразу, но рано или поздно час расплаты неизбежно настает... И чем ожидание дольше, тем оно тягостнее.

Как бы то ни было, поначалу боевые патроны не были нужны. Роланд, занимавшийся стрельбой так давно, что красавица негритянка в инвалидном кресле и не поверила бы, первое время делал ей замечания, ограничиваясь наблюдением за тем, как она целится и имитирует стрельбу по установленным им мишеням. Она училась быстро. И она и Эдди — оба учились быстро.

Как и подозревал Роланд, оба родились стрелками.

Сегодня Роланд с Сюзанной пришли на поляну, которую от лесного лагеря, вот уже два месяца служившего им пристанищем, отделяло меньше мили. Дни шли, приятно похожие один на другой. Стрелок исцелялся телом, а Сюзанна и Эдди меж тем учились тому, чему он непременно должен был их научить: как выследить, подстрелить и выпотрошить добычу; как сперва растянуть, а затем выдубить и просушить шкуры убитых ими животных; как использовать возможно больше, чтобы ни единая часть звериной туши не пропала даром; как находить север по Древней Звезде и восток — по Праматери; как слушать лес, в котором они очутились, — за шестьдесят, а то и больше, миль к северо-востоку от Западного Моря. Эдди сегодня

остался в лагере, но стрелка это не смутило. Роланд знал: дольше всего помнишь те уроки, что даешь себе сам.

Однако важнейшим по-прежнему оставался тот урок, что всегда был самым значительным: как стрелять и неизменно попадать в цель. Как убивать.

По краю поляны неровным полукругом выстроились темные душистые ели. Южнее земля внезапно обрывалась и круто уходила на триста футов вниз рядами осыпающихся сланцевых карнизов и разломами утесов, подобными маршу исполинской лестницы. Посреди поляны журчал вытекающий из чащи чистый прозрачный ручей; он бежал по глубокому руслу, прорытому в ноздреватой земле и рыхлом крошащемся камне, чтобы затем хлынуть по колючему от острых каменных осколков скальному ложу, отлого нисходящему к обрыву.

Вода падала по этим ступеням каскадами, образуя множество красивых дрожащих радуг. За краем обрыва лежала великолепная глубокая долина, тесно заросшая все теми же елями; лишь несколько огромных старых вязов заартачились и не позволили себя выжить. Эти последние возвышались над темной хвоей, красуясь пышными, сочно-зелеными кронами, — деревья, состарившиеся, быть может, еще до того, как родной край Роланда вступил в пору юности; никаких признаков того, что долине случалось гореть, стрелок не замечал, хотя полагал, что вязы нет-нет да и притягивали молнию-другую. И что молнии были не единственной опасностью. Когда-то давным-давно в лесу жили люди — за минувшие недели Роланд несколько раз наткнулся на следы их пребывания. Артефакты¹ эти по большей части были примитивны, но среди них попадались черепки глиняной посуды, какую можно было изготовить только на огне. А огонь — штука злобная, с восторгом ускользающая из рук, давших ей жизнь.

Над этим, словно взятым из детской книжки, пейзажем возносился свод безупречно синего неба, в котором несколькими милями дальше, крича хриплыми старческими голосами, кружили вороны. Казалось, их снедает тревога, точно надвигалась гроза. Роланд потянул носом, но дождем и не пахло.

Слева от ручья лежал валун. На нем Роланд разложил шесть обломков камня. Все они были густо испещрены вкраплениями слюды и в теплом послеполуденном свете блестели, как отшлифованные стекла.

— Последняя возможность, — сказал стрелок. — Если кобура неудобна, пусть хоть самую малость, скажи сейчас. Мы пришли сюда не затем, чтоб зря переводить патроны.

¹ Артефакт — след материальной культуры древнего человека.

Вскинув бровь, Сюзанна сардонически взглянула на него, и на миг Роланд разглядел в ее глазах Детту Уокер. Так порой в пасмурный день сверкнет на стальном бруске солнечный луч.

— А что бы ты сделал, если б она *была* неудобная, но я не сказала бы тебе об этом? Если бы я все шесть этих крохотных фиговинок услала в белый свет как в копеечку? Дал бы мне по темечку, как тот старикан, ваш учитель?

Стрелок улыбнулся. В последние пять недель он улыбался чаще, чем в пять последних лет.

— Этого я сделать не могу, ты же знаешь. Во-первых, мы были детьми — детьми, еще не прошедшими обряда посвящения в мужчины. Дать оплеуху в наказание дитяти можно, но...

— В моем мире приличные люди не одобряют, когда милых крошек угощают колотушками, — сухо сообщила Сюзанна.

Роланд пожал плечами. Ему было трудно представить себе подобный мир — разве не говорилось в Великой Книге: «Кто щадит дитя, тот его губит»? — но он не думал, что Сюзанна лжет.

— Ваш мир не сдвигался с места, — сказал он. — Там многое по-другому. Согласись, я видел это своими глазами.

— Наверное.

— Во всяком случае, вы с Эдди — не дети. Было бы неверно обращаться с вами, как с детьми. Если и требовались испытания, вы оба их выдержали.

Роланд, хотя и ничего не сказал Сюзанне, думал о том, чем завершилось их приключение на морском берегу — Сюзанна тогда ко всем чертям разнесла трех неуклюжих омароподобных тварей раньше, чем те успели ободрать его и Эдди до костей. Он заметил ее ответную улыбку и подумал, что, пожалуй, она вспомнила о том же.

— Ну, так что ты собираешься делать, если я промажу?

— Посмотрю на тебя. Думаю, этого будет довольно.

Сюзанна задумалась, потом кивнула.

— Пожалуй.

Она снова проверила револьверный ремень. Он шел через грудь, почти как ремень кобуры скрытого ношения (приспособления, которое Роланд мысленно называл «докерской лямкой»), и выглядел довольно немудрено, но на то, чтобы должным образом довести эту португую до ума, потребовалась не одна неделя проб и ошибок и основательная подгонка. Ремень и револьвер (его источенная временем сандаловая рукоять сторожко торчала из допотопной промасленной кобуры) в свое время принадлежали стрелку; кобура тогда висела у его правого бедра. В последние пять недель немало времени у Роланда ушло на то, чтобы понять: больше ей там не висеть никогда. Спасибо чудовищным омарам, теперь он окончательно и бесповоротно стал левшой.

— Ну так как? — снова спросил он.

На этот раз Сюзанна рассмеялась.

— Роланд, удобней это старье уже никогда не будет. Ладно. Ты хочешь, чтобы я стреляла, или будем просто сидеть и слушать вороний концерт?

Он почувствовал, как под кожей у него закопошились крохотные колкие пальчики напряжения, и подумал, что в подобные минуты, вероятно, даже внешне угрюмый, неприветливый и деланно-грозный Корт ощущал нечто весьма схожее. Роланду хотелось, чтобы Сюзанна стреляла хорошо... ему нужно было, чтобы она хорошо стреляла. Однако показывать, как сильно он этого хочет, как остро в этом нуждается, было нельзя; это могло бы привести к катастрофе.

— Еще раз скажи мне свой урок, Сюзанна.

Та вздохнула в притворном раздражении... но заговорила, и тогда ее улыбка растаяла, а красивое темное лицо стало серьезным. И вновь стрелок услышал, как с губ Сюзанны, обретая в ее устах новизну, слетают старые вопросы и ответы. Как естественно они звучали... и вместе с тем — как странно и страшно:

— Не рукой целюсь; та, что целится рукою, забыла лик своего отца.

Оком целюсь.

Не рукой стреляю; та, что стреляет рукою, забыла лик своего отца. Разумом стреляю.

Не из револьвера убиваю...

Она внезапно умолкла и указала на сверкающие слюдой камни на валуне.

— Все равно убить я никого не убью — это же просто *камешки*, малюпусенькие *камешки*.

Судя по выражению ее лица — чуть надменному, чуть капризному, — она полагала, что Роланд придет в раздражение, возможно, даже рассердится. Роланд, однако, в свое время сам побывал в теперешнем положении Сюзанны и не забыл, что ученики отличаются неуживчивостью и горячностью, что они самонадеянны и способны укусь в самый неподходящий момент... А еще он открыл в себе неожиданный талант. Он умел учить. Более того, ему *нравилось* учить, и время от времени он ловил себя на том, что гадает, не справедливо ли это и в отношении Корта. Ему думалось, что справедливо.

Снова раскричались вороны, хрипло, резко, теперь в лесу, у них за спиной. Какая-то частица сознания Роланда отметила, что эти новые крики звучали скорее обеспокоенно, чем просто сварливо; птицы галдели так, будто их вспугнули во время кормежки. Однако раздумывать над тем, что распугало стаю ворон, Роланду было недосуг, у него имелся более важный предмет для размышлений, и он просто отправил полученную информацию в архив, вновь сосредоточив все свое внимание на Сюзанне. Поступить с учеником иначе — значило напроситься на второй, менее игривый укус. С кого тогда следовало бы спрашивать? С кого, как не с учителя? Разве не

учил он Сюзанну больно кусаться? Разве не учил он этому их *обоих*? Сорвите со стрелка доспехи считанных суровых строк обряда, заглушите стальной перезвон немногих ритуальных вопросов и ответов, и не в том ли окажется его суть? Разве не окажется он (или она) всего лишь человеком-соколом, выученным клевать по команде?

— Нет, — возразил он. — Это не камни.

Сюзанна, приподняв брови, снова заулыбалась. Теперь, когда она поняла, что стрелок — по крайней мере, *пока* — не вспылит, как бывало порой, когда она выказывала нерасторопность или непокорность, в ее глаза вернулся глумливый блеск солнца на стали, ассоциировавшийся у Роланда с Деттой Уокер.

— Неужто нет? — Она все еще беззлобно поддразнивала его, но стрелок подумал, что, если позволить, это добродушное подтрунивание превратится в злую издевку. Сюзанна была напряжена, взвинчена и наполовину выпустила когти из мягких лап.

— *Нет*, — повторил он, отвечая насмешкой на насмешку. Теперь и его губы вновь начинали складываться в улыбку, но в улыбке этой не было ни мягкости, ни веселья. — Сюзанна, ты помнишь *кобелей белокопых*?

Ее улыбка начала блекнуть.

— *Кобелей белокопых* из Оксфорд-Тауна?

Улыбка исчезла.

— Ты помнишь, что эти *кобели белокопые* сделали с тобой и с твоими друзьями?

— Это была не я, — сказала Сюзанна. — Это была другая женщина. — Ее глаза потускнели, в них появилось угрюмое выражение. Роланд терпеть не мог, когда она так смотрела, что, впрочем, вовсе не мешало ему чувствовать одобрение: это был *надлежащий* взгляд; взгляд, говоривший о том, что растопка горит хорошо и скоро огонь перекинется на поленья.

— Нет. Ты. Нравится тебе это или нет, это была Одетта Сюзанна Холмс, дочь Алисы Уокер Холмс. Не *теперешняя* ты — ты *прежняя*. Помнишь пожарные шланги, Сюзанна? А золотые зубы помнишь — ты увидела их, когда тебя и твоих друзей с хохотом поливали из брандспойтов в Оксфорде — помнишь, как сверкали эти зубы?

За множество долгих ночей у маленького костра она рассказывала им с Эдди и об этом, и о многом другом. Стрелок понимал не все, но слушал внимательно. И запоминал. В конце концов, боль — орудие. Иногда самое лучшее орудие.

— Какая муха тебя укусила, Роланд? Зачем тебе нужно, чтобы я вспоминала всякую мерзость?

Теперь угрюмые глаза блестели угрожающе; они напомнили ему глаза Аллена, какими те делались, когда добряка Аллена наконец удавалось вывести из себя.

— Эти камни — люди, — негромко проговорил Роланд. — Те люди, что заперли тебя в камере, предоставив тебе обмараться. Люди

с дубинками и собаками. Люди, которые обзывали тебя черномазой п**дой.

Он наставил на валун палец и повел его слева направо:

— Вот тот, который ущипнул тебя за грудь и захохотал. Вот тот, который сказал, что предпочитает проверить, не запихала ли ты что-нибудь себе в задницу. Вот тот, что обозвал тебя шимпанзе в пятисотдолларовом платье. Вот тот, который все водил и водил дубинкой по спицам колес твоего кресла, покуда тебе не начало казаться, что этот звук сведет тебя с ума. Вот тот, который обозвал твоего друга Леона *красным пидором*. А вот этот, последний, Сюзанна, — это Джек Морт. Вот они. Эти камни. *Эти люди*.

Дыхание Сюзанны участилось, грудь под патронной лентой с тяжелым грузом пуль поднималась и опускалась быстрыми короткими толчками. На Роланда она уже не смотрела; ее взгляд был устремлен на пестревшие крапинками слюды обломки камня. Позади, в некотором отдалении, с треском повалилось дерево. К нестройному вороньему хору в небе добавились новые голоса. С головой уйдя в игру, которая перестала быть игрой, ни стрелок, ни женщина этого не заметили.

— Да ну? — выдохнула Сюзанна. — Вон как?

— Да, так. Ну — скажи же свой урок, Сюзанна Дийн, и скажи без ошибки.

Теперь слова падали с ее губ кусочками льда. Правая рука на подлокотнике инвалидного кресла едва заметно дрожала, как мотор, работающий вхолостую.

— Не рукой целюсь; та, что делится рукою, забыла лик своего отца.

Оком целюсь.

— Хорошо.

— Не рукой стреляю; та, что стреляет рукою, забыла лик своего отца.

Разумом стреляю.

— Так было испокон веку, Сюзанна Дийн.

— Не из револьвера убиваю; та, что убивает из револьвера, забыла лик своего отца.

Сердцем убиваю.

— Так **УБЕЙ** же, во имя отца своего! — крикнул Роланд. — **УБЕЙ ИХ ВСЕХ!**

Рука Сюзанны расплывчатым пятном мелькнула между подлокотником кресла и рукояткой шестизарядного револьвера Роланда. Секунда — и револьвер был выхвачен; левая рука молодой женщины пошла вниз, взводя курок неуловимо быстрыми движениями, мягкими и бархатисто-легкими, как взмахи трепещущего крылышка колибри. Над долиной глухо прогрехотали шесть выстрелов, и пять из шести каменных обломков, выставленных на валуне, в мгновение ока перестали существовать.

Секунду-другую, покуда перекатывалось затихающее эхо, ни Роланд, ни Сюзанна не заговаривали и словно бы даже не дышали. Безмолвствовало (по крайней мере, пока) и воронье. Стрелок нарушил молчание двумя невыразительными, но странно категоричными словами:

— Весьма похвально.

Сюзанна посмотрела на револьвер в своей руке так, точно видела его впервые. От дула поднималась тонкая струйка дыма — абсолютно прямая в безветренной тиши. Молодая женщина медленно вернула револьвер в кобуру под грудью.

— Похвально, но не идеально, — наконец сказала она. — Один раз я промазала.

— Разве? — Роланд подошел к валуну и взял в руки уцелевший обломок камня. Мельком взглянул на него и перебросил Сюзанне.

Она поймала камень левой рукой; правая, с одобрением заметил Роланд, оставалась подле убранный в кобуру револьвера. Сюзанна стреляла лучше и свободнее Эдди, но именно этот урок усвоила не так быстро, как он. Будь она с ними во время перестрелки в ночном клубе у Балазара, возможно, это произошло бы быстрее. Роланд видел: теперь она наконец учится и этому. Сюзанна посмотрела на камень и в верхнем углу увидела отметину — выбоинку глубиной от силы в одну шестнадцатую дюйма.

— Ты его только зацепила, — сказал Роланд, возвращаясь, — но в стрельбе подчас царапина — это все, что требуется. Если зацепишь кого-нибудь, собьешь ему прицел... — Он умолк. — Почему ты так на меня смотришь?

— Ты что же, не понимаешь? В самом деле не понимаешь!

— Нет. Твои мысли часто закрыты для меня, Сюзанна.

В его голосе не было ни капли ершистости, и Сюзанна раздраженно потрянула головой. Быстрый, изобилующий поворотами и пируетами танец, в котором кружилось ее «я», порой нервировал Роланда; на Сюзанну такое же действие неизменно оказывала кажущаяся неспособность стрелка говорить о чем-либо помимо того, что непосредственно занимало его мысли. Роланд был самым большим *буквалистом*, с каким ей доводилось сталкиваться.

— Ладно, — сказала она, — я *объясню* тебе, почему я так на тебя смотрю, Роланд. Потому что ты сделал подлость, вот почему. Ты сказал, что не поднимешь на меня руку, *не сможешь* поднять на меня руку, пусть даже я *вконец* распоясаюсь... Но ты либо соврал, либо глуп как пень, а я *знаю*, что ты вовсе не дурак. Быют не всегда рукой, как может засвидетельствовать любая женщина и любой мужчина моей расы. Там, откуда я родом, есть короткая поговорка: слово не обух...

— ...костей не ломает, — закончил Роланд.

— У нас вообще-то говорится несколько иначе, но я полагаю, это достаточно близко. Как ни скажи, все равно чушь собачья. То, что ты мне устроил, неспроста называется «словесной поркой». От твоих слов

мне больно, Роланд, они оскорбительны... Ты собираешься и дальше стоять здесь и уверять, будто не знал, что так получится?

Она сидела в кресле, сурово, пытливо и настороженно глядя на Роланда снизу вверх, и он — уже не в первый раз — подумал, что инвалидное кресло инвалидным креслом, но *беложопым кобелям* в родном краю Сюзанны надо было обладать либо недюжинной смелостью, либо непроходимой тупостью, чтобы злить эту женщину. И, поскольку Роланду довелось ходить меж них, он не думал, что ответ на вопрос — смелость.

— Менее всего меня заботило, обидишься ты или нет, — терпеливо сказал он. — Я заметил, что ты показываешь зубки, и понял, что ты вознамерилась укусить, а потому сунул тебе в пасть палку. Это возмело действие... не так ли?

Теперь ее лицо выражало обиженное изумление.

— Ах ты *гад!*

Вместо ответа стрелок забрал револьвер из Сюзанниной кобуры, двумя уцелевшими пальцами правой руки неловко откинул в сторону барабан и левой рукой принялся перезаряжать каморы.

— В жизни не видела такого наглого, такого беспардонного...

— Тебе *непременно* нужно было укусить, — сказал Роланд прежним терпеливым тоном. — Не то ты стреляла бы совсем не так, как должно, — рукою и револьвером вместо ока, разума и сердца. Почитать ли это подлой уловкой? Почитать ли это наглостью? Думаю, нет. Я думаю, Сюзанна, что наглость, своеволие и спесь нашли прибежище в *твоем* сердце. Я думаю, что это *ты* горазда на всякие подвохи и каверзы. Впрочем, это меня не тревожит. Совсем напротив. Стрелок без зубов — не стрелок.

— Черт возьми, я-то *не* стрелок!

Он оставил эту реплику без внимания; он мог себе это позволить. Если Сюзанна не стрелок, он — косолап-пересмешник.

— Будь это игра, возможно, я повел бы себя иначе. Но это не игра. Это...

Роланд на мгновение поднес здоровую руку ко лбу и задержал ее там, растопырив пальцы над левым виском. Кончики пальцев, увидела Сюзанна, едва заметно дрожали.

— Что тебя беспокоит, Роланд? — мирно спросила она.

Рука медленно опустилась. Стрелок вставил барабан на место и вернул револьвер в кобуру.

— Ничего.

— Нет, чего. Я же видела. И Эдди тоже. Это началось почти сразу после того, как мы ушли от моря. Что-то неладно, и становится все хуже.

— Все в порядке, — повторил он.

Протянув обе руки, Сюзанна забрала ладони стрелка в свои. Ее злость прошла — по крайней мере, в эту минуту. Она серьезно взглянула Роланду в глаза.

— Мы с Эдди... этот мир нам чужой, Роланд. Без тебя мы здесь неизбежно погибнем. Пусть с твоими револьверами, пусть умея стрелять — ты научил нас стрелять достаточно хорошо, — мы все равно неминуемо погибнем. Мы... мы зависим от тебя. Поэтому расскажи мне, что неладно. Позволь мне попытаться помочь. Позволь нам попытаться помочь.

Роланд никогда не относился к тем людям, которые хорошо разбираются в себе или хотели бы разобраться; концепция самосознания (не говоря уже о самоанализе) была ему чужда. В его обычае было действовать — быстро справиться, что же подсказывает ему его абсолютно загадочная внутренняя механика, и действовать. Из них троих стрелок был устроен наиболее совершенно: глубоко романтическая сущность этого человека была заключена в варварски простую оболочку, славящуюся из природного чутья и прагматизма. Вот и теперь Роланд быстро прислушался к себе — и решил все рассказать Сюзанне. О да, с ним *творилось* что-то неладное. Вне всяких сомнений. Неладное творилось с его рассудком — что-то простое, под стать его натуре, и такое же таинственное, как та странная бродячая жизнь, к какой эта натура его побуждала.

Он уже раскрыл рот, чтобы сказать: «Я растолкую тебе, что неладно, Сюзанна, и сделаю это всего в трех словах: я схожу с ума». Но не успел издать и звука, как в лесу повалилось еще одно дерево — повалилось с оглушительным скрипом и треском, ближе, чем первое. Не будучи на сей раз так сильно увлечены замаскированным под урок поединком воли, и Роланд и Сюзанна услышали этот треск, услышали поднявшийся следом взволнованный вороний грай, и оба отметили тот факт, что дерево рухнуло неподалеку от их лагеря.

Взгляд широко раскрытых, испуганных глаз Сюзанны, обращенный в ту сторону, откуда донесся шум, вернулся к лицу стрелка. «Эдди!» — сказала она.

Позади них над темно-зеленой цитаделью леса раскатился рев — оглушительный вопль ярости. Снова рухнуло дерево, за ним еще одно. Шум, с каким они валились, напоминал ураганный минометный огонь. «Сухой лес, — подумал стрелок. — Мертвые деревья».

— Эдди! — Сюзанна сорвалась на пронзительный крик. — Что бы это ни было, оно около Эдди! — Ее руки метнулись к колесам инвалидного кресла, начиная тяжелую, утомительную работу — разворот.

— Оставь, некогда. — Роланд подхватил Сюзанну под мышки и вытащил из кресла. И ему, и Эдди уже случалось носить ее, когда дорога становилась слишком неровной для инвалидной коляски, но Сюзанну по-прежнему изумляло пугающее, безжалостное проворство стрелка. Только что она сидела в своем инвалидном кресле, купленном осенью шестидесят второго в лучшем нью-йоркском магазине медицинской техники, и вот уже, словно капитан команды болельщиков,

рискованно балансирует у Роланда на плечах, крепко обхватив мускулистыми бедрами его шею, а он, закинув руки за голову, вжимает ладони ей в поясницу. Стрелок пустился бегом, шлепая разбитыми сапогами по устланной хвоей земле между колеями, оставленными колесами инвалидного кресла.

— Одетта! — крикнул он, в минуту сильного волнения возвращаясь к имени, под которым впервые узнал ее. — Не потеряй револьвер! Отцом твоим заклинаю!

Роланд во весь дух мчался между деревьями. Он увеличил и без того размашистый шаг, и по ним с Сюзанной подвижной мозаикой заскользило кружево тени вперемежку с яркими цепочками солнечных бликов. Дорога пошла под уклон. Сюзанна подняла левую руку, чтобы отвести ветку, вознамерившуюся сбить ее с плеч стрелка, и в тот же миг резко опустила правую, придерживая рукоять старинного револьвера.

«Мила, — подумала она. — Сколько нужно времени, чтобы пробежать милью? Сколько понадобится времени, если Роланд будет так выкладываться? Если он сумеет держать темп на этих скользких иголках — немного... но, может, и слишком много. Господи, пусть с Эдди ничего не случится... пусть с моим Эдди ничего не случится».

Словно в ответ она услышала, как невидимый зверь вновь взревел. Его оглушительный голос был точно гром. Точно приговор.

2

В лесах, некогда известных как Великие Западные Леса, он был самым большим созданием. И самым древним. Многие из огромных старых вязов, замеченных Роландом в долине внизу, были еще только-только пробившимися из земли прутиками, когда этот медведь явился из туманных неизведанных просторов Внешнего Мира, словно жестокий странствующий монарх.

Когда-то в Западных Лесах жили люди Древнего Племена (это их следы в последние недели время от времени попадались Роланду) — жили в вечном страхе перед исполинским бессмертным медведем. Обнаружив, что на новых землях, куда они пожаловали, они не одни, люди сначала пытались убить его, но их стрелы, хоть и приводили зверя в ярость, не причиняли серьезного вреда. Зато, не в пример прочим лесным тварям, не исключая и хищных кустарниковых кошек, что устраивали себе логова и производили на свет потомство в дюнах на западе, великана не ставил в тупик источник его мучений. Нет; он, этот медведь, знал, откуда берутся стрелы. Знал. И за каждую стрелу, нашедшую цель в живой плоти под косматой шкурой, забирал у Древнего Племена троих, четверых, а то и целую дюжину. Детей, если мог до них добраться; женщин, если не мог. Воинами он пренебрегал, и это было унижительнее всего.

С течением времени людям стала ясна истинная природа зверя, и попытки убить его прекратились. Он, конечно же, был воплощением демона — или призраком божества. Они нарекли его «Мьяр», что на языке Древнего Племена означало «мир под миром». Восемнадцать с лишним веков длилось неоспоримое господство этого семидесятифутового медведя в Западных Лесах, и вот он умирал. Возможно, поначалу орудием смерти стало некое микроскопическое живое существо, попавшее в медвежий организм с едой или питьем; возможно, винить следовало весьма преклонный возраст великана; скорее всего, дело было в сочетании того и другого. Важна была не причина, а окончательный результат: невероятный, потрясающий мозг косматого гиганта опустошала, превратив в свою кормушку, стремительно увеличивающаяся колония паразитов. После многих лет расчетливого звериного здравомыслия Мьяр сошел с ума.

Медведь понял: в его лесу опять появились люди; он правил в этой чаще, и какой бы обширной она ни была, ни одно значительное происшествие в ее пределах не ускользало от его внимания надолго. Он убрался подальше от новоприбывших — не из страха, а оттого, что ему до них, как и им до него, не было никакого дела. Потом за работу взялись паразиты, и чем сильнее Мьяром овладевало безумие, тем больше крепла уверенность лесного исполина в том, что это опять Древнее Племя, что расстановщики капканов и выжигатели леса вернулись и вскоре вновь примутся за прежнее вредное озорство. Только лежа в своей последней берлоге, в добрых тридцати милях от занятого новоприбывшими места, и чувствуя себя на заре каждого следующего дня хуже, чем на закате предыдущего, он пришел к твердому убеждению, что Древнее Племя наконец изыскало действенную пагубу: яд.

На этот раз он шел не затем, чтобы отомстить за пустячную рану — он шел бесследно уничтожить врагов, пока их яд не успел dokonать его... И в дороге мысли исчезли. Осталась лишь багровая ярость, монотонное поскрипыванье заржавленной штуки у него на темени — расположившейся меж ушей вращающейся штуки, которая когда-то делала свое дело в приятной тишине, — да пугающе обострившееся обоняние, которое безошибочно вело его к лагерю трех пилигримов.

Медведь, которого по-настоящему звали не Мьяром, а совершенно иначе, продирался через лес точно некое подвижное сооружение, косматая башня с красновато-коричневыми глазками. В этих глазах тлели безумие и жар лихорадки. Огромная голова, одетая гирляндой сломанных веток и облетевшей хвои, безостановочно вертелась из стороны в сторону. То и дело раздавался приглушенный акустический взрыв — АП-ЧХИ! — зверь чихал, и из мокрых ноздрей летели тучи корчащихся белых паразитов. Лапы, вооруженные трехфутowymi кривыми когтями, раздирали древесные стволы. Он шел, поднявшись на дыбы, продавливая в мягкой черной почве под деревьями глубокие

следы. От него едко пахло свежей смолой и застарелым, закившим дерьмом.

Штука у него на макушке жужжала и поскрипывала, поскрипывала и жужжала.

Курс медведя оставался почти неизменным: прямая, которая должна была привести к становищу тех, кто дерзнул вернуться в его лес, кто посмел с недавних пор наполнить его голову тягостной, неведомой, мучительной болью. Древнее ли это племя, новое ли, оно погибнет. Порой, завидев сухое дерево, он довольно далеко отклонялся от прямой дороги, чтобы повалить мертвый ствол. Оглушительный треск падения — сухой, взрывной — тешил зверя; когда в конце концов дерево во всю свою прогнившую длину растягивалось на лесной подстилке или застревало, привалась к одному из сородичей, медведь спешил дальше в наклонно падающих снопах солнечного света, помутневшего от носившейся в воздухе древесной пыли.

3

Двумя днями раньше Эдди Дийн вновь занялся резьбой по дереву. В последний раз он пробовал что-то вырезать, когда ему было двенадцать. Эдди помнил, что в свое время любил и, кажется, неплохо умел резать по дереву. Помнить последнюю подробность наверняка молодой человек не мог, но на то, что память его не подводит, указывало по меньшей мере одно обстоятельство: Генри, его старший брат, видеть не мог Эдди за этим занятием.

«Ага, — говорил обычно Генри, — гляньте-ка на нашего маменькина сыночка. Что сегодня мастерим, тютя? Домик для куклки? Ночной горшочек для своей писюльки-масюльки? Утеньки, какой СИМПОМПОНЧИК!»

Генри никогда ничего не запрещал Эдди открытым текстом; он никогда не подходил к братишке и не говорил без обиняков: «Будь добр, брось это, браток. Понимаешь, больно здорово у тебя выходит, а мне нож острый, когда у тебя что-нибудь здорово выходит. Потому что, видишь ли, это у *меня* все должно получаться на ять. У *меня*. У Генри Дийна. А стало быть, вот что я, пожалуй, сделаю, брат мой: начну-ка я тебя за определенные вещи поднимать на смех. Я не буду говорить напрямик «не делай так, это меня раздражает», а то еще подумают, будто я — ну, ты понимаешь — с прибабахом. Но дразниться-то можно, ведь старшие братья *всегда* дразнятся, верно? Это ведь часть образа. Я буду дразнить тебя, доводить и высмеивать, пока ты просто-напросто не бросишь это б***ство на х**! Хорэ? Нет возражений?»

На самом-то деле возражения у Эдди *были*, но в семействе Дийн все обычно выходило так, как хотелось Генри. И до самых недавних пор казалось, что это правильно — не *хорошо*, а *правильно*. Тут, если

только вы въезжаете, есть небольшое, но ключевое отличие. Правильным такое положение вещей казалось по двум причинам. Одна лежала на поверхности, вторая — под спудом, в глубине. Видимая причина заключалась в том, что, пока миссис Дийн была на работе, Генри должен был Приглядывать за Эдди. Приглядывать приходилось беспрерывно, поскольку (если только вы въезжаете) когда-то существовала и *сестра* Дийн.

Останься она в живых, она была бы на четыре года старше Эдди и на четыре года моложе Генри, но в том-то, видите ли, и штука, что в живых она *не* осталась. Когда Эдди было два года, ее сбил пьяный водитель. Это случилось, когда она стояла на тротуаре и смотрела, как играют в классики.

Иногда, слушая Мела Аллена, ведущего прямой репортаж по каналу «Янки Бейсбол», маленький Эдди думал о сестре. После чьего-нибудь мощного, поистине пушечного удара Мел зычно гаркал: «Елы-палы, да парень вышиб из него все, что только можно! ДО СКОРЫХ ВСТРЕЧ!» Ну, что ж, и тот пьянчуга вышиб из Селины Дийн все, что только можно, елы-палы, до скорых встреч. Ныне Селина пребывала в заоблачных высях, на необъятной верхней палубе небес, и случилось это не потому, что Селина Дийн уродилась невезучей, и не потому, что штат Нью-Йорк даже после третьего «В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ» решил не херить водительские права сбившего ее пьяного хера, и даже не потому, что Всевышний нагнулся подобрать земляной орешек; это случилось потому (как частенько втолковывала сыновьям миссис Дийн), что некому было Приглядеть за Селиной.

Делом Генри было постараться, чтобы Эдди чаша сия минула раз и навсегда. Вот в чем состояла его работа, и он с ней справлялся, но это давалось, мягко говоря, нелегко — тут мнения Генри и миссис Дийн совпадали. И мать, и брат постоянно напоминали Эдди, скольким Генри пожертвовал, чтобы уберечь Эдди от пьяных за рулем, грабителей, наркоманов и, очень может быть, даже от злобных пришельцев, которые, возможно, крейсируют поблизости от пресловутой верхней палубы и в любой момент могут решить спуститься на атомных реактивных лыжах со своей летающей тарелки, чтобы утащить какого-нибудь карапуза вроде Эдди Дийна. А значит, очень нехорошо заставляя Генри, и без того издерганного такой страшной ответственностью, нервничать еще сильнее. И если Эдди делал что-то и *впрямь* заставлявшее Генри нервничать еще сильнее, ему следовало немедленно бросить свое занятие, тем самым вознаграждая брата за все то время, что тот потратил, Приглядывая за Эдди. Если думать об этом так, становилось понятно: делать что бы то ни было лучше, чем может Генри, некрасиво.

Затем, существовала и глубинная (можно сказать, «мир-под-мирная») причина — более веская, поскольку о ней совершенно невозможно было сказать вслух: Эдди не мог позволить себе быть лучше

Генри почти ни в чем, ибо Генри почти ни на что не годился... только Приглядывать за Эдди, разумеется.

Генри учил Эдди играть в баскетбол на спортплощадке неподалеку от многоэтажки, в которой они жили, — было это на бетонной окраине, где на горизонте миражами высились башни Манхэттена и царствовало пособие по безработице. Эдди был восьмью годами моложе Генри и куда меньше, однако намного проворнее. У него было врожденное чувство игры; стоило мальчугану с мячом в руках очутиться на покрытом трещинами, бугристом бетоне площадки, как начинало казаться, будто тактика игры шипит и пузырится в его нервных окончаниях. Эдди был проворнее брата, но это бы полбеды. Беда заключалась в том, что он был *лучше* Генри. Если бы Эдди не понял этого по результатам баскетбольных дуэлей, которые они с Генри порой устраивали, то обо всем догадался бы по грозovým взглядам и сильным тычкам в плечо, какими Генри нередко оделял его после, по дороге домой. Предполагалось, что тычки эти шуточные («Кто не спрятался, я не виноват!» — радостно выкрикивал Генри, и *бац! бац!* кулаком с выставленной костяшкой в бицепс Эдди), но они вовсе не походили на шутку. Они походили на предостережение. Словно Генри таким манером говорил: *«Когда ведешь мяч к корзине, братан, лучше не обводи меня, неставляй дураком. Лучше не забывай: Я ЗА ТОБОЙ ПРИГЛЯДЫВАЮ»*.

То же было справедливо в отношении чтения... бейсбола... штандера... математики... даже прыгалок, игры девчачьей. Все это Эдди делал (или мог сделать) лучше — тайна, которую следовало сохранить любой ценой. Потому, что Эдди был младшим. Потому, что Генри Приглядывал за ним. Но важнейшая составляющая этой скрытой от постороннего глаза причины была одновременно и простейшей: все это надлежало держать в секрете потому, что Эдди боготворил своего старшего брата Генри.

4

Два дня назад Сюзанна свежевала кролика, Роланд затевал ужин, а Эдди тем временем бродил по лесу чуть южнее лагеря. И на свежем пне увидел занятный вырост. Эдди захлестнуло странное ощущение (он полагал, что именно это и называется *deja vu*¹), и он обнаружил, что не отрывает пристального взгляда от торчащего отростка, похожего на халтурно сделанную дверную ручку. Молодой человек смутно сознавал, что во рту у него пересохло.

Несколькими секундами позже Эдди понял, что *смотрит* на торчащий из пня отросток, а *думает* про двор за домом, где они с

¹ Уже виденное раньше (фр.).

Генри жили, — об ощущении нагретого солнцем цемента под своим задом и обо все перешибающем аромате отбросов, наплывающем с помойки в переулке за углом. В этом воспоминании в левой руке Эдди держал деревяшку, а в правой — кривой нож из ящика у раковины. Торчащий из пня отросток напомнил Эдди о кратком периоде страстной влюбленности в резьбу по дереву. Просто память об этом кусочке жизни Эдди была похоронена так глубоко, что сперва молодой человек не сообразил, в чем дело.

Больше всего Эдди любил в резьбе по дереву момент *видения*, наступавший даже раньше, чем начнешь работать. Иногда вы видели легковушку или грузовик. Иногда — собаку или кошку. Однажды, припомнил Эдди, в деревяшке проступило лицо идола, страшноватого, вырубленного из цельной глыбы идола с острова Пасхи — такого Эдди видел в школе, в одном из номеров «Нэшнл джиггрэфикс». Та фигурка вышла неплохо. Суть игры, ее азарт состояли в том, чтобы выяснить, какую же часть увиденного можно вызвать из дерева, не сломав. Добыть вещь целиком никогда не получалось, но, действуя крайне осторожно и аккуратно, порой удавалось извлечь немало.

В шишке на боку пня что-то было. Эдди подумал, что ножом Роланда, пожалуй, сможет освободить довольно много. Таким острым, таким удобным резцом ему никогда еще не приходилось работать.

В дереве что-то терпеливо дожидалось, чтобы кто-нибудь — кто-нибудь вроде Эдди! — пришел дать ему волю. Освободить.

«О, гляньте-ка на нашего маленького сына! Что сегодня мастерим, тютя? Домик для куколки? Ночной горшочек для своей писюльки-масюльки? Рогатку, чтоб можно было прикидываться, будто охотишься на кролей, как большие пацаны? О-о-о... какая ПГЕЛЕСТЬ!»

Эдди обуял стыд, ощущение, что он совершает нечто дурное; его затопило острое сознание того, что это — тайна, которую должно сохранить любой ценой... а потом он — в который раз — вспомнил, что Генри Дийн, превратившийся со временем в великого мудреца и выдающегося торчка, мертв. Осознание этого факта все еще не утратило способности заставлять Эдди врасплох, оно продолжало задевать за живое, заставляя когда горевать, когда злиться, а порой испытывать чувство вины. В этот день, за два дня до того, как из зеленых коридоров леса вырвался разъяренный медведь-исполин, оно поразило молодого человека наиудивительнейшим образом. Эдди почувствовал облегчение и окрыляющую радость.

Он был свободен.

Осторожно прорезая древесину вокруг основания шишки ножом, позаимствованным у Роланда, Эдди отделил вырост от пня, вернулся с ним на прежнее место и уселся под деревом, вертя деревяшку в руках. Он смотрел не на нее, он смотрел в нее.

Сюзанна закончила возиться с кроликом. Мясо отправилось в горшок над костром; шкурку она растянула между двух палок, привязав сыromятным шнуром, мотки которого хранились в кошеле Роланда. Позднее, после вечерней трапезы, Эдди возьмется выделывать эту шкурку начисто. Опираясь на руки, Сюзанна без труда заскользила туда, где, привалясь к высокой старой сосне, сидел Эдди. Роланд у костра крошил в горшок какие-то загадочные — и без сомнения — восхитительные лесные травы.

— Что поделываем, Эдди?

Эдди обнаружил, что сдерживает нелепое стремление спрятать деревяшку за спину.

— Да так, ничего, — сказал он. — Вот подумал... ну... может, вырезать что-нибудь. — Он помолчал, потом прибавил: — Правда, я по этой части не большой мастак. — Говорил он так, словно старался убедить Сюзанну.

Сюзанна озадаченно взглянула на Эдди. Она, казалось, совсем уже собралась что-то сказать, но мгновение спустя просто пожала плечами и удалилась, оставив Эдди в покое. Она понятия не имела, отчего юноша словно бы стыдился потратить немного времени на резьбу (ее-то отец только и делал, что резал да строгал), но полагала: если это требует отдельного разговора, то в свое время Эдди такой разговор заведет.

Эдди понимал, что чувствовать себя виноватым бессмысленно и глупо, но при этом сознавал: ему удобнее работать, когда он в лагере один. Похоже, старые привычки иногда отмирают очень неохотно. Победа над героином, оказывается, сущие пустяки по сравнению с победой над своим детством.

Эдди неожиданно для себя обнаружил, что, когда Роланд с Сюзанной покидают лагерь ради охоты, упражнений в стрельбе или весьма своеобразных уроков стрелка, он трудится над своим куском дерева на удивление споро и со все возрастающим наслаждением. Да, там, внутри, кое-что было, тут Эдди не ошибся. Предмет простых очертаний, и нож Роланда вызволял его с пугающей легкостью. Эдди думал извлечь эту нехитрую штуку из деревяшки почти целиком, а значит, праща действительно могла стать настоящим оружием. Может, она и не шла ни в какое сравнение с большими револьверами Роланда — пусть, все равно это было нечто, сделанное собственными руками Эдди. Что-то *свое*. И эта мысль очень радовала юношу.

Он не услышал испуганного карканья первых поднявшихся в небо ворон. Он уже представлял себе — предвкушал, — как в скором времени, возможно, увидит дерево с плененным в нем луком.

5

Эдди услышал приближение медведя раньше Роланда и Сюзанны, но ненамного: молодого человека сковывало глубокое оцепенение,

порожденное той сосредоточенностью, что сопутствует творческому порыву в миг, когда он наиболее мощен и сладостен. Почти всю жизнь Эдди такие порывы подавлял, и этот завладел им безраздельно. Эдди стал добровольным узником.

Из этого оцепенения его вывел не треск падающих деревьев, а короткий гром револьверного выстрела на юге. Улыбаясь, Эдди поднял голову и обсыпанный опилками рукой откинул волосы со лба. Он сидел, привалясь к высокой сосне, на поляне, ставшей их домом, в скрещенье лежащих на лицо лучей зелено-золотого лесного света и был в эту минуту действительно красив — молодой человек с непокорными темными волосами, которые все время норовили рассыпаться по высокому лбу; молодой человек с энергичным подвижным ртом и светло-кариими глазами.

Его взгляд на мгновение переключался ко второму револьверу Роланда, свисавшему на ремне с ближней ветки, и Эдди вдруг обнаружил, что с любопытством размышляет над тем, давно ли Роланд перестал уходить куда бы то ни было без того, чтобы у него на боку не висел хоть один из его легендарных револьверов. Этот вопрос привел Эдди к двум другим.

Сколько ему лет, этому человеку, выдернувшему их с Сюзанной из родного мира и родных *когда?* И, что более существенно, что с этим человеком творится?

Сюзанна обещала затронуть эту тему... если отстреляется хорошо и если от общения с ней шерсть у Роланда не встанет дыбом. Эдди не думал, что Роланд сразу же выложит все как на духу, но пришла пора дать долговязому уроду понять: *они* знают, что *что-то* неладно.

— Захочет Господь — будет вода, — проговорил Эдди, возвращаясь к своему занятию. На губах у него играла едва заметная улыбочка. Они с Сюзанной уже нахватались присказок от Роланда, а он — от них. Почти как если бы они были половинками единого целого...

В чаще неподалеку повалилось дерево, и Эдди мигом вскочил, с наполовину вырезанной прашой в одной руке и ножом Роланда — в другой. Молодой человек наконец насторожился и с колотящимся сердцем усталился через поляну туда, откуда донесся шум. Что-то приближалось. Теперь-то Эдди было слышно, как оно шумно, по-хозяйски ломится сквозь кусты, и он с горечью подивился, что заметил это так поздно. В далеком уголке его сознания тоненький голосок пропищал: поделом тебе. Не делай ничего лучше Генри, не трепли брату нервы.

С прерывистым надсадным треском упало еще одно дерево. Эдди, смотревший в проход, образованный неровным строем высоких елей, увидел, как в неподвижный воздух поднялось облако древесной пыли. Существо, повинное в появлении этого облака, вдруг заревело — свирепо, так, что кровь стыла в жилах.

Здоровущий, сука, кто он ни есть.

Бросив деревяшку на землю, Эдди метнул нож Роланда в дерево, росшее в пятнадцати футах слева. Нож сделал в воздухе двойное сальто и, задрожав, вонзился в ствол по середине лезвия. Эдди протянул руку к ветке, на которой висела кобура стрелка, выхватил револьвер и взвел курок.

Остаться или дать тягу?

Но молодой человек обнаружил, что уже не может позволить себе роскошь решать этот вопрос. Тварь была не только огромной, но и *быстрой*, и бежать было поздно. В проходе между деревьями с северной стороны поляны, куда он смотрел, ему начали открываться исполинские очертания — силуэт, поспорить вышиною с которым могли лишь самые высокие деревья. Гигант тяжело и неуклюже шел прямо на юношу. Взгляд чудовища уперся в Эдди Дийна, и оно вновь заревело.

— Мама родная, шиздец, — прошептал Эдди, когда очередное дерево согнулось, выстрелило, точно пушка, и с громким треском рухнуло на лесную подстилку, подняв облако пыли и сухой хвои. Теперь зверь — медведь ростом с Кинг-Конга, — ломая сучья, надвигался на поляну. Земля дрожала у него под ногами.

«Что будешь делать, Эдди? — внезапно спросил Роланд. — Думай! Это единственное преимущество, какое есть у тебя перед оным зверем. Что ты будешь делать?»

Что оного зверя удастся убить, Эдди не думал. Из базуки — может быть, но из стрелкова сорок пятого калибра — нет. Можно было бы убежать, но ему отчего-то казалось, что наступающий на поляну зверь при желании способен проявить изрядное проворство. Эдди догадывался, что вероятность окончить жизнь раздавленным в лепешку пятой медведя-великана составляет добрых пятьдесят процентов.

Так на что решиться? Остаться и стрелять или бежать отсюда как угорелому?

Эдди пришло в голову, что есть и третий вариант: можно взобраться наверх.

Он повернулся к дереву, о которое опирался спиной. Это была огромная вековая сосна, бесспорно, самое высокое дерево в этой части леса. Ее первая ветвь развернула свой зеленый перистый веер в восьми футах от земли. Эдди снял револьвер с курка, сунул за пояс штанов, подпрыгнул, ухватился за ветку и лихорадочно подтянулся. За его спиной вновь зычно взревел ворвавшийся на поляну медведь.

Молодой человек так или иначе непременно стал бы его добычей, и висеть бы тогда кишкам Эдди Дийна веселыми яркими нитями на нижних ветвях сосны, если бы в этот миг медведь опять не расчихался. Подняв на месте бывшего костра черную тучу пепла, зверь замер, согнувшись чуть ли не вдвое и уперев передние лапищи в огромные лажки, отчего на мгновение сделался похож на старика в шубе — на простуженного старика. Он чихал и чихал — АП-ЧХИ! АП ЧХИ!

АП-ЧХИ! — и от его морды летели мириады паразитов. Горячая струя мочи была между лап в кострище, с шипением размывая россыпь угольков.

Не тратя попусту дарованные ему несколько дополнительных решающих секунд, Эдди с обезьяньим проворством взлетел на сосну, остановившись лишь раз, чтобы убедиться, что револьвер по-прежнему крепко сидит за поясом его штанов. Эдди овладел ужас; он уже наполовину убедил себя, что погибнет (чего же ждать, когда рядом нету Генри, который бы Приглаживал за ним), — и все равно в голове у юноши клокотал безумный смех.

«Положение безвыходное, — подумал Эдди. — Не хило, а, фанат-ты? Загнан на дерево Медведзиллой».

Тварь снова подняла голову — солнце короткими ослепительными вспышками заиграло на вращающейся штучке меж ее ушей — и атаковала дерево Эдди. Высоко занеся лапу, медведь ударил, намереваясь сшибить молодого человека с сосны, как шишку. Эдди перемахнул на следующий сук. В тот же миг огромная лапа переломила ветку, на которой он только что стоял, пропоров и сорвав с Эдди ботинок. Ошметки разодранного надвое башмака отлетели прочь.

«Ничего-ничего, все нормально, — думал Эдди. — Если хочешь, Братец Медведь, заberi оба. Чертовы штиблеты все равно давно сносились».

Медведь заревел и хлестнул по дереву, оставив в древней коре глубокие раны, из которых потекла прозрачная живица. Эдди, не останавливаясь, судорожно карабкался вверх по редующим ветвям. Осмелившись мельком глянуть вниз, он уперся взглядом прямо в мутные глаза медведя. Фоном для запрокинутой головы зверя служила поляна, превратившаяся в мишень с грязным пятном раскиданного кострища вместо яблочка.

— Промахнулся, гнида косма... — начал молодой человек, и тут медведь, не опуская головы, чтобы видеть Эдди, чихнул. Эдди немедленно залило горячей слизью, замешенной на тысячах белых червячков. Они отчаянно извивались у него на руках, на рубаше, на шее и на лице.

Пронзительно вскрикнув от неожиданности и отвращения, Эдди принялся прочищать глаза и рот, потерял равновесие и едва успел вовремя зацепиться сгибом руки за соседнюю ветку. Удерживаясь таким образом, он отряхивался, ожесточенно, всей пятерней, стирая с себя как можно больше кишасей червями густой мокроты.

Медведь взревел и снова ударил по дереву. Сосна раскачивалась, словно мачта в шторм... Но новые царапины появились по меньшей мере семью футами ниже той ветки, в которую что было сил упирался ногами Эдди.

Червяки издыхают, понял молодой человек. Должно быть, они начали гибнуть, едва покинув зараженные трясины в теле чудовища. От этой мысли ему немного полегчало, и он опять принялся караб-

каться вверх по сосне. Через двенадцать футов Эдди остановился, не рискуя подниматься выше. Ствол сосны, диаметр которого у подножия составлял, вероятно, добрых восемнадцать футов, здесь имел в поперечнике не более восемнадцати дюймов. Эдди распределил свой вес между двумя ветвями, но он чувствовал, как обе они пружинисто гнутся под его тяжестью. Отсюда, с высоты птичьего полета, открывался вид на расстилающийся внизу волнующийся ковер леса и западные предгорья. При иных обстоятельствах этой картиной стоило бы насладиться без спешки.

«Крыша мира, мамочка», — подумал Эдди. Он опять посмотрел вниз, в запрокинутую медвежью морду, и на мгновение все мысли из его головы вытеснило чистейшее изумление.

Из черепа медведя что-то росло — что-то, похожее, с точки зрения Эдди, на маленький радар. Устройство это судорожными рывками поворачивалось, пуская солнечные зайчики, и слышно было, как оно тоненько поскрипывает. Эдди, в свое время успевший сменить несколько старых машин (из тех, что заполняют стоянки для подержанных автомобилей и на ветровом стекле у них шампунем выведено «ДЛЯ ВАС, УМЕЛЬЦЫ!»), подумал, что скрип, издаваемый этим устройством, — это скрип подшипников, которые следует поскорее сменить, не то их заест раз и навсегда.

Медведь протяжно заворчал. Из его пасти густыми хлопьями полезла кишачая червями желтоватая пена. Если до сих пор Эдди не доводилось заглядывать в глаза полному безумию (сам он, не единожды оказывавшийся нос к носу со стервой мирового класса Деттой Уокер, считал иначе), то он смотрел в них сейчас. Но, к счастью, чудовищную морду отделяло от него добрых тридцать футов, да и смертоносные когти при всем старании футов на пятнадцать не доставали до его подошв. И в отличие от деревьев, на которых медведь срывал свою злобу по дороге на поляну, эта сосна сухой не была.

— Безнадега, милок, мексиканская ничья, — пропыхтел Эдди. Он утер потный лоб липкой от смолы рукой и стряхнул грязь вниз, в морду страшилищу.

Тогда существо, которое люди Древнего Племена звали Мьяром, громадными лапами обхватило дерево и затрясло. Сосна заходила из стороны в сторону, как маятник. Вцепившись в ствол и сощурившись так, что глаза превратились в угрюмые щелки, Эдди держался изо всех сил.

6

У края поляны Роланд внезапно остановился. Восседавшая у него на плечах Сюзанна, не веря своим глазам, уставилась на открытое пространство. На другой стороне прогалины, у подножия дерева, под

которым они три четверти часа назад оставили Эдди, стоял зверь. Сквозь полог ветвей и темно-зеленой хвои Сюзанна видела его туловище лишь мельком. Возле ступни чудовища лежала вторая португеза Роланда. Сюзанна увидела, что кобура пуста.

— Боже мой, — пробормотала она.

Испустив надсадный, по-бабьи визгливый рев, в котором звучала горькая жалоба, медведь затряс дерево. Ветви заматались, точно под сильным ветром. Взгляд Сюзанны скользнул вверх, и у макушки сосны она увидела темную фигурку. Эдди цеплялся за ствол ходившего ходуном дерева. У нее на глазах рука молодого человека сорвалась и иступленно зашарила по воздуху в поисках опоры.

— *Что будем делать?* — крикнула Сюзанна Роланду. — *Он щас стряхнет его! Что будем делать?*

Роланд попытался задуматься над этим, но то странное чувство, которое теперь не покидало его ни на минуту, вернулось, словно бы еще сильнее обостренное напряжением. Стрелку казалось, что в его черепной коробке поселились два человека, каждый со своим набором воспоминаний. Когда эти двое затевали спор и каждый настаивал на том, что именно *его* воспоминания подлинные, Роланду казалось, что его раздрают надвое. Он сделал отчаянное усилие соединить эти половинки и преуспел... по крайней мере, временно.

— Это один из Двенадцати! — прокричал он. — Один из Стражей! Должен быть! Но я думал, они...

Медведь опять рывкнул, глядя вверх, на Эдди, и принялся лупить по сосне, как энергичный напористый боксер. Ветки с хрустом ломались и сыпались вниз, в беспорядке устилая землю вокруг великана.

— *Что?* — пронзительно крикнула Сюзанна. — *Что ты недоговорил?*

Роланд закрыл глаза. В голове у него какой-то голос громко воскликнул: *«Мальчика звали Джейк!»* В ответ загорланил другой голос: *«Не было никакого мальчика! Не было никакого мальчишки, и ты это знаешь!»*

«Пошли вон, оба!» — мысленно огрызнулся стрелок и крикнул:

— Стреляй в него! Стреляй ему в зад, Сюзанна! Он развернется и бросится на нас! Тогда ищи у него на голове одну штуку! Это...

Медведь опять обиженно заревел. Он бросил лупить по сосне и, возвращаясь к прежней тактике, затряс дерево. У вершины послышались зловещие скрип и треск.

В минуту относительного затишья Роланд крикнул:

— Я думаю, это что-то вроде шапочки! Маленькая стальная шапочка! Стреляй по ней, Сюзанна! Да не промажь!

Сюзанну вдруг объял ужас; ужас и, что явилось для нее полнейшей неожиданностью, иное чувство — невыносимого одиночества.

— *Нет! Я промахнусь! Стреляй ты, Роланд!* — Она неловкими пальцами потащила револьвер из кобуры, чтобы отдать его стрелку.

— Не могу! — проорал Роланд. — Угол плохой! Это должна сделать *ты*, Сюзанна! Вот настоящее испытание, и лучше бы ты его выдержала!

— *Роланд...*

— *Он собирается обломать верхушку!* — рявкнул в ответ стрелок. — *Ты что, не видишь?*

Сюзанна посмотрела на револьвер в своей руке. Поглядела через поляну на гигантского медведя в облаке летящих во все стороны зеленых иголок. На Эдди, качавшегося из стороны в сторону, будто стрелка метронома. Вероятно, у него был второй револьвер Роланда, но Сюзанна понимала, что молодому человеку им никак не воспользоваться — медведь неминуемо стряхнет Эдди с его насеста, как перезрелую сливу. К тому же Эдди мог выстрелить не туда, куда нужно.

Она подняла револьвер. От страха у нее схватило живот.

— Держи меня неподвижно, Роланд, — сказала она. — Иначе...

— Насчет меня не тревожься!

Сюзанна выстрелила дважды, нажимая на спуск плавно, как учил Роланд. Гулкие выстрелы прорезали шум, поднятый трясущим деревом медведем, как резкие щелчки кнута. Она увидела, что обе пули попали в цель и вошли в левую ягодицу медведя меньше чем в двух дюймах одна от другой.

От неожиданности, боли и возмущения зверь завизжал. Из плотной завесы ветвей и хвои появилась громадная лапа. Она шлепнула по больному месту, поднялась, роняя алые капли, и вновь исчезла из вида. Сюзанна представляла себе, как там, наверху, медведь рассматривает окровавленную подушечку этой лапы. Послышался порывистый шелест и треск — медведь развернулся, одновременно наклонясь и опустившись на четвереньки, чтобы развить максимальную скорость. Сюзанна в первый раз увидела морду чудовища, и сердце у нее екнуло: вытянутое рыло в пене, горящие фонари огромных глаз. Косматая голова мотнулась влево... вправо... и остановилась напротив Роланда, который стоял, широко расставив ноги. На плечах у него балансировала Сюзанна Дийн.

С сокрушительным ревом медведь бросился на них.

7

Скажи свой урок, Сюзанна Дийн, скажи без ошибки.

Медведь бросился на них. Наблюдать за его неуклюжими скачками было все равно что смотреть на взбесившийся фабричный станок под брошенным кем-то огромным, побитым молью ковром.

Что-то похожее на шапочку! На маленькую стальную шапочку!

Сюзанна увидела ее... но эта шапочка напомнила ей не столько шапочку, сколько блюдо радара — значительно более скромную

версию того, что студия «Кино-Тон» показывала в документальных фильмах о системе ДРО¹, надежно защищающей всех до единого от опасности внезапного нападения русских. Она была больше голышей, сбитых Сюзанной с валуна, но больше было и расстояние. Солнце и тень скользили по радару обманчивой рябью.

Не рукой целюсь; та, что целится рукою, забыла лик своего отца.

Я не смогу!

Не рукой стреляю; та, что стреляет рукою, забыла лик своего отца.

Я промажу! Я знаю, что промажу!

Не из револьвера убиваю; та, что убивает из револьвера...

— Стреляй! — взревел Роланд. — Сюзанна, стреляй!

Еще не нажав на спуск, Сюзанна увидела, как пуля, ведомая от дула к мишени ни больше ни меньше, как ее, Сюзанны, искренним и страстным желанием послать эту пулю точно, попадает в цель. Страх как рукой сняло. Осталось лишь глубокое ледяное спокойствие, и Сюзанна успела подумать: «Так вот что он чувствует. Боже мой — как он это выносит?»

— Сердцем убиваю, сволочь, — процедила она сквозь зубы, и грянул выстрел.

8

Серебристая шутовина крутилась на стальном стержне, всаженном в череп медведя. Пуля Сюзанны ударила точно в центр, и блюдо радара разлетелось на сотню сверкающих кусков. Штырь поглотило синее трескучее пламя, развернувшееся вуалью, которая на мгновение словно бы облепила с боков морду зверя.

Медведь страдальчески взвыл и поднялся на дыбы, наугад молотя по воздуху когтистыми пятернями. Нетвердо ступая, зверь развернулся, описав широкий круг, и замахал лапами, словно решил взлететь. Он опять попытался зареветь, но исторг лишь некий звук сродни тирольским иодлям или вою сирены воздушной тревоги.

— Превосходно, — голосу Роланда был измученный, — изрядный выстрел, верный и точный.

— Надо еще стрелять? — с сомнением спросила Сюзанна. Медведь продолжал слепо топтаться по своему безумному кругу, но теперь всем телом кренился то внутрь его, то вбок. Он наскочил на небольшое деревце, отпрыгнул, чуть не упал и вновь закружил по поляне.

— Ни к чему, — ответил Роланд. Сюзанна почувствовала, как руки стрелка крепко обхватили ее за талию и приподняли. В следу-

¹ Дальнего радиолокационного обнаружения.

ющий миг молодая женщина уже сидела на земле, подобрав под себя культы ног. Дрожащий Эдди медленно и робко спускался с сосны, но Сюзанна его не видела. Она не могла отвести глаз от медведя.

Ей казалось, что киты, которых она когда-то видела в океанариуме близ коннектикутского городка Мистик, были больше, — вероятно, намного больше — но такой крупной наземной твари она не видела никогда. И тварь эта явно умирала. Оглушительный рев превратился в поток нежных булькающих звуков, а глаза, хоть и открытые, казались незрячими. Не разбирая дороги, зверь бродил по биваку, наталкиваясь на деревья; перевернул раму с сохнувшими на ней шкурами, сровнял с землей маленький шалаш, который Сюзанна делила с Эдди. Ей виден был металлический штырь, возвышающийся на темени медведя. Вокруг штыря тянули вверх щупальца тоненькие струйки дыма, словно ее выстрел поджег мозг чудовища.

Эдди добрался до самой нижней ветви дерева, спасшего ему жизнь, и уселся на нее верхом. Его била дрожь.

— Пресвятая Дева Мария, Матерь Божья, — выговорил он. — Вот он, тут, у меня под носом, а все ж таки не ве...

Медведь вновь резко повернулся в его сторону. Эдди проворно прыгнул с дерева и кинулся к Роланду и Сюзанне. Медведь не обратил на это внимания; пошатываясь, как пьяный, он медленно двинулся к сосне, бывшему убежищу Эдди, безуспешно попытался обхватить ее и осел на колени. Теперь стали слышны иные звуки, идущие из медвежьего нутра, — звуки, натолкнувшие Эдди на мысль об огромном моторе, в котором от чрезмерной нагрузки ломается привод.

Чудовище сотрясла судорога; зверь выгнул спину, вскинул передние лапы и в неистовстве всадил когти себе в морду. Брызгая во все стороны, хлынула кишащая червями кровь. Гигант упал — земля так и задрожала — и затих. Медведь, проживший столько удивительных столетий, медведь, которого Древнее Племя величало Мьяр, «мир под миром», издох.

9

Эдди подхватил Сюзанну, стиснул в объятиях, сцепив липкие руки у нее на поясице, и крепко поцеловал. Сюзанна потрогала его щеки, коснулась шеи, взъерошила мокрые волосы. Ею владело настойчивое абсурдное желание ощупывать молодого человека до тех пор, пока она полностью не убедится в его реальности.

— Эта медвежуть меня чуть не сцапала, — сказал Эдди. — Я как на взбесившихся каруселях прокатился. Вот это выстрел! Господи Иисусе, Сьюзи! Какой выстрел!

— Надеюсь, первый и последний, — ответила Сюзанна... Но какой-то едва слышный голосок в самой середке ее возразил. Он, этот

голосок, наметнул, что она *ждет не дождется*, когда же представится возможность вновь проделать что-нибудь подобное. И был он, этот голосок, холодным. Холодным и неприветливым.

— Что... — начал Эдди, оборачиваясь к Роланду, но Роланда на прежнем месте уже не было. Он не спеша шел к медведю, который теперь лежал на земле, задрав мохнатые колени. В медведе что-то приглушенно урчало и похрипывало — странные внутренности зверя по инерции продолжали медленно делать свое дело.

Роланд увидел свой нож, глубоко всаженный в дерево неподалеку от покрытого шрамами ветерана, спасшего Эдди жизнь. Стрелок выдернул его и вытер о рубаху из мягкой оленьей кожи, сменившую лохмотья, составлявшие его гардероб, когда их троица покидала взморье. Он стоял над медведем, глядя на него с выражением жалости и удивления.

«Здравствуй, незнакомец, — думал он. — Здравствуй, старый друг. Я никогда не верил в тебя. По-настоящему — не верил. Аллен, наверное, верил, а уж Катберт верил точно, я знаю (Катберт верил *во все и вся*), но я не витал в облаках и смотрел на вещи трезво. Я полагал, ты — всего лишь детская сказка... очередной ветерок, что гуляет в пустой голове моей старой няньки, дабы в конце концов улизнуть через бормочущий чепуху рот. Ты же все это время был здесь — еще один беженец из минувших времен, такой же, как колонка на постоялом дворе и старые машины под горами. Быть может, Мутанты-Недоумки, поклоняющиеся их поверженным останкам, — последние потомки тех людей, что некогда жили в этом лесу, пока наконец не бежали от твоего гнева? Я не знаю этого и никогда не узнаю, но мне кажется, это так. Да. Потом явился я со своими друзьями — беспощадными новыми друзьями, которые мало-помалу становятся так похожи на моих беспощадных старых друзей. Мы пришли, прядь за губительной прядью свивая колдовскую нить, заключая в ее магический круг и себя, и все, чего бы мы ни коснулись... И вот ты лежишь у наших ног. Мир вновь сдвинулся с места, но на сей раз, дружище, не прихватил тебя с собой».

Тело чудовища еще излучало сильный болезненный жар. Паразиты полчищами покидали пасть и бахромчатые ноздри медведя, но почти мгновенно погибали. По обе стороны косматой головы росли восковой белизны горки крошечных тел.

Медленно приблизился Эдди. Теперь он нес Сюзанну, как матери носят младенцев — на бедре.

— Что это было, Роланд? Ты знаешь?

— По-моему, он назвал его Стражем, — сказала Сюзанна.

— Да, — от изумления Роланд едва ворочал языком. — Я-то думал, никого из них не осталось, *не должно было остаться*, если, конечно, они существовали не только в сказках да небылицах.

— Кто бы он ни был, крыша у него съехала напрочь, — заметил Эдди.

По губам Роланда скользнула едва заметная улыбка.

— Проживи две или три тысячи лет, и у тебя крыша напрочь съедет.

— Две или три тысячи... Господи Иисусе!

Сюзанна вмешалась:

— Значит, медведь? Да неужели! А это что? — Она показывала на толстую заднюю лапу зверя, где было прикреплено что-то, с виду напоминавшее квадратную металлическую бирку. Бирка почти заросла жесткой спутанной шерстью, но послеполюденное солнце обнаружило ее, обозначив поверхность из нержавеющей стали одной-единственной крохотной ослепительной звездочкой.

Эдди опустился на колени и нерешительно потянулся к бирке, сознавая, что из утробы поверженного исполина все еще несутся странное пощелкивание и стрекот. Он посмотрел на Роланда.

— Валяй, — разрешил стрелок. — Он готов.

Эдди ответил в сторону клок шерсти и наклонился поближе. На металле были оттиснуты слова. Надписи сильно пострадали от времени, но Эдди обнаружил, что, приложив небольшие усилия, может их прочесть.

«НОРТ-СЕНТРАЛ ПОЗИТРОНИКС, ЛТД.»

Грэнит-сити

Северо-восточный коридор

Разработка 4 СТРАЖ

Серия №АА 24123 СХ 755431297 L 14

Тип\вид МЕДВЕДЬ

ШАРДИК

*****ЗНП*** СУБЪЯДЕРНЫЕ ЯЧЕЙКИ
ЗАМЕНЕ НЕ ПОДЛЕЖАТ ***ЗНП*****

— Вот те раз, эта штука — *робот*, — негромко вымолвил Эдди.

— Не может быть, — сказала Сюзанна. — Когда я попала в него, у него потекла *кровь*.

— Может, и так, только у обычных заурядных медведей радары из башки не торчат. И, насколько мне известно, обыкновенные заурядные медведи не доживают до двух или трех ты... — Эдди внезапно осекся, глядя на Роланда. Когда молодой человек вновь заговорил, в его голосе слышалось отвращение: — Роланд, что ты делаешь?

Роланд не ответил — да отвечать и не требовалось. *Что* он делает, было совершенно ясно: стрелок ножом выковыривал медведю глаз. Завершив эту хирургическую операцию, проделанную быстро, ловко и аккуратно, Роланд мгновение удерживал сочащийся липкой влагой бурый студенистый шар в равновесии на лезвии ножа, затем резким

движением стряхнул его в сторону. Из зияющей дыры выбралось еще несколько червяков. Судорожно извиваясь, они попытались сползти с морды зверя вниз и издохли.

Роланд наклонился над глазницей Шардика, могучего медведя-стража, и заглянул внутрь.

— Идите-ка сюда, взгляните, — позвал он. — Я покажу вам чудо наших дней.

— Эдди, спусти меня на землю, — сказала Сюзанна.

Эдди выполнил просьбу, и Сюзанна, опираясь на руки и помогая себе культиями ног, проворно двинулась туда, где над широкой, обмякшей медвежьей мордой на корточках сидел стрелок. Эдди, присоединившись к ним, заглянул в просвет между плечами товарищей. Почти целую минуту все трое в сосредоточенном молчании предавались созерцанию; тишину нарушала лишь перебранка ворон, по-прежнему круживших в небе.

Из глазницы вялыми струйками сочилась густая кровь. И все же, увидел Эдди, не одна только кровь. Из раны вытекала и другая жидкость — прозрачная, источающая запах, который ни с чем нельзя было спутать: аромат бананов. А среди хрупкого сплетения белесых волокон, образующих стенки углубления, Эдди разглядел вделанную в живую ткань сетку каких-то жилок. Еще ниже, на дне впадины, то вспыхивала, то гасла алая искра. Она высвечивала крошечную металлическую пластинку, испещренную серебристыми закорючками того, что могло быть только припоем.

— Да это не медведь, а какой-то хренов Сони Плеер, — пробормотал Эдди.

Сюзанна оглянулась:

— Что?

— Ничего. — Он быстро взглянул на Роланда. — Не опасно сунуться внутрь, как думаешь?

Роланд пожал плечами.

— По-моему, нет. Если в этом создании и сидел демон, он изгнан.

Эдди вытянул мизинец и стал медленно опускать его в глазницу, подсознательно настроившись отдернуть палец, если почувствует хоть малейший укол тока. Он коснулся сперва холодеющей мякоти внутри углубления величиной едва ли не с бейсбольный мяч, потом — одной из жилок. Но это была не жилка; это была паутинно-тонкая стальная нить. Эдди убрал палец и увидел, как крохотная алая искорка в последний раз моргнула и погасла навсегда.

— Шардик, — пробормотал Эдди. — Я знаю это имя, но не могу сообразить, откуда. Тебе оно что-нибудь говорит, Сьюзи?

Сюзанна помотала головой.

— Штука в том, что... — Эдди беспомощно рассмеялся. — У меня к нему цепляются кролики. Ну не маразм?

Роланд встал. В коленях у него что-то звонко хрустнуло, словно грянули два выстрела.

— Нам придется перенести лагерь, — сказал он. — Здесь земля опоганена. Другая поляна, та, куда мы ходим стрелять, будет...

Он сделал шаг, другой, дрожащие ноги подкосились, и стрелок рухнул на колени, сдавив руками клонящуюся долу голову.

10

Эдди с Сюзанной испуганно переглянулись, и Эдди одним прыжком очутился рядом с Роландом.

— Что с тобой? Роланд, в чем дело?

— Мальчик *был*, — невнятно и едва слышно пробормотал стрелок. И сразу же, на одном дыхании, глухо проговорил: — Никакого мальчишки *не было*.

— Роланд? — спросила Сюзанна. Она подползла к стрелку, обвила рукой его плечи и почувствовала, что он дрожит. — Роланд, что?

— Мальчик, — Роланд поднял на нее затуманенный плавающий взор. — Мальчик. *Всегда* этот мальчик.

— *Какой* мальчик? — отчаянно завопил Эдди. — *Какой* мальчик?

— Раз так, идите, — вымолвил стрелок. — Есть и другие миры, не только этот. — И лишился чувств.

11

Вечером того же дня три пилигрима сидели вокруг громадного костра, который Эдди с Сюзанной развели на поляне, прозванной Эдди тиром. В зимнее время поляна эта, открывающаяся в долину, не годилась бы для стоянки, но сейчас подходила как нельзя лучше. В мире Роланда еще стояло позднее лето.

Над головой чернел высокий свод небес, испещренный, казалось, целыми галактиками. Впереди, почти точно на юге, за рекой тьмы — долиной — Эдди была видна встающая из-за далекого невидимого горизонта Праматерь. Он поглядел на Роланда. Стрелок, нахохлившись, сидел у огня, завернутый, несмотря на теплую ночь и жар костра, в оленьи шкуры. Рядом с ним стояла миска с нетронутой едой, а в руках Роланд бережно держал человеческую кость. Эдди опять устремил взгляд на небо, и ему вспомнилась история, рассказанная им с Сюзанной стрелком в один из тех долгих дней, что они провели в пути, удаляясь от берега моря и пробираясь через предгорья, пока наконец не очутились в этой дремучей чаще, где нашли временное пристанище.

До сотворения мира, рассказывал Роланд, Древняя Звезда и Праматерь, юные и страстные, заключили брачный союз. Потом в один прекрасный день они страшно повздорили. Праматерь (известная в те стародавние времена под своим настоящим именем —

Лидия) застигла супруга (прозывавшегося на самом деле Апоном), когда тот крутился подле молодой красавицы Кассиопеи. У парочки случился отменный скандал — с тасканьем за волосы, выцарапываньем глаз и битьем посуды. Осколок одного из пущенных разгневанной рукою горшков стал землей, черепок поменьше — луной, уголек же из кухонного очага — солнцем. В конце концов, дабы Лидия с Апоном в своей ярости не уничтожили вселенную прежде, чем та должным образом начнет свое существование, вмешались боги. Дерзкую негодницу Кассиопею, главную виновницу всех бед («Угу-угу, конечно, всегда виновата женщина», — заметила тут Сюзанна), навечно сослали в звездную колесницу. Однако даже это не разрешило проблему. Лидия горела желанием попробовать сызнова наладить семейную жизнь, но гордый Апон заупрямился («Ага, вали все на мужиков», — проворчал в этом месте повествования Эдди). Посему супруги расстались и ныне с ненавистью и страстной тоской взирают друг на друга через звездное пепелище, плод их разрыва. Лидии и Афона нет уже более трех миллиардов лет, поведал стрелок. Они стали Праматерью и Древней Звездой, севером и югом, изнывающими друг по другу, но ныне чересчур гордыми, чтобы молить о примирении... А Кассиопея сидит в сторонке на своей колеснице, болтает ногами и посмеивается над обоими.

Эдди вздрогнул, испуганный мягким прикосновением к своей руке. Сюзанна.

— Пойдем, — сказала она. — Мы должны его разговорить.

Эдди отнес ее к костру и бережно опустил на землю по правую руку от Роланда. Сам он уселся слева. Роланд посмотрел сперва на Сюзанну, потом на Эдди.

— Как близко ко мне вы сидите, — заметил он. — Как любовники... или тюремщики.

— Тебе пора кое-что нам рассказать, — грудным, чистым и певучим голосом сказала Сюзанна. — Если мы твои товарищи и сподвижники — а хочешь не хочешь, получается вроде бы именно так — то пора начать и *обращаться* с нами, как с товарищами и сподвижниками. Расскажи нам, что с тобой...

— ...и чем мы можем помочь, — закончил Эдди.

Роланд глубоко вздохнул.

— Не знаю, как начать, — сказал он. — У меня так давно не было ни товарищей, ни сподвижников... ни истории, какую я мог бы поведать...

— Начни с медведя, — предложил Эдди.

Сюзанна наклонилась и притронулась к кости, которую Роланд держал в руках. Кость — челюсть человека в черном, Уолтера, — внушала молодой женщине робость, но она все равно притронулась к ней.

— А закончи этим.

— Да. — Роланд поднял кость на уровень глаз, мгновение смотрел на нее, потом бросил обратно к себе на колени. — Никуда не денешься — поговорить о ней нам придется. В ней-то все и дело.

Но сперва речь пошла о медведе.

12

— Вот какую историю рассказывали мне в детстве, — начал Роланд. — Когда все было еще совсем новенькое, Великие Пращуры — не боги, а люди, владевшие почти божественным знанием, — создали двенадцать Стражей, нести дозор у двенадцати порталов, открывающих проход в наш мир и из него. Мне доводилось слышать, что порталы эти естественного происхождения, как небесные созвездия или бездонная расселина в земле, прозванная у нас Драконовой Могилой за то, что всякий тридцатый или сороковой день оттуда вырывалось великое облако пара. Иные же — одного я помню особенно хорошо: Хэкс, главный повар в замке моего отца, — говорили, будто означенные порталы создала не природа, а сами Великие Пращуры, в те дни еще не вздернувшие себя в петле собственной гордыни и не исчезнувшие с лица земли. Хэкс говаривал, бывало, что сотворение Двенадцати Стражей было последним деянием Великих Пращуров, попыткой искупить великую кривду, причиненную ими друг другу и самой земле.

— Порталы, — задумчиво пробормотал Эдди. — Ты хочешь сказать, *двери*. Снова-здорово! И что, эти здешние двери открываются в наш со Съюзи родной мир? Как те, что мы нашли у моря?

— Не знаю, — ответил Роланд. — На всякое мое знание найдется сотня вещей, мне неведомых. Вам — обоим — придется примириться с этим обстоятельством. Вот мы говорим: «мир сдвинулся с места». Когда это произошло, словно огромная волна схлынула, оставляя за собой лишь разор и следы крушения... обломки, порой напоминающие карту.

— А как тебе *кажется*? Попробуй *догадаться*! — воскликнул Эдди, и неприкрытая горячность в его голосе сказала стрелку, что даже теперь Эдди до конца не оставил мысли вернуться в свой — и Сюзанны — родной мир.

— Отстань, Эдди, — осадила юношу Сюзанна. — Этот человек догадок не строит.

— Ошибаетесь — иной раз *строит*, — сказал Роланд, удивив обоих. — Когда ничего более не остается, этот человек порой берется строить догадки. Я отвечу: нет, Эдди. Не думаю — мне не *кажется*, — что у этих порталов много общего с дверьми на морском берегу. Мне не *кажется*, что они ведут в узнаваемое для нас *куда* или *когда*. Думаю, двери на взморье — те, что открывались в мир, откуда родом вы оба, — походили на ось детской ходун-доски. Знаете, что это такое?

— Качели? — спросила Сюзанна, для наглядности покачав рукой.

— Да! — с довольным видом подтвердил Роланд. — Именно. На одном конце качелей...

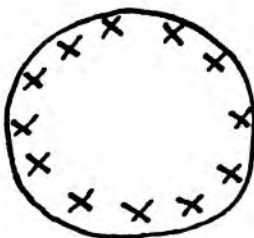
— Качелей, — поправил Эдди с едва заметной улыбкой.

— Да. На одном конце доски — мое *ка*. На другом — *ка* человека в черном, Уолтера. Ось — двери, созданные напряжением противостояния двух судеб. Порталы же чересчур велики и для Уолтера, и для меня, и для нашего маленького братства трех.

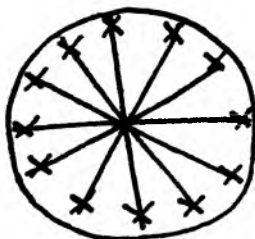
— Ты хочешь сказать, — с заминкой проговорила Сюзанна, — что порталы, которые охраняют эти Стражи, находятся *вне ка*? За пределами *ка*?

— Я хочу сказать, что мне так кажется. — На освещенном пламенем костра лице стрелка показался и пропал тонкий серп улыбки. — Что таковы мои *догадки*.

На мгновение он притих, потом подобрал палочку, смел в сторону ковер сосновых иголок и начертил на расчищенной земле:

— Вот мир, как, по словам моих наставников, он был устроен в дни моего детства. Крестики суть порталы, кольцом стоящие у его вечных и незыблемых границ. Если провести шесть линий, соединив порталы попарно, вот так...

Он поднял голову.

— Видите, где пересекаются все линии — здесь, в центре?

Эдди почувствовал, что руки и спина у него покрываются гусиной кожей. Во рту у молодого человека вдруг пересохло.

— Это она, Роланд? Это?..

Роланд кивнул. Его изрезанное морщинами лицо было мрачно и серьезно.

— В оном средоточии находится Великий Портал, сиречь Тринадцатые Врата, правящие не только этим — всеми мирами.

Он потыкал палочкой в центр круга.

— Здесь стоит Темная Башня, которую я искал всю свою жизнь.

13

— У каждых из двенадцати малых врат, — продолжал стрелок, — Великие Пращуры поставили Стража. Ребенком я мог перечислить их всех в стихах, которым меня выучили нянька... и повар Хэкс... Но мое детство — достояние далекого прошлого. Конечно, среди них были Медведь... Рыба... Лев... Нетопырь. И Черепаха — важная фигура...

Глядя в звездное небо, стрелок в глубокой задумчивости наморщил лоб. Потом его лицо озарила удивительно радостная улыбка, и он прочел:

*ЧЕРЕПАХА-великанша держит Землю на спине,
Неохватная такая — не приснится и во сне!
Мир на панцире качает от утра и до утра,
Мыслью пусть нетороплива, да зато всегда добра.
Обо всяком-каждом помнит, знает всех наперечет,
Оттого-то повсеместно ей и слава, и почет.
Кто клянется, всяк помянет, а иначе веры нет...
Черепаху не обманешь, это знает целый свет.
Все ей мило, все любезно, будь то суша, иль моря,
Или даже пострелята-огольцы, как ты и я.*

Стрелок озадаченно и смущенно хохотнул.

— Этим стихам меня научил Хэкс. Размешивает, бывало, глазурь для какого-нибудь торта и поет, и нет-нет да сунет мне ложку, глотнуть с краешка капельку сладкого... Диву даешься, что только мы помним, верно? Ну, как бы то ни было, я рос, выросел и мало-помалу пришел к убеждению, что никаких Стражей нет. Что они скорее символы, чем материя. Похоже, я ошибался.

— Я назвал его роботом, — сказал Эдди, — но на самом деле это был не робот. Сюзанна права — когда подстрелишь робота, единственное, что течет, это машинное масло. Я думаю, Роланд, этот медведь — то, что в моем мире называется «киборг». Существо, которое отчасти машина, а отчасти живая плоть и кровь. Я смотрел одно кино... про кино мы тебе объясняли, да?

Чуть улыбаясь, Роланд кивнул.

— Ну, вот. Кино называлось «Робокоп», и мужик там не больно-то отличался от медведя, которого убила Сюзанна. А почему ты знал, куда ей надо было стрелять?

— Вспомнил старые байки в изложении Хэкса, — ответил Роланд. — Кабы я помнил одну только болтовню своей няньки, быть бы тебе, Эдди, сейчас у медведя в брюхе. Скажи-ка, если в вашем мире ребяенок порой чего-нибудь не понимает, велят ему натянуть «сообщающую шапочку»?

— Да, — сказала Сюзанна. — А как же.

— Вот и здесь так говорят, а пошло это присловье с истории о Стражах. Все они якобы носили с собой запасные мозги, да не в голове, а в шапочке. — Стрелок посмотрел на них совершенно затравленными глазами и опять улыбнулся. — Не очень-то она была похожа на шапочку, а?

— Нет, — откликнулся Эдди. — Но сказка — ложь, да в ней намек — чтоб спасти наши шкуры, хватило.

— Теперь-то я думаю, что искал одного из Стражей с тех самых пор, как пустился в свое странствие, — продолжал Роланд. — Когда мы разыщем врата, что стерег этот Шардик, — хитрость невелика, стоит лишь пройти вспять по его следу, — мы наконец узнаем, куда держать путь. Нужно будет стать к вратам спиной, а затем просто идти вперед, не сворачивая. К центру круга... к Башне.

Эдди открыл рот, чтобы сказать: «Ладно, давайте-ка поговорим об этой Башне и наконец раз и навсегда выясним, что она такое, какой в ней смысл и, самое главное, что с нами произойдет, когда мы туда доберемся», — но мгновение спустя снова закрыл, не издав ни звука. Час еще не пробил — не время было говорить о Башне сейчас, когда Роланд так явно страдал. Когда лишь искра их костра не давала мраку ночи подступить вплотную.

— Теперь пойдем дальше, — тяжело молвил Роланд. — Я наконец обрел свою дорогу — после стольких долгих лет я отыскал верный путь... Но в то же время я, кажется, теряю рассудок. Мое здравомыслие рушится, разваливается, подобно тому, как оползает под ногами крутая насыпь, размытая дождем. Это — наказание мне за то, что допустил гибель мальчика, никогда не существовавшего. И это — тоже *ка*.

— Что за мальчик, Роланд? — полюбопытствовала Сюзанна.

Роланд быстро взглянул на Эдди.

— И ты не знаешь?

Эдди помотал головой.

— Но я говорил о нем, — сказал Роланд. — Даже *бредил* им, когда болезнь моя была в разгаре, а сам я — при смерти. — Голос стрелка вдруг поднялся на пол-октавы, и он так здорово передразнил Эдди, что Сюзанна ощутила внутри тугую спиральку суеверного страха: «Если ты не перестанешь болтать про этого проклятого пацана, Роланд, я заткну тебе пасть твоей же рубахой! Обрыдло про него слушать!» Помнишь такой разговор, Эдди?

Эдди тщательно обдумал вопрос. Пока они с Роландом с великими муками пробирались берегом моря от двери с надписью «НЕВОЛЬ-

НИК» к двери с надписью «ВЛАДЫЧИЦА ТЕНЕЙ», стрелок говорил о тысяче разных вещей и в горячечных монологах упоминал, кажется, тысячу имен — Аллен, Корт, Джейми де Кэрри, Катберт (это имя чаще всех прочих), Хэкс, Мартин (или, возможно, Март, как месяц), Уолтер, Сюзан; помянул даже какого-то парня с невероятным именем Золтан. Эдди очень устал слушать про всех этих людей, с которыми никогда не был знаком (и вовсе не стремился знакомиться), но, конечно, у Эдди в то время были и свои проблемы — взять хотя бы героиную абстиненцию или постоянно томившее его чудовищное изнеможение, какое бывает после долгого авиарейса, когда нарушаются все биоритмы организма. Впрочем, справедливости ради следовало признаться: Эдди догадывался, что Роланду его Сказочки С Надломом (про то, как они с Генри вместе росли и вместе стали торчками) опостытели не меньше, чем ему байки Роланда.

Но он не помнил, чтобы когда-нибудь обещал заткнуть Роланду пасть его же рубахой, если Роланд не перестанет болтать про какого-то там пацана.

— Ничего не припоминаешь? — спросил Роланд. — Совсем ничего?

Да точно ли *ничего*? А легчайшая неуловимая щеколка, сродни ощущению *deja vu*, возникшему у Эдди, когда он разглядел пращу, затаившуюся в торчащем из пня куске дерева? Эдди попытался понять, что это за щекочущее чувство, но того как не бывало. Вообще не было, решил Эдди, просто мне очень *хотелось*, чтобы было — уж больно Роланду худо.

— Нет, — сказал он. — Извини, старина.

— Но я же *рассказывал* тебе. — Голос Роланда звучал спокойно, но под невозмутимостью тона алой нитью билась и трепетала настойчивость. — Мальчика звали Джейк. Я принес его в жертву — погубил — ради того, чтобы наконец догнать Уолтера и заставить говорить. Я сгубил его под горами.

На этот счет Эдди мог высказаться более категорично.

— Ну, может, так оно и было, только *рассказывал* ты другое. Ты говорил, что пробирался под горами в одиночку, на какой-то раздолбанной дрезине. Пока мы волоклись по взморью, *про это* ты много говорил, Роланд. Про то, как страшно было одному.

— Я помню. А еще я помню, что рассказывал тебе про мальчика и про то, как он сорвался с эстакады в пропасть. Зазор между этими двумя воспоминаниями и разрывает мой рассудок.

— Ничего не понимаю, — обеспокоенно подала голос Сюзанна.

— А я, — сказал Роланд, — по-моему, только начинаю понимать. — Он подбросил в огонь валежника — в темное небо винтом взвились толстые снопы багряных искр — и вновь устроился на прежнем месте между Эдди и Сюзанной. — Сейчас вы узнаете чистейшую правду, — начал он, — а следом — чистейшую ложь... которая *должна* быть правдой.

В Прайстауне я купил мула, и когда наконец добрался до Талла, последнего поселка перед пустыней, животное еще было полно сил...

14

Так стрелок приступил к той части своего длинного повествования, что живописала самые недавние события. Уже знакомый с ее отдельными отрывками, Эдди, тем не менее, увлекся до крайности, весь обратясь в слух наравне с Сюзанной, слышавшей историю Роланда впервые. А стрелок говорил и говорил — о заведении, где в уголке шла нескончаемая игра в «глянь-ка»; о тапере по имени Шеб; об Элли — женщине со шрамом на лбу и о Норте, травоеде, что умер и был воскрешен человеком в черном, вдохнувшим в него некое подобие темной, нечистой жизни. Он поведал им о Сильвии Питтстон — воплощении религиозного безумия — и о последней катастрофе, трагическом кровопролитии, когда он, Роланд Стрелок, убил всех до единого мужчин, женщин и детей в поселке.

— Бляха-муха! — тихим потрясенным голосом выдавил Эдди. — Теперь понятно, Роланд, почему у тебя была такая напряженка с патронами.

— Тихо! — оборвала его Сюзанна. — Дай ему закончить!

С тем же бесстрашием, с каким он пересек пустыню, миновав хижину последнего поселенца — молодца с буйной, доходившей почти до пояса рыжей шевелюрой, — Роланд продолжил свой рассказ, и Эдди с Сюзанной узнали, что мул в конце концов издох. Даже того, что ручной ворон поселенца, Золтан, выклевал мулу глаза, не утаил стрелок.

Он рассказал о потянувшейся затем веренице долгих дней и коротких ночей в пустыне, о том, как от кострища к кострищу шел по следу Уолтера и как наконец, валясь с ног, полумертвый от обезвоживания, вышел к постоялому двору.

— Там не было ни души. Думаю, этот постоянный двор запустел еще в ту пору, когда оный медведь-великан был новехонек. Я провел там ночь и поспешил дальше. Вот так... А теперь я расскажу вам другую историю.

— Чистейшую ложь, в которой каждое слово тем не менее должно быть правдой? — спросила Сюзанна.

Роланд кивнул.

— В этой выдуманной истории, — в этой небылице стрелок по имени Роланд встретил на постоялом дворе мальчика по имени Джейк. Мальчика из вашего мира, из вашего города Нью-Йорка, из *когда*, лежащего где-то между 1987 годом Эдди и 1963 годом Одетты Холмс.

Эдди нетерпеливо подался вперед.

— А есть в этой истории дверь, Роланд? Дверь, помеченная «МАЛЬЧИК» или как-нибудь в этом роде?

Роланд покачал головой.

— Для мальчика дверью стала смерть. Он шел в школу, когда какой-то человек — человек, которого я посчитал Уолтером, — вытолкнул его на мостовую под колеса автомобиля. Мальчик слышал, как этот человек сказал что-то вроде «Дайте пройти, пропустите меня, я священник». Джейк увидел этого человека всего лишь на миг и очутился в *моем* мире.

Стрелок примолк, глядя в огонь.

— Теперь я хочу ненадолго прервать рассказ о мальчике, который никогда здесь не появлялся, и вернуться к тому, что случилось на самом деле. Согласны?

Молодые люди озадаченно переглянулись, и Эдди жестом изобразил «прошу, любезный мой Альфонс».

— Как я уже сказал, постоянный двор был заброшенным и безлюдным. Однако там отыскалась колонка, которая еще работала. Она помещалась в задней части конюшни, где держат упряжных лошадей. К колонке я вышел по слуху, но нашел бы ее и в том случае, если бы она ничем не нарушала тишины. Я чуял воду, вот в чем штука. Проведя в пустыне довольно времени, перед угрозой скорой смерти от жажды *в самом деле* оказываешься способен на нечто подобное. Я напился и заснул, а проснувшись, опять напился. Мне хотелось немедленно двинуться дальше — страстное желание вновь пуститься в путь было подобно лихорадке. То лекарство, что ты принес мне из своего мира, *астин*, — великолепное снадобье, Эдди, но есть такие лихорадки, излечить которые не под силу никакому зелью, и меня сжигала одна из них. Я понимал, что телу моему необходим отдых, и все же на то, чтобы задержаться на постоялом дворе хотя бы на ночь, ушла вся моя сила воли, до единой унции. Утром я почувствовал себя отдохнувшим, а потому заново наполнил бурдюки и двинулся в путь. *Я не взял с этого постоянного двора ничего, кроме воды.* Вот самое главное из того, что произошло в действительности.

Сюзанна заговорила самым рассудительным и приятным тоном в манере Одетты Холмс, на какой была способна:

— Ну, хорошо, это — то, что произошло в действительности. Ты заново наполнил бурдюки и пошел дальше. А теперь доскажи нам историю о том, чего *не было*.

Стрелок на мгновение положил кость себе на колени, сжал руки в кулаки, странно детским жестом потер глаза, вновь ухватился за кость, словно желая придать себе храбрости, и продолжал:

— Я загипнотизировал мальчика, которого не было. С помощью патрона. Хитрость эту я знаю много лет и почерпнул ее из источника весьма предосудительного, обучившись ей у Мартена, придворного мага моего отца. Мальчик оказался хорошо внушаем. Погрузившись в транс, он поведал мне обстоятельства своей смерти — так, как я описал их вам. Узнав столько, сколько, как мне казалось, можно было узнать, не нарушив душевного равновесия мальчика или, пуще того,

не повредив ему, я приказал Джейку после пробуждения начисто забыть о своей гибели.

— Кто бы возражал, — пробормотал себе под нос Эдди.

Роланд кивнул.

— Поистине, кто? Транс мальчика перешел в естественный сон. Уснул и я. По нашем пробуждении я поведал мальчику, что хочу изловить человека в черном. Он знал, о ком речь: Уолтер тоже останавливался на постоялом дворе. Джейк испугался его и спрятался. Уверен, Уолтер знал, что мальчик там, но ему было на руку притвориться, будто ему невдомек. Он ушел с постоялого двора, мальчика же — настороженную ловушку — оставил.

Я спросил Джейка, есть ли на постоялом дворе съестное. Мне казалось, что должно быть. Мальчик выглядел довольно крепким; снесь же в пустынном климате чудесно сохраняется. У парнишки было немного сушеного мяса, и он сказал, что есть еще погреб. Сам он его не проверил: боялся. — Стрелок окинул собеседников угрюмым взглядом. — И правильно делал. Еду-то я нашел... но еще я нашел Говорящего Демона.

Эдди большими глазами посмотрел на кость. Оранжевый свет костра плясал на ее древних изгибах и зловещем оскале.

— Говорящего Демона? Ты... имеешь в виду *вот это*?

— Нет, — ответил стрелок. — Да. И да и нет. Слушай, и ты поймешь.

И Эдди с Сюзанной услышали о коснувшихся слуха стрелка нечеловеческих столах, что неслись из толщи земли за стенами погреба; о том, как Роланд увидел ручеек песка, бегущий из щели меж древних каменных глыб, слагавших эти стены. О том, как под пронзительные призывы Джейка подняться наверх стрелок приблизился к возникшему в стене отверстию.

Роланд велел демону: говори... И демон заговорил — голосом Элли, женщины со шрамом на лбу, кабатчицы из Талла. *«Мимо Свалки иди медленно, стрелок. Пока ты путешествуешь с мальчиком, человек в черном путешествует с твоей душой в кармане».*

— Свалки? — переспросила пораженная Сюзанна.

— Да. — Роланд одарил ее внимательным взглядом. — Для тебя это не пустой звук, верно?

— Да... и нет.

Сказано это было с большим колебанием. Роланд догадывался, что отчасти подобная нерешительность проистекает из обыкновеннейшего нежелания говорить о вещах мучительных. Однако главным образом стрелок относил ее на счет стремления Сюзанны не запутывать и без того уже запутанный клубок проблем разговорами о том, чего она в действительности не знает. Он восхищался этим. Восхищался *Сюзанной*.

— Говори только то, в чем можешь быть уверена, — велел он. — Другого не нужно.

— Хорошо. Детта Уокер знала про Свалку. И постоянно про нее думала. Слово это просторечное; Детта подцепила его, подслушивая за старшими, когда те усаживались на крылечке попить пивка да вспомнить прежние времена. Означает оно бесплодное, загаженное, бесполезное место. В Свалке — в *идее* Свалки — для Детты заключалось нечто притягательное. Не спрашивай, что именно; когда-то я, может, и знала, но то было когда-то. Сейчас я этого не знаю. И знать не хочу. Детта стащила у Тети Синьки фарфоровую тарелочку — свадебный подарок моих родителей — и утащила на Свалку, на *свою* Свалку, чтобы разбить. Свалкой Детты был гравийный карьер, заполненный отбросами. Помойка. Став постарше, Детта иногда снимала в придорожных закусочных молоденьких мальчишек.

Сюзанна крепко сжала губы и на мгновение понурила голову. Вновь вскинув глаза на собеседников, молодая женщина продолжала:

— *Белых* мальчишек. Шла с ними на стоянку, в машину, обжигалась по-всякому, но давать не давала, крутила динамо. Ноги в руки — и привет. Эти стоянки... они тоже были Свалка. Опасная игра, но молодость, проворство и подлость натуры позволяли Детте пускаться во все тяжкие и наслаждаться. Позднее, в Нью-Йорке, она пристрастилась воровать в магазинах... про это вы знаете. Оба. Она всегда выбирала большие универмаги, торгующие галантереей, — «Мэйси», «Гимбел», «Блумингдэйл», — а крала ерунду, безделушки. И, надумав кутнуть таким манером, говорила себе: «Двину-ка я нынче на Свалку. Тисну у белых какое-нибудь говно. Потырю какую-нибудь на память, а потом возьму да раскокаю это паскудство».

Сюзанна умолкла, глядя в огонь. Губы у нее дрожали. Когда она вновь оторвала взгляд от костра, Роланд и Эдди увидели, что в глазах молодой женщины стоят слезы.

— Не купитесь на то, что я реву. Я все помню — и что я делала, и с каким *наслаждением*. Наверное, я плачу потому, что знаю — при соответствующем стечении обстоятельств я бы опять взялась за старое.

Казалось, Роланд заново обрел малую толику прежней невозмутимости, свойственного ему непостижимого самообладания.

— У меня на родине, Сюзанна, говаривали так: «Умному вору во всякую пору благоденствие».

— По-моему, стяннуть пригоршню бранзулетов большого ума не надо, — отрезала она.

— Тебя хоть раз изловили?

— Нет...

Стрелок развел руками, словно говоря: «То-то и оно».

— Выходит, для Детты Уокер Свалкой была всякая параша? — спросил Эдди. — Поганные ситуевины, поганные моменты, всякая грязь? Так или нет? Потому как, по-моему, *что-то* тут не то.

— Грязь... и блаженство. Яркие мгновения жизни... в те минуты она... она *придумывала* себя заново — наверное, можно так сказать. Впечатляющие мгновения... но бесплодные, потраченные впустую.

Загубленные. Впрочем, все это не имеет отношения к призрачному мальчику Роланда, не так ли?

— Быть может, нет, — сказал Роланд. — Видите ли, и в моем мире тоже существовала Свалка. И у нас это словечко тоже было простым. Да и толковалось весьма похоже.

— Что оно означало для тебя и твоих друзей? — спросил Эдди.

— Смысл его слегка менялся сообразно обстоятельствам. «Свалкой» могли назвать кучу отбросов. Или бордель. Или притон, куда ходят играть на деньги или жевать бес-траву. Однако самое распространенное, самое обычное значение этого слова, какое я знаю — оно же и самое простое.

Стрелок посмотрел на своих собеседников.

— Свалка — место запущенное и необитаемое, — сказал он. — Свалка — это... это бесплодные земли.

15

Теперь дров в костер подбросила Сюзанна. На юге ослепительно и ровно горела Праматерь. Из усвоенного в школе Сюзанна знала, что это значит: Праматерь — не звезда, а планета. «Венера? — подивилась она. — Или солнечная система, частью которой является этот мир, — иная, как и все прочее?»

Сюзанну вновь захлестнуло уже знакомое ощущение нереальности происходящего — ощущение, что это непременно должен быть сон.

— Продолжай, — попросила она. — Что произошло после того, как голос предостерег тебя насчет Свалки и мальчугана?

— Я поступил, как меня учили поступать, если со мной когда-нибудь случится нечто подобное: ударил кулаком в дыру, откуда сыпался песок. И вытащил кость, челюсть... но не эту. Кость, извлеченная мною из стены на постоялом дворе, значительно превосходила ее размерами и почти наверняка принадлежала одному из Великих Пращуров.

— Что с ней стало? — спокойно спросила Сюзанна.

— Однажды ночью я отдал ее мальчику, — сказал Роланд. Пламя костра расцвечивало его щеки узором жарких оранжевых бликов и пляшущих теней. — Как защиту... своего рода амулет. Позднее мне показалось, что она уже сослужила свою службу, и я ее выбросил.

— А это-то тогда чья челюсть, Роланд? — спросил Эдди.

Держа кость на весу, Роланд долго, задумчиво смотрел на нее, потом вновь бросил ее к себе на колени.

— Потом, когда Джейк уже... после того, как он погиб... я нагнал человека, которого преследовал.

— Уолтера, — встала Сюзанна.

— Да. У нас состоялась беседа... долгая беседа. В какой-то миг я уснул, а когда проснулся, Уолтер был мертв. Мертв по меньшей мере сотню лет, а быть может, и больше. От него остались лишь кости, что,

в общем, подходило к обстановке, ибо местом нашей беседы Уолтер избрал погост.

— Да уж, долгонький вышел разговор, ничего не скажешь, — сухо заметил Эдди.

Тут Сюзанна слегка нахмурилась, но Роланд только кивнул.

— Долгий-предолгий, — сказал он, глядя в костер.

— Утром ты очухался и к вечеру того же дня вышел к Западному Морю, — сказал Эдди. — А ночью нагрянули те страшные омары, да?

Роланд снова кивнул.

— Да. Но прежде чем покинуть голгофу, где мы с Уолтером говорили... или грезили... или что уж это было... я взял от его остова вот это. — Стрелок поднял кость, и оранжевый свет вновь скатился с мертвого оскала.

«Челюсть Уолтера, — подумал Эдди, и его пробрал легкий озноб. — Челюсть человека в черном. В следующий раз, когда тебе взбредет в голову, что Роланд, может быть, обычный мужик, каких пруд пруди, вспомни о ней, Эдди, мальчик мой. Он все это время таскал ее с собой, словно какой-то... людоедский трофей. Бо-оже».

— Я помню, о чем подумал, когда взял себе эту кость, — продолжал Роланд. — Помню очень хорошо; это единственное сохранившееся у меня воспоминание о том времени, какое не сбивает меня с толку. Я подумал: «Я спугнул удачу, выбросив то, что нашел, когда встретил мальчугана. Эта кость заменит мне ту». Тогда только я услышал смех Уолтера — злобное, гаденькое хихиканье. И голос его я тоже услышал.

Сюзанна спросила:

— Что сказал Уолтер?

— «Слишком поздно, стрелок», — ответил Роланд. — Вот что он сказал. «Слишком поздно — отныне и вовеки удачи тебе не будет. Таково твое *ка*».

16

— Хорошо, — наконец подал голос Эдди. — Основной парадокс мне понятен. Твои воспоминания разделились...

— Не *разделились*. *Удвоились*.

— Ладно, пусть так; это почти то же самое, разве нет? — Эдди подхватил прут и тоже нарисовал на песке маленькую картинку:

Он потыкал в левую часть прочерченной в земле бороздки.

— Вот твои воспоминания о том, что происходило до твоего прихода на постоянный двор, — одна черта.

— Да.

Эдди потыкал прутиком в линию справа.

— А это — о том, что случилось после того, как ты вышел из-под земли по другую сторону гор, на погост, туда, где тебя ждал Уолтер. Тоже одинарная черта.

— Да.

Указав на середину рисунка, Эдди затем заключил ее в неровный, грубо очерченный круг.

— Вот что тебе надо сделать, Роланд — изолировать этот двойной участок. Мысленно огородить его частоколом, да и забыть. Это же ерунда! Дело прошлое — что оно может *изменить*? Было и *был*ем поросло...

— Да нет же. — Роланд поднял кость на ладони, демонстрируя ее своим собеседникам. — Коль мои воспоминания о мальчике Джейке ложны — а я знаю, что это так, — *откуда у меня это?* Я взял ее взамен выброшенной мною кости... но выброшенная мною кость происходила из погреба на постоялом дворе, а согласно тому ходу событий, который я с уверенностью полагаю истинным, *ни в какой погреб я не спускался!* И не говорил ни с каким демоном! Я отправился дальше один, прихватив с собой свежей воды, *и только!*

— Послушай-ка, Роланд, — серьезно проговорил Эдди, — одно дело, если челюсть, которую ты крутишь в руках, и есть та самая, с постоялого двора. Но разве не может быть, что все это: постоялый двор, пацан, Говорящий Демон — твои глюки, и ты забрал у бедняги Уолтера челюсть просто потому, что...

— Нет, не глюки, — перебил Роланд. Его блекло-голубые глаза снайпера остановились сперва на Эдди, потом на Сюзанне, а затем стрелок сделал нечто, явившееся полной неожиданностью для обоих молодых людей... и (Эдди готов был в этом поклясться) для него самого.

Роланд швырнул кость в костер.

Мгновение она просто лежала в пламени — белый осколок далекого прошлого, изогнутый в жутковатой призрачной полуулыбке, — и вдруг багряно запылала, обдав поляну ослепительным алым светом. Дружно вскрикнув, Эдди с Сюзанной вскинули руки к лицу, защищая глаза от нестерпимого сверкания.

Кость начала меняться. Не плавиться — *меняться*. Зубы, схожие с покосившимися надгробиями, слипались в глыбки; мягкий изгиб верхней дуги распрямился, кончик резко отогнулся книзу.

Уронив руки на колени, разинув рот, Эдди изумленно впился глазами в кость, которая больше не была костью. Она окрасилась в цвет расплавленного металла. Зубы превратились в три перевернутых V; среднее было больше тех, что по краям. И внезапно Эдди увидел, чем хочет стать кость, — так же, как он разглядел в древесине пня пращу.

«Ключ», — подумал он. — «Ты должен запомнить форму, — мелькнула лихорадочная мысль. — Должен. Должен».

Взгляд Эдди отчаянно заскользил по бородке — три выемки, три перевернутых V; то, что в центре, пошире и поглубже соседних. Три выемки... а самая последняя — с закорючкой, с таким неглубоким строчным s...

Потом пламенеющие очертания вновь изменились. Кость, превратившаяся в некое подобие ключа, стянулась, собралась яркими перекрывающимися лепестками и темными, бархатистыми, как безлунная летняя полночь, складками. Мгновение Эдди видел розу — победоносную алую розу, какая могла бы цвести на заре первого дня этого мира, создание неизмеримой, неподвластной времени красоты. Эдди взирает, и сердце его было открыто. Словно там, в огне, неожиданно воскреснув из мертвой кости, сгорала вся любовь, вся жизнь — сгорала, ликуя, в своей поразительной зарождающейся дерзости, объявляя отчаяние миражем, а смерть — сном.

«Роза! — пронеслись у Эдди в голове бессвязные мысли. — Сперва ключ, потом роза! Смотри! Смотри же — вот открывается путь к Башне!»

В костре сипло треснуло. Наружу, разворачиваясь веером, полетели искры; к звездному небу рванулись языки пламени. Сюзанна взвизгнула и откатилась в сторону, сбивая с платья оранжевые точки. Эдди не шелохнулся. Он сидел, прикованный к месту своим видением, в цепких объятиях чуда, великолепного и ужасного, не заботясь о пляшущих по коже искрах. Потом пламя вновь осело.

Ни кости.

Ни ключа.

Ни розы.

«Запомни, — велел он себе. — Запомни эту розу... и форму ключа».

Сюзанна всхлипывала от ужаса и потрясения, но, на миг пренебрегши ею, Эдди отыскал палочку, которой они с Роландом рисовали. И трясущейся рукой вывел на земле очертания, явившиеся ему в огне:

— Зачем? — наконец спросила Сюзанна. — Бога ради, зачем — и что это было?

Минуло пятнадцать минут. Пламени костра позволили пригаснуть; рассыпавшаяся горячая зола частично была затоптана, частично потухла сама. Эдди сидел, держа жену в объятиях: Сюзанна, устроившись впереди, откинулась к нему на грудь. Чуть поодаль, в сторонке, Роланд, подтянув колени к груди, угрюмо всматривался в жаркие красно-оранжевые уголья. Насколько мог судить Эдди, метаморфоз кости никто, кроме него, не заметил. И Роланд, и Сюзанна увидели нестерпимое сияние ее сверхнакала; Роланд, кроме того, видел, как кость взорвалась (или схлопнулась? этот термин, с точки зрения Эдди, точнее отражал то, чему он стал свидетелем), но и только. Или так молодому человеку казалось. Роланд, однако, порой делался скрытен, а уж коли он решал держать свои намерения в секрете, то секрет этот оказывался поистине *строжайшим* — Эдди знал это по собственному горькому опыту. Он задумался, не рассказать ли остальным, что он видел (или *полагал*, будто видел), и решил, по крайней мере до поры до времени, держать язык за зубами, а рот — на замке.

Никаких признаков самой челюсти в костре не было — ни осколочка.

— Затем, что у меня в голове заговорил вдруг властный голос, молвивший: «ты должен», — ответил Роланд. — То был голос моего отца; *всех* моих праотцев. Когда слышишь подобный голос, не повиноваться — и немедленно — немислимо. Так меня учили. Касательно же того, что это было, сказать ничего не могу... по крайней мере, сейчас. Знаю только, что последнее слово кости прозвучало. Я пронес ее через все, чтобы его услышать.

«Или увидеть, — подумал Эдди и еще раз сказал себе: — Запомни. Запомни розу. Запомни форму ключа».

— Она чуть нас не спалила! — Сюзанна говорила устало и раздраженно.

Роланд покачал головой.

— По-моему, это больше походило на потешные огни, какие бароны, бывало, запускали в небо на приемах по случаю проводов старого года. Яркие и пугающие, но не опасные.

Эдди посетила некая мысль.

— Роланд, а двоиться у тебя в мозгах не перестало? Не отлегло, когда эта кость... э-э... взорвалась, а?

Он был почти убежден, что теперь-то все в порядке; во всех фильмах, какие он смотрел, такая грубая шоковая терапия почти всегда срабатывала. Но Роланд отрицательно мотнул головой.

Сюзанна в объятиях Эдди пошевелилась:

— Ты сказал, что начинаешь понимать.

Роланд кивнул.

— Да, так мне кажется. Если я прав, мне страшно за Джейка. Где бы, в каком бы *когда* он ни был, мне страшно за него.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Эдди.

Роланд встал, отошел к свернутым шкурам и принялся расстилать их.

— Для одного вечера историй и волнений довольно. Пора спать. Утром мы пойдем вспять по следу медведя и посмотрим, нельзя ли отыскать портал, который он был приставлен охранять. По дороге я расскажу вам, что мне известно и что, как мне кажется, произошло — что, по-моему, все еще происходит.

С этими словами стрелок завернулся в старую попону и новую оленью шкуру, откатился от костра и больше говорить не пожелал.

Эдди с Сюзанной легли вместе. Уверившись, что стрелок, должно быть, спит, они занялись любовью. Лежа без сна, Роланд слышал их возню и последовавший за ней негромкий разговор. В основном речь шла о нем. После того, как их голоса смолкли, а дыхание выровнялось и зазвучало на одной легкой ноте, стрелок еще долго лежал тихо и неподвижно, глядя во тьму.

Он думал: прекрасно быть молодым и влюбленным. Прекрасно даже на том кладбище, в какое превратился этот мир.

«Наслаждайтесь, пока можно, — думал Роланд, — ибо впереди — новые смерти. Мы пришли к кровавому ручью. Не сомневаюсь, что он выведет нас к реке крови. А по реке мы выйдем к океану. В этом мире зияют разверстые могилы, и нет таких мертвецов, что покоились бы с миром».

Когда на востоке уже занималась заря, он смежил веки. Забылся коротким сном. И видел во сне Джейка.

19

Эдди тоже видел сон — ему снилось, что он опять в Нью-Йорке и с книгой в руке шагает по Второй авеню.

Воздух в этом сне был напоен внешним теплом, город — в цвету, а внутри у Эдди, подобно глубоко вонзившемуся в мышцу рыболовному крючку, засела щемящая тоска по родному дому. *«Наслаждайся этим сном, тяни его столько, сколько сможешь, — думал он. — Смакуй... потому что ближе к Нью-Йорку, чем сейчас, тебе уже не бывать. Домой возврата нет, Эдди. Кончен бал».*

Он опустил взгляд к книге и ни капли не удивился, обнаружив, что это «Домой возврата нет» Томаса Вулфа. На темно-красной обложке были вытиснены три силуэта: ключ, роза и дверь. Эдди на миг остановился, быстро раскрыл книгу и прочел первую строку. «Человек в черном спасался бегством через пустыню, — писал Вулф, — а стрелок преследовал его».

Закрыв книгу, Эдди зашагал дальше. По его прикидкам, было около девяти утра, может быть, девять тридцать, и поток машин на Второй авеню был невелик. Гудели такси, лавируя, чтобы перестроиться из ряда в ряд, и весеннее солнце подмигивало на ветровых стеклах, на ярко-желтых крыльях и капотах. На углу Второй и Пятьдесят второй просил милостыню какой-то ханыга, и Эдди кинул ему на колени книгу в красной обложке. Он заметил (также без удивления), что ханыга этот — Энрико Балазар. Балазар сидел по-турецки перед волшебной лавкой. «КАРТОЧНЫЙ ДОМИК» — гласила вывеска в окне, внутри же, в витрине, на всеобщее обозрение была выставлена башня, выстроенная из карт Таро. На вершине стоял пластиковый Кинг-Конг. Из головы гигантской гориллыросло крошечное блюдечко радара.

Эдди шагал себе и шагал, лениво продвигаясь к центру города; мимо проплывали таблички с названиями улиц. Едва увидев магазинчик на углу Второй и Сорок шестой, молодой человек мгновенно понял, куда идет.

«Угу, — подумал он, внезапно чувствуя огромное облегчение. — Вот оно. То самое место». Витрину заполняли свисающие с крюков куски мяса и сыры. Надпись гласила: «ДЕЛИКАТЕСЫ ОТ ТОМА И ДЖЕРРИ. СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ НА ОБСЛУЖИВАНИИ ЗВАННЫХ УЖИНОВ И ВЕЧЕРИНОК!»

Пока Эдди стоял, заглядывая внутрь, из-за угла показался еще один его знакомый — Джек Андолини в костюме-тройке цвета ванильного мороженого, с черной тростью в левой руке. У Андолини недоставало половины лица, начисто срезанной клешнями омароподобных чудовищ.

— *Давай, Эдди, заходи* — сказал Джек, проходя мимо. — *В конце концов есть и другие миры, не только этот, и ихний б**дский поезд катит через все.*

— *Не могу,* — ответил Эдди. — *Дверь заперта.* — Он понятия не имел, как узнал об этом, однако он это знал и не испытывал и тени сомнения.

— *Дид-э-чик, дод-э-чом, не тревожься — ты с ключом,* — проговорил Джек, не оглядываясь. Эдди опустил глаза и увидел, что ключ у него действительно есть — примитивная по виду вещица с тремя выемками, похожими на перевернутые V.

«*Весь секрет в маленькой закорючке, которой кончается последняя выемка,*» — подумал молодой человек. Он шагнул под навес «Деликатесов от Тома и Джерри» и вставил ключ в замок. Ключ легко повернулся. Эдди отворил дверь, переступил порог и очутился в бескрайнем поле, под открытым небом. Оглянувшись через плечо, он увидел проносящиеся по Второй авеню машины, а потом дверь громко захлопнулась и упала. За ней ничего не оказалось. Ничегошеньки. Эдди обернулся, чтобы изучить свое новое окружение, и то, что он увидел, поначалу наполнило его ужасом. Поле было темно-алым,

словно здесь разыгралось великое сражение и земля так напиталась кровью, что не смогла поглотить ее всю.

Потом молодой человек вдруг сообразил, что смотрит не на кровь, а на розы.

В нем вновь поднялась ликующая радость, от которой сердце все разбухало и разбухало, пока Эдди не испугался, как бы оно не лопнуло в груди. Юноша победным жестом вскинул над головой сжатые кулаки... да так и застыл.

Поле простиралось на многие мили. Оно взбиралось на пологий склон, а на горизонте стояла Темная Башня — столп из немого камня, вздымавшийся в небо на такую высоту, что Эдди едва мог разглядеть вершину. Окруженное ярчайшими алыми розами основание было огромным и грузным, внушительным, и все же, уходя ввысь и сужаясь к вершине, Башня обретала странное изящество. Слагавший ее камень был не черным, каким его воображал Эдди, а темно-серым, как сажа. Вереница узких окошек-бойниц опоясывала Башню восходящей спиралью; под окнами шел едва ли не бесконечный лестничный марш — каменные ступени, виток за витком поднимавшиеся к вершине. Башня высилась над полем кроваво-красных роз воткнутым в землю темно-серым восклицательным знаком. Над нею синела перевернутая чаша небес, пестревшая похожими на корабли пухлыми белыми облаками. Они бесконечным потоком плыли над вершиной Темной Башни и вокруг нее.

«Экая же красотища! — подивился Эдди. — Но какое странное, чужое величие!» Однако его радость и ликование исчезли, осталось лишь сильное беспокойство и предчувствие надвигающейся гибели. Молодой человек огляделся и с внезапным ужасом осознал, что стоит в тени Башни. Нет, не просто *стоит* — заживо погребен в ней.

Он вскрикнул, но затрубил исполинский рог, и крик Эдди потонул в золотистых сладостных звуках. Они неслись с вершины Башни и, казалось, заполняли собой весь мир. Покуда эта песнь предостережения летела над полем, где он стоял, из опоясывающих Башню бойниц хлынула чернота. Она подступила к оконным проемам, перелилась через край и распозалась по небу схожими с листьями третилика дряблыми языками. Сойдясь вместе, они образовали растущее пятно мрака. Оно не походило на тучу — оно напоминало нависшую над землей опухоль. Неба не стало видно. И Эдди открылось: ни тучей, ни опухолью этот сгусток тьмы не был — прямо на молодого человека стремительно несло колоссальное мрачное *нечто*. Напрасно было бы бежать от зверя, что обретал призрачную плоть в небе над розовым полем; он настиг бы Эдди, схватил бы, унес прочь. В Темную Башню унес бы он Эдди, и мир света никогда уж не узрел бы юношу.

В темноте возникли прорехи, и сверху на Эдди взглянули жуткие нечеловечьи глаза, каждый — наверняка ничуть не меньше Шардика,

медведя, лежавшего мертвым в лесу. Глаза эти были алые — алые, как розы; алые, как кровь.

В ушах Эдди загремел мертвый голос Джека Андолини: *«Тысяча миров, Эдди, — десять тысяч! — и ихний поезд катит через все до единого. Если сумеешь его завести. А сумеешь, так это только цветочки, ягодки будут впереди — ихнюю агрегатину так просто не вырубешь, она сволочь еще та, ее так просто не выключишь...»*

Голос Джека сделался механическим, монотонным: *«За**дохаешься выключать, Эдди, мальчик мой, зря не веришь, эта ихняя сволочь...»*

...НАХОДИТСЯ В ФАЗЕ ВЫКЛЮЧЕНИЯ! ВЫКЛЮЧЕНИЕ БУДЕТ ПОЛНОСТЬЮ ЗАВЕРШЕНО В ТЕЧЕНИЕ ОДНОГО ЧАСА ШЕСТИ МИНУТ!

Во сне Эдди вскинул руки, загораживая глаза...

20

...и проснулся. Он сидел, вытянувшись в струнку, у потухшего костра и смотрел на мир сквозь растопыренные пальцы. А голос продолжал раскатисто вещать — ревуший в мегафон голос бездушного командира группы спецназа:

— ОПАСНОСТИ НЕТ! ПОВТОРЯЮ: ОПАСНОСТИ НЕТ! ПЯТЬ СУБЪЯДЕРНЫХ ЯЧЕЕК ОТКЛЮЧЕНЫ, ДВЕ СУБЪЯДЕРНЫЕ ЯЧЕЙКИ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ПРОХОДЯТ ФАЗУ ВЫКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ ЯЧЕЙКА РАБОТАЕТ НА ДВА ПРОЦЕНТА МОЩНОСТИ. ЦЕННОСТИ ЯЧЕЙКИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ! О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ СООБЩИТЬ В «НОРТ-СЕНТРАЛ ПОЗИТРОНИКС, ЛТД»! ЗВОНИТЬ 1-900-44! КОДОВОЕ НАИМЕНОВАНИЕ ДАННОГО УСТРОЙСТВА — «ШАРДИК»! ОБЕЩАНО ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ! ПОВТОРЯЮ: ОБЕЩАНО ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ!

Голос смолк. Эдди увидел Роланда, который стоял на краю поляны, держа на сгибе руки Сюзанну. Они неотрывно смотрели туда, откуда несся голос, и когда записанное на пленку объявление началось сначала, Эдди наконец оказался в силах встряхнуться и отогнать бросающие в дрожь отголоски приснившегося ему кошмара. Он встал и присоединился к Роланду с Сюзанной, с интересом раздумывая, сколько же веков минуло с той поры, как было записано это объявление, запрограммированное таким образом, чтобы вещание начиналось лишь в случае полной поломки системы.

— ИДЕТ ВЫКЛЮЧЕНИЕ УСТРОЙСТВА! ВЫКЛЮЧЕНИЕ ПОЛНОСТЬЮ ЗАВЕРШИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ ОДНОГО ЧАСА ПЯТИ МИНУТ! ОПАСНОСТИ НЕТ! ПОВТОРЯЮ...

Эдди тронул Сюзанну за руку, и молодая женщина оглянулась.

— Сколько это уже продолжается?

— Минут пятнадцать. Ты спал как уби... — Она осеклась. — Эдди, ты ужасно выглядишь. Тебе нехорошо?

— Да нет. Приснился плохой сон, вот и все.

Роланд внимательно присматривался к нему. Эдди почувствовал себя неуютно.

— Порой в снах бывает заключена правда, Эдди. Что тебе приснилось?

Эдди на миг задумался, потом тряхнул головой.

— Не помню.

— Знаешь, я в этом сомневаюсь.

Эдди пожал плечами и одарил Роланда бледной улыбкой.

— Да ради Бога, сомневайся, сколько влезет. Ты-то как нынче утречком, Роланд?

— Так же, — отрубил Роланд, продолжая выцветшими голубыми глазами заучивать лицо Эдди наизусть.

— Хватит вам, — вмешалась Сюзанна. В ее оживленном голосе Эдди уловил нотку скрытой нервозности. — Перестаньте. Как будто мне больше делать нечего, только смотреть, как вы тут выплясываете, пиная друг дружку в лодыжки, точно пара огольцов, играющих в «наступалочки». Особенно сегодня, когда этот медведь силится перервать весь свет.

Стрелок кивнул, тем не менее не спуская глаз с Эдди.

— Ладно... но ты уверен, что ничего не хочешь мне рассказать, Эдди?

Тут Эдди и в самом деле задумался, а не рассказать ли о том, что он видел в огне; о том, что он видел во сне. И решил молчать. Возможно, единственно из-за воспоминания о розе в костре и о розах, которые в таком сказочном изобилии покрывали приснившееся ему поле. Он знал, что не сумеет рассказать о них так, как их видели его глаза и принимало сердце; что лишь опошлит их. Кроме того, по крайней мере в эту минуту, ему хотелось все обдумать в одиночестве. *«Так помни же, — вновь велел он себе... вот только внутренний голос Эдди мало походил на его собственный. Он был как будто бы ниже, гуще — голос человека старше Эдди, голос незнакомца. — Помни розу... и форму ключа».*

— Непременно, — пробормотал он.

— Что — непременно? — спросил Роланд.

— Расскажу, — ответил Эдди. — Если стрясется что-нибудь... ну... действительно важное, я все расскажу. Тебе. Вам обоим. Но сейчас все тихо. Поэтому, дружище Шэйн, если мы куда-нибудь собираемся — по коням.

— Шэйн? Кто такой этот Шэйн?

— Это я расскажу тебе тоже как-нибудь в другой раз. А сейчас — айда.

Уложив скарб, перенесенный из старого лагеря, они пустились в обратный путь. Сюзанна снова катила в инвалидном кресле, но Эдди почему-то казалось, что ехать в нем ей предстоит недолго.

21

Однажды, еще до того, как Эдди излишне пристрастился к героину и стал мало интересоваться прочим, он с парой приятелей ездил в Нью-Джерси на концерт, послушать в Медоулэндс две группы, играющие «спид-металл», — «Антракс» и «Мегадет». Сейчас ему казалось, что «Антракс» тогда грохотал чуть громче повторяющихся объявлений, которые разносились от поверженного медведя, однако стопроцентной уверенности в этом у него не было. Когда до поляны оставалось еще полмили, Роланд остановил свой маленький отряд и оторвал от старой рубахи шесть лоскутков. Заткнув ими уши, они двинулись дальше, но даже плотно не могло заглушить несмолкающие трубные звуки.

— ИДЕТ ВЫКЛЮЧЕНИЕ УСТРОЙСТВА! — оглушительно проревел медведь, когда путники вновь ступили на поляну. Он лежал на прежнем месте, у подножия дерева, на котором спасался Эдди, — поверженный колосс, расставивший согнутые в коленях ноги, точно умершая родами мохнатая великанша. — ВЫКЛЮЧЕНИЕ ПОЛНОСТЬЮ ЗАВЕРШИТСЯ ЧЕРЕЗ СОРОК СЕМЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ НЕТ...

«Нет, есть, — подумал Эдди, подбирая раскиданные шкуры — те, что медведь не порвал в клочья при нападении или когда метался в предсмертных муках. — *Вагон и маленькая тележка*. Для моих, б**, ушей». Он поднял портупею и молча передал ее Роланду. Неподалеку лежала деревяшка, над которой он тогда трудился; Эдди схватил ее и сунул в карман на спинке инвалидного кресла Сюзанны. Стрелок тем временем не спеша застегивал на талии широкий кожаный ремень и подтягивал кожаные шнуры-завязки.

— ...В ФАЗЕ ВЫКЛЮЧЕНИЯ РАБОТАЕТ ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ ЯЧЕЙКА. ПОТРЕБЛЯЕМАЯ МОЩНОСТЬ — ОДИН ПРОЦЕНТ. ЯЧЕЙКИ...

Сюзанна ехала следом за Эдди, держа на коленях собственноручно сшитую сумку-кошелку. Туда она запихивала шкуры, которые подавал ей Эдди. Когда все шкуры исчезли в сумке, Роланд хлопнул Эдди по плечу и протянул юноше котомку. Содержимое котомки составляла главным образом оленина, обильно пересыпанная солью из природного лизунца, обнаруженного Роландом тремя милями выше по течению ручейка. Такой же дорожный мешок уже был вздет на плечо самого стрелка. Другое плечо Роланда оттягивал кошель, пополненный и вновь разбухший от всякой всячины.

Неподалеку на дереве висела похожая на парашютную подвеску странная самодельная сбруя с сиденьем из простеганной оленьей

шкуры. Роланд сдернул ее с ветки и подверг краткому осмотру, после чего повесил себе на спину, завязав постромки узлами под грудью. Сюзанна при этом состроила кислую мину, и это не ускользнуло от внимания Роланда. Он не сделал попытки заговорить (так близко от медведя его бы не услышали, даже вопи он во всю глотку), но сочувственно пожал плечами и развел руками: *«Ты же знаешь, что она нам понадобится»*.

Сюзанна пожалала плечами в ответ:

«Знаю... но это вовсе не значит, что мне это по душе».

Стрелок взмахом руки показал на дальний край поляны. Две заломанных ели указывали место, где на поляну вступил Шардик, некогда известный в этих краях как Мьяр.

Эдди наклонился к Сюзанне, большим и указательным пальцами изобразил кружок и вопросительно поднял брови: *«Договорились?»*

Кивнув, она зажала ладонями уши. *«Договорились — но давайте выбираться отсюда, пока я не оглохла»*.

Троица двинулась через поляну. Эдди вез Сюзанну, державшую на коленях кошелку со шкурами. Прочее добро, в том числе кусок дерева с пращей, все еще скрытой в нем почти целиком, распирало карман на спинке инвалидного кресла.

Медведь у них за спиной продолжал громогласно передавать свое последнее сообщение, оповещая мир о том, что полное выключение произойдет через сорок минут. Эдди было уже невтерпеж. Сломанные ели склонялись друг к другу, образуя грубо очерченные ворота, и Эдди подумал: *«Вот где взаправду начинается поход Роланда к Темной Башне — по крайней мере, для нас»*.

Он снова вспомнил свой сон, спираль бойниц, выпустивших развертывающиеся языки мрака — языки, которые пятном распозлись над заросшим розами полем, — и, когда он проходил под склоненными деревьями, его пробрала сильная дрожь.

22

Кресло удалось использовать дольше, чем ожидал Роланд. Древние разлапистые ели и привольно распростершие ветви вековые сосны выстлали лес толстенным ковром хвои, глушившим почти всякую растительность. Руки у Сюзанны были сильные — сильнее, чем у Эдди, хотя Роланд не думал, что так будет еще долго, — и она легко катила свое кресло по ровной, тенистой лесной подстилке. На пути вдруг оказалось одно из поваленных медведем деревьев. Роланд вынул Сюзанну из кресла, и Эдди перетащил громоздкую конструкцию через препятствие.

Позади медведь во весь свой механический голос, лишь слегка приглушенный расстоянием, сообщил им, что мощность последней действующей субъядерной ячейки теперь совсем незначительна и ею можно пренебречь.

— Надеюсь, загрузить эту чертову сбрую тебе сегодня не придется, проходишь весь день порожняком! — крикнула стрелку Сюзанна.

Роланд выразил согласие, но не прошло и четверти часа, как земля пошла под уклон и началось вторжение в старый лес более мелких и молодых деревьев: береза, ольха и несколько кленов-недоростков в поисках опоры угрюмо скребли корнями почву. Ковер хвои истончился; колеса инвалидного кресла Сюзанны стали застревать в низком жестком кустарнике, росшем в узких проходах между деревьями. Тонкие крепкие ветки тарахтели по спицам из нержавеющей стали, брэнчали на них, как на струнах, извлекая заунывные звуки. Эдди всей тяжестью налег на ручки кресла, и таким образом им удалось проделать еще четверть мили. Потом спуск начал набирать крутизну, а земля под ногами размягчилась в кашу.

— Пора на закорки, госпожа, — объявил Роланд.

— Давай еще немного попытаем счастья с креслом. Что скажешь? Вдруг ехать станет легче...

Роланд покрутил головой.

— Если ты попробуешь съехать с этого пригорка, ты... как вы говорите, Эдди?.. вертанешься?..

Эдди, посмеиваясь, покачал головой.

— Это называется «навернуться», Роланд. Выражанс из тех дней, что я растратил попусту, шлифуя тротуары.

— Как ни называй, суть едина: приземление на голову. Ну же, Сюзанна. Ап!

— Отвратительно быть калекой, — сварливо сказала Сюзанна, однако позволила вытащить себя из кресла и даже помогла Эдди прочно усадить ее в подвеску на спине Роланда. Как только перемещение было закончено, она, потрогав рукоять револьвера Роланда, спросила Эдди:

— Тебе нужен этот малыш?

Эдди покачал головой.

— Ты шустрее. Сама знаешь.

Сюзанна хмыкнула и приладила ремень с кобурой так, чтобы рукоять револьвера было легко и удобно доставать правой рукой.

— Ребята, я знаю, что торможу вас... Но если мы когда-нибудь все-таки доберемся до хорошей двухполосной асфальтированной дороги, я вас сделаю. Будете стоять на карачках в положении «на старт» и глядеть мне вслед...

— Не сомневаюсь, — отвечал Роланд... и резко вскинул голову. На лес пала тишина.

— Братец Медведь наконец-то сдался, — с облегчением проговорила Сюзанна. — Слава Богу.

— Мне казалось, у него еще семь минут, — удивился Эдди.

Роланд поправлял ремешки подвески.

— Должно быть, за последние пятьсот-шестьсот лет его часы немного отстали.

— Роланд, ты правда думаешь, что ему было столько лет?

Роланд кивнул.

— Самое малое. И вот он — насколько нам известно, последний из Двенадцати Стражей — испустил дух...

— Ага, а теперь поинтересуйся, не накласть ли мне на это, — откликнулся Эдди, и Сюзанна рассмеялась.

— Тебе удобно? — спросил ее Роланд.

— Нет. Мягкое место у меня уже болит, но ты иди. Только постарайся меня не уронить.

Роланд кивнул и зашагал вниз по склону. Эдди двинулся следом, толкая перед собой пустое кресло и стараясь не слишком сильно ударять его о камни, которые забелели на этом участке земли, словно торчащие из грунта костяшки огромных пальцев. Теперь, когда медведь наконец заткнулся, лес казался Эдди чересчур уж тихим, отчего молодой человек невольно чувствовал себя кем-то вроде персонажа одной из тех старых кинолент о джунглях, каннибалах и гигантских обезьянах, где все насквозь фальшиво и надуманно.

23

Отыскать след медведя было легко, труднее оказалось по нему идти. Милых в пяти от поляны он завел путников не то чтобы в болото, но в топкую низину, и к тому времени, как земля опять пошла вверх и немного затвердела, вылинявшие джинсы Роланда промокли до колен, а сам он дышал силло, тяжело, долгими размеренными вдохами. Тем не менее стрелок был в чуть лучшей форме, чем Эдди, обнаруживший, что бороться с креслом Сюзанны в жидкой грязи и стоячей воде крайне неприятно.

— Пора отдохнуть и перекусить, — объявил Роланд.

— Уф-ф, даешь жратву! — пропыхтел Эдди. Он помог Сюзанне выбраться из подвески и усадил ее на поваленный ствол, исполосованный длинными косыми бороздами там, где по нему прошлись когти. Потом наполовину сел, наполовину рухнул рядом с ней.

— Слышь, белый, ты мне все кресло изгваздал, — попрекнула Сюзанна. — И я про все про это доложу.

Эдди вскинул бровь:

— Я лично проведу тебя через первую же автомобильную мойку, какая нам попадется. И даже надраю чертову штуковину до блеска «Черепакхой»¹. Заметано?

Она улыбнулась.

— Заметано, красавчик.

¹ «Черепакха» — сорт мастики.

К поясу Эдди был приторочен один из бурдюков Роланда. Он похлопал по нему:

— Нет возражений?

— Будь по-твоему, — согласился Роланд. — Понемногу, не увлекаясь, — сейчас; еще по малости — каждому на дорогу. Тогда ни у кого не схватит живот.

— Роланд, Орел-Разведчик из страны Оз, — сказал Эдди и со смешком отвязал бурдюк.

— Что такое Оз?

— Выдуманная киношниками страна, — пояснила Сюзанна.

— Мало сказать «выдуманная страна». Мой брат Генри изредка читал мне про Оз. Как-нибудь вечером я расскажу тебе одну из этих историй, Роланд.

— Это было бы прекрасно, — серьезно ответил стрелок. — Я жажду узнать и понять ваш мир.

— Ну, Оз-то тут ни с какого боку. Как сказала Сюзанна, это выдуманное место...

Роланд протянул им по куску мяса, завернутого в какие-то широкие листья.

— Быстрейший способ познать новые края — выяснить, о чем там мечтают. Я непременно хочу услышать про Оз.

— Ладушки, тоже замечано. Сюзи может рассказать тебе про Дороти, Тото и Железного Дровосека, а я доскажу все остальное. — Эдди запустил зубы в мясо и одобрительно закатил глаза. Мясо, впитавшее аромат листьев, в которые было завернуто, оказалось восхитительным. Эдди жадно проглотил свою порцию; в животе у него все время деловито урчало. Теперь, когда юноша почти отдышался, ему стало хорошо. По правде говоря, он чувствовал себя просто великолепно. Тело Эдди успело нарастить солидный пласт мышц, и сейчас между всеми частями окрепшей телесной оболочки молодого человека царили мир и согласие. «Спокуха, — сказал он себе. — К вечеру снова пойдет драчка. По-моему, этот хмырь собирается переть дальше без остановки, пока я не созрею и не рухну на ходу».

Сюзанна ела более изящно. Каждый второй или третий кусочек она запивала небольшим глотком воды и поворачивала мясо в руках, откусывая от краев и постепенно продвигаясь к середине.

— Закончи то, что начал вчера вечером, — предложила она Роланду. — Ты сказал, что, кажется, понял что-то насчет этих своих противоречивых воспоминаний.

Роланд кивнул.

— Да. Я думаю, истинны оба варианта. В одном правды чуть больше, но это *не опровергает* справедливости другого.

— По-моему, ты городишь ерунду, Роланд, — сказал Эдди. — Либо этот мальчишка, Джейк, был на постоянном дворе, либо его там не было.

— В том-то и парадокс — нечто и существует и не существует одновременно. Пока этот парадокс не разрешен, моя раздвоенность сохранится. Уже достаточно скверно, однако изначальный разрыв расширяется. Растет. Это нельзя выразить словами.

— В чем, по-твоему, причина? — спросила Сюзанна.

— Я рассказывал вам, что мальчика толкнули под машину. Толкнули. Ну а какого любителя толкать людей под разные разности мы знаем?

Лицо Сюзанны озарило понимание.

— Джека Морта. Ты хочешь сказать, что это он вытолкнул мальчика на мостовую?

— Да.

— Но ты сказал, что это сделал человек в черном, — возразил Эдди. — Твой дружок Уолтер. Ты сказал, что мальчонка *видел* его — человека, похожего на священника. Ведь он даже слышал, как тот *сказал* что-то вроде «Пропустите меня, я священник», разве не так?

— О, без Уолтера-то, разумеется, не обошлось. Они были там *оба*, и оба толкнули Джейка.

— Эй, кто-нибудь, торазин и смирительную рубашку! — крикнул Эдди. — Роланд съехал с катушек.

Роланд не обратил на это никакого внимания; с течением времени он мало-помалу понял, что шутки и фиглярство Эдди — это способ справляться с нервным напряжением. Очень похоже на Катберта... да и Сюзанна, в своем роде, изрядно напоминала Аллена.

— Вся эта история досадна тем, — проговорил он, — что мне надлежало *понять*, где собака зарыта. В конце концов, я был *внутри* Джека Морта и имел доступ к его мыслям, так же как и к твоим, Эдди, и к твоим, Сюзанна. Находясь внутри Морта, я *видел* Джейка. Видел глазами Морта; *знал*, что Морт собирается его толкнуть. Не только знал — *воспрепятствовал* этому. Потребовалось лишь войти в тело Морта. Нельзя сказать, что он постиг суть происходящего, ибо так сосредоточился на своем замысле, что посчитал меня мухой, усевшейся ему на шею.

Эдди начинал понимать.

— Раз Джейка не вытолкнули на мостовую, он не умер. А раз он не умер, он не попал в этот мир. А раз он не попал в этот мир, ты не встретился с ним на постоялом дворе. Верно?

— Верно. Однажды у меня даже мелькнула мысль, что, коль скоро Джек Морт намеревался убить мальчика, мне следовало отойти в сторонку и позволить ему сделать это. Дабы избежать возникновения того самого парадокса, из-за которого я теперь рвусь на части. Но я не мог так поступить. Я... я...

— Ты не мог убить пацанчика во второй раз, правда же? — мягко спросил Эдди. — Всякий раз, когда я совсем уж готов записать тебя в машины вроде того медведя, ты удивляешь меня

чем-нибудь, что, как ни странно, кажется свойственным человеку. Вот черт возьми!

— Эдди, брось, — предостерегла Сюзанна.

Эдди взглянул в лицо слегка понурившемуся стрелку и состроил рожу:

— Роланд, прости дурака. Мать всегда говорила, что у меня есть дрянная привычка сперва сболтнуть, потом подумать.

— Да ничего. Когда-то у меня был друг, который грешил тем же.

— Катберт?

Роланд кивнул. Несколько долгих томительных секунд он смотрел на свою двупалую правую руку, потом страдальчески сжал ее в кулак и опять поднял глаза на собеседников. Где-то в чаще сладко пел жаворонок.

— Послушайте-ка, что я думаю. Даже если бы я тогда не вошел в сознание Джека Морта, он *все равно* не толкнул бы Джейку в тот день. В тот день — нет. Почему? *Ка-тет*. Очень просто. Впервые с тех пор, как погиб последний из друзей, пустившихся со мной в это странствие, я вновь обнаружил себя в центре *ка-мета*.

— Квартета? — с сомнением переспросил Эдди.

Стрелок помотал головой.

— *Ка* — слово, толкуемое тобою, Эдди, в значении «судьба», хотя подлинный его смысл куда более сложен и трудно поддается определению, как почти всегда бывает с Высоким Слогом. И *тет*, что означает круг людей с общими интересами и целями. Например, мы трое — *тет*. *Ка-тет* — место, где судьба, фатум, сводит воедино множество жизней.

— Как в «Мосте короля Людовика Святого»¹, — пробормотала Сюзанна.

— Что это? — спросил Роланд.

— Известная у нас история о людях, которые идут по мосту через ущелье и вместе гибнут, когда он рушится.

Роланд понимающе кивнул.

— В нашем случае *ка-тет* объединяет Джейку, Уолтера, Джека Морта и меня. Ловушки, которую я заподозрил поначалу, поняв, кого Джек Морт наметил своей следующей жертвой, не было — ведь *ка-тет* нельзя ни изменить, ни подчинить чьей-либо воле. Но *ка-тет* можно *заметить*, *распознать* и *понять*. Уолтер заметил... и понял. — Ударив кулаком по бедру, стрелок с горечью воскликнул: — Какой смех, должно быть, бушевал у него внутри, когда я наконец настиг его!

— Давай вернемся к тому, что случилось бы, если б в тот день, когда Джек Морт шел за Джейком, ты бы не спутал ему карты, — сказал Эдди. — Ты говоришь, что если бы *ты* не остановил Морта,

¹ «Мост короля Людовика Святого» — роман Торнтон Уайлдера

его остановило бы что-нибудь другое. Или кто-нибудь другой. Правильно?

— Да, ибо Джейку не было предначертано умереть в *тот* день. Тот день *недалеко* отстоял от урочного, однако *не был* им. Это я тоже чувствовал. Быть может, за секунду до толчка Морт заметил бы, что кто-то наблюдает за ним. Или вмешался бы какой-нибудь совершеннейший незнакомец. Или...

— Или полицейский, — подхватила Сюзанна. — Вдруг Морт увидел бы в неподходящее время и в неподходящем месте полицейского.

— Да. Точная причина — действующая сила *ка-тета* — неважна. Я по собственному опыту знаю, что Морт был хитер, как старый лис. Стоило ему почуять, что что-то неладно — хоть самую малую малость, — он сыграл бы отбой и подождал другого дня. Знаю я и кое-что еще. Морт охотился переодетым. В тот день, когда он сбросил кирпич на голову Одетте Холмс, он был в вязаной шапочке и старом свитере на несколько размеров больше, чем нужно. Он хотел выглядеть забудлыгой — ведь кирпич он столкнул со здания, приютившего под своєю кровлей не одного горького пьяницу. Понимаете?

Они кивнули.

— Много лет спустя, толкая тебя под поезд, Сюзанна, Морт был одет рабочим-строителем: большая желтая каска (которую про себя он называл «шлемом») и фальшивые усы. В тот день, когда он *впрямь толкнет* Джейка под машину и тем самым убьет его, *он будет переодет священником*.

— Боже, — едва слышно вырвалось у Сюзанны — Человеком, толкнувшим мальчугана в Нью-Йорке, был Джек Морт, а на постоялом дворе Джейк видел того субчика, за которым ты гнался, — Уолтера.

— Да.

— И мальчонка решил, что это один и тот же человек, потому что оба были в одинаковых черных балахонах?

Роланд кивнул.

— Между Джеком Мормом и Уолтером существовало даже телесное сходство. Не хочу сказать, что они походили друг на друга как братья, однако оба были высоки ростом и отличались чрезвычайной бледностью при темных волосах. Принимая же во внимание тот факт, что единственная возможность хорошенько рассмотреть Морта представилась Джейку в смертный час и что единственную возможность хорошенько рассмотреть Уолтера мальчик получил в совершенно незнакомом месте, перепуганный почти до одури, я думаю, его ошибку можно и понять, и простить. Если и есть на этой картине безмозглый болван, он перед вами, ибо истину следовало постигнуть скорее.

— Неужто Морт не просек бы, что его используют? — спросил Эдди. Он не забыл своих переживаний и диких мыслей, порожденных

вторжением Роланда в его сознание, и не понимал, как Морт мог оставаться в неведении, но Роланд отрицательно качал головой:

— Уолтер взялся бы за дело в высшей степени тонко. Мне кажется, Морт считал бы, что мысль одеться священником принадлежит ему самому... Он не распознал бы, что где-то в дебрях его рассудка шепчет, подсказывая, как поступить, чужой, сторонний голос — голос Уолтера.

— Джек Морт! — поразился Эдди. — Все время это был Джек Морт.

— Да... а Уолтер помогал. Итак, в конечном счете я все-таки спас Джейку жизнь. Принудив Морта прыгнуть с платформы подземки под поезд, я все изменил.

Сюзанна спросила:

— Если этот Уолтер мог проникать в наш мир там, где ему заблагорассудится, — возможно, через личную дверь, — разве не мог он использовать кого-нибудь другого для того, чтобы толкнуть твоего мальчугана под машину? Раз он сумел внушить Морту мысль вырядиться священником, значит, он мог заставить кого-нибудь еще устроить этот маскарад... что, Эдди? Что ты трясешь головой?

— А то! По-моему, *это* Уолтеру на фиг не было нужно. Ему хотелось *другого* — того, что сейчас *происходит*... чтоб Роланд потихонечку сходил с ума. Что, не так?

Стрелок кивнул.

— Даже если б Уолтер и *хотел* обстрелять дельце таким манером, у него ни хрена бы не вышло, — прибавил Эдди. — Он же отбросил коньки задолго до того, как Роланд нашел двери у моря. А уж как Роланд влез через последнюю дверь в башку к Джеку Морту, тут и кончились золотые денечки, когда старина Уолт был в каждой бочке затычкой.

Сюзанна задумалась, потом кивнула.

— *Кажется*, понимаю... Эти паршивые путешествия во времени здорово сбивают с толку, верно?

Роланд принялся собирать и заново прилаживать на место свое имущество.

— Пора в дорогу.

Эдди поднялся и, помогая себе плечами, надел котомку.

— По крайней мере, можешь утешаться одним, — сказал он Роланду. — Ты, ну, или этот *ка-тет* — в итоге сумели спасти пацана.

Роланд, завязывавший на груди постромки ременной подвески, вскинул глаза — ясные, сверкающие, — и Эдди невольно отпрянул.

— Да? — сурово поинтересовался стрелок. — Ужели? Пытаясь примириться с двумя версиями одной реальности, я по капле теряю рассудок. Поначалу я надеялся, что один из двух порядков событий, хранящихся в моей памяти, начнет блекнуть и постепенно исчезнет совсем, но ничего подобного не происходит! Собственно, происходит

нечто прямо противоположное: эти две реальности бранятся у меня в голове, возмущаясь, сетуя и ропща, точно две враждующие клики, которым не миновать скорой войны, и поднятый ими крик звучит все громче! Так ответь же мне, Эдди: каково, по-твоему, *Джейку*? Каково, по-твоему, *знать, что ты мертв в одном мире и жив в другом*?

Снова запел жаворонок, но никто этого не заметил. Эдди смотрел прямо в блекло-голубые глаза Роланда, пылавшие на бледном лице, и не мог придумать, что сказать.

24

Расположившись лагерем примерно в пятнадцати милях к востоку от мертвого медведя, путники погрузились в сон, каким спят лишь полностью обессиленные (даже Роланд проспал ночь напролет, хотя сны его были каруселью кошмаров), и на следующее утро поднялись с рассветом. Эдди в молчании развел небольшой костер и, когда в лесу неподалеку прогремел выстрел, поглядел на Сюзанну.

— Это завтрак, — сказала она.

Три минуты спустя вернулся Роланд с переброшенной через плечо шкурой. На ней лежала свежесъеденная тушка кролика. Сюзанна поджарила его; они поели и тронулись в путь.

Эдди все старался представить себе, каково было бы помнить о собственной смерти. И всякий раз терпел неудачу.

25

Вскоре после полудня путники вступили в царство выкорчеванных деревьев и переломанного, вмятого в землю кустарника: казалось, давным-давно исполинский смерч коснулся здесь земли, проторив своей разрушительной силой широкую и удручающе мрачную дорогу.

— Мы близки к искомому месту, — объявил Роланд. — Наш друг медведь все здесь снес, дабы расчистить обзор. Он не хотел сюрпризов. Обходительной сию важную особу не назовешь.

— А нам он оставил какие-нибудь сюрпризы? — поинтересовался Эдди.

— Возможно. — Улыбнувшись краешком губ, Роланд тронул Эдди за плечо: — Но вот ведь что — это будут *старые* сюрпризы.

Продвижение по этой зоне разрушений шло медленно. Хотя поверженные наземь деревья в большинстве своем были очень старые (многие уже почти слились с почвой, откуда когда-то пробились), беспорядочное нагромождение стволов и путаница ветвей создавали внушительную полосу препятствий, преодолеть которую было бы довольно непросто даже в том случае, если бы все путники были

физически полноценными. С восседающей в притороченной к спине стрелка подвеске Сюзанной дорога превратилась в тренировку выносливости, стойкости и умения обуздывать раздражение.

Поваленные стволы и колтун подлеска скрывали от глаз след медведя, что тоже не способствовало быстрейшему продвижению. До полудня путники шли по отметинам когтей на деревьях, четким, как зарубки. Однако здесь, близ стартовой точки медвежьей ярости, где она еще не цвела полным цветом, эти удобные вехи, отмечавшие путь зверя, исчезли. Роланд двигался не спеша, выискивая в кустах помет, а на деревьях, через которые перелезал медведь, — клочья шерсти. На то, чтобы одолеть три мили этого истлевшего хаоса, ушла вся вторая половина дня.

Едва Эдди решил, что скоро стемнеет и им придется разбить лагерь в этом страшноватом окружении, они вышли к опушке редкого ольшаника. За деревьями слышался шумный лепет бегущего по камням ручья. Позади закатное солнце в ореоле тонких багровых лучей заливало угрюмым светом разоренный участок, который они только что пересекли, превращая поваленные деревья в черные перекрестья, очертаниями напоминавшие китайские иероглифы.

Роланд объявил привал и осторожно опустил Сюзанну на землю. Распрямившись, он уперся руками в бедра и принялся разминать спину, изгибаясь то так, то эдак.

— И ночевать здесь будем? — спросил Эдди.

Роланд покачал головой.

— Сюзанна, дай Эдди револьвер.

Она повиновалась, вопросительно глядя на него.

— Пошли, Эдди. Нужно нам место — за теми деревьями. Взглянем на него. Может, и поработать придется.

— С чего ты взял...

— А ты прислушайся.

Эдди прислушался и понял, что слышит шум работающих механизмов. Потом он сообразил, что слышит его уже некоторое время.

— Я не хочу оставлять Сюзанну.

— Мы не уйдем далеко, а у нее хороший, громкий голос. Кроме того, если здесь и есть опасность, она впереди — мы окажемся между ней и Сюзанной.

Эдди посмотрел вниз, на Сюзанну.

— Идите, только постарайтесь поскорее вернуться. — Она задумчиво оглянулась и посмотрела туда, откуда они пришли. — Не знаю, есть тут привидения или нет, но *кажется*, есть.

— Мы вернемся засветло, — пообещал Роланд. Он зашагал к деревьям, и секундой позже Эдди последовал за ним.

Углубившись в ольшаник на пятнадцать ярдов, Эдди вдруг сообразил, что они идут по тропе; по тропе, которую, вероятно, протоптал за долгие годы медведь. Гибкие деревья смыкались над головой сводом туннеля. Непонятный шум здесь был громче, и Эдди принялся раскладывать его на составляющие. Один звук — тихий, басистый гул — слабой вибрацией передавался ступням, словно под землей работал какой-то большой агрегат. Гул отчетливо прорезали нестройные, более близкие и назойливые звуки — взвизги, писк, отрывистое цвирканье и поскрипыванье.

Роланд приблизил губы к уху Эдди и сказал:

— Думаю, если вести себя тихо, опасность невелика.

Они прошли еще пять ярдов, и Роланд опять остановился. Вынув револьвер, он стволом отвел в сторону ветку, тяжелую от подсвеченных закатным солнцем листьев. Заглянув в образовавшийся небольшой просвет, Эдди устремил взгляд на поляну, где так долго жил медведь, — на оперативную базу, откуда зверь множество раз отправлялся чинить насилие и разбой.

Подлеска здесь не было и в помине; землю давным-давно вытоптали налысо. По поляне, схожей очертаниями с наконечником стрелы, бежал ручей, пробивавшийся у подножия почти пятнадцатифутовой каменной стены. Подпертая этой стеной с тыла, по их сторону ручья стояла металлическая будка высотой около девяти футов, с закругленной крышей, напомнившей Эдди вход в метро, раскрашенная спереди косыми желтыми и черными полосами. Земля на поляне была не черной, как верхний слой грунта в лесу, а серой и странно рыхлой. Ее усеивали кости, и в следующий миг Эдди понял: то, что он принял за серую почву, тоже кости — кости такие древние, что рассыпаются в прах.

В земле копошились непонятные создания, издававшие пронзительный скрип и цвирканье. Четыре... нет, пять. Металлические устройства-невелички, самое крупное — со щенка колли. «Роботы, — сообразил Эдди, — или что-то *вроде* роботов». Все они не слишком отличались друг от друга и, несомненно, служили медведю лишь для одной цели — у каждого наверху быстро крутился крошечный радар.

«Опять соображальные шапочки, — подумал Эдди. — Бог ты мой, да что ж это за мир?»

Самое большое из этих устройств внешне отчасти напоминало трактор «Тонка», полученный Эдди в подарок на шести- или семилетие; катясь по поляне, оно взбивало гусеницами крохотные серые облачка костяной пыли. Другое походило на крысу из нержавеющей стали. Третьей, кажется, была змея, составленная из соединенных встык стальных сегментов; при движении она корчилась и горбом выгибала спину. Выстроившись цепочкой, эти механизмы безостанов-

вочно кружили по неровному кольцу глубокой колеи, пробитой ими на другом берегу ручья. Глядя на них, Эдди невольно вспомнил карикатуры, которые когда-то видел в старых номерах «Сатердей ивнинг пост», — по неведомой причине мать не выбрасывала эти журналы и хранила, складывая стопками в прихожей. На карикатурах дымящие сигаретами встревоженные мужчины, ожидая, пока их жены разрешатся от бремени, мерили шагами ковры, протаптывая на них дорожки.

Глаза Эдди привыкли к нехитрой географии поляны, и он увидел, что уродцев в наборе гораздо больше пяти. На виду была по меньшей мере дюжина других, а еще сколько-то, вероятно, пряталось за остатками давнишней добычи медведя. Отличие состояло в том, что эти, другие не двигались. Долгие годы члены механической свиты медведя гибли один за другим, и наконец осталась лишь маленькая группка из пяти нелепых созданий, судя по скрипу, визгу и ржавому лязгу, не слишком-то здоровых. Особенно убогой и увечной казалась змея, круг за кругом преследовавшая крысу. Она то и дело буксовала, и тогда шагавшая за ней конструкция — стальной блок на механических ножках-обрубках — нагоняла ее и награждала тычком, словно веля поторапливаться, к ебене матери.

Эдди стало интересно, в чем состояла работа этих уродцев. Наверняка не в защите и не в охране — конструкция медведя предусматривала защиту своими силами, и Эдди полагал, что, набреди старина Шардик на их троицу в пору своего расцвета, он в два счета сожрал бы их и не поморщился. Наверное, маленькие роботы были бригадой техобслуживания, или разведчиками, или посыльными. Они, видимо, могли представлять опасность, но лишь обороняясь... или защищая своего старшего. Воинственными они не казались.

Собственно, в них было что-то жалкое. Большая часть команды вымерла, их старшего не стало, и Эдди не сомневался, что роботы каким-то образом поняли это. От механических уродцев исходила не угроза, а странная, нелюдская печаль. Дряхлые, почти износившиеся, они, не зная покоя, круг за кругом шагали, катили и змеились по прорытой ими на заброшенной поляне колее, верша свой многотрудный путь, и Эдди почудилось, будто он может прочесть смятенное течение их мыслей: *«Батюшки-светы, что же теперь? В чем наша цель теперь, когда Его не стало? И кто позаботится о нас теперь, когда Его не стало? Батюшки-светы, батюшки-светы, батюшки-светы...»*

Кто-то потянул Эдди сзади за штанину, и молодой человек чуть не вскрикнул от страха и неожиданности. Он резко обернулся, взведя курок Роландова револьвера, и увидел Сюзанну, смотревшую на него снизу вверх большими глазами. Эдди длинно выдохнул и осторожно вернул курок в нерабочее положение. Опустившись на колени, он положил руки Сюзанне на плечи, поцеловал ее в щеку и прошептал на ухо:

— Ей-богу, я чуть было не всадил пулю в твою дурную головушку. Что ты тут делаешь?

— Хотела посмотреть, — нимало не смутясь, прошептала она в ответ и покосилась на Роланда, присевшего на корточки рядом с ними. — А потом, одной там страшновато.

Ползком пробираясь через жесткую густую поросль, Сюзанна оцарапалась, но Роланду пришлось признаться себе, что при желании молодая женщина может двигаться бесшумно, как привидение, — он ровным счетом ничего не слышал. Вынув из заднего кармана тряпицу (последнее, что осталось от его старой рубашки), стрелок отер с рук Сюзанны тонкие струйки крови. Мгновение он изучал плоды своих трудов, потом коротким движением промокнул и ссадину у нее на лбу.

— Раз так, взгляни, — сказал он одними губами. — Пожалуй, ты это заслужила.

Одной рукой отведя в сторону ветки крепкожильника и зеленики, Роланд открыл Сюзанне обзор на уровне ее глаз и стал ждать. Сюзанна меж тем впилась взглядом в поляну. Наконец она отстранилась, и Роланд позволил кустарнику сомкнуться.

— Мне их жалко, — прошептала Сюзанна. — Сумасшествие, верно?

— Вовсе нет, — так же тихо ответил Роланд. — Думаю, на свой диковинный манер это глубоко несчастные создания. Эдди собирается положить конец их страданиям.

Эдди тут же отрицательно затряс головой.

— Нет, собираешься... если только не хочешь ночь напролет просидеть тут, как ты это называешь, «враскорячку». Цель в шапочки. В крутящиеся штуки.

— А если я *промажу*? — взбешенно прошипел Эдди.

Роланд пожал плечами.

Эдди поднялся и нехотя вновь взвел курок. Он посмотрел сквозь кусты (сервомеханизмы виток за витком сиротливо кружили по своей одинокой, никчемной орбите) и хмуро подумал: «Все равно, что кутят перестрелять». Потом Эдди увидел, как один из роботов — тот, что напоминал шагающий короб, — выпустил из брюха отталкивающего вида клещи и на секунду прихватил ими змею. Удивленно зажужжав, змея рванулась вперед. Шагающий короб убрал клещи.

«Н-да... может, это и *не совсем* то же, что перестрелять кутят», — решил Эдди. Он опять посмотрел на Роланда. Тот, скрестив руки на груди, ответил невыразительным взглядом.

«Ты, приятель, выбираешь чертовски странные моменты, чтоб нас муштровать».

Эдди подумал о Сюзанне — о том, как она сперва всадила пулю медведю в зад, а потом, когда зверь кинулся на них с Роландом, вдребезги разнесла сенсорное устройство чудовища, — и слегка устыдился. Более того: какая-то часть его «я» хотела пойти на это, как

давно, в «Падающей Башне», что-то в нем *хотело* пойти против Балазара и его шайки бандюг. Возможно, такое навязчивое, неодолимое влечение было нездоровым, но это не портило главного очарования — «а ну-ка, поглядим, у кого будет грудь в крестах, а у кого — голова в кустах... поглядим, поглядим».

М-да, что нездорово, то нездорово.

«Внуши себе, будто тут тир и ты хочешь выиграть своей лапушке плюшевую собачку, — подумал он. — Или медведя». Он взял на мушку шагающий короб и нетерпеливо оглянулся, когда Роланд тронул его за плечо.

— Скажи свой урок, Эдди. Скажи без ошибки.

Эдди раздраженно шикнул сквозь зубы, злясь, что его отвлекают, но Роланд не отвел взгляда, и потому юноша с глубоким вздохом постарался выбросить из головы все: взвизги и скрипы изработавшегося оборудования; разнообразные прострелы и ломоты во всем теле; сознание того, что Сюзанна здесь, смотрит, опираясь на ладони выпрямленных рук, и *последующее* озарение: она ближе всех к земле — если он промажет по какой-нибудь из хитрых механических шуток на поляне и та решит отплатить обидчикам, Сюзанна окажется самой удобной мишенью.

— Не рукой стреляю; тот, кто стреляет рукою, забыл лик своего отца.

Во прикол, подумал молодой человек; встретиться Эдди со своим папашей на улице, он бы его не узнал. Но он чувствовал, как слова делают свое дело — проясняют голову и успокаивают нервы. Не ведая, из того ли он теста, что положено стрелку (возможность, казавшаяся юноше сказочно неправдоподобной, пусть даже он понимал, что во время разборки в ночном клубе у Балазара сумел проявить недюжинную стойкость), Эдди, однако, *знал* — чему-то в его душе пришлось по вкусу бесстрастная холодность, нисходившая на него с чередой старых-престарых вопросов и ответов, которым их выучил стрелок; равнодушная холодность и то, как предметы с присущей им безжизненной четкостью вдруг выделялись из общей картины. Другая частица Эдди понимала, что это еще один страшный наркотик, немногим отличающийся от героина, который свел в могилу Генри и едва не сгубил его самого, но это ничего не меняло: радость мгновений, когда с губ срываются слова старинной формулы, звенела в нем тугой струною, как звенят корабельные снасти на сильном ветру.

— Не рукой целюсь; тот, что целится рукою, забыл лик своего отца.

Оком целюсь.

Не из револьвера убиваю; тот, что убивает из револьвера, забыл лик своего отца.

И, неожиданно для себя выступив из-за деревьев на поляну, Эдди бросил роботам, крутившимся на дальнем ее краю:

— *Сердцем убиваю.*

Роботы прервали свое бесконечное кружение. Один из них громко зажужжал — это мог быть сигнал тревоги или предупреждение. Радары, каждый не больше половинки шоколадного батончика «Херши», повернулись на звук голоса Эдди.

Эдди открыл огонь.

Сенсоры один за другим разлетелись, как глиняные голубки. Жалость исчезла из сердца Эдди, остались лишь ледяное спокойствие и сознание того, что он не захочет и не сможет остановиться, пока не завершит дела.

Окутанная сумерками поляна наполнилась громом, отразившимся от покрытой многочисленными трещинами и сколами стены камня на ее широком конце. Металлическая змея, дважды перекувырнувшись, простерлась в пыли и лежала, подергиваясь. Самый большой механизм — тот, что напоминал Эдди игрушечный трактор его детства, — попытался сбежать и судорожными рывками кинулся к краю колеи. Эдди к Богу в рай разнес его радар. Механизм зарылся квадратным носом в землю; из стальных глазниц, где примостились стеклянные глаза, брызнули тоненькие язычки голубого пламени.

Эдди промазал только раз — по воспринимающему устройству крысы из нержавеющей стали. Пущенная в радар пуля с тонким комариным пением отскочила от металлической крысиной спины. Крыса как ошпаренная выскочила из колеи. Заложив вираж возле похожей на короб штуковины, которая еще совсем недавно вышагивала по кругу следом за змеей, она с поразительной скоростью бросилась через поляну в атаку, рассерженно чаякая. Тут Эдди разглядел пасть, окаймленную длинными острыми штырьками. На зубы они не походили; скорее, они напоминали снующие вверх-вниз иглы швейной машины, превращенные скоростью своего движения в дрожащее полупрозрачное марево. «Нет, — подумал Эдди, — сдается мне, на кутят эти твари все-таки мало похожи».

— *Роланд, давай сам!* — в отчаянии крикнул он, но когда, улучив момент, поспешно огляделся, то увидел, что Роланд по-прежнему стоит, скрестив руки на груди, с лицом отрешенным и безмятежным. Возможно, стрелок раздумывал над шахматными задачами или размышлял о давнишней любовной переписке.

Радар на спине у крысы вдруг замер. Блюдец едва заметно повернулось и жужжа нацелилось на Сюзанну Дийн.

«Осталась одна пуля, — мелькнуло в голове у Эдди. — Если промажу, эта тварь начисто дерет Сьюзи лицо».

Вместо того чтобы выстрелить, он сделал шаг вперед и что было силы пнул крысу. Башмаки Эдди давно сменил пару мягких мокасин из оленьей шкуры, и сотрясение от удара передалось по ноге до самого колена. С прерывистым, каким-то заржавленным визгом крыса перекувырнулась на земле раз, другой, и замерла кверху брюхом. Эдди увидел что-то вроде дюжины коротких, толстых механических ножек,

поршнями ходивших вверх-вниз. Каждая ножка оканчивалась острым стальным когтем. Когти вращались вокруг своей оси на шарнирчиках величиной с карандашный ластик.

Из средней части робота выдвинулся стальной стержень; механическую крысу подбросило, перевернуло, и она вновь заняла нормальное положение. Эдди повел револьвер вниз, оставив без внимания мимолетный порыв подстраховаться свободной рукой. Может, в его родном мире легавые и были обучены стрелять таким манером, но тут это делалось иначе. *«Когда забудешь, что револьвер здесь, когда покажется, будто стреляешь из пальца, — наставлял Роланд, — тогда ты будешь близок к цели».*

Эдди нажал на спуск. Крошечное блюдечко радара, вновь завертывшееся в попытке отыскать врага, исчезло в синей вспышке. Послышалось сдавленное *«клун!»*, и крыса упала на бок — мертвая.

Эдди обернулся. Сердце у него стучало, как отбойный молоток. Насколько помнил юноша, в такое бешенство он не приходил с тех пор, как понял, что Роланд намерен держать его в этом мире, пока не завоюет или не потеряет свою окаянную Башню... иными словами, пока все они, вероятно, не пойдут на корм червям.

Он навел разряженный револьвер в сердце Роланду и хрипло, едва узнавая собственный голос, проговорил:

— Если б тут еще оставался патрон, ты, пожалуй, уже сейчас бросил бы убиваться из-за своей занюханной Башни.

— Эдди, перестань! — резко сказала Сюзанна.

Эдди посмотрел на нее.

— Чертова железяка собиралась кинуться на тебя, Сюзанна, и сделать из тебя суслика.

— Но она же до меня не добралась. Это ты ее ухлопал, Эдди. Ты показал ей, где раки зимуют.

— Его заслуги в этом нет. — Эдди хотел было убрать револьвер в кобуру, но, к своему вящему неудовольствию, понял, что убирать его некуда. Кобура была у Сюзанны. — Он со своими уроками — со своими проклятыми уроками — тут ни при чем. — Лицо Роланда, до сих пор выражавшее умеренный интерес, внезапно изменилось. Взгляд переместился в некую точку над левым плечом Эдди.

— ЛОЖИСЬ! — крикнул стрелок.

Эдди не стал задавать вопросов. Его ярость и смятение вмиг как рукой сняло. Он кинулся на землю и, падая, увидел: молниеносным движением, превратившим его левую руку в размазанное пятно, стрелок потянулся к кобуре. «Боже ты мой, — подумал молодой человек, — НЕ МОЖЕТ он быть таким шустрым, таких шустрых в принципе не бывает, у меня получается ничего себе, но рядом с Сюзанной я просто копуша, а Сюзанна по сравнению с ним — черепаха, которая силится взойти на стеклянную кочку...»

Что-то пронеслось у Эдди над самой головой — что-то, что, громко и пронзительно пища в своей механической ярости, выдрало у него клоч волос. Стрелок открыл огонь с бедра — три быстрых выстрела прогремели друг другу вдогонку, как три удара грома, — и писк оборвался. На землю между тем местом, где лежал Эдди, и тем, где рядом с Роландом привстала на обрубках ног Сюзанна, с глухим стуком шлепнулось некое создание, показавшееся Эдди похожим на крупную механическую летучую мышь. Суставчатое, крапчатое от ржавчины крыло ударило по земле, словно досадуя, что возможность упущена, и застыло без движения.

Легко ступая в старых, разбитых сапогах, Роланд подошел к Эдди и протянул ему руку. Эдди принял ее и позволил Роланду помочь ему подняться. Он обнаружил, что не может говорить: падение вышибло из него дух. *«Может, оно и к лучшему... похоже, всякий раз, как я разеваю пасть, будь она неладна, я что-нибудь да лягну».*

— Эдди! Ты в порядке? — К тому месту, где, нагнув голову и уперев руки в ляжки, он пытался отдышаться, ползла Сюзанна.

— Ага, — прохрипел Эдди. Он с усилием выпрямился. — Так, пустяки, легкая стрижечка.

— Эта тварь была на дереве, — мягко сказал Роланд. — Поначалу я и сам ее не заметил. В это время дня свет становится обманчив. — Стрелок помолчал и тем же мягким тоном продолжил: — Эдди, опасность Сюзанне никак не угрожала.

Эдди утвердительно мотнул головой. Теперь-то до него дошло: проворство, с каким стрелок выхватывал револьвер, позволяло сжевать гамбургер, запить его молочным коктейлем — и не опоздать с выстрелом.

— Ну, хорошо, хорошо. Скажем только, что я не одобряю твою методику обучения, ладушки? Но просить прощенья я не собираюсь, не жди.

Роланд наклонился, подхватил Сюзанну на руки и принялся отряхивать. Делал он это равнодушно-ласково, как мать отряхивает делающего первые шаги малыша после одного из неизбежных кувырков в пыли на заднем дворе.

— Я не жду от тебя извинений; кроме того, они не надобны, — сказал он. — Два дня назад у нас с Сюзанной произошел подобный же разговор. Верно, Сюзанна?

Она кивнула.

— Роланд придерживается мнения, что ученику время от времени требуется хороший пинок в ребра.

Эдди посмотрел на учиненный ими разгром и медленно принялся выколачивать из штанов и рубашки костяную пыль.

— Слышь, старик, а если б я сказал тебе, что *не хочу* быть стрелком? А, Роланд?

— Я бы ответил, что твои желания не имеют большого значения. — Роланд смотрел на металлическую будку у каменной стены и

словно бы утратил интерес к беседе. Эдди уже видел такое раньше. Когда разговор сворачивал на если бы да кабы, Роланд почти всякий раз терял к нему интерес.

— *Ка?* — В вопросе Эдди звучали отголоски былой желчности.

— Верно. *Ка.* — Роланд подошел к будке и провел рукой по желтым и черным полосам, наискось расчерчивавшим переднюю стенку. — Мы нашли один из двенадцати пограничных порталов, кольцом опоясывающих этот мир... Одну из шести троп к Темной Башне.

И это тоже *ка.*

27

Эдди пошел обратно, за инвалидным креслом Сюзанны. Просить молодого человека об этом не пришлось — ему хотелось некоторое время побыть одному, чтобы вновь взять себя в руки. Теперь, когда стрельба закончилась, каждый мускул в теле Эдди словно бы мелко дрожал и трепетал не в лад с остальными. Юноше не хотелось, чтобы товарищи видели его в таком состоянии — не потому, что оно могло бы быть неверно истолковано как испуг, а потому, что Роланд, или Сюзанна, или оба могли бы распознать его истинную природу: перевозбуждение. Пришедшееся Эдди по нраву. Даже нетопырь, едва не снявший с юноши скальп, не перетянул чашу весов.

«*Это все муть, парень. Сам же знаешь.*»

К сожалению, Эдди этого не знал. Он лоб в лоб столкнулся с тем, что Сюзанна открыла для себя чуть раньше, пристрелив медведя: можно было сколько угодно *разглагольствовать* о том, что не хочешь быть стрелком; что не желаешь, словно последний бродяга, скитаться по этому безумному миру, где кроме них троих нет, кажется, ни единой живой человеческой души; что на самом деле тебе, Эдди Дийну, больше всего охота стоять на углу Бродвея и Сорок второй улицы, прищелкивать пальцами под ревущую в наушниках плеера «Криденс Клируотер Ривайвл», смачно чавкать сосиской с соусом чили и глазеть на проходящих мимо девчонок — на в высшей степени аппетитных и соблазнительных нью-йоркских девчонок с надутыми — «да пошел ты!» — губками и длиннющими ногами из-под коротких юбочек. Можно было распространяться об этом до посинения, но сердце Эдди знало иное. Сердце Эдди знало, что, отправляя электронный зверинец на небеса, он *наслаждался* — во всяком случае, пока шла потеха и Роландов револьвер был его, Эдди, личной портативной грозой. Что он с удовольствием пнул робота-крысу, пусть даже отшиб при этом ногу и чуть не навалил в штаны со страху. Страх странным образом лишь обострял наслаждение.

Все это было уже достаточно скверно, однако сердце Эдди знало и кое-что похуже: появившись здесь сейчас дверь, ведущая обратно в Нью-Йорк, он, возможно, и не вошел бы в нее, ибо еще не видел воочию Темной Башни. В молодом человеке начинало крепнуть убеждение, что болезнь Роланда заразна.

Пробираясь в ожесточенной борьбе с креслом Сюзанны через беспорядочные нагромождения ольховых пней и колод и ругательски ругая ветки, которые хлестали по лицу, норовя выколоть глаза, Эдди неожиданно обнаружил, что с некоторыми из этих вещей может примириться. Это открытие поостудило юноше кровь. «Хочется увидеть, такая она, как была во сне, или нет, — подумал он. — Увидеть такое... фантастика, в натуре!»

Но внутри у него заговорил другой голос. *«Эдди, спорим, его прежним друзьям — ну, тем, с такими кликухами, будто они припожаловали прямиком от Круглого Стола при дворе короля Артура, — так вот, гад буду, всем им мерещилось то же самое. И все они теперь покойники. Все до единого».*

Хочешь не хочешь, Эдди узнал этот голос. Он принадлежал Генри, а значит, не слышать его было затруднительно.

28

Роланд, придерживая на правом бедре Сюзанну, стоял перед металлическим домиком, напоминающим закрытый на ночь вход в метро. Бросив инвалидное кресло у края поляны, Эдди пошел к ним. Чем ближе он подходил, тем громче становился гул и явственнее — дрожь земли под ногами. Оборудование, производящее этот шум, понял Эдди, находится или в будке, или под ней. Казалось, у него гудит не в ушах, а где-то в голове, в самой ее глубине, и в полых недрах живота.

— Стало быть, вот один из двенадцати порталов. Куда он выходит, Роланд? В «Мир Диснея»?

Роланд покачал головой.

— Я не знаю, куда он выходит. Быть может, в никуда... а может быть, во все сущие миры. В моем мире вообще есть много мне неизвестного — это вы оба наверняка уже поняли. А есть такое, что некогда было мне известно, но изменилось.

— Из-за того, что мир сдвинулся с места?

— Да. — Роланд бросил на Эдди короткий взгляд. — Послушайка, это ведь не просто риторическая фигура. Мир действительно сдвинулся с места и непрестанно убыстряет свое движение. В то же время все снашивается... распадается... — Подтверждая свою мысль наглядным примером, стрелок пнул металлический труп шагающего короба.

Эдди вспомнилась нарисованная Роландом на земле грубая схема расположения порталов.

— Так это *и есть* край света? — спросил он почти робко. — Я хочу сказать, не больно-то он отличается от любого другого места. — Эдди хохотнул. — Если здесь и есть обрыв, я его не вижу.

Роланд покачал головой.

— Край-то он край, да не такой. Это — место, где берет начало один из Лучей. Так меня, во всяком случае, учили.

— Лучей? — переспросила Сюзанна. — Каких Лучей?

— Великим Пращурам принадлежит заслуга не устройства, но *переустройства* мироздания. Рассказывают разное: одни — будто Лучи суть спасение мира, другие — будто бы это семена всеобщей гибели и разрушения. Лучи — творение Великих Пращуров. Это такие линии... *скрепляющие... удерживающие...*

— Ты говоришь о магнетизме? — осторожно поинтересовалась Сюзанна.

Все лицо Роланда просветлело; озарение преобразило шероховатые грубые грани и изборозжденные морщинами плоскости, превратив их в нечто новое и поразительное. На миг Эдди открылось, как будет выглядеть Роланд, если и впрямь *доберется* до своей Башни.

— Да! Не об одном магнетизме, хотя магнетизм играет здесь известную роль. О силе тяготения и о надлежащей увязке пространства, измерений, величин. Лучи — те силы, что связуют все это воедино.

— Добро пожаловать к физикам-шизикам, — негромко прокомментировал Эдди.

Сюзанна пропустила его реплику мимо ушей.

— А Темная Башня? Это что же, какой-то генератор? Центральный источник энергии для Лучей?

— Не знаю.

— Но *знаешь*, что здесь — пункт А, — вмешался Эдди. — Если мы достаточно долго будем идти по прямой, мы придем на другой край света, к другому portalу — назовем его пунктом С. Но сперва мы придем в пункт В. В центральную точку. К Темной Башне.

Стрелок кивнул.

— Сколько придется идти? Ты знаешь?

— Нет. Но я знаю, что дорога нас ждет очень дальняя и что с каждым уходящим днем расстояние увеличивается.

Эдди, нагнувшийся было обследовать шагающий короб, выпрямился и уставился на Роланда.

— Этого не может быть. — Он говорил тоном человека, старающегося убедить малыша, что никакой бука в шкафу не живет и жить *не может* по той простой причине, что в действительности буки в природе не существуют. — Миры *не растут*, Роланд.

— Да что ты? В пору моего отрочества, Эдди, у нас еще водились карты. Особенно мне памятна одна, под названием «Великие державы Западных Земель». На ней была изображена и моя родина, Галаад; и

Низинные Баронства, охваченные бунтом и смутой спустя год после того, как я завоевал право носить револьверы; и холмы; и горы; и Западное Море. От Западного Моря Галаад отделяло изрядное расстояние — тысяча миль, а то и больше, — *но на то, чтобы преодолеть его, я истратил более двадцати лет.*

— Это невозможно, — быстро и испуганно сказала Сюзанна. — Даже если ты от начала до конца *шел пешком*, на это не могло уйти двадцать лет!

— Ну, надо же учесть остановки — попить пивка, черкнуть открытку-другую, — пробурчал Эдди. Никто, однако, не обратил на него внимания.

— Большую часть пути я проделал не пешком, а верхом, — возразил Роланд. — Хотя порой, волею обстоятельств, мое продвижение на Запад и оказывалось... э-э... приостановлено — так?.. Однако означенное время я провел по преимуществу в дороге, уходя от Джона Фарсонского. От Джона Фарсона, стоявшего во главе восстания, что опрокинуло мир, в котором я вырос. От мятежного Фарсона, жаждавшего увидеть мою голову насаженной на кол во дворе его замка. К чему, полагаю, у него имелись веские причины, ибо на совести моей и моих соотчицей смерть великого множества его сподвижников, а я к тому же похитил нечто, чем Фарсон чрезвычайно дорожил.

— Что, Роланд? — с любопытством спросил Эдди.

Роланд покачал головой.

— Об этом в другой раз, а то и никогда. Сейчас же задумайтесь вот над чем: мною пройдено *много* тысяч миль. Ибо мир растет.

— Не может такого быть. Не может, и все, — гнул свое Эдди, тем не менее потрясенный до глубины души. — Были бы землетрясения... потопа... цунами... Не знаю, что еще...

— *Да посмотри же!* — взъярился Роланд. — Довольно лишь оглядеться! Что ты видишь? Мир, подобно детской игрушке волчку замедляющий свое вращение, пусть даже при этом он разгоняется и движется иным, непостижимым для нас образом. Взгляни на то, что ты убил, Эдди! Отцом твоим заклинаю, посмотри на убитых тобой!

Два широких стремительных шага по направлению к ручью — и подхваченная стрелком стальная змея после беглого осмотра была переброшена Эдди. Молодой человек левой рукой поймал суставчатое тело, и змея тут же развалилась на две части.

— Видишь? Она вконец изработалась. Равно как и *все* встреченные здесь нами создания — одряхлевшие, изнуренные. Не нагрять мы, их все равно постигла бы скорая смерть. С гибелью медведя.

— Медведь был чем-то болен, — сказала Сюзанна.

Стрелок кивнул.

— Его живую плоть разъедали паразиты. А вот отчего они напали лишь теперь, не прежде?

Дийн. Об Особняке ходили страшные истории — Эдди полагал, что в районе едва ли сыщется мальчишка или девчонка, их не слышавшие. Казалось, горбатый дом, тяжело осевший под крутой кровлей, злобно глядит на прохожих из густой тени карнизов. Оконных стекол, само собой, не было и в помине (бросать камнями в окна можно и с почтительного расстояния), но участи быть расписанным краской из распылителя, превратиться в тир или в траходром дом избежал. Наибольшее же недоумение вызывал сам факт его затянувшегося существования: никто ни разу не поджигал Особняк — ни ради страховки, ни чтобы просто поглазеть на пожар. Ребята говорили, что там, конечно же, водятся привидения, и однажды Эдди, стоявшему с Генри на тротуаре и смотревшему на Особняк (это паломничество братья совершили специально, чтобы своими глазами увидеть предмет невероятных слухов, хотя матери Генри объяснил, что они всего-навсего идут с какими-то его друзьями к Дальбергу, за «Худси Рокетс»), почудилось, что привидения там, пожалуй, действительно могут водиться. Разве не ощутил он, что из старых, сумрачных викторианских окон — окон, которые, казалось, вперились в него неподвижным сосредоточенным взором опасного безумца, — сочится некая грубая и мощная враждебная сила? Разве не шевельнуло легчайшее дуновение волоски у него на руках и сзади на шее? Разве не подсказывало ему со всей ясностью чутье: переступи порог, и захлопнется дверь, щелкнет замок, придут в движение стены, пойдут смыкаться, размалывая в порошок косточки дохлых мышей, стремясь сокрушить и твои косточки?

Населенный призраками. Сам — призрак.

Приближаясь теперь к металлическому коробу будки, молодой человек вновь оказался во власти давнишнего ощущения опасности и тайны. Руки и ноги Эдди покрылись гусиной кожей, волоски на шее встопорщились и слиплись налезаящими друг на друга, похожими на перья пучочками. И вновь он ощутил то же легчайшее дуновение, хотя листва на деревьях, обступивших поляну, сохраняла полную неподвижность.

Тем не менее Эдди упрямо продолжал идти к двери (ибо то была, конечно, дверь — очередная дверь, хоть и запертая, вопреки желаниям и хотениям молодого человека, навсегда) и остановился лишь тогда, когда его ухо оказалось прижатым к металлу.

Можно было подумать, что полчаса назад Эдди хватил таблетку действительно сильной «кислоты»¹ и его как раз начинает мощно забирать. Во мраке заглазья поплыли диковинные краски. В ушах зазвучали призрачные голоса, бормотавшие что-то в каменных глот-

¹ «Кислота» — ЛСД.

ках длинных коридоров, в чертогах, озаряемых неверным мерцающим светом электрических светильников. Эти факелы современной эпохи, некогда заливавшие все ярчайшим сиянием, обратились ныне в жалкие стерженьки угрюмого голубого огня. Эдди чувствовал пустоту... безлюдье... мерзость запустения... смерть.

Грохот машин не смолкал. Но не вторгался ли исподволь в этот шум некий неприятный призыв, этакий слышный порою за мерным гулом глухой стук сродни перебоем больного сердца? Не возникало ли ощущение, что механизмы — источники этого шума, — хотя и значительно превосходят тонкостью и сложностью внутреннее устройство медведя, не могут попасть в такт с самими собой?

— Безмолвно все в чертогах мертвецов, — услышал Эдди свой замирающий, слабющий шепот. — Недвижно, стыло, предано забвению. Зри — лестницы погружены во мрак, в покоях гибель царствует с разрухой. Вот, вот они, чертоги мертвецов, где пауки прядут и среди камня огромные системы затихают — одна вослед другой, поочередно.

Роланд грубо оттащил его от будки, и Эдди повел на стрелка затуманенными глазами.

— Довольно, — сказал Роланд.

— Фиг знает, чего туда напихано, но фурычит оно не ахти, верно? — услышал Эдди свой голос — дрожащий, доносящийся словно бы издалека. Молодой человек еще осязал могучую силу, наплывающую из короба будки. Она звала Эдди, влекла, манила.

— Верно. Нынче в этом мире нет ничего столь уж процветающего.

— Братцы! Если вы задумали здесь заночевать, радостью общения со мной вам придется пожертвовать, — предупредила Сюзанна. Голубовато-серый полумрак, дитя угасшей вечерней зари, размыл контуры ее лица — лишь поблескивали смутно белки глаз да зубы. — Я отправляюсь вон туда. Мне не нравится, как эта штука на меня действует. Брр!

— Все мы расположимся на ночлег там, — сказал Роланд. — Идемте.

— Это ты здорово придумал, — одобрил Эдди. Они двинулись прочь от будки, шум механизмов пошел на убыль, и Эдди почувствовал, что власть этих звуков над ним слабеет, хотя они по-прежнему зывали к нему, приглашая исследовать сумрачные переходы, пустынные лестницы, покои, где обитали гибель и разруха, где пряли пауки и где во тьму панели управления погружались одна вослед другой, поочередно.

Ночью, во сне, Эдди опять не спеша шел по Второй авеню на угол Сорок шестой, к «Деликатесам от Тома и Джерри». Он миновал магазин, где продавали записи и пластинки. Из динамиков оглушительно грянули «Роллинг Стоунз»:

*Я вижу красную дверь и хочу
Перекрасить ее в черный цвет.
Пусть потемнеют все краски,
Пестроте говорю я: нет.
Мимо — девахи, одеты по-летнему,
Ярко, сойдешь с ума,
И я верчу башкой, не то от меня
Нипочем не отступит тьма...*

Дальше, дальше, мимо расположившегося между Сорок девятой и Сорок восьмой улицами магазина под названием «Зеркало души». В витрине висели зеркала; Эдди заметил в одном свое отражение и подумал, что давно уж не выглядел так хорошо; волосы чуть длинноваты, но в целом — загорелый и подтянутый. Хотя одежда... м-да, чувачок. Фраер с головы до пят. Синяя куртка-блейзер, белая рубашечка, галстучек темно-красный, серые парадные брючата... такого прикида «чертов яппи» у Эдди сроду не бывало.

Его кто-то тряс.

Эдди попытался глубже ввинтиться в сон. Ему не хотелось просыпаться. Ведь он еще не дошел до «Деликатесов», не открыл ключом дверь, не шагнул за порог, в море роз. Эдди хотелось вновь увидеть алый ковер без конца и края, высокое синее небо с плывущими в нем громадами облачных кораблей и Темную Башню. Насельница ее жуткого и таинственного столпа, прожорливая тьма, подстерегавшая всякого, кто подберется слишком близко, внушала Эдди страх, но не гасила желания увидеть Башню еще раз. Он хотел, ему нужно было ее увидеть.

Однако рука, трясшая его, не унималась. Сон начал меркнуть, вонь автомобильных выхлопов, висящая над Второй авеню, обернулась запахом дыма, легкого, редкого — костер уже почти догорел.

Рука принадлежала Сюзанне. Вид у молодой женщины был испуганный. Эдди сел и обнял ее одной рукой. Ночевали путники за ольховой рощей, куда долетал лепет ручья, бегущего по усеянной костями поляне. По другую сторону рдеющих углей, что накануне вечером были костром, лежал спящий Роланд. Сон его был тревожен — сбросив единственное одеяло, стрелок свернулся калачиком, подтянув колени едва ли не к самой груди. Без сапог ступни казались белыми, узкими и какими-то незащитными. На правой недоставало

большого пальца, павшего жертвой омароподобной твари, отхватившей у Роланда и часть правой руки.

Стрелок стонал, вновь и вновь повторяя какую-то невнятную фразу. После нескольких повторов Эдди понял, что это та самая фраза, которую Роланд вымолвил перед тем, как без чувств рухнуть на поляне, где Сюзанна застрелила медведя: *«Раз так, идите — есть и другие миры, не только этот»*. На миг стрелок умолкал, потом окликал мальчика по имени: *«Джейк! Где ты? Джейк!»*

Скорбь и безысходное отчаяние, звучавшие в его голосе, наполнили Эдди ужасом. Украдкой обняв Сюзанну, он крепко прижал ее к себе. И почувствовал, что она дрожит, хотя ночь была теплой.

Стрелок перевернулся на спину. Звездный свет упал в его открытые глаза.

— *Джейк, где ты?* — воззвал он во тьму ночи. — *Вернись!*

— О, Господи, опять он отключился. Что делать, Сьюзи?

— Не знаю. Знаю только, что больше не могу слушать это в одиночестве. Кажется, что он так далеко... так далеко от всех, от всего...

— Раз так, идите, — пробормотал стрелок, снова повертываясь на бок и подтягивая колени к груди, — есть и другие миры, не только этот. — Он примолк. Затем грудь его заходила толчками, и оттуда на волю протяжным, леденящим кровь криком вырвалось имя мальчика. Позади них в чаще леса какая-то крупная птица снялась с ветки и, сухо шелестя крыльями, полетела на поиски более мирного уголка.

— Есть какие-нибудь соображения? — спросила Сюзанна. Ее широко раскрытые глаза были мокры от слез. — Может, надо его разбудить?

— Не знаю. — Эдди увидел револьвер стрелка — тот, что Роланд обычно носил на левом бедре. Этот револьвер, в кобуре, лежал на квадрате аккуратно сложенной оленьей шкуры рядом со спящим Роландом, там, где стрелку не составило бы труда дотянуться до него. — Пожалуй, не рискну, — прибавил молодой человек.

— Это сводит его с ума.

Эдди кивнул.

— Что же делать? Эдди, *что же нам делать?*

Эдди не знал. Заражение, вызванное укусом омароподобной твари, остановил и уничтожил антибиотик; сейчас Роланда вновь сжигал недуг, но Эдди думал, что нет на белом свете антибиотика, который исцелил бы стрелка в этот раз.

— Хрен его знает. Ложись-ка со мной, Сьюзи.

Эдди укрыл их шкурой, и спустя некоторое время Сюзанна перестала дрожать.

— Если он сойдет с ума, нам, пожалуй, не поздоровится, — сказала она.

— А то я не знаю. — Эта неприятная мысль уже посещала Эдди, приняв обличье медведя с красными, полными ненависти глазами

(не таилось ли в недрах их багровой пучины еще и недоумение?) и смертоносными беспощадными когтями. Взгляд Эдди обратился к револьверу, лежавшему так близко от левой, здоровой руки стрелка, и молодой человек опять вспомнил, какое проворство выказал Роланд, заметив стремительно пикирующего на них механического нетопыря. Если стрелок помешается и они с Сюзанной окажутся в фокусе этого помешательства, шансов у них не будет. Никаких.

Он зарылся лицом в теплую ложбинку между шеей и плечом Сюзанны и закрыл глаза.

Довольно скоро Роланд перестал бормотать. Эдди поднял голову и осмотрелся. Стрелок, кажется, вновь погрузился в естественный сон. Эдди поглядел на Сюзанну и увидел, что уснула и она. Юноша улегся рядом с ней, осторожно поцеловал холмик ее груди и тоже закрыл глаза.

«Нет, парень; тебе еще долго-долго не спать».

Но они уже два дня были в пути, и Эдди устал как последняя собака. Он задремал... поплыл куда-то вниз...

«Назад, в сон, — думал он, медленно опускаясь. — Я хочу обратно на Вторую авеню... обратно к «Тому и Джерри». Вот чего я хочу».

Однако в ту ночь сон не повторился.

30

С восходом солнца путники наскоро позавтракали, перепаковали и перераспределили пожитки и вернулись на треугольную поляну. В ясном прозрачном свете утра она казалась не такой уж страшной, и все-таки троица всеми силами старалась держаться на почтительном расстоянии от металлической будки с предупреждающими желтыми и черными полосами. Если Роланд и помнил что-то о дурных снах, терзавших его ночью, он никак этого не показывал и покончил со скучными, но обязательными утренними хлопотами как обычно, в глубокомысленном бесстрастном молчании.

— Как ты полагаешь выдерживать прямой курс отсюда к Башне? — поинтересовалась Сюзанна.

— Если то, о чем говорится в преданиях, справедливо, ничего трудного в этом не будет. Помнишь, ты спрашивала меня о магнетизме?

Сюзанна кивнула.

Стрелок принялся рыться в своем кошелье. Его рука погружалась все глубже и наконец явилась на свет с квадратиком старой мягкой кожи. В лоскут была вколота длинная серебристая игла.

— Компас! — обрадовался Эдди. — Ну, ты прямо бдительный бойскаут!

Роланд покачал головой.

— Нет, не компас. Разумеется, я знаю, что такое компас, однако вот уже много лет я и в глаза не видел оных приборов. Не сбиться с пути мне помогают светила — солнце и звезды, и даже в нынешние времена они отменно мне служат.

— *Даже* в нынешние времена? — с легкой тревогой переспросила Сюзанна.

Роланд кивнул.

— Стороны света тоже беспрестанно медленно смещаются.

— *Боже!* — вырвалось у Эдди. Он попробовал представить себе такой мир, где географический север коварно скользил бы к востоку или к западу, и почти сразу сдался, почувствовав легкое недомогание, какое чувствовал всякий раз, глядя вниз с верха высотного здания.

— Это просто игла, но она из стали и послужит нашей цели не хуже компаса. Отныне наш курс — Луч, и эта игла станет указывать нам дорогу. — Стрелок опять порылся в кошеле и извлек грубо вылепленную глиняную плошку, по одному боку которой вниз бежала трещина. Это изделие неизвестного гончара, найденное на месте древнего стойбища, Роланд залатал сосновой смолой.

Теперь он отправился к ручью, зачерпнул плошкой воды и отнес туда, где в инвалидном кресле сидела Сюзанна. Осторожно поставив плошку на подлокотник кресла, стрелок подождал, пока поверхность воды успокоится, и бросил туда иглу. Игла утонула и замерла на дне.

— Ух ты! — восхитился Эдди. — Класс! Повергся бы я в изумлении к стопам твоим, Роланд, да боюсь попортить складку на брюках.

— Я еще не закончил. Сюзанна, придержи-ка плошку, чтоб не трясло.

Сюзанна выполнила просьбу Роланда, и он медленно покатиł инвалидное кресло по поляне. Когда до двери оставалось около двенадцати футов, стрелок осторожно развернул его, и Сюзанна очутилась к будке спиной.

— Эдди! — вскрикнула молодая женщина. — Посмотри-ка сюда!

Эдди нагнулся над глиняной плошкой, лишь краем сознания отмечая, что вода уже сочится сквозь самодельную пробку Роланда. Игла медленно всплывала! Достигнув поверхности, она безмятежно закачалась на воде, точно поплавок, расположившись вдоль недоступной зрению прямой линии, начинающейся от портала и уходящей в вековую чашу.

— Усратья можно — плавучая иголка! Ну, теперь я и впрямь *все* повидал!

— Сюзанна, держи плошку.

Сюзанна послушно взялась за глиняные бока, оберегая плошку от толчков; кресло поехало в глубь поляны, перпендикулярно металли-

ческому коробу. Игла потеряла установившийся румб, зарыскала и в следующую секунду ушла обратно на дно. Роланд откатил кресло на прежнее место. Игла вновь всплыла и указала направление.

— Будь у нас железные опилки и лист бумаги, — сказал стрелок, — мы, рассыпавши опилки по листу, могли бы наблюдать, как они вытягиваются чертою в том же направлении.

— И так будет, даже когда мы уйдем от Портала? — спросил Эдди.

Роланд кивнул.

— Но и это еще не все. Луч, как ни удивительно, можно *увидеть*.

Сюзанна оглянулась, задев локтем плечу. Вода всколыхнулась, игла качнулась, словно в растерянности... и решительно вернулась в исходное положение.

— Не там, — поправил стрелок. — Ну-ка, посмотрите вниз — ты, Эдди, под ноги, а ты, Сюзанна, себе в колени.

Они сделали, как он просил.

— Когда я велю вам смотреть — смотрите прямо вперед, куда указывает игла, и никуда более. Доверьтесь своим глазам! А теперь — смотрите!

Они подняли головы. Мгновение Эдди не видел ничего, кроме леса. Он попробовал меньше напрягать глаза... и вдруг увидел, как несколькими неделями раньше увидел в узловатом деревянном наросте очертания пращи. Тут молодой человек понял, отчего Роланд велел им ни на что больше не смотреть. На всем протяжении Луча его присутствие сказывалось на окружающем — но еле уловимо. За Лучом тянулись иголки сосен и елей. Кусты зеленики росли не прямо, и их ветви были отклонены по ходу Луча. Вдоль этой замаскированной тропы (шедшей, если Эдди сориентировался верно, на юго-восток) лежали и деревья, поваленные медведем в его стремлении расчистить обзор, — не все, но большая их часть, словно исходящая из металлического короба сила, *подтолкнув* шатающиеся стволы, расположила их подобным образом. Однако самым ясным свидетельством непосредственной близости Луча было то, как ложились на землю тени. Разумеется, солнце, поднимаясь на востоке, отбрасывало их к западу, но глядя на юго-восток, Эдди разглядел неровную ажурную дорожку-«елочку», которой не было вне направления, указанного плавающей в плшке иглой.

— Пожалуй, я *что-то* вижу, — с некоторым сомнением протянула Сюзанна, — но...

— Смотри на тени. На тени, Сьюзи!

Эдди увидел, как глаза Сюзанны расширились — для нее все стало на свои места.

— Боже правый! Вот же он! *Вон там!* Знаешь, на что он похож? На пробор в волосах!

Единожды разглядев, Эдди теперь уже не мог не видеть смутно различимый проход, пронзающий неряшливый хаос зарослей, со всех

сторон подступавших к поляне; как по линейке вычерченную прямую, обозначившую ход Луча. Молодой человек внезапно проникся сознанием того, какая колоссальная силища должна струить свои потоки вокруг (и, вероятно, прямехонько *сквозь* него, как рентгеновские лучи), и был вынужден подавить острое желание отойти в сторону, хоть на шаг вправо или влево.

— Слышь, Роланд, а не сделает оно меня стерильным?

Роланд со слабой улыбкой пожал плечами.

— Будто русло реки, — изумленно вымолвила Сюзанна. — Такое заросшее, что его и не заметишь... и все-таки оно есть. Рисунок, в который сложились тени, не будет меняться, пока мы остаемся на тропе Луча, верно?

— Нет, отчего же, — отвечал Роланд. — Конечно, тени будут перемещаться сообразно движению солнца по небу, однако мы всегда сможем увидеть Луч. Надобно помнить, что он течет одною и той же дорогою тысячи — быть может, *десятки* тысяч лет. Посмотрите-ка на небо.

Они послушно задрали головы и увидели, что редкие перистые облака также собраны «елочкой», параллельной Лучу... и что внутри создаваемого Лучом силового коридора облака плывут быстрее, чем по обе стороны от него. Их гнало на юго-восток. Толкало в направлении Темной Башни.

— Видите? Даже облака не могут не повиноваться.

В сторону путников летела стайка птиц. Поравнявшись с руслом Луча, она на миг отклонилась в сторону, к юго-востоку. Эдди, ясно видевший это, с трудом верил своим глазам. Птицы пересекли узкий коридор, где незримо властвовал Луч, и вернулись на прежний курс.

— Ну, ладно, — сказал молодой человек, — по-моему, надо двигаться. Как гласит народная глупость, дорога в тыщу миль начинается с одного шага, и тэ дэ, и тэ пэ.

— Погоди минутку. — Сюзанна смотрела на стрелку. — Ведь теперь-то эта тысяча миль уже *не* тысяча, правда? О *каком*, собственно, расстоянии идет речь, Роланд? Пять тысяч миль? Десять?

— Не могу сказать. Дорога очень дальняя.

— Ну, и как же мы ее одолеем, черт побери, когда вам обоим везти меня в этом чертовом кресле? Нам крупно повезет, если мы сумеем делать по этой твоей Свалке по три мили в день, и ты это знаешь.

— Путь уже открыт, — терпеливо отвечал ей Роланд, — и покамест этого довольно. Возможно, еще придет время, когда мы будем продвигаться к цели быстрее, чем тебе хотелось бы, Сюзанна Дийн.

— Да-а? — она задиристо и ядовито поглядела на него, и Эдди с Роландом уже не в первый раз разглядели в глубине ее глаз Детту Уокер, отплясывающую угрожающий хорнпайп¹.

¹ Хорнпайп — английский матросский танец.

— Ты что, где-то прикопал гоночную тачку? Если так, не помещала бы еще и хорошая дорога, черт возьми!

— И ландшафт, и способ нашего передвижения по нему будут меняться. Так бывает всегда.

Сюзанна отмахнулась от стрелка; «да иди ты!» — говорил этот жест.

— Ты прямо как моя маменька с ее «Бог не оставит».

— А разве не пекся Он о нас до сих пор? — серьезно спросил Роланд.

Мгновение Сюзанна смотрела на него в немом удивлении, потом запрокинула голову, и к небу взлетел ее смех.

— Ну, это, наверное, как посмотреть. Могу сказать только одно, Роланд: если сейчас мы не оставлены Его заботой, то мне жутко не хочется думать, что же будет, вздумай Он отпустить нас без призора.

— Эй, хватит вам, пошли, — вмешался Эдди. — Я хочу свалить отсюда. Не нравится мне это место.

Эдди не кривил душой, однако дело было не в одной лишь антипатии, какую внушала ему поляна. Молодой человек рвался ступить наконец на заветную тропу, на хоронящуюся от чужого глаза дорогу, и сгорал от нетерпения. Каждый шаг приближал Эдди к полю роз и царящей над его багряным простором Башне. Не без некоторого удивления юноша понял, что намерен увидеть ее — или погибнуть, добиваясь этого.

«Поздравляю, Роланд, — подумал он. — Дело сделано. Я теперь один из обращенных. Ну, кто-нибудь, — аллилуйя!»

— Еще одно, пока мы не тронулись в путь. — Роланд изогнулся и развязал сыромятный шнур на левом бедре. Затем он не спеша принялся расстегивать пряжку револьверного ремня.

— А это что за фортели? — поинтересовался Эдди.

Роланд выдернул конец ремня из пряжки и протянул португую юноше.

— Ты знаешь, почему я делаю это, — невозмутимо промолвил он.

— Надевай взад, старина! — Эдди пришел в страшное смятение; в душе у него бурлили самые противоречивые чувства, а пальцы, даже сжатые в кулаки, дрожали. — Что это ты, интересно знать, вытворяешь?

— Теряю по капле рассудок. Покуда моя внутренняя рана не закрылась, если она вообще когда-нибудь закроется, негоже мне держать у себя револьвер. И тебе это известно.

— Возьми, Эдди, — спокойно сказала Сюзанна.

— Да если б вчера вечером, когда на меня кинулась та летучая мышка, у тебя не было этой гадской железяки, утром не было бы меня от носа и выше!

В ответ стрелок продолжал протягивать юноше револьвер. Его поза выражала готовность простоять так в случае необходимости весь день.

— Хорошо! — выкрикнул Эдди. — *Хорошо же*, черт побери!

Выхватив портупею у Роланда, он несколькими резкими движениями застегнул ее у себя на талии. Эдди полагал, что должен бы испытывать облегчение: не он ли посреди ночи смотрел на револьвер, лежавший так близко к руке Роланда, и раздумывал о том, что может произойти, если Роланд действительно съедет с катушек? Разве не преследовали те же мысли и Сюзанну? Но облегчения не было. Лишь страх, чувство вины и странная шемящая печаль, чересчур глубокая, чтобы заплакать.

Без револьверов Роланд выглядел так непривычно.

Так *неправильно*.

— Все? Доволен? Пушки у раздолбаев-ученичков, учитель безоружен — теперь-то мы можем идти? А если из кустов на нас вылезет какая-нибудь здоровенная гадина, ты, Роланд, всегда можешь бросить в нее нож.

— Ах, да, — пробормотал стрелок. — Чуть не забыл. — Он достал нож из кошель и рукояткой вперед протянул Эдди.

— Да это же *курам на смех!* — заорал тот.

— Жизнь *сама по себе* смешна.

— Угу! Запиши это на открытку и пошли в «Ридерз дайджест», едрена вошь. — Эдди со злостью сунул нож за пояс и вызывающе взглянул на Роланда. — *Теперь* мы можем идти?

— Есть *еще* одно.

— Еж твою двадцать!

Губы Роланда снова тронула улыбка.

— Шучу, — сказал он.

У Эдди отвисла челюсть. Сюзанна опять захохотала, и ее смех рассыпался в утренней тишине подобно мелодичной трели колокольчика.

31

Почти все утро они потратили на преодоление зоны разрушений, служившей защитой медведю-великану. Однако идти руслом Луча было немного легче, а едва бурелом и заросли кустарника остались позади, большой лес вновь вступил в свои права, и появилась возможность прибавить ходу. Справа деловито бежал ручей — тот самый, что пробивался из каменной стены на треугольной поляне. Вобрав воды нескольких ручейков поменьше, он теперь шумел громче. Здесь, в этой части леса, тоже водились звери; путники слышали, как они ходят в чаще, занятые своими повседневными делами, и дважды видели маленькие стайки оленей. Один самец, вопросительно поднявший голову, увенчанную благородной короной ветвистых рогов, с виду тянул фунтов на триста. Снова начался подъем. Ручей отвернул в сторону от тропы. И, когда день уже клонился к вечеру, Эдди кое-что увидел.

— Может, остановимся? Передохнем?

— А что такое? — поинтересовалась Сюзанна.

— Да, — согласился Роланд. — Остановиться можно.

Внезапно словно тяжесть легла Эдди на плечи — он почувствовал присутствие Генри. *«Ах ты, пусенька ты наша! Пусенька сто-то углядела на делевце? Постлогать нашей кусеньке захотелось? А, тютя? У-у, какая ХОЛЕСЕНЬКАЯ СТУСЬКА!»*

— Да это не обязательно. В смысле, дело-то пустяковое. Я просто...

— ...что-то увидел, — закончил за него Роланд. — Что бы это ни было, прикуси свой неугомонный язык и ступай возьми, что приметил.

— Да, ей-богу же, ничего особенного. — В лицо Эдди бросилась теплая кровь. Он постарался отвести взгляд от ясеня, привлечшего его внимание.

— Неправда. Оно тебе нужно, а это далеко не ничего. Раз оно потребно тебе, Эдди, оно потребно и нам. А вот кто нам ни к чему, так это человек, не способный избавиться от бесполезного груза воспоминаний.

Теплая кровь стала горячей. Еще мгновение Эдди стоял, уставив пылающее лицо в землю, и ему казалось, будто блекло-голубые снайперские глаза Роланда заглянули прямо в его смятенную душу.

— Эдди? — с любопытством спросила Сюзанна. — Что ты, милый?

Ее голос придал молодому человеку храбрости, которой ему так не хватало. Потянув из-за пояса нож Роланда, Эдди направился к стройному прямому ясеню.

— Может, ничего, — пробормотал он и заставил себя добавить: — А если не изговняю, может, и до фи́га как много.

— Ясень — дерево благородное и силою наделено в достатке, — заметил Роланд у юноши за спиной. Но Эдди едва ли слышал его. Насмешливый, задиристый голос Генри исчез, а с ним исчез и стыд. Мысли молодого человека занимала теперь лишь ветка, несколькими минутами раньше привлечшая его внимание. Там, где эта ветка, утолщаясь, вращалась в ствол, образовалось небольшое вздутие. Это-то утолщение странной формы и было нужно Эдди.

Молодого человека не оставляла мысль, что внутри погребен ключ — ключ, на краткий миг явившийся ему в пламени костра перед тем, как горящие останки кости еще раз изменились и возникла роза. Три перевернутых V, центральное — пошире и поглубже двух других. И маленькая закорючка на конце. Вот что таил в себе нарост.

На Эдди опять дохнуло давешним сном. *«Дид-э-чик, дод-э-чом, не тревожься — ты с ключом».*

«Возможно, — подумал он. — Но на этот раз надо будет вытащить его весь. Думаю, в этот раз девяносто процентов не пойдет».

Действуя с величайшей осторожностью, он срезал ветку и отсек ее тонкий конец. Остался толстый ясеневый чурбачок дюймов девяти в длину. Этот увесистый кусок дерева в руке Эдди, на ощупь очень живой, напоенный жизненной силой, казалось, был не прочь выдать скрытые в нем очертания — но лишь человеку, которому достанет умения и ловкости выманить у него эту тайну.

Был ли Эдди этим человеком? Имело ли это значение?

Эдди Дийн считал, что ответ на оба вопроса — да.

На правой руке юноши сомкнулись пальцы левой, здоровой руки стрелка.

— Сдается мне, ты знаешь какой-то секрет.

— Не исключено.

— Нам можно узнать, в чем он состоит?

Эдди помотал головой.

— Думаю, лучше не нужно. До поры до времени.

Роланд подумал, кивнул.

— Хорошо. Я хочу задать тебе один вопрос, и после мы оставим это. Не увидел ли ты случайно, как добраться до корня моих... моих затруднений?

Эдди подумал: «И это все, чтобы обнаружить сжирающее его заживо отчаяние?».

— Не знаю. Сейчас точно не скажу. Но я надеюсь, Роланд. Честное-пречестное, надеюсь.

Роланд снова кивнул и выпустил руку Эдди.

— Благодарю. До наступления темноты остается еще пара часов — почему бы не использовать их с толком?

— Я — за.

Они снова тронулись в путь. Роланд толкал кресло Сюзанны, а Эдди шел впереди, не выпуская из рук деревяшку с погребенным внутри нее ключом. Казалось, яшень тихонько вибрирует, пронизанный собственным теплом, тайным и мощным.

32

Вечером, когда ужин был съеден, Эдди вынул из-за пояса нож стрелка и приступил к делу. Нож был потрясаяще острым и, казалось, что никогда не затупится. Эдди работал не торопясь, поворачивая освещенную пламенем костра деревяшку то так, то эдак, и смотрел, как из-под уверенно скользящего по дереву лезвия поднимаются тонковолокнистые завитки.

Сюзанна лежала, подложив руки под голову, и смотрела на звезды, неспешно катившие по черному небу.

Роланд стоял на краю лагеря, за пылающим костром, и вслушивался в голоса безумия, вновь зазвучавшие в его больном мятущемся рассудке.

Мальчик был.

Никакого мальчишки не было.

Был.

Не было.

Был...

Закрыв глаза, он схватился холодной рукой за ноющий лоб, недоумевая, долго ли еще протянет, прежде чем лопнуть, как лопается чересчур туго натянутая тетива. «О Джейк, — думал он. — Где же ты? Где?»

А над ними, взойдя на назначенные места, неотрывно смотрели друг на друга поверх звездного пепелища своего расторгнутого в незапамятные времена брачного союза Древняя Звезда и Праматерь.

Часть вторая

КЛЮЧ И РОЗА

1

На протяжении трех недель Джон — «Джейк» Чэмберс храбро сражался с разгоровшимся в нем безумием. Все это время он чувствовал себя последним уцелевшим на борту идущего ко дну океанского лайнера человеком, который что есть мочи работает трюмной помпой в отчаянной попытке продержаться на плаву до тех пор, пока не утихнет шторм, не очистится небо и откуда-нибудь — *откуда угодно* — не подоспеет помощь. Двадцать девятого мая 1977 года, за четыре дня до начала летних каникул, он наконец взглянул фактам в лицо: помощь не придет. Пришло время сдаться, предаться на милость бури.

Соломинкой, переломившей спину верблюда, стал годовой экзамен по литературной композиции: сочинение, «итоговое эссе».

Джон Чэмберс — Джейк для тех трех-четырех мальчиков, с которыми его связывала почти что дружба (стань этот маленький фактоид известен его отцу, тот, несомненно, пришел бы в неопишемую ярость), — заканчивал свой первый год обучения в школе «Пайпер». Хотя Джейку уже исполнилось одиннадцать и учился он в шестом классе, для своих лет мальчик был мелковат, и тот, кто видел его впервые, нередко решал, что он намного моложе. Честно говоря, бывало, что Джейка принимали за девочку, пока примерно с год назад, добиваясь позволения сделать короткую стрижку, он не закатил такой скандал, что мать наконец смягчилась и разрешила. Конечно, с отцом проблем из-за стрижки не возникало. Отец только усмехнулся своей жесткой, нержавеющей стали улыбкой и сказал: «Лори, парень хочет быть похожим на морского пехотинца. Молодец».

Для отца он никогда не был Джейком и редко — Джоном. Отец обычно называл его просто «парень».

Школа «Пайпер», объяснил отец Джейку прошлым летом (это было лето двухсотой годовщины¹ — море флагов и знамен, а Нью-

¹ Речь идет о двухсотлетии образования независимого государства Соединенные Штаты Америки, 1776-1976.

Йоркская гавань запружена величественными Кораблями), — Лучшая В Стране Школа Для Мальчика Твоих Лет, Черт Ее Дери. То, что Джейка приняли в нее, никак не было связано с денежным вопросом, не уставал разъяснять (если не сказать *настойчиво твердо*) Элмер Чэмберс. Он яростно гордился этим фактом, хотя и в десять лет Джейк уже подозревал, что *по правде* это, возможно, никакой не факт; что по правде это, возможно, самое натуральное вранье, *превращенное* отцом в факт, чтобы за ланчем или на коктейле можно было небрежно ввернуть в разговор: «Что, мой парень? О-о, он ходит в «Пайпер». Лучшая В Стране Школа Для Мальчишки Его Лет, Черт Ее Дери. Там место ни за какие деньги не купишь, знаете ли, — для школы «Пайпер» главное мозги и только мозги!»

Джейк прекрасно сознавал, что в раскаленной топке отцовского ума грубый уголь суждений и желаний, материя низменная, зачастую преобразается в твердые алмазы, именуемые Элмером Чэмберсом фактами или, в менее официальной обстановке, «фактоидами». «Факт тот, что...» было излюбленным выражением этого человека и производилось с благоговением, часто, при каждом удобном случае.

— Факт тот, что за деньги место в школе «Пайпер» не купишь, — внушал отец Джейку тем летом — летом двухсотой годовщины, летом синих небес, праздничных флагов и величественных больших Кораблей, золотым летом... ибо золотым воскресало оно в памяти мальчика, ведь в ту пору Джейк еще не начал терять рассудок и причина для беспокойства у него была только одна: придется он к пайперовскому двору или нет, по всем ли статьям подойдет для этого инкубатора юных гениев. — В заведение вроде «Пайпера» попасть может только тот, у кого имеется кое-что *вот здесь*. — Элмер Чэмберс потянулся через письменный стол и жестким, желтым от никотина пальцем постукал сына по лбу. — Понял?

Джейк кивнул. Вступать в разговор не было необходимости, поскольку со всеми, в том числе и с женой, отец обращался так же, как с подчиненными на работе (он отвечал за составление программы одного из каналов телевидения и слыл признанным мастером ставить подножки конкурентам — мастером рубки). Элмера Чэмберса следовало слушать, в нужных местах кивать, и немного погода он вас отпускал.

— Хорошо, — сказал отец, закуривая одну из своих восьмидесяти ежедневных сигарет «Кэмел». — Значит, мы понимаем друг друга. Пахать тебе придется как проклятому, но ты потянешь. Иначе нам не прислали бы вот это. — Он взял со стола письмо, извещавшее о том, что Джейк принят в «Пайпер», и шумно потряс им. В этом жесте сквозило некое свирепое торжество, словно письмо было зверем, которого он убил в джунглях и теперь освежает и съест. — Так что работай, трудись в поте лица. Добейся успеха. Чтoб мы с матерью гордились тобой. Закончишь год на «отлично», будет тебе поездка в «Мир Диснея». Стоящая цель, а, малыш?

И Джейк добился успеха. Весь год (то есть, до последних трех недель) он носил из школы одни пятерки, чем, вероятно, дал родителям все основания гордиться им, хотя утверждать с уверенностью было трудно — уж очень мало времени проводили дома отец и мать. Обычно, вернувшись с занятий, мальчик заставлял только Грету Шоу, экономку, а потому в конце концов показывал свои пятерочные работы ей, после чего тетрадки перекочевывали в темный угол его комнаты. Порой Джейк перелистывал их и недоумевал — да значат ли эти «отлично» *хоть что-то? Хотелось бы*, чтобы значили... но он питал на этот счет серьезные сомнения.

Джейк полагал, что, выйдет у него в году «отлично» по всем предметам или не выйдет, ни в какой «Мир Диснея» он летом не поедет.

Отдых в сумасшедшем доме казался ему более вероятным.

Двадцать девятого мая в восемь часов сорок пять минут утра Джейка, входившего в двойные двери Пайперовской школы, посетило страшное видение. Джейк увидел отца в его офисе на Рокфеллер-плаза, 70. Подавшись вперед из-за письменного стола, отец беседовал с одним из своих сотрудников. В углу рта у мистера Чэмберса торчала сигарета, у лица клубился голубоватый дым. За спиной и далеко внизу безмолвный благодаря двойным стеклам «Термопейн» расстился Нью-Йорк с его шумом, грохотом и толчеей.

«Факт тот, что за деньги место в лечебнице «Солнечная долина» не купишь, — тоном мрачного удовлетворения говорил отец подчиненному. — В такое заведение попасть может только тот, у кого капитально разладился чердак. — Он протянул руку и постукал своего собеседника пальцем по лбу. — Что, собственно, и случилось с парнем. Но работает он, как вол. Говорят, лучше всех плетет корзинки, пропади они пропадом. А когда его выпустят — *если* выпустят, — его ждет небольшое путешествие. Путешествие...»

— ...на постоянный двор, — пробормотал Джейк и рукой, которая так и норовила задрожать, коснулся лба. Голоса возвращались. Орущие, пререкающиеся голоса, которые сводили его с ума.

«Ты мертв, Джейк. Тебя переехала машина, и ты мертв».

«Не ваяляй дурака! Посмотри — видишь объявление? Там написано: НЕ ЗАБУДЬ! ПЕРВЫЙ КЛАСС — НА ПИКНИК! По-твоему, на том свете ходят всем классом на пикники?»

«Не знаю. Зато знаю, что тебя задавила машина».

«Нет!»

«Да. Седьмого мая, утром, в восемь двадцать пять. И минуты не прошло, как ты умер».

«Нет! Нет! Нет!»

— Джон?

Испуганно вздрогнув, он огляделся. Неподалеку стоял мистер Биссетт, учитель французского. Казалось, он чем-то слегка обеспокоен. За спиной мистера Биссетта в двери рекреационного зала вливался

поток учеников, спешащих на утреннее собрание. Дурачились и резвились считанные единицы, и — ни единого громкого выкрика или радостного вопля. Вероятно, не только Джейку, но и остальным родители объяснили, какое счастье ходить в «Пайпер», где деньги — ничто (хотя плата за обучение составляла двадцать две тысячи долларов в год), главное — мозги. Вероятно, и поездку в награду за приличные отметки обещали тоже не одному только Джейку. Вероятно, кое-кому из заслуживших эту поездку счастливиц даже предстояло отправиться в путешествие вместе с родителями. Вероятно...

— Джон, с тобой все в порядке? — спросил мистер Биссетт.

— Да-да, — ответил Джейк. — Все отлично. Просто я сегодня немножко проспал. И, наверное, еще не проснулся.

Лицо мистера Биссетта разгладилось, и он улыбнулся.

— С кем не бывает.

«С моим отцом. Мастер рубки никогда не просыпает».

— Как поживает французский язык? Ты готов сдавать? — полюбопытствовал мистер Биссетт. — *Voulez-vous examiner a moi cette midi?*¹

— Пожалуй, — протянул Джейк. По правде говоря, он не знал, готов сдавать или нет. Он даже не мог припомнить, *готовился* ли к экзамену. Вот уже три недели важным и существенным казалось только одно — голоса у него в голове.

— Еще раз хочу сказать: заниматься с тобой было одно удовольствие. Очень рад, что ты попал в число моих учеников. Я хотел сказать это твоим родителям, но они пропустили родительское собрание...

— Они жутко занятые люди, — сказал Джейк.

Мистер Биссетт кивнул.

— В общем, ты мне очень понравился. Вот все, что я хотел сказать... да, и еще: жду тебя на будущий год.

— Спасибо, — поблагодарил Джейк и подумал: интересно, что сказал бы мистер Биссетт, если бы он добавил: *«Только мне кажется, что в будущем году заниматься французским мне не придется — вот разве что можно будет достать заочный курс, чтобы задания присылали в добрую старую «Солнечную долину» по почте»*.

В дверях рекреационного зала появилась Джоанна Фрэнкс, школьный секретарь. В руке она держала маленький посеребренный колокольчик. В школе «Пайпер» все звонки давались вручную. Джейк полагал, что отчасти «Пайпер» прельщает родителей именно этим, воскрешая в памяти «маленькое красное школьное здание» и прочая, и прочая, и прочая. Сам Джейк ненавидел колокольчик — казалось, тот дребезжит прямо у него в голове...

¹ Хочешь сегодня в двенадцать сдать мне экзамен? (фр.).

«Ну, это-то ненадолго, — безнадежно подумал мальчик. — Голову я теряю и скоро потеряю совсем. В самом прямом смысле».

Заметив мисс Фрэнкс, мистер Биссетт повернул было прочь и снова обернулся к мальчику:

— Да *точно* ли все в порядке, Джон? Последние три недели ты, кажется, полностью погружен в свои мысли. Озабочен. Тебя что-нибудь тревожит?

Благожелательность в голосе мистера Биссетта едва не побудила Джейку открыться, но мальчик тут же представил себе, как посмотрит на него мистер Биссетт, если он скажет: «Да. Меня кое-что тревожит. Один пренеприятнейший маленький фактоид. Видите ли, я умер и попал в другой мир. А потом снова умер. Вы скажете, так не бывает, и, конечно, будете правы; и какая-то крупница моего рассудка *понимает*, что вы правы, но душа знает другое. Это произошло *на самом деле*. Я *действительно* умер».

Скажи он нечто подобное, мистер Биссетт незамедлительно связался бы по телефону с Элмером Чэмберсом... и после всей той ерунды, какую отец нагородил бы о детях, у которых перед экзаменационной неделей возникают безумные фантазии, — о детях, чьи поступки нельзя обсудить за ленчем или на коктейле, — о детях, которые подводят своих родных, — психиатрическая лечебница «Солнечная долина», как подозревал Джейк, показалась бы курортом.

Он заставил себя улыбнуться мистеру Биссетту.

— Немножко боюсь экзаменов, вот и все.

Мистер Биссетт подмигнул.

— Ты отлично сдашь.

Мисс Фрэнкс принялась вызванивать Общий Сбор. Каждая трель впивалась Джейку в барабанные перепонки, после чего маленькой ракетой проносилась в голове.

— Идем, — позвал мистер Биссетт. — Не то опоздаем. Нельзя же начинать экзаменационную неделю с опоздания, верно?

Они прошли мимо мисс Фрэнкс с ее лязгающим колокольчиком. Мистер Биссетт направился к ряду мест, предназначавшихся для преподавателей, «педагогическому президиуму», на школьном языке. Таких претенциозных, отдающих жеманством названий в школе «Пайпер» бывало великое множество: актовый зал назывался «рекреационным», обеденный перерыв — «рекреацией», семи- и восьмиклассники — «абитуриентами», а складные стулья у пианино (на котором мисс Фрэнкс вскоре примется барабанить так же нещадно, как трезвонила в серебряный колокольчик), разумеется, «педагогическим президиумом». Джейк полагал, что все это составляет некую традицию. Родитель, которому известно, что в полдень его чадо отправляется на *рекреацию* в *рекреационный зал* вместо того, чтобы, чавкая, умять бутерброд с тунцом в кафешке, расслабляется в приятной уверенности, что министерство просвещения работает на пять с плюсом.

Пропуская мимо ушей утренние объявления, Джейк проскользнул на «камчатку» и сел. Ужас не отпускал, и мальчик невольно чувствовал себя белой в колесе, откуда нет выхода. А когда он пытался заглянуть вперед, в некие лучшие, более светлые времена, видел лишь тьму.

Корабль — здравый рассудок Джейка — шел ко дну.

К подиуму приблизился мистер Харли, директор. Он произнес короткое вступительное слово, в котором говорилось о том, сколь важна экзаменационная неделя, и о том, что полученные на экзаменах оценки станут еще одним шагом пайперовцев по Великой Дороге Жизни. Мистер Харли объяснил своим подопечным, что на них рассчитывает школа, *лично он* и родители. О том, что на них рассчитывает весь свободный мир, мистер Харли не сказал, однако усиленно намекал на такую возможность. Закончил он сообщением о том, что на время экзаменационной недели звонки отменяются (первая и единственная хорошая новость, какую Джейк узнал за утро).

Мисс Фрэнкс, уже успевшая занять свое место за пианино, ударила по клавишам, взяв призывный аккорд. Ученики — семьдесят мальчиков и пятьдесят девочек, одетые одинаково опрятно и благопристойно, что говорило о вкусе и прочном финансовом положении их родителей, — дружно встали и затянули школьный гимн. Беззвучно шевеля губами, Джейк погрузился в мысли о том месте, где очнулся после смерти. Решив поначалу, что попал в ад, он окончательно уверился в этом с появлением человека в черном одеянии с клобуком.

Потом, конечно, пришел тот, другой. Со временем почти полюбившийся Джейку.

«Но он позволил мне сорваться в пропасть. Он убил меня».

Лопатки и шею зашекетал выступивший пот.

*Славься, славься, школа «Пайпер»,
Стяг твой высоко несем.
Славься, наша alma mater!
На щите иль со щитом!*

«Господи, ну и дерьмо же песня», — подумал Джейк, и ему внезапно пришло в голову, что отцу она бы очень понравилась.

2

Первым уроком шла литературная композиция — единственный предмет, по курсу которого не сдавали устный экзамен. Вместо этого класс получил задание на дом: написать «итоговое эссе». «Итоговое эссе» должно было представлять собой отпечатанный на машинке

текст объемом от полутора до четырех тысяч слов на заданную мисс Эйвери тему — «Мое понимание истины». Эссе засчитывалось как двадцать пять процентов оценки за семестр.

Джейк вошел и сел в третьем ряду. Класс насчитывал всего одиннадцать учеников. Джейку вспомнился прошлый сентябрь, день знакомства со школой — мистер Харли тогда сказал, что в школе «Пайпер» «самое высокое соотношение педагогов и учащихся по сравнению с любой хорошей частной средней школой на востоке страны». Дабы подчеркнуть свою мысль, мистер Харли раз за разом с треском опускал кулак на кафедру, помещавшуюся в передней части рекреационного зала. Джейка полученная информация не потрясла, однако он довел ее до сведения отца, полагая, что уж на отца-то она непременно должна произвести впечатление, и не ошибся.

Растегнув молнию на сумке с книгами, Джейк бережно достал синюю папку, в которой лежало его «Итоговое эссе». Он положил папку на стол, собираясь в последний раз просмотреть сочинение, как вдруг ему на глаза попала дверь в стене слева. Джейк знал, что дверь эта ведет в раздевалку и сегодня закрыта, поскольку в Нью-Йорке около двадцати двух градусов тепла и все пришли налегке. Там, за дверью, не было ничего, кроме длинного ряда латунных вешалок-крючков на стене и длинного резинового коврика для обуви на полу. Дальний угол занимали коробки и ящики с запасом расходных материалов — мела, тетрадей и проч.

Ничего особенного.

Тем не менее Джейк поднялся с места и, оставив папку нераскрытой на парте, пошел к этой двери. Он слышал, как негромко переговариваются одноклассники и шуршат страницы «Итоговых эссе», просматриваемых в поисках того неверно согласованного определения, той неясной, расплывчатой фразы, что способны свести на нет все труды, — но эти звуки доносились словно бы откуда-то издалека.

Вниманием Джейка полностью завладела дверь.

Вот уже дней десять, как голоса у него в голове раздавались все громче и громче, а самого его все сильнее и сильнее притягивали двери — всевозможные двери. Дверь из своей спальни в коридор Джейк за последнюю неделю открывал, должно быть, раз пятьсот, а ту, что вела из спальни в ванную, — и всю тысячу. И всякий раз грудь ему теснило радостное предвкушение, надежда, будто где-то за одной из этих дверей крылось решение всех его проблем, ответ на все вопросы, который он непременно найдет... с течением времени. Но за дверью всякий раз оказывался только коридор, или ванная, или дорожка перед домом, или что-нибудь еще.

В прошлый четверг, возвратясь из школы, Джейк бросился на кровать и уснул; сон, кажется, оставался для него единственным прибежищем. Однако, проснувшись сорок пять минут спустя, мальчик

обнаружил, что стоит рядом с книжным шкафом, у стены, и рисует на обоях дверь. По счастью, карандашом, так что самые скверные следы удалось стереть.

Сейчас, приближаясь к дверям раздевалки, Джейк почувствовал, как в нем вспыхивает прежняя дурманящая надежда, расцветает кружащая голову уверенность, что дверь откроется не в полутемный чулан, хранящий лишь стойкие запахи зимы — сукна, резины, мокрого меха, — а в какой-то иной мир, где он *может выздороветь*. Что на пол класса ляжет ширящийся клин горячего слепящего света, и в блекло-голубом

как его глаза

как старые джинсы небе закружат птицы. Ветер пустыни дохнет ему в лицо, взъерошит волосы, осушит нервную испарину на лбу.

Он шагнет в эту дверь и исцелится.

Джейк повернул ручку и открыл дверь. За ней царила тьма, поблескивал ряд латунных крючков. В углу, возле аккуратных стопок чистых тетрадей, лежала давным-давно забытая кем-то лыжная перчатка.

Больше ничего.

Сердце у Джейка упало. Ему внезапно захотелось попросту забиться в эту темную каморку, хранящую горьковатый запах зимы и меловой пыли. Можно было бы отодвинуть перчатку и усестись в углу под вешалкой. На резиновый коврик, куда в зимнее время полагалось ставить сапоги. Сесть там, сунуть большой палец в рот, плотно подтянуть колени к груди, закрыть глаза и... и...

И сдаться.

Идея эта, сулившая *избавление*, казалась невероятно привлекательной. Конец ужасу, смятению, неразберихе... От неразберихи Джейк почему-то страдал сильнее всего; мальчику чудилось, что вся его жизнь превратилась в зеркальные дебри комнаты смеха.

И все же в тайниках души Джейка Чэмберса пряталась сталь — он, бесспорно, был одного поля ягода с Эдди и Сюзанной. Сейчас эта потаенная сталь блеснула во мраке угрюмым синеватым огнем маяка. Никакой сдачи не будет. Пусть внутренний разлад в конце концов начисто лишит Джейка способности мыслить здраво, но пока никакой потачки ему не будет. Провалиться Джейку на этом самом месте.

«Никогда! — с жаром подумал мальчик. — Никогда! Ни...»

— Когда закончишь инвентаризацию школьного имущества в раздевалке, Джон, потрудись, пожалуйста, присоединиться к нам, — раздался у него за спиной суховатый интеллигентный голос мисс Эйвери.

Джейк обернулся. По классу прокатилась волна сдавленного хихиканья. Мисс Эйвери смотрела на него, стоя за своим столом: умное спокойное лицо; кончики длинных пальцев касаются промокашки; синий костюм (сегодня); волосы заколоты в узел на затылке (как

обычно). Через плечо мисс Эйвери на Джейка, хмурясь, глядел Натаниель Готорн¹.

— Простите, — пробормотал Джейк и закрыл дверь. Едва он сделал это, его охватило сильнейшее желание открыть ее снова и перепроверить — вдруг *на этот раз* за ней окажется тот, другой, мир, где над бескрайней пустыней нещадно палит солнце.

Вместо этого он прошел на свое место. Поглядев на него веселыми глазами, в которых прыгали чертики, Петра Джессерлинг шепнула:

— В следующий раз возьми меня с собой. Вот *тогда* тебе будет, на что посмотреть!

Джейк рассеянно улыбнулся и втиснулся за парту.

— Спасибо, Джон, — бесконечно спокойным голосом сказала мисс Эйвери. — А сейчас, прежде чем вы сдадите мне свои «Итоговые эссе», которые, без сомнения, все написаны прекрасно, очень тонко, очень по теме и очень *самобытно*, я хочу раздать «Краткий список литературы для летнего чтения», рекомендованный кафедрой английского языка. Книги великолепные. О некоторых мне придется кое-что сказать...

С этими словами она подала Дэвиду Суррею маленькую стопку размноженных на ксероксе листков. Дэвид принялся раздавать их, а Джейк раскрыл свою папку, чтобы напоследок взглянуть, что же он написал о своем понимании истины. Его неподдельный интерес объяснялся тем, что он совершенно не помнил, чтобы писал сочинение, — так же, как не помнил, готовился ли к французскому.

Недоумевая, с нарастающим беспокойством он посмотрел на титульный лист. В центре красовалось аккуратно напечатанное «Джон Чэмберс. МОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТИНЫ». Ничего странного или необычного в этом не было, но под заголовком он для чего-то наклеил две фотографии. На одной — дверь (возможно, дверь дома номер десять по Даунинг-стрит², мелькнуло у Джейка в голове), на второй — поезд компании «Амтрак». Снимки были цветные, явно вырезанные из какого-то журнала.

«Зачем я это сделал? И когда?»

Джейк перевернул страницу и уставился на «Итоговое эссе», не в силах ни поверить своим глазам, ни понять, что видит. Потом в тумане шока робко забрезжило прозрение: все-таки случилось. Он все-таки свихнулся до такой степени, что окружающие сумеют это понять.

¹ Натаниель Готорн, 1804 — 1864, американский писатель-классик, автор романов «Алая буква», «Дом с семью фронтонами» и др.

² В Лондоне, в доме номер 10 по Даунинг-стрит помещается Министерство иностранных дел Великобритании.

Джон Чэмберс
«МОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТИНЫ»

«Я покажу тебе ужас в пригоршне праха».

Т.С. «Буч» Элиот

«Сперва я счел — он каждым словом лжет».

Роберт «Санданс» Браунинг

Стрелок — истина.

Роланд — истина.

Невольник — истина.

Владычица Теней — истина.

Невольник и Владычица Теней поженились. Это истина.

Постоялый двор — истина.

Говорящий Демон — истина.

Мы сошли под горы, и это истина.

Под горами были чудовища. Это истина.

Один из них просовывал между ног наконечник от бензонасоса «Амо-ко» и притворялся, будто это его член. Это истина.

Роланд позволил мне погибнуть. Это истина.

Я по-прежнему люблю его.

Вот истина.

— ...и чрезвычайно важно, чтобы все вы прочли «Повелителя мух»¹, — внятным, но каким-то бесцветным голосом говорила мисс Эйвери. — И, прочитав, задались определенными вопросами. Хороший роман нередко бывает схож с чередой загадок, где каждая отгадка представляет собой новую загадку... А «Повелитель мух» не просто хорошая, а очень хорошая книга, одна из лучших, написанных во второй половине двадцатого столетия. Поэтому в первую очередь спросите себя, каково символическое значение витой раковины. Далее...

Далеко. В далеком далеке. Джейк дрожащей рукой перелистнул первую страницу своего «Итогового эссе», оставив на бумаге темное пятнышко пота, и обратился ко второй.

Что растворяется, но не исчезает? Дверь, и это истина.

Блейн — истина.

Блейн — истина.

¹ «Повелитель мух» — философский роман-притча английского писателя Уильяма Голдинга.

Что сказала сыну тень отца Гамлета? В здоровом замке — здоровый дух, и это истина.

Блейн — истина.

За Блейном нужен глаз да глаз. Блейн — мучитель, и это истина.

Я совершенно уверен, что Блейн опасен, и это истина.

Когда часы опасны? Когда они бьют, и это истина.

Блейн — истина.

Я хочу вернуться, и это — истина.

Я должен вернуться, и это — истина.

Если я не вернусь, я сойду с ума, и это — истина.

Если я не найду камень розу дверь, домой возврата нет, и это истина.

Чух-чух, и это — истина.

Чух-чух. Чух-чух.

Чух-чух. Чух-чух. Чух-чух.

Чух-чух. Чух-чух. Чух-чух. Чух-чух.

Я боюсь. Это — истина.

Чух-чух.

Джейк медленно оторвал взгляд от листа. Сердце у него колотилось так сильно, что перед глазами плясал яркий свет — каждый отчаянный толчок в груди отзывался коротким слепящим сполохом, словно сетчатка Джейка запечатлела работу фотовспышки.

Воображение нарисовало ему мисс Эйвери, протягивающую его «Итоговое эссе» родителям. Рядом с мисс Эйвери стоял мистер Биссетт, серьезный и мрачный. Джейк услышал бесцветный внятный голос мисс Эйвери: *«Ваш сын серьезно болен. Если нужны доказательства, вот его «Итоговое эссе» — взгляните».*

«Уже около трех недель Джон сам не свой, — прибавил мистер Биссетт. — По временам он кажется испуганным, и постоянно — как в тумане... где-то витает, если вы понимаете, о чем я. Je pense John est fou... comprenez-vous?»¹

Снова мисс Эйвери: *«Вы случайно не держите дома сильнодействующие психотропные средства? Джон не может иметь к ним доступ?»*

Насчет психотропных средств Джейк был не в курсе, зато знал, что в нижнем ящике письменного стола у себя в кабинете отец держит несколько граммов кокаина. И непременно решит, что сын запустил туда руку.

— Теперь, с вашего позволения, несколько слов об «Уловке 22»², — обращаясь к классу, сказала от доски мисс Эйвери. — Для шестого и седьмого классов это очень спорная книга, но раскройте

¹ Я думаю, Джон сошел с ума... понимаете? (фр.).

² «Уловка 22», иначе «Поправка 22», — сатирический роман американского писателя Джозефа Хеллера.

душу ее *особому очарованию*, и она вас положительно околдует. Если угодно, можете думать об этом романе, как о *комедии сюрреалий*.

«Еще не хватало про это *читать*, — подумал Джейк. — Да у меня вся жизнь — сплошные сюрреалии, и ничего смешного в этом нет».

Он вновь обратился к «Итоговому эссе». Последняя страница. Ни единого слова, взамен — еще одна картинка, вклеенная им в сочинение. Фотография пизанской Падающей башни, густо исчерканная черным восковым карандашом: темные, жирные, поблескивающие линии металлись и петляли, свиваясь кольцами, выписывая безумные вензеля.

Джейк совершенно ничего не помнил об этом.

Совершенно ничего.

В ушах у него зазвучали слова отца, адресованные мистеру Биссетту: «Fou¹... Да, он определенно fou. Мальчишка, прославивший свой шанс в школе «Пайпер», НЕ МОЖЕТ не быть fou, вы согласны? Ну что ж... я сумею решить эту проблему. Решать проблемы моя специальность. Ответ — «Солнечная долина». Ему нужно некоторое время провести в «Солнечной долине». Будет плести корзинки, успокоится, соберется. Вы, ребята, за нашего парня не волнуйтесь; работать он умеет, не то что таиться».

Неужели, если станет известно, что у него не все дома, его действительно упрячут в психушку? Джейк полагал, что ответ на этот вопрос — большое «будьте покойны!» Отец ни под каким видом не потерпит в своем доме сумасшедшего. Возможно, лечебница, куда поместят Джейка, будет называться не «Солнечная долина», а как-нибудь иначе, но от этого не исчезнут ни решетки с окон, ни неслышно рыскающие по коридорам молодые люди в белых халатах и мягких тапочках. Зоркие молодые люди с мощной мускулатурой. Молодые люди, имеющие доступ к шприцам и ампулам, полным искусственного сна.

«Всем расскажут, что я уехал, — подумал Джейк. Поднимающаяся волна паники временно заглушила голоса, спорившие у него в голове. — Скажут, что я проведу год у тетки, в Модесто... или в Швеции, по студенческому обмену... или в открытом космосе, на ремонте спутников... Мама будет против... Но мама поплачет и согласится. У нее есть ее хахали, а потом, она *всегда* с ним соглашается. Она... они... я...»

Джейк почувствовал, что к горлу подступает пронзительный крик, и крепко сжал губы, чтобы сдержаться. Вновь опустив взгляд к неразберихе диких черных каракулей, клубившихся поверх изобра-

¹ Fou — сумасшедший, здесь: не в своем уме (фр.).

жения Падающей башни, он подумал: «Надо выбраться отсюда. Надо уйти, сейчас же».

Он поднял руку.

— Да, Джон, в чем дело? — мисс Эйвери смотрела с легким раздражением, которое приберегала для учеников, перебивающих ее посреди лекции.

— Мне хотелось бы на минутку отлучиться, если можно, — сказал Джейк.

Очередной образчик «пайперизма». Пайперовцам не полагалось «сливать водичку», «ходить по-маленькому» или, Боже сохрани, «по-большому». По молчаливому соглашению ученики школы «Пайпер» считались слишком совершенными для того, чтобы в процессе своего бесшумного, как того требовал хороший вкус, скольжения по жизни производить шлаки. Изредка кто-нибудь испрашивал разрешения «на минутку отлучиться» — и все.

Мисс Эйвери вздохнула.

— Это обязательно, Джон?

— Да, мэм.

— Хорошо. Возвращайся как можно скорее.

— Да, мисс Эйвери.

Джейк встал, закрыл папку, взял ее в руки, потом неохотно выпустил. Бесполезно. Мисс Эйвери покажется странным, что он берет с собой в туалет «Итоговое эссе». Нужно было сперва изъять из папки компрометирующие страницы и затолкать их в карман, а уж потом просить разрешения на минутку отлучиться. А теперь слишком поздно.

Джейк пошел по проходу к дверям. Папка осталась на парте, сумка с книгами — под партой.

— Успехов, Чэмберс, — прошептал Дэвид Суррей и хихикнул в кулак.

— Дэвид, умолкни, — велела мисс Эйвери уже с нескрываемым раздражением, и весь класс захохотал.

Джейк тем временем добрался до двери в коридор, взялся за ручку, и в ту же секунду в нем возродилась надежда, нахлынула прежняя уверенность. «Вот она, эта дверь — та самая. Я открою ее, и сюда хлынет ослепительное солнце пустыни. В лицо повеет сухой ветер. Я шагну за порог и никогда больше не увижу этого класса».

Он отворил дверь, но за ней был только коридор; тем не менее в одном мальчик оказался прав: класса мисс Эйвери он больше никогда не видел.

Покрываясь легкой испариной, Джейк медленно брел по сумрачному, обшитому деревянными панелями коридору, минуя двери, которые вынужден был бы открывать, если бы не врезанные в них прозрачные стеклянные окошки. Он заглянул в класс к мистеру Биссетту («Французский язык, второй год обучения») и в кабинет мистера Кнопфа («Введение в геометрию»). В обеих комнатах, склонив головы над раскрытыми тетрадями, с карандашами в руках сидели ученики. Заглянув к мистеру Харли («Риторика»), Джейк увидел Стэна Дорфмана (одного из тех мальчиков, с которыми поддерживал знакомство, но нельзя сказать, чтобы дружил). Стэн как раз приступал к своей Заключительной Речи и казался до смерти испуганным, но Джейк мог бы объяснить Стэну, что тот не имеет ни малейшего представления о страхе — о *настоящем* страхе.

Я умер.

Нет, не умирал.

Нет, умер.

Нет, не умирал.

Умер.

Нет.

Он оказался у двери с надписью «ДЕВОЧКИ» и толкнул ее, ожидая увидеть нестерпимо светлое пустынное небо и голубую дымку гор на горизонте. Вместо этого он увидел Белинду Стивенс, которая стояла возле одного из умывальников и, глядя в зеркало над раковиной, выдавливала прыщик на лбу.

— Господи Иисусе, ты что, озабоченный? — спросила она.

— Извини. Ошибся дверью. Я думал, тут пустыня.

— *Что?*

Но Джейк уже отпустил дверь, и та, качнувшись на пневматическом колене, захлопнулась. Он миновал фонтанчик с питьевой водой и открыл дверь с надписью «МАЛЬЧИКИ». *Ту самую*, несомненно, наверняка ту самую дверь, которая снова приведет его в...

Под лампами дневного света сияли девственной чистотой три писсуара. Из крана в раковину угрюмо капала вода. И все.

Джейк отпустил дверь и двинулся дальше, негромко, но решительно постукивая каблуками по кафелю. Поравнявшись с канцелярией, он заглянул внутрь, но увидел только мисс Фрэнкс. Она болтала по телефону, крутясь на вращающемся кресле и поигрывая локоном. Посеребренный колокольчик стоял рядом на столе. Джейк дождался, чтобы мисс Фрэнкс оказалась к двери спиной, и поспешно прошел мимо. Тридцать секунд спустя он уже выходил в сияющее, солнечное майское утро.

«Надо же, сорвался с уроков, — несмотря на тревогу и смятение, изумился он такому неожиданному развитию событий. — Если я еще минут пять не вернусь из туалета, мисс Эйвери пошлет кого-нибудь

поглядеть, и всем все станет ясно. Все поймут, что я сбежал из школы, стал прогульщиком».

Он вспомнил о лежавшей на парте папке.

«Они прочтут мое сочинение и подумают, что я спятил. *Fou*. Как пить дать. Правильно, я же и есть сумасшедший».

Тут послышался другой голос — Джейк подумал, что это голос человека с глазами снайпера, человека с двумя большими револьверами. Голос звучал холодно, но не без нотки утешения.

«Нет, Джейк, — сказал Роланд. — Ты не безумен. Ты растерян, напуган, но не безумен. Не нужно бояться ни тени твоей, что утром идет за тобою, ни тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку. Ты должен снова отыскать дорогу домой, вот и все».

— И куда же мне идти? — прошептал Джейк. Он стоял на Пятьдесят шестой улице, между Парк- и Мэдисон-авеню, и смотрел на несущуюся мимо лавину машин. Проехал фырчащий автобус, оставив после себя тонкий шлейф едкого синего дыма. — Куда? Где эта паршивая дверь?

Но голос стрелка уже смолк.

Джейк повернул налево, в сторону Ист-ривер, и машинально зашагал вперед. Он понятия не имел, куда идет. Ни малейшего. Оставалось лишь уповать на то, что ноги сами принесут его в нужное место, как недавно принесли туда, куда не следовало.

5

Это случилось тремя неделями раньше.

Нельзя сказать *все началось тремя неделями раньше*, поскольку создается ошибочное впечатление, будто события развивались постепенно. Голоса — да; *голоса* набирали силу постепенно, постепенно нарастало и то ожесточение, с каким каждый из них настаивал на собственной версии реальности, но остальное произошло внезапно и сразу.

Джейк собрался из дому в восемь, чтобы пройтись до школы пешком (в хорошую погоду он всегда ходил в школу пешком, а в этом году май выдался положительно великолепный). Отец уже отбыл на телевидение, мать еще не вставала, а миссис Грета Шоу пила на кухне кофе, читая свою «Нью-Йорк Пост».

— До свидания, Грета, — сказал он. — Я пошел.

Не отрываясь от газеты, она помахала ему:

— Всего доброго, Джонни. Удачного дня.

Все как всегда. Начинался самый обычный, ничем не примечательный день.

Через полторы тысячи секунд все изменилось. Навсегда.

Джейк неторопливо шагал по улице, заглядывая в витрины, сумка с книгами в одной руке, мешочек с завтраком — в другой. За семьсот

двадцать секунд до того, как его жизнь — единственная, какую он до сих пор знал, — оборвалась, он задержался перед витриной магазина Брендайо, где в застывших позах стояли поглощенные немой беседой манекены в мехах и эдвардианских костюмах. Думал Джейк только о том, что после школы пойдет в кегельбан. В среднем он выбивал 158 — отличный результат для парнишки, которому всего одиннадцать. Джейк мечтал в один прекрасный день стать профи и отправиться в турне (*этот маленький фактоид тоже привел бы отца в бешенство*).

Время пошло. Близился миг внезапного помрачения рассудка.

Джейк перешел Тридцать девятую; у него оставалось еще четыреста секунд. Подождал зеленого света на Сорок первой.

Двести семьдесят.

Задержался, чтобы заглянуть в галантерейный магазинчик на углу Сорок второй и Пятидесятой.

Сто девяносто.

Теперь Джейк Чэмберс, которому оставалось чуть больше трех минут привычного житья-бытья, шел под незримым зонтом, раскрытым над ним той силой, что Роланд называл *ка-тетом*.

В душу к мальчику закралось странное беспокойство. Сперва он решил, что за ним следят, но тут же понял: дело вовсе не в этом... или *не только* в этом. Ему почудилось, что он уже бывал здесь раньше; что наяву переживает давнишний, почти забытый сон. Он подождал, чтобы тревога прошла, но она не проходила. Она усиливалась, и вот уже к ней примешалось иное чувство, в котором Джейк неохотно признал ужас.

Впереди, в двух шагах от Джейка, на углу Пятидесятой и Сорок третьей, негр в панаме пристраивал тележку с содовой и претцелями¹.

«Это он закричит *Ах ты, Господи, насмерть!*», — подумал Джейк.

Со стороны Сорок четвертой улицы к ним приближалась дебелая дама с блумингдэйловским пакетом в руке.

«Она выронит пакет. Выронит пакет, зажмет рот руками и завизжит. Пакет разорвется. В пакете кукла. Она завернута в красное полотенце. Я увижу это с мостовой. С проезжей части. Я буду лежать посреди улицы в намокающих от крови штанах, в растекающейся кровавой луже».

За толстухой шел высокий мужчина в сером шерстяном костюме с тусклым серебристым отливом. Он нес дипломат.

«А вот дядька, которого стошнит прямо на ботинки. Он уронит дипломат, и его вывернет прямо на ботинки... Да что это со мной?»

¹ Хрустящее соленое печенье.

Тем не менее ноги сами несли Джейка вперед, к перекрестку, туда, где через улицу двигался оживленный, неиссякающий людской поток. Где-то позади был священник-убийца, он приближался. Джейк это знал; он знал, что в следующий миг руки священника будут простерты вперед для толчка... знал, но оглянуться не мог. Словно пребывал в плену кошмара, где просто не дано влиять на ход событий.

Пятьдесят три секунды. Впереди лоточник отодвигал заслонку в боку тележки.

«Сейчас он достанет бутылку «Ю-Ху», — подумал Джейк. — Именно бутылку, а не банку. Встряхнет ее и залпом выпьет».

Лоточник вынул бутылку «Ю-Ху», энергично встряхнул и отвинтил крышечку.

Сорок секунд.

«Сейчас сменится свет».

Белое «ИДИТЕ» погасло. Быстро замигало красное «СТОЙТЕ», и где-то, меньше чем за полквартала от перекрестка, к пересечению Пятидесятой с Сорок третьей уже катил большой синий кадиллак. Джейк знал это, знал, что за рулем «Кадилака» — толстяк в синей шляпе почти того же оттенка, что и машина.

«Сейчас я умру!»

Он хотел громко крикнуть это беззаботным прохожим, равнодушно обтекающей его толпе, но челюсти не разжимались, их словно свело. Ноги безмятежно несли Джейка к перекрестку. Веское предостережение «СТОЙТЕ» перестало мигать и засветилось ровно. Лоточник кинул пустую бутылку от «Ю-Ху» в белую урну на углу. На другом углу, через улицу от Джейка, стояла толстуха с хозяйственной сумкой, прямо за ней — мужчина в серебристо-сером костюме.

Восемнадцать секунд.

«Пора проехать фургону с игрушками», — подумал Джейк.

Перед самым его носом, подпрыгивая на выбоинах, через перекресток пронесся грузовичок с радостным паяцем и надписью «ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ИГРУШКАМИ ТУКЕРА» на боку. Где-то позади (знал Джейк) человек в черном прибавил шаг, сокращая разрыв, и уже тянул длинные руки. Но оглянуться было невозможно, как невозможно оглянуться во сне, когда тебя догоняет что-то невыносимо ужасное.

«Беги! А не можешь бежать, так сядь на землю и вцепись в знак «стоянка запрещена»! Сделай что-нибудь, не стой сложа руки!»

Однако Джейк был не властен остановить развитие событий. Впереди, у самой бровки тротуара, стояла молодая женщина в белом свитере и черной юбке. Слева от нее ждал зеленого света парнишканикан со стереомагнитофоном. Из динамика неслись последние такты песни Донны Саммер. За ней (знал Джейк) должна была зазвучать «Dr. Love» в исполнении группы «Кисс».

«Сейчас они отойдут подальше друг от друга...»

Едва эта мысль пришла Джейку в голову, как женщина сделала шаг вправо, парнишка-чикано — влево, и между ними образовалась брешь. Ноги-предатели понесли Джейка прямо к ней.

Девять секунд.

В конце улицы под ярким майским солнцем засверкала отделка капота кадиллака. Джейк знал, что это «седан-де-вилль» семьдесят шестого года выпуска.

Шесть секунд.

Кадиллак набирал скорость. Вот-вот должен был смениться свет; человек за рулем «де-вилля», толстяк в синей шляпе с заливчатским пером на тулье, собирался успеть проскочить перекресток.

Три секунды.

Человек в черном бросился вперед, к Джейку. Магнитофон паренька-чикано доиграл «Love To Love You, Baby», зазвучали первые аккорды «Dr. Love».

Две секунды.

Кадиллак-убийца (решетка его рычащего радиатора походила на оскал хищного зверя) перестроился на полосу, ближнюю к тротуару, где стоял Джейк, и ринулся к перекрестку.

Одна.

У Джейка занялось дыхание.

Ноль.

Пуск.

— А! — вскрикнул Джейк, когда жесткие ладони с силой ударили его в спину, выпихивая с тротуара на мостовую, выталкивая на проезжую часть, выталкивая из жизни...

Но только у него в *воображении*.

Тем не менее Джейк накренился вперед, отчаянно размахивая руками, испуганно округлив разинутый рот. Паренек со стереомагнитофоном крепко схватил Джейка повыше локтя и оттащил назад.

— Ты, орелик, давай не зевай, — сказал он. — Тут такое движение, что ахнуть не успеешь — расшибет в котлету.

«Кадиллак» проплыл мимо. Джейк мельком увидел за ветровым стеклом толстяка в синей шляпе, и машина исчезла.

Вот тогда это и произошло; именно тогда Джейк словно бы раскололся посередке и стал *двумя* мальчиками. Один умирал на мостовой. Другой стоял на углу, потрясенный, в немом изумлении глядя, как «СТОЙТЕ» снова меняется на «ИДИТЕ» и толпа устремляется через дорогу как ни в чем не бывало... Впрочем, и в самом деле не бывало.

«Живой!» — возрадовалась половина Джейка, повизгивая от облегчения.

«Мертвый!» — завопила в ответ другая половина. — Я мертвый лежу на мостовой! Все столпились вокруг, а человек в черном,

который меня толкнул, говорит: *Я священник. Позвольте пройти....»*

На Джейка, превращая мысли в парусящий парашютный шелк, волнами накатывала дурнота. Мальчик заметил приближающуюся толстуху; когда она поравнялась с ним, он заглянул к ней в сумку. Оттуда, как он и ожидал, поверх края красного полотенца на него взглянули ярко-синие кукольные глаза. В следующую секунду перед Джейком уже никого не было. Женщина ушла. Лоточник, вместо того чтобы голосить «Ах ты, Господи, насмерть!», продолжал готовиться к рабочему дню, насвистывая песню Донны Саммер, которую только что играл магнитофон паренька-чикано.

Джейк обернулся, лихорадочно отыскивая мнимого священника. Того нигде не было.

Джейк застонал.

«Очнись! Ты чего?»

Он не знал. Он знал только, что в эту минуту должен лежать на мостовой, прощаясь с жизнью под истошные вопли толстухи, пока мужчину в серебристо-сером гарусном костюме рвет, а человек в черном проталкивается сквозь собирающуюся толпу.

Именно это, кажется, и происходило в одном из уголков его сознания.

Противная слабость вернулась. Джейк вдруг бросил мешочек с завтраком наземь и что было силы хлестнул себя по лицу. Незнакомая женщина, спешившая на службу, подозрительно всмотрелась в него. Джейк не обратил на нее внимания. Бросив завтрак на тротуаре, он очертя голову кинулся через улицу, безразличный ко вновь замигавшему алому «СТОЙТЕ». Отныне это утратило важность. Смерть подступила к нему и прошла мимо, даже не глянув. Все должно было произойти *иначе* (подсказывало Джейку некое глубинное чутье), но не произошло.

Может быть, теперь он будет жить вечно.

От этой мысли Джейку опять захотелось ликующе захохотать.

6

К тому времени, как он добрался до школы, в голове у него немного прояснилось и за работу взялся рассудок. Трезвое начало старалось убедить Джейка, что причин для беспокойства нет — ей-же-ей, никаких. Возможно, *действительно* имело место нечто немного необычное, этакое психическое озарение, и Джейк на миг заглянул в будущее, в один из его возможных вариантов. Ну и что? Что особенного? Собственно, идея была вполне современной, даже модной, в духе тех странных газет, какие продаются в универсамах, излюбленного чтива Греты Шоу, за которое она бралась, лишь убедившись, что матери Джейка поблизости нет, — газет вроде «Нэшнл инквэйз-

пер» и «Инсайд вью». Только, конечно, в газетных публикациях психические озарения всегда играли роль упреждающих ядерных ударов: женщина увидела во сне авиакатастрофу — и перезаказала билеты; парню приснилось, будто его брата держат пленником на китайской фабрике, выпускающей «печенье-гаданье»¹, — и оказалось, что это правда. Так стоило ли обращать внимание на психическое озарение, суть которого — знать, что по радио сейчас зазвучит песня в исполнении «Кисс», в сумке у толстой тетки лежит кукла, завернутая в красное полотенце, а лоточник, торгующий претцелями, выпьет «Ю-Ху» из бутылки, не из банки?

«Забудь, — посоветовал себе Джейк. — Проехали».

Отличная мысль, но к третьему уроку он понял: *нет*, не проехали — все только начинается. Шел урок алгебры; глядя, как мистер Кнопф решает на доске простые уравнения, Джейк с разгорающимся ужасом понял, что в его сознании звено за звеном поднимается к поверхности совершенно новая цепочка воспоминаний. Словно на глазах у мальчика со дна мутного озера медленно всплывали неведомые диковинные предметы.

«Я в каком-то незнакомом месте, — подумал он. — То есть, *пока* незнакомом... а если бы кадиллак меня сбил, оно уже *было бы* мне знакомо. Это постоянный двор... но та часть меня, которая попала сюда, еще не знает этого. Она знает только, что она где-то в пустыне и что здесь нет ни души. Я плакал, потому что боюсь. Боюсь, что это может быть ад».

К трем часам, явившись в кегельбан «Подземелье», Джейк уже знал, что нашел в конюшне колонку и напился. Вода была очень холодной, с сильным минеральным привкусом. Вскоре он зайдет в дом и в комнате, которая когда-то служила кухней, найдет скромный запас сушеной говядины. Джейк знал это так же твердо, как то, что лоточник выберет «Ю-Ху» в бутылке и что у куклы, выглядывающей из фирменного пакета универмага «Блумингдэйл», синие глаза.

Будто обрел способность вспоминать будущее.

В «Подземелье» он сбил только два ряда; первый — 96, второй — 87. Когда Джейк возвращал шары, Тимми за стойкой заглянул в его листок и покачал головой.

— Что-то ты сегодня не в лучшей форме, чемпион, — заметил он.

— Не то слово, — ответил Джейк.

Тимми пригляделся повнимательнее.

— С тобой все в порядке? Больно ты бледный.

— По-моему, я приболел. Видно, подхватил грипп. — Это было очень похоже на правду: *какая-то* болезнь, безусловно, настигла Джейка.

¹ Китайское печенье, в котором запечена бумажка с предсказанием судьбы.

— Иди домой, ложись в кровать, — посоветовал Тимми. — И пей, пей, пей. Неразбавленное. Джин, водку и тому подобное.

Джейк покорно улыбнулся.

— Пожалуй, я так и сделаю.

Он медленно шел домой. Вокруг расстился Нью-Йорк — Нью-Йорк, донельзя соблазнительный в этот ранний вечерний час: серенада улиц, где на каждом углу по музыканту; деревья в цвету; приветливые веселые лица. Все это Джейк видел, но за привычным городским пейзажем его глазам открывался *второй план*: вот он, Джейк Чэмберс, испуганно прячется в полутемной кухне, покуда человек в черном, ощерившись, как пес, пьет из колонки на конюшне; вот он всхлипывает от облегчения, ибо этот человек (или существо) ушел, не обнаружив его; вот засыпает крепким сном под неприятно-лиловым закатным небом пустыни с проступающей на нем ледяной крошкой звезд.

Открыв своим ключом дверь в занимающую два этажа квартиру, Джейк по привычке (есть ему не хотелось) пошел на кухню взять чего-нибудь пожевать. По пути к холодильнику ему на глаза случайно попала дверь кладовки, и он остановился. Он вдруг понял, что постоянный двор (и весь чужой и странный мир, частью которого он теперь был) находится за этой дверью. Нужно лишь толкнуть ее, шагнуть за порог и воссоединиться с тем Джейком, который там уже существует. Странной раздвоенности его «я» придет конец; голоса, ведущие бесконечный спор о том, умер он или не умер сегодня в восемь двадцать пять утра, смолкнут.

Заранее расплываясь в улыбке радостного облегчения, Джейк обеими руками толкнул дверь кладовки, та распахнулась... и пронзительный визг пригвоздил мальчика к месту: в глубине, на невысокой табуреточке, стояла миссис Шоу. Жестянка с томатной пастой, которую она держала, вывалилась у нее из рук и упала на пол. Миссис Шоу зашаталась, и Джейк поспешно кинулся вперед, чтобы поддержать экономку, пока та не успела присоединиться к томатной пасте.

— Явленные мощи из осинової рощи! — ахнула миссис Шоу, пророчно отряхивая перед домашнего платья. — Джонни, ты перепугал меня до чертиков!

— Извините, — сказал Джейк. Он действительно жалел, что так вышло, но к чувству вины примешивалось горькое разочарование. За дверью оказалась всего-навсего кладовка. Ведь он был так *уверен*...

— А кстати, что это ты тут бродишь, как привидение? Тебе же сегодня положено в кегли играть! Я тебя ждала самое раннее через час! И готовить еще не бралась, так что на полдник не рассчитывай.

— Ничего. Вообще-то я не очень голодный. — Джейк нагнулся и поднял банку, которую она уронила.

— Да? Вот уж не сказала бы, если судить по тому, как ты сюда вломился, — ворчливо заметила миссис Шоу.

— Мне показалось, я что-то услышал — вроде бы мышь. Наверное, это были вы.

— Наверное. — Миссис Шоу спустилась с табуреточки и взяла у него банку. — Похоже, у тебя начинается грипп, Джонни. — Она потрогала его лоб. — На ощупь ты вроде бы не горячий, но иногда это ни о чем не говорит.

— Наверное, я просто устал, — сказал Джейк и подумал: «Если бы дело было только в этом!» — Пожалуй, я просто выпью содовой и немножко посмотрю телевизор.

Она хмыкнула.

— Тетрадки показывать будешь? Если да, то давай быстрее. Я опаздываю с ужином.

— Сегодня тетрадок нет, — ответил Джейк. Он вышел из кладовки, взял содовую и пошел в гостиную. Включив телевизор, он рассеянно уставился на экран, а голоса тем временем спорили, и на поверхность продолжали подниматься все новые и новые воспоминания о пыльном чужом мире.

7

К великой радости Джейка, ни мать, ни отец не заметили, что с ним что-то неладно, — отец, тот вообще вернулся домой только к половине десятого. В десять мальчик отправился в постель и лежал в темноте без сна, слушая звуки большого города за окном: визг тормозов, гудки, вой сирен.

Ты умер.

Фиг-то. Я здесь, в кровати, целый и невредимый.

Ничего не значит. Ты умер, ты же знаешь.

Самое ужасное заключалось в том, что Джейк знал и то, и другое.

«Не знаю, которому из вас верить, но больше я так не могу. Поэтому уймись оба. Хватит спорить, оставьте меня в покое. Ладно? Ну пожалуйста».

Но голоса не желали — видимо, не могли — уняться. Джейку пришло в голову, что следует *сейчас же* встать и открыть дверь туалета. Чужой мир — там, за ней. Там постоянный двор, и вторая половинка его «я» — тоже там, скорчилась в конюшне под ветхой попоной, старается заснуть и недоумевает, что же, черт побери, произошло.

«Я могу объяснить ему, что, — взволнованно подумал Джейк. Он откинул покрывала, внезапно поняв, что дверь рядом с книжным шкафом ведет не в туалет, а в мир, который пахнет зноем, полыньей и ужасом в пригоршне праха; в мир, осененный сейчас крылом

ночи. — Могу, но объяснять не придется... потому что я буду в нем... я буду им!»

С трудом сдерживая радостный смех, он стремглав кинулся через погруженную во тьму комнату, распахнул дверь настежь и...

...и увидел знакомый туалет. На стене — плакат в рамке, Марвин Гэй, на кафельном полу — полосы света и тени, повторяющие очертания жалюзи.

Джейк долго стоял на пороге, пытаясь справиться с разочарованием. Оно никак не проходило. И было горьким.

Горьким.

8

Следующие три недели протянулись в его памяти угрюмой полосой разоренных, загубленных земель — бесплодных земель из кошмара; пустыней, в которой ни мира не сыщешь, ни роздыха, ни избавления от боли. словно беспомощный пленник, в бессильном отчаянии следящий за разграблением некогда подвластного ему города, Джейк наблюдал за тем, как его разум теряет устойчивость под беспрестанно усиливающимся натиском призрачных голосов и воспоминаний. Наконец в фантомном бытии мальчика настал миг, когда человек по имени Роланд позволил ему сорваться в пропасть под горами, и Джейк понадеялся, что теперь-то память перестанет нанизывать миражи — но ничуть не бывало. Круг замкнулся; она принялась прокручивать воспоминания об иной жизни заново, как магнитофон, запрограммированный повторять одну и ту же запись до тех пор, пока не сломается или кто-нибудь не придет и не вырубит его.

Страшный внутренний раскол углублялся, и восприятие Джейком своей более-менее реальной жизни нью-йоркского мальчишки делалось все более обрывочным. Он припоминал, что ходил в школу, в выходные — в кино, а в воскресенье на прошлой (или на позапрошлой?) неделе — с родителями в ресторан, не то на поздний завтрак, не то на ранний обед, но все это вспоминалось ему, как переболевшему малярией вспоминается самый тяжелый и мрачный период болезни: люди обращались в бесплотные тени, голоса сливались в нестройный хор, дробясь эхом, и даже простейшее дело — съесть сэндвич или купить кока-колу в автомате в спортзале — превращалось в преодоление. Все эти три недели Джейк продирался сквозь сумбур горлающих голосов и двоящихся воспоминаний. Навязчивый интерес мальчика к всевозможным дверям рос; надежда на то, что за одной из них может лежать мир стрелка, никак не умирала окончательно. Что, впрочем, было не так уж странно, поскольку это была его единственная надежда.

Однако сегодня игра закончилась. Все равно, реального шанса на победу у него никогда не было. Сегодня он сдался. Сбежал с уроков.

Понутив голову, Джейк как автомат брел по тротуару, а ноги сами несли его по расчертившим город на клетки улицам на восток. Он понятия не имел ни о том, куда идет, ни о том, что будет делать, когда придет туда.

9

Около девяти часов это безрадостное оцепенение нарушилось, и Джейк мало-помалу стал замечать, что творится вокруг. Он стоял на пересечении Лексингтон-авеню с Пятьдесят шестой улицей, тщетно пытаясь вспомнить, как очутился здесь. Мальчик в первый раз заметил, что утро стоит великолепнейшее. День выдался во сто крат лучше славного погожего денька седьмого мая (дня, когда Джейка постигло безумие) — быть может, это и был тот самый день, когда весна, оглядевшись, вдруг видит стоящее неподалеку лето — сильное, красивое, с дерзкой самоуверенной усмешкой на загорелом лице. Ярко сияло солнце, отражаясь от стеклянных стен зданий делового района, тень каждого пешехода была черной и четкой. В безупречно синем чистом небе белели редкие островки пухлых кучевых облаков.

Дальше по улице, у возведенного вокруг стройплощадки глухого дощатого забора, стояли два бизнесмена в дорогах, хорошо скроенных костюмах. Они смеялись, передавая что-то из рук в руки. Заинтересовавшись, Джейк направился в их сторону и, подойдя поближе, увидел, что бизнесмены играют в крестики-нолики, рисуя на заборе клетки, кресты и кружочки дорогим маркером. Джейк от души восхитился. Когда он приблизился, один из бизнесменов нарисовал в верхней правой клетке нолик и из угла в угол наискось перечеркнул игровое поле.

— Опять я продул! — сказал второй. Потом этот человек, — судя по виду исполнительный директор крупной фирмы или юрист, или биржевой маклер экстра-класса — взял у своего товарища маркер и нарисовал еще одну решеточку.

Взгляд первого бизнесмена, победителя, скользнул влево, и он увидел Джейка. Он улынулся.

— Вот это денек, а, малый?

— Ну! — откликнулся Джейк, в восторге от того, что говорит слово в слово то, что думает.

— Слишком славный, чтобы сидеть в школе, а?

Тут Джейк, как ни странно, рассмеялся. Школа «Пайпер» с ее «рекреациями» вместо обедов, школа «Пайпер», где нельзя было сходить в туалет по-большому — только «отлучиться на минутку», вдруг показалась чем-то далеким и совершенно несущественным.

— Угадали.

— Хочешь сыграть? Вот Билли с пятого класса все никак меня не обставит.

— Отстань от парня, — сказал второй бизнесмен, протягивая маркер. — Ты уже история. — Он подмигнул Джейку, и Джейк, к своему изумлению, подмигнул в ответ. Он пошел дальше, оставив бизнесменов играть. В нем крепло ощущение, что вот-вот произойдет (если уже не происходит) какое-то чудо, и он теперь не шел, а словно бы плыл, не касаясь асфальта.

На переходе зажглось «ИДИТЕ», и Джейк ступил на мостовую Лексингтон-авеню. Посреди улицы он остановился так неожиданно, что его едва не сбил мальчишка-посыльный на десятискоростном велосипеде. Стоял прекрасный весенний день — да. Но не потому Джейку было так хорошо. Не потому он так внезапно и полно начал осознавать происходящее вокруг. Не потому был так уверен, что грядет неведомое великое событие.

Голоса умолкли.

Не исчезли навсегда — Джейк откуда-то знал это, — но сейчас *молчали*. Почему?

Внезапно Джейку представились двое ссорящихся. Они сидят визави в комнате за столом и обмениваются все более язвительными замечаниями. Чуть погода они мало-помалу подаются вперед, задиристо выставляя подбородки, в бешенстве обдавая друг друга мелкими брызгами слюны. Вскоре дойдет до затрещин. Но потасовка не успевает начаться: слышится мерный глухой стук — буханье басового барабана, а следом зазорное, звонкое пение фанфар. Перебранка прекращается; спорщики озадаченно переглядываются.

«Что это?» — спрашивает один.

«Не знаю, — отвечает другой. — Никак, парад».

Они кидаются к окну — да, это *парад*; марширует одетый в форму оркестр, пламенеет на солнце медь труб, торжественно вышагивают длинными загорелыми ногами хорошенькие мажоретки, мелькают жезлы, приветственно машут из украшенных цветами открытых машин знаменитости.

Оба не отрывают глаз от окна; перепалка позабыта. Она, несомненно, еще возобновится, но пока скандалисты стоят рядом, плечом к плечу, точно лучшие друзья, и смотрят, как проходит мимо парад...

10

Гудок автомобиля заставил Джейка вздрогнуть и очнуться. Видение, яркое и живое, какими порой бывают сны, рассеялось. Мальчик спохватился, что все еще стоит посреди Лексингтон-авеню, а свет уже сменился. Он пугливо огляделся, ожидая увидеть летящий на него синий кадиллак, но сигналивший ему парень сидел за рулем желтого

«Мустанга» с откидным верхом. Он усмехался. Словно весь Нью-Йорк глотнул сегодня веселящего газа.

Помахав парню, Джейк спринтерским рывком очутился на другой стороне улицы. Парень в «Мустанге» покрутил пальцем у виска — «псих ненормальный!», — помахал в ответ и уехал.

Мгновение Джейк просто стоял на углу, подставив лицо майскому солнцу, улыбаясь, жадно впитывая звуки и запахи. Он полагал, что так должен чувствовать себя приговоренный к смерти на электрическом стуле, узнав об отсрочке исполнения приговора.

Голоса молчали.

Что за парад на время отвлек их внимание? Необычайная красота весеннего утра?

Джейк не думал, что дело только в этом. Не думал, поскольку все его существо, каждую клеточку снова пронизало чувство *предведенья*; впервые Джейк испытал его три недели назад, приближаясь к пересечению Пятидесятый и Сорок шестой. Но седьмого мая то было предчувствие неотвратимо надвигающейся гибели, а сегодня — предвкушение чего-то ослепительного, великолепного, лучезарного, неведомой радости и благодати. Подобной... подобной...

Свету. Вот что за слово пришло ему в голову и теперь звенело там, несомненно и бесспорно правильное.

— Свет! — громко воскликнул Джейк. — Это пришествие Света!

Он зашагал по Пятьдесят четвертой улице в сторону центра и, оказавшись у ее пересечения со Второй авеню, еще раз прошел под зонтом *ка-тета*.

11

Повернув направо, Джейк остановился, развернулся и возвратился на угол, откуда пришел. Да, вне всяких сомнений, необходимо было спуститься по Второй авеню, но он опять стоял не на той стороне улицы. Загорелся зеленый свет, Джейк торопливо перешел дорогу и опять повернул направо. Владевшее мальчиком чувство — ощущение

(Света)

того, что все идет как надо, крепло с каждым шагом. Джейка переполняла радость, у него точно камень с души свалился. С ним ничего не случится. На этот раз ошибки нет. Мальчик не сомневался: вскоре он увидит людей, которых узнает, как узнал толстуху и лоточника, и заранее будет помнить, как кто себя поведет.

Вместо этого он вышел к книжному магазину.

«РЕСТОРАН «МАНХЭТТЕНСКОЕ ПИРШЕСТВО УМА», — гла-сила намалеванная в окне вывеска. Джейк направился к двери. Там висела грифельная доска, похожая на те, что обычно украшают стены закусовых и столовых.

СЕГОДНЯ В МЕНЮ

Горячее из Флориды! Свеженький Джон Д. Макдональд!

В твердом переплете — 3 по 2.50

В мягкой обложке — 9 за 5.00

С берегов Миссисипи! Уильям Фолкнер в собственном соку!

В твердой обложке — по рыночной цене

В мягкой обложке, издательство

«Винтэдж Лайбрэри» — 0.75

Из Калифорнии! Реймонд Чендлер вкрутую!

В твердом переплете — по рыночной цене

В мягкой обложке — 7 по 5.00

УТОЛИ СВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ГОЛОД

Джейк вошел в магазинчик, сознавая, что сейчас впервые за три недели открыл дверь, не питая безумной надежды обнаружить за нею иной мир. Над головой звякнул колокольчик. В нос ударил слабый пряный аромат старых книг, неизвестно почему показавшийся родным, домашним.

Ресторанный мотив продолжался и за порогом. Хотя вдоль стен тянулись ряды книжных полок, помещение делил на две части прилавок, очень похожий на стойку кафетерия. По Джейкову сторону этой стойки стояло несколько столиков со стульями. Спинки у стульев были из гнутых металлических прутьев. Каждый столик был накрыт так, чтобы демонстрировать блюда сегодняшнего меню: романы Джона Д. Макдональда о Трэвисе Мак-Ги, романы о Филиппе Марлоу Реймонда Чендлера, романы о Сноупсе Уильяма Фолкнера. Маленькая табличка на столике с Фолкнером сообщала: «Есть редкие первые издания — пожал., поинтересуйтесь». Другая табличка, на стойке, просто советовала: «ПОЛИСТАЙ!» Именно этим и занимались двое посетителей. Они сидели у стойки-прилавка, прихлебывали кофе и читали. Джейк подумал, что это, без сомнения, самый лучший книжный магазин, в каком ему когда-ли-бо приходилось бывать.

Но что привело его сюда? Вот вопрос. Судьба? Или здесь сыграло свою роль слабое, но неотвязное ощущение, что он идет по следу, оставленному специально, чтобы он его нашел?

Джейк поглядел на маленький стенд с книгами на столике слева от себя и понял ответ.

13

Там были выставлены детские книжки. Места на столе было не слишком много, а потому книжек насчитывалось всего около дюжины — «Алиса в Стране Чудес», «Хоббит», «Том Сойер» и тому подобное. Внимание Джейка привлекла книжка, явно предназначенная для совсем маленьких детей. На ярко-зеленой обложке, пыхтя, взбирался на пригорок паровозик с человеческим лицом. На его предохранительной решетке (ярко-розовой) играла радостная широкая улыбка, а веселый глаз — фара — словно приглашал Джейка Чэмберса заглянуть в книгу и прочесть все от корки до корки. «Чарли Чух-Чух», значилось на титуле, «текст и иллюстрации Берил Ивенс». Мальчик мгновенно вспомнил свое «Итоговое эссе» с фотографией амтраковского поезда на первом листе и словами *чух-чух*, раз за разом повторявшимися в тексте.

Он схватил книжку и накрепко вцепился в нее, точно та могла улететь, если бы он ослабил хватку. И, глядя на обложку, обнаружил, что улыбка Чарли Чух-Чуха не внушает ему доверия. «С виду ты веселый и счастливый, но, сдается мне, это сплошное притворство, — подумал он. — Мне вовсе не кажется, что ты счастлив и весел. И что Чарли — твое настоящее имя».

Безумные мысли, вне всяких сомнений, безумные — но *чутье* подсказывало Джейку, что безумием тут и не пахнет. Ему эти мысли казались *здравыми. Справедливыми.*

Рядом с тем местом, откуда Джейк взял «Чарли Чух-Чуха», расположилась потрепанная книжка в мягкой обложке, нещадно изорванной и заклеенной пожелтевшим от времени скотчем. Рисунок изображал озадаченных мальчика и девочку, над головой у них рос лес вопросительных знаков. Книжка называлась «Угадай-дай-дай! Загадки и зубодробительные задачи для всех!» Имя автора не значилось.

Сунув «Чарли Чух-Чуха» под мышку, Джейк взял сборник загадок. Раскрыв его наудачу, он увидел следующее:

«Что растворяется, но не исчезает?»

— Дверь, — пробормотал Джейк. Он почувствовал, как лоб — руки — все его тело покрываются испариной. — *Дверь!*

— Что-нибудь нашел, сынок? — полюбопытствовал негромкий спокойный голос.

Джейк обернулся и увидел стоящего в конце прилавка толстого дядьку в белой рубашке с расстегнутым воротом. Руки толстяк держал

в карманах просторных габардиновых штанов. Очки были сдвинуты на сияющий купол лысины.

— Да, — лихорадочно подтвердил Джейк. — Вот эти две. Они продаются?

— Все, что здесь есть, продается, — сказал толстяк. — И дом бы продавался, будь я его владельцем. Увы, я всего-навсего арендатор. — Он протянул руку за книгами. На мгновение Джейк всем своим существом воспротивился, потом неохотно отдал свои находки. У него родилось нелепое опасение, что толстый дядька убежит с ними; тогда, при малейшем намеке на нечто подобное, Джейк кинется на продавца, вырвет книжки у него из рук и улепетнет. Эти книжки ему *необходимы*.

— Нуте-с, юноша, давайте поглядим, что тут у вас, — сказал толстяк. — Кстати, я — Башнер. Кэлвин Башнер. — Он подал Джейку руку.

Глаза мальчика расширились, и он невольно отступил на шаг.

— *Что?*

Толстяк с интересом посмотрел на него.

— Кэлвин Башнер. Которое из сих слов — поношение на твоём наречии, о гиборийский скиталец?

— А?

— Я просто хотел сказать, что вид у тебя такой, будто кто-то воткнул тебе в попу палец, паренек.

— А... Извините. — Джейк пожал большую мягкую руку мистера Башнера, надеясь, что тот не станет докапываться до сути. Когда продавец назвалса, сердце у Джейка екнуло, но почему, он не знал. — А я — Джейк Чэмберс.

Кэлвин Башнер встряхнул руку Джейка.

— Славное имечко, коллега. Как у вольного героя вестерна — парень вихрем врывается в аризонский городишко Вилки-Гнутые, начисто искореняет там скверну и скачет дальше. Пожалуй, что-нибудь в духе Уэйна Д. Оверхользера. Вот только ты мало похож на вольного ковбоя, Джейк. Ты похож на мальчугана, который решил, что в такой славный денек грех сидеть в школе.

— Э-э... нет. Мы закончили учиться в прошлую пятницу.

Башнер усмехнулся.

— Угу. Будьте уверочки. Стало быть, тебе позарез нужно получить эти две книжечки, а? Вообще-то занятно, *что* только люди мечтают добыть во что бы то ни стало. Вот ты — я бы с ходу записал тебя в поклонники Роберта Говарда, подумал бы: ага, этот парнишка ищет, где бы выгодно купить доброе старое издание Дональда М. Гранта с картинками Роя Кренкеля. Окровавленные мечи, могучие мускулы и Конан-Варвар, прорубающийя сквозь орды стигийцев.

— Вообще-то, звучит очень славно. А это для... э... для моего младшего братишки. У него на той неделе день рождения.

Кэлвин Башнер большим пальцем поддел очки, спустил их на нос и повнимательнее присмотрелся к Джейку.

— В самом деле? А мне кажется, ты единственный ребенок в семье. Ты у папочки с мамочкой один, если я хоть раз видел единственное чадо, и сейчас наслаждаешься самоволкой в день, когда мистрисс Май в зеленых одеждах трепещет у самого входа в тенистые доли Июня.

— Простите?

— Неважно. Весна неизменно настраивает меня на Уильям-Куперовский¹ лад.

Люди — создания странные, но интересные, техасец, — я прав?

— Наверное, — осторожно ответил Джейк. Он не мог решить, нравится ему этот чужак или нет.

Один из тех, кто «листал» книги за стойкой-прилавком, круто развернулся вместе с табуреткой. В одной руке он держал чашку кофе, в другой — затрепанный экземпляр «Чумы».

— Брось дразнить мальчика и продай ему книжки, Кэл, — сказал он. — Если поторопишься, то до светопреставления мы успеем сгонять партию в шахматы.

— Моя натура и поспешность несовместимы, — заявил Кэл, однако открыл «Чарли Чух-Чуха» и взглянул на цену, проставленную карандашом на форзаце. — Книжка довольно заурядная, однако данный экземпляр — в необычно хорошем состоянии. Малышня обычно отделяет любимые книжки, как Бог черепашу. Я мог бы выручить за нее двенадцать долларов...

— Проклятый мошенник, — сказал мужчина, читавший «Чуму», и остальные «листалычики» захохотали. Кэлвин Башнер и ухом не повел.

— ...но рука не поднимается содрать с тебя такую уйму деньжищ в такой день. Семь зелененьких, и книжка твоя. Плюс, само собой, налог. Загадки можешь взять так. Считай это моим даром мальчику, которому достало ума в последний настоящий весенний день подхватиться и удрать на волю, в пампасы.

Джейк выудил из кармана кошелек и с беспокойством открыл его, опасаясь, что ушел из дому всего с тремя или четырьмя долларами. Однако ему везло. В кошельке лежали пятерка и три однодолларовых купюры. Он протянул деньги Башнеру, который, небрежно сложив доллары, затолкал их в один карман, а из другого извлек сдачу.

— Не спеши уходить, Джейк. Раз уж ты здесь, иди-ка к стойке, выпей чашечку кофе. И когда я в пух и прах разнесу ревматическую старую киевскую защиту Эрона Дипно, глаза у тебя от изумления сделаются большими, как блюдца.

— Ишь чего захотел, — сказал мужчина, читавший «Чуму», — по-видимому, Эрон Дипно.

¹ Уильям Купер — английский поэт-сентименталист.

— Я бы не прочь, но не могу. Я... мне надо в одно место.

— Ладно. Если только это место — не школа.

Джейк ухмыльнулся.

— Нет... не школа. В той стороне лежит безумие.

Башнер громко расхохотался и снова вздел очки на макушку.

— Неплохо! Совсем неплохо! Быть может, подрастающее поколение все-таки не совсем пропащее, Эрон, — что ты думаешь?

— Пропащее, пропащее, — сказал Эрон. — Этот мальчик просто исключение из правила. Может быть.

— Не обижайся на старого пердуна, он циник, — сказал Кэлвин Башнер. — Жми дальше, о гиборийский скиталец. Хотел бы я, чтоб мне снова было десять или одиннадцать и впереди ждал бы такой же прекрасный день.

— Спасибо за книжки, — сказал Джейк.

— Без проблем. Для того мы тут и сидим. Заходи как-нибудь.

— Я бы с удовольствием.

— Ну так ты знаешь, где мы есть.

«Да, — подумал Джейк. — Вот бы еще знать, где я».

14

Сразу за порогом книжного магазина он остановился и снова раскрыл сборник загадок, на этот раз на первой странице, где помещалось короткое анонимное предисловие. Оно начиналось словами:

«Загадки, возможно, самая древняя игра, в какую люди играют и по сей день. В греческих мифах загадки загадывали друг другу боги и богини, а в античном Риме загадки служили средством обучения. Несколько хороших загадок можно найти в Библии. Самую известную из них загадал Самсон в день своей свадьбы с Далилой: *«Из ядущего вышло ядомое и из сильного вышло сладкое»*¹.

Он загадал эту загадку нескольким юношам из числа гостей, уверенный, что те не сумеют отгадать ее. Однако юноши отозвали в сторонку Далилу, и та прошептала им ответ. Разъяренный Самсон за мошенничество предал юношей смерти — видите, в стародавние времена к загадкам относились куда серьезнее, чем в наши дни!

Кстати, ответ на загадку Самсона — и на все прочие загадки из нашего сборника — можно найти в последнем разделе. Мы просим вас только об одном: прежде чем заглядывать туда, попробуйте отгадать по-честному!»

Джейк раскрыл книгу на последних страницах. Еще не успев заглянуть в нее, он, непонятно откуда, уже знал, что там найдет.

¹ Судья, 14:14.

После страницы с надписью «ОТГАДКИ» не было ничего, кроме нескольких обрывков бумаги. Дальше шла обложка. Раздел кто-то вырвал.

Он секунду постоял в раздумье. Потом, повинуясь внезапному порыву, который на самом деле вовсе не казался внезапным порывом, Джейк снова вошел в «Ресторан «Манхэттенское пиршество ума».

Кэлвин Башнер поднял взгляд от шахматной доски.

— Передумал насчет чашечки кофе, о гиборийский скиталец?

— Нет. Я хотел спросить, не знаете ли вы ответа на загадку.

— Валяй, — пригласил Башнер и пошел пешкой.

— Ее загадал Самсон. Тот здоровяк из Библии, да? Вот...

— Из ядущего вышло ядомое, — заговорил Эрон Дипно, опять поворачиваясь, чтобы взглянуть на Джейка. — И из сильного вышло сладкое. Эта?

— Ага, эта, — сказал Джейк. — Откуда вы знаете...

— Да наткался на нее раз или два. Послушай-ка. — Дипно откинул голову и звучным, глубоким, хорошо поставленным голосом запел:

— *Средь зелени лоз, в Фимнафском краю
Самсон и лев сошлись в бою,
И мигом льва оседлал Самсон,
Ибо духа Господня исполнен он.
Читали мы, братие, про людей,
Принявших смерть от львиных когтей,
Но, духом Господним осенен,
Львиную пасть обхватил Самсон
И пятки зверю вонзил в бока...
Попробуй, избавься от седока!
Метался лев и катался лев,
Но все же замертво наземь пал...
Как мог Самсона он одолеть,
Коль дух Господень над тем витал?
Повержен зверь, и пчелиный рой
Жужжит над косматой головой...
Из мертвой плоти наделав сот,
Творит тягучий и сладкий мед.*

Эрон подмигнул и рассмеялся, заметив изумление Джейка.

— Это отвечает на твой вопрос, дружок?

Джейк смотрел на него во все глаза.

— Ух ты! Классная песня! Где вы ее слышали?

— Ну, Эрон-то все их знает, — откликнулся Башнер. — Он ошибался на Бликер-стрит еще когда Боб Дилан умел выдувать из своего «Хонера» только открытое фа. По крайней мере, если верить ему.

— Это старый спиричуэл, — объяснил Эрон Джейку и, обращаясь к Башнеру, заметил: — Кстати, жиртрест, тебе шах.

— Это временное явление, — сказал Башнер. Он пошел слонем, которого Эрон тут же съел. Башнер пробурчал себе под нос что-то, показавшееся Джейку подозрительно похожим на «твоюмать».

— Значит, ответ — лев, — сказал Джейк.

Эрон покачал головой.

— Лев — только половина ответа. Загадка Самсона двойная, друг мой. Вторая половинка отгадки — мед. Уловил?

— Кажется, да.

— Молодец; теперь попробуй-ка отгадать вот эту, — Эрон на секунду прикрыл глаза и прочел:

*— Ходить не умеет, бежит — не угнаться,
На ложе не ведает сна,
Бормочет, лепечет, а вот отозваться
На оклик не может она.*

Что такое?

— Ишь, уйник, — проворчал Башнер.

Джейк подумал, потом покачал головой. Он мог бы терзаться загадкой и дольше — он обнаружил, что загадки вещь и захватывающая, и пленительная — но что-то настойчиво подсказывало ему, что он должен уйти отсюда; что сегодня утром на Второй авеню у него другие дела.

— Сдаюсь.

— Не выйдет, — сказал Эрон. — «Сдаюсь» оставь для *нынешних* загадок. А *настоящая* загадка — не просто веселый вопрос, малец, это *головоломка*. Вот и поломай над ней голову. Если так и не сумеешь разгадать, пусть это будет предлогом вернуться сюда в другой день. Если нужен другой предлог, этот вот жиртрест варит *действительно* отличный кофеек.

— Договорились, — сказал Джейк. — Спасибо. Я приду.

Но когда он покидал магазин, его охватила уверенность, что он больше никогда не переступит порог ресторана «Манхэттенское пиршество ума».

15

Джейк медленно шагал по Второй авеню, держа в левой руке свои новые приобретения. Сперва он пытался думать над загадкой — кто же это бормочет и лепечет, а отозваться не может? — но мало-помалу этот вопрос вытеснило ожидание неких событий. Казалось, все пять чувств Джейка обострились как никогда; в асфальте мостовой он видел мириады блистающих искр, с каждым глотком воздуха вдыхал смесь сотен ароматов и словно бы слышал внутри каждого звука, касавшегося его ушей, иные, потаенные звуки. Задумавшись, не так ли чувствуют себя собаки перед ураганом или землетрясением, он без

колебаний решил: да, именно так. И все же предчувствие, что грядет не плохое, а хорошее, и оно перевесит ужас, постигший его три недели назад, продолжало усиливаться.

На Джейка, приближавшегося к месту, где ему будет указан путь, вновь накатило предвещенье.

«Сейчас ханыга попросит у меня милостыню, и я отдам ему сдачу, которую мне сдал мистер Башнер. Там рядом магазин грамзаписи. Дверь будет открыта, чтобы внутрь шел свежий воздух, и, проходя мимо, я услышу песню «Стоунз». И увижу свое отражение в целой куче зеркал».

Движение на Второй авеню все еще было довольно редким. Легковые автомобили, автобусы; между ними, гудя, пробирались спешащие такси. Весеннее солнце искрилось на ветровых стеклах и ярко-желтых капотах и крыльях. Джейк, поджидавший на переходе зеленый свет, заметил на противоположной стороне Второй авеню, на углу Пятьдесят второй улицы, того самого ханыгу. Тот сидел, привалясь к кирпичной стене маленького ресторанчика. Подойдя поближе, Джейк прочел вывеску над ресторанчиком: «Чуть-чуть мамусиной страпни».

«Чуть-чуть, — подумал Джейк. — Чух-Чух. И это истина».

— Четвертак найдется? — утомленно поинтересовался нищий, и Джейк, даже не оглянувшись, бросил ему на колени сдачу, полученную в книжном магазине. Теперь, точно по расписанию, он услышал «Роллинг Стоунз»:

*«Я вижу красную дверь и хочу перекрасить ее
в черный цвет,
Пусть почернеют все краски;
пестроте говорю я: нет...»*

Проходя мимо, он увидел — тоже без удивления, — что магазин назывался «Музыкальная башня».

Создавалось впечатление, что сегодня башни попадают на каждом шагу.

Джейк пошел дальше; мимо в каком-то сонном оцепенении проплывали таблички с названиями улиц. Он миновал Сорок девятую и, шагая в сторону Сорок восьмой, поравнялся с магазином под названием «Зеркало души». Повернув голову, Джейк (в полном соответствии с тем, что уже некоторое время было ему известно) мельком увидел в зеркалах дюжину Джейков — дюжину мальчиков, слишком маленьких для своих лет; дюжину мальчиков, опрятно одетых для школы: синие блейзеры, белые рубашки, темно-красные галстуки, серые брюки. Официальной формы школа «Пайпер» не имела, но такой наряд максимально соответствовал неофициальной.

Теперь «Пайпер» казался далеким, канувшим в прошлое.

Джейк вдруг понял, куда идет. Прозрение омыло душу мальчика, точно сладкая, дарующая свежесть и прохладу вода подземного ключа. «В магазин деликатесов, — подумал он. — То есть *с виду* это магазин. А на самом деле там совсем другое — там проход в другой мир. В *тот самый* мир. В *его* мир. В *правильный* мир».

Джейк побежал, нетерпеливо глядя вперед. Светофор на Сорок седьмой, явный его недоброжелатель, погасил зеленый глаз и зажег красный; но, презрев запрет, Джейк выпрыгнул с тротуара на проезжую часть, рассеянно-безразлично покосился в сторону машин и резво помчался между широкими белыми линиями — границами пешеходного перехода. Взвизгнули покрышки: фургон, под носом у которого промелькнул Джейк, резко остановился.

— Эй! Ты че, ты че? — заорал шофер, но Джейк будто не слышал. Еще всего один квартал.

Он поднажал и помчался во весь дух. Галстук полоскался за левым плечом, волосы отдувало со лба, мягкие кожаные туфли, которые Джейк надевал в школу, звонко топали по тротуару. Прохожие тарашили на него глаза — кто с изумлением, кто просто с любопытством — но Джейк обращал на них внимания не больше, чем на крики взбешенного водителя фургона.

«Вон, вон — там, на углу. Рядом с канцелярскими товарами».

Откуда ни возьмись на пути у Джейка возник служащий городского почтамта в темно-коричневой робе; он толкал перед собой нагруженную свертками тележку. Вскинув руки над головой, Джейк перемахнул через нее, как прыгун в длину. Белая сорочка мальчика выбилась из брюк и развевалась сзади, выглядывая из-под блейзера, точно подол комбинации. Джейк приземлился и едва не врезался в детскую коляску, которую катила молодая пуэрториканка. Вильнув в сторону, словно полузащитник, засекший брешь в линии обороны и ринувшийся к славе, Джейк разминутся с ней. «Где пожар, зайчик?» — поинтересовалась молодая женщина, но Джейк и на нее не обратил внимания. Он летел стрелой. Мимо промелькнула витрина «Бумажного оазиса» — тетради, ручки, калькуляторы.

«Дверь! — иступленно думал мальчик. — Сейчас я ее увижу! Думаете, остановлюсь? Дудки, Хозе! Я проскочу прямо за порог, а если заперто, я эту дверь выши...»

Тут он увидел угол Второй и Сорок шестой и все-таки остановился, резко тормознув каблуками мокасин. Сжав кулаки, он стоял посреди тротуара; легкие с хрипом судорожно набирали и выталкивали воздух, волосы потными сосульками вновь рассыпались по лбу.

— Нет, — он едва не плакал. — *Нет!* — Однако это отчаянное, противоречащее здравому смыслу отрицание не меняло увиденного: на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы никакого магазина не было. Только невысокий дощатый забор, а за ним — замусоренный, заросший бурьяном клочок земли.

Стоявшее здесь здание снесли.

Джейк добрых две минуты неподвижно простоял у забора, потухшим взглядом обозревая пустырь. Уголок рта у него подергивался. Мальчик чувствовал, как его надежда и *непоколебимая уверенность* иссякают, сменяясь глубочайшей, горчайшей безнадежностью, какой он доселе еще не знал.

«Всего-навсего очередная ложная тревога, — подумал он, когда очнулся от потрясения настолько, что обрел способность думать. — Очередная ложная тревога, тупик, высохший колодец. Теперь голоса зазвучат снова, и тогда я, наверное, завизжу и завою. Ну и ладно. Потому что я устал крепиться и держать все в себе. Устал сходить с ума. Если с ума сходят так, то я хочу только одного: ускорить это дело, чтобы кто-нибудь отвел меня в больницу и дал что-нибудь для отключки. Я сдаюсь. Слезай, приехали — я спекся».

Но голоса не возвращались — по крайней мере, пока. И когда Джейк стал размышлять над тем, что видит, он понял: запустение, царящее на этом клочке земли, все-таки не абсолютно. Посреди замусоренного, заросшего сорной травой пустыря высился щит с объявлением:

**ОБЪЕДИНЕННОЕ СТРОИТЕЛЬНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
«МИЛЛЗ КОНСТРАКШН-СОМБРА РИЭЛ ИСТЭЙТ»
ПРОДОЛЖАЕТ ПРЕОБРАЖАТЬ ЛИЦО МАНХЭТТЕНА!**

**СКОРО — ЗДЕСЬ: РОСКОШНЫЕ КОНДОМИНИУМЫ
«ЧЕРЕПАШЬЯ БУХТА»!**

**СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНУ 555-6712. ЗВОНИТЕ!
ЗВОНИТЕ, НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!**

Скоро? Возможно... но Джейк отчего-то усомнился. Буквы на щите давно поблекли, а сам щит покосился. Поперек изображенного художником *роскошного кондоминиума «Черепашья бухта»* прошелся ярко-синий аэрозольной краской самое меньшее один мастер граффити по имени БЭНГО СКЭНК. Джейку стало интересно, был ли проект отложен или же, возможно, просто приказал долго жить. Мальчик вспомнил: каких-нибудь две недели назад он слышал, как отец, разговаривая по телефону со своим советником по вопросам бизнеса, страшно орал на него, чтобы тот не связывался ни с какими капиталовложениями в кондоминиумы. «Мне *плевать*, насколько хороша налоговая картина! — почти кричал мистер Чэмберс (насколько Джейк мог судить, подобный тон при обсуждении деловых вопросов был для отца нормальным — возможно, к этому имел некоторое отношение кокаинчик в ящике отцовского письменного стола). — Когда тебе пытаются всучить какой-нибудь вонючий телевизор и

говорят при этом — приходите, дескать, взглянуть на *синьки*, дело нечисто!»

Дощатый забор, которым был обнесен пустырь, доходил Джейку до подбородка. Забор покрывали афиши — концерт Оливии Ньютон-Джон в «Радио-сити», выступление группы под названием «Г.Гордон Лидди энд Гротс» в ист-вилледжском клубе, фильм «Война зомби», вышедший на экраны и сошедший с них в начале весны. Таблички «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», прибитые к забору через равные промежутки, почти все были заклеены претенциозными рекламными плакатами. Чуть дальше виднелась надпись, сделанная при помощи распылителя (когда-то краска, несомненно, была ярко-красной, но выцвела, потускнела и теперь приобрела приглушенный меланхолический оттенок поздних летних роз). Широко раскрыв глаза, замороженный Джейк шепотом повторил выведенные на заборе слова:

*«ЧЕРЕПАХА-великанша держит Землю на спине,
Неохватная такая — не приснится и во сне.
Если хочешь приключений, если ты устал скучать —
Не откладывай на завтра, прогуляйся вдоль ЛУЧА!»*

По разумению Джейка, догадаться о происхождении (если не постичь смысл) странного четверостишия не составляло большого труда. В конце концов эта часть восточного Манхэттена была известна как «Черепашья бухта». Однако это не объясняло ни того, почему при виде намалеванного на заборе стишка по спине Джейка вдоль позвоночника шершавой полоской побежали мурашки, ни отчетливого ощущения, что он нашел еще одну из вех, расставленных вдоль неведомой, таящейся от чужих глаз сказочной дороги.

Расстегнув рубашку, Джейк спрятал за пазуху обе только что купленные книжки. Потом он огляделся, увидел, что никому нет до него дела, и ухватился за верх забора. Подтянувшись, он перекинул через забор ногу и спрыгнул на другую сторону, приземлившись левой ногой на рыхлую горку кирпичей. Те немедленно разъехались; щиколотка, на которую пришлась вся тяжесть тела Джейка, подвернулась, и ногу мальчика пронзила острая боль. Он упал и вскрикнул от обиды и удивления: кирпичи, словно чьи-то крепкие шершавые кулаки, вонзились ему под ребра.

Лежа там, где упал, Джейк подождал секунду-другую, чтобы отдышаться. Он не думал, что пострадал серьезно; однако ногу он все-таки подвернул, и вскоре, вероятно, эта подвернутая нога распухнет. Домой он явится хромым. Впрочем, придется улыбаться и терпеть: денег на такси совершенно точно нет.

«Ты что, серьезно собрался домой? Да там тебя с потрохами съедят».

Съедят ли, нет ли — это, насколько понимал Джейк, решат без него. Но потом. А сейчас он собирался обследовать пустырь, притянувший его к себе так же надежно, как магнит притягивает железные опилки. Джейк понял: все вокруг по-прежнему дышит неведомой ему силой, он чувствовал ее остро как никогда. Он подозревал, что это не просто пустырь. Здесь что-то происходило — что-то очень значительное. Джейк чувствовал, как здешний воздух едва слышно звенит, наэлектризованный этой безвестной мощью, словно разрядами, летящими на волю с крупнейшей в мире силовой установки.

Поднявшись на ноги, Джейк увидел, что в действительности упал весьма удачно. Неподалеку опасно поблескивала россыпь битого стекла. Если бы он угодил туда, то мог бы очень сильно порезаться.

«Да это же бывшая витрина, — подумал Джейк. — Когда «Деликатесы» еще стояли здесь, можно было остановиться и с тротуара разглядывать через нее всякие колбасы, сыры и куски мяса. Их подвешивали на веревочках». Бог весть, с чего он это взял, однако факт оставался фактом — Джейк знал это, и знал твердо.

Он в задумчивости огляделся, а затем сделал несколько шагов в глубь пустыря. Почти в центре заброшенной стройплощадки, на земле, едва видная в буйных зарослях молодого бурьяна лежала еще одна доска с какой-то надписью. Джейк опустился возле нее на колени, потянул вверх, стряхнул землю. Буквы были выцветшими, бледными, и все же он сумел разобрать: «ДЕЛИКАТЕСЫ ОТ ТОМА И ДЖЕРРИ. СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ НА ОБСЛУЖИВАНИИ ЗВАННЫХ УЖИНОВ И ВЕЧЕРИНОК!»

А ниже, нанесенная из распылителя той же красной-потускневшей-до-розового краской, красовалась огорошивающая сентенция: «ОБО ВСЯКОМ-КАЖДОМ ПОМНИТ, ЗНАЕТ ВСЕХ НАПЕРЕЧЕТ».

«Это то самое место, — сказал себе Джейк. — Да, да, да».

Он выпустил из рук вывеску, поднялся и пошел дальше в глубь пустыря — не спеша, ко всему присматриваясь. Чем дальше он заходил, тем острее становилось ощущение присутствия *силы*. На что бы ни упал взор Джейка, будь то бурьян, битое стекло или горки кирпичей, все словно бы обретало некую напористую яркость, выделяясь на общем фоне. Даже пакетики из-под хрустящей картошки казались чудом красоты, а пивную бутылку солнце превратило в цилиндрический густок коричневого пламени.

Джейк отчетливо слышал собственное дыхание, отчетливо видел тяжелое золото солнечного света, в котором купался пустырь. Он внезапно понял, что стоит на пороге великой тайны, и его пронизала дрожь — дрожь ужаса и удивления.

«Все это здесь. Все. Все это до сих пор здесь».

Сорная трава расступалась перед Джейком, отвечая на вторжение невесомыми касаниями стеблей, к носкам цеплялись репы. Ветер погнал перед ним обертку от «Ринг-Динг», солнце отразилось в ней,

и на миг обертка вспыхнула страшным, прекрасным внутренним сиянием.

— Все здесь, никуда не делось, — повторил мальчик вслух, не сознавая, что и его лицо наполняется внутренним сиянием. — *Все.*

Джейк вдруг расслышал какой-то звук — собственно, он слышал его уже давно, с того самого момента, как ступил на пустырь. Этот дивный хрустальный напев, полный невыразимой прелести и невыразимого одиночества, можно было бы уподобить песне ветра, летящего над пустынной равниной, если бы не одно «но»: он был *живой*. Джейку он казался звуком тысячи голосов, поющих некий величественный открытый аккорд. Мальчик опустил глаза к земле, и его точно ударило: в низком кустарнике, в неопятных зарослях бурьяна, среди холмиков кирпича проступали *лица. Лица.*

— Что вы? — прошептал Джейк. — *Кто вы?*

Ответа он не получил, но за хором голосов как будто бы расслышал стук копыт по пыльной земле, револьверные выстрелы и пение ангелов, возглашавших из полумрака осанну. Притаившиеся в развалинах лица, казалось, поворачивались ему вслед. Они как будто следили за его продвижением вперед — не питая, однако, никакого злого умысла. Джейк видел Сорок шестую улицу и край резиденции ООН на Первой авеню, но ему не было дела до этих зданий — ему не было дела до Нью-Йорка. Город побледнел, стал бесцветным, как оконное стекло.

Напев ширился. Теперь в едином звуке сливалась не тысяча голосов — миллион; разверстой воронкой подымались они из глубочайшего колодца вселенной. В этом общем хоре Джейк ловил отдельные имена, но какие — сказать не мог. Одно, возможно, было «Мартен». Одно, возможно, «Катберт». Еще одно, возможно, «Роланд» — «Роланд из Галаада».

Имена, журчанье речи, в которой причудливо сплелись, быть может, сорок сороков разнообразнейших историй, и над всем — привольно разливающийся, необычайно красивый напев; звенящие ноты, которые хотели наполнить голову Джейка ослепительным белым светом. И, распираемый такой огромной радостью, что она грозила разорвать его на части, мальчик понял: это голос *Согласия*, голос *Света*, голос *Вечности*. Великий хор подтверждения, поющий на пустыре. Поющий для него.

И тут в колючих зарослях репейника Джейк увидел ключ... а следом — розу.

Ноги у Джейка предательски подкосились, и мальчик упал на колени. Он смутно сознавал, что плачет, и еще более смутно — что слегка намочил штаны. Не вставая с колен, он пополз вперед и

потянулся к лежавшему в зарослях репейника ключу. Это его простые очертания снились Джейку:

Он подумал: «Маленькая, похожая на з кривулька на конце — вот в чем секрет».

Пальцы Джейка сомкнулись на ключе, и голоса возвысились в мелодичном крике торжества; возглас Джейка потонул в этом стройном хоре. Мальчик увидел, как ключ в его пальцах на миг вспыхнул нестерпимой сияющей белизной; ощутил, как вверх по руке судорогой пробежал невероятно мощный разряд. Словно Джейк схватился за провод под высоким напряжением, только боли не было.

Раскрыв «Чарли Чух-Чуха», Джейк вложил ключ в книгу. Взгляд мальчика вновь остановился на розе, и он понял: *вот* подлинный ключ — ключ ко всему. Не вставая с колен, Джейк двинулся к цветку; лицо его лучилось, глаза пылали, как озера слепящего голубого огня.

Роза росла из пучка невиданной лиловой травы.

Стоило Джейку приблизиться к этому нездешне-лиловому островку, как роза начала раскрывать бутон. Лепесток за потаенным лепестком отверзала она темно-алое горнило, и каждый из них сжигала собственная тайная ярость. Джейк в жизни не видел ничего столь насыщенно, напряженно и абсолютно живого.

Он потянулся грязной рукой к этому диву. Голоса принялись выпевать его, Джейка, имя... и в самое сердце к мальчику проник убийственный, беспощадный страх. Холодный, как лед, и тяжелый, как камень.

Что-то было не так. Джейк чувствовал некий диссонанс, подобный глубокой уродливой царапине на бесценном произведении искусства или губительной горячке, тлеющей под хладным чело́м больного.

Это было что-то вроде червя. Червя, прогрызающего себе путь. Что-то сродни неясной тени, рыщущей за поворотом дороги.

Тут, явив желтый слепящий свет, для Джейка раскрылось сердце розы, и все мысли мальчика смыла волна недоверчивого изумления. На миг Джейку почудилось, будто он видит обычную пыльцу, наделенную тем сверхъестественным сиянием, какое жило в каждом предмете на этой заброшенной стройплощадке, — вот что он подумал, пусть даже никогда не слышал о пыльце у роз. Он нагнулся поближе и разглядел, что кружок — средоточие слепящей желтизны — никакая не пыльца. *Это было солнце:* в сердечке у розы, росшей в лиловой траве, дышал жаром исполинский кузнечный горн.

Страх вернулся — теперь он перерос в подлинный ужас. «Она такая, как надо, — проносилось в голове у Джейка, — здесь все такое, как надо, но она может заболеть, по-моему, уже заболевает. Мне позволено почувствовать столько ее боли, сколько я могу вынести... но в чем ее болезнь? И чем я могу помочь?»

Что-то вроде червя.

Джейк чувствовал — вот оно бьется, точно больное гадкое сердце, восстает на безмятежную красоту розы, визгливо сквернословит, заглушая утешивший и подбодривший его хор голосов.

Он нагнулся к розе еще ближе и увидел, что ее сердцевина — не одно, а множество солнц... быть может, в яростной, но хрупкой скорлупке помешались все сущие солнца.

«Но роза больна. Она в страшной опасности».

Зная, что прикосновение к этому сияющему микрокосму почти наверняка означает смерть, но не в силах остановиться, Джейк потянулся вперед. Жест этот был продиктован не любопытством, не ужасом — сильнейшей, неизъяснимой потребностью защитить розу.

18

Когда Джейк вновь пришел в себя, то сначала понял только две вещи: прошло очень много времени, и голова у него раскалывается от боли.

«Что произошло? Меня ограбили?»

Он перевернулся и сел. Голова опять взорвалась болью. Джейк поднес руку к левому виску, а когда отнял, на пальцах осталась кровь. Мальчик опустил глаза и увидел высовывающийся из сорной травы кирпич. Его закругленный угол был чересчур уж красен.

«Хорошо еще, не острый. Иначе я, верно, был бы уже на том свете или в коме».

Взглянув на запястье, Джейк с удивлением обнаружил там свои часы. Не сверхдорогие, «Сейко», но в Нью-Йорке нельзя уלечься баиньки на пустыре и не лишиться своего имущества, дорогого ли, нет ли — неважно. Всегда найдется кто-нибудь, кто с величайшей радостью избавит вас от него. Джейку, похоже, повезло.

Часы показывали шестнадцать пятнадцать. Он пролежал здесь, ничего не сознавая и не воспринимая, самое малое шесть часов. Вероятно, отец уже отрядил за ним фараонов. Ну и пусть. Джейку казалось, что за пайперовский порог он вышел примерно тысячу лет назад.

На полпути к забору, отделявшему пустырь от Второй авеню, Джейк остановился.

Что же все-таки произошло?

Память по крупнице воскрешала события. Прыжок через забор. Он поскользнулся, подвернул ногу. Джейк нагнулся, потрогал щиколотку

и сморщился. Да, что было, то *было*, сомневаться не приходится. Что потом?

Какое-то волшебство.

Подобно старцу, ощупью пробирающемуся по полутемной комнате, Джейк пустился блуждать среди воспоминаний — и нашел. Все было напоено собственным светом. *Все* — даже пустые обертки и бутылки из-под пива. Звучали голоса — они пели и наперебой рассказывали тысячи историй.

— И лица, — пробормотал Джейк, невольно озираясь. Никаких лиц он не увидел. Кучи кирпича были просто кучами кирпича, а заросли бурьяна — зарослями бурьяна. Никаких лиц, но...

...они были. Твое воображение тут ни при чем.

Джейк был убежден в этом. Красота и запредельность, составлявшие существо воспоминания, ускользали от него, но случившееся казалось вполне реальным. Просто мгновения, предшествовавшие обмороку, память мальчика запечатлела так, как фотоаппарат фиксирует на пленке лучший день вашей жизни: по фото можно будет (во всяком случае, в общих чертах) припомнить, каким был этот день, но остановленные объективом мгновения пресны, скучны и почти безжизненны.

Джейк оглядел заброшенный клочок земли, где уже множились лиловые предвечерние тени, и мысленно произнес: «Хочу, чтобы ты вернулась. Хочу, чтобы ты опять стала такой, какой была».

И увидел розу — она росла из пучка лиловой травы в двух шагах от того места, где он упал. Сердце Джейка подкатило к горлу. Не обращая внимания на резкую боль, простреливавшую ногу при каждом шаге, мальчик, спотыкаясь, побрел назад, к розе. Как язычник у алтаря, он пал перед розой на колени и, широко раскрыв глаза, подался вперед.

«Это просто роза. Самая обычная роза. А трава...»

Джейк увидел, что и трава самая обычная. Просто трава. Нормальная зеленая трава, *забрызганная* чем-то лиловым. Взгляд Джейка скользнул чуть дальше и натолкнулся на островок бурьяна в синих брызгах. На раскидистом кусте репейника справа от Джейка виднелись следы сразу двух красок, красной и желтой. А за кустом небольшой горкой валялись пустые банки из-под краски. Сорта «Глянцевая», если верить этикеткам.

«Вот оно, твое чудо. Обыкновенные брызги краски. Просто в голове у тебя была такая каша, что ты вообразил, будто видишь...»

Ерунда.

Джейк знал, *что* видел и *что* видит сейчас. «Маскировка, — прошептал он. — Роза была здесь; была-была. *Все* было. И... есть, никуда не делось».

Теперь, когда к нему постепенно возвращалась ясность мысли, Джейк вновь ощутил присутствие неиссякаемой гармонической силы, присущей этому месту. Хор по-прежнему звучал, многоголосье не

утратило своей ласкающей слух стройности, хотя сейчас напев был еле слышен и долетал словно издалека. Поглядев на гору строительного мусора, Джейк увидел притаившееся среди кирпича и битых пластов старой штукатурки едва различимое лицо женщины со шрамом на лбу.

— Элли? — пробормотал мальчик. — Ведь ты — Элли?

Вопрос остался без ответа. Лицо исчезло. Перед глазами Джейка снова была только малопривлекательная куча кирпича и штукатурки.

Мальчик опять посмотрел на розу. И заметил, что в ней нет того темного багрянца, какой живет в сердце пылающего горна; венчик был словно присыпан пылью — тускло-розовый, с крапинками. Этой красоте недоставало совершенства. Некоторые лепестки свернулись, у других края засохли и побурели. Такого не встретишь у ухоженных цветов в цветочных магазинах. Джейк решил, что эта роза — дикая.

— Ты очень красивая, — сказал он и еще раз потянулся, желая притронуться к цветку.

Ветра не было и в помине, но роза кивнула ему, вытянулась, подставляя головку. Всего на миг подушечки пальцев Джейка коснулись лепестков — гладких, бархатистых, на диво живых, — и мальчику почудилось, что звучащий вокруг хор голосов набрал силу.

— Роза, ты больна?

Конечно, ответа Джейк не получил. Мальчик убрал пальцы от блекло-розовой чашечки цветка, и роза еще раз качнула головкой, возвращаясь в исходное положение, — спокойная, роскошная, но всеми позабытая красавица среди заляпанных краской сорняков.

«А разве розы цветут в это время года? — удивился Джейк. — *Дикие* розы? И вообще, с чего бы дикой розе расти на пустыре? А если здесь выросла одна, почему нет других?»

Он еще немного постоял на четвереньках; потом сообразил, что можно проторчать здесь, глядя на розу, до вечера (а то и до скончания века) и ни на йоту не продвинуться к разгадке тайны. Джейку посчастливилось на секунду увидеть цветок так, как он видел все на этом заброшенном и захламленном пятачке городской земли — без маски, в настоящем обличье, отринувшем камуфляж, — и теперь ему хотелось увидеть это снова. Но хотеть — не всегда значит мочь.

Пора было идти домой.

Джейк увидел, что неподалеку лежат книжки, купленные им в «Манхэттенском пиршестве ума». Когда он поднимал их, из «Чарли Чух-Чуха» выскользнул и упал в лохматые сорняки какой-то блестящий серебристый предмет. Осторожно, стараясь щадить больную ногу, Джейк нагнулся и подобрал его. Хор голосов как будто бы вздохнул и зазвучал громче, затем монотонный напев вновь стал почти неслышен.

— Значит, и это тоже было на самом деле, — пробормотал мальчик. Он провел кончиком большого пальца по бородке ключа, касаясь

грубоватых выступов, спускаясь в нехитрые выемки. Погладив плавный изгиб закорючки, которой заканчивалось последнее углубление, Джейк засунул ключ в боковой карман штанов, на самое дно, и захромал обратно к дощатой изгороди.

У самого забора, когда он уже собирался перелезть, его вдруг настигла ужасная мысль.

«Роза! Что, если кто-нибудь забредет сюда и сорвет ее?»

У мальчика вырвался тихий стон ужаса. Он обернулся и почти сразу нашел глазами розу; теперь она притаилась глубоко в тени соседнего здания — крохотное розовое пятнышко в полумраке, беззащитная, прекрасная и одинокая.

«Я не могу оставить ее — я должен ее охранять!»

Но в голове у него зазвучал чей-то голос — несомненно, голос человека, встреченного Джейком на постоялом дворе, в странной иной жизни. *«Никто ее не сорвет. Никакой вандал не сомнет ее каблук, ибо ее красота будет нестерпима его тусклому взору. От подобных напастей она умеет защищаться сама. Опасность в другом».*

На Джейка нахлынуло чувство глубокого облегчения.

«Можно мне снова прийти сюда и взглянуть на нее? — спросил он у призрачного голоса. — Когда будет мутно на душе или если голоса вернутся и снова начнут спорить. Можно мне будет снова прийти сюда, взглянуть на нее и немножко отдохнуть?»

Голос не отвечал, и, несколько секунд понапрягав слух, Джейк решил, что беседа закончена. Он сунул «Угадай-дай-дай!» и «Чарли Чух-Чуха» за пояс штанов (увидев при этом, что они перемазаны грязью и обсыпаны репьями) и крепко ухватился за забор. Он подтянулся, перемахнул на другую сторону и вновь соскочил на тротуар Второй авеню, позаботившись о том, чтобы приземлиться на здоровую ногу.

Движение на улице заметно оживилось, прибавилось и машин, и пешеходов: рабочий день закончился, все спешили домой. Кое-кто обратил внимание на неуклюже прыгнувшего с забора чумазого парнишку в порванном блейзере и вылезающей из-под него незаправленной рубашке, но таких было немного. Чудаки для жителей Нью-Йорка зрелище привычное.

Джейк на секунду задержался у забора, охваченный ощущением утраты. Впрочем, до него дошло и кое-что другое: спорящих голосов по-прежнему было не слышать. Небольшое, но достижение.

Мальчик поглядел на забор, и нарисованные с помощью распылителя вирши так и бросились ему в глаза — быть может, потому, что краска была одного цвета с розой.

— ЧЕРЕПАХА-великанша держит Землю на спине, — пробормотал Джейк. — Неохватная такая — не приснится и во сне. — Он вздрогнул. — Ну и денек! Mamочки мои!

Он повернулся и медленно захромал в сторону дома.

Должно быть, привратник позвонил наверх сразу, как Джейк вошел в вестибюль, потому что, когда лифт открылся на пятом этаже, там уже стоял отец. Элмер Чэмберс был в линялых джинсах и ковбойских сапожках, превращавших его пять футов десять дюймов в прославленные и великолепные шесть. На голове топорщился короткий ежик черных волос; сколько Джейк себя помнил, у отца всегда был вид человека, взбудораженного только что пережитым огромным потрясением. Едва Джейк вышел из лифта, Чэмберс схватил его за руку выше локтя.

— Посмотри на себя! — Взгляд отца прыгал вверх-вниз; от него не ускользнула ни грязь на лице и руках сына, ни засохшая кровь на виске и на щеке, ни пропыленные штаны, ни порванный блейзер, ни репей, украсивший галстук Джейка, точно причудливая булавка. — Иди-ка, иди сюда! Где тебя носило, черт возьми? Мать чуть не рехнулась!

Не дав Джейку возможности ответить, отец втолкнул его в квартиру. Джейк увидел Грету Шоу, стоявшую в арке, которая соединяла столовую с кухней. Экономка со сдержанным сочувствием взглянула на него и поскорее исчезла, не желая случайно попасться на глаза «барину».

Мать сидела в своем любимом кресле-качалке. При виде Джейка она встала — не *вскочила*, не кинулась через прихожую, чтобы покрыть сына поцелуями и осыпать бранью, — просто встала и подошла к нему. По ее глазам мальчик догадался, что с полудня она приняла по меньшей мере три таблетки валиума. Может быть, и четыре. Родители — оба — твердо верили, что химия улучшает жизнь.

— У тебя *кровь*! Ну где же ты бы-ыл? — Интеллигентный голос выпускницы Вассара.

Словно в дом пришел знакомый, попавший в мелкую аварию.

— Гулял, — ответил Джейк.

Отец грубо встряхнул его. Захваченный врасплох, Джейк споткнулся и наступил на больную ногу. Снова вспыхнула острая боль, и мальчик внезапно разозлился. По его мнению, отец взбеленился вовсе не потому, что сын исчез из школы, оставив там лишь свое безумное сочинение; отец бесился оттого, что у Джейка хватило нахальства пустить коту под хвост *его*, Элмера Чэмберса, драгоценное расписание.

До этого момента своей жизни Джейк испытывал к отцу только три осознанных чувства: недоумение, страх и своего рода робкую смущенную любовь. Теперь на поверхность поднялись четвертое и

пятое, злость и отвращение. К этим неприятным чувствам примешивалась тоска по дому. Ее-то и было сейчас в Джейке больше всего: она, словно дым, пропитывала собой все остальное. Джейк глядел на залитые румянцем гнева щеки отца, на уморительную стрижку, и ему хотелось вновь очутиться на пустыре, смотреть на розу и слушать хор. «Этот дом мне больше не дом, — подумал он. — У меня есть дело, его нужно сделать. Если б я только знал, что это».

— Убери руки, — сказал он.

— *Что ты сказал?* — Чэмберс-старший широко раскрыл налитые кровью глаза. Белки были красные; Джейк догадался, что за сегодняшней день отец успел изрядно поуменьшить свой запас волшебного порошка и перечить ему, вероятно, не стоит, но тем не менее чувствовал твердое намерение перечить. Он — не мышка, угодившая в зубы к коту-садисту, и не позволит, чтобы его трепали и трясли. Ни сейчас. Ни потом. Пожалуй, никогда. Мальчик вдруг понял, что его злость произрастает, главным образом, из одного простого факта — *поговорить* с родителями о том, что произошло — *все еще* происходит, — он не может. Они давным-давно закрыли перед ним все двери.

«Но у меня есть ключ», — подумал Джейк и нащупал его сквозь ткань брюк. Откуда-то выплыл обрывок странного стишка: *«Если хочешь приключений, если ты устал скучать — не откладывай на завтра, прогуляйся вдоль ЛУЧА»*.

— Я сказал, отпусти, — повторил он. — Я подвернул ногу, и ты делаешь мне больно.

— Я тебе сейчас все остальное подверну — попробуй только не...

Почувствовав внезапный прилив сил, Джейк вцепился в отцовскую руку, больно державшую его пониже плеча, и яростно отбросил ее. Отец разинул рот.

— Я у тебя *не работаю*, — сказал Джейк. — Я твой *сын*, припоминаешь? Если нет, сходи глянь на фотографию — она у тебя на письменном столе.

Верхняя губа Чэмберса-старшего поползла вверх, открывая идеально ровные зубы. В этом оскале на каждую часть бешенства приходились две части удивления.

— Не смей так со мной разговаривать, мистер! Где твоё уважение к родителям, черт побери?

— Не знаю. Может быть, потерял по дороге домой.

— Ты самовольно уходишь с занятий, весь день шляешься, а теперь стоишь тут, поганец, раззявив пасть и нагло driщеешь словами...

— Хватит! Перестаньте! — крикнула мать Джейка. Несмотря на транквилизаторы, в ее голосе звучали близкие слезы.

Отец Джейка хотел было снова схватить сына за руку, но передумал. Возможно, определенную роль здесь сыграла та удивительная

сила, с какой Джейк секундой раньше оторвал от себя его пальцы. Или, быть может, то, что светилось во взгляде мальчика.

— Я хочу знать, где ты был.

— Гулял. Я же сказал. И *больше* я тебе ничего говорить не собираюсь.

— Хрена с два! Директор школы звонил, твой учитель французского *явился* сюда, и у обоих было к тебе *beaucoup*¹ вопросов! Как и у меня. Так вот, я хочу получить *ответы*!

— Ты весь в грязи, — заметила мать и робко прибавила: — Джонни, на тебя напали? Ограбили? Ты сбежал с уроков, и на тебя напали и ограбили?

— Да не грабил его никто, не грабил! — рявкнул Элмер Чэмберс. — Вон, часы как были при нем, так и остались, не видишь, что ли?

— Но у него голова в крови.

— Все в порядке, ма. Я просто набил шишку.

— Но...

— Ладно, я пошел спать. Я жутко устал. Если утром захотите поговорить — всегда пожалуйста. Может, завтра мы сумеем до чего-нибудь договориться. А сейчас мне совершенно нечего сказать.

Отец шагнул следом за ним, протягивая руку.

— *Элмер, не надо!* — мать почти кричала.

Чэмберс словно не слышал. Он ухватил Джейка за шиворот.

— Я т-тебе дам уходить... — начал он, и тут Джейк круто повернулся на каблуках, выдрав свой блейзер из его руки. Шов справа под мышкой, и без того уже натянутый, с треском лопнул.

Увидев пылающие глаза Джейка, отец отступил. Его ярость потухла, потесненная чем-то вроде ужаса. «Пылающие» не было метафорой; казалось, в глазах Джейка действительно бушует огонь. У матери вырвался бессильный короткий крик, она зажала рот рукой, сделала два широких неверных шага назад и шумно упала в кресло-качалку.

— *Оставь... меня... в покое,* — раздельно произнес Джейк.

— Да что с тобой? — изменившимся голосом, почти жалобно спросил отец. — Что с тобой стряслось, черт подери? Ты в первый день экзаменов срываешься из школы, не сказав никому ни слова, возвращаешься грязный с головы до ног... и ведешь себя так, точно ты спятил.

Вот, пожалуйста — *ведешь себя так, точно ты спятил.* То, чего Джейк опасался с тех самых пор, как три недели назад начал слышать голоса. Однако сейчас, когда Страшное Обвинение уже прозвучало, Джейк обнаружил, что не слишком-то испуган, — возможно, потому,

¹ Множество (фр.)

что его собственные мысли наконец перестали крутиться возле этой проблемы. Да, с ним что-то стряслось. С ним что-то *происходит*. Но с головой у него все в порядке. По крайней мере, пока что.

— Поговорим утром, — повторил мальчик. Он прошел через столовую — отец больше не пытался помешать ему — и уже выходил в коридор, как вдруг его остановил встревоженный голос матери:

— Джонни... с тобой *действительно* все в порядке?

Что ответить? Да? Нет? И да и нет? Ни да, ни нет? Но голоса молчали, и это уже было нечто. Собственно, это было очень немало.

— Более чем, — сказал наконец Джейк. Он прошел к себе и решительно закрыл за собой дверь. Она с треском захлопнулась, не менее решительно отрезав его от окружающего мира, и этот звук наполнил мальчика невыразимым облегчением.

20

Он немного постоял у двери, прислушиваясь. Голос матери едва шелестел, отец говорил чуть громче.

Мать сказала что-то о крови и о враче.

Отец сказал, что парень в полном порядке; единственное, что не так, — у парня не рот, а помойка, и оттуда сыплется всякая гадость, но уж с этим он разберется.

Мать сказала что-то насчет «успокойся».

Отец сказал, что он *спокоен*.

Мать сказала...

Он сказал, она сказала; ля-ля — тополя. Джейк любил отца и мать, любил, несмотря ни на что, — в этом он был твердо уверен, — но *другие* сегодняшние события уже стали совершившимся фактом, и это необходимо влекло за собой все новые события.

Отчего? Оттого, что с розой творилось что-то неладное. А может быть, оттого, что Джейк устал скучать и хотел приключений... хотел опять увидеть *его* глаза, голубые, как небо над постоянным двором.

Джейк медленно прошел к письменному столу, на ходу стаскивая блейзер. Куртка была здорово попорчена — один рукав почти полностью оторван, подкладка обвисла, как парус в штиль. Бросив блейзер на спинку стула, Джейк сел и положил книжки на стол. Последние полторы недели мальчик спал плохо, но сегодня думал выспаться — он не помнил, чтобы когда-нибудь так уставал. Утро вечера мудренее, и, проснувшись, он, возможно, поймет, что делать.

В дверь легонько постучали, и Джейк настороженно повернулся на стук.

— Это миссис Шоу, Джон. Можно к тебе на минутку?

Он улыбнулся. Миссис Шоу — ну, конечно же, миссис Шоу. Родители избрали ее парламентаром. Или, лучше сказать, переводчиком.

«Сходите к нему, — должно быть, сказала мать. — Вам он расскажет, что с ним творится. Я — его мать, этот шмыгающий носом человек с воспаленными глазами — его отец, а вы всего лишь экономка, но вам он расскажет то, чего не расскажет нам. Потому что вы видите его чаще, чем мы оба, и, может быть, говорите на его языке».

«У нее в руках поднос», — подумал Джейк. Открыв дверь, он улыбнулся.

Миссис Шоу действительно держала поднос. На нем лежали два сэндвича, клинышек яблочного пирога и стоял стакан шоколадного молока. Миссис Шоу смотрела на Джейка со слабым беспокойством, словно мальчик мог броситься на нее и укусить. Джейк поглядел поверх ее плеча в коридор, но никаких признаков родителей не обнаружил. Он представил себе, как мать с отцом сидят в гостиной, встревоженно прислушиваясь.

— Я подумала, вдруг ты хочешь перекусить, — сказала миссис Шоу.

— Да, спасибо. — Собственно, Джейк был голоден, как волк: в последний раз он ел утром, за завтраком. Он посторонился; миссис Шоу вошла (наградив его при этом еще одним подозрительным взглядом, в котором читалось недоброе предчувствие) и поставила поднос на стол.

— Ой, смотри-ка, — удивилась она и взяла «Чарли Чух-Чуха». — Когда я была маленькая, у меня тоже была такая книжка. Сегодня купил, Джонни?

— Да. Они попросили вас выяснить, чем я занимался, да?

Миссис Шоу кивнула. Никакой игры, никакого притворства. Ее попросили выполнить рядовую, не слишком приятную работу, все равно как вынести поднос — ничего больше. «Если хочешь, можешь поделиться со мной, — говорило ее лицо, — а можешь и промолчать. Ты мне нравишься, Джонни, но, как ни крути, откровенно говоря, меня это ни капли не трогает. Я просто работаю здесь и уже задержалась на час сверх своего обычного времени».

Это вынужденное немое объяснение не оскорбило Джейка; напротив, оно еще больше успокоило его. Миссис Шоу тоже входила в число тех его знакомых, с кем он почти дружил... Но Джейк думал, что, возможно, к миссис Шоу определение «друг» приложимо в большей степени, чем к любому из его однокашников, не говоря уж об отце или матери. Миссис Шоу, по крайней мере, вела себя честно. Она не делала реверансов. В конце месяца все вписывалось в счет, а кроме того, она *всегда* срезала корки с хлеба для сэндвичей.

Джейк взял сэндвич и откусил большой кусок. Сэндвич оказался с болонской колбасой и сыром, его любимый. Еще одно очко в пользу миссис Шоу: она наперечет знала любимые блюда Джейка. А вот миссис Чэмберс до сих пор не избавилась от представления, будто сын любит кукурузу в початках и ненавидит брюссельскую капусту.

— Скажите им, пожалуйста, что со мной все в порядке, — попросил он, — а отцу передайте, я очень жалею, что нагрубил ему.

Ни о чем он не жалел, но отцу не было нужно раскаяние. Отец хотел лишь *выражения сожалений*. Едва только миссис Шоу передаст ему извинения Джейка, он успокоится и примется повторять себе старую ложь — «я выполнил свой отцовский долг, все хорошо, все хорошо, куда ни глянь, все хорошо».

— Я очень много занимался, как-никак экзамены на носу, — пояснил Джейк, прожевывая сэндвич, — и сегодня утром все это меня... придавило, что ли. Столбняк какой-то нашел. Мне показалось, если я не выберусь оттуда, я задохнусь. — Он потрогал запекшуюся ссадину на лбу. — А про это скажите, пожалуйста, маме, пусть не переживает. Никто на меня не нападал — сам дурак. Парень с почтамта катил тележку, а я не заметил, ну и наскочил. Царапина-то ерундовая. В глазах не двоится, а теперь уже и голова прошла.

Миссис Шоу кивнула.

— Могу себе представить, как так вышло — сильная школа, высокие требования и прочее. Ты и струхнул. Ничего позорного в этом нет, Джонни. Но последние недели две ты *действительно* ходил сам не свой.

— Я думаю, дальше все будет нормально. Ну, может, придется переписать английский, «Итоговое эссе», но...

— Ох ты! — перебила миссис Шоу. По ее лицу скользнула тень тревоги. «Чарли Чух-Чух» вернулся на письменный стол. — Чуть не забыла! Твой учитель французского кое-что для тебя оставил. Сейчас принесу.

Она вышла из комнаты. Джейк надеялся, что не слишком встревожил мистера Биссетта (француз был отличный дядька), но что-то подсказывало ему: коль скоро Биссетт явился сюда собственной персоной, он, должно быть, обеспокоен не на шутку. Джейку отчего-то казалось, что появление преподавателей школы «Пайпер» в домах учеников — большая редкость. Он стал гадать, что же оставил мистер Биссетт, и не сумел придумать ничего лучше, чем приглашение побеседовать с мистером Хочкинсом, школьным психиатром. Утром Джейк запаниковал бы. Сейчас это его не испугало.

Сейчас важнее всего была роза.

Джейк вгрызся во второй бутерброд. Миссис Шоу оставила дверь открытой, снизу долетали голоса. Судя по тону разговора, родители поостыли. Джейк залпом проглотил молоко и схватил тарелку с яблочным пирогом. Несколько секунд спустя вернулась миссис Шоу. Она несла очень знакомую синюю папку.

Джейк обнаружил, что в конечном счете его страх прошел не бесследно. Разумеется, к этому времени новость уже разнеслась по школе и предпринимать что-либо было поздно, но тем не менее Джейк не находил ничего приятного в том, что все — и учителя и ученики — знают: Чэмберс чокнулся. Знают и судачат о нем.

К верхней крышке папки канцелярской скрепкой был приколот небольшой конверт. Джейк отцепил его, вскрыл и поднял глаза на миссис Шоу.

— Как там предки? — спросил он.

Она позволила себе коротко улыбнуться.

— Твой отец хотел, чтобы я спросила, отчего ты попросту не сказал ему, что у тебя Экзаменационная Лихорадка. Он говорит, что в детстве раз или два сам ее подхватывал.

Джейк был потрясен; отец никогда не принадлежал к тем людям, что с удовольствием ударяются в воспоминания, начинающиеся словами «а знаете, когда я был маленький...» Джейк попытался представить себе отца мальчишкой с тяжелым случаем Экзаменационной Лихорадки и обнаружил, что это ему удастся плохо — воображения хватало только на пренеприятный образ задиристого карлика в пайперовской футболке, карлика в сшитых на заказ ковбойских сапожках, карлика с короткими черными волосами, торчком вздымающимися надо лбом.

Записка была от мистера Биссетта.

«Дорогой Джон,

Бонни Эйвери сказала мне, что ты сегодня ушел пораньше. Она очень тревожится за тебя, да и я тоже, хотя в нашей практике это отнюдь не первый случай, особенно во время экзаменационных недель. Пожалуйста, завтра первым делом загляни ко мне, хорошо? Любые твои проблемы разрешимы. Коль скоро тебя угнетает необходимость сдавать экзамены (хочу повторить: такое случается сплошь и рядом), можно устроить так, что сдача будет отсрочена. Наша главная забота — твое благополучие и процветание. Позвони мне сегодня вечером, если захочешь; связаться со мной можно по телефону 555-7661. Я буду там до полуночи.

Помни, что всем нам ты очень симпатичен и все мы на твоей стороне.

A votre sante¹, Х. Биссетт»

Джейк чуть не заплакал. Мистер Биссетт открыто выразил свою тревогу — замечательно, но в коротком письмеце между строк угадывалось и кое-что иное, гораздо более чудесное: теплота, участие, попытка (пусть основанная на ложных представлениях) понять и поддержать.

В низу листка мистер Биссетт нарисовал стрелочку. Джейк перевернул записку и прочел следующее:

«Кстати, Бонни попросила меня заодно переслать тебе вот это — поздравляю!»

«Поздравляю»? Это как же понимать, черт возьми?

¹ Здесь: будь здоров (фр.)

Джейк быстро раскрыл синюю папку. К первой странице его «Итогового эссе» был подколот лист бумаги с грифом «СО СТОЛА БОНИТЫ ЭЙВЕРИ». С растущим изумлением Джейк читал тонкую, угловатую чернильную вязь:

«Джон!

Харви, без сомнения, облечет в слова то беспокойство, какое мы все испытываем, — на это он большой мастер, — а потому позволь мне ограничиться комментарием к твоему «Итоговому эссе», которое я прочла и оценила за время свободного урока. Сочинение ошеломляет своей оригинальностью. Ни одна из ученических работ, прочитанных мною за последние несколько лет, не идет с ним ни в какое сравнение. Ты вдохновенно используешь инкрементный повтор («...и это истина»), но, конечно, инкрементный повтор в сущности лишь ловкий прием. Подлинная же ценность сочинения в его символичности, заявленной с самого начала изображениями поезда и двери на титульном листе и великолепно выдержанной до самого финала. Логическое завершение символического мотива достигается изображением «черной башни», которое я расцениваю как заявление, что банальные амбиции не только ложны, но и опасны.

Я не претендую на понимание всех символов (например, «Владычица Теней», «стрелок»), но кажется ясным, что сам ты — «Невольник» (школы, общества и т.д.) и что система образования — это «Говорящий Демон». Возможно ли, что «Роланд» и «стрелок» — одна и та же властная, авторитарная фигура... быть может, твой отец? Меня так заинтриговала подобная возможность, что я посмотрела в твоем личном деле, как его зовут. Констатирую: зовут его Элмер, однако замечу и следующее: его второй инициал — «Р».

Мне это представляется крайне пикантным. А может быть, выбранное тобой имя — символ двойной, своим появлением обязанный не только твоему отцу, но и поэме Роберта Браунинга «Чайльд Роланд»? Вопрос, который я не стала бы задавать большей части учеников — но, конечно, я знаю, как ты всеяден, когда дело касается чтения!

Как бы то ни было, твоя работа произвела на меня сильнейшее впечатление. Учеников младших классов частенько привлекает манера письма, условно называемая «поток сознания», но им редко удается контролировать этот поток. Ты проделал выдающуюся работу по единению потока сознания с языком символов.

Браво!

Забегу ко мне, как только вновь окажешься «у дел», — хочу обсудить с тобой возможность публикации данной работы в первом выпуске ученического литературного журнала в будущем году.

Б.Эйвери.

P.S. Если сегодня ты ушел из школы из-за того, что внезапно усомнился в моей способности понять такое неожиданно богатое «Итоговое эссе», надеюсь, я развеяла твои сомнения».

Джейк выдернул листок из-под скрепки, открыв титульный лист своего сногшибательно оригинального и богатого символами «Итогового эссе». Там авторучка мисс Эйвери красными чернилами начертала и обвела кружком оценку: «Отлично с плюсом». Пониже значилось: «ПРЕВОСХОДНАЯ РАБОТА!!!»

Джейка разобрал смех.

Весь день — долгий, страшный, повергающий в смятение, наполняющий то радостью, то ужасом таинственный день — сгустился и выплеснулся раскатами оглушительного заливистого хохота. Джейк повалился на стул, запрокинув голову и хватаясь за живот. Он смеялся до слез, до хрипоты; едва он начинал успокаиваться, ему всякий раз попадалась на глаза какая-нибудь строчка из доброжелательного критического отзыва мисс Эйвери — и его опять разбирало. Он не видел, как отец подошел к двери, озадаченно и настороженно поглядел на него и вновь удалился, покачивая головой.

Наконец Джейк спохватился, что миссис Шоу все еще сидит у него на кровати, глядя с выражением дружелюбного безразличия, подкрашенного слабым любопытством. Он попытался заговорить, но едва открыл рот, как опять прыснул.

«Надо остановиться, — подумал он. — Надо остановиться, не то помру. Кондрашка хватит. Или разрыв сердца. Или...»

Тут он подумал: «Интересно, что она углядела в *чух-чух, чух-чух?*», и снова принялся дико хохотать.

Наконец приступы гомерического смеха пошли на убыль, постепенно сменяясь хихиканьем. Утерев рукавом льющиеся из глаз слезы, Джейк сказал:

— Простите, миссис Шоу — просто я... ну... получил за «Итоговое эссе» «Отлично с плюсом». Эссе оказалось такое... такое богатое... и очень сим... сим...

Но закончить Джейк не сумел. Он снова сложился пополам от смеха, держась за ноющий живот.

Улыбаясь, миссис Шоу встала.

— Отлично, Джон. Я очень рада, что все обернулось так хорошо. Уверена, твои родные тоже порадуются. Но я страшно задержалась... пожалуй, попрошу привратника вызвать мне такси. Доброй ночи, спи спокойно.

— Доброй ночи, миссис Шоу, — сказал Джейк, с усилием сохраняя спокойствие. — Спасибо вам.

И, едва за ней закрылась дверь, опять захохотал.

В течение следующего получаса к Джейку по отдельности заглянули и мать, и отец. Они в самом деле успокоились, а оценка «отлично с плюсом» на «Итоговом эссе» Джейка, кажется, успокоила их еще

больше. Джейк принял родителей, сидя за письменным столом над раскрытым учебником французского, однако в действительности не только не смотрел в текст, но даже не собирался смотреть. Он просто ждал, чтобы предки ушли и дали ему возможность внимательно изучить купленные днем книжки. Мальчику казалось, что *настоящие* испытания еще поджидают где-то за горизонтом, и ему отчаянно хотелось их выдержать.

Примерно без четверти десять, минут через двадцать после ухода матери (она пробыла недолго, и цель ее короткого визита так и осталась неясной), в комнату Джейка просунул голову отец. В одной руке Элмер Чэмберс держал сигарету, в другой — стакан с шотландским виски. Джейку отец показался не просто спокойным, а почти заторможенным. Интересно, мелькнула у мальчика равнодушная мысль, он что, долбанул мамину заначку валиума?

— Ты в норме, парень?

— Да. — Джейк снова стал тем маленьким опрятным мальчуганом, который всегда полностью владел собой. Взгляд, обращенный им на отца, уже не пламенел — он был тусклый, непроницаемый.

— Я насчет давешнего... ты уж извини. — Просить прощения Элмер Чэмберс не привык, и получалось у него неважнецки. Джейк вдруг почувствовал легкую жалость к отцу.

— Да ладно.

— Денек — врагу не пожелаешь, — пожаловался отец, вертя в руках пустой стакан. — Может, забудем, что было, и дело с концом? — Он говорил так, будто эта замечательная разумная мысль пришла ему в голову только что.

— Я уже забыл.

— Ну и хорошо. — В тоне отца звучало облегчение. — Самое время тебе отправляться спать, верно? А то завтра пойдет писать губерния — объяснения, проверки...

— Уж наверное, — согласился Джейк. — Как ма, ничего?

— Отлично. Лучше всех. Я буду в кабинете. Накопилась уйма бумажной работы, и все нужно сделать за сегодняшний вечер.

— Пап?

Отец настороженно оглянулся.

— Как твое полное имя? Элмер, а дальше?

Что-то в лице отца подсказало Джейку, что оценку на «Итоговом эссе» он видел, но не потрудился прочесть ни само сочинение, ни критический отзыв мисс Эйвери.

— Дальше? Никак. Инициал, как у Трумэна — «Гарри С.». Только у меня — «Р». А что?

— Просто любопытно, — ответил Джейк.

В присутствии отца ему как-то удавалось сохранять самообладание... но едва дверь за Элмером Чэмберсом закрылась, мальчик кинулся к кровати и уткнулся лицом в подушку, чтобы заглушить очередной приступ безудержного хохота.

Убедившись, что последний пароксизм смеха миновал (хотя редкие смешинки еще клокотали в гортань — так при землетрясении за главным толчком следуют мелкие и слабые) и что отец, должно быть, благополучно заперся в кабине с сигаретами, виски, бумагами и флакончиком белого порошка, Джейк вернулся к столу, включил настольную лампу и раскрыл «Чарли Чух-Чуха». Бросив беглый взгляд на страницу с выходными данными, он увидел, что впервые книга вышла в пятьдесят втором году; его экземпляр представлял четвертое издание. Джейк заглянул в конец книги, но никакой информации об авторе, Берил Ивенс, не нашел. Он возвратился к началу, посмотрел на картинку (допотопный паровозик; в будке машиниста усмехающийся блондин), вгляделся (усмешка светловолосого машиниста при ближайшем рассмотрении оказалась гордой улыбкой) и начал читать.

Боб Брукс водил поезд Межземельской железнодорожной компании на линии Сент-Луис — Топека. Боб Брукс был самым лучшим машинистом Межземельской железнодорожной компании, а Чарли — самым лучшим паровозом!

Чарли был Паровоз Марки Четыре-Ноль-Два-Икс-Пресс, и одному только машинисту Бобу позволялось подниматься на его высокое сиденье и гудеть в гудок. «УУ-УУУ» гудка Чарли знали все, и всякий раз, заслышав этот голос, летящий над ровными просторами канзасских степей, люди говорили: «Вот едут Чарли и Машинист Боб, самая быстрая команда от Сент-Луиса до Топеки!»

Девчонки и мальчишки выскакивали из домов посмотреть, как Чарли и Машинист Боб поедут мимо. Машинист Боб всякий раз улыбался и махал им рукой. Ребятишки улыбались и махали в ответ.

У Машиниста Боба был особый секрет. Только он один знал, что Чарли Чух-Чух по самому-пресамому настоящему живой. Как-то раз на перегоне между Топекой и Сент-Луисом Машинист Боб услышал пение — тихое-тихое и басистое.

— Кто это со мной в кабине? — сурово спросил Машинист Боб.

— Лечиться надо, Машинист Боб, — пробормотал Джейк и перевернул страницу. На картинке Боб, нагнувшись, заглядывал Чарли под топку. Джейк задался вопросом, кто же ведет поезд и следит за дорогой, высматривая на рельсах коров (не говоря уж о мальчишках и девчонках), пока Машинист Боб занят ловлей зайца, и заключил, что Берил Ивенс в поездах разбиралась слабо.

— Не тревожься, — слышался чей-то хриплый голосок. — Это я.

— Кто это «я»? — спросил Машинист Боб. Он говорил своим самым внушительным, самым суровым голосом, поскольку все еще думал, что его кто-то разыгрывает.

— Я, Чарли, — отвечал хриплый голосок.

— Три ха-ха! — воскликнул Машинист Боб. — Паровозы не умеют говорить! Может, я не семи пядей во лбу, но уж это-то я знаю! Коли ты — Чарли, так, сдастся мне, сумеешь сам дать гудок!

— Ясное дело, — отозвался хриплый голосок, и только он это сказал, как гудок оглушительно загудел, и над равнинами Миссури раскатилось: «УУ-УУУ!»

— Батюшки-светы! — ахнул Машинист Боб. — Да это и *впрямь* ты!

— Вот видишь, — сказал Чарли Чух-Чух.

— Как же это я до сих пор не знал, что ты живой? — спросил Машинист Боб. — Почему раньше ты никогда со мной не разговаривал?

Тогда Чарли своим хриплым голосом спел Машинисту Бобу песенку. Вот эту:

*Не приставай с вопросами, играть мне недосуг...
Стучу-кручу колесами: тук-тук, тук-тук, тук-тук.
Зима, весна ли, осень — по рельсам я качу,
Трудыга-паровозик по имени Чух-Чух.
Мечта моя простая: под небом голубым
Бежать, не уставая, — чух-чух, колечком дым!
И я хотел бы только (скажу вам — не совру),
Чтоб оставалось все, как есть, куда не умру!*

— Надеюсь, мы с тобой еще не раз потолкуем в дороге? — спросил Машинист Боб. — Мне это по душе.

— Непременно потолкуем, — пообещал Чарли. — Я люблю тебя, Машинист Боб.

— И я тебя люблю, Чарли, — сказал Машинист Боб и сам дал гудок — просто, чтобы показать, как он счастлив.

«УУ-УУУ!» Так громко и красиво Чарли еще *никогда* не гудел, и все, кто услышал его, вышли посмотреть.

Иллюстрация к этому последнему отрывку обнаруживала большое сходство с изображением на обложке. На предыдущих рисунках (аляповатых и безыскусных, напомнивших Джейку картинку к любимой книжке детсадовского детства «Майк Маллиган и его паровой каток») Чарли был паровоз как паровоз — энергичный, жизнерадостный, без сомнения, интересный мальчишкам эры пятидесятых, кому

предназначалась книга, но всего-навсего механизм. Здесь, однако, у него были явно человечески черты, и, несмотря на улыбку Чарли и довольно тяжеловесное жеманство рассказа, Джейка пробрал озноб.

Улыбка не внушала ему доверия.

Он схватил свое «Итоговое эссе» и пробежал глазами по строчкам. «Возможно, Блейн опасен, — прочел он. — Истина ли это, я не знаю».

Он закрыл папку, несколько мгновений задумчиво барабанил по ней пальцами, потом вернулся к «Чарли Чух-Чуху».

Машинист Боб и Чарли провели вместе много счастливых дней и толковали обо всем на свете. Машинист Боб жил бобылем, и Чарли был первым настоящим другом, каким Боб обзавелся после смерти своей женушки — а умерла она давным-давно в городе Нью-Йорке.

Но однажды, вернувшись в Сент-Луисское паровозное депо, друзья обнаружили на месте стоянки Чарли новый тепловоз. Да какой! Пять тысяч лошадиных сил! Сцепка из нержавеющей стали! Двигатель из «Механических мастерских Ютики», Ютика, штат Нью-Йорк! А на самом верху, позади генератора, расположились три ярко-желтых вентилятора радиаторного охлаждения.

— Что это? — встревоженно спросил Машинист Боб, но Чарли лишь пропел самым тихим и хриплым голоском, на какой был способен:

*Не приставай с вопросами, играть мне недосуг...
Стучу-кручу колесами: тук-тук, тук-тук, тук-тук.
Зима, весна ли, осень — по рельсам я качу,
Трудяга-паровозик по имени Чух-Чух.
Мечта моя простая: под небом голубым
Бежать, не уставая, — чух-чух, колечком дым!
И я хотел бы только (скажу вам — не совру),
Чтоб оставалось все, как есть, покуда не умру!*

Тут появился мистер Бриггс, Начальник Депо.

— Прекрасный тепловоз, — сказал Боб, — но вам придется вывести его с места Чарли, мистер Бриггс. Как раз сегодня после обеда Чарли обязательно нужно поменять смазку.

— Чарли уже никогда больше не понадобится менять смазку, Машинист Боб, — грустно промолвил мистер Бриггс. — Этот новехонький тепловоз «Берлингтон-Зефир» прислан ему на смену. Когда-то Чарли был самым лучшим в мире паровозом, но теперь он состарился и его котел дал течь. Боюсь, Чарли пришла пора уйти на покой.

— Вздор! — Машинист Боб был вне себя. — Чарли еще работник хоть куда! Да я отобью телеграмму в головную

контору Межземельской железнодорожной компании! Телеграфирую лично Президенту, мистеру Рэймонду Мартину! Он меня знает, потому как однажды он лично вручил мне Медаль За Отличную Службу, а после мы с Чарли катали его дочурку. Я дал малышке потянуть за шнурок, и Чарли гудел для нее всю ночь!

— Мне очень жаль, Боб, — сказал мистер Бриггс, — но заменить Чарли новым тепловозом распорядился сам мистер Мартин.

Это была истинная правда. И Чарли Чух-Чуха отвели на запасной путь в самом дальнем уголке станции Сент-Луис Межземельской железной дороги ржаветь в бурьяне. Теперь перегон Сент-Луис — Топека оглашал своим «ГУУУ! ГУУУ!» «Берлингтон-Зефир», а свистка Чарли больше не было слышно. В сиденье, там, где когда-то, глядя на стремительно убегающую назад степь, так гордо восседал Машинист Боб, поселилось мышинное семейство; в трубе паровоза свили гнездо ласточки. Чарли был одинок и очень грустил. Он скучал по стальным рельсам, по яркому синему небу и широким просторам. Порой поздно ночью он думал обо всем этом и плакал темными, маслянистыми слезами. От них ржавел его прекрасный стрэтхэмовский головной прожектор, но Чарли было все равно — ведь теперь старый стрэтхэмовский прожектор больше не зажигался.

Мистер Мартин, Президент Межземельской железнодорожной компании, прислал письмо — он предлагал Машинисту Бобу занять место машиниста на новом «Берлингтон-Зефире». «Это прекрасный тепловоз, Машинист Боб, — уговаривал мистер Мартин, — он полон сил и кипит энергией, на нем должен ездить именно ты! Ты самый лучший машинист на Межземельской железной дороге. Сюзанна, моя дочь, и по сей день помнит, что ты давал ей погудеть в гудок старины Чарли».

Но Машинист Боб сказал, что раз ему нельзя водить Чарли, то машинистом ему больше не работать.

— Где ж мне понять такой отличный новый тепловоз, — сказал Машинист Боб. — А ему не понять меня.

Машинисту Бобу поручили мыть моторы на станции Сент-Луис-Сортировочная, и Машинист Боб превратился в Мойщика Боба. Случалось, другие машинисты, водившие отличные новые тепловозы, смеялись над ним. «Поглядите-ка на старого дуралея! — говорили они. — Он не может понять, что мир сдвинулся с места!»

Иногда поздним вечером Машинист Боб уходил на задворки станции, туда, где на приютивших его ржавых запасных путях стоял Чарли Чух-Чух. Колеса Чарли оплели сорняки, навсегда потухший головной прожектор изъела ржавчина. Машинист Боб всякий раз заговаривал с Чарли, но Чарли отвечал все реже и реже. А частенько и вовсе отказывался разговаривать.

Однажды вечером в голову Машинисту Бобу пришла ужасная мысль.

— Чарли, ты умираешь? — спросил он, и Чарли своим самым тихим, самым хриплым голоском ответил:\$

*По рельсам я не бегаю уже давным-давно...
Ржаветь и гнить в бурьяне мне, видно, суждено.
Наверное, тебе я ни капли не совру,
Сказав, что простою тут, покуда не умру.*

Джейк долго не сводил глаз с картинки, которая наглядно иллюстрировала такой не-вполне-неожиданный поворот событий. Взыскательному взору рисунок, пожалуй, показался бы грубым, и все же это определенно была классная работа. Постаревший, потрепанный, позабытый-позаброшенный Чарли. Машинист Боб глядел так, точно лишился последнего друга... то есть соответственно сюжету. Джейк без труда представил себе, как по всей Америке дети отчаянно ревут над этой картинкой, и ему пришло в голову, что историй с такой вот начинкой, историй, плещущих в ребячью душу кислотой, *полно*. Гензель и Гретель, прогнанные злой мачехой в лес; мать Бэмби, которой свернул шею охотник; смерть Старого Крикуна. Легче легкого было причинить малышам боль, заставить страдать, довести до слез; похоже, во многих сочинителях это пробуждало некую странно садистскую жилку... и, кажется, Берил Ивенс не была исключением.

Впрочем, Джейк обнаружил, что *его самого* вовсе не огорчает ссылка Чарли на глухой, заросший бурьяном пустырь, дальнюю окраину сортировочного узла станции Сент-Луис Межземельской железной дороги. Совсем напротив. «Это хорошо, — сказал он себе. — Туда ему и дорога. Там ему самое место, потому что он бпасен. Пусть сгниет на этом пустыре. Слезы в глазах? Не верьте — говорят, крокодилы тоже плачут».

Джейк быстро дочитал оставшиеся страницы. Разумеется, все заканчивалось хорошо, хотя, несомненно, именно минуты безысходного отчаяния на задворках сортировочной станции помнились ребятишкам и тогда, когда счастливая развязка была давно позабыта.

В Сент-Луис с проверкой нагрянул мистер Мартин, президент Межземельской железнодорожной компании. Его план состоял в том, чтобы на «Берлингтон-Зефире» доехать до Топеки, где в этот самый день его дочка Сюзанна, пианистка, давала свой первый концерт. Вот только «Зефир» не желал раскошегариваться. Похоже, в дизельное топливо попала вода.

(«Уж не ты ли напоил тепловоз водичкой, машинист Боб? — подивился Джейк. — Провалиться мне на этом месте, твоя работа, старый шакал!»)

Все остальные поезда были на линии! Что делать?

Кто-то потянул мистера Мартина за рукав. Это был Мойщик Боб, только он больше совсем не походил на мойщика. Покрытые масляными пятнами рабочие штаны он сменил на чистый комбинезон. На голове красовалось старое полотняное кепи машиниста.

— Вон там, на запасном пути, стоит Чарли, — сказал Боб. — Чарли поедет в Топеку, мистер Мартин. Чарли свезет вас туда, и вы поспеете к дочке на концерт!

— Этот старик? — с издевкой спросил мистер Мартин. — Чарли и к вечерней зорьке все еще будет в пятидесяти милях от Топеки!

— Чарли поспеет, — настаивал Машинист Боб. — Поспеет, коли ему не придется тянуть состав, уж я-то знаю! Я ведь все свое свободное время чистил да мыл Чарли — и паровую машину, и котел, вот оно как.

— Ну, так и быть, пусть попробует, — сдался мистер Мартин. — Жаль было бы пропустить первый концерт Сюзанны!

Чарли был полностью готов к отправлению; Машинист Боб давно уж засыпал в тендер свежий уголек, и топка раскалилась докрасна. Боб помог мистеру Мартину подняться в будку и впервые за много лет задним ходом вывел Чарли с проржавевших рельсов всеми забытого запасного пути на главный путь. Потом, установив Первый Вперед, он потянул за шнурок, и Чарли, как встарь, лихо прокричал: «УУ-УУУ!»

Все сент-луисские ребятишки услышали этот крик и высыпали из домов поглядеть, как старый, порыжелый от ржавчины паровоз катит мимо. «Смотрите! — кричали они. — Это Чарли! Чарли Чух-Чух вернулся! Ура!» Все дети радостно махали Чарли, и когда Чарли, набирая скорость, на всех парах вылетел за городскую черту, он, как в старые добрые времена, сам дал гудок: «УУУ-УУУУУ!»

Тра-та-та! — стучали колеса.

Чуффа-чуффа! — пыхтела труба.

Брамп-брамп — погромыхивал конвейер, подавая уголь в топку!

Сил и энергии надобно вам?! Йо-хо-хо и фи-фай-фо-фам! Никогда еще Чарли не ездил так быстро! Степь, фермы, деревеньки сплошной полосой проносились мимо! Машины на шоссе N 41 Чарли, Боб и мистер Мартин обогнали так, точно те стояли на месте!

— Хоптидудл! — вскричал мистер Мартин, размахивая шляпой. — Вот это паровоз, Боб! Вот это паровозище! Не понимаю, почему мы вообще отправили его на покой! Как тебе удастся на такой скорости загружать конвейер?

Машинист Боб только улыбнулся — ведь он-то знал, что Чарли подбрасывает себе уголька *сам!* И сквозь *тра-та-та*, и

чуффа-чуффа, и брамп-брамп он слышал, как Чарли тихим хриплым баском напевает свою старую песенку:

*Не приставай с вопросами, играть мне недосуг...
Стучу-кручу колесами: тук-тук, тук-тук, тук-тук.
Зима, весна ли, осень — по рельсам я качу,
Трудыга-паровозик по имени Чух-Чух.
Мечта моя простая — под небом голубым
Бежать, не уставая, — чух-чух, колечком дым!
И я хотел бы только (скажу вам — не совру),
Чтоб оставалось все, как есть, покуда не умру!*

Мистера Мартина на концерт дочки-пианистки Чарли доставил вовремя (само собой), Сюзанна оттого, что снова видит своего старого друга Чарли, была на седьмом небе (само собой), и все вместе они отправились обратно в Сент-Луис и всю дорогу гудели в гудок так, что чертям делалось тошно. Мистер Мартин выделил Чарли с Машинистом Бобом открытую платформу — катать ребятишек по новенькому парку чудес «Межземелье» и калифорнийскому луна-парку

там вы найдете их и сегодня — они катают смеющихся ребятишек по царству огней, музыки и хорошего, здорового веселья. Волосы Машиниста Боба белы как снег, а Чарли уже не говорит так много, как когда-то, но у обоих сил и энергии по-прежнему хоть отбавляй, и до ребятишек то и дело доносится тихий хрипловатый голос Чарли, который мурлычет свою старую песенку.

КОНЕЦ

«Не приставай с вопросами, играть мне недосуг», — пробормотал Джейк, разглядывая заключительную картинку. На ней Чарли Чух-Чух тянул от американских горок к чертову колесу два украшенных поверху гирляндами и лентами пассажирских вагончика, битком набитых радостной ребятней. В кабине сидел и тянул за шнур гудка Машинист Боб, довольный, как свинья в навозе. Джейк полагал, что улыбка Машиниста Боба должна выражать высшее счастье, однако ему она больше напоминала ухмылку безумца. Чарли и Машинист Боб оба походили на безумцев... и чем дольше Джейк смотрел на детей в вагончиках, тем сильнее становилось ощущение, что нарисованные личики искажены гримасой ужаса. Казалось, дети умоляют: «Позвольте нам сойти с этого поезда. Пожалуйста, позвольте нам сойти с этого поезда, пока мы еще живы».

«Чтоб оставалось все как есть, покуда не умру».

Джейк закрыл книжку и задумчиво посмотрел на нее. Потом снова открыл и принялся пролистывать, обводя определенные слова и выражения, которые словно бы зывали к нему.

Межземельская железнодорожная компания... Машинист Боб... тихий хриплый голосок... УУ-УУУ... первый настоящий друг, каким Боб обзавелся после смерти своей жenuшки, а умерла она давным-давно в городе Нью-Йорке... мистер Мартин... мир сдвинулся с места... Сюзанна...

Он положил ручку. Почему эти слова и фразы притягивают его? Насчет Нью-Йорка, в общем, понятно, но остальные? Если уж на то пошло, зачем ему эта книжка? Бесспорно, ему было назначено купить ее. Джейк не сомневался, что, не оказавшись у него в кармане денег, он просто схватил бы историю Чарли и пулей кинулся из магазина. Но почему? Зачем? Мальчик чувствовал себя иглой компаса. Игла знать не знает о магнитном севере; знает только, что хочешь не хочешь должна указывать определенное направление.

Джейк знал наверняка лишь одно: он страшно устал и если в скором времени не заползет в постель, то уснет прямо за письменным столом. Он снял рубашку и опять уперся взглядом в обложку «Чарли Чух-Чуха».

Эта улыбка. Он не верил этой улыбке. Не верил, и все.

Ни на грош.

23

Сон пришел не так быстро, как надеялся Джейк. Голоса, вновь заспорившие о том, жив он или мертв, не давали уснуть. Наконец мальчик сел в кровати, не открывая глаз, прижимая кулаки к вискам.

«Хватит! — мысленно завопил он. — Цыц! Вас целый день не было, сгиньте!»

«Пожалуйста — пусть только он признает, что я мертв», — угрюмо сказал один голос.

«Ладно, пусть только, Христа ради, оглядится и признает, что я совершенно определенно жив», — огрызнулся второй.

Джейк понял, что сейчас завизжит в голос. Удержаться было невозможно — мальчик чувствовал, как крик подкатывает к горлу, точно рвота. Он открыл глаза, увидел на сиденье стула возле письменного стола свои штаны, и его осенило. Он вылез из постели, подошел к стулу и ощупал правый передний карман брюк.

Серебряный ключ по-прежнему лежал там. Стоило пальцам Джейка обхватить его, как голоса смолкли.

«Скажи ему, — подумал мальчик, понятия не имея, кому предназначается эта мысль. — Скажи, пусть возьмет ключ. Ключ прогоняет голоса».

Он вернулся в постель, коснулся головой подушки и через три минуты спал, некрепко сжимая в пальцах ключ.

Часть третья

ДВЕРЬ И ДЕМОН

1

Эдди уже засыпал, когда чей-то голос отчетливо проговорил ему в самое ухо: *«Скажи ему, пусть возьмет ключ. Ключ прогоняет голоса»*.

Он вскинулся и сел, дико озираясь. Сюзанна подле него крепко спала; голос принадлежал не ей.

Кажется, этот голос вообще никому не принадлежал. Они уже восемь дней пробирались чащей вдоль Луча и этим вечером устроились на ночлег в глубоком овраге, выходившем в лесной распадок. Слева в некотором отдалении шумела широкая стремнина; она мчала свои бурные воды в ту же сторону, куда шли путники: на юго-восток. Справа на крутой косогор поднимались ели. Никаких непрошенных гостей, только спящая Сюзанна да бодрствующий Роланд. Сжавшись в комок под одеялом, стрелок сидел над самой рекой, устремив застывший взгляд в темноту.

«Скажи ему, пусть возьмет ключ. Ключ прогоняет голоса».

Эдди колебался всего мгновение. Здравый рассудок стрелка находился в шатком равновесии с безумием, баланс мало-помалу смещался — не в пользу здравомыслия — и, что хуже всего, никто не понимал этого лучше самого Роланда. А посему Эдди был готов хвататься за любую соломинку.

Подушкой молодому человеку служил сложенный в несколько раз прямоугольный лоскут оленьей кожи. Сунув руку под это изголовье, юноша извлек оттуда небольшой сверток и направился к Роланду. К тревоге Эдди, его приближение было замечено стрелком лишь тогда, когда до незащищенной спины Роланда оставалось меньше четырех шагов. В былые (и не столь давние) времена стрелок понял бы, что Эдди проснулся, раньше, чем юноша успел бы сесть в постели, — по его изменившемуся дыханию.

«Когда он волокся по взморью, полудохлый от укуса здешнего родственничка наших омаров, в нем и то было больше бдительности», — мрачно подумал молодой человек.

Роланд наконец повернул голову и скользнул взглядом по Эдди. Страдание и упадок сил высветлили глаза стрелка, сделали их прозрачными и блестящими, но Эдди распознал в этом блеске лишь внешний, наружный глянец. За ним он чувствовал растущее смятение, помрачение, которое почти наверняка перешло бы в безумие, если бы продолжало развиваться бесконтрольно. Сердце Эдди дрогнуло от жалости.

— Не спится? — спросил Роланд. Слова он выговаривал медленно, точно плавал в наркотическом дурмане.

— Да я уж совсем было закемарил, но проснулся, — сказал Эдди. — Слышь, Роланд...

— Мне мнится, я вступаю в пору смерти. — Роланд смотрел на Эдди. Яркий, легкий блеск глаз погас; теперь Эдди глядел в два темных глубоких омута, в два, казалось, бездонных колодца. Молодой человек содрогнулся — не столько от слов стрелка, сколько от его бессмысленного неподвижного взгляда. — А знаешь ли ты, Эдди, что я уповаю найти на той поляне, где обрывается тропа?

— Роланд...

— Тишину, — промолвил Роланд. Он прерывисто вздохнул. — Ти-ши-ну, Эдди. Безмолвие. И все. Этого будет довольно. Кончатся мои... мытарства.

Он прижал кулаки к вискам, и Эдди подумал: «Я уже видел, как то же самое делал кто-то другой, и недавно. Но кто? Где?»

Мысль, разумеется, смехотворная; Эдди почти два месяца не видел никого, кроме Роланда и Сюанны. Тем не менее интуиция подсказывала ему: ошибки нет. Вслух Эдди сказал:

— Роланд, я тут давно уж колупаюсь с одной штуковиной...

Стрелок кивнул. Губы тронула бледная тень улыбки.

— Знаю. И что же это? Ты готов, наконец, сказать?

— Мне кажется, она тоже может быть частью этого... как его... *ка-тета*.

Безучастный взгляд Роланда вдруг стал внимательным. Стрелок пристально глядел на Эдди, но ничего не говорил.

— Смотри. — Эдди начал разворачивать кожаный лоскут.

«Держи карман шире!» — внезапно заорал голос Генри, да так оглушительно, что Эдди не сдержался и едва заметно вздрогнул. — *Поможет твоя дебильная деревяшка, жди! Стоит только твоему дружку разок глянуть на эту щепку недопиленную, он со смеху подохнет, укатается! Над тобой укатается! Во, во, смотрите, скажет, никак наша тютя сопливая чего-то выстругала!»*

— Заткнись, — буркнул Эдди.

Стрелок вскинул брови.

— Не ты.

Ничуть не удивившись, Роланд кивнул.

— Брат часто навещает тебя, а, Эдди?

Забыв о свертке, Эдди остолбенело воззрился на стрелка, но в следующую секунду улыбнулся. Не слишком приятной улыбкой.

— Не так часто, как бывало, Роланд. Слава Создателю, есть еще в жизни маленькие радости.

— Да, — согласился Роланд. — Когда голосов чересчур много, они тяжким бременем ложатся на сердце... так что там у тебя, Эдди? Дозволь взглянуть.

Эдди поднял на ладони ясеневый чурбачок. Из него, точно женская голова на носу рассекающего морскую гладь корабля, точно рукоять меча из камня, выступал почти готовый ключ. Насколько точно он воспроизводил очертания, виденные Эдди в огне, молодой человек не знал (и полагал, что не узнает никогда — вот разве отыщется подходящий замок, где ключ можно будет испытать), но думал, что довольно точно. Зато Эдди не сомневался в другом: лучше этого ключа он еще ничего не мастерил. Прочие поделки не шли с ним ни в какое сравнение.

— Клянусь богами, Эдди, прекрасно! — вымолвил Роланд. От его апатии не осталось и следа; в голосе звучало то, чего Эдди никогда прежде не слышал: почтительное удивление. — Он готов? Нет еще, верно?

— Нет... не совсем. — Большой палец Эдди спустился в третью выемку, огладил закорючку, которой оканчивалась бородачка ключа. — Надо бы еще маленько поковыряться. И вот тут, на конце, кривулька пока неправильная. Я знаю. Хотя не знаю, откуда.

— Значит, вот он, твой секрет. — Это не был вопрос.

— Да. Знать бы еще, к чему все это.

Роланд оглянулся. Проследив за его внимательным взглядом, Эдди увидел Сюзанну и отчасти утешился тем, что Роланд первый услышал ее приближение.

— Вы что тут сидите, полуночники? Треплетесь? — Заметив в руке у Эдди деревянный ключ, Сюзанна кивнула. — Мне было интересно, когда же ты созреешь, чтоб его показать. А знаешь, хорошо вышло. Не представляю, для чего нужен этот ключик, но получилось потрясно.

— Возможно, тебе известно, какую дверь он отмыкает? — Роланд обращался к Эдди. — Не значилось ли это в предначертаниях твоего *кеф*?

— Нет... но на что-нибудь он, может, и сгодится, хоть и недоделанный. — Молодой человек протянул ключ Роланду. — Я хочу, чтобы он хранился у тебя.

Роланд не шелохнулся. Он внимательно изучал Эдди.

— А почему?

— Почему... ну... да вроде кто-то сказал мне, что так нужно, вот почему.

— Кто?

«Твой мальчишка, — пришла Эдди в голову неожиданная мысль и, еще не успев додумать ее, молодой человек понял: верно. — Твой треклятый мальчишка».

Однако высказываться Эдди не спешил. Ему вообще не хотелось упоминать имени мальчика. Роланд вновь завелся бы, и все.

— Не знаю. Но, думаю, попытка не пытка.

Роланд медленно протянул руку к ключу. Едва его пальцы коснулись дерева, вниз по стерженьку ключа, мерцая, просыпались яркие искры, но Эдди не взялся бы с уверенностью утверждать, что действительно видел эти крохотные вспышки — так быстро они отсверкали. Возможно, это был всего лишь звездный свет.

Пальцы стрелка обхватили ключ, пробивающийся из обрубка ветки. В первую секунду по лицу Роланда ничего нельзя было прочесть, затем он нахмурился и вскинул голову, словно прислушиваясь.

— Ты что? — спросила Сюзанна. — Слышишь...

— *Ш-ш-ш!* — Недоумение на лице стрелка медленно сменялось изумлением. Он посмотрел на Эдди, на Сюзанну и снова на Эдди. Глаза Роланда, подобно воде, что заполняет погруженный в ручей кувшин, заполняло неведомое безмерное чувство.

— Роланд? — забеспокоился Эдди. — Ты в порядке?

Роланд что-то прошептал. Что именно, Эдди не расслышал.

Сюзанна глядела испуганно. Она бросала на Эдди отчаянные взгляды, будто хотела спросить: «Что ты с ним сделал?»

Эдди взял ее руку в свои.

— Спокуха; по-моему, все нормально.

Рука Роланда так крепко сжимала чурбачок, что Эдди прошел мгновенный страх: как бы ключ не разломился надвое. Но дерево было крепкое, и вырезал Эдди толсто. А стрелок, напрягая шею так, что горло раздувалось, а кадык ходил ходуном, силился заговорить... и вдруг во всю мочь, красивым, сильным голосом закричал прямо в небо:

— ПРОПАЛИ! ГОЛОСА ПРОПАЛИ!

Он снова поглядел на товарищей, и Эдди увидел то, чего не чаял увидеть до конца своей жизни — даже если бы жизнь эта продолжалась тысячу лет.

Роланд Галаадский плакал.

2

В эту ночь, впервые за много месяцев, к Роланду пришел глубокий сон без видений; стрелок спал, крепко стиснув в руке не-вполне-законченный ключ.

3

В другом мире, но под сенью того же *ка-тета*, Джейк Чэмберс видел самый живой и яркий в своей жизни сон.

Во сне Джейк пробирался древним бором; вернее, уцелевшей от вековой чащобы мертвой зоной бурелома и небрежного кустарника,

который чрезвычайно досаждал мальчику, царапая щиколотки и норовя стянуть с ног кроссовки. На пути Джейка встала неширокая полоса более молодых деревьев (ольха, подумал он, или, может быть, буки — городской ребенок, о деревьях он знал только, что у одних бывают листья, а у других хвоя). Меж них обнаружилась стежка. Прибавив шаг, Джейк двинулся по ней. Впереди просматривалась то ли поляна, то ли просека.

Не доходя до прогала в зарослях, Джейк остановился, углядев с правой стороны что-то вроде каменного указателя, и сошел с тропы посмотреть. В камне были вырезаны буквы, но разрушительное действие времени так сказалось на них, что разобрать надпись не удавалось. Наконец Джейк закрыл глаза (чего никогда прежде во сне не делал) и обвел каждую букву пальцами, как слепой, читающий по брайлевской системе. В темноте под веками все они обрели очертания и наконец сложились в связную фразу, отчетливо проступившую синим огненным контуром:

«ПУТНИК! ЗА СИМ ПРЕДЕЛОМ ЛЕЖИТ СРЕДИННЫЙ МИР — МЕЖЗЕМЕЛЬЕ».

Спящий в своей постели Джейк подтянул колени к груди и покрепче сжал ключ в руке, зарывшейся под подушку.

«Межземелье, — подумал он, — ну, конечно же. Сент-Луис, и Топека, и страна Оз, и Всемирная ярмарка, и Чарли Чух-Чух».

Джейк из сна открыл глаза и заспешил дальше. Поляна за деревьями оказалась залита старым растрескавшимся асфальтом. Посередине желтой выцветшей краской был нарисован круг. Джейк понял, что перед ним дворовая баскетбольная площадка, даже раньше, чем увидел у дальнего ее края, у штрафной линии, мальчика с пыльным старым уилсоновским мячом. Мяч раз за разом взлетал и аккуратно проскакивал в кольцо без сетки: бросок — очко, бросок — очко. Баскетбольная корзина торчала не на шите, а на чем-то вроде закрытого на ночь киоска или торговой палатки. Запертая дверь будки была раскрашена чередующимися диагональными черными и желтыми полосами. За дверью — а может быть, под ней — Джейк расслышал мерный грохот могучих машин. Эти звуки почему-то тревожили. Пугали.

«Не наступи на роботов, — не оборачиваясь, предупредил мальчик с мячом. — По-моему, они все дохлые, но на твоём месте я бы не рисковал».

Джейк огляделся и увидел на асфальте площадки несколько разломанных на части механизмов. Один напоминал мышь или крысу, другой — нетопыря. Почти у самых ног Джейка двумя ржавыми кусками лежала механическая змея.

«Ты — это я?» — спросил Джейк, делая шаг к мальчику у корзины, но понял, что это не так, даже раньше, чем тот обернулся. Мальчик был больше Джейка и старше — самое меньшее, лет тринадцати. Волосы потемнее; и глаза, увидел Джейк, встретившись

с незнакомцем взглядом, не голубые, как у него, а светло-карие с зеленью, ореховые.

«А по-твоему как?» — спросил странный мальчик. Мяч ударился об асфальт и очутился у Джейка.

«Нет, конечно, — Джейк словно извинялся. — Просто недели три назад меня как пополам разрезало». — Он проворно присел; бросок с центра площадки — и мяч, прочертив высокую параболу, беззвучно пролетел в кольцо. Джейк пришел в восторг, однако тут же сделал не слишком приятное открытие: он побаивается того, что, возможно, должен услышать от этого незнакомого парнишки.

«Можешь не объяснять, знаю, — сказал мальчик. — Хреново было, да? — На нем были линялые полосатые шорты и желтая футболка с надписью «В МЕЖЗЕМЕЛЬЕ НЕ СОСКУЧИШЬСЯ». Голову парнишка обвязал зеленым платком, чтобы волосы не лезли в глаза. — Ничего, обомнеется... только сперва будет еще хреннее».

«Где мы? — спросил Джейк. — И кто ты?»

«Это Портал Медведя... а еще это Бруклин».

Как будто бы бессмыслица... но определенный смысл в ней все-таки был. Джейк сказал себе, что со снами всегда так. Однако, если честно, происходящее не казалось сном.

«Что до меня, то я не велика шишка, — продолжал мальчик. Бросок назад через плечо; мяч взмыл в воздух и провалился в кольцо, не зацепив обруча. — Мое дело тебя проводить, вот и все. Я сведу тебя туда, куда тебе нужно, и покажу то, что тебе нужно увидеть, но ты, смотри, осторожней — я-то прикинусь чайником, будто никогда тебя в глаза не видал. А Генри чужих не переваривает, дергаться начинает. А задержается, так может психануть. А он больше тебя».

«Кто такой Генри?» — спросил Джейк.

«Неважно. Только не попадайся ему на глаза. Держись себе в сторонке и знай чеши следом за нами. Потом мы свалим, вот тогда...»

Мальчик посмотрел на Джейка. С жалостью и страхом. Джейк вдруг понял, что мальчик тает — прямо сквозь желтую футболку проступали желтые и черные полосы на будке-киоске.

«Как я тебя найду?» — Джейк внезапно страшно испугался, как бы мальчик не растворился раньше, чем успеет сказать все, что необходимо услышать Джейку.

«Раз плюнуть, — ответил мальчик. Слова отдавались странным звенящим эхом. — Сядешь на метро, доедешь до Коопгородка. Найдешь меня».

«Не найду! — крикнул Джейк. — Кооперативный городок — огромный район! Там, небось, народу живет сто тысяч!»

Но мальчик уже превратился в мутноватый молочный абрис. Не таяли, как улыбка Чеширского кота в «Алисе», только светло-карие глаза. Они смотрели на Джейка с сочувствием и тревогой. «Не

проблема, — утешил мальчик. — Ключ и розу ты нашел? Таким же макаром найдешь и меня. Сегодня после обеда, Джейк. Часика так в три было б в самый раз. Придешь — будь поаккуратней. И не зевай. — Он помолчал — призрачный мальчик со старым баскетбольным мячом у прозрачной ноги. — Ладно, мне пора... хорошо, что повидались. Ты, похоже, неплохой пацан — неудивительно, что он души в тебе не чает. Хотя здесь опасно. Будь осторожен... и не зевай».

«Погоди! — завопил Джейк и опротясь кинулся через площадку к исчезающему мальчику. Под ногу ему подвернулся покалеченный робот-трактор. Джейк споткнулся и грохнулся коленями на асфальт, в клочья разорвав штаны. — Погоди! Ты должен объяснить мне, что все это значит! Ты должен объяснить, за что мне все это!»

«Причина — Луч, — отозвался мальчик, теперь уже вовсе бестелесный, только глаза еще парили в воздухе. — Луч и Башня. В конечном счете все, даже Лучи, служит Темной Башне. Думаешь, с тобой будет иначе?»

Взмахнув руками, Джейк поднялся.

«Я найду его? Я найду стрелка?»

«Не знаю, — казалось, голос мальчика раздается за миллион миль от Джейка. — Знаю только, что ты должен рискнуть. Тут у тебя выбора нет».

Мальчик исчез. Баскетбольная площадка опустела. Над лесом повисла тишина. Единственным звуком, нарушавшим ее, был едва слышный грохот машин, и Джейку он не нравился. Машины шумели не так. Мальчик подумал: разлад в неизвестном механизме сказывается на розе — или наоборот. Все непонятным образом цеплялось одно за другое.

Он подобрал старый, побитый мяч; бросил. Мяч прошел точно в кольцо... и пропал.

«Река, — вздохнул голос странного мальчика. Точно легчайший зефир, он шел ниоткуда и отовсюду. — Ответ — река».

4

Джейка разбудил первый молочный свет зари. Мальчик лежал, глядя в потолок, и думал про человека из «Манхэттенского пиршества ума» — Эрона Дипно, который ошивался на Бликер-стрит, еще когда Боб Дилан умел выдувать из своего «Хонера» только открытое «фа». Эрон Дипно загадал Джейку загадку:

*Ходить не умеет, бежит — не угнаться,
На ложе не ведает сна,
Лепечет, бормочет, но вот отозваться
На оклик не может она.*

Теперь Джейк знал ответ. Река. Река бежит; у реки есть ложе; река никогда не спит; река лепечет и бормочет. Ответ ему подсказал мальчик. Мальчик из сна.

И вдруг на ум ему пришли другие слова Дипно: «Это только половина ответа. Загадка Самсона *двойная*, друг мой».

Джейк взглянул на часы у кровати: двадцать минут седьмого. Пора двигаться, если есть желание выбраться из дома до того, как родители проснутся. Школа на сегодня отменяется; может статься, подумал Джейк, для меня школа уже отменилась навсегда.

Он откинул одеяло, живо спустил ноги на пол и увидел на обеих коленках ссадины. Свежие ссадины. Вчера, когда он упал, поскользнувшись на кирпичках, он расшиб левый бок, а потеряв сознание рядом с розой, стукнулся головой, но колени были целы.

— Это во сне, — прошептал Джейк и обнаружил, что ничуть не удивлен. Он проворно начал одеваться.

5

В недрах шкафа, под набросанными как попало старыми кроссовками без шнурков и кипой комиксов «Человек-Паук» Джейк отыскал ранец, с которым ходил в начальную школу. Горе тому, кого застукуют с ранцем в школе «Пайпер» («фи, голубчик, как вульгарно, право!»)... И схватившего свой старенький портфель Джейка мощной волной захлестнула тоска по тем давним дням, когда жизнь казалась такой простой.

Он затолкал в ранец чистую рубашку, чистые джинсы, немного белья и носки, потом добавил «Угадай-дай-дай!» и «Чарли Чух-Чуха». Чтобы откопать в шкафу старый ранец, Джейк положил ключ на письменный стол, и голоса сразу вернулись, но далекие и приглушенные. Кроме того, Джейк твердо верил, что, вновь взяв в руки ключ, сумеет заставить их исчезнуть без следа, и это его успокаивало.

«Так, — подумал он, заглядывая в ранец. Даже после того, как он положил туда книги, там оставалась уйма свободного места. — Что еще?»

На миг ему почудилось — ничего... и тут же он понял.

6

В кабинете отца витал аромат табака и честолубия. Почти всю комнату занимал огромный письменный стол тикового дерева. В стену напротив, от пола до потолка разлинованную шеренгами книг, были встроены три телемонитора «Мицубиси», настроенные на каналы-конкуренты, каждый на свой. По вечерам все три монитора с отключенным звуком разворачивали перед Элмером Чэмберсом каждый свою последовательность кадров телепередач пикового времени.

Шторы были задернуты и, чтобы видеть, Джейку пришлось включить настольную лампу. Он нервничал — из-за самого факта своего присутствия здесь. Если отец проснется и зайдет в кабинет (а это не исключалось; Элмер Чэмберс, как бы поздно ни лег и сколько бы ни выпил, спал чутко и поднимался чуть свет), он рассердится, и тогда ускользнуть по-тихому будет очень трудно. Чем раньше Джейк выберется отсюда, тем скорее вздохнет свободно.

Стол оказался заперт, но отец никогда не делал тайны из того, где держит ключ. Джейк сунул пальцы под промокательную бумагу, защищавшую крышку стола, и выудил его. Открыв третий ящик, мальчик просунул руку за подвесную картотеку и коснулся холодного металла.

В коридоре скрипнула половица. Джейк замер. Прошло несколько секунд. Скрип не повторился, и Джейк вытащил из ящика пистолет, который отец держал «для домашней обороны» — автоматический «Ругер» сорок четвертого калибра. Это средство самозащиты отец, оставаясь совершенно глух к нервным требованиям жены убрать страшное приобретение от греха подальше, торжественно продемонстрировал Джейку два года назад, в день покупки.

Сбоку отыскалась кнопка, высвобождавшая магазин. С металлическим *щелк!*, прозвучавшим в тиши кабинета очень громко, магазин выпал мальчику в ладонь. Боязливо покосившись на дверь, Джейк занялся им. Магазин оказался полностью снаряжен. Джейк хотел поставить его на место, но, не задвинув до конца, снова вынул. Одно дело держать заряженный пистолет в запертом ящике письменного стола. Таскать его по всему Нью-Йорку — совсем другой коленкор.

Затолкав «Ругер» на самое дно ранца, он снова пошарил за картотекой. На сей раз на свет была извлечена полупустая коробка патронов — Джейк помнил, что когда-то отец стрелял по мишеням в полицейском тире на Первой авеню. Потом, правда, он к этому охладел.

Опять скрипнула половица. Джейку захотелось поскорее выбраться из этих стен.

Он вынул из ранца прихваченную в дорогу рубашку, разложил на отцовском столе, завернул в нее пистолет и коробку с патронами, наново уложил рубашку в ранец и плотно закрыл крышку-клапан на обе застёжки. Уже собравшись уходить, мальчик вдруг уперся взглядом в невысокую стопку письменных принадлежностей, расположившуюся по соседству с бюваром. Стопку венчали солнцезащитные очки с зеркальными стеклами — отцовы любимые. Джейк взял листок бумаги, а после секундного размышления прихватил и очки. Их он сунул в нагрудный карман. Потом вынул из подставки тонкое золотое перо и написал на листе под грифом: «Дорогие папа и мама».

Перо замерло. Джейк перечитал обращение и нахмурился. Что дальше? Что, собственно, следует сказать? Что он их любит? Да, любит, но эта истина не была исчерпывающей и, как клубок пряжи —

спицами, щетинилась всевозможными другими, неприятными, истинами. Что он будет по ним скучать? А будет ли? Джейк не знал, и это в своем роде было чудовищно. Что он надеется — *они* затоскуют без *него*?

Джейк вдруг понял, где собака зарыта. Если бы речь шла об исчезновении только на сегодняшний день, он что-нибудь да сумел бы написать. Но мальчик был почти уверен, что покидает дом *не только* на день, неделю, месяц или на лето. Джейку казалось: сегодня он выйдет за порог родной квартиры, чтобы уже не возвращаться.

Джейк готов был скомкать листок, но передумал и вывел: «Пожалуйста, берегите себя. С любовью, Дж.». Довольно коряво, но все же лучше, чем ничего.

Прекрасно. Может, теперь ты перестанешь нарываться и уйдешь отсюда?

Так он и поступил.

В квартире стояла почти мертвая тишина, слышно было только, как дышат во сне родители: тихонько похрапывала мать; тоненько присвистывая носом на каждом вдохе, сопел отец. Джейк на цыпочках прошел через гостиную. У самой прихожей мальчик на миг застыл с тяжело колотящимся сердцем: в кухне громко затарахтел холодильник. Вот и дверь. Стараясь производить как можно меньше шума, Джейк отпер ее, вышел и осторожно закрыл за собой.

Со щелчком замка у мальчика будто камень с души скатился. Его охватило радостное предчувствие. Он не знал, что ждет впереди; у него были причины думать, что события примут опасный оборот... Но одиннадцать лет — слишком мало, чтобы противиться переполняющему вас небывалому восторгу. Под ногами Джейка стелилась потаенная дорога, уводившая в глубь неведомой земли. Там жили тайны; немного смекалки, немного везения — и они могли бы открыться ему... В томительном свете утренней зари Джейк покинул отчий дом, пустившись навстречу неизвестному Великому Приключению.

«Если выстою, если не сломаюсь, увижу розу, — думал он, нажимая кнопку лифта. — Я знаю. А еще увижу *его*».

Эта мысль привела мальчика в величайшее нетерпение, граничившее с исступлением.

Три минуты спустя Джейк вышел из тени козырька над подъездом здания, где прожил всю свою жизнь. Секунду помедлив, он повернул налево. Это решение не казалось — и не было — случайным. Джейк двинулся на юго-восток, вдоль Луча, возобновив собственные прерванные поиски Темной Башни.

Минуло два дня с тех пор, как Эдди вручил Роланду незаконченный ключ. Три путешественника — разгоряченные, потные, усталые и в дурном расположении духа, — пробиваясь сквозь особенно цепкие

и непролазные заросли кустарника и деревьев второго яруса, обнаружили нечто, поначалу показавшееся им двумя еле видимыми тропками, бегущими бок о бок под пологом сплетенных ветвей древних деревьев, плотной стеной встающих с обеих сторон. После нескольких секунд внимательного изучения Эдди решил, что перед ними не просто тропинки, а останки давным-давно заброшенной дороги. На месте бывшего большака, точно размочаленные иглы на хребте у дикобраза, поднимались кусты и деревца-недомерки. Заросшие травой канавы были колеями — достаточно широкими, чтобы вместить инвалидное кресло Сюзанны.

— Аллилуйя! — воскликнул он. — Выпьем по такому случаю!

Роланд кивнул и отцепил бурдюк, который нес обвязанным вокруг пояса. Сперва он подал его Сюзанне, ехавшей в своей подвеске у него на закорках. При каждом его движении под рубахой покачивался ключ Эдди, висевший теперь на сыромятном шнурке, обвивавшем шею стрелка. Сделав плоток, Сюзанна передала бурдюк Эдди. Молодой человек утолил жажду и принялся раскладывать кресло, к которому уже успел проникнуться ненавистью: это громоздкое норовистое приспособление вечно задерживало их не хуже чугунного якоря. Если не считать пары сломанных спиц, оно было в отличном состоянии. Порой Эдди думал, что проклятая штука переживет их всех. Теперь, однако, кресло могло пригодиться... хотя бы на какое-то время.

Эдди помог Сюзанне выбраться из переплетения ремешков и пересадил ее в кресло. Сюзанна уперлась ладонями в поясницу, потянулась и от удовольствия сморщилась. И Эдди, и Роланд услышали тихий хруст ее распрямившегося позвоночника.

Впереди из-за деревьев на дорогу вперевалку вышел довольно крупный зверек, похожий на помесь барсука с енотом. Он посмотрел на путешественников большими глазами, обведенными золотистой каемкой, презрительно дернул острым усатым рыльцем: «Ха! Подумаешь!», протопал на другую сторону и вновь скрылся в лесу. Но Эдди успел заметить хвост — длинный, свернутый тугими кольцами, он напоминал пушистую матрасную пружину.

— Кто это, Роланд?

— Косолап.

— Есть его можно?

Роланд отрицательно покачал головой.

— Жесткий. Кислый. Я уж лучше собаку съем.

— А тебе приходилось? — поинтересовалась Сюзанна. — Есть собак, я хочу сказать.

Роланд кивнул, но не стал вдаваться в подробности. Эдди обнаружил, что в голове у него вертится фраза из старого фильма с Полом Ньюменом: «Твоя правда, хозяйка. И жрали собачатину, и жили, как собаки».

В кронах деревьев весело пели птицы. Над дорогой веял легкий ветерок. Эдди с Сюзанной запрокинули лица, благодарно подставляя

их свежему дуновению, переглянулись, улыгнулись. Эдди вдруг вновь почувствовал к Сюзанне глубокую признательность: любить страшно, но и прекрасно. Он спросил:

— Кто проложил эту дорогу?

— Люди, давно исчезнувшие с лица земли, — ответил Роланд.

— Те, что сделали плошки и миски, которые мы нашли? — спросила Сюзанна.

— Нет... не они. Мне думается, это дорога почтовая, проезжая, а коль она уцелела после стольких лет забвения — дорога поистине великая... быть может, *та самая Великая Дорога*. Полагаю, раскопав землю, мы найдем под поверхностью щебенку, а то и дренажную систему. Давайте-ка, покуда мы здесь, заморим червячка.

— Еда! — воскликнул Эдди. — Шамовка! Несите же, несите! Цыплят по-флорентийски! Полинезийских креветок! Телятину, припущенную с грибами, и...

Сюзанна ткнула его локтем.

— Смени пластинку, бледнолицый.

— Что поделаешь, у меня живое воображение, — бодро парировал Эдди.

Роланд спустил с плеча кошель, присел на корточки и принялся собирать скромную полуденную трапезу — сушеное мясо, завернутое в листья оливкового цвета. Эдди с Сюзанной обнаружили, что вкусом эти листья отдаленно напоминают шпинат, но значительно более жестки.

Эдди подвез Сюзанну к стрелку. Роланд протянул ей три, как называл их Эдди, «буррито¹ по-стрелковски», и она принялась за еду.

Эдди обернулся. Роланд протягивал ему три завернутых в листья кусочка мяса... а с ними еще что-то. Ясневый чурбачок с возникающим из него ключом. На груди стрелка свисали концы развязанного кожаного шнура.

— Эй, эй, вещь-то тебе нужная? — удивился Эдди.

— Когда я снимаю его, голоса возвращаются, но чрезвычайно далекие, — объяснил Роланд. — Мне по силам справиться с ними. Собственно, я слышу их, даже когда ключ у меня на шее — точно люди вполголоса переговариваются за соседним пригорком. Я думаю, это оттого, что ключ все еще не завершен. Ты не работал над ним с тех пор, как отдал его мне.

— Ну... он был у тебя, и мне не хотелось...

Роланд ничего не сказал, но блекло-голубые глаза, устремленные на Эдди, смотрели внимательно и по-учительски терпеливо.

— Ладно, — сдался Эдди. — Я боюсь напортачить. Доволен?

— Послушать вашего брата, так ты всю жизнь только и делал, что портачил... или я не права? — вступила в разговор Сюзанна.

¹ Буррито — блинчик с мясом и острым соусом.

— Сюзанна Дийн, девица-психолог. Ты упустила свое призвание, солнышко.

Сарказм. Эдди не оскорбил Сюзанну. Она локтем приподняла бурдюк и приникла к нему, как пьянчужка к пивной кружке.

— И все-таки я права. Да?

Эдди, вдруг сообразивший, что прашу он тоже не закончил — по крайней мере пока что, — пожал плечами.

— Ключ нужно доделать, — мягко промолвил Роланд. — Думаю, близится час, когда тебе придется пустить его в ход.

Эдди было открыл рот и тут же закрыл. Легко сказать! Ни Роланд, ни Сюзанна не понимали, что на самом деле кроется за этими словами. А крылось за ними вот что: эту работу нельзя было выполнить ни на семьдесят, ни на восемьдесят, ни даже на девяносто восемь с половиной процентов. Любую другую — да. Но не эту. Если бы Эдди действительно напортачил, ключ невозможно было бы просто выкинуть и благополучно забыть. С того самого дня, как Эдди срезал с пня пресловутую деревяшку, ясени им больше ни разу не попадались — это раз. Главное же, что грызло Эдди, заключалось в ином: вопрос стоял «все или ничего». Стоило хоть чуть-чуть подпорти-ть, и в нужный момент ключ не повернулся бы. Вдобавок молодой человек все сильнее нервничал из-за загогулины на конце. С виду она была простенькой, но если бы изгибы вышли не совсем верно...

«В теперешнем виде пользы от него будет как от козла молока; уж это-то ты знаешь».

Эдди вздохнул, глядя на ключ. Да, уж это-то он знал. Ничего не попишешь, придется попробовать довести начатое до конца. Страх перед неудачей, вероятно, еще больше усложнит и без того нелегкую задачу, но деваться некуда. Придется побороть страх и рискнуть. Возможно, он даже справится. Видит Бог, за недели, минувшие с тех пор, как Роланд вторгся в сознание Эдди на борту реактивного самолета авиакомпании «Дельта», приписанного к аэропорту Кенне-ди, Эдди многое удавалось. То, что молодой человек все еще не лишился ни жизни, ни здравого рассудка, само по себе было дости-жением.

Эдди протянул ключ Роланду.

— Носи покамест, — сказал он. — Я за него возьмусь вечером, на привале.

— Обещаешь?

— Угу.

Роланд кивнул, взял ключ и принялся заново завязывать шнурок. Действовал стрелок не спеша, однако от внимания Эдди не ускользнуло, как ловко и проворно двигались уцелевшие пальцы на его правой руке. Завидная способность приспосабливаться к обстоятель-ствам.

— Что-то ведь случится, правда? — неожиданно спросила Сюзан-на.

Эдди бросил на нее быстрый взгляд исподлобья.

— С чего ты взяла?

— Я сплю с тобой, Эдди, и знаю, что теперь тебе каждую ночь снятся сны. Иногда ты разговариваешь. Нельзя сказать, что это кошмары, но совершенно ясно, что *что-то* у тебя под черепушкой творится.

— Да. Что-то творится. Только вот не знаю, что.

— Сны имеют большую власть, — заметил Роланд. — Ты вовсе не забываешь, что тебе снится?

Эдди помялся.

— Так, кусочки, но они путанные. Ну, что... я опять пацан. Мы с Генри после школы свалили постучать в баскет на площадке на Марки-авеню — там теперь здание суда по делам несовершеннолетних. Мне охота, чтоб Генри сводил меня посмотреть один дом на Голландском Холме. Старый дом. Ребята прозвали его «Особняк». Все говорили, там водятся привидения. Да может, и правда водились. Жутковатый он был какой-то. *Страшный*.

Эдди тряхнул головой, припоминая.

— Я про этот Особняк уж лет сто как и думать забыл, а тут вдруг здрасте-пожалуйста, вспомнил. На медвежьей поляне, когда сунулся ухом к той чудной будке. Черт его знает, может, потому мне теперь сны и снятся?

— Но, по-твоему, будка тут ни при чем, — сказала Сюзанна.

— Нет. По-моему, эта фигня лезет мне в голову неспроста.

— Вы с братом в самом деле сходили туда? — спросил Роланд.

— Ага. Я его уболтал.

— И что же? Что-нибудь произошло?

— Да нет, ничего. Только Особняк этот оказался страшный. Мы чуток постояли там, поглазели, и Генри все дразнился: дескать, сейчас он меня наладит в дом за сувенирчиком, такая вот фигня, но я понимал, что на самом деле он ваяет дурака. Он этого дома боялся не меньше моего.

— Так вот в чем дело? — спросила Сюзанна. — Тебе, значит, снится, что ты идешь туда? В Особняк?

— И кое-что еще. Кто-то появляется... и вроде как садится нам на хвост. Я во сне его засекаю, а смотреть не смотрю — так, уголком глаза поглядываю, понимаете? Потому что знаю: мы с ним должны прикидываться, будто друг дружку не знаем.

— В тот день там и впрямь кто-то был? — спросил Роланд, пожирая Эдди глазами. — Или этот «кто-то» — лишь персонаж твоего сна?

— Дело давнее. Мне тогда было лет тринадцать, вряд ли больше. Как же я могу помнить такую ерунду наверняка?

Роланд ничего не сказал.

— Ладно, — наконец решился Эдди. — Да. По-моему, в тот день и правда *болтался* там какой-то парнишка то ли со спортивной

сумкой, то ли с ранцем — не помню, с чем именно. И в темных очках, которые были ему велики. В очках с зеркальными стеклами.

— Кто это был? — спросил Роланд.

Долгое время Эдди молчал. В руке он держал остаток «буррито а-ля Роланд», но аппетит у него пропал.

— Я думаю, тот самый пацан, которого ты повстречал на постоялом дворе, — наконец сказал он. — Я думаю, в тот день, когда мы с Генри отправились на Голландский Холм, твой старый приятель Джейк тоже околачивался в тех краях, не спуская с нас глаз. Я думаю, он топал следом за нами. Он ведь тоже слышит голоса, в точности, как ты, Роланд. А еще он приходит в мои сны, а я снюсь ему. И то самое, что я *вспоминаю*, по-моему, сейчас *происходит* во времени Джейка. Пацан пытается вернуться сюда. И когда он сделает решающий ход, ключ не будет готов — или будет сделан неправильно, — парнишке, скорей всего, кранты.

Роланд сказал:

— Нет ли у него собственного ключа? Это возможно?

— Да, наверное, — ответил Эдди, — только одного ключа мало. — Он вздохнул и сунул остаток блинчика в карман, на потом. — *И сдается мне, пацан об этом не знает.*

8

Маленький отряд шел по дороге. Выбор путников пал на левую колею. Роланд с Эдди по очереди везли кресло Сюзанны. Кресло подпрыгивало на кочках, проваливалось в рытвины, и его то и дело приходилось перетаскивать через булыжники, пеньками гнилых зубов выступавшие из земли. Однако, несмотря на это, путешественники продвигались вперед быстрее и с меньшим трудом, чем всю предыдущую неделю. Дорога поднималась в гору. Оглянувшись, Эдди увидел, что лес подобием пологих ступеней спускается под уклон. Далеко на северо-западе блестела ленточка воды, льющейся по уступам каменной кручи. Молодой человек с недоверчивым изумлением понял, что видит место, окрещенное ими тиром. Давно покинутая лесная поляна почти бесследно затерялась в сонном мареве летнего дня.

— Стоп машина! — резко вскрикнула Сюзанна. Эдди повернул голову и опять поглядел вперед — как раз вовремя, чтобы не наехать инвалидным креслом на Роланда. Остановившись, стрелок вглядывался в заросли кустарника слева от дороги.

— Будешь продолжать в том же духе — отберу права, — ядовито пообещала Сюзанна.

Эдди пропустил это замечание мимо ушей. Он смотрел туда же, куда Роланд.

— Что там?

— Есть только один способ разузнать, — стрелок обернулся, вынул Сюзанну из кресла и усадил себе на бедро. — Давайте поглядим.

— Пусти-ка, красавец. Я и сама могу. И если хотите знать, ребята, мне это проще, чем вам.

Пока Роланд бережно опускал Сюзанну на дно заросшей травой колеи, Эдди всмотрелся в чашу. Позднее солнце набросило на лес частую сетку тени, но молодой человек как будто бы увидел то, что привлекло внимание Роланда. Высокий серый камень, почти целиком скрытый пышной зеленью дикого винограда и плюща.

Сюзанна утром скользнула с обочины дороги в лес. Роланд и Эдди последовали за ней.

— Указатель, да? — Сюзанна оперлась на руки, осматривая прямоугольную каменную глыбу. Когда-то та стояла прямо, но теперь скосочилась вправо, будто под хмельком, и походила на старое надгробие.

— Да. Эдди, дай-ка нож.

Эдди подал стрелку нож и присел на корточки рядом с Сюзанной. Стрелок между тем обрубал плети дикого винограда. Лозы падали на землю, открывая высеченные в камне стершиеся буквы, и, не успев Роланд расчистить и половины надписи, как Эдди уже знал, что они говорят: «ПУТНИК! ЗА СИМ ПРЕДЕЛОМ ЛЕЖИТ СРЕДИННЫЙ МИР — МЕЖЗЕМЕЛЬЕ».

9

— Что это значит? — наконец спросила Сюзанна — тихо, благоговейно. Взгляд молодой женщины безостановочно блуждал по серой каменной плите.

— Это значит, что первый этап нашего странствия близится к завершению, — Роланд вернул Эдди нож. Лицо стрелка было серьезно и задумчиво. — Пойдем старой дорогой, так мне думается... вернее, дорога пойдет с нами, ибо она — преемница Луча. Леса вскоре закончатся. Я предвижу великие перемены.

— Что это за Межземелье такое? — поинтересовался Эдди.

— Одна из тех крупных держав, что в старину властвовали едва ли не над всем подлунным миром. Царство надежды, науки и света — того, что пытались сохранить и на моей родине, пока Галаад не поглотила тьма. Когда-нибудь, если найдется время, вы услышите от меня все старинные преданья... ну, или те, что я знаю. Истории эти сплетаются в обширное полотно, складываются в картину прекрасную, но чрезвычайно печальную. Если верить легендам, некогда на краю Межземелья стоял град великий... не уступавший, быть может, вашему городу Нью-Йорку. Если он и поныне не стерт с лица земли, то, должно быть, лежит в развалинах. Однако там могут оказаться люди... или чудовища... или и люди и чудовища. Нам придется держать ухо востро.

Двупалая правая рука Роланда тронула полустертые буквы.

— Межземелье, — негромко, задумчиво проговорил стрелок. — Кто бы мог подумать... — Он осекся.

- Ну тут-то уж ничем не поможешь? — спросил Эдди.
Стрелок покачал головой.
— Ничем.
— *Ка*, — вдруг вырвалось у Сюзанны, и оба посмотрели на нее.

10

До захода солнца оставалось еще около двух часов, и путники отправились дальше. Дорога по-прежнему шла на юго-восток, вдоль Луча; в большак, которого держалась троица, влились два заросших проселка поменьше. Вдоль обочины второго тянулись замшелые развалины — должно быть, когда-то это была несобятная каменная стена. Неподалеку в руинах расселась дюжина сытых, гладких косолапов. Они провожали пилигримов удивительными глазами с золотым ободком. Эдди зверьки напомнили присяжных, на уме у которых повешение.

Дорога расширялась, различать ее становилось все легче. Дважды отряд Роланда проходил мимо остовов давно покинутых строений. Про второе Роланд сказал, что в свое время это, пожалуй, была ветряная мельница. «Похоже, там водятся привидения», — заметила Сюзанна. «Я бы не удивился», — сухо откликнулся стрелок. От его прозаического тона у молодых людей мороз прошел по коже.

К тому времени, как спустившаяся тьма вынудила путников сделать привал, лес поредел, а легкий ветерок, весь день летевший им вдогонку, превратился в теплый ветер. Впереди земля продолжала подниматься.

— За день-другой мы доберемся до вершины кряжа, — объявил Роланд. — Тогда и увидим.

— Что увидим? — спросила Сюзанна, но Роланд лишь пожал плечами.

Вечером Эдди снова взялся за ключ, но работал, не чувствуя настоящего вдохновения. Уверенность и радость, наполнявшие его, когда ключ только начинал обретать форму, улетучились. Пальцы казались неуклюжими, бестолковыми. Впервые за много месяцев он с тоской подумал: гаррика бы. Немного; Эдди не сомневался: пятидолларовая упаковка героина, скатанный в трубочку доллар — и с небольшой внеклассной работой «Резьба по дереву» было бы покончено в считанные секунды.

— Чему ты улыбаешься, Эдди? — Роланд сидел за костром; колеблемые ветром низкие языки пламени исполняли между ним и Эдди причудливый танец.

— А я что, улыбался?

— Да.

— Да просто подумал, есть же на свете придурки — посади их в комнату с шестью дверьми, все равно будут тыркаться в стенки. А потом еще нагло качать права.

— А если боишься того, что может оказаться за дверью, то небезопаснее ли тыркаться в стенку? — предположила Сюзанна.

Эдди кивнул.

— Может, и так.

Он работал не торопясь, стараясь разглядеть в дереве очертания ключа — особенно загогулилку, маленькое s. Оно, обнаружил Эдди, просматривалось теперь очень смутно.

«Господи, только бы не напортачить. Помогите мне, Господи», — твердил он про себя, а сам страшно боялся, что процесс уже пошел. В конце концов Эдди сдался, вернул стрелку ключ (вообще едва ли претерпевший какие бы то ни было изменения) и свернулся калачиком под одной из шкур. Не прошло и пяти минут, как перед его закрытыми глазами вновь принялся разматываться сон про мальчика и старую спортплощадку на Марки-авеню.

11

Джейк вышел из дому примерно в без четверти семь, а значит, оставалось убить еще восемь с лишним часов. Поразмыслив, не сесть ли на поезд до Бруклина сейчас же, он решил, что идея оставляет желать лучшего. Парнишка, болтающийся по улицам, вместо того чтобы сидеть в школе, на окраине куда приметнее, чем в центре большого города, и, если мальчика, с которым он должен встретиться, придется *разыскивать* в буквальном смысле слова, — дело швах.

«Не проблема, — сказал мальчик в желтой футболке и зеленом платке. — Ключ и розу ты нашел? Таким же макаром найдешь и меня».

Единственное «но»: Джейк уже забыл, *как* нашел ключ и розу. Память мальчика сохранила лишь радость и чувство уверенности, наполнившие его сердце и вытеснившие все мысли из головы. Оставалось одно — надеяться, что то же самое случится снова. Пока же Джейк шел, не останавливаясь: в Нью-Йорке это лучший способ не привлекать к себе внимания.

Когда до Первой авеню оставалось всего ничего, Джейк развернулся и направился обратно той же дорогой, что пришел, с одной только разницей: следуя по маршруту, обозначенному цепочкой зеленых огней светофоров (и, возможно, неким глубинным чутьем понимая, что даже светофоры служат Лучу), мальчик мало-помалу отклонялся к городской окраине. Около десяти часов он обнаружил, что стоит на Пятой авеню, перед Метрополитен-музеем, взмокший, усталый, удрученный. Хотелось пить, но мальчик подумал, что ту небольшую сумму, какой он располагает, следует беречь как можно дольше (он вытряс из коробки на столике у кровати все до последнего гроша, но общий итог все равно составлял каких-нибудь восемь долларов плюс-минус несколько центов).

Рядом строилась для экскурсии группа школьников. Почти наверняка из государственной школы — одеты так же небрежно, как сам

Джейк. Никаких блейзеров от Пола Стюарта, никаких галстуков, никаких джемперов, никаких простеньких юбочек, за которые в магазинах вроде «Мисс Очаровашки» или «Отрочества» дерут по сто двадцать пять зеленых. Все из рядового супермаркета. Под влиянием порыва Джейк пристроился в хвост цепочки и следом за ребятами вошел в музей.

Экскурсия заняла час пятнадцать минут. Джейк наслаждался. В музее было тихо. Более того, там работали кондиционеры. И висели хорошие картины. Особенно Джейка пленили несколько работ Фредерика Ремингтона из цикла «Старый Запад» и большое полотно кисти Томаса Харта Бентона: по бескрайней равнине к Чикаго стрелой летит паровоз, а крепкие фермеры в полукомбинезонах и соломенных шляпах, побросав работу, стоят и смотрят ему вслед. Учителя, сопровождавшие группу, Джейка не заметили, и лишь под конец экскурсии хорошенькая негритянка в строгом синем костюме тронула его за плечо и поинтересовалась, кто он такой.

Не заметивший ее приближения Джейк на миг утратил способность соображать. Не задумываясь, что делает, он полез в карман и схватился за серебряный ключ. В голове мигом прояснилось, и Джейк опять успокоился.

— Моя группа наверху, — сказал он с виноватой улыбкой. — Нас привели смотреть современное искусство, но мне гораздо больше нравится здесь, внизу. Тут настоящие картины. Ну, вот я и... это... ну, вы понимаете...

— Улизнул? — предположила учительница. Уголки ее губ дрогнули от сдерживаемой улыбки.

— Мне больше нравится думать, что я ушел по-французски¹, — вырвалось у Джейка.

Тут уж она рассмеялась. Ученики тупо главели на Джейка, ничего не понимая. Учительница сказала:

— То ли ты не знаешь, то ли не помнишь, но во французском Иностранном легионе дезертиров раньше расстреливали. Предлагаю вам немедленно присоединиться к своему классу, молодой человек.

— Да, мэм. Спасибо. Вообще-то экскурсия, должно быть, уже закончилась.

— Ты из какой школы?

— «Академия Марки». — Это тоже выскочило само собой.

Поднимаясь по лестнице, Джейк прислушивался к бесплотному эху шагов, к тихим голосам под огромным пространством купола-ротонды и недоумевал, почему сказал это. Он никогда в жизни не слышал о школе, которая называлась бы «Академия Марки».

¹ В Англии и Америке — то же, что уйти по-английски.

Он немного подождал в просторном вестибюле верхнего этажа, потом заметил, что охранник поглядывает на него с растущим любопытством, и счел, что ждать дольше неразумно. Оставалось только надеяться, что группа, к которой он ненадолго присоединился, уже отбыла.

Взглянув на часы, Джейк скорчил гримасу, означавшую (во всяком случае, он надеялся на это) нечто вроде «Мамочки! Времени-то уж сколько!», и порысил обратно на первый этаж. Чужой класс (вместе с хорошенькой черной учительницей, которую рассмешила идея ухода по-французски) уже ушел, и Джейк решил, что последовать их примеру, пожалуй, неплохая мысль. Он еще немного пройдет — принимая во внимание жару, не спеша — и поедет на метро.

На углу Бродвея и Сорок второй улицы он задержался у киоска, торгующего горячими сосисками, и обменял малую толику своего скудного запаса наличных на ароматную сосиску и банку лимонада. Обедать Джейк устроился на ступенях банка — и, как выяснилось, совершил страшную ошибку.

В его сторону, вращая дубинкой, шел полицейский. Дубинка выписывала сложные последовательности фигур, и это как будто бы полностью поглощало внимание полисмена. Однако поравнявшись с Джейком, блюститель закона вдруг резким движением вддел дубинку в петлю и повернулся к нему.

— Так-так, орел, — задумчиво сказал он. — Гуляем?

Последний кусок сосиски, которую жадно рвал зубами Джейк, застрял у мальчика в горле. Вот непруха... если не сказать хуже. Вокруг шумела Таймс-сквер, всеамериканская столица человеческого отребья: толкачи, наркаши, шлюхи, голубые — охотники за малолетками... Но на *них* полисмен не обращал никакого внимания, отдавая предпочтение *ему*.

С усилием сглотнув, Джейк ответил:

— У нас в школе эту неделю экзамены. Сегодня у меня была только одна контрольная. Кто напишет, можно уходить. — Он запнулся — ему не нравился настороженный, понизывающий взгляд полисмена. — Меня отпустили, — неловко прибавил он.

— У-гу. Какой-нибудь документ можешь показать?

У Джейка душа ушла в пятки. Неужто предки уже позвонили в полицию? После вчерашнего приключения это казалось весьма вероятным. При обычных обстоятельствах в полицейском управлении Нью-Йорка не обратили бы особого внимания на очередного пропавшего подростка, тем более на подростка, который всего полдня как пропал, — но отец у себя на телевидении был большой шишкой и гордился количеством тайных пружин, на которые можно нажать в случае чего. Джейк сомневался, что у полицейского есть его фотография, но вот имя и фамилию фараон спокойно мог знать.

— Ну, у меня есть льготная карточка кегельбана «Межземелье», — неохотно проговорил он, — вот и все, в общем-то.

— «Межземелье»? Первый раз слышу. Это где же? В Квинсе?

— «Подземелье». А я как сказал? — Джейк подумал: «О Господи, началось за здоровье, а кончится за упокой... хрюкнуть не успеешь». — Знаете? На Тридцать третьей улице?

— У-гу. Годится. — Полицейский протянул руку за билетом.

На них оглянулся негр в канареечно-желтом костюме, со спадающими на плечи жуткими космами.

— Вяж-жи его, начальник! — жизнерадостно посоветовало сие явление. — Ишь, шлендаст тут, говнюк белокожий! Дав вам ~~были~~ соплика! С-сполный свой долг, ну!

— Илай, заткнись и дуй отсюда, — не оборачиваясь, ответил полицейский.

Илай загоготал, показав золотые фиксы, и пошел своей дорогой.

— А почему вы *его* не попросили показать документы? — спросил Джейк.

— Потому что сейчас я прошу показать документы *тебя*. Живенько, сынок.

Либо полицейский знал, кто такой Джейк, либо чуял: что-то неладно. Это, пожалуй, было не так уж удивительно, поскольку в здешних краях Джейк был единственным белым парнишкой, который не болтался по улицам откровенно в поисках приключений. Как ни крути, а получалось, что, усевшись здесь обедать, Джейк свалил дурака. Но ведь у него болела нога — а еще он, черт побери, хотел есть! *Жрать!*

«Ты меня не остановишь, — подумал Джейк. — Я не могу позволить тебе меня остановить. Сегодня во второй половине дня я должен встретиться в Бруклине с одним человеком... и я буду там».

Вместо того, чтобы полезть за бумажником, мальчик сунул руку в боковой карман и достал ключ. Он протянул его полицейскому; яркое утреннее солнце отразилось в серебристом металле, и по лбу и щекам полисмена маленькими круглыми монетками запрыгали блики. Полицейский широко раскрыл глаза.

— Эй! — выдохнул он. — Что это у тебя, парень?

Он потянулся за ключом. Джейк отдернул руку — чуть-чуть. По лицу полисмена заворачивающе плясали круги отраженного света.

— В руки брать не обязательно, — сказал Джейк. — Вы ведь и так можете прочесть, как меня зовут, правда?

— Ну да, конечно.

Интерес стража порядка к мальчику иссяк. Полицейский смотрел только на ключ — пристально, большими неподвижными глазами. Однако взгляд его был не вполне бессмысленным; Джейк прочел в нем изумление и нечаянную радость. «Ай да я, — подумал мальчик, — сею радость и благолепие повсюду, куда ни пойду. Вопрос в том, что делать дальше?»

По тротуару, вихляя бедрами и нетвердо переставляя ноги, обутые в ядовито-лиловые туфли на трехдюймовой шпильке, шла молодая женщина (судя по зеленым шелковым лосинам и прозрачной блузке, вероятно, не библиотекарь). Она взглянула сперва на полицейского, потом, желая понять, на что это пялится легавый, посмотрела на Джейка. Увидев ключ, девица разинула рот и остановилась как вкопанная. Ее рука медленно-медленно поднялась и замерла у горла. Какой-то мужчина, налетев на девицу, велел ей смотреть, куда, к чертям собачьим, она прет. Девица, трудившаяся, вероятно, не на библиотечном поприще, словно не слышала. Тут Джейк заметил, что возле них остановилось еще четверо или пятеро прохожих. Все они не сводили глаз с ключа. Народ собирался так, как порой люди стекаются к чрезвычайно ловкому наперсточнику, орудующему на уличном углу.

«Классно тебе удастся не привлекать внимания, — похвалил себя Джейк. — Ничего не скажешь». — Он глянул поверх плеча фараона и на другой стороне улицы заметил вывеску: «Дешевая аптека Денби».

— Меня зовут Том Денби, — сказал он полицейскому. — Так и в карточке написано — правильно?

— Верно-верно, — выдохнул полицейский. Он утратил к Джейку всякий интерес; его занимал только ключ. По лицу полисмента мельтешили маленькие, круглые, как монетки, солнечные зайчики.

— А ведь никакого Тома Денби вы не ищете?

— Нет, — ответил полицейский. — Никогда о таком не слышал.

Вокруг полисмента уже собралось самое малое человек десять; все они в немом изумлении главели на серебряный ключ в руке у Джейка.

— Значит, я могу идти, да?

— А? О! Да, конечно — иди, Христа ради.

— Спасибо, — поблагодарил Джейк. Но *как* уйти? На миг мальчик растерялся. Его окружала молчаливая, непрерывно растущая толпа зомби. Джейк понял: все они подходят посмотреть, в чем дело, но те, кто увидел ключ, замирают на месте, не в силах оторвать от него взгляд.

Джейк поднялся и принялся медленно пятиться вверх по широким ступеням, держа ключ перед собой в вытянутой руке, как укротитель львов — тумбу. Очутившись наверху, на широкой бетонной площадке, мальчик живо сунул ключ обратно в карман штанов, повернулся и пустился наутек.

Он притормозил только раз, у дальнего края площадки, и оглянулся. Небольшая группа, обступившая то место, где он стоял, медленно возвращалась к жизни. Недоуменно оглядевшись, люди отправлялись своей дорогой. Полицейский рассеянно глянул влево, вправо и возвел очи горе, точно силился припомнить, как сюда попал и что собирался делать. Джейк увидел достаточно. Пора было искать станцию метро и брать курс на Бруклин, пока не стряслось еще что-нибудь такое же странное.

Без четверти два Джейк медленно поднялся по ступенькам станции метро и остановился на углу Касл и Бруклин-авеню, глядя на сложенные из песчаника башни Коопгородка. Мальчик ждал, чтобы к нему пришла уверенность, чувство направления — чувство, похотившее на способность вспоминать будущее. Напрасно; он не ощущал *ничего*. На раскаленном бруклинском перекрестке стоял обычный паренек; у его ног усталым псом лежала тень-коротышка.

«Ну, ладно, я здесь... что дальше?»

Джейк обнаружил, что не имеет об этом ни малейшего представления.

Возглавляемый Роландом маленький отряд, одолев подъем на длинный пологий холм, стоял на гребне. Взоры путешественников были обращены на юго-восток. Долгое время все молчали. Сюзанна дважды раскрывала рот — и снова закрывала его. Впервые в жизни эта женщина полностью лишилась дара речи.

Перед ними в томительном золотом свете клонящегося к вечеру легкого дня дремала бескрайняя равнина: буйная, пышная, изумрудно-зеленая, очень высокая трава; там и сям пестрят купы стройных деревьев с высокими стволами и широкими раскидистыми кронами. Сюзанна подумала, что однажды уже видела похожие — в научно-популярном фильме об Австралии.

Дорога, по которой они шли, устремлялась вниз с холма и, прямая, как струна, убегала на юго-восток, ярко-белой полоской рассекая зелень трав. В нескольких милях к западу Сюзанна разглядела мирно пасущееся стадо крупных животных. Они напоминали бизонов. На востоке равнина граничила с чащей; темные заросли вторгались в разнотравье полуостровом, очертаниями походившим на руку со вскинутым кулаком.

Сюзанне вдруг стало ясно: вот куда текли все попадавшие им до сих пор ручьи и речки. Они питали громадную реку, что, пробившись из простертой лесом длани, разморенная летним солнышком, сонно и безмятежно катила свои воды к востоку, на край света. Широкою реку — добрых две мили от берега до берега.

А еще Сюзанна увидела город.

Город лежал прямо по курсу — туманное скопление шпиль и башен, вздымающихся у дальнего горизонта. От этих воздушных конструкций путников могло отделять сто миль. Или двести. Или четыреста. В мире Роланда воздух был, кажется, абсолютно чист и прозрачен, что превращало попытки оценить расстояние в напрасный труд. Сюзанна знала наверняка только одно: вид этих смутно очерченных башен наполняет ее немым изумлением... и глубокой шемашей тоской по родному Нью-Йорку. Она подумала: «Ей-Богу, я бы

сделала что угодно, лишь бы опять увидеть с моста Трайборо манхэттенские высотки!»

И не сумела сдержать улыбку: неправда. Правда же была такова: Сюзанна не поменяла бы мир Роланда ни на что. Здешнее безмолвие, таинственность, пустынные просторы одурманивали, отравой проникали в кровь. Здесь у нее был возлюбленный. В Нью-Йорке — по крайней мере, в том Нью-Йорке, какой знала в свое время Сюзанна, — они с Эдди неизбежно навлекли бы на себя презрение, гнев, насмешки; они были бы мишенью для грубых жестоких шуток первого попавшегося кретина: у черной бабы двадцати шести лет — белый хахаль на три года ее моложе, который, чуть разволнуется, начинает говорить «щас» и «дак». Белый хахаль, который всего восемь месяцев назад тащил на закорках тяжеленную обезьяну¹. А здесь некому было язвить и насмехаться. Здесь никто не тыкал в них пальцем. Здесь были только Роланд и они с Эдди — три последних в мире стрелка.

Сюзанна взяла Эдди за руку и почувствовала ответное пожатие — теплое, ободряющее.

Роланд указал на реку.

— Это, должно быть, Сенд, — негромко проговорил он. — Вот уж не думал, что доведется его увидеть... Пуще того — в душе я полагал его выдумкой, наравне со Стражами.

— Какая красота, — прошептала Сюзанна, не в силах оторвать глаз от расстилающихся перед ней бескрайних просторов, спящих сладким сном в колыбели лета. Она поймала себя на том, что безотчетно прослеживает взглядом, в каком направлении ложатся тени деревьев, протянувшиеся в лучах закатного солнца через равнину словно бы на многие мили. — Должно быть, такими когда-то были Великие равнины — до заселения... даже до появления индейцев. — Молодая женщина показала рукой туда, где Великая Дорога сходилась в одну точку. — Вон он, твой город, — сказала она. — Ведь это он?

— Да.

— С виду ничего себе, цивилизно, — одобрил Эдди. — Может так быть, а, Роланд? Может оказаться, что твоему городу ничего особо не сделалось? Как в старину-то строили, в самом деле хорошо?

— Нынче все возможно, — отвечал Роланд, однако с сомнением в голосе. — Впрочем, Эдди, не воспылай надеждою сверх меры.

— А? Нет. — Но Эдди уже возмечтал. Город, смутно вырисовывающийся на далеком небосклоне, пробудил в сердце Сюзанны тоску по дому; в душе Эдди подернутые дымкой очертания внезапно разошлись пламень ожиданий. Коль скоро город сохранился (а он, по всей видимости, сохранился), там, возможно, до сих пор кто-нибудь живет, и это не обязательно должны быть только те недочеловеки, которых Роланд повстречал под горами. Горожане могли оказаться

¹ Monkey, «обезьяна» — наркотики (амер. слэнг).

(американцами, шепотом подсказал Эдди внутренний голос)

людьми умными, готовыми протянуть руку помощи; собственно говоря, возможно, именно от них зависели бы успех или провал предприятия пилигримов... а то и их жизнь или смерть. Перед мысленным взором Эдди заблистало светлое виденье (частично позаимствованное из фильмов вроде «Последний звездный воин» и «Темный кристалл»): совет старейшин города, согбенных, но исполненных величавого достоинства, закатывает им потрясное угощение — стол так и ломится от яств, доставленных из городских закромов, которых не коснулась порча (или, возможно, из специальных садов, лелеемых под пузырями климатронов), — и, покуда Эдди, Роланд и Сюзанна наворачивают, дурея от сытости, радужные хозяева объясняют, что именно их ждет впереди и как все это следует понимать. Прощальным даром горожан путникам станет одобренный Американской автомобильной ассоциацией «Путеводитель для туристов», где самый лучший путь к Темной Башне будет обозначен красным.

Эдди не знал выражения *deus ex machina*¹, зато понимал (для этого он уже достаточно повзрослел), что такой мудрый и добрый народец обитает главным образом в комиксах и посредственных фильмах, которые пускают в прокат вторым экраном. Тем не менее, идея опьяняла: островок цивилизации в опасном, почти пустынном краю; мудрые старые люди-эльфы, которые внятно растолкуют им, какого именно хрена делать дальше. Открывшиеся же на туманном горизонте очертания легендарного города превращали мечту как минимум в возможность. Даже если в городе не было ни души из-за того, что обитателей стерла с лица земли давнишняя вспышка чумы или внезапный выброс отравляющих веществ, он все равно мог сыграть роль своего рода исполинского ящика с инструментом; гигантского военторга, где удалось бы экипироваться для трудных переходов, которые — в этом Эдди не сомневался — наверняка ждали впереди. Кроме того, молодой человек родился и вырос в городе, и вид всех этих высоких башен самым естественным образом подстегнул его.

— *Ла-адненько!* — возбужденно пропел он, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться в голос. — Ать-два, левой! Подать сюда этих мудрых эльфов, мать их за ногу!

Сюзанна посмотрела на него с веселым недоумением.

— Ты чего разоряешься, беленький?

— Ничего. Не суть. Просто надоело стоять на одном месте. Что скажешь, Роланд? Хочешь...

Но что-то в лице Роланда или в самой глубине его глаз — некая мечтательная отстраненность — заставило юношу умолкнуть и одной рукой обхватить Сюзанну за плечи словно для того, чтобы защитить.

¹ Бог из машины (лат.).

Роланд рассеянно скользнул взглядом по силуэту города на горизонте и вдруг, совсем близко к холму, на котором они сейчас стояли, заметил нечто иное, наполнившее его душу беспокойством и скверными предчувствиями. Ему уже доводилось видеть такое раньше; в последний раз, когда он нагнулся на что-то подобное, с ним был Джейк. Стрелок вспомнил, как они с мальчиком по следу человека в черном в конце концов вышли из пустыни и через холмы предгорья двинулись к горам. Идти было нелегко, но по крайней мере опять появилась вода. И трава.

Однажды ночью он проснулся и обнаружил, что Джейк исчез. Из ивовой рощи, вплотную подступавшей к тоненькому ручейку, неслись отчаянные сдавленные крики. К тому времени, как стрелок продрался сквозь заросли на поляну посреди рощи, крики оборвались. Место, где Роланд нашел той ночью Джейка, как две капли воды походило на то, что лежало сейчас впереди, за подножием холма. Круг вертикально поставленных камней; место жертвоприношений; обитель Прорицательницы — там она жила... и вещала, будучи вынуждена вещать... и убивала, когда только могла.

— Роланд, — окликнул Эдди, — ты чего? В чем дело?

— Вон, видишь? — Роланд ткнул пальцем. — Вещунына круговина. Силуэты, что виднеются там, — высокие стоячие камни. — Он вдруг понял, что не сводит глаз с Эдди, которого впервые узнал в страшном и дивном небесном вагоне, в том чужом и странном мире, где стрелки носят синюю форму, а запасы сахара, бумаги и чудесных снадобий вроде *астина* неисчерпаемы. Лицо Эдди медленно принимало диковинное выражение, словно озарялось неким предвиденьем. Радужные надежды, ясным огнем зажегшие взор молодого человека, когда тот смотрел на далекий город, улетучились. Юноша глядел сумрачно, уныло — так приговоренный рассматривает виселицу, на которой вскоре будет вздернут.

«Сперва Джейк, теперь вот Эдди, — подумал стрелок. — Колесо Жизни неумолимо — все вечно возвращается на круги своя».

— Вот черт, — голос Эдди был блеклым и испуганным. — Чует мое сердце, это и есть то самое место, где пацан попробует прорваться. Стрелок кивнул.

— Весьма вероятно. В таких местах грань между мирами тонка, к тому же эти круговины обладают *притягательной силой*. Однажды мальчик уже привел меня в подобное каменное кольцо. Обитавшая там вещунья едва не убила мальчугана.

— С чего ты взял? — спросила Сюзанна у Эдди. — Приснилось, что ли?

Эдди только головой покачал.

— Не знаю. Но стоило Роланду показать это проклятое место... — Он осекся и посмотрел на стрелка. — Мы должны как можно скорее

добраться туда. Как можно скорее. — В словах Эдди звучали отчаяние и страх.

— Это произойдет сегодня? — спросил Роланд. — Сегодня вечером?

Эдди снова потряс головой и облизнул губы.

— Тоже не знаю. Не поручусь. Вечером? Вряд ли. Время... здесь оно не такое, как там, где сейчас пацан. В его «где» и «когда» оно течет медленнее. Может быть, завтра. — Паника, с которой он до сих пор боролся, внезапно прорвалась. Эдди повернулся и холодными потными пальцами вцепился Роланду в рубашу. — Но я должен был доделать ключ, а я ни черта не доделал, а еще я должен сделать что-то еще, а что — хрен его знает, ни намека, ни зацепки. И если пацан угробится, виноват буду я!

Крепко взяв Эдди за запястья, стрелок высвободился.

— Возьми себя в руки.

— Роланд, тебе что, неясно...

— Ясно. Мне ясно, что нытьем да вытьем твой узелок не распутать. Ты забыл лик своего отца — вот что мне ясно.

— Да пошел ты со своей херней, надоело! В *гробу* я своего папашу видал, в белых тапках! — истерически выкрикнул Эдди. Роланд влепил ему звонкую пощечину. Звук был такой, словно сломалась ветка.

Голова Эдди мотнулась назад; зрачки потрясенно расширились. Впившись в Роланда взглядом, юноша медленно поднес руку к щеке и потрогал проступающий на коже красный отпечаток ладони.

— Ах ты, *сволочь*! — прошептал он, хватаясь за рукоять револьвера, по-прежнему висевшего у него на левом бедре. Сюзанна попыталась остановить его; Эдди оттолкнул ее руки.

«Итак, вновь пришла пора ученья, — подумал Роланд. — Однако на сей раз, пожалуй, я даю урок, чтобы сохранить жизнь не только ему, но и себе».

Где-то вдалеке каркнула ворона. Резкий птичий крик разорвал тишину, и Роланду на миг вспомнился его сокол, Давид. Сейчас соколом стрелка был Эдди... Стоило выказать хоть малейшую слабость, и юноша, подобно Давиду, не колеблясь вырвал бы хозяину глаз.

Или растерзал бы горло.

— Ты что же, пристрелишь меня? Такой развязки тебе хотелось бы, Эдди?

— Знал бы ты, как мне осточертели твои заморочки, дядя, — выговорил Эдди. Взгляд его туманили слезы ярости.

— Ты не доделал ключ, но не потому, что боишься закончить работу. Ты боишься узнать, что *не способен* ее закончить. Ты боишься спуститься к камням — но тебя страшит не то, что может произойти, едва ты войдешь в круг. Тебя страшит то, что может *не* произойти. Не большой мир пугает тебя, Эдди, нет. Тебя пугает маленький мирок, заключенный в тебе самом. Ты забыл лик своего отца. Ну так смелее. Пристрели меня, если посмеешь. Надоело слушать, как ты нюнишь.

— Прекрати! — закричала Сюзанна. — Он же выстрелит, ты что, не понимаешь? Не понимаешь, что *сам заставляешь* его стрелять?

Роланд полоснул ее взглядом.

— Я заставляю его *принять решение*. — Он снова посмотрел на Эдди. Избороженное глубокими морщинами лицо было суровым. — Друг мой, ты вышел из тени героя, ты вышел из тени брата — выйди же из своей тени, если посмеешь. Выйди сейчас. Выйди — или пристрели меня и *покончи с этим*.

Мгновение Роланду казалось, что Эдди именно так и поступит и все завершится здесь же, на высоком гребне холма, под безоблачным летним небом, где на горизонте смутно обозначились синие призрачные городские шпили. Потом у Эдди задергалась щека. Решительно сжатые губы обмякли, задрожали. Рука соскользнула с сандаловой рукоятки револьвера. Грудь заходила толчками — раз... другой... третий. Рот приоткрылся. Нетвердо ступая, Эдди пошел на Роланда, и все отчаяние, весь ужас молодого человека излились в одном стонущем вопле:

— Да, я *боюсь*, ты, м*дила дубовый! *Боюсь!* Не доходит? Роланд, *мне страшно!*

Ноги Эдди заплелись. Юноша повалился вперед. Роланд подхватил его и придержал подле себя. От Эдди пахло потом и грязью, слезами и ужасом.

На миг задержав Эдди в своих объятиях, стрелок развернул его к Сюзанне. Бессильно свесив голову, Эдди рухнул на колени возле ее кресла. Сюзанна положила руку юноше на затылок, притиснула его голову к своему бедру и с горечью сказала Роланду: «Иногда, белый масса, я тебя ненавижу».

Роланд приложил запястья ко лбу; с силой надавил.

— Порой я сам себя ненавижу.

— Но это тебя никогда не останавливает, не так ли?

Роланд не ответил. Он смотрел на Эдди — неподвижен, плотно сомкнутые веки, щека покоится на бедре Сюзанны. Олицетворение страдания. Роланд пересилил засасывающую мучительную усталость, рождавшую невольное желание прервать сию прелестную беседу с тем, чтобы завершить ее в другой раз. Коль скоро Эдди не ошибается, никакого другого раза *не будет*. Джейк вот-вот сделает решающий ход. Эдди же избран помочь мальчику прийти в этот мир, и, если он еще не готов стать повитухой, Джейк в миг своего вступления в новую жизнь непременно погибнет, как неминуемо обречен задохнуться младенец, если с началом схваток пуповина обовьет ему шею.

— Встань, Эдди.

На миг стрелку почудилось, что Эдди никогда не поднимется, что он и дальше будет сидеть на земле, пряча лицо в бабьей юбке. Если так, все пропало... но и это было *ка*. Потом Эдди медленно встал. Пусть плохо (он стоял весь поникший: ссутуленные плечи, безвольно повисшие руки, понуренная голова, волосы занавесили лицо), но все-таки встал. Почин был сделан.

— Посмотри на меня.

Сюзанна беспокойно пошевелилась, но промолчала.

Эдди медленно поднял голову и дрожащей рукой убрал волосы с глаз.

— Вот, возьми. Я совершил ошибку. Не следовало брать его, как бы сильно я ни страдал. — Роланд стиснул в кулаке кожаный шнурок и рванул так, что тот лопнул. Стрелок протянул Эдди ключ. Эдди потянулся к нему, будто во сне, но Роланд не спешил разжимать пальцы. — Ты берешься сделать то, что надобно сделать?

— Да. — Он говорил едва слышно.

— Тебе нечего мне сказать?

— Извини, что трушу. — В голосе Эдди было что-то жуткое; что-то, больно ранившее Роланду сердце. Стрелку казалось, он знает, что: здесь, в окружении их троих, в муках испускали дух последние остатки детства Эдди. Их нельзя было увидеть, но Роланду слышались жалобные слабеющие крики. Он постарался замкнуть для них свой слух.

«Еще одно, что сделано мною во имя Башни. Мой счет неустанно растет, точно давнишний счет забулдыги в пивной; все ближе день, когда придется подбить сумму долга. Как я стану расплачиваться?»

— Я не хочу извинений, и уж менее всего — извинений за твой страх, — ответил он. — Что были б мы без страха? Бешеные псы с пеною на мордах, с засыхающим на поджилках дерьмом.

— Чего ж ты тогда хочешь? — крикнул Эдди. — Все остальное ты уже забрал — все, что у меня было, подчистую! Да нет, даже больше — я ведь все ж таки извинился! *Дак какого дьявола тебе еще от меня надо?*

Роланд сжимал в кулаке ключ, их половинку спасения Джейка Чэмберса, и молча глядел Эдди в глаза. Зеленую ширь равнины, сизый речной плес заливало солнце; вызолоченные угасающим летним днем просторы огласил далекий вороний крик.

Чуть погода во взгляде Эдди Дийна забрезжило понимание.

Роланд кивнул.

— Я забыл лик... — Эдди примолк. Опустил голову. Сглотнул. Снова посмотрел на стрелка. Роланд понял: то, что умирало при них на этом клочке земли, наконец испустило дух. Вот так. Здесь, на солнечном, открытом всем ветрам гребне холма, где обрывалось все и вся, оно исчезло навсегда. — Я забыл лик своего отца, стрелок... и молю о прощении.

Роланд разжал кулак и вернул невеликое бремя ключа тому, кому ка назначило нести его.

— Не говори таких речей, стрелок, — сказал он Высоким Слогом. — Отец твой видит тебя преотлично... любит тебя преизрядно... равно и я.

Эдди стиснул ключ в руке и отвернулся; на лице молодого человека досыхали слезы.

— Пошли, — выдавил он, и путники двинулись вниз по склону продолговатого холма к раскинувшейся у подножия равнине.

Джейк медленно шагал по Касл-авеню мимо пиццерий, баров и винных погребков, где старухи с недоверчивыми лицами помещивали картошку и мяли помидоры. Лямки ранца натерли кожу под мышками, ноги болели. Он прошел под цифровым термометром; табло извещало: двадцать девять с половиной градусов. Джейку казалось, что все сорок.

Впереди из-за угла вывернула полицейская машина. Джейк тотчас крайне заинтересовался садовым инвентарем, выставленным в витрине хозяйственного магазина. Он проводил внимательным взглядом промелькнувшее в стекле черно-белое отражение и сдвинулся с места только тогда, когда оно исчезло.

«Эй, Джейк, дружок, а куда ты, собственно, идешь?»

Если бы знать! Джейк был совершенно уверен, что мальчик, которого он разыскивает, — мальчик в зеленой косынке и желтой футболке с надписью «В МЕЖЗЕМЕЛЬЕ НЕ СОСКУЧИШЬСЯ» — где-то рядом... Ну и что? Парнишка все равно оставался для него иголкой в стог сена под названием Бруклин.

Джейк шел по переулку, тонувшему в пестрой неразберихе надписей и рисунков, сделанных красками-аэрозолями. В основном это были имена — «ЭЛЬ-ТЬЯНТЕ-91», «МОЛНИЯ ГОНСАЛЕС», «МАЙК-ГРУЗОВИК» — но местами попадались словечки и девизы, оброненные для людей понимающих. Две такие надписи приковали к себе взгляд Джейка.

«РОЗА ЕСТЬ РОЗА ЕСТЬ РОЗА»

было выведено на кирпичной стене краской, поблекшей под дождями и ветрами до тускло-розового оттенка, того самого, что и роза на пустыре, где прежде стояли «Деликатесы от Тома и Джерри». Пониже темно-синим, почти черным, кто-то написал следующую странную вещь:

«МОЛЮ О ПРОЩЕНИИ».

Что бы это значило? Джейк не знал — может быть, что-то из Библии? — но слова завораживали, не давали двинуться с места, словно взгляд змеи, который, как принято считать, гипнотизирует птиц. Наконец мальчик медленно двинулся дальше, погруженный в свои мысли. Время подходило к половине третьего; тени уже начинали расти.

Впереди, буквально в двух шагах, Джейк заметил старика — опираясь на узловатую трость, тот медленно брел по улице, стараясь держаться в тени. За толстыми стеклами очков, будто пара непомерно крупных куриных яиц, плавали карие глаза.

— Молю о прощении, сэр, — выпалил Джейк — бездумно и в общем-то не слыша себя.

Старик повернулся к нему, удивленно и испуганно моргая.

— Ухоти, мальшик, — он неуклюже погрозил Джейку палкой.

— Вы случайно не знаете, сэр, нет ли здесь где-нибудь поблизости места под названием «Академия Марки»? — Это было полнейшее безумие, но ничего другого Джейк придумать не сумел.

Услышав «сэр», старик медленно опустил палку и посмотрел на Джейку с не вполне здоровым интересом маразматика.

— Што ты не ф школе, мальшик?

Джейк устало улыбнулся. У этой хохмы начинала отрастать длиннющая борода.

— Последняя неделя, экзамены. Приехал поискать старого приятеля, он ходит в «Академию Марки», вот и все. Извините, что побеспокоил.

Он обошел старика (надеясь, что дед не надумает разок огреть его палкой по мягкому месту — так, на счастье) и успел спуститься по переулку почти до угла, как вдруг старик завопил: «Мальшик! Мальши-и-и-к!»

Джейк обернулся.

— «Акатемий Марки» тут нет, — сказал старик. — Я прошивай стесь уже тватцать тва гот — я пы снал. Марки-авеню — та, есть. «Акатемий Марки» — нет, нет.

Джейк внезапно так разволновался, что у него схватило живот, и сделал шаг назад, к старику. Тот сейчас же замахнулся тростью, заняв оборонительную позицию. Джейк немедленно остановился, оставив между собой и стариком двадцатифутовую зону безопасности.

— А Марки-авеню — это где, сэр? Не подскажите?

— Само *сопой*, — пропыхтел старик. — Расве не скасал я только што: я прошивай стесь тватцать тва гот? Тва квартал тальше. У кино «Машестик» сфернуть лево. Но говорю тепе, мальшик, никакой «Акатемий Марки» тут нет!

— Спасибо, сэр! Спасибо!

Джейк повернулся и окинул взглядом Касл-авеню. Да — впереди, несколькими кварталами дальше, просматривались несомненные очертания нависающей над тротуаром маркизы¹ кинотеатра. Мальчик бегом сорвался с места, потом решил, что может привлечь к себе внимание, и перешел на быстрый шаг.

Старик смотрел ему вслед.

— *Сэр!* — сказал он себе тоном легкого изумления. — Нато ше, *сэр!*

Скрипуче хихикнув, он потащился дальше.

В сумерках отряд Роланда остановился. Стрелок выкопал неглубокую ямку и набросал в нее веток для костра. Путники не нуждались

¹ Маркиза — большой матерчатый навес над витриной.

в огне для приготовления пищи, и все же костер был нужен. Нужен Эдди. Если юноша собирался закончить ключ, без света было не обойтись.

Оглядевшись, стрелок увидел Сюзанну — темный силуэт на фоне тускнеющего аквамарины неба. Эдди видно не было.

— Где он? — спросил стрелок.

— Где-то на дороге. Не трогай его сейчас, Роланд. Хватит уже.

Роланд кивнул, нагнулся над ямкой и ударил куском кремня по истертому стальному бруску. Вскоре собранный им хворост ярко запылал. Подбросив в огонь одну за другой несколько небольших палочек, стрелок принялся ждать возвращения Эдди.

18

Эдди с незаконченным ключом в руке сидел по-турецки посреди Великой Дороги, в полумиле от бивака, и смотрел в небо. Окинув быстрым взглядом тракт, молодой человек заметил впереди искру костра и понял, что именно делает Роланд... и почему. Эдди вновь уставился на небо. Он никогда еще не чувствовал себя таким одиноким и таким испуганным.

Небо было огромно — Эдди, сколько себя помнил, ни разу не видел столько ничем не прерываемого пространства, столько первозданной пустоты. Перед ней он невольно чувствовал себя ничтожным, но не усматривал в том и грана несправедливости — он действительно был пылинкой в мироздании.

Мальчик был уже близко. Эдди подумал, что знает, где Джейк и что он собирается сделать, и эта мысль наполнила его тихим изумлением. Сюзанна попала сюда из шестьдесят третьего года. Сам он — из восемьдесят седьмого. Между ними... Джейк. Пытающийся пробиться. Пытающийся родиться.

«Я его знаю, видел, — думал Эдди. — Должен был... кажись, что-то такое я припоминаю. Прямо перед тем, как Генри загремел в армию... да? Генри тогда учился в бруклинской ремеслухе и ходил весь в черном — черные джинсы, черные высокие ботинки со стальными носами, черные футболки с закатанными рукавами. И смолит «Эриа Шик». Джеймс Дин самопальный. Но это я думал, а вслух — ни-ни, молчал в тряпочку. Не хотел, чтоб братан на меня влезлся».

Эдди понял: покуда он предавался раздумьям, произошло то, чего он ждал, — взошла Древняя Звезда. Какие-нибудь четверть часа, и вокруг нее засверкают все сокровища чужого неба, но сейчас она блистала в прозрачной мгле одна.

Молодой человек стал медленно поднимать зажатый в руке ключ и, когда Древняя Звезда засияла в широком центральном углублении бородки, заговорил нараспев, декламируя старинную формулу своего мира, которой учила его мать, когда, сидя на полу под окном

спальни, они вместе любовались вечерней звездой, парившей в темнеющих высях над крышами и пожарными лестницами Бруклина:

*— Звездочка светлая, звездочка ясная
В небе сверкает, такая прекрасная.
Первую звездочку, что разгляжу,
Исполнить желание мое попрошу.
Звездочка, звездочка, ярко гори,
Чудо, волшебница, мне сотвори.*

В бородке ключа алмазом, оправленным в ясень, горела Древняя Звезда.

— Помоги мне собраться с духом, — попросил Эдди. — Вот мое желание. Помоги мне набраться храбрости и попробовать довести до ума эту хреновину, чтоб ее.

Юноша еще секунду посидел на земле, затем поднялся и побрел в лагерь. Устроившись как можно ближе к костру, он достал нож стрелка и молча принялся за работу. S-образная закорючка, которой оканчивалась бородка ключа, закудрявилась крохотными завитками стружки. Эдди работал быстро, поворачивая ключ то так, то сяк, по временам закрывая глаза и оглаживая большим пальцем деликатные изгибы. О том, что может случиться, если он загубит ключ, юноша старался не думать: размышления на эту тему совершенно точно парализовали бы его.

Роланд и Сюзанна сидели у него за спиной и в молчании наблюдали. Наконец Эдди отложил нож. По лицу молодого человека струился пот.

— Пацан-то твой, — сказал Эдди, — Джейк этот. Отчаянный, видать.

— Под горами он держался храбро, — ответил Роланд. — Ему было страшно, но он не отступил ни на дюйм.

— Мне бы так.

Роланд пожал плечами.

— Ты славно дрался у Балазара, хотя у тебя забрали одежду. Мужчине очень трудно вести бой нагишом, однако ты не сдался.

Эдди попытался припомнить перестрелку в ночном клубе, но память подсовывала что-то размытое, смутное — дым, шум, хаос лучей ярчайшего света, пробивающегося сквозь стену. Ему казалось, что эту стену разорвал автоматный огонь, но точно вспомнить не удавалось.

Он поднял ключ так, чтобы все зубцы бородки четко обрисовались на фоне пламени, и долго смотрел на него, главным образом, на s-образную закорючку. С виду она была именно такая, какой запомнилась Эдди по его сну и какой на миг явилась ему в огне... но что-то в ней чудилось не то. Некий неуловимый изъян.

«Да ладно, это опять Генри. И те годы, когда ты вечно оказывался недостаточно хорош. Все ты сделал, чувачок. Сделал, как надо. Просто тот Генри, что сидит в тебе, не желает это признать».

Эдди бросил ключ на лоскут шкуры и бережно запеленал, заворачивая края квадрата внутрь.

— Готово. Не знаю, нормально вышло или нет, но лучше, наверное, не получится. — Теперь, когда больше не нужно было работать над ключом, он чувствовал странную опустошенность: ни цели, ни курса.

— Есть хочешь, Эдди? — спокойно спросила Сюзанна.

«Вот она, твоя цель, — подумал Эдди. — Вот он, твой курс. Вот он сидит, лапки на коленочках. Все цели и курсы, какие у тебя когда-нибудь бу...»

Ни с того ни с сего в памяти у него всплыло что-то еще. Не сон... не видение...

«Нет, ни то ни другое. Из жизни. Опять пошло-поехало — воспоминания о будущем».

— Сперва надо сделать еще кое-что, — сказал он и поднялся.

За костром Роланд сложил невостребованный валежник. Перерыв всю охапку, Эдди нашел сухую палку около двух футов длиной и примерно дюймов четырех в поперечнике. Вернувшись с ней на свое место у огня, он снова взялся за нож. В этот раз работа шла быстрее — Эдди попросту заострял палку, превращая ее в некое подобие колышка для палатки.

— Слушай, мы можем сняться с места до рассвета? — спросил он стрелка. — Думаю, мы должны добраться до той твоей круговины как можно скорее.

— Да, можем. Можем и раньше, если нужно. Не хочется идти в потемках: ночью вещуньины круговины небезопасны; но, коли в том есть нужда, придется.

— Судя по твоей физиономии, красавец, сомнительно, что в этих каменных кольцах хоть *когда-нибудь* бывает безопасно, — заметила Сюзанна.

Эдди снова отложил нож. У его правой ноги горкой лежал дерн, вынутый Роландом из неглубокой ямы, вырытой для костра. Острым концом палки Эдди прочертил в мягкой сырой земле знак вопроса. Контур вышел четким и ясным.

— Ладненько, — сказал Эдди, стирая рисунок. — Все.

— Давай-ка тогда поешь, — тут же сказала Сюзанна.

Эдди попытался, но есть хотелось не слишком. Когда к молодому человеку, уютно примостившемуся под теплым боком Сюзанны, наконец пришел сон, видений он не принес, однако не был ни крепким, ни глубоким. До четырех утра, пока стрелок не растолкал его, Эдди слушал нескончаемый посвист ветра, мчащего над равниной вниз, и юноше чудилось, будто и он уносится вместе с ветром, летит в ночной вышине прочь от забот и тревог; меж тем Древняя Звезда и Праматерь безмятежно плывут над ним, расцвечивая его щеки морозными узорами.

— Пора, — сказал Роланд.

Эдди сел. Рядом, протирая глаза, села Сюзанна. Едва в голове у Эдди прояснилось, его охватило нетерпение.

— Да. Пошли, в темпе.

— Он приближается, да?

— Он уже совсем рядом. — Эдди поднялся на ноги, крепко обхватил Сюзанну за талию, поднял и посадил в кресло.

Она обеспокоенно смотрела на него.

— Нам еще хватит времени добраться туда?

Эдди кивнул.

— В обрез.

Три минуты спустя они вновь были на Великой Дороге. Она призрачно мерцала впереди. Еще через час, когда небо на востоке окрасил первый свет зари, вдалеке возник ритмичный стук.

«Барабаны», — подумал Роланд.

«Машины», — подумал Эдди. — Какой-то огромный механизм».

«Это сердце, — подумала Сюзанна. — Огромное, живое, больное сердце... И бьется оно в том городе, куда мы идем».

Стук прекратился через два часа — так же внезапно, как начался. Небо заполнили безликие белесые тучи; солнце подернулось легкой дымкой, а потом и вовсе исчезло за облачной завесой. До вертикально поставленных камней, тускло отблескивавших в ровном рассеянном свете, подобно клыкам поверженного чудовища, оставалось менее пяти миль.

«ИТАЛЬЯНСКАЯ НЕДЕЛЯ В МАЖЕСТИК! — уныло возвещало с навеса над входом в кинотеатр на углу Бруклин — и Марки-авеню обтрепанное полотнище. — ДВА КЛАССИЧЕСКИХ ВЕСТЕРНА СЕРДЖИО ЛЕОНЕ! «ЗА ПРИГОРШНЮ ДОЛЛАРОВ» ПЛЮС «ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, ЗЛОЙ»! ВСЕ СЕАНСЫ — 99 ЦЕНТОВ!»

В кассе сидела смазливая блондиночка в бигуди. Жуя резинку, она читала одну из тех бульварных газетенок, которые так любила миссис Шоу. Рядом гремел транзистор — «Лед Зеп». Слева от кассы, в последней уцелевшей витрине, висела афиша с Клинтом Иствудом.

Джейк знал, что нужно идти, — было почти три часа, — и все равно на миг задержался, засмотревшись на афишу за грязным треснутым стеклом. На Иствуде было мексиканское серапе. В зубах зажата сигара. Один край серапе Иствуд перекинул через плечо, чтобы освободить револьвер. Глаза у Иствуда были бледно-голубые, выцветшие. Глаза снайпера.

«Не он, — подумал Джейк, — но очень похож. Главное, глаза... глаза почти такие же».

— Ты позволил, чтобы я сорвался в пропасть, — сказал он человеку со старой афиши — не Роланду, другому. — Допустил, чтобы я погиб. Что будет в этот раз?

— Эй, мальчик, — окликнула его белокурая кассирша, и Джейк испуганно вздрогнул. — Ты как, будешь стоять и сам с собой общаться или все-таки зайдешь?

— Я пас, — поспешно отказался Джейк. — Эти два я уже видел. И двинулся дальше.

Свернув налево, на Марки-авеню, мальчик опять подождал, не охватит ли его ощущение, что он *вспоминает еще не случившееся*, но тщетно. Ничего особенного в Марки-авеню не было: накаленная солнцем улица, вдоль которой выстроились многоэтажки из сероватого песчаника (похожие, с точки зрения Джейка, на тюремные блоки); нестройно гомонящая стайка молодых мамаш толкает коляски, разбившись на парочки, — и больше ни души. Май выдался не по-весеннему жаркий — чересчур жаркий для пешеходных прогулок.

«Что я иду? Что?»

Позади хрипло загоготал юношеский басок. Следом негодующий женский голос взвизгнул: «А ну, *отдай!*»

Джейк дернулся, решив, что обладательница голоса, должно быть, имеет в виду его.

— Генри, *отдай!* Я серьезно!

Джейк обернулся и увидел двоих ребят. Одному было самое малое лет восемнадцать, другому — намного меньше... лет двенадцать-тринадцать. При виде второго мальчика сердце Джейка закрутило в груди что-то вроде мертвой петли: вместо коротких штанов в полоску на парнишке были зеленые вельветовые брюки, но желтая футболка осталась та же, а под мышкой он нес старый, побитый баскетбольный мяч. Хотя паренек стоял к Джейку спиной, Джейк понял, что нашел мальчика из своего вчерашнего сна.

21

Визжала симпатяшка из билетной кассы, та, что жевала резинку. Девчонка пыталась выхватить свою газету у старшего из ребят, с виду уже почти взрослого дяди. Похититель — на нем были джинсы и черная футболка с закатанными рукавами — держал газету над головой и радостно скалился:

— А ты подпрыгни, Мэриэнн! Прыгай, девочка, прыгай!

Девчонка уперлась в него злыми глазами и вспыхнула.

— Дай сюда! — велела она. — Кончай валять дурака, отдай газету! *Сволочь!*

— Во, слышал, Эдди? — огорчился старший. — Выражаицца! Бяка, бяка! — Он с ухмылочкой помахал газетой — так, чтобы белокурая кассирша лишь самое чуть-чуть не могла до нее дотянуться, — и Джейка вдруг осенило. Эти двое вместе возвращались с занятий (хотя

вряд ли учились в одной школе, если он правильно определил разницу в возрасте), и тот, что постарше, завернул к кассе, притворившись, будто хочет сказать блондиночке что-то интересное. Потом он просунул руку в щель под окошком и — цап! — стащил газету.

Такие лица, как у этого переростка, Джейку случалось видеть и раньше. Такие физиономии бывают у тех, кто считает верхом веселья облить кошке хвост бензином или скормить голодной собаке хлебный катыш с рыболовным крючком в середине. У тех, кто сидит в классе на «камчатке» и дергает девчонок за бретельки лифчиков, а когда кто-нибудь наконец пожалуется, изумляется, прикинувшись дурачком: «Кто, я?» В школе «Пайпер» ребят подобного склада было немного, но они были; Джейк полагал, что горстка таких удалыцов отыщется в любой школе. Пайперовские одевались получше, но лица были те же. В старину о мальчишке с таким лицом, вероятно, сказали бы «висельник».

Мэриэнн подпрыгнула, силясь достать газету, которую переросток в черных штанах свернул в трубку, но ухватить ее не успела; в последний момент парень отдернул руку и шлепнул Мэриэнн газетой по макушке, точно собаку, напустившую лужу на ковер. На глазах у Мэриэнн показались слезы — главным образом, полагал Джейк, от унижения. Она страшно покраснела — хоть спички от щек зажигай — и заорала:

— Ну и подавись! Читать не умеешь, я знаю, так хоть картинки посмотришь!

И развернулась, чтобы уйти.

— Отдай, ну чего ты, — тихонько сказал младший мальчик. Мальчик Джейка.

Переросток протянул Мэриэнн свернутую трубкой газету. Девушка схватила ее, дернула к себе, и даже со своего места, с расстояния в тридцать футов, Джейк услышал треск рвущейся бумаги.

— Говно ты, Генри Дийн! — выкрикнула она. — Самое настоящее говно!

— Ох-ох-ох, большое дело! — Генри казался искренне обиженным. — Уже и пошутить нельзя! И потом, ну, порвалась твоя газета, так ведь всего в одном месте, Гос-споди помилуй, читать-то можно. Выше нос, чего скисла?

Тоже в цвет, сказал себе Джейк. Хмыри вроде этого Генри даже самую несмешную хохму пихали на два шага дальше, чем нужно... а потом, когда кто-нибудь орал на них, оскорблялись: их, мол, не так поняли. И всегда это было «а чего, чего?», и «шуток, что ль, не понимаешь?», и «выше нос, чего скисла?»

«На кой он тебе сдался, парень? — подивился он. — Если ты на моей стороне, на кой тебе сдался этот урод?»

Но, когда мальчик развернулся и они с Генри опять зашагали по улице, Джейк получил ответ на свой вопрос. Черты лица у старшего из ребят были крупнее, тяжелее, щеки нещадно изрыты угрями, но в остальном сходство оказывалось разительным. Мальчики были братьями.

Джейк отвернулся и неторопливо двинулся по тротуару впереди них. Трясущейся рукой он залез в нагрудный карман, вытащил отцовские солнечные очки и исхитрился водрузить их на нос.

Сзади, словно кто-то постепенно поворачивал верньер радиоприемника, все громче раздавались голоса.

— Зря ты так, Генри. Запало было так над ней стебаться.

— Ей в кайф, Эдди. — Голос Генри: самодовольный голос человека бывалого и искушенного. — Подрастешь — поймешь.

— Она же плакала.

— Небось, менструха, — философски заметил Генри.

Они были теперь очень близко. Опустив голову и глубоко затолкав руки в карманы, Джейк отступил к стене здания. Почему-то (он не знал, почему) страшно важным казалось не дать себя заметить. Не Генри; Генри с любой точки зрения пустое место; не Генри, а...

«Младший не должен меня вспомнить, — скользнула у него в голове мысль. — Почему — толком не знаю, только не должен».

Ребята миновали Джейка, даже не взглянув на него; тот, к кому Генри обращался «Эдди», шел с краю и быстрыми шлепками ладони вел мяч по мостовой, вдоль бровки тротуара.

— А скажи, смотрелась она потешно, — говорил Генри. — Обхохочешься! Принцесса Мэриэнн скачет за газетой. Гав! Гав!

Эдди глянул вверх, на брата, с выражением, задуманным как укор... но тут же сдался и залился смехом. В запрокинутом лице парнишки светилась такая абсолютная, безоговорочная любовь, что Джейк догадался: Эдди еще многое простит старшему брату, прежде чем бросить это безнадежное дело.

— Ну как, идем? — спросил Эдди. — Ты говорил, после школы можно.

— Я сказал, *может быть*. Не знаю, чего-то неохота тащиться пехом в такую даль. И мать, небось, уже пришла. Может, фиг с ним? Айда домой, ящик посмотрим.

Мальчики уже отошли от Джейка на десяток футов и удалялись.

— Да ладно тебе! Ты ведь *обещал*!

К зданию, мимо которого сейчас проходили мальчики, примыкала ограда из металлической сетки. Ворота были открыты. За оградой Джейк увидел спортивную площадку, приснившуюся ему накануне... или, во всяком случае, некий ее вариант. Ее не обступали со всех сторон деревья, да и никакой палатки, раскрашенной по фасаду косыми желтыми и черными полосами, там не было, но Джейк узнал и растрескавшийся бетон, и линялую желтизну затертых штрафных линий.

— Ну... может быть. Не знаю. — Джейк понял, что Генри снова куражится. Эдди, однако, это в голову не приходило — слишком уж он рвался попасть в то неведомое Джейку место, о котором шла

речь. — Надо подумать. А пока я буду думать, давай постукаем в баскет.

Неожиданно выхватив мяч у младшего брата, Генри неуклюже повел его по площадке и вышел на бросок; мяч попал в верхнюю часть деревянного щита и отскочил, даже не коснувшись края корзины. «Это тебе не газеты у девочек таскать, козел», — злорадно подумал Джейк.

Эдди зашел в ворота, расстегнул и спустил штаны. Под зеленым вельветом оказались те самые лямые полосатые шорты, в которых он снился Джейку.

— Никак, мы в колотеньких станицах? — тотчас противно заворковал Генри. — У-ти, какие у нас станицы *холе-есенькие!* — Дождавшись, чтобы братишка, стоя на одной ноге и с трудом сохраняя равновесие, начал стаскивать свои вельветы, он запустил в него мячом. Эдди исхитрился отбить мяч (чем, вероятно, спас себя от расквашенного носа), но при этом потерял равновесие и неуклюже шлепнулся на бетон. Он чудом не порезался: вдоль сетки, отделявшей площадку от тротуара, сверкали на солнце целые россыпи битого стекла.

— Ладно, Генри, кончай, — выговорил он, впрочем, без истинного упрека. Должно быть, догадался Джейк, Генри осыпал брата мелкими пакостями так давно, что тот замечал их только тогда, когда жертвой становился кто-нибудь другой — кто-нибудь вроде белобрысой касирши.

— Лядно, Генли, каньсяй.

Эдди поднялся на ноги и выбежал на площадку. Генри тотчас попытался провести мяч (отбитый Эдди при падении, он ударился в сетку ограды и рикошетом вернулся к Генри) мимо братишки. Молниеносным, но странно изящным движением кисти Эдди мяч отобрал. Без труда пронырнув под вытянутой вперед и отчаянно трепыхающейся рукой старшего брата, парнишка устремился к корзине. Насупившийся, мрачный Генри повис у него на хвосте, но рядом с Эдди он казался сонной мухой. Эдди подпрыгнул — колени согнуты, носки красиво оттянуты — и положил мяч в корзину. Генри подхватил его и повел к центру поля.

«Не надо было тебе этого делать, Эдди», — сказал про себя Джейк. Он следил за мальчиками с того места, где заканчивалась ограда. Занятая им позиция (по крайней мере, в данную минуту) казалась вполне безопасной — верхнюю часть лица Джейка прикрывали отцовские темные очки, а оба мальчика были до такой степени увлечены своим занятием, что не заметили бы и президента Картера, подойди тот посмотреть. Джейк вообще сомневался, знает ли Генри, кто такой президент Картер.

Он ожидал, что Генри отыграется на братишке за отнятый мяч — и, возможно, жестоко, — но он недооценил хитрость Эдди. Генри сделал обманное движение головой, которое не сбило бы с толку даже мать Джейка, но Эдди как будто бы купился. Прорвавшись мимо него, Генри радостно ринулся к корзине. Джейк не сомневался, что Эдди

мог бы играючи догнать брата и вновь отнять мяч, который Генри почти все время вел по земле, но вместо этого парнишка приотстал и держался сзади. Генри неуклюже бросил, и мяч опять отскочил от кольца. Эдди поймал его... и очень ловко не сумел удержать. Мяч проскочил у Эдди между пальцев, Генри подхватил его, развернулся, и мяч наконец прошел в обруч без сетки.

— Очко, — пропыхтел Генри. — Играем до двенадцати?

— Угу.

Джейк увидел достаточно. Игра будет напряженной, но в конце концов победу одержит Генри. Эдди об этом позаботится. Это не просто спасет его от синяков и шишек; это приведет Генри в хорошее настроение, и его проще будет уговорить на то, чего так хотелось Эдди.

«Эй, Лось, — по-моему, твой младший братишка уже давно вертит тобой как хочет, а тебе и невдомек, верно?»

Джейк стал потихоньку отступать и отступал до тех пор, пока жилой дом, примыкавший к площадке с северной стороны, не скрыл братьев Дийн от него, а его — от них. Прислонясь к стене, он прислушивался к глухим ударам мяча о бетон. Вскоре Генри запыхтел, как Чарли Чух-Чух, взбирающийся по крутому склону. Не иначе, курильщик; хмыри вроде Генри всегда курят.

Игра длилась почти десять минут, и к тому времени, как Генри объявил о своей победе, улицу заполнили и другие ребята, возвращавшиеся домой из школы. Кое-кто с любопытством поглядывал на Джейка.

— Классно сыграли, Генри, — сказал Эдди.

— Ничего себе, — тяжело пропыхтел Генри. — А ты все клюешь на старые приемчики.

«Ясное дело, — мысленно прокомментировал Джейк. — И будет клевать — до тех пор, пока не прибавит фунтов этак восемьдесят. А тогда, пожалуй, жди сюрприза».

— Ага, наверно. Генри, а Генри, может, смогаемся посмотреть на тот дом? *Пожалуйста.*

— А почему нет? Давай прогуляемся.

— *Есть, капитан!* — оглушительно завопил Эдди. — Дай пять! — Послышался мягкий звонкий шлепок: видимо, Генри «дал пять».

— Топай наверх. Скажешь мамке, мы будем к полпятому. Или без четверти. Но про Особняк молчи как рыба об лед. Не то она говном изойдет. Она тоже думает, там есть привидения.

— Сказать, что мы пошли к Дьюи?

Молчание. Генри обдумывал предложенный вариант.

— Не-а. Она может позвонить миссис Банковски. Скажи... скажи, что мы погнали в магазин. В «Дейли». Она поверит. И попроси пару долларов.

— Она ни цента не даст. За два-то дня до получки?

— Херня. Поклянчишь — даст. Ну, топай. Одна нога здесь, другая там.

— Ладно. — Но шагов Эдди Джейк не услышал. — Генри...

Нетерпеливое «чего?»

— В Особняке правда есть привидения, как ты думаешь?

Джейк бочком подобрался поближе к спортплощадке. Попастся ребятам на глаза ему не хотелось, но, остро ощущая необходимость услышать ответ, мальчик поступился осторожностью.

— Не-а. Дома с привидениями в кино бывают, египетская сила, а по жизни — ни хрена.

— А, — в голосе Эдди прозвучало несомненное облегчение.

— Но уж если такой дом когда и был на свете, — продолжал Генри («чтобы младшему братцу не слишком легко дышалось, что ли?» — подумал Джейк), — так это Особняк. Я слышал, пару лет назад пацан с пацанкой с Норвуд-стрит поперлись туда перепихнуться, а потом их фараоны нашли — горло у обоих почикано, и вся кровянка из трупов вытекла. Только ни на трупешниках, ни вокруг никакой крови не нашли. Дошло? Вся кровь *пропала*.

— Небось, заливаешь? — выдохнул Эдди.

— Не-а. Но самое паршивое было не это.

— А что?

— Волосы у их напрочь поседели, — ответил Генри. Голос, долетавший к Джейку, звучал мрачно. Мальчику пришло в голову, что на сей раз Генри не поддразнивает брата и сам верит каждому своему слову. (К тому же Джейк сомневался, что у Генри хватило бы ума сочинить такую историю.) — У обоих. А глаза были широко открытые и вытаращенные, как будто они такую жуть увидели, что страшней не бывает.

— Да ладно врать-то, — сказал Эдди, но говорил он тихо, испуганно.

— Еще не расхотел идти?

— Не-е, ты чего! Если не надо будет... ну... подходить слишком близко, понимаешь?

— Тогда дуй к мамке. Постарайся выцыганить пару долларов. Курить охота. А заодно мяч этот драный домой снеси.

Джейк медленно попятился и шагнул в ближайший подъезд в ту самую минуту, когда Эдди показался из ворот спортплощадки.

К ужасу Джейка, парнишка в желтой футболке направился в его сторону. «Мамочки мои! — всполошившись, подумал мальчик. — А вдруг это его дом?»

Джейк не ошибся. Едва он успел отвернуться и приступить к пристальному изучению фамилий подле шеренги звонков, как мимо, так близко, что Джейк ощутил запах пота, наработанного парнишкой на баскетбольной площадке, прошел Эдди Дийн. Джейк наполовину почувствовал, наполовину увидел любопытный взгляд, брошенный мальчиком в его сторону. В следующую секунду Эдди со скомканными школьными штанами под одной мышкой и побитым мячом под другой очутился в вестибюле и направился к лифтам.

Сердце Джейка тяжело бухало в груди. Тайком следить за людьми в реальной жизни оказалось гораздо труднее, чем в детективах, которые он иногда читал. Джейк перешел улицу и остановился в половине квартала от дома Дийнов, между двумя жилыми многоэтажками. Оттуда просматривались и подъезд дома братьев Дийн, и спортивная площадка. Площадка постепенно заполнялась детьми, в основном малышней. Генри, привалясь к металлической сетке, дымил сигаретой и старался казаться полным тревожного страха и тоски, свойственных подросткам. По временам, завидев, что какой-нибудь малыш во всю прыть мчится в его сторону, Генри выставлял ногу и до возвращения Эдди успешно подсек троих. Третий и последний во весь рост растянулся на бетоне, в кровь расшиб лоб и с ревом кинулся по улице наутек.

«Ну просто массовик-затейник», — подумал Джейк.

После этого ребятишки поуменьли и стали обходить Генри стороной. Генри вразвалочку покинул площадку и неторопливо двинулся в сторону многоэтажки, куда пятью минутами раньше зашел Эдди. Он был уже у самого дома, когда дверь открылась и появился Эдди. Он переоделся в джинсы и свежую футболку, а вокруг лба повязал зеленую косынку, ту самую, что была на нем в сне Джейка. Парнишка торжественно помахивал парой долларовых банкнот. Генри выхватил у него деньги, потом что-то спросил. Эдди кивнул, и мальчишки тронулись в путь.

Держась в половине квартала позади, Джейк пошел следом.

23

Они стояли в высокой траве у края Великой Дороги и глядели на вещуньюну круговину.

«Стоунхендж, — подумала Сюзанна и вздрогнула. — Вот на что это похоже. На Стоунхендж».

Хотя вокруг подножий высоких серых монолитов и росла густая и жесткая равнинная трава, внутри хоровода камней была голая земля, на которой местами что-то белело.

— Что это там? — негромко спросила Сюзанна. — Щебенка?

— Приглядишься, — ответил Роланд.

Она послушно пригляделась и увидела, что это кости. Косточки мелких зверюшек? Сюзанна от души надеялась, что так.

Эдди переложил заостренную палку в левую руку, насухо вытер правую ладонь о рубашу и снова перехватил палку правой рукой. Он раскрыл рот, но пересохшее горло не исторгло ни звука. Откашлявшись, Эдди сделал еще одну попытку:

— По-моему, я должен зайти внутрь и что-то нарисовать на земле.

Роланд кивнул.

— Теперь?

— Скоро. — Эдди взглянул Роланду в лицо. — Тут что-то есть, верно? Что-то, чего нельзя увидеть.

— Сейчас — нет, — отозвался Роланд. — Так, во всяком случае, мне *кажется*. Однако хозяин еще пожалеет, привлеченный нашим *кеф* — нашей жизненной силой. И будет ревностно защищать свое жилище. Верни мне револьвер, Эдди.

Эдди расстегнул ремень и передал его стрелку. Потом опять повернулся к кольцу двадцатифутовых камней. Да, сомневаться не приходилось: в круговине обитала какая-то тварь. Эдди чуял ее — густой смрад, невольно приводивший на ум волглую штукатурку, плесневевшие диваны и гниющие в полужидкой оболочке плесени допотопные матрасы. Запах отчего-то казался знакомым.

«Особняк — вот откуда мне знаком этот запах. Так пахло на Райнхолд-стрит в тот день, когда я уломал Генри сводить меня на Голландский Холм, поглядеть на Особняк».

Роланд застегнул пряжку револьверного ремня и нагнулся завязать шнур. Возясь с узлами, стрелок исподлобья смотрел на Сюзанну.

— Нам может понадобиться Детта Уокер, — проронил он. — Она тут?

— Эта стерва всегда тут, — Сюзанна сморщила нос.

— Хорошо. Одному из нас предстоит защищать Эдди, покуда он станет делать то, что должен сделать. От второго же толку будет чрезвычайно мало. Ибо мы — в обители демона. Природа демонов отлична от человеческой, но тем не менее среди них встречаются и мужские, и женские особи. Похоть — и оружие их, и слабость. Кем бы ни оказался хозяин круговины, он обрушится на Эдди. Дабы охранить свое жилище. Не дать чужаку им воспользоваться. Понимаешь?

Сюзанна кивнула. Эдди, казалось, не слушал. Квадратик оленьей шкуры с завернутым в него ключом он сунул за пазуху и теперь неотрывно, как загипнотизированный, смотрел в вещунью круговину.

— Изъясняться деликатно или тонко времени нет, — продолжал, обращаясь к молодой женщине, Роланд. — Одному из нас...

— Одному из нас придется с ним бараться, чтоб не допустить его до Эдди, — перебила Сюзанна. — Такая тварь *ни в жисть* не откажется от халявного пистона. Ты ведь к этому ведешь?

Роланд кивнул.

Глаза молодой женщины блеснули. Теперь это были глаза Детты Уокер — умные, недобрые, сияющие жестоким весельем. Голос же все сильнее сбивался на поддельный тягучий говорок южных плантаций, который был визитной карточкой Детты.

— Ежели этот твой бес — девка, бери ее себе. А вот ежели парнишечка, он мой. По рукам?

Роланд утвердительно наклонил голову.

— А что, коли он может и так, и эдак? Как насчет *этого*, красавчик?

Губы Роланда дрогнули в слабейшем намеке на улыбку.

— Тогда мы примем его вместе. Но помни...

Эдди рядом с ними еле слышным замирающим голосом пробормотал: «Не всюду тишь в чертогах мертвецов. Чу! спящий пробуждается...» Затравленный, полный невыразимого ужаса взгляд юноши обратился на Роланда:

— Там какое-то чудище.

— Демон...

— Нет. Чудовище. Что-то между дверьми — между мирами. Что-то ждет в засаде. Стережет. *И сейчас оно открывает глаза.*

Сюзанна бросила на Роланда испуганный взгляд.

— Крепись, Эдди, — сказал Роланд. — Не подведи.

Эдди тяжело вздохнул.

— Буду стоять до последнего. Ну, я пошел. Ничего не поделаешь. Началось.

— Мы с тобой, — заявила Сюзанна. Прогнув спину, она выскользнула из инвалидного кресла. — Хоть черт, хоть дьявол — один хрен; приспичило меня вы*ть — получай, б**, высший коечный пилотаж. Я вашего беса так отсношаю — подыхать будет, не забудет.

Когда они прошли меж двух высоких камней и очутились в вешуньиной круговине, начал накрапывать дождь.

24

Едва завидев дом, Джейк понял две вещи: во-первых, он уже видел его — в снах столь страшных, что «дневное» сознание наотрез отказывалось вызывать их из памяти; во-вторых, дом этот — обитель смерти, убийства, безумия. Мальчик стоял на углу Райнхолд-стрит и Бруклин-авеню, семьдесятю ярдами дальше от Особняка, чем Генри и Эдди, но даже здесь он чувствовал, что, пренебрегая братьями Дийн, Особняк тянет к нему свои нетерпеливо-жадные невидимые лапы. Джейк подумал, что лапы эти заканчиваются кривыми птичьими когтями. И преострыми.

«Ему нужен я. Убежать я не могу. Войти туда — самоубийство, не войти — безумие. Ведь где-то в недрах этого дома есть запертая дверь. У меня ключ, который ее откроет, и единственное, на что я могу надеяться, единственное мое спасение — за этой дверью».

Джейк с замиранием сердца в упор разглядывал Особняк. Дом буквально кричал о своей аномальности, опухолью взбухая посреди заросшего буйными сорняками двора.

Одолев неторопливым шагом по послеполуденному солнцепеку девять бруклинских кварталов, братья Дийн вступили, наконец, в ту часть города, которая, судя по именам на вывесках больших и маленьких магазинов, несомненно, и носила название Голландский Холм. Сейчас они стояли посреди квартала, перед Особняком. Удивительное дело: дом, пустовавший, видимо, уже много лет, почти не

пострадал от рук вандалов. А ведь когда-то, подумал Джейк, это действительно был особняк, где со своими многочисленными чадами и домочадцами жил, допустим, какой-нибудь состоятельный негодянт. В те давно минувшие дни дом, должно быть, исправно белили, но теперь он был неопределенного грязно-серого цвета. Давно повишибали окна, размазевали аэрозольными красками облезлый штaketник — но сам Особняк стоял нетронутый.

Ветхий, полуразвалившийся, горбатый — не дом, а вернувшийся дух давно сгинувшего дома, — вырастал он из бугристой земли захламленного двора, залитого горячим светом, и Джейку ни с того ни с сего представился прикинувшийся спящим злобный и опасный пес. Крутая крыша Особняка нависала над покоробленными, занозистыми досками парадного крыльца, как нахупленные брови. На окнах без стекол (в некоторых, точно полосы омертвелой кожи, еще висели древние портьеры) — покосившиеся ставни, в прошлом зеленые. Слева от здания отставала не первой молодости деревянная решетка, которую ныне удерживали не гвозди, а стелющиеся по ней пышные плети безымянных и непонятно почему вызывающих омерзение вьющихся растений. Джейк заметил две таблички — одну на лужайке, другую на двери, но разобрать, что на них написано, со своего места не сумел.

Дом был живой. Джейк знал это, он чувствовал, что Особняк насторожился и внимательно следит за ним; эта настороженность дымком курилась над досками и горбатой крышей, потоками изливалась из черных оконных впадин. Мысль о том, чтобы приблизиться к этому жуткому месту, страшила; мысль о том, чтобы войти, наполняла мальчика невыразимым ужасом. Но деваться было некуда. Джейк расслышал басистое сонное жужжание — так гудит в жаркий летний день пчелиный улей — и на миг испытался обморока. Он закрыл глаза, и его голову заполнил тот голос.

«Ты должен прийти, Джейк. Ты вступил на тропу Луча, на путь Башни, в пору своего Извлечения; будь честен и прям, будь стоек и терпелив, приходи ко мне».

Страх не проходил, зато жуткое ощущение подступающей паники исчезло. Джейк вновь открыл глаза и увидел, что он — не единственный, кто чувствует энергетику и пробуждающееся сознание дома. Эдди явно хотелось отойти от забора; он повернулся в сторону Джейка, и тот разглядел под зеленой косынкой парнишки его глаза — большие и тревожные. Старший брат схватил Эдди и толкнул к заржавленной калитке, однако слишком уж вяло и неохотно для полноценной подначки; каким бы бестолковым и тупым ни был Генри, ему Особняк нравился не больше, чем Эдди.

Братья отошли подальше и некоторое время стояли, глядя на дом. Джейк не мог разобрать, о чем они говорят, но голоса звучали испуганно и тревожно. Джейк вдруг вспомнил, что сказал ему во сне Эдди: «Только помни: здесь опасно. Будь осторожен... и не зевай».

Внезапно настоящий Эдди — тот, что стоял через улицу, — повысил голос настолько, что Джейку удалось разобрать слова. «Может, хватит, пойдем домой, Генри? А? *Пожалуйста*. Мне тут не нравится». Тон был молящий.

— Нюня сраная, — фыркнул Генри, но Джейк подумал, что слышит в голосе Генри не только снисходительность, но и облегчение. — Хрен с тобой, айда.

Братья двинулись прочь от развалюхи, по-звериному сжавшейся в комок за покосившимся шатким забором, к мостовой. Джейк попятился, отвернулся и, уставясь в витрину захудалой лавчонки, именовавшейся «Комиссионный», стал следить, как Эдди и Генри — смутные призрачные отражения, наложенные поверх древнего пылесоса «Гувер», — переходят Райнхолд-стрит.

— Ты *уверен*, что там правда нету привидений? — спросил Эдди, когда ребята очутились на том тротуаре, где стоял Джейк.

— Видишь, какое дело, — сказал Генри, — сходил я сюда еще раз, и теперь уж не поручусь. Ей-богу.

Они прошли у Джейка за спиной, не взглянув на него.

— А ты б согласился туда зайти? — спросил Эдди.

— Не-а, хоть миллион долларов выложи, — сразу ответил Генри.

Они свернули за угол. Джейк отлепился от витрины и украдкой бросил им вслед быстрый взгляд. Мальчики удалялись по тротуару той же дорожкой, что пришли. Уваленъ Генри брел, едва переставляя ноги, обутое в говнодавы со стальными носами, и сутулясь, как человек много старше его лет, а рядышком шагал Эдди — парнишка в отличие от брата двигался ловко, с безотчетной грацией. Мирно слившиеся длинные тени бежали за ними по мостовой.

«Домой пошли, — подумал Джейк, и одиночество захлестнуло его такой мощной волной, что мальчику почудилось — она сомнет его. — Поужинают, сделают уроки, поспорят, что смотреть по телеку, и лягут спать. Может, Генри дрянь и хамло, но они, эти двое, живут своей жизнью — нормальной, обычной, понятной жизнью... и сейчас возвращаются в нее. Интересно, они хоть понимают, какие они счастливики? Эдди — пожалуй».

Джейк отвернулся, поправил лямки ранца и перешел Райнхолд-стрит.

25

На пустынном лугу за хороводом камней Сюзанна почувствовала движение — шелест, шорохи, порывистое дуновение.

— Что-то на подходе, — напряженно проговорила она. — Шустро катит.

— Ты, гляди, поаккуратней, — сказал Эдди, — но ко мне его тоже не пускай. Ясно? Не подпускай его ко мне.

— Слышу, не глухая. Ты своим делом занимайся, а уж я сама разберусь.

Эдди кивнул. Он стал на колени посреди круговины и вытянул вперед руку с заостренной палочкой, словно оценивая, хорошо ли та заточена. Затем опустил руку и провел на влажной земле темную прямую линию.

— Роланд, приглядывай за ней...

— Пригляжу, если смогу, Эдди.

— ...но не подпускай ко мне эту тварь. Джейк идет. Чес-слово, идет, псих ненормальный.

На глазах у Сюзанны травы к северу от вещуныной круговины разделила длинная темная межа — что-то испарывало зеленый ковер, прокладывая борозду прямо к кольцу камней.

— Приготовься, — велел Роланд. — Оно кинется на Эдди, и одному из нас придется отвлечь его.

Сюзанна привстала на култых, как змея, поднимающаяся из корзины факира. Руки, сжатые в твердые коричневые кулаки, были прижаты к щекам. Глаза горели.

— Я готова, — сказала она и крикнула: — *Сыпь сюда, красавчик! Ну, живей давай! Дуй, как на свое деньрождение!*

В тот миг, когда демон стремительной гудящей волной ворвался в круговину, дождь усилился. Сюзанне только-только хватило времени понять безжалостную, ядреную, несомненно мужскую суть этого существа (словно в ноздри ей ударил крепкий запах можжевельной настойки, от которого на глаза навертываются слезы), и демон стрелой метнулся к центру круга. Зажмурив глаза, молодая женщина потянулась к нему — не руками, не мыслью, но всей своей женской силой, силой самки, таившейся в самой глубине ее «я»:

— Эй, красавчик! Куда намылился? Кисулька-то вона где!

Демон круто развернулся. Она почувствовала его удивление... а следом — саднящее желание: настойчивое, напряженное, как тугая пульсирующая артерия. Демон прыгнул на Сюзанну, как насильник, выскочивший из зева узкого проулка.

Сюзанна взвыла и откачнулась назад, на шее вздулись жилы. Платье у нее на животе и на груди разгладилось и вдруг начало само собой рваться в клочья. Сюзанна слышала тяжелое дыхание, но откуда, с какой стороны оно идет, определить было невозможно, точно спариться с ней решил сам воздух.

— Сьюзи! — крикнул Эдди и начал подниматься.

— *Нет!* — истошно закричала она в ответ. — *Делай, что делаешь!* Этот мудила у меня аккурат там, где... где надоть! Валяй дальше, Эдди! Тащи мальчика! Тащи... — В нежную плоть между ног Сюзанны толчками рвался холод. Она застонала, опрокинулась на спину... потом оперлась на руку и с вызовом прянула вперед и вверх. — *Тащи его сюда!*

Эдди неуверенно взглянул на Роланда. Тот кивнул. Бросив на Сюзанну еще один быстрый взгляд, полный беспросветной боли и еще более беспросветного страха, Эдди, намеренно повернувшись спиной и к ней, и к стрелку, вновь бухнулся на колени. Не обращая внимания на холодные капли, падающие ему на руки и за ворот, он вытянул вперед руку с заостренной палочкой, временно превратившейся в карандаш, и палочка задвигалась, выводя линии и углы, вычерчивая контур, который Роланд сразу узнал.

Это была дверь.

26

Джейк вытянул руки, уперся ладонями в занозистую калитку и толкнул. Повернувшись на ржавых скрипучих петлях, калитка медленно отворилась. За ней оказалась неровная кирпичная дорожка. Дорожка вела к крыльцу. Крыльцо — к двери. Наглухо забитой досками.

Джейк медленно двинулся к дому. Сердце выстукивало быстрые тире и точки где-то у самого горла. Между выпирающими кирпичами дорожки проросла сорная трава. Мальчик слышал, как она шуршит о джинсы. Все пять его чувств словно подкрутили на пару делений. *«Но ведь на самом деле ты туда не пойдешь, а?»* — спросил панический голос у него в голове.

Ответ, пришедший Джейку на ум, при полном своем идиотизме показался мальчику совершенно разумным: «Все на свете служит Лучу».

Табличка на лужайке сообщала: **ПОСТОРОННИМ ВХОД КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩЕН! НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ ПО ЗАКОНУ!**

Пожелтевший, в потеках ржавчины листок, прибитый к одной из досок, которыми была крест-накрест заколочена входная дверь, был менее красноречив:

«СОГЛАСНО РАСПОРЯЖЕНИЮ НЬЮ-ЙОРКСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЯМ ЗДАНИЕ ПОДЛЕЖИТ СНОСУ».

У подножия ступеней Джейк помедлил, глядя вверх, на дверь. Вчера на пустыре он слышал голоса — здесь, сейчас он услышал их вновь... Но то был хор проклятых, обреченных, сливающихся в невнятный ропот безумные угрозы и столь же безумные посулы. И все же Джейк угадал в этой разноголосице один голос — голос дома. Голос некоего чудовищного привратника, поднятого от долгого, но отнюдь не мирного сна.

На миг вспомнив про отцовский «Рутер», мальчик даже прикинул, не вытащить ли его из ранца, но что было бы в том толку? За спиной Джейка по Райнхолд-стрит в обе стороны проезжали машины, какая-то женщина во всеуслышанье требовала, чтобы ее дочка бросила

любезничать с кавалером и неслა домой белье, но здесь был иной мир — мир, подвластный неведомому суровому и мрачному существу, против которого бессильно оружие.

«Будь честен и прям — будь стоек и терпелив».

— Ладно, — сказал он тихим дрожащим голосом. — Ладно, попробую. Только лучше тебе больше не бросать меня.

И начал медленно подниматься по ступеням крыльца.

27

Доски, преграждавшие вход, были старые и гнилые, гвозди — ржавые. Джейк крепче ухватился за верхнюю пару в месте их пересечения и рванул. Заскрипев точь-в-точь как ворота, доски отделились от двери. Джейк сбросил их за перила крыльца, на старую клумбу, где сейчас росли лишь дикое просо да пырей. Он нагнулся, взялся за нижнее пересечение... и на миг замер.

За дверью слышались замогильные утробные звуки, словно где-то в недрах бетонной трубы хищно облизывался голодный зверь. Джейк почувствовал, как его лоб и щеки покрываются пленкой тошнотной испарины. Он так перепугался, что отчасти утратил ощущение собственной реальности, будто стал персонажем чужого дурного сна.

Недобрый хор, неведомая злая сила были за этой дверью. Звуки сочлились оттуда, как густой сироп.

Джейк рванул нижние доски. Те с легкостью оторвались.

«Ну да. Оно *хочет*, чтоб я вошел. Оно голодное, а я, значит, обед».

Неожиданно в голову Джейка полезли обрывки стихотворения, когда-то читанного их классу мисс Эйвери. Теоретически в стихах говорилось о состоянии души современного человека, оторванного от всех своих корней и традиций, но Джейку вдруг показалось, что тому, кто написал эти строки, должно быть, довелось повидать Особняк:

*«Я покажу тебе нечто, отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку,
Я покажу тебе...»*

— Я покажу тебе ужас в пригоршне праха, — пробормотал Джейк и взялся за дверную ручку. Едва мальчик коснулся металла, как его вновь затопило отчетливое, светлое чувство облегчения и уверенности: свершилось, теперь-то уж дверь определенно откроется в тот — другой — мир; он увидит не тронутое ни смогом, ни фабричными дымами небо, а вместо гор у далекого горизонта встанут в мареве синие шпили великолепного неведомого города.

Джейк стиснул в пальцах лежавший у него в кармане серебряный ключ, ожидая, что дверь окажется заперта и он сможет им воспользоваться. Но нет. Пронзительно взвизгнули петли, с медленно пово-

рачивающихся цилиндров на крыльцо просеялись хлопья ржавчины, и дверь открылась. В лицо Джейку осязаемо ударил запах тлена — ноздреватой штукатурки; отсыревшего дерева; гниющей дранки; старого как мир конского волоса. Сквозь эти ароматы пробивался иной — дух звериного логова. Впереди лежал промозглый полутемный коридор. Слева в полумрак второго этажа взбиралась, лишь местами касаясь стены, шаткая винтовая лестница. На полу коридора лежали обломки рухнувших перил, но Джейк был не настолько глуп, чтобы вообразить, будто видит *только* щепки. Среди сора были и кости — кости каких-то мелких животных. Некоторые не вполне походили на звериные; их Джейк предпочел не рассматривать слишком долго, зная, что иначе ему никогда не набраться храбрости сдвинуться с места. Мальчик помешкал на пороге, собираясь с духом, чтобы сделать первый шаг, и расслышал какой-то слабый приглушенный звук — очень частую, быструю дробь. Он понял: это стучат его собственные зубы.

«Почему никто меня не остановит? — в исступлении подумал он. — Почему какой-нибудь прохожий не крикнет: *«Эй, ты! Нечего тебе там делать! Неграмотный, что ли, читать не умеешь?!»*»

Но он знал, почему. Большинство пешеходов держалось противоположного тротуара, а те, кто оказывался поблизости от Особняка, спешили пройти дальше.

«Даже если бы кто-нибудь вдруг посмотрел сюда, он меня не увидел бы, потому что на самом деле меня тут нет. Хорошо это или плохо, но я уже покинул свой мир. Начал переправу. *Его* мир где-то впереди. А здесь...»

А здесь была пограничная полоса. Ад.

Джейк шагнул в коридор. Дверь за ним со скрежетом захлопнулась, точно дверь мавзолея, и мальчик вскрикнул — но не удивился.

В глубине души он ожидал чего-то подобного.

28

Жила-была молодая женщина по имени Детта Уокер, и любимым ее занятием было всякий день шататься по кабакам да забегаловкам на Риджлайн-роуд, что тянется вдоль окраины Натли, и на шоссе N 88, что проходит у высоковольтной линии за «Амхай». В те дни у Детты еще были ноги и, как поется в песне, она знала, что с ними делать. Нарядившись в тесное дешевое платье из поддельного шелка, Детта отплясывала с белыми парнями под старые песенки, без которых в свое время не обходилась ни одна гулянка чарли¹, а музыканты знай наяривали всякие там «Шейк хиппи-хиппи» да «Двойные дозы любви моей крошки». В конце концов Детта отбивала

¹ «Чарли» афро-американцы называют белых.

от стаи беложопых одного и позволяла ему увести себя на стоянку, в машину. Там она обжималась с ним и лизалась (одной из величайших в мире мастериц целоваться «с язычком» была Детта Уокер, да и ноготками попользоваться не ленилась) до умопомрачения... и осекала вконец обезумевшего парня. Что за этим следовало? Да ведь в том-то и был фокус, не так ли? Суть игры, ее азарт. Одни принимались плаксиво канючить — приятно, но не высший класс. Другие орали и бесновались — это грело душу сильнее.

Но хотя Детта и по голове бывала луплена, и в глаз получала, и плевков отведала, а однажды схлопотала пинка под зад, да такого, что, расставив руки, легкой пташкой вылетела на гравий стоянки у «Красного ветряка», ее ни разу не взяли силой. Вся белая сволочь, все до единого с посиневшими яйцами уматывали домой. Что по Деттиным меркам означало: она — лучшая из лучших, непревзойденная, не знающая поражений чемпионка. Королева. С кем состязалась Детта? С *ними*. Со всеми этими коротко стриженными, культурненькими, чистенькими беложопыми мудаками.

И вот теперь...

Никакой возможности сопротивляться демону, обитающему в вешуньиной круговине, не было. Не было ни дверных ручек — хвататься, ни машины — выскочить, ни кабака — забежать обратно, ни щеки — отвесить плюху, ни рожи — расцарапать, ни яиц — заехать ногой, если окажется, что соображает белое дрянцо туго.

Демон навалился на Сюзанну... а затем, не успела молодая женщина и глазом моргнуть, вошел в нее.

Видеть это существо она не могла, зато явственно ощущала, как оно — *он* — придавливает ее к земле. Недоступные взгляду руки (лапы?) орудовали, тем не менее, вполне зримо: платье Сюзанны в нескольких местах вдруг изорвалось в клочья. Затем — внезапно — мучительная боль; Сюзанне почудилось, что ей вспороли промежность и низ живота. От неожиданности она страдальчески вскрикнула. Эдди оглянулся, недобро шурясь.

— Я в порядке! — завопила она. — Забудь про меня, Эдди, делай свое! Я в порядке!

Но это было не так. Впервые с тех пор, как в возрасте тринадцати лет Детта вышла на арену любовных сражений, она терпела поражение. В нее вонзалось — вламывалось — что-то отвратительное, набрякшее, холодное, словно ее насиловали сосулькой.

Как сквозь дымку она увидела, что Эдди отвернулся и вновь принялся рисовать на земле; выражение живейшего беспокойства на лице молодого человека таяло, наново сменяясь тем жутким холодом безразличия, какой Сюзанна порой чувствовала в своем возлюбленном и замечала в его чертах. Ну и что? Ведь она сама велела Эдди не отвлекаться, забыть о ней и делать то, что необходимо для перемещения мальчонки из мира в мир. Да, в извлечении Джейка ей отводилась определенная роль, однако, поскольку ни Роланд, ни Эдди

не выкручивали ей рук и вообще никак не принуждали ее непременно сыграть эту роль, у нее не было никакого права ненавидеть их. Но в миг, когда Эдди отвернулся от нее, скованной стужей, она остро возненавидела обоих; яйца б вам оторвать, образины белые.

Потом рядом с ней очутился Роланд; сильные руки стрелка легли ей на плечи, и, хоть он не проронил ни слова, молодая женщина услышала: *«Не противься. Тебе не одержать верх. Противиться — гибель для тебя. Похоть и оружие их, и слабость, Сюзанна»*.

Да. Похоть *всегда* была их слабым местом. Единственное отличие состояло в том, что сегодня волею обстоятельств ей предстояло отдать чуть больше — но, быть может, ничего страшного в этом не было. Быть может, в конечном итоге ей удалось бы заставить беложопого беса-невидимку чуть больше *заплатить*.

Она заставила себя разжать ляжки, расслабиться. Ее ноги немедленно поехали в стороны, оставляя на мокрой земле следы, похожие на длинные развернутые веера. Сюзанна запрокинула голову, подставила лицо дождю, барабанившему теперь вовсю, и почувствовала над собой нависшую морду демона, нетерпеливые жадные глаза, которые впивали каждую гримасу, искажавшую ее черты.

Она вскинула руку как для пощечины... и обвила шею демона-наильника. Ей почудилось, будто она захватила пригоршню густого, плотного дыма. Но что это? Неужто она почувствовала, как бес порывисто отпрянул, пораженный неожиданной лаской? Крепко держась за невидимую шею, используя ее, как рычаг, Сюзанна резко приподняла нижнюю часть туловища. Одновременно она еще шире развела ноги, и остатки платья разъехались по боковым швам. Мать честная, и здоровенный же черт попался!

— Брось, ладно, — пропыхтела она, — тебе меня не насильничать. *Не-е*. Отодрать меня приспичило? Да я *сама* тебя отдеру. Так отхарю, как тебя *сроду* не харили, козел. *Сдохнешь* на мне!

Она почувствовала, что проникший в ее тело налитый кровью отросток задрожал; ощутила — пусть это длилось лишь мгновение — что демон силится отпрянуть и сменить позицию.

— Не-не-не, сладенький, — прохрипела она и крепко стиснула ляжки, защемяв демона. — Веселье *токо начинается*. — И стала прогибать поясницу, поднимая зад и все глубже насаживаясь на чресла невидимки. Сцепив на шее призрака пальцы обеих рук, она позволила себе, не опуская бедер, откинуться назад. Напрягшиеся руки обнимали кажущуюся пустоту. Молодая женщина мотнула головой, откидывая с глаз мокрые от пота волосы; губы растянулись в акульей ухмылке.

«*Пусти!*» — вскрикнул голос у нее в мозгу. Но она почувствовала, что обладатель голоса, тем не менее, вопреки самому себе откликается ей.

— Дудки, киса. За что боролся, на то и напоролся. — Не выпуская демона, она резко подалась вверх, свирепо сосредоточенная на леде-

нящем холоде внутри своего тела. — Ща, милоч, я твою сосульку растоплю... токо что ж ты, бедолага, без нее делать станешь? — Ее бедра поднимались и опускались, поднимались и опускались. Она безжалостно стиснула ляжки, закрыла глаза, глубже впилась пальцами в невидимую шею и взмолилась: живей, Эдди, живей.

Она не знала, на сколько ее хватит.

29

«Задача, — подумал Джейк, — проста: где-то в этом сыром жутком доме есть запертая дверь. *Та самая* дверь. Нужно лишь отыскать ее». Однако что-то подсказывало Джейку: это будет непросто. Он чувствовал, как крепнет витающая в доме незримая сила. Бессвязный ропот множества голосов сливался в единый звук — басистый скрипучий шепот.

И он приближался.

Справа была открытая дверь. Возле нее кнопки удерживали на стене выцветший дагерротип, изображавший повешенного: сухое дерево, а на нем, точно одинокий гнилой плод, висит человеческая фигура. Комната за дверью в незапамятные времена была кухней. Плита куда-то подевалась, но у дальнего края бугристого вытертого линолеума, зияя раскрытой настежь дверцей, стоял дряхлый холодильник-ископаемое, увенчанный круглым барабаном охладителя. Внутри запеклась корка чего-то черного, вонючего; эта же дрянь лужей натекла на пол. Лужа давно застыла. Распахнутые кухонные шкафчики; в одном Джейк увидел, вероятно, самую старую в мире жестянку «Морских моллюсков Сноу». Из другого торчала голова дохлой крысы. Глаза у крысы были белые и словно бы живые, и мгновение спустя Джейк понял, что пустые глазницы кишат личинками мух.

Что-то мягко шлепнулось ему в волосы. Вскрикнув от неожиданности, Джейк схватился за голову и нащупал нечто схожее с дряблым, поросшим короткой щетиной резиновым шариком. Вытащив загадочный предмет из волос, мальчик увидел, что это паук — жирный, сине-багровый, как свежий кровоподтек. Паук с тупой недоброжелательностью уставился на Джейка. Тот швырнул его о стену. Паук лопнул. На стене осталась клякса в обрамлении слабо подергивающихся лапок.

За шиворот мальчику упал еще один паук. Внезапно Джейк ощутил болезненный укус чуть ниже того места, откуда начинали расти волосы. Мальчик бегом кинулся обратно в коридор, споткнулся о рухнувшие перила, тяжело растянулся на полу и почувствовал, что раздавил паука. Внутренности гадкой твари — влажные, горячие, слизистые, как подогретый яичный желток, — скользнули у Джейка между лопаток. Тут мальчик заметил в дверях кухни и других пауков. Одни, словно отвратительные гири, висели на едва различимых

шелковинках; другие просто сыпались на пол — плюх! плюх! плюх! — и, проворно перебирая лапами, спешили к нему.

Оглашая коридор истошным криком, Джейк отчаянно замахал руками и вскочил. Ему почудилось, будто что-то в его сознании начинает подаваться, лопается, рвется нить за нитью, точно истершаяся веревка. Вот оно, я схожу с ума, резанула мысль, и едва Джейк со всей ясностью понял это, его немалое мужество было, наконец, сломлено. Неважно, каковы были ставки — силы мальчика иссякли, происходящее стало для него невыносимо. Он стрелой сорвался с места, рассчитывая удрать, если еще возможно, и слишком поздно спохватился, что свернул не туда и бежит не назад к крыльцу, а в глубь Особняка.

Он влетел в просторную комнату — чересчур просторную для прихожей или гостиной; похоже, это был балльный зал. На обоях, поглядывая на Джейка из-под зеленых островерхих колпачков, резвились, откалывая дурашливые коленца, эльфы со странно хитрыми улыбками на личиках. К стене был придвинут заплесневелый диван. Центр покоробленного паркета занимала разбитая люстра — спутанная ржавая цепь среди раскатившегося стекляруса и пыльных подвесок-«слезок». Джейк обошел обломки, исподтишка бросив через плечо полный ужаса взгляд. Никаких пауков мальчик не увидел; если бы не мерзость, все еще сбегавшая тонкой струйкой по спине, он, пожалуй, решил бы, что они ему померещились.

Джейк вновь посмотрел вперед и внезапно резко затормозил — так резко, что поскользнулся. Впереди, за полуразъехавшимися на утопленных в пол направляющих застекленными створками французской двери простирался еще один коридор. Этот второй коридор заканчивался закрытой дверью с круглой позолоченной ручкой. На двери было написано — или, возможно, вырезано — всего одно слово: «МАЛЬЧИК».

Под дверной ручкой поблескивала филигранной работы серебряная пластинка с замочной скважиной.

«Нашел! — возликовал Джейк. — Наконец-то нашел! Есть! Та самая дверь!»

За спиной у мальчика возник низкий глухой скрип, словно дом начинал разваливаться. Джейк обернулся и окинул взглядом зал. Дальняя стена вспучилась и пошла выпячиваться, толкая перед собой дряхлый диван. По старым обоям пробежала дрожь; эльфы замельтешили, пустились в пляс. Местами обои лопались, и длинные полоски бумаги взлетали вверх, стремительно скручиваясь, как слишком быстро отпущенные жалюзи. Штукатурка вздулась, повторяя беременную округлость стены; под ней Джейк расслышал сухой и звонкий прерывистый треск — ломалась, перестраиваясь во что-то новое, еще скрытое от глаз, дранка. А скрип звучал все громче. Только теперь он больше походил на рычание.

Загипнотизированный зрелищем, Джейк смотрел, не в силах отвести глаз.

Штукатурка не трескалась, чтобы затем кусками извергнуться наружу. Она сделалась как будто бы пластичной, податливой, и, покуда стена продолжала взбухать асимметричным белым волдырем, с которого еще свисали ключья обоев, на ее поверхности сами собой стали появляться бугры, округлости и впадины. Вдруг Джейк сообразил, что смотрит на выдвигающееся из стены гигантское лепное лицо — как будто кто-то въехал головой в мокрую простыню.

Послышался громкий треск; это из покрывшейся рябью стены выломался кусок дранки. Возник зрачок с рваными краями. Стена под ним искривилась оскаленной рычащей пастью, полной неровных острых зубов. Джейк разглядел прилипшие к губам и деснам куски обоев.

Из стены вырвалась штукатурная рука, намертво окольцованная толстым жгутом потянувшихся следом спутанных гнилых проводов. Рука ухватила диван и отшвырнула в сторону, оставив на темной поверхности призрачно-белые следы пальцев. Опять полетела дранка — штукатурные пальцы согнулись, скрючились острыми иззубренными когтями. Лицо к этому времени успело полностью выбраться из стены. Единственный деревянный глаз в упор смотрел на Джейка. Повыше, посреди лба, отплясывал эльф с обоев — он напоминал странную татуировку. Раздался такой звук, будто что-то выворачивали или выкручивали, — чудовище заскользило вперед. Дверь в коридор, вырванная из рамы, превратилась в сторбленное плечо. Ручища, которую чудо-юдо выпростало из стены, скребла по полу, разбрызгивая стеклянные капли с упавшей люстры.

Паралич Джейка как рукой сняло. Развернувшись, мальчик сорвался с места, юркнул во французскую дверь и побежал по второму отрезку коридора, нашаривая в кармане ключ. Ранец за плечами подпрыгивал, сердце превратилось во взбесившийся фабричный станок. За спиной взревел выползший из стен Особняка монстр, и Джейк без слов понял, что тот говорит; страшилище приказывало ему стоять на месте, замереть, оно толковывало, что бегство бесполезно и спасения нет. Теперь, казалось, ожил весь дом; в воздухе стоял пронзительный скрип и треск — лопалось дерево, ломались балки — и все заполнял безумный гудящий голос привратника.

Джейк сжал в руке ключ и потащил из кармана. Одна из бороздок зацепилась за ткань, ключ выскользнул из мокрых от пота пальцев мальчика, упал на пол, подпрыгнул, провалился в щель между двумя покорбленными досками... и исчез.

30

— Пацан влип! — услышала Сюзанна крик Эдди, но голос молодого человека доносился словно бы издалека. Она и сама здорово влипла... но, подумала Сюзанна, пожалуй, я все равно справляюсь молодцом.

«Ща, милоч, я твою сосульку растоплю, — посулила она демону. — Ща-а я ее... токо что ж ты, бедолага, без нее делать-то станешь?»

Не то, чтобы она и впрямь растопила «сосульку» — она *изменила* ее. Штука внутри Сюзанны, разумеется, по-прежнему не доставляла ей удовольствия, но, по крайней мере, перестала причинять дикую боль и больше не была холодной. Она попала в западню и не могла вырваться. Сюзанна, в общем-то, ее не удерживала. Заметив, что похоть — не только оружие, но и слабое место демона, Роланд, как всегда, оказался прав. Демон овладел Сюзанной, но и *она* овладела им, и теперь каждый из них словно сунул палец в одну из тех дьявольских китайских трубочек-ловушек, где чем рьяней дергаешь, тем крепче застреваешь.

Сюзанна отчаянно цеплялась за одну-единственную мысль (что *еще* ей оставалось? все прочие сознательные мысли исчезли): нужно во что бы то ни стало удерживать это скулящее, перепуганное, злобное создание в капкане его собственного непреодолимого вожделения. Оно содрогалось, и толкалось, и корчило внутри нее, визгливо требуя свободы, но при этом, не в силах совладать с собой, со страстной жадностью пользовалось ее телом... а Сюзанна не отпускала.

«А что же будет, когда я его наконец отпущу? — безнадежно подумала она. — Вдруг он решит сквитаться со мной?»

Этого она не знала.

31

Дождь лил как из ведра, грозя превратить клочок земли внутри кольца камней в море грязи.

— *Подержи что-нибудь над дверью!* — крикнул Эдди. — *Чтоб ее не смыло!*

Украдкой поглядев на Сюзанну, Роланд понял, что ее поединок с демоном продолжается — полуприкрытые веки, недобро кривящийся рот. Ни видеть, ни слышать демона стрелок не мог, но он чувствовал, как тот бьется в гнев и страхе.

Эдди повернул к нему залитое дождем лицо.

— *Оглох, что ли?* — гаркнул он. — *Накрой чем-нибудь эту океанную дверь, НУ, БЫСТРО!*

Выхватив из котомки одну из шкур, Роланд сгреб ее за углы, вытянул руки вперед и наклонился над Эдди. Получился импровизированный навес. Кончик самодельного карандаша Эдди облепила грязь; юноша вытер его о рукав (на рукаве осталось темно-шоколадное пятно), вновь зажал палочку в кулаке и склонился над своим рисунком. Нарисованная на земле дверь была чуть меньше двери по Джейкову сторону барьера — размеры соотносились, вероятно, как 0,75:1 — но достаточно велика для того, чтобы Джейк прошел... *если* ключ подойдет.

«Если у него вообще *есть* ключ — ты ведь это имеешь в виду? — спросил он себя. — А ну как он его обронил... или этот дом подстроил так, что он его обронил».

Под кружком, изображавшим дверную ручку, Эдди нарисовал прямоугольник, помедлил и двумя загогулинами воспроизвел в нем привычные очертания замочной скважины:

Молодой человек замешкался, раздумывая. Следовало сделать что-то еще, но что? Сообразить было трудно, поскольку в голове у Эдди словно бушевал ревущий смерч — смерч, круживший в своем водовороте вместо подхваченных с земли сараев, нужников и курятников случайные редкие мысли.

— Ну, сладенький, давай же, давай! — вскрикнула у него за спиной Сюзанна. — Сдыхаешь, золотце! Что ж ты так? А я-то губы раскатала — во, думаю, зло***чий жеребец попался! Эх, мальчонка...

Мальчонка. Мальчик. Вот оно.

Острием палочки Эдди старательно вывел в верхней части двери «МАЛЬЧИК». Едва он дописал букву «К», рисунок мгновенно изменился. Кружок, нарисованный Эдди на потемневшей от дождя земле, вдруг еще больше потемнел... и выступил из плоскости картинки, превратившись в темную, блестящую дверную ручку. А внутри контура замочной скважины Эдди вместо бурой мокрой земли заметил тусклый свет.

Позади Сюзанна опять принялась во весь голос визгливо понукать демона, требуя продолжения любовных утех, но в ее криках проскальзывали усталые нотки. Следовало положить этому конец, да побыстрее.

Эдди пал ниц, как мусульманин, представший перед Аллахом, и приложил глаз к замочной скважине, которую сам нарисовал. Он заглянул через нее в свой родной мир, в дом, посмотреть на который они с Генри отправились в мае семьдесят седьмого, не подозревая (э-э, нет; о нем, об Эдди, нельзя сказать «не подозревая» — нет, даже тогда он что-то такое чувствовал), что следом за ними идет мальчик из другой части города.

Он увидел коридор. Джейк, стоя на четвереньках, лихорадочно дергал половицу. Что-то подбиралось к нему — ближе, ближе; Эдди мог бы разглядеть, что это, и в то же время попытки разглядеть оказывались тщетными, словно часть мозга юноши *отказывалась* видеть это; словно увидеть означало понять, а понимание вело к безумию.

— Джейк, скорей! — завопил он в замочную скважину. — *Шевелись, Христа ради!*

Небо над вещуьниной круговиной расколола канонада грома, и дождь перешел в град.

32

Ключ упал. Джейк на миг застыл на месте, не сводя глаз с узкой щели между половицами.

Невероятно, но его одолевал сон.

«Так не должно было случиться, — думал мальчик. — Это уж немного много. Больше я в эти игры не играю. Ни минуты. Ни секунды. Хватит. Вот возьму сейчас и свернусь калачиком под этой дверью, и усну, тут же усну, раз — и все, и когда оно сцапает меня и потянет в пасть, ни за что не проснусь!»

Тут тварь, лезущая из стены, заворчала, и, когда Джейк поднял глаза, непреодолимое желание сдаться пропало, смытое волной ужаса. Страшилище полностью вышло из стены — исполинская штукатурная голова с проломом единственного деревянного зрачка и жадная штукатурная рука. Из черепа кое-где торчали обломки реек — так дети рисуют человечкам волосы. Чудовище заметило Джейка, разинуло пасть, показав острые, неровные деревянные зубы, и снова заворчал. Из разверстой пасти, точно сигарный дым, поплыла известковая пыль.

Джейк упал на колени и заглянул в щель. Внизу, в темноте, дрожал маленький нарядный серебристый блик, но пальцы не пролезали в чересчур узкую щель. Джейк вцепился в половицу и дернул что было мочи. Державшие доску гвозди застонали — но не поддались.

Звон, грохот... Мальчик посмотрел в конец коридора и увидел, как ручища, в которой он с легкостью уместился бы в полный рост, подхватила валявшуюся на полу люстру и отшвырнула в сторону. Ржавая цепь, когда-то удерживавшая люстру под потолком, взметнулась, словно бич, и с грохотом упала. Над головой у Джейка задребезжал матовый абажур на тускло-рыжей скрипучей цепочке, забренчала о грязное стекло старинная медь.

Голова привратника, по-прежнему соединенная лишь с горбатым плечом да тянувшейся вперед рукой, плавно скользнула вперед над полом. Позади останки стены рухнули, окутавшись тучами пыли, а в следующую секунду обломки вздыбились и сложились в искривленный костлявый хребет.

Заметив взгляд Джейка, привратник словно бы усмехнулся. Из собравшихся складками щек полезли щепки. Разевая пасть, тварь тяжело потащилась через окутанный завесой пыли бальный зал. Огромная рука, нашаривая в развалинах опору, сорвала с направляющих створку французской двери в конце коридора.

Задохнувшись, Джейк вскрикнул и вновь кинулся выворачивать половицу. Половица не поддавалась. Вдруг в голове у мальчика раздался голос стрелка:

«Другую, Джейк! Попробуй другую!»

Джейк выпустил доску, которую дергал, и ухватился за соседнюю, по другую сторону от щели. Тут заговорил другой голос — заговорил наяву — и мальчик понял, что он идет из-за двери. Из-за двери, которую Джейк искал с того самого дня, как его не переехала машина.

Джейк, скорей! Шевелись, Христа ради!

Джейк рванул, и доска отошла с такой легкостью, что мальчик чуть не опрокинулся на спину.

33

Через улицу от Особняка, в дверях магазинчика, где торговали подержанными бытовыми приборами, стояли две женщины. Та, что постарше, была хозяйка лавчонки, та, что помоложе, — ее клиентка, в ту минуту, когда слышался грохот рушащихся стен и треск ломающихся балок, — единственная. Теперь они бессознательно схватились друг за дружку, обнялись и замерли, дрожа, как дети, слышавшие в темноте непонятный шум.

Поодаль, разинув рот и позабыв про тележку с бейсбольным снаряжением, на Особняк глазели трое мальчишек, направлявшихся на стадион «Лиги юниоров Голландского Холма». В бровку тротуара ткнулся носом фургон доставки, из него вылез шофер — посмотреть. Испуганно озираясь, появились сперва хозяин продовольственного магазина «У Генри на углу», потом владелец пивной «Голландский Холм».

Земля задрожала, и по мостовой Райнхолд-стрит от тротуара к тротуару веером побежали тоненькие трещинки.

— Землетрясение, что ли? — крикнул шофер женщинам, стоявшим у дверей комиссионного магазинчика, однако ответа дожидаться не стал. Одним прыжком очутившись за баранкой своего фургона, он быстро покатил прочь, выскочив на встречную полосу, чтобы держаться подальше от развалюхи, эпицентра катаклизма.

Казалось, стены дома дружно прогибаются внутрь. Доски лопались, отскакивали от фасада и дождем сыпались во двор. С крыши серо-черными грязными водопадами низвергалась черепица. Послышалось оглушительное, рвущее барабанные перепонки «крак!», и Особняк сверху донизу расскла длинная ломаная трещина, в которой исчезла дверь. Дом пожирал сам себя.

Женщина помоложе вдруг решительно освободилась из объятий старшей и со словами «ну, мне тут делать нечего!», не оглядываясь припустила по улице.

34

Пальцы мальчика сжали серебряный ключ, и в тот же миг, бткидывая со лба Джейка пряди потных волос, в коридор дохнул

горячий нездешний ветер. На некоем подсознательном уровне мальчик наконец понял, что такое этот дом и что происходит. В доме не просто был привратник, дом *сам* был привратником — каждая дощечка, каждая чешуйка черепицы, каждый карниз и каждый подоконник — и сейчас он спешил за незванным гостем, на ходу обретая некое наудачу слепленное из разных кусков подобие своего истинного обличья. Он намеревался поймать Джейка раньше, чем тот сумеет воспользоваться ключом. За исполинской белой головой и горбатой глыбой плеча мальчик видел, как доски, черепица, провода, осколки стекла, даже входная дверь и сломанные перила летят по главному коридору в бальный зал и пристают к громоздящейся там нескладной фигуре, неотвратно приближая завершающий миг творенья — рождение уродца, который и сейчас уже старался схватить Джейка невообразимой ручищей.

Тут Джейк выдернул из отверстия в полу свою собственную руку и увидел, что ее облепили громадные неповоротливые жуки. Он шлепнул ладонью по стене, чтобы сбить копошащихся насекомых, и вскрикнул — стена сперва расступилась, а затем попыталась сомкнуться вокруг его запястья. В последнюю секунду Джейк вырвал руку и воткнул серебряный ключ в серебряную скважину.

Штукатурник снова взревел, но его рев тотчас потонул в стройных мелодичных кликах. Джейк узнал это многоголосье: его он слышал на пустыре, но тогда голоса звучали тихо, словно сквозь дрему. Теперь это был несомненный клич торжества. Мальчик вновь исполнился уже изведанной однажды безграничной, непоколебимой уверенности. На этот раз он не сомневался, что не разочаруется. Он услышал голос, и никакие иные подтверждения не требовались: это был голос розы.

Тусклый свет, проникавший из прихожей, заслонила штукатурная рука. Вырвав вторую створку раздвижной двери, она протиснулась в коридор. Поверх руки, не сводя с Джейка глаз, в просвет с маху вдвинулась физиономия. Рука, шевеля пальцами, как огромный паук — лапами, поползла к мальчику.

Джейк повернул ключ и почувствовал, как от кисти к плечу стремительно прокатилась силовая волна. Он услышал гулкий глухой щелчок — замок открылся. Джейк схватился за ручку, повернул ее и рванул дверь. Дверь распахнулась. Убедив, что за ней, мальчик издал крик ужаса и смутения.

Сверху донизу и от края до края дверной проем был забит землей. Из нее, словно пучки проводов, высовывались корни. По повторяющему очертания двери земляному прямоугольнику ползали черви, сконфуженные, казалось, не меньше Джейка. Одни ныряли обратно в толщу дерна, другие все ползали, словно никак не могли взять в толк, куда подевалась земля, которая только что была под ними. Один червяк упал Джейку на кроссовку.

Из повторявшего контур замочной скважины отверстия в земле Джейку на рубашку упало пятнышко мутного белого дневного света.

За отверстием, такой близкий и такой недостижимый, слышался шум дождя и глухие раскаты грома в открытом небе. Потом замочную скважину тоже что-то заслонило, и исполинские белые пальцы схватили Джейка за ногу пониже колена.

35

Роланд бросил шкуру, вскочил и бегом кинулся к Сюзанне. Он подхватил ее под мышки и бережно и осторожно — так бережно и осторожно, как только мог, — потащил через круговину туда, где, не чувствуя жгучих укусов градин, припал к земле Эдди.

— Отпустишь его, когда я скажу, Сюзанна! — крикнул Роланд. — Ясно? *Когда я скажу!*

Ничего этого Эдди не видел и не слышал. Он слышал только слабый отчаянный крик Джейка, несущийся из-за двери.

Пришло время воспользоваться ключом.

Он вытащил ключ из-за пазухи, вставил в нарисованную замочную скважину и попытался повернуть. Ключ поворачиваться не желал. Ни на миллиметр. Эдди поднял голову и, не замечая ледяных горошин, которые яростно застучали по лицу, оставляя на лбу, на щеках, на губах вмятины и красные пятна, взвыл:

— **НЕТ! О БОЖЕ, ПРОШУ ТЕБЯ! НЕТ!**

Но ответа от Всевышнего не получил; лишь в небе, где стремительно бежали вперегонки тучи, блеснула молния да опять, в который уж раз, грянул гром.

36

Джейк подпрыгнул, ухватился за цепь висевшей над ним лампы и вырвался из цепких пальцев привратника. Он качнулся назад, оттолкнулся от плотно утрамбованной земли в проеме двери, и, как Тарзан на лиане, поджав ноги, устремился вперед. Подлетая к норовящей схватить его огромной руке, Джейк резко выбросил ноги вперед. Штукатурка разлетелась на куски, обнажив грубые сочленения деревянного каркаса. Штукатурник взревел. Сквозь этот вопль, в котором звучала голодная ярость, Джейк разобрал иные звуки: весь Особняк рушился, как дом в рассказе Эдгара Аллана По.

Мальчик откатнулся на цепи назад, налетел на стену спрессованной земли, блокировавшей дверной проем, и опять полетел вперед. Рука потянулась вверх, к нему, и мальчик неистово забрыкался, делая ногами «ножницы». Деревянные пальцы сомкнулись, что-то больно укололо ступню Джейка. Обратное парнишка унесся без одной кроссовки.

Джейк попытался перехватить цепь повыше. Это ему удалось, и мальчик, как по канату, полез к потолку. Наверху что-то глухо стукнуло, затрещало; на запрокинутое взмокшее лицо Джейка посы-

палась мелкая известковая пыль. Потолок начал проседать, звено за звеном стравливая цепь. Из конца коридора донесся глухой протяжный хруст — Штукатурник наконец протиснул в отверстие хищную голодную физиономию.

С пронзительным воплем Джейк беспомощно качнулся ему навстречу.

37

Паника и ужас Эдди вдруг прошли. Юношу облек плащ ледяного спокойствия — плащ, многожды ношенный Роландом Галаадским; единственная броня, какой располагал истинный стрелок... единственная, в какой истинный стрелок нуждался. В тот же миг в мозгу у Эдди заговорил некий голос. Вот уже три месяца молодого человека неотступно преследовали подобные голоса — голос матери, голос Роланда и, конечно, голос Генри. Однако в том голосе, что звучал в ушах у Эдди сейчас, юноша с облегчением распознал свой собственный, наконец-то бесстрастный, бесстрашный и рассудительный.

«Ты видел очертания ключа в огне и вновь, в дереве, и оба раза — превосходно. Но затем надел на глаза повязку страха и ослеп. Сними ее. Сними и посмотри еще раз. Может быть, и сейчас еще не слишком поздно».

Эдди смутно сознавал, что стрелок угрюмо, в упор смотрит на него; что Сюзанна слабеющим, но по-прежнему дерзким голосом визгливо честит демона; что за дверью, умирая от ужаса (или теперь уже проето умирая?), отчаянно кричит Джейк.

Не обращая ни на кого из них внимания, Эдди вытащил деревянный ключ из нарисованной замочной скважины двери, которая теперь была настоящей, и внимательно всмотрелся в него, пытаясь вновь пережить невинный восторг, какой порой знал ребенком; восторг от того, что видишь скрытые в бессмыслице понятные очертания. И прозрел: вот место, где допущена ошибка; оно так и бросалось в глаза — непостижимо, *как* он умудрился не заметить этого с самого начала. И верно, без повязки не обошлось, подумал Эдди. Камнем преткновения, конечно, оказалась s-образная закорючка на конце ключа. Второй изгиб был жирноват. Чуть-чуть.

— Нож, — сказал Эдди, протягивая руку, как хирург в операционной. Роланд без единого слова шлепнул нож ему в ладонь.

Эдди прочно зажал кончик лезвия между большим и указательным пальцами правой руки и склонился над ключом, не обращая внимания на град, обрушившийся на незащищенную шею. Таящийся в дереве контур проступил четче — проступил с чудесной и несомненной реальностью.

Нож коснулся дерева и повторил изгиб.

Один раз.

Нежно и осторожно.

С округлого зубчика, которым заканчивалась бородака ключа, поднялась, сворачиваясь тугим колечком, одна-единственная ясеневая стружка, тонкая почти до прозрачности.

Джейк Чэмберс по другую сторону двери снова завизжал.

38

Цепь с лязгом и звоном оборвалась, и Джейк рухнул вниз, всей тяжестью приземлившись на колени. Привратник торжествующе взревел. Гигантская рука обхватила бедра Джейка и потащила мальчика в глубь коридора, от двери. Джейк уперся ногами в пол перед собой — безрезультатно: рука привратника лишь крепче стиснула его и поволокла дальше по больно впивающимся в кожу острым щепкам и затупившимся от ржавчины гвоздям.

Физиономия Штукатурника закупоривала вход в коридор плотно, как пробка бутылку. Чтобы так далеко проникнуть в узкое пространство прихожей, привратнику пришлось поднатужиться, и это напряжение смяло едва намеченные черты, придав ему новый облик; облик чудовишно уродливого тролля. Страшилище разинуло пасть, готовое сожрать мальчика. Вне себя от ужаса, Джейк лихорадочно зашарил в поисках ключа, желая использовать его как некий последний, решающий талисман... но ключ, разумеется, остался в двери.

— *Гад паршивый!* — срывая голос, крикнул Джейк и, прогнув спину, как ныряльщик-олимпиец, изо всех сил рванул назад, не обращая внимания на обломки досок, шипами строгого ошейника впившиеся в тело. Он почувствовал, как джинсы поехали с бедер вниз, и тут державшие его пальцы на миг ослабли.

Джейк вновь рванул. Рука ожесточенно сжалась в кулак, но джинсы мальчика уже соскользнули к коленям, а сам Джейк врезался в пол ранцем, который, как подушка, смягчил удар. Рука ослабила хватку — вероятно, желая понадежнее ухватить жертву. Джейку удалось слегка согнуть колени, и, когда рука опять сдавила его, он с силой распрямил ноги. Одновременно рука дернула мальчика назад, и произошло именно то, на что рассчитывал Джейк. Пальцы Штукатурника стащили с него джинсы вместе со второй кроссовкой, и он вновь обрел свободу, по крайней мере, временную. На глазах у мальчика исполинская рука повернулась на запястье из досок и рассыпающейся штукатурки и затолкала в пасть его штаны. В следующий миг Джейк уже полз на четвереньках к забитой землей двери, позабыв об осколках рухнувшего абажура и желая только одного: вновь заполучить ключ.

Он был почти у самой двери, когда рука ухватила его за голые ноги и потащила обратно.

Наконец ключ был готов — полностью и окончательно.

Эдди снова вставил его в скважину и надавил посильнее. Секундное сопротивление... и ключ под рукой молодого человека провернулся. Эдди услышал, как сработал замыкающий механизм и отодвинулась щеколда; почувствовал, как ключ, выполнив свое предназначение, в тот же миг разломился надвое. Он обеими руками взялся за темную полированную ручку и потянул. Словно что-то огромное, тяжелое пришло в движение, поворачиваясь на невидимой оси. Эдди почудилось, что его руке дарована безграничная сила, и он ясно понял: между двумя мирами вдруг установилась связь, проход открылся.

На миг закружилась голова, пропала способность ориентироваться в пространстве, и, заглянув в дверной проем, Эдди сообразил, почему: хотя он смотрел вниз — *вертикально* вниз, — видел он в *горизонтальной* плоскости, словно скрытые призмы и зеркала создавали странную оптическую иллюзию. Потом Эдди увидел Джейка: исполнская рука утаскивала отчаянно тормозящего локтями парнишку в глубь засыпанного стеклом и штукатуркой коридора. А еще он увидел поджидавшую Джейка чудовищную пасть, выдыхавшую клубы белого густого тумана — не то дыма, не то пыли.

— *Роланд!* — заорал Эдди. — *Роланд, оно его схва...*

И отлетел в сторону.

Сюзанна поняла, что ее поднимают и стремительно кружат на месте. Мир виделся ей словно с карусели — размытым скоростью сплошным кругом, где все сливалось воедино: камни-часовые, серое небо, усеянная градинами земля... и в ней — прямоугольная дыра, похожая на люк. Оттуда неслись истошные вопли. В теле Сюзанны бился и неистовствовал демон, движимый единственным желанием удрать подбодру-поздорову, но бессильный осуществить это желание без ее на то позволения.

— *Ну!* — кричал Роланд. — *Выпускай! Выпускай же! Во имя отца своего, Сюзанна, выпусти его немедленно!*

И она выпустила.

Она рассекла силки, что-то вроде сплетенной из камышинок сети, которые (с помощью Детты) мысленно соорудила для демона, и почувствовала, как демон тут же отлетел от нее. На мгновение Сюзанна ощутила страшную пустоту, пугающую *пустотелость*, но их тотчас затмило облегчение, и вместе с тем — отвратительное чувство, что ее опоганили и вываляли в грязи.

Когда незримая тяжесть перестала давить на Сюзанну, молодая женщина на миг увидела демона — силуэт, даже отдаленно не

напоминавший человеческий и похожий на морского дьявола, ската с огромными, закручивающимися по краям крыльями; снизу вперед и вверх торчало нечто загнутое, похожее на страшный грузицкий крюк. Сюзанна увидела-почувствовала, как эта тварь промелькнула над зияющей в земле ямой. Увидела Эдди, круглыми глазами уставившегося куда-то вверх. Увидела, как Роланд широко раскинул руки, чтобы поймать демона.

Стрелок пошатнулся, едва не сбитый с ног невидимой тяжестью. Качнулся вперед, держа в охапке пустоту.

Крепко сжимая невидимку в объятиях, он прыгнул в дверной проем и исчез.

41

Коридор Особняка вдруг залил белый дневной свет; градины застучали по стенам, запрыгали по сломанным половицам. Джейк услышал смятенные крики, и из двери появился стрелок. Казалось, он *соскочил* в дверной проем, словно плоскость двери находилась *под*, а не перед ним. Руки стрелка были до отказа вытянуты вперед, кончики пальцев сплетены.

Джейк почувствовал, что его ступни захватывает пасть привратника.

— *Роланд!* — пронзительно завопил он. — *Роланд, на помощь!*

Стрелок расцепил пальцы, и его руки немедленно широко раскинулись. Он пошатнулся, отступил. Над головой Джейка, уже ощутившего прикосновение зазубренных клыков, готовых разорвать плоть и раздробить кости, пронеслось что-то огромное, стремительное, как порыв ветра. В следующую секунду клыков как не бывало, а рука, крепко державшая мальчика за обе ноги, разжалась. Из пасти привратника понесся тонкий сверлящий вой, какого не издать ни одному земному существу, но этот крик боли и удивления тут же заглох, словно вбитый обратно в пропыленную глотку.

Роланд схватил Джейка и рывком поставил на ноги.

— Пришел! — кричал Джейк. — Ты правда пришел!

— Пришел, да. Ибо боги были милостивы, а мои друзья — отважны.

Привратник опять заревел, и Джейк разрыдался от ужаса и облегчения. Дом теперь скрипел и стонал, как корабль, идущий ко дну в бурном море. Со всех сторон сыпались обломки дерева и куски штукатурки. Роланд подхватил Джейка на руки и побежал к двери. Рука Штукатурника, лихорадочно хватавшая воздух, наткнулась на обутую в сапог ногу стрелка и, закрутив Роланда волчком, отшвырнула его к стене, которая вновь попыталась укусить. Не останавливаясь, Роланд обернулся, выхватил револьвер и дважды выстрелил в слепо шарившую по прихожей руку, обратив один топорно изваянный палец в известковую пыль. Лицо привратника позади беглецов из белого сделалось грязно-лиловато-черным, словно он чем-то подавил-

ся — чем-то, мчавшимся так быстро, что оно влетело чудищу в пасть и застряло в глотке, не успев сообразить, что делает.

Отвернувшись, Роланд проскочил в дверь. Хотя никаких видимых препятствий не было, на долю секунды стрелок встал как вкопанный, словно дорогу ему преградила натянутая в дверном проеме незримая сеть.

Потом он почувствовал у себя в волосах руки Эдди, и его рванули — не вперед, а вверх.

42

Появление Роланда с Джейком в сыром воздухе под утихающим градом напоминало рождение младенца из материнской утробы. Роль повитухи, как и предсказывал стрелок, досталась Эдди. Молодой человек растянулся на земле, приник к ней грудью и животом и, по плечо погрузив руки в дверной проем, обеими пятернями крепко вцепился Роланду в волосы.

— Сьюзи! Помоги!

Она подползла, просунула руку в отверстие и ухватила Роланда под подбородок. Из проема показалась запрокинутая голова стрелка, оскалившегося от боли и натуги.

Эдди почувствовал, что что-то рвется, и в руке у него остался большой клоч тронутых сединой волос стрелка.

— Он сейчас сорвется!

— Никуда... этот козел... не денется! — задышавшись, выдавила Сюзанна и со страшной силой рванула Роланда на себя, точно хотела сломать ему шею.

Из дверного проема в центре круговины вынырнули две маленькие руки и мертвой хваткой вцепились в край ямы. Избавленный от тяжести Джейка Роланд высунул наружу локоть, уперся им в землю, подтянулся и в следующий миг уже поднимался из дыры. Эдди тем временем схватил Джейка за запястья и вытянул наверх.

Джейк перевернулся на спину и лежал отдуваясь.

Эдди повернулся к Сюзанне, обнял и, смеясь и плача, принялся осыпать поцелуями ее лоб, щеки, шею. Сюзанна прижалась к нему, тяжело дыша... Но на ее губах играла довольная улыбочка, а рука медленно, с удовлетворением гладила мокрые волосы Эдди.

Снизу неслась какофония зловещих звуков: пронзительный скрип, визг, ворчание, глухие удары, треск и грохот.

Не поднимая головы, Роланд отполз от дыры. Всколоченные волосы стояли дыбом. По щекам текли тонкие струйки крови.

— Закрой! — с трудом вымолвил он, обращаясь к Эдди. — Во имя отца своего, закрой дверь!

Эдди подтолкнул ее, и гигантские невидимые петли довершили дело. Дверь с оглушительным стуком захлопнулась, оборвав все подземные звуки. На глазах у Эдди границы двери побледнели и

истаяли, вновь превратившись в смазанные отметины на сырой земле. Дверная ручка утратила трехмерность и опять стала кружком, нарисованным Эдди палочкой. На месте замочной скважины остался лишь грубый контур, откуда, словно рукоять меча из камня, торчал обломок деревяшки.

Сюзанна подползла к Джейку и, осторожно потянув за плечи, помогла сесте.

— С тобой все в порядке, миленький?

Мальчик тупо посмотрел на нее. Он еще не очнулся от потрясения.

— Да, по-моему. Где он? Где стрелок? Мне надо его кое о чем спросить.

— Я здесь, Джейк, — отозвался Роланд. Он поднялся на ноги, нетвердой походкой подошел к Джейку, присел рядом с ним на корточки и недоверчиво коснулся гладкой щеки мальчика.

— В этот раз ты не дашь мне сорваться?

— Нет, — сказал Роланд. — Ни сейчас, ни когда бы то ни было впредь. — Но в глубочайших потемках его души шевельнулась память о Башне, а с ней — сомнение.

43

Град перешел в сильный ливень, но на севере, за расходящимися тучами, Эдди заметил проблески синевы. Гроза вскоре должна была утихнуть. Впрочем, времени, чтобы вымокнуть до нитки, оставалось довольно.

Эдди вдруг с удивлением обнаружил, что его это совершенно не волнует. Он не помнил, чтобы когда-нибудь чувствовал себя так спокойно, в таком ладу с самим собой, таким полностью обессиленным. Безумная авантюра еще не закончилась — по правде говоря, Эдди подозревал, что она едва началась, — но сегодня они одержали крупную победу.

— Сюзи? — Он отвел пряди волос с ее лица и заглянул в темные глаза. — Ты в порядке? Эта тварь сделала тебе больно?

— Капельку, но это ничего. Я в норме. По-моему, демон или не демон, а эта стервоза Детта Уокер по-прежнему остается Чемпиенкой Забегаловок И Их Окрестностей.

— Чего-чего?

Сюзанна озорно усмехнулась.

— Так... теперь-то уж ничего особенного, слава Богу. А с тобой как, Эдди? Все хорошо?

Эдди прислушался, не раздастся ли голос Генри, и ничего не услышал. Ему пришло в голову, что, может быть, голос Генри исчез окончательно и бесповоротно, навсегда.

— Хорошо? *Замечательно!* — ответил он со смехом, снова обнимая Сюзанну. Поверх ее плеча ему было видно, что осталось от двери: несколько едва различимых линий и углов. Вскоре дождь смоет и их.

— Как вас зовут? — спросил Джейк женщину, ноги у которой заканчивались чуть выше колена. Он вдруг сообразил, что, вырываясь от привратника, остался без штанов, и потянул подол рубашки вниз, прикрыть трусы. Собственно, если уж на то пошло, от платья Сюзанны тоже мало что осталось.

— Сюзанна Дийн, — ответила она. — Как тебя зовут, я уже знаю.

— Сюзанна, — задумчиво сказал Джейк. — Но, наверное, вряд ли ваш отец — владелец железнодорожной компании... или?..

На лице Сюзанны отобразилось изумление, потом она запрокинула голову и расхохоталась.

— Да нет же, миленький, с чего ты взял? Мой отец был зубным врачом. Просто потом он изобрел несколько разных штук и разбогател. А почему ты спрашиваешь?

Джейк не ответил. Он переключил свое внимание на Эдди. Ужас исчез с лица мальчика, и в глазах вновь появилось то холодное, оценивающее выражение, которое Роланд так хорошо помнил по их встрече на постоялом дворе.

— Здорово, Джейк, — сказал Эдди. — Рад видеть тебя, чувачок.

— Привет, — ответил Джейк. — Мы с тобой сегодня уже виделись. Только тогда ты был куда моложе.

— Десять минут назад я тоже был куда моложе. Ты в порядке?

— Да, — сказал Джейк. — Несколько царапин, вот и все. — Он огляделся. — Поезд вы еще не нашли. — Это не был вопрос.

Эдди с Сюзанной озадаченно переглянулись, но Роланд только отрицательно мотнул головой:

— Поезд? Нет.

— А твои голоса исчезли?

Роланд кивнул.

— Как не бывало. А твои?

— И мои. Я опять одно целое. И ты тоже.

Не сговариваясь, движимые одним порывом, они посмотрели друг на друга. Роланд схватил Джейка в охапку, и неестественное спокойствие мальчика разлетелось вдребезги. Джейк залился слезами облегчения — так плачет измученный ребенок, который долго плутал в одиночестве, много страдал и наконец вновь оказался в безопасности. Когда руки Роланда сомкнулись на спине мальчика, руки Джейка обвились вокруг шеи стрелка, стиснув ее, как стальными обручами.

— Я никогда больше не покину тебя, — вымолвил Роланд. Теперь и он не смог сдержать слез. — Клянусь именами всех своих праотцев, я никогда больше тебя не покину.

Однако сердце стрелка, чуткий и безмолвный вечный узник ка, встретило это обещание не просто с удивлением, но с сомнением.

Книга вторая

**ЛАД:
Груда поверженных
образов**

Часть четвертая

ПОСЕЛОК И КА-ТЕТ

1

На пятые сутки после того, как Эдди вытянул Джейка (без штанов, босого, но сохранившего жизнь и ранец) из двери между мирами, мальчик проснулся от теплых, влажных прикосновений к своему лицу.

Вчера, позавчера, три дня назад Джейк, разбуженный поутру подобным ощущением, непременно поднял бы своих спутников отчаянным криком — он горел в жару, и сон его наводняли кошмары о Штукатурнике. В этих сновидениях Джейк не высказывал из джинсов, привратник держал крепко, и мальчик оказывался в невыразимо страшной пасти, где на него, как решетка крепостных ворот, опускались зубы. Тогда Джейк просыпался, дрожа и беспомощно постанывая.

Причиной лихорадки был паучий укус сзади на шее. Когда на второй день Роланд осмотрел ранку и обнаружил вместо улучшения ухудшение, он коротко переговорил с Эдди, после чего выдал Джейку розовую таблетку и сказал:

— Тебе надлежит принимать по четыре таких каждый день самое малое неделю.

Джейк с сомнением пригляделся к таблетке.

— Что это?

— *Чефлет*, — ответил Роланд и с отвращением посмотрел на Эдди: — Скажи сам. Мне до сих пор не по силам это выговорить.

— Кефлекс. Глотай спокойно, Джейк: он из нашего с тобой родимого Нью-Йорка, из приличной аптеки, с гослицензией. Роланд слопал вагон этого добра — и здоров как конь. Он, как видишь, вообще отчасти смахивает на битюга.

Джейк изумился:

— Как же вы добыли лекарство в Нью-Йорке?

— Это длинная история, — сказал стрелок. — Придет время — все узнаешь, а сейчас прими-ка пилюлю.

Джейк покорно проглотил таблетку. Это быстро принесло отрадные плоды: багровая опухоль на месте воспалившегося укуса за сутки побледнела и уменьшилась, а теперь спал и жар.

Лица мальчика вновь коснулось что-то теплое, и Джейк резко сел, разом открыв глаза.

Существо, лизавшее ему щеку, сделало два торопливых шага назад. Это был косолап (чего Джейк, который видел косолапа впервые, не знал), но не такой упитанный, как те, что повстречались отряду Роланда на развалинах у Великой Дороги; его серо-черная полосатая шубка спуталась и свалялась, а на боку запеклась кровь. Черные глаза с золотым ободком тревожно смотрели на Джейка, зато зад с надеждой ходил из стороны в сторону. Джейк успокоился. Он допускал существование исключений из правил, однако ему казалось, что тот, кто виляет — или пробует вилять хвостом, вероятно, не слишком опасен.

Только что рассвело; видимо, было что-то около половины шестого утра. Определить время точнее Джейк не мог: его часы, «Сейко» с цифровым дисплеем, не работали, вернее работали, но вели себя в высшей степени оригинально. Когда мальчик взглянул на них в первый раз после своего появления в этом мире, «Сейко» показывали девяносто восемь часов семьдесят одну минуту шестьдесят пять секунд — время, насколько было известно Джейку, несуществующее. Присмотревшись, он понял, что часы идут вспять. Сохраняя они при этом постоянный темп, от них, пожалуй, был бы определенный толк — ан нет. Некоторое время «Сейко» отмеряли секунды как будто бы с положенной скоростью (в чем Джейк удостоверился, проговаривая между каждой сменой цифр «Миссисипи»), а затем то на десять-двадцать секунд прекращали отсчет, заставляя думать, что наконец испустили дух, то стремительно прогоняли по дисплею целые стайки цифр.

Сославшись в разговоре с Роландом на столь странное поведение часов, Джейк продемонстрировал их ему, полагая удивить, однако стрелок уделил осмотру «Сейко» от силы пару секунд, кивнул и попытожил: брежет занятный, да только нынче редкому часомеру можно доверять. Итак, «Сейко» ни на что не годились, но Джейку по-прежнему очень не хотелось их выбрасывать — наверное, потому, что часы были частицей его прежней жизни, а их, этих частиц, осталось совсем немного.

Сейчас «Сейко» утверждали: точное время — сорок часов шестьдесят две минуты, день недели — вторник, месяц — март. Кабр.

Утро выдалось на редкость туманное; в пятидесяти-шестидесяти футах мир попросту исчезал. Если этот день ничем не отличался от предыдущих, то часа через два должен был проглянуть белесый кружок солнца, а к половине десятого разведрило бы и стало жарко. Джейк огляделся и увидел, что его спутники (он пока не решался называть их друзьями) мирно спят под одеялами из шкур: Роланд неподалеку, Эдди с Сюзанной — более крупный холмик — за потухшим костром.

Он вновь переключил внимание на разбудившего его зверька (похожего на помесь барсука с енотом, приправленную чуточкой таксы) и тихонько сказал:

— Привет, мальчик.

— *Чик!* — немедленно откликнулся косолап, глядя по-прежнему тревожно. Голос у него оказался низкий, глубокий, очень похожий на лай — ни дать ни взять футболист-англичанин, страдающий сильной ангиной.

От неожиданности Джейк отпрянул. Косолап, напуганный резким движением, снова попятился и как будто бы собрался дать стрекача, но потом передумал. Виляя задом усерднее прежнего, он продолжал боязливо рассматривать Джейка черными с золотом глазами. Усы на длинном рыльце мелко вздрагивали.

— Смотри-ка, он еще помнит людей, — заметил у плеча Джейка чей-то голос. Мальчик оглянулся и увидел у себя за спиной Роланда. Присев на корточки и свесив длинные руки между колен, стрелок смотрел на зверька с гораздо большим интересом, чем проявил к часам Джейка.

— Кто это? — спросил Джейк негромко. Ему не хотелось спугнуть незваного гостя: зверек очаровал его. — Какие красивые глаза!

— Это? Косолап, — ответил Роланд.

— *Слап!* — тявкнуло существо, отступая еще на шаг.

— Он говорит!

— Не совсем так. Косолапы лишь повторяют то, что слышат... верней, так было когда-то. Я уже много лет не видал говорящего косолапа. Похоже, этот малый умирает с голоду — вон какой заморенный. Видно, пришел поискать, чем поживиться.

— Он лизал мне лицо. Можно, я покормлю его?

— Тогда мы никогда уже от него не избавимся, — Роланд сдержанно улыбнулся и щелкнул пальцами: — Эй! Друг!

Зверек неизвестно как ухитрился передразнить щелчок; звук был такой, словно косолап цокал языком о небо.

— Эй! — хрипло пролаял он. — Эй! Уг! — Теперь он буквально *размахивал* косматым задом.

— Ну что же ты? Угости его чем-нибудь. Как говорил один мой знакомый старик-конюх, добрый косолап удачу за собой ведет. А этот вроде бы ничего, славный.

— Да, — согласился Джейк. — Верно.

— Когда-то косолапы жили бок о бок с людьми — во всяком большом имении вокруг замка или господского дома бродило с полдюжины таких тварей. Толку от них было чуть: детвору забавлять да не давать расплодиться крысам, вот и вся польза. Они умеют — точнее, умели в старину — быть верными, хотя я ни разу не слышал про косолапа, который дарил бы хозяина той же преданностью, что и хороший пес. Дикие косолапы поедают падаль. Они не опасны, зато докучливы — бог мой!

— Йи! — твякнул косолап, беспокойно поглядывая то на Джейка, то на стрелка.

Джейк медленно, боясь напугать зверька, сунул руку в ранец, достал недоеденный «буррито по-стрелковски» и бросил его косолапу. Косолап отпрянул и, пискнув тоненьким детским голоском, повернулся к Джейку пушистым штопором хвоста. Мальчик подумал, что зверек непременно убежит, но тот остановился и с сомнением оглянулся.

— Ну давай, — сказал Джейк. — Ешь, мальчик.

— Чик, — пробормотал косолап, тем не менее не трогаясь с места.

— Дай ему время, — посоветовал Роланд. — Думаю, он подойдет.

Косолап вытянул шею — длинную и удивительно изящную; тонкий черный нос задергался, чуя съестное. Наконец косолап потрусил вперед, и Джейк заметил, что он слегка прихрамывает. Шумно обнюхав блинчик, косолап лапой отделил кусочек оленины от листьев. Эту операцию он проделал со странно торжественной, даже мрачной осторожностью. Едва мясо освободилось от зелени, косолап жадно, в один присест, проглотил его и поднял глаза на Джейка. «Чик!» — пролаял зверек и, когда мальчик расхохотался, опять шарахнулся.

— Ишь, доходяга, — сонно проговорил позади них Эдди. При звуке его голоса косолап немедленно повернулся и исчез в тумане.

— Ты спугнул его! — гневно заявил Джейк.

— Е-мое, ну извини, — сказал Эдди. Он пригладил всклокоченные со сна волосы. — Я ж не знал, что это твой корефан, Джейк, а то расстарался бы и спроворил сладкого пирога, едри его в корень.

Роланд хлопнул Джейка по плечу.

— Он вернется.

— Ты уверен?

— Уверен. Будет жив — объявится. Мы ведь покормили его, так?

Ответить Джейк не успел — забили барабаны. Путники слушали их третье утро кряду, а дважды далекие, невыразительные глухие удары в той стороне, где лежал город, долетали к ним на склоне дня. Сегодня звук, по-прежнему непонятный и непостижимый, был более отчетливым. У Джейка он вызывал омерзение, словно где-то в густой бесцветной пелене утреннего тумана билось сердце большого зверя.

— Ты по-прежнему не имеешь представления о том, что это такое, Роланд? — спросила Сюзанна. Она уже успела переодеться и заколоть волосы на затылке и теперь складывала одеяла, свое и Эдди.

— Нет. Но не сомневаюсь, что мы это еще узнаем.

— Спасибо, утешил, — скривился Эдди.

Роланд поднялся.

— Пошли. Незачем терять день попусту.

2

К тому времени, как туман начал рассеиваться, они уже около часа провели в пути. Кресло Сюзанны везли по очереди; оно катило по

дороге, уныло подпрыгивая на больших шероховатых булыжниках, которых теперь было столько, что большак напоминал минное поле. Ближе к полудню сделалось солнечно, ясно и жарко; на юго-востоке у горизонта четко вырисовывался город. На взгляд Джейка, он не слишком отличался от Нью-Йорка, хотя у мальчика и мелькнула мысль, что дома тут, пожалуй, будут пониже. Разумеется, с такого расстояния невозможно было определить, действительно ли город давно разрушился, как, по-видимому, разрушилось почти все в мире Роланда. У Джейка, как и у Эдди, затеплилась невысказанная надежда на то, что там они найдут помощь... или хотя бы хороший горячий обед.

Тридцатью-сорока милями левее над широкой излучиной Сенда кружили большие птичьи стаи. Время от времени то одна, то другая птица складывала крылья и камнем падала вниз — вероятно, за рыбой. Дорога и река медленно сближались, хотя точка слияния еще не была видна.

Впереди показались новые постройки, в основном крестьянские дворы, все заброшенные. Попадались разрушенные дома, но над ними потрудились скорее время, чем сторонняя злая сила, и надежды Эдди и Джейка на то, что, возможно, ожидало их в городе, надежды, которые они тщательно скрывали от остальных из боязни стать мишенью для насмешек, разгорелись с новой силой. В степи паслись небольшие стада косматых животных. Они держались на почтительном расстоянии от дороги, и лишь когда требовалось пересечь ее, галопом перебежали на другую сторону, точно ватаги малышей, боящихся уличного движения. Джейку они показались похожими на бизонов... а потом он заметил нескольких с двумя головами. Он сказал об этом стрелку, и Роланд кивнул:

— Мутанты.

— Как под горами? — Джейк расслышал в своем голосе страх и понял, что это наверняка заметил и стрелок, но ничего не мог с этим поделать. Он очень хорошо помнил бесконечный кошмар путешествия на дрезине.

— Думаю, здесь мутантным породам не дают плодиться. А вот твари, на которых мы наткнулись под горами, рождались беспрепятственно.

— А что там? — Джейк показал в сторону города. — Там тоже бродят мутанты или... — Яснее облечь свои надежды в слова он не мог.

Роланд пожал плечами.

— Не знаю, Джейк. Знал бы — сказал.

Они шли мимо заброшенной фермы. Часть дома выгорела. «Но это могла быть и молния», — подумал Джейк и задался вопросом, что пытается сделать: объяснить себе увиденное или обмануть себя?

Словно прочитав мысли мальчика, Роланд обхватил его за плечи:

— Даже не пробуй угадать, Джейк. Что бы здесь ни случилось, это дело очень давнее. — Он махнул рукой: — Вон там, верно, был корраль. А погляди, что осталось — несколько жердей, торчащих из травы.

— Мир сдвинулся с места, да?

Роланд кивнул.

— А люди? Они ушли в город, как ты думаешь?

— Кто, может, и ушел, — ответил Роланд. — А кто и по сей день здесь.

— Что? — встревоженная Сюзанна резко обернулась к нему.

Роланд утвердительно наклонил голову:

— Последние день-два за нами следят. Людишек в этих развалах прячется немного, но они есть. Поближе к цивилизации... — он запнулся, — точнее сказать, к тому, что некогда *было* цивилизацией, их станет больше.

— Откуда ты знаешь, что здесь кто-то есть? — спросил Джейк.

— Учуял. Несколько раз примечал огороды, нарочно обсаженные бурьяном, чтобы спрятать посевы. А в роще крутится ветряк, может, и не один. Впрочем, дело даже не в этом: просто у меня такое чувство, будто вместо солнца на лицо падает тень. Думается, со временем оно придет и к вам троим.

— По-твоему, их стоит опасаться? — Сюзанна с тревогой оглядела большое ветхое строение, к которому они приближались, — не то старый склад, не то заброшенный деревенский рынок, — и ее рука потянулась под грудь, к револьверу.

— Укусит чужой пес или нет? — парировал стрелок.

— Как это понимать? — поинтересовался Эдди. — Терпеть не могу, когда из тебя начинает переть заушь, Роланд. Тоже мне дзен-буддист!

— Понимай так, что не знаю, — ответил Роланд. — Кто этот Дзен Буддист? Он так же умен, как я?

Эдди долго-долго смотрел на Роланда, прежде чем пришел к выводу, что имеет дело с редким явлением: стрелок шутит.

— Ладно, отвали, — наконец сказал он и увидел, как дрогнул уголок рта Роланда, прежде чем стрелок повернул прочь. Вновь принимаясь толкать вперед кресло Сюзанны, Эдди вдруг кое-что увидел. — Эй, Джейк! — окликнул он. — Да ты, никак, обзавелся приятелем!

Джейк огляделся и просиял: в сорока ярдах позади, обнюхивая сорную траву, которая проросла между растрескавшимся булыжником Великой Дороги, за ними деловито хромал тощий косолап.

3

Спустя несколько часов Роланд объявил привал и велел приготовиться.

— К чему? — спросил Эдди.

Роланд коротко глянул на него.

— Ко всему.

Было, вероятно, около трех часов дня. Маленький отряд стоял там, где Великая Дорога поднималась на длинный кряж с неровными склонами, который наискось пересекал равнину, как морщинка на величайшей в мире простыне. Перевалив через кряж, дорога спускалась к первому на памяти путников настоящему поселку. Он выглядел пустынным, но Эдди не забыл утренний разговор, и вопрос Роланда «укусит чужой пес или нет?» больше не казался ему таким уж дзенским.

— Джейк!

— Что?

Эдди кивком показал на рукоятку «Ругера», торчавшую из-за пояса джинсов Джейка — тех, что мальчик сунул в ранец перед уходом из дома:

— Не хочешь отдать это мне?

Джейк глянул на Роланда. Стрелок пожал плечами: решай сам.

— На. — Джейк отдал пистолет Эдди, снял ранец, порывлся в нем и вытащил снаряженную обойму. Он помнил, как лазил за ней в ящик отцовского письменного стола, за картотеку, но ему чудилось, что происходило все это давным-давно. Сейчас думать о своей нью-йоркской жизни и учебе в школе «Пайпер» было все равно что смотреть в телескоп с обратной стороны.

Эдди взял обойму, внимательно осмотрел, вогнал на место, проверил предохранитель и сунул «Ругер» за пояс.

— Слушайте внимательно и мотайте на ус, — сказал Роланд. — Если здесь и впрямь есть люди, то скорее всего старики, которым мы покажемся куда страшнее, чем они кажутся нам. Тех, кто помоложе, небось, давно уж след простыл, а у оставшихся навряд ли сыщется самопальное оружие. Сказать правду, до нашего прихода они его, может статься, и в глаза не видали, разве что в старых книжках попалась картинка-другая. Угрожающих жестов не делать. И еще есть хорошее детское правило: не заговаривать первым.

— Как насчет луков со стрелами? — осведомилась Сюзанна.

— Да, луки у них могут быть. Копья и дубинки — тоже.

— Не забудьте про камни, — мрачно прибавил Эдди, глядя вниз на скопление деревянных построек. Поселок походил на город-призрак, но как знать? — А если с камнями у них напряженка, всегда можно наколупать булыжников из дороги.

— Ищущий да обрящет, — согласился Роланд. — *Но первые мы затевать ссору не будем — ясно?*

Они дружно согласились.

— Пожалуй, проще было бы обойти кругом, — сказала Сюзанна.

Роланд кивнул, не сводя глаз с нехитрой топографии лежавшего впереди поселка. В самом его центре Великую Дорогу пересекала другая, отчего ветхие, полуразвалившиеся домишки походили на мишень в оптическом прицеле мощной винтовки.

— Проще, да, но мы не станем этого делать. Легко пристраститься ходить кружными путями, однако это привычка дурная и достойная

всяческого порицания. Всегда лучше идти напрямик, коль нет явных причин поступить иначе. Сейчас я таких причин не вижу. И если там и впрямь есть люди, что ж, — может, оно и неплохо. Не мешало бы потолковать.

Роланд кажется теперь другим, размышляла Сюзанна. Впрочем, она не думала, будто дело лишь в том, что призрачные голоса, донимавшие стрелка, смолкли. «Таким он был, когда ему еще оставалось за что сражаться и кого вести за собой, а вокруг были старые друзья, — думала она. — До того, как мир сдвинулся с места, а с ним снялся с места и он, пустившись в погоню за Уолтером. До того, как Пустыня заставила его уйти в себя, иссушила и выстудила душу».

— Может, они знают, что это за барабаны, — предположил Джейк.

Роланд опять кивнул.

— *Все*, что им известно, особенно о городе, пришлось бы нам очень кстати, да только ни к чему наперед возлагать чересчур большие надежды на тех, кого тут может вовсе не быть.

— Знаешь что? — сказала Сюзанна. — Если б я увидела нас, я бы носу за порог не высунула. Четверо, трое вооружены? Да мы, небось, похожи на шайку старинных разбойников, про которых ты рассказывал, Роланд... ну как их...

— Луни. — Левая рука стрелка опустилась к сандаловой рукояти револьвера, и он легонько потянул оружие из кобуры. — Однако ж ни единый лунь, рождавшийся на свет, не владел *этим*, и коль в деревне еще есть старики, они будут знать, что к чему. Идемте.

Джейк глянул назад и увидел косолапа. Зверек лежал на дороге, положив морду между короткими передними лапами, и внимательно смотрел на людей. «Чик!» — позвал Джейк.

— Чик! — эхом откликнулся косолап и тотчас неуклюже поднялся.

Они стали спускаться с пологого пригорка к поселку. Чик трусил следом.

4

Два дома у околицы уничтожил огонь. В остальном поселок, с виду пыльный и скучный, как будто бы не пострадал. Они прошли мимо заброшенного извозничьего двора (слева), мимо строения, где когда-то, возможно, помещался рынок (справа), и очутились собственно в поселке — если это можно было так назвать. По обе стороны дороги выстроилось около дюжины шатких домов, кое-где разделенных проулками. С северо-востока на юго-запад шла еще одна дорога — проселок, почти целиком заросший степной травой.

Сюзанна окинула взглядом его северо-восточную ветку и подумала: «Когда-то по реке ходили баржи, и где-то южнее по этой же дороге была пристань, а возле нее, на бойком месте, наверное, еще один лачужный городок, все больше кабаки да бордели. Городок был

последним торговым поселением — дальше баржи отправлялись вниз по реке к большому городу. И туда, и оттуда через это местечко ездили крытые повозки. Как давно это было?»

Она не знала, но, если судить по виду поселка, воды с тех пор утекло немало.

Где-то заунывно скрипели ржавые петли. Еще где-то на степном ветру одиноко и тоскливо хлопал ставень.

Вдоль домов тянулись оградки, почти все поломанные. Когда-то они отгораживали дома от широкого дощатого тротуара, но от него мало что осталось, а в прорехи проросла трава. Вывески на домах облупились и выцвели, но кое-что из надписей, сделанных на некой разновидности ломаного английского (это, полагала Сюзанна, и был пресловутый «низкий слог» Роланда), еще можно было прочесть. «ФУРАШ И ЗЕРНО» разобрала она в одном месте и догадалась, что это должно означать *фураж* и зерно. На декоративном фасаде следующего дома, под намалеванным кричащими красками бизоном, разлегшимся в траве, стояло: «ОТДОХНИ ПОДКРЕПИСЬ ВЫПЕЙ». Под вывеской покачивались на ветру створки покосившихся дверей.

— Это что, салун? — Сюзанна не понимала, отчего вдруг перешла на шепот, знала только, что говорить как обычно, в полный голос, она не может. Это было бы все равно что на похоронах забренчать на банджо «Обвалилась Клинч-гора».

— Был, — отозвался Роланд. Он не шептал, но голос понизил и говорил задумчиво. Джейк старался держаться поближе к нему и боязливо оглядывался. Позади Чик сократил дистанцию до десяти ярдов и быстро трусил за людьми, внимательно осматривая дома вдоль дороги, отчего его голова качалась из стороны в сторону, как маятник.

Теперь и Сюзанна почувствовала: за ними следят. Ощущение было именно такое, как описывал Роланд, — будто на солнце напозла тень.

— Здесь кто-то есть, да? — прошептала она.

Роланд кивнул.

На северо-восточном углу перекрестка Сюзанна увидела еще одну понятную вывеску: «ЗАЕЖЖИЙ ДВОР», значилось там, и «НОЧ-ЛЕГ». Если не считать видневшейся впереди церковки с покосившимся шпилем, это было самое высокое здание в поселке — трехэтажное. Она подняла голову и скользнула взглядом по его фасаду как раз вовремя, чтобы увидеть, как в одном из пустых оконных проемов мелькнуло, исчезая, неясное белое пятно — без сомнения, чье-то лицо. Ей вдруг захотелось поскорее уйти отсюда. Роланд, однако, шагал намеренно медленно, и Сюзанна полагала, что знает, в чем причина. Поспешность могла бы создать у наблюдателей впечатление, что пришельцы напуганы и их можно захватить. И тем не менее...

Улочки в месте своего пересечения раздавались вширь, образуя площадь, давно заросшую травой и бурьяном. Посреди площади стоял разрушенный временем и ненастями каменный указатель. Над ним

на провисшем отрезке ржавого троса висела какая-то металлическая коробка.

Роланд двинулся к указателю; Джейк держался рядом. Следом Эдди вез Сюзанну. Ветер щекотал ей щеку прядкой волос, в спицах колес инвалидного кресла шуршала трава. Где-то за площадью звонко хлопнул ставень, скрипнули петли. Сюзанна вздрогнула и отвела волосы с лица.

— Хоть бы он поторопился, — сказал Эдди, понизив голос. — От этого места у меня мурашки.

Сюзанна кивнула. Она оглядела площадь, и опять перед ее глазами встала яркая картина — базарный день в поселке: толчея, тротуары запрудили люд, почти сплошь возчики и одетые в грубое платье матросы с барж (Сюзанна не знала, откуда у нее уверенность насчет барж и матросов, но факт оставался фактом), лишь изредка мелькнет кто-нибудь из местных кумушек с корзиной через руку; по площади проезжают фургоны; над немощеной дорогой висят тучи удушливой желтой пыли — возницы нахлестывают запряженных в подводы лошадок

(волов, это были волы).

Сюзанна видела эти подводы — обвязанные пыльными кусками холстины тюки полотна на одних, пирамиды просмоленных бочонков — на других; видела волов — запряженные парами, они терпеливо тянули повозки, дергая ушами, чтобы отогнать мух, с жужжанием роящихся вокруг огромных голов; слышала голоса, смех, пианино в салуне: кто-то барабанил по клавишам, выколачивая развеселый мотивчик, нечто вроде «Девчонок из Буффало» или «Кэти, милки».

«Как будто в прошлой жизни я жила здесь», — подумала она.

Стрелок нагнулся к надписи на указателе.

— Великая Дорога, — прочел он. — Лад — сто шестьдесят колес.

— Колес? — переспросил Джейк.

— Старинная мера длины.

— Ты слышал про Лад? — спросил Эдди.

— Возможно, — сказал стрелок. — Когда был очень мал.

— Рифмуется с «гад», — заметил Эдди. — Знак-то, может, не такой уж и добрый.

Джейк обследовал восточную грань камня.

— Приречная дорога. Буквы чудные, но прочесть можно.

Эдди поглядел на западную грань.

— Тут написано: Джимтаун — сорок колес. Это не там родился Уэйн Ньютон, а, Роланд?

Роланд смотрел, не понимая.

— Молчу-молчу-молчу, — сказал Эдди, закатывая глаза.

Юго-западный угол площади занимало единственное в поселке каменное здание — приземистый унылый куб с ржавыми решетками на окнах. «Окружная тюрьма, она же здание суда», — подумала Сюзанна. Она навидалась на Юге подобных сооружений; добавить со стороны фасада пандус-другой для парковки, и будет не отличить.

Через весь фасад было что-то намалевано облупившейся желтой краской. Сюзанне удалось разобрать слова, и, хотя понять их она не смогла, ей еще сильнее захотелось убраться из поселка. Надпись гласила: «СМЕРТЬ ЗРЕЛЮГАМ!»

— Роланд! — Когда тот посмотрел на нее, Сюзанна ткнула в сторону лозунга на стене: — Что это значит?

Стрелок прочел и покачал головой:

— Не знаю.

Она опять огляделась. Теперь площадь казалась не такой большой, а дома словно нависали над ними.

— Может, пойдем отсюда?

— Скоро пойдем. — Роланд нагнулся и выковырял из дороги небольшой голыш. Задумчиво подбрасывая камень в левой руке, стрелок посмотрел на металлическую коробку над указателем, вскинул руку — и Сюзанна с секундным опозданием поняла, что он собирается делать.

— Роланд, нет! — вскрикнула она и при звуке своего полного ужаса голоса отпрянула и съежилась.

Не обратив на нее ни малейшего внимания, стрелок запустил камнем вверх. Прицелился он как всегда точно, и голыш с гулким металлическим «бам-м!» ударил прямо по коробке. Внутри послышалось механическое жужжание, из прорези на боку коробки пополз ржавый зеленый флажок. Когда он остановился, раздался отрывистый звонок. На флажке крупными черными буквами было написано «ИДИТЕ».

— Чтоб я сдох! — сказал Эдди. — Светофор из «Кистоунских полицейских»! А если ты еще раз по нему захреначишь, он напишет «СТОЙТЕ»?

— Мы не одни, — спокойно отозвался Роланд и указал в сторону строения, которое Сюзанна мысленно окрестила окружным судом. Из него вышли и теперь спускались по каменным ступеням мужчина и женщина. «Ты выиграл пупсика, Роланд, — подумала Сюзанна. — Этой парочке в обед сто лет!»

На мужчине были штаны с нагрудником и соломенная шляпа с огромными полями. Женщина цепко держалась за его голое загорелое плечо. Она была в домотканом платье и капоре, а когда старики подошли поближе, Сюзанна увидела, что женщина слепая и что зрения она лишилась в результате какого-то очень страшного происшествия. На месте глаз остались лишь неглубокие впадины, заполненные рубцовой тканью. Женщину, казалось, снедали страх и смятение.

— Это луни, Сай? — жалобно воскликнула она надтреснутым дрожащим голосом. — Ей-ей, отправишь ты когда-нибудь нас на тот свет!

— Заткнись, Мерси, — отвечал старик. Он, как и женщина, говорил с сильным акцентом, который Сюзанна едва понимала. —

Никакие они не луни, эти-то. Кому сказано: с ими Зрелый. Отродясь ни один лунь со Зрелыми по дорогам не шастал.

Слепая попыталась вырваться от своего спутника. Тот выругался и поймал ее за руку повыше локтя.

— Да будет тебе, Мерси! Будет, говорю! Упадешь — себе же беды наделаешь, чертовка!

— Мы не желаем вам зла, — крикнул стрелок, прибегнув к Высокому Слогу. При звуках торжественной речи глаза старика загорелись недоверием. Женщина повернулась, обратив слепое лицо к чужакам.

— Стрелок! — воскликнул старик. Голос его срывался и дрожал от радостного волнения. — Богом клянусь! Я так и знал! Я знал!

Он бегом кинулся через площадь к путникам, таща с собою. Она беспомощно спотыкалась, и Сюзанна уже ждала того неизбежного момента, когда женщина упадет. Но первым упал мужчина; он тяжело рухнул на колени, и его спутница болезненно распростерлась рядом с ним на булыжнике Великой Дороги.

5

Джейк почувствовал у щиколотки что-то пушистое и посмотрел вниз. Рядом с ним к земле припал страшно встревоженный Чик. Джейк протянул руку и осторожно погладил зверька по голове — не только чтобы успокоиться, но и чтобы успокоить. Мех у косолапа оказался шелковистый и невероятно мягкий. Мгновение мальчику казалось, что косолап убежит, но тот только поднял голову, поглядел на Джейка, лизнул ему руку и вновь стал смотреть на новых людей. Мужчина пытался помочь женщине подняться, но не слишком успешно. Мерси тянула шею, в жадном смущении вертя головой из стороны в сторону.

Человек по имени Сай рассек ладони о камень мостовой, но не замечал этого. Позабыв о своей спутнице, он сорвал с головы сомбреро (Джейку эта шляпа казалась большущей, как тележное колесо) и прижал его к груди.

— Добро пожаловать, стрелок! — вскричал он. — Милости просим! А я-то думал, весь ваш род исчез с лица земли — истинно говорю!

— Благодарю за добрый прием, — молвил Роланд Высоким Слогом. Он осторожно взял слепую за плечи. Женщина на миг съежилась от страха, потом успокоилась и позволила поднять себя с земли. — Покройся, старец. Солнце палит.

Старик послушно нахлобучил шляпу и стоял, глядя на Роланда блестящими глазами. Спустя секунду-другую до Джейка дошло, что это был за блеск: Сай плакал.

— Стрелок! Говорил же я тебе, Мерси! Я как углядел пистолю, сразу сказал: *стрелок!*

— Стало быть, это не луни? — спросила Мерси, словно не в силах поверить. — Верно не луни, Сай?

Роланд повернулся к Эдди.

— Проверь предохранитель и дай ей револьвер Джейка.

Эдди вытащил «Ругер» из-за пояса, проверил предохранитель и нерешительно вложил пистолет в руки слепой. Та охнула, чуть не выронила его, потом изумленно огладила и подняла к старику лицо с пустыми глазницами на месте глаз.

— Огнестрел, — прошептала она. — Силы небесные!

— Да, навроде того, — небрежно отозвался старик, забирая у нее пистолет и возвращая его Эдди, — *настоящий*-то огнестрел у стрелка, а другой — у его товарки. Слышь, Мерси, а кожа-то у ней как есть черная... батюшка мой сказывал, у гарланцев такая.

Чик тоненько, визгливо тявкнул. Джейк обернулся и увидел, что по улице к ним идут еще люди — всего пятеро или шестеро. Подобно Саю и Мерси, все они были весьма преклонного возраста, а одна старуха, которая ковыляла, опираясь на клюку, точно ведьма из сказки, казалась весьма древней. Они подошли ближе, и Джейк понял, что двое в этой группе — братья-близнецы. Длинные седые волосы спадали на плечи пестревших заплатами домотканых рубах. Кожа была белая, как тонкое льняное полотно, а глаза — розовые. «Альбиносы», — подумал он.

Старая карга, похоже, была тут главная. Опираясь на клюку, она ковыляла к отряду Роланда, не спуская с пришельцев зеленых, как изумруды, глаз-буравчиков. Легкий степной ветерок играл краем ветхой шали. Взгляд старухи остановился на Роланде.

— Привет тебе, стрелок! Что за приятная встреча! — Она тоже изыскалась Высоким Слогом, и Джейк, как и Эдди с Сюзанной, отлично все понял, хотя догадывался, что в родном мире эти слова показались бы ему бессмысленным набором звуков. — Добро пожаловать в Речную Переправу!

Стрелок, который тоже снял шляпу, поклонился старухе, трижды быстро хлопнув себя по горлу беспалой правой рукой.

— Благодарствую, праматьер-саи.

В ответ послышался смехок, и Эдди вдруг понял, что Роланд сделал старухе остроумный комплимент. У него мелькнула мысль, уже посещавшая Сюзанну: «Вот какой он был... вот как держался. Во всяком случае, и так тоже».

— Может, ты и стрелок, да только кем ни рядись, под одежкой ты обыкновеннейший олух, как все мужчины, — сказала старуха, переходя на низкий слог.

Роланд опять поклонился.

— Красота всегда лишала меня разума, матушка.

На сей раз она прямо-таки *закудала* от смеха. Чик прижался к ноге Джейка. Близнец-альбинос кинулся вперед подхватить почтенную даму, поскольку та качнулась назад в своих пыльных потрескавшихся башмаках. Однако старуха сама удержала равновесие и сделала повелительный жест: тише. Альбинос ретировался.

— Ты в странствии, стрелок? — Зеленые глаза, устремленные на Роланда, пронизательно поблескивали; морщинистые губы то поджались, то выпячивались.

— Да, — ответил Роланд. — Мы странствуем в поисках Темной Башни.

Обитателей поселка эти слова, казалось, только озадачили, однако старуха отшатнулась и загордилась рукой, выставив пальцы «рожками». «Знак, оберегающий от сглаза и обращенный не к ним, — понял Джейк, — а куда-то на юго-восток, куда вела тропа Луча».

— Печально слышать! — воскликнула она. — Ибо никто из тех, кому выпало пуститься на поиски сего исчадия зла, не воротился! Так говорил мой дед и дед деда моего! Ни один!

— *Ка*, — терпеливо промолвил стрелок, словно это все объясняло. «Собственно, — начинал понимать Джейк, — для Роланда это так и было».

— Да, — согласилась старуха, — злобная bestia *ка*! Что ж, делай, что призван, посвети жизнь свою назначенной стезе и умри, когда сия стезя приведет тебя к поляне средь дерев. Преломишь ли ты с нами хлеб, прежде чем поспешить дальше, стрелок? Ты и твой отряд рыцарей?

Роланд вновь отвесил поклон.

— Мы давным-давно не преломляли хлеб ни с кем, кроме как между собою, праматерь. Гостить долго мы не можем — но вкусим от вашей пищи с благодарностью и удовольствием.

Старуха повернулась к остальным: Она заговорила звенящим надтреснутым голосом, и все же не от него, а от самих слов по спине у Джейка пробежал холодок.

— Се возвращаются добро и свет! Минули черные дни, прошли горькие времена — вновь грядет чистота! Воспряньте же духом, поднимите головы, ибо дожили и видите: колесо *ка* сызнова начинает вращение!

6

Следом за старухой (звали ее тетушка Талита) они пересекли площадь и подошли к церкви с покосившимся шпилем, согласно поблекшему щиту на лужайке, полоненной буйной порослью бурьяна, — храму Крови Предвечной. Поверх этих слов выцветшей до призрачного воспоминания о зелени краской было начертано другое послание: «СМЕРТЬ СЕДЫМ».

Резво ковыляя, тетушка Талита провела их через разгромленную церковь по центральному проходу мимо разбитых в щепы и перевернутых скамей, вниз по короткому лестничному пролету в кухню, так разительно отличавшуюся от разора наверху, что Сюзанна удивленно заморгала. Здесь все так и сверкало чистотой. Деревянный пол был очень стар, но, должным образом натертый, сиял собственным ясным

и прозрачным внутренним светом. Целый угол занимала безукоризненно чистая черная плита, а сложенные в кирпичной нише по соседству поленья казались и хорошо подобранными, и хорошо просушенными.

К их компании присоединилось еще три представителя старшего поколения — две старухи и опирающийся при ходьбе на костыль старик на деревянной ноге. Женщины взялись за дело: две захлопотали у шкафов, третья растворила чрево плиты, где уже были аккуратно сложены поленья, и чиркнула длинной серной спичкой, четвертая открыла еще одну дверь и по короткому маршруту узких ступенек спустилась в помещение, похожее на ледник. Тетушка Талита тем временем повела остальных в просторные сени за церковью. Взмахом клюки она указала на два складных стола, хранившихся там под рваным, но чистым покрывалом, и пожилые альбиносы немедленно вступили в борьбу с одним из них.

— Ну-ка, Джейк, — сказал Эдди, — давай подсобим.

— Нет! — быстро возразила тетушка Талита. — Может, годы наши и почтенные, но помощники из гостей нам не надобны! Покамест нет, юнец!

— Оставь их, — посоветовал Роланд.

— Надорвутся ведь, дураки старые, — пробурчал Эдди, но последовал за остальными, оставив стариков возиться со столом.

Когда он вынул Сюзанну из кресла и пронес в двери черного хода, та так и ахнула: не садик — диво! В мягкой зеленой траве яркими факелами горели цветочные клумбы. Сюзанна заметила знакомые цветы — бархатцы, флоксы, циннии, но множество иных она видела впервые. Пока она смотрела, на ярко-голубой лепесток сел слепень, и лепесток мгновенно облепил его и скатался в тугую трубочку.

— Ух ты! — восхитился Эдди, глаза по сторонам. — Сады Буша!

Сай сказал:

— Один только этот уголок мы и содержим аки в ранешние времена, допрежь того, как мир сдвинулся с места. От проезжих — Зрелых, Седых да луней — мы его тайм. Кабы они прознали, пожгли бы... а нас всех жизни решили бы — зачем, значит, сберегаем такое местечко. Ненавистна им красота — только в том все и сходятся, выродки.

Слепая потянула его за руку: тш-ш, тише.

— Какие нынче проезжие, — сказал старик с деревянной ногой. — Давно уж никаких проезжих. Они поближе к городу держатся. Небось, все, что человеку для жизни потребно, там и находят, на месте.

Сражаясь со столом, появились близнецы-альбиносы. Следом шла одна из старух и подгоняла братьев: живей, живей, с дороги, черти полосатые! В каждой руке она несла по глиняному кувшину.

— Садись же, о стрелок! — воскликнула тетушка Талита, взмахом руки указывая на траву. — Садитесь все!

Сюзанна вдыхала десятки соперничавших друг с другом ароматов. Они погружали ее в дремотное оцепенение; ощущение реальности исчезало, словно происходящее было сном. Ей с трудом верилось, что за разрушающимся фасадом мертвого поселка действительно скрывается этот удивительный райский уголок.

Появилась еще одна женщина; она несла поднос, уставленный бокалами. Бокалы были разномастные, но без единого пятнышка и сверкали на солнце, будто чистый хрусталь. Женщина протянула поднос сперва Роланду, потом тетушке Талите, Эдди, Сюзанне и напоследок Джейку. Когда каждый взял себе бокал, первая женщина разлила темно-золотистую жидкость.

Роланд наклонился к Джейку, который, поджав ноги, как портняжка, сидел с Чиком под боком возле овальной клумбы ярко-зеленых цветов, и пробормотал: «Отпей ровно столько, сколько требует учтивость, Джейк, не больше, не то нам придется нести тебя из поселка на себе — это *греф*, крепкая яблочная брага».

Джейк кивнул.

Талита подняла бокал, и, когда Роланд последовал ее примеру, Эдди, Сюзанна и Джейк сделали то же самое.

— А остальные как же? — прошептал Эдди Роланду.

— Им подадут после того, как будет сказана речь. А теперь тише.

— Стрелок! услышим ли мы слово, что воспламенит наши сердца? — спросила тетушка Талита.

Стрелок встал, высоко поднял бокал и склонил голову, словно в раздумье. Горстка уцелевших обитателей Речной Переправы смотрела на него с уважением и, как показалось Джейку, некоторой робостью. Наконец Роланд снова поднял голову.

— Станете ли вы пить за эту землю и дни, протекшие на ней? — хрипло, вздрагивающим от переполнявших его чувств голосом спросил он. — За былое изобилие и за ушедших друзей? За славную компанию, за радостную встречу? Разожжет ли это в нас сердечный пламень, праматерь? Даст ли нам сил?

Джейк видел, что тетушка Талита плачет, но все равно лицо ее озарила улыбка лучезарного счастья, и на миг старуха стала почти юной. Джейк смотрел на нее с удивлением и внезапно вспыхнувшей радостью. Впервые с тех пор, как Эдди протащил его в дверь между мирами, мальчик почувствовал, что тень привратника и впрямь покидает его сердце.

— Ей, стрелок! — молвила тетушка Талита. — Прекрасно сказано! От эдаких слов душа полыхает пожаром, истинно говорю! — И она залпом осушила свой бокал. Когда он опустел, Роланд осушил свой. Выпили, хоть и не так лихо, и Эдди с Сюзанной.

Джейк пригубил питье и с удивлением обнаружил, что оно ему нравится, — вопреки его ожиданиям, брага оказалась не горькой, а кисло-сладкой и терпкой, как сидр. Однако он почти сразу ощутил

действие напитка и осторожно отставил бокал в сторону. Чик принялся, попятился и положил морду на ногу Джейку.

Вокруг рукоплескали последние обитатели Речной Переправы — маленькое товарищество стариков. Почти все они, как и тетушка Талита, не скрывали слез. Раздали другие бокалы, попроще, но вполне годные к употреблению. Праздник начался — прекрасный праздник на склоне долгого летнего дня, под широко распахнутым степным небом.

7

Вкуснее, чем в тот день, Эдди не угощали с детства, со времен тех уже мифических пиров, когда, справляя день рождения сына, мать считала своей святой обязанностью подать на стол все его самое любимое — мясной рулет, печеную картошку, вареную кукурузу в початках и шоколадный торт с ванильным мороженым на закуску.

Несомненно, то наслаждение, какое Эдди получал от еды, отчасти объяснялось разнообразием и обилием снеди, появившейся перед ним, — особенно если вспомнить, что долгие месяцы весь рацион пилигримов составляло лишь мясо омаров, оленина и несколько видов горькой зелени, объявленных Роландом безопасными, — но Эдди решил, что это не единственная причина; Джейк, заметил он, упивался за обе щеки, только накладывая (поминутно скармливая какой-нибудь кусочек примостившемуся у его ног косолапу), а ведь парнишка еще не пробыл с ними и недели.

Миски с рагу (в густой коричневой подливке, куда были щедро накрошены овощи, плавали ломти бизоньего мяса), тарелки со свежими лепешками, горшки с душистым белым маслом, миски с неведомыми листьями, отдаленно напоминавшими шпинат... Эдди никогда не был страстным любителем зелени, но стоило ему попробовать эти листья, и какая-то обездоленная его часть пробудилась и слезно взмолилась: еще. Молодой человек воздавал должное всем яствам, однако его тяга к зелени граничила с алчностью. Он увидел, что Сюзанна тоже вновь и вновь кладет себе «шпинат». Вчетвером путешественники опустошили три миски листьев.

Старухи — им помогали близнецы-альбиносы — проворно собрали и унесли грязные тарелки и вернулись с миской взбитых сливок и двумя толстыми белыми блюдами, на которых высокой горкой громоздились ломти сладкого пирога. Пирог благоухал так, что Эдди почувствовал себя праведником в раю.

— Сливки только бизоньи, — констатировала тетушка Талита. — Последняя корова уж годков тридцать как околела. Не Бог весть что, знамо дело, да все ж таки лучше чем ничего, клянусь Маргариткой!

Пирог оказался с голубикой. Эдди подумал, что все прочие пироги, торты и кексы, съеденные им за свою жизнь, с этим и рядом не лежали. Прикончив три куска, он отвалился от стола и, не успев прикрыть рот, звучно ргнул. Он виновато огляделся.

Мерси — слепая — хихикнула.

— Слышу, слышу! Кто-то поблагодарил стряпуху, тетушка!

— Да, — отозвалась тетушка Талита, и сама смеясь. — Что верно, то верно.

И все же подавальщицы появились вновь. Одна несла кувшин, над которым поднимался парок, другая — поднос, где ненадежно балансировали глиняные чашки.

Тетушка Талита сидела во главе стола, Роланд — по правую руку от нее. Он наклонился и что-то прошептал ей на ухо. Старуха выслушала (улыбка ее чуть поблекла) и кивнула.

— Сай, Билл и Тилл, — сказала она. — Вы трое останьтесь. Нам со стрелком и его друзьями надобно потолковать — по той причине, что они думают пуститься в путь нынче же ввечеру. Остальные, чтоб не гомонить тут попусту, будут кофейничать на кухне. Да не забудьте попрощаться, как подобает учтивым людям!

Билл и Тилл, близнецы-альбиносы, остались сидеть на дальнем конце стола. Остальные выстроились гуськом и медленно двинулись мимо путников. Каждый пожимал руку Эдди и Сюзанне, а затем чмокал Джейку в щеку. Мальчик принимал это достойно, но Эдди видел, что он удивлен и смущен.

Подле Роланда старики опускались на колени и прикасались к сандаловой рукояти револьвера, торчавшей из кобуры на левом бедре стрелка. Роланд клал им руки на плечи и целовал в морщинистые лбы. Последней шла Мерси; она обвила талию Роланда обеими руками и звонко чмокнула его в щеку.

— Благословен будь, стрелок! Да хранят тебя боги! Кабы я только могла тебя увидеть!

— Не забывайся, Мерси! Веди себя прилично! — резко вмешалась тетушка Талита, но Роланд, не обращая на нее внимания, склонился к слепой.

Он ласково, но решительно взял ее руки в свои и поднес к своему лицу.

— Посмотри на меня ими, красавица, — сказал он и закрыл глаза, когда сморщенные, изуродованные артритом пальцы слепой принялись осторожно ощупывать его лоб, щеки, губы и подбородок.

— Да, стрелок! — выдохнула она, поднимая незрячие глазницы навстречу блекло-голубым глазам Роланда. — Я очень хорошо вижу тебя! Славное лицо, однако ж полное печали и заботы. Мне страшно за тебя и за твоих.

— И все же встреча вышла радостная, разве не так? — спросил он в ответ и запечатлел на гладкой, истончившейся от старости коже лба Мерси нежный поцелуй.

— Так, так. Истинная правда. Спасибо за поцелуй, стрелок. Сердечное спасибо.

— Ступай, Мерси, — велела тетушка Талита, но без прежней суровости. — Ступай пить кофей.

Мерси поднялась с колен. Одноногий старик с костылем взял ее руку и положил на пояс своих штанов. Мерси ухватила его, помахав на прощание Роланду и его товарищам, позволила хрому увести ее.

Эдди вытер увлажнившиеся глаза.

— Кто ее ослепил? — хрипло спросил он.

— Луни, — отвечала тетушка Талита. — Выжгли ей очи клеймом, вот как. Будто бы за то, что дерзко на них глядела. Тому уж четверть века... Ну же, пейте поскорей кофе! Он и горячий-то гадок, а чуть остынет, так и вовсе в рот не возьмешь — дорожная слякоть, да и только.

Эдди поднес чашку ко рту и отхлебнул на пробу. «Дорожная слякоть, — решил он, — слишком сильно сказано, но что не «Синяя гора», то не «Синяя гора».

Сюзанна попробовала и изумилась:

— Да это же цикорий!

Талита бросила на нее быстрый взгляд.

— Сия трава мне неизвестна. Я знаю только щавельник, и иного кофею опричь щавельничного у нас не водится с тех пор, как надо мною еще тяготело женское проклятие... а проклятие это снято с меня давным-давно.

— Сколько же вам лет, сударыня? — неожиданно спросил Джейк.

Тетушка Талита удивленно взглянула на него, потом скрипуче рассмеялась.

— Правду сказать, паренек, уж и сама позабыла. Помнится мне, будто, как справляли мое осьмидесятилетие, сидела я тут, на этом самом месте, да ведь тогда на этой лужайке нас собралось более пяти десятков, а Мерси еще не лишилась очей. — Тут ее взгляд упал на косолапа, лежавшего у ног Джейка. Чик, не убирая мордочки с лодыжки мальчика, поднял глаза с золотистой каемкой и внимательно посмотрел на старуху. — Косолап, клянусь Маргариткой! Давненько я не видала, чтоб косолап состоял при людях... похоже, эти зверята позабыли те дни, когда водили компанию с двуногими.

Один из близнецов нагнулся погладить Чика. Чик отпрянул.

— Когда-то они пасли овец, — сообщил Джейку Билл (или, может быть, это был Тилл). — Знал ты сие, малый?

Джейк помотал головой.

— Твой-то гуторит? — поинтересовался альбинос. — В ранешние времена промеж них попадались говорящие.

— Да. — Мальчик посмотрел вниз, на косолапа, который, едва рука чужака исчезла с его горизонта, опять положил голову Джейку на ногу. — Скажи, как тебя зовут, Чик.

Чик смотрел на него снизу вверх и молчал.

— Чик! — настаивал Джейк, но Чик молчал. Не слишком огорченный, Джейк посмотрел на тетушку Талиту и близнецов. — Вообще-то он разговаривает... но, наверное, только когда сам хочет.

— Мальчуган, видать, не здешний, — обратилась тетушка Талита к Роланду. — Одет чудно... и глядит странно.

— Он здесь недавно, — Роланд улыбнулся Джейку, и тот ответил неуверенной улыбкой. — Через месяц-другой никто и не скажет, что парень из чужих краев.

— Да? Не знаю, не знаю... И откуда же он?

— Издалека, — сказал стрелок. — Из дальней дали.

Старуха кивнула.

— И когда он думает отправляться восвояси?

— Никогда, — отозвался Джейк. — Теперь мой дом здесь.

— Да смилуются над тобой боги, коли так, — отвечала тетушка Талита, — ибо солнце в сем мире заходит. Заходит на веки вечные.

Тут Сюзанна беспокойно пошевелилась и прижала руку к животу, словно ее замutilo.

— Сьюзи, — спросил Эдди, — ты в порядке?

Сюзанна попыталась улыбнуться, но улыбка вышла бледная; казалось, обычные уверенность и самообладание покинули ее в эту минуту.

— Да, конечно. Гусь прошел по моей могиле, вот и все.

Тетушка Талита посмотрела на Сюзанну долгим оценивающим взглядом, от которого той стало, по-видимому, неуютно, и улыбнулась.

— «Гусь прошел по моей могиле»... ха! Тыщу лет не слыхала это присловье!

— Любимая присказка моего отца, — Сюзанна улыбнулась Эдди — на этот раз более уверенно. — И вообще, что бы это ни было, оно уже прошло. Я в полном порядке.

— Что вы знаете о городе и о землях между ним и Речной Переправой? — Роланд взял свою чашку и отпил глоток. — Там есть луны? И кто те, другие... Седые и Зрелые?

Тетушка Талита тяжело вздохнула.

8

— Ты о многом слышан, стрелок, а мы знаем ничтожно мало. Одно могу сказать наверняка: город — дурное место, особенно для юнца. Для *всякого* юнца. Вам никак нельзя обойти его стороной?

Роланд посмотрел на небо и заметил уже знакомые очертания облаков, плывущих вдоль русла Луча. Невозможно было проглядеть эту небесную реку в бескрайней лазури над степью.

— Пожалуй, — признал он наконец со странной неохотой. — Наверное, можно дать крюку к юго-западу, обогнуть город по краю и за ним вернуться к Лучу.

— Стало быть, вы идете вслед Лучу, — протянула тетушка Талита. — Да. Так я и думала.

Эдди вдруг сделал открытие: он представлял себе город в розовом свете неуклонно крепнущей надежды на то, что, когда (и если) они

доберутся до него, там им встретятся всеми позабытые-позаброшенные добрые дяди, у которых странствующие рыцари найдут помощь и поддержку, или даже кто-нибудь, кто сможет чуть больше рассказать им о Темной Башне и о том, что надо будет делать, добравшись туда. Например, это могли бы быть «Седые» — прозвище вполне подходило старым мудрым эльфам, каких продолжал воображать себе Эдди.

Спору нет, от барабанов мороз шел по коже; жутковатые глухие удары воскрешали в памяти Эдди десятки дешевых киноэпопей про джунгли (их он смотрел главным образом по телевизору; рядом сидел Генри, а между ними стояла миска воздушной кукурузы). В тех фильмах неизменно оказывалось, что легендарные затерянные города лежат в руинах, а выродившиеся туземцы превратились в кровожадных каннибалов... но Эдди никак не мог поверить, будто нечто подобное могло произойти в городе, который — по крайней мере издали — так походил на Нью-Йорк. Если даже там нет старых мудрых человечков или всеми покинутых добрых дяденек, то наверняка должны найтись хотя бы *книги*. Роланд, конечно, рассказывал им, какая редкость здесь бумага, но все крупные города, в каких бывал Эдди, поистине *тонули* в книгах. Возможно, в Ладе найдется даже некое исправное средство передвижения — какой-нибудь местный «лендровер» отлично подошел бы. Вероятно, это были всего лишь дурацкие грезы, но, когда тебе предстоит проделать не одну тысячу миль по неведомым землям, вполне естественно время от времени предаваться дурацким грезам — пусть даже только затем, чтобы не падать духом. И, черт побери, разве все то, что он навоображал себе, не было хотя бы *возможно*?

Эдди раскрыл рот, чтобы высказать некоторые из этих своих соображений, но Джейк опередил его.

— По-моему, нам нельзя идти в обход, — заявил он и, когда все посмотрели на него, залился легким румянцем. Чик у ноги мальчика пошевелился.

— Нет? — удивилась тетушка Талита. — Отчего же? Изволь-ка растолковать.

— Вы слышали про поезд? — спросил Джейк.

Повисло долгое молчание. Билл и Тилл тревожно переглянулись. Тетушка Талита, не говоря ни слова, все смотрела и смотрела на Джейка. Мальчик выдержал ее взгляд.

— Слыхала я о таком, — промолвила она. — Может, и видала. Вон там. — Она показала в сторону Сенда. — Давным-давно, в ту пору я была совсем дитя и мир еще не сдвинулся с места, а коли и сдвинулся, то самую малость, с нынешним не сравнить. Ты говоришь про Блейна, пострел?

Глаза Джейка вспыхнули удивлением и узнаванием.

— Да! Про Блейна!

Роланд внимательно приглядывался к Джейку.

— Как же ты прознал про Блейна Моно? — спросила тетушка Талита.

— Моно? — Джейк глядел непонимающе.

— Да, так его величали. Откуда же ты знаешь этот старинный сказ?

Джейк беспомощно посмотрел на Роланда, потом снова на тетушку Талиту.

— Откуда? Не знаю...

«Это правда, — подумал Эдди, — да не вся. Кое-что пацан не хочет здесь выкладывать... и, кажется, он чего-то боится».

— Думаю, сие наше дело, — Роланд говорил сухо, властно, отрывисто. — Дозволь нам разобраться самим, праматерь.

— Да, — быстро согласилась тетушка Талита, — толкуйте промеж собой. Таким, как мы, лучше ничего не знать.

— Что город? — напомнил Роланд. — Что вы знаете про Лад?

— Нынче — мало, но все, что нам ведомо, вы услышите.

И она налила себе еще кофе.

9

Собственно, говорили в основном близнецы, Билл и Тилл; стоило одному замолчать, другой плавно подхватывал рассказ. Тетушка Талита то и дело что-нибудь добавляла или поправляла, а близнецы почтительно ждали и вновь подавали голос только убедившись, что она уже высказалась. Сай сидел перед своим нетронутым кофе, теребя соломинки, торчавшие из широких полей его огромной шляпы, и молчал.

Роланд быстро понял, что старики действительно знают очень мало, даже об истории собственного поселка (его это ничуть не удивило: в последнее время воспоминания блекли и таяли стремительно; казалось, не существовало ничего, кроме самого недавнего прошлого), но то, что им все-таки было известно, внушало тревогу. Впрочем, и это не удивило Роланда.

Во времена их прапрапрадедов Речная Переправа во многом походила на тот поселок, что рисовала себе Сюзанна: умеренно процветающее торговое село у Великой Дороги, где изредка продавали, а чаще обменивали товар. Числилось оно частью Речного баронства, хотя и тогда уже баронства, земельные владения и тому подобное отходили в прошлое.

Несмотря на то, что торговля медленно отмирала, кое-кто в те дни еще охотился на бизонов; поголовье их было невелико и сильно мутировалось. Мясо бизонов-мутантов, хоть и не ядовитое, пахло мерзко и вкус имело горький. И все же Речную Переправу, расположенную между местечком, которое называлось просто Пристань, и деревенькой Джимтаун, в этих краях знали. Поселок стоял у Великой Дороги, всего в шести днях пути от города, если ехать берегом, и в трех — если плыть баржей. «А коли вода в реке спадала, — прибавил один из близнецов, — тут уж про три дни забудь. Дед мой сказывал, баржи, бывало, волоком тащили супротив течения аж до Томовой косы».

Разумеется, старики ничего не знали ни об основателях и первых жителях города, ни о том, как те возводили свои башни и башенки: то были Великие Пращуры, а их история канула в Лету еще тогда, когда прапрадед тетушки Талиты бегал в коротких штанишках.

— Дома пока стоят, — встрял Эдди. — А вот интересно, машины, с помощью которых великие золотые бабульки-дедульки их строили, еще можно запустить?

— Все может быть, — ответил один из близнецов. — Коли так, парень, здесь ноне не сыщешь ни единой живой души, чтоб еще помнила, как с ими управляться... так-то.

— Не, — возразил второй, — каково нынче ни худо, а сумлеваюсь я, чтоб и у Седых и у Зрелых память о старинном житье напрочь отшибло. — Он поглядел на Эдди. — Слышал я от папани, будто в старину в городе горели лехтрические свечки. Болтают, они и посейчас не сгасли.

— Ну надо же, — удивленно протянул Эдди, и Сюзанна под столом больно ушипнула его за ногу.

— Да, — подтвердил первый близнец. Он говорил серьезно, не сознавая сарказма Эдди. — Нажмешь на пуговку — гоп! — и готово: светло как белым днем, а жару нет, и ни тебе фитилей, ни плошек с маслом, ни карасину. А еще слышал я, будто раз в стародавние времена Квик, атаман разбойников, поднялся в небо на механической птице. Но сломалось у ней крыло, и убился Квик, грянулся с высоты, как Икар.

Сюзанна разинула рот.

— Вы знаете историю Икара?

— Да, госпожа, — отозвался старик, явно удивленный тем, что ей это кажется странным. — Крылья у него были из пчелиного воску.

— Детские сказки и то, и другое, — фыркнула тетушка Талита. — Вот огни неугасимые — истинная правда, ибо их я видала собственными глазами еще сопливой девчонкой; может быть, что по временам они еще сияют, да... хоть сама я давным-давно ничего такого не видала, достойные доверия люди из числа моих знакомцев в ясные ночи наблюдали оные огни. Однако ж ни один человек не подымался под облака, не летал яко птица, даже Великие Пращуры.

Тем не менее, диковинные машины странного и порой опасного назначения в городе все-таки *были*. Возможно, многие из них сохранились в исправности, однако дряхлые близнецы считали, что теперь уже никто в городе не знает, как их запустить: шума работающих механизмов не слышно уже много лет.

«Пожалуй, это дело поправимо, — подумал Эдди, блестя глазами. — То есть, если появится предприимчивый, инициативный и смекалистый малый, который кой-что кумекает в диковинных механизмах и огнях неугасимых. Может, на самом деле вся закавыка в том, чтоб отыскать рычажок с пометкой «вкл». Нет, правда. Или, может, у них там просто коротнуло... Вы только подумайте,

ребята! Заменяем полдюжины четырехсотамперных пробок — и в городе светло, как субботним вечером в Рено!»

Сюзанна толкнула его локтем и, понизив голос, поинтересовалась, чему он так радуется. Эдди помотал головой и приложил палец к губам, заслужив тем самым раздраженный взгляд своей великой и единственной любви. Альбиносы тем временем продолжали говорить, передавая друг другу нить повествования с той бессознательной легкостью, какую, вероятно, может дать лишь постоянное, длиною в жизнь, общение с двойником.

Четыре или пять поколений назад, рассказывали они, Лад все еще был довольно густо населен и умеренно цивилизован, хотя горожане и разъезжали по широкому проспектам, проложенным Великими Прашурами для своих легендарных безлошадных экипажей, в фургонах и сколоченных из досок подводах. Люд в городе жил мастеровой — ремесленники и, как выразились близнецы, «мануфактурщики», а потому торговля и на берегу, и над рекой шла бойко.

— Над рекой? — переспросил Роланд.

— Мост через Сенд еще стоит, — пояснила тетушка Талита. — Верней, стоял двадцать лет назад.

— Да что там, и десяти лет не минуло, как старый Билл Маффин со своим парнишкой видели его, — подтвердил Сай, впервые вступая в разговор.

— Что за мост? — спросил стрелок.

— Громадина на стальных канатах, — ответил один из близнецов. — Висит в небе, словно какой паук-великан паутину сплел. — И робко прибавил: — Вот бы сызнава увидеть его до того, как помру.

— Он, небось, уж обвалился, — заявила тетушка Талита, закрывая тему, — туда ему и дорога. Дьявольское творение. — Она повернулась к близнецам. — Расскажите-ка им, что произошло с тех пор и чем опасен нынче город опричь всяческих призраков, какие, быть может, укрываются в нем... а я поручусь, их там темная сила. Наши гости спешат, а солнце поворотило к закату.

10

Дальнейший рассказ оказался не чем иным, как еще одной версией предания, которое Роланд Галаадский уже слышал множество раз и до некоторой степени пережил лично. Версия эта, обрывочная и неполная, была, вне всяких сомнений, насыщена вымыслом и далекими от истины сведениями; линейное развитие сюжета искажали странные, затрагивающие и время и пространство перемены, происходившие в мире, и все это можно было суммировать одним сложно-сочиненным предложением: *когда-то существовал знакомый и понятный нам мир, но этот мир сдвинулся с места.*

Старики из Речной Переправы знали о Галааде не больше, чем Роланд — о Речном баронстве, и имя Джона Фарсона, ввергнувшего

родной край стрелка в хаос и разрушение, было для них пустым звуком, но все рассказы о сошествии старого мира в небытие походили один на другой... И сходство было слишком велико, думалось Роланду, для простого совпадения.

Три, а то и четыре сотни лет назад — возможно, в Гарлане, возможно, в еще более далекой стране под названием Порла — вспыхнула великая смута. Рябь от нее постепенно разошлась по миру, как круги по воде, неся анархию и вражду. Редкие державы (если такие вообще нашлись) сумели выстоять перед этими медленными волнами, и хаос пришел в эту часть света с той же неотвратимостью, с какой за вечерней зарей приходит тьма. Был период, когда по дорогам двигались целые армии; одни наступали, другие отступали, всегда в беспорядке и без каких бы то ни было далеко идущих целей. Время шло; армии раздробились на более мелкие группы, а те выродились в рышущие по стране шайки разбойников — луней. Торговое дело сперва пошатнулось, затем пришло в полный упадок. Разъезды и путешествия из связанного с неудобствами хлопотного предприятия превратились в предприятие опасное. Сообщение с городом неуклонно сокращалось, и около ста двадцати лет назад прекратилось полностью.

Подобно десяткам иных поселений, через которые проехал Роланд — поначалу с Катбертом и другими стрелками, изгнанными из Галаада, затем один, в погоне за человеком в черном, — Речная Переправа оказалась отрезана от остального мира и предоставлена сама себе.

Тут Сай встрепенулся, страхнул вялость, и его голос вмиг пленил путешественников. Старик говорил хрипло, неторопливо, словно всю жизнь только и рассказывал, словно он принадлежал к тем блаженным, что рождены ткать из были и небыли грезы, воздушно-великолепные, как паутина, унизанная каплями росы.

— В ostatний раз дань в замок барона отправляли при моем прадедушке, — начал он. — Нагрузили шкурами повозку — твердой монеты к той поре, конешное дело, уж не водились, и больше дать было нечего, — и отрядили с ней двадцать шесть душ. Дорога была дальняя — почитай, восемьдесят колес, — опасная, и в пути шестерых не стало. Половину перебили разбойники, что шли в город воевать, другая половина перемерла — кто от хворей, кто от бес-травы. Когда наконец добрались до замка, нашли там только грачей да дроздов и больше ни души. Стены оказались порушены, Государственный Двор зарос будыльем. В полях на западе опосля великого побоища все было белым-бело от костей и рыжо от ржавых доспехов, сказывал прадед, и устами павших в том бою, аки ветер восточный, выли да рыдали демоны. Деревню за замком спалили дотла, а под крепостными стенами красовалось еще с тыщу черепов. Наши оставили свое богатое приношение, шкуры, у разбитых ворот (ибо никто не пожелал ступить в сию обитель призраков и стонущих голосов) и отправились восвояси. В дороге они потеряли еще десятерых, и из двадцати шести пустив-

шихся в путь воротился всего десяток, среди прочих мой прадед. Да только угораздило его подцепить в дороге лишай, и лишай тот не сходил с шеи и груди прадеда до самой его смерти. Лучевница — так, по крайности, сказывали. С той поры, стрелок, никто не покидал поселка. Жили сами по себе.

Они мало-помалу привыкли к набегам луней, продолжал Сай надтреснутым, но певучим голосом. Выставляли дозоры; заведя приближающийся отряд верховых (всадники почти всегда ехали по Великой Дороге на юго-восток, по ходу Луча, на нескончаемую войну, бушевавшую в Ладе), поселковые прятались в большое убежище, вырытое ими под церковью. Мимоходом нанесенный поселку ущерб не восполнялся, дабы не возбуждать любопытства рышущих по стране лиходеев. Впрочем, тем было не до того: с заброшенными за спину луками или боевыми топорами луни галопом проносились через Речную Переправу туда, где творились убийства.

— О какой войне ты говоришь? — спросил Роланд.

— Да, — подхватил Эдди, — и что насчет этого барабанного боя?

Близнецы вновь переглянулись — быстро, почти с суеверным страхом.

— О божьих барабанах мы знать ничего не знаем, — сказал Сай, — и ведать не ведаем. Теперь о городской войне...

Начиналась война как поход луней и изгоев против непрочного союза мастеровых и «мануфактурщиков», населявших город. Вместо того, чтобы позволить луням учинить грабеж и погром, сжечь лавки, а тех, кто уцелел, обречь на верную смерть, прогнав в Пустыню, горожане решили дать бой. И в течение нескольких лет успешно обороняли Лад от пылающих злобой, но плохо организованных банд налетчиков, которые пытались то ураганом пронестись по мосту и взять приступом городские ворота, то прорваться за стены Лада с лодок и барж.

— Городские пустили в ход старинное оружие, — сказал один из близнецов, — и, хоть оставалось их раз-два и обчелся, луни со своими луками, палицами да боевыми топорами супротив них не сдюжили.

— То есть горожане по ним стреляли? — спросил Эдди.

Один из альбиносов кивнул.

— Ага, стреляли, и не только из пистолей. У их были машины, которые пускали зажигательные ядра на милю, а то и дальше. Рвались оные ядра не в пример мощней динамитного зелья. Разбойникам — они, надобно вам знать, нынче прозываются Седые — токмо одно и оставалось: отойти за реку и начать осаду. Так они и сделали.

В результате Лад стал последним укрепленным прибежищем в умирающем мире. К нему поодиночке и по двое стекались из окрестных деревень самые крепкие и смышленные. Вновь прибывшим приходилось доказывать свою сообразительность на деле; решающим испытанием становилось задание незаметно пробраться через лабиринт биваков и первые ряды осаждающих. К нейтральной полосе —

мосту — почти все выходили безоружными, но тех, кому удавалось забраться так далеко, беспрепятственно пропускали в ворота. Если новобранец оказывался чересчур бестолков или откровенно дурковат, его, разумеется, вышвыривали вон; тем, кто владел каким-нибудь ремеслом или умением (или был достаточно башковит, чтобы его освоить), разрешали остаться. Особенно ценилась крестьянская сноровка — по преданию, все без исключения крупные парки Лада превратили в огороды. В отрезанном от сел и деревень городе вопрос стоял жестко: выращивать пищу здесь же или умереть от голода среди стеклянных башен и металлических аллей. Великие Пращуры исчезли, остались загадочные машины и бездействующие немые диковины, непригодные для еды.

Мало-помалу характер войны стал меняться. Равновесие сил сместилось в пользу осаждающих, Седых, прозванных так потому, что в среднем они были намного старше жителей города. Конечно, старели и горожане. Их все еще звали Зрелыми, но в большинстве случаев зрелость давно миновала. В довершение всех бед они в конце концов то ли позабыли, как действует старинное оружие, то ли вывели его из строя постоянным употреблением.

— Небось, и то, и другое, — буркнул Роланд.

Лет девяносто назад — уже при Сае и тетушке Талите — в поселок нагрянул последний отряд бандитов, такой большой, что первые всадники вихрем промчались через Речную Переправу на утренней заре, а иссяк поток верховых лишь к закату. То была последняя армия, какую здесь видели. Вел ее атаман по имени Дэвид Квик, тот самый, который позднее погиб, якобы рухнув с небес на землю. Квик собрал под свои знамена отиравшийся у городских стен сброд, убивая всякого, кто противился его планам, и с этой армией — армией Седых — попытался ворваться в город, однако не с лодок и не с моста. Выстроив двадцатью милями ниже по течению понтон, Седые напали с фланга.

— С той поры сражение то затухает, то вспыхивает с новой силою, точно огонь в очаге, — закончила тетушка Талита. — Бывает, мы кое-что узнаем от тех, кому удалось покинуть Лад. Нынче таких стало чуть поболее, ибо мост, по их словам, никто не обороняет, а мне сдается, что и вояки растеряли почти весь свой пыл. В городе Седые бранятся со Зрелыми из-за той военной добычи, какую еще можно захватить, только мне думается, нынче истинные Зрелые — те, кто происходит от луней, что следом за Квиком перешли по плавающему мосту, пусть их и величают по старой памяти Седыми. Потомки исконных жителей города, должно быть, почти достигли наших лет, хоть и по сей день некоторые выюноши уходят к ним, наслушавшись старинных преданий и соблазнившись знанием, какое, быть может, еще сохранилось там.

Седые и Зрелые еще не примирились, стрелок. И тем, и другим захочется залучить к себе молодца, коего ты называешь «Эдди». Темнокожую, коли ее чрево плодоносно, не убьют, пусть ноги у нее и окорочены; она будет вынашивать им потомство — дети нынче

редкость и порой родятся странными, хоть старые хвори мало-помалу исчезают.

Тут Сюзанна пошевелилась, как будто хотела что-то сказать, но помолчала, допила кофе и снова устроилась слушать.

— Однако вот что я мыслю, стрелок: заполучить молодца и молодицу им будет желательно, но постреленка они возжаждут со всею страстью.

Джейк нагнулся и снова принялся гладить Чика. Роланд увидел лицо мальчика и понял, о чем тот думает: все сначала, очередной марш-бросок под горами, новая версия Мутантов-Недоумков.

— Тебя скорей всего убьют, — продолжала тетушка Талита, — ибо ты — стрелок, человек из иных времен, кому место не здесь, ни рыба ни мясо, бесполезный и тем, и другим. Но мальчика можно прибрать к рукам, приучить, вышколить, чтоб запомнил одно и начисто позабыл все другое. *Те* давно уж запаматовали, из-за чего бились поначалу; мир с тех пор сдвинулся с места, и нынче сражение затевается единственно как загрохочут те страшные барабаны. Там есть и такие, что еще не достигли преклонных лет, но их можно по пальцам перечесть, большинство же еле таскает ноги, как мы тут, и все они — безмозглые безобразники, живущие единственно, чтобы убивать, и убивающие, чтобы жить. — Она помолчала. — Вот вы послушали нас, старых простофиль. Верно ли, что вам не лучше будет пойти кружным путем и к *тем* не соваться?

Роланд не успел ответить — раздался звонкий, решительный голос Джейка:

— Расскажите, что вы знаете про Блейна Моно. Расскажите про Блейна и Машиниста Боба.

11

— Про *кого?* — изумился Эдди, но Джейк не ответил, продолжая смотреть на стариков.

— Чугунка во-он где, — наконец махнул рукой в сторону реки Сай. — Стоит там высокая истукада из рукотворного камня, каким Великие Прашуры мостили мостовые да тротуары, а по ей проложен единый полоз подколесный.

— Монорельс! — воскликнула Сюзанна. — Блейн-Монорельс!

— Блейн-мучитель, — пробормотал Джейк.

Роланд быстро взглянул на него, но ничего не сказал.

— А сейчас этот поезд ходит? — спросил у Сая Эдди.

Сай медленно покачал головой. Лицо у него было расстроенное и встревоженное.

— Нет, сударь... но мы с тетушкой застали то времечко. В те поры в городе еще всюю воевали, а мы совсем зеленые были, молоко на губах не обсохло. Сперва ничего не видишь, только слышишь: гудет. Будто идет сильная гроза, моляньями прыщет.

— Да, — подтвердила тетушка Талита в мечтательном забытии.

— Потом глядь — вот он, Блейн, горит-блестит на солнышке, искры сыпет, нос точь-в-точь как у пуль из твоего левольверта, стрелок, а длины в нашем Моно колес двести, не менее. Знаю-знаю, верится с трудом. Может, тут я и впрямь загнул (не забывайте, мы в те поры были молодехоньки да неопытны, а сие совсем иное дело)... только сдается мне, все верно, поелику, как Блейн объявлялся, мнилось, будто протянулся он вдоль всего окоема, из края в край. Быстрый, низкий, не поспеешь толком разглядеть, его уж нет! Иной раз в ненастье ворвется с запада, и, коли ветер притихнет, слышно: визжит да воет ровно ведьма злобная. Случалось, вой энтот будил нас в ночь-полночь: Блейн мчался впотьмах, гнал вперед себя длинный белый свет и ревел аки труба, что, говорят, подымет всех мертвецов из могил, как придет конец света.

— Расскажи им про бумс, Сай! — дрожащим от благоговейного ужаса голосом вставил не то Билл, не то Тилл. — Расскажи им про безбожный бумс, что всегда раздавался следом!

— Дак я к тому и вел, — ответил Сай с ноткой раздражения в голосе. — Опосля того, как Блейн пройдет, делалось тихо... когда на миг-другой, когда и на полную минуту... А потом грохало, да так, что стены тряслись, чашки-плошки скидывало с полок долой, а то и окна вылетали. Но отродясь ни одна живая душа не видала ни сполуху, ни пламени, будто взрыв тот учинялся в загробном мире.

Эдди осторожно, одним пальцем, постучал по плечу Сюзанны и, когда она обернулась, беззвучно шевельнул губами: «акустический удар». Разумеется, это была полная чушь; Эдди никогда в жизни не слышал о поезде, который бы двигался со сверхзвуковой скоростью, но, однако же, только такое объяснение и казалось разумным.

Сюзанна кивнула и снова повернулась к Саю.

— Оный Блейн — единственная из устроенных Великими Пращурами машин, какую я своими глазами видел в действии, — негромко сказал Сай, — и коли то не было дело рук дьявола, стало быть, дьявола нет. А последний раз я видел ее той весной, когда обженился с Мерси, то бишь лет шестьдесят тому.

— Семьдесят, — авторитетно заявила тетушка Талита.

— И этот поезд шел в город, — задумчиво заметил Роланд. — Оттуда, откуда мы пришли... с запада... из леса.

— Да, — неожиданно подтвердил новый голос, — токмо был и другой... из города... и, может статься, он еще на ходу.

12

Все обернулись. Возле цветочной клумбы, отделявшей стол, за которым они сидели, от задней стены церкви, стояла Мерси. Вытянув перед собой руки, она медленно шла на звук голосов.

Сай неуклюже поднялся, поспешно, насколько позволял возраст, подошел к слепой и взял ее за руку. Мерси обвила рукой его талию: самые старые в мире жених и невеста.

— Тетушка велела тебе пить кофей внутри! — упрекнул Сай.

— Кофей я уж давно допила, — отвечала Мерси. — Горькое зелье, терпеть его не могу. Опрichь того... хотелось послушать, о чем вы толкуете. — Она подняла дрожащий палец и ткнула им в сторону Роланда. — *Его* послушать. У него чудесный голос, светлый и легкий. Истинно говорю.

— Тетушка, — сказал Сай, с опаской поглядывая на древнюю старуху, — простите вы ее, глупую. Что ее слушать; она всегда невесть что болтала и с годами ума не набралась.

Тетушка Талита бросила на Роланда быстрый взгляд. Роланд едва заметно кивнул.

— Пусть подойдет и сядет с нами, — распорядилась старуха.

Не переставая ворчать, Сай проводил Мерси к столу. Мерси молчала, всматриваясь незрячими глазами куда-то поверх его плеча и упрямо поджав губы в ниточку.

Когда Сай усадил слепую, тетушка Талита облокотилась на стол и молвила:

— Ну-с, тебе и впрямь есть что сказать, сестра-сай, или другой моно ты приплела для красного словца?

— Видеть я не вижу, зато слышу! Слух у меня все такой же острый, Талита, — еще острее!

Роланд на миг опустил руку к патронташу. Когда он вновь положил ее на стол, в пальцах он держал патрон. Он перебросил его Сюзанне. Та поймала.

— Неужто, сай? — спросил Роланд слепую.

— Слышу я, — отвечала Мерси, поворачиваясь в его сторону, — достаточно хорошо, чтобы понять: ты сейчас что-то кому-то перебрoсил. Думаю, своей темнокожей товарке. Что-то махонькое. Что это было, стрелок? Печенье?

— Почти угадала, — улыбнулся стрелок. — Стало быть, ты не хвастала. Ну, растолкуй же нам, о чем ты вела речь.

— Коли Блейн ходит токмо в одну сторону, — начала слепая, — стало быть, есть и другой моно. Так ли, эдак ли, *какой-то* моно супротивной дорогой ходил... еще лет семь-восемь тому. Сколько раз я слышала, как он отправлялся из города — на закат, в бесплодные земли.

— Говна-пирога! — фыркнул один из близнецов. — В бесплодные-то земли! *Ничего* туда не ходит! Кто ж там может жить? Никто!

Мерси повернулась к нему.

— Нешто поезд живой, Тилл Тадбери? — осведомилась она. — Нешто машина хвора, покрывается язвами, мается рвотой?

«Ну-у, — подумал Эдди, — а как же *медведь?*...»

Поразмыслив еще немного, он счел за лучшее промолчать.

— Мы бы слышали его, — горячо настаивал второй близнец. — Шум навряд ли того, про какой завсегда толкует Сай...

— Про бумс врать не буду, грохоту сей моно не учинял, — признала Мерси, — а гул шел, сама слыхала; так гудело, будто где недалеко молонья ударила. И слыхала я оный гул о ту пору, как сильный ветрище с городу налетал. — Она задиристо выставила подбородок и прибавила: — А как-то раз, в ночь, когда вихорь Большой Чарли чуть не сдул звонницу с церкви, слыхала и бумс. Далеко-далеко. Колес за двести отсюда. А то и за двести пятьдесят.

— Брехня! — воскликнул другой близнец. — Чай, травы нажевалась, оттого в ушах и гудело!

— Я *тебя* разжую, Билл Тадбери, коли не заткнешь хрюкало. Не тебе говорить почтенной женщине «брехня»! Что...

— Уймись, Мерси! — прошипел Сай, но Эдди слушал этот обмен деревенскими любезностями вполуха. То, что сказала слепая, не казалось ему бессмыслицей. Конечно, никакого акустического удара в Речной Переправе не слышали — ведь в черте города поезд только начинал разгон. Эдди не мог точно припомнить, какова скорость звука, но ему казалось, что она составляет приблизительно шестьсот пятьдесят миль в час. Чтобы набрать такую скорость, поезду, стартующему с мертвой точки, требуется некоторое время, и в миг прохождения звукового барьера он неизбежно оказывается за пределами слышимости... если только в силу действия случайных факторов слышимость не улучшится, как, по утверждению Мерси, произошло в ночь, когда налетел загадочный «вихорь Большой Чарли».

Здесь крылись определенные возможности. Блейн Моно, конечно, не лендровер, но может быть... может быть...

— Ты уже семь, не то восемь лет не слыхала, как шумит этот поезд, сай? — спросил Роланд. — А может, куда больше?

— Никак невозможно, — возразила слепая. — Ведь последний-то раз пришелся аккурат на тот год, когда у старого Билла Маффина завелась болезнь в крови. Бедняга Билл!

— Тому уж скоро десять лет, — прибавила тетушка Талита странно мягким голосом.

— Чего ж ты столько годов молчала про то, что слыхала такое? — спросил Сай. Он посмотрел на стрелка. — Нельзя верить всему, что она болтает, ваша милость. Ее, Мерси мою, хлебом не корми, дай покрасоваться.

— Ах ты, горшок с помоями! — вскричала та и звонко шлепнула Сая по руке. — Тебя жалеючи молчала — больно ты своей байкой гордишься, не хотелось ее затмевать. Но теперь как же я смолчу, коли оно важно!

— Я верю тебе, сай, — успокоил слепую Роланд. — Однако точно ли ты с той поры не слыхала моно?

— Нет, ни разочка. Сдается мне, он наконец прошел свой путь до конца.

— Любопытно, — пробормотал Роланд. — Поистине, весьма и весьма любопытно. — Он уперся взглядом в столешницу и погрузился в невеселые раздумья, внезапно оказавшись за тридцать земель от своих собеседников.

«Чух-чух», — подумал Джейк и вздрогнул.

13

По прошествии получаса они вновь были на поселковой площади. Сюзанна сидела в инвалидном кресле. Джейк подтягивал лямки ранца. Чик, который по-прежнему держался чуть позади, внимательно наблюдал за манипуляциями мальчика, сидя у самых его ног.

По-видимому, на торжественном обеде в маленьком райском саду за церковью Крови Предвечной присутствовали лишь старейшины: когда путники вернулись на площадь, там их поджидало еще с десяток человек. Они скользнули взглядом по Сюзанне, чуть пристальнее посмотрели на Джейка (очевидно, его молодость представляла для них несравненно больший интерес, чем ее темная кожа), но цель их появления не вызвала сомнений: они пришли увидеть Роланда; в их изумленных глазах светилось древнее, почти первобытное благоговение.

«Он — живой осколок прошлого, которое они знают лишь по легендам, передающимся из уст в уста, — подумала Сюзанна. — На него смотрят так, как верующие смотрели бы на святого — Петра, Павла или Матфея, — если бы тому вздумалось в субботний вечер заглянуть к ним на ужин и за тушеными бобами рассказать о том, каково было бродить с Иисусом-Плотником вокруг моря Галилейского».

Повторилась завершившая трапезу церемония. На сей раз в ней приняли участие все без исключения уцелевшие жители Речной Переправы. Шаркающая вереница стариков потянулась к гостям; пожав руку Эдди и Сюзанне и чмокнув в лоб или щеку Джейка, они преклоняли колена перед Роландом, чтобы получить его благословение. Мерси порывисто обняла стрелка и уткнулась слепым лицом ему в живот. Ответив объятием на объятие, Роланд поблагодарил ее за рассказ.

— Неужто не заночуешь, стрелок? Не успеешь оглянуться, солнце зайдет, а ведь я поручусь, что и ты, и твои люди давненько не ночевали под крышей.

— Благодарствую, сая, это верно, однако задерживаться нам нельзя.

— Воротитесь, коли сможете, стрелок?

— Да, — ответил Роланд, но Эдди, даже не заглядывая в лицо своему удивительному другу, понял: они навсегда прощаются с Речной Переправой. — Коли сможем — вернемся.

— Ах... — Мерси в последний раз сжала его в объятиях и пошла, держась за коричневое от загара плечо Сая. — Доброго пути!

Последней подошла тетушка Талита. Она хотела было исполнить обряд, но Роланд остановил ее, взяв за плечи:

— Нет, саи. Не ты. — И на глазах у изумленного Эдди он сам опустился перед ней на колени в пыль площадки. — Благослови, прагматер. Благослови нас всех на нашем пути.

— Быть посему, — отвечала тетушка Талита без удивления, глядя сухими глазами, и все же голос ее вздрагивал от сильного, глубокого чувства. — Я вижу, у тебя верное сердце, стрелок, без измены и обмана, и старинный обычай своего племени ты блюдешь изрядно. Благословляю тебя и твоих людей и буду молиться о том, чтобы с вами не приключилось ничего дурного. Теперь, коли пожелаешь, возьми вот это. — Старуха сунула руку за лиф линялого платья, вытащила серебряный крест на тонкой серебряной цепочке из мелких звеньишек и сняла его с шеи.

Настал черед Роланда удивиться.

— Да стоит ли, саи? Я приходил не затем, чтобы обобрать вас, прагматер.

— Стоит, стоит. Более века я ни днем ни ночью не расставалась с этим крестом, стрелок. Отныне он твой. Когда-нибудь ты положишь его к подножию Темной Башни и вымолвишь на далеком краю света имя Талиты Анвин. — Старуха надела цепочку Роланду на шею. Крест упал в раскрытый ворот рубахи из оленьей кожи, словно его место было там. — Теперь ступайте. Хлеб преломлен, разговор состоялся, мы получили твоё благословение, а ты — наше. Ступайте, да минует вас в дороге беда. Будьте стойкими и верными, не отступайтесь. — Голос тетушки Талиты дрожал и на последнем слове сорвался.

Роланд поднялся и поклонился, трижды хлопнув себя по горлу.

— Благодарствую, саи.

Старуха поклонилась в ответ, но ничего не сказала. По ее щекам бежали слезы.

— Готовы? — спросил Роланд.

Эдди кивнул. Он боялся заговорить.

— Вот и славно, — сказал Роланд. — Пошли.

По разрушенной главной улице поселка они двинулись к околице. Джейк катил кресло Сюзанны. Когда последний дом («МЕНА И ТОРГ» — значилось на поблекшей вывеске) остался позади, мальчик оглянулся. Старики еще не разошлись и стояли около каменного указателя — затерянная в пустынных степных просторах жалкая горстка представителей рода человеческого. Джейк поднял руку. До сих пор ему удавалось сдерживаться, но, когда несколько стариков, в том числе Сай, Билл и Тилл, подняли руки в ответ, он заплакал.

Эдди обнял его за плечи.

— Ты знай шагай, приятель, — сказал он вздрагивающим голосом. — Глядишь, и полеччает. А иначе никак.

— Они такие *старые!* — всхлипнул Джейк. — Как мы могли вот так просто взять и бросить их? Это неправильно!

— Это *ка*, — не задумываясь ответил Эдди.

— Да? Гов... гов... говно ваше *ка!*

— Да, и притом *крутое*, — согласился Эдди, но не остановился. Не остановился и Джейк. Больше он не оглядывался: боялся, что старики еще не ушли, что они стоят посреди заброшенного поселка и глядят, как Роланд с друзьями постепенно исчезает вдаль. И был прав.

14

Не прошли они и семи миль, как небо стало темнеть, а западный его край запылал червонным золотом заката. Поблизости виднелась эвкалиптовая роща. Джейк и Эдди отправились туда по дрова.

— Не понимаю, почему мы не остались, — сказал Джейк. — Не понимаю, и все. Нас же приглашала слепая леди. Все равно мы далеко не ушли. Я так наелся — до сих пор еле хожу.

Эдди улыбнулся.

— Я тоже. И могу сообщить тебе еще кое-что: твой добрый друг Эдвард Кантор Дийн спит и видит, как завтра утречком первым делом надолго и без спешки засядет орлом в этой роще. Ты не поверишь, как я устал жрать оленину и гадить козьими орешками. Если б год назад ты мне сказал, что моей самой большой радостью будет хорошо высыреться, я бы рассмеялся тебе в лицо.

— Твое второе имя действительно Кантор?

— Да, но ты лучше про это помалкивай.

— Ладно. *Ну почему мы не остались, Эдди?*

Эдди вздохнул.

— Потому что оказалось бы, что им нужны дрова.

— А?

— Мы нарубили бы дров, и оказалось бы, что старикам позарез нужно свежее мясо — ведь последние запасы они отдали нам. Мы же не полные уроды, чтобы не возместить того, что умяли, так? Тем более что сами при стволах, а у стариков, небось, одни луки со стрелами, да и тем лет пятьдесят, если не все сто. Поэтому мы отправились бы на охоту и вернулись только к ночи, а утром Сюзанна сказала бы: прежде чем двигаться дальше, следует кое-что подправить — не *спаружи*, Боже упаси, это опасно, — но, может быть, в гостинице или где они там живут. Это ведь всего день-другой, а что такое день-другой, верно?

Из сумрака материализовался Роланд. Он двигался как всегда неслышно, но казался усталым и озабоченным.

— Я уж подумал, вы оба свалились в забун.

— Не-а. Я просто объяснял Джейку факты так, как я их понимаю.

— Ну и *что* в том было бы плохого? — спросил Джейк. — Ведь эта Темная Башня стоит где стоит уже давным-давно, верно? Она ведь никуда не денется, правда?

— День-другой, потом еще день-другой, потом еще. — Эдди оглядел ветку, которую только что подобрал, и с отвращением отшвырнул ее в сторону. «Что-то я начинаю говорить точь-в-точь как он», — подумал молодой человек. Тем не менее он знал, что все сказанное — чистая правда. — Может быть, мы увидели бы, что родник забился илом, и было бы хамством уйти, не очистив его. Но почему бы тогда не прихватить еще пару недель и не сварганить на скорую руку водяное колесо? Старикам не годится таскать воду из колодца. И загонять бизонов на своих двоих — тоже. — Эдди покосился на Роланда, и в его голосе зазвучал упрек. — Знаешь... как представляю, что Билл с Тиллом отслеживают стадо диких бизонов, аж мороз по коже.

— Им не привыкать, — сказал Роланд. — Более того, я думаю, нам нашлось бы чему у них поучиться. Не тревожьтесь о них. А пока давайте наберем хвороста — ночь будет холодная.

Но Джейк еще не успокоился. Он пристально, почти сурово смотрел на Эдди.

— Ты хочешь сказать, мы никогда не сделали бы для них достаточно?

Эдди выпятил нижнюю губу и сдул со лба прядь волос.

— Не совсем так. Я хочу сказать, что потом уйти было бы не легче, чем сегодня. Тяжелее — может быть, но легче — нет.

— *Все равно*, по-моему, это неправильно.

За разговором они вернулись к тому месту, которому предстояло, едва запылает костер, стать очередным привалом на пути к Темной Башне. Сюзанна, которая выбралась из кресла и, подложив руки под голову, лежала, глядя на звезды, села и принялась укладывать хворост особым образом, как много месяцев назад ее научил Роланд.

— Суть вашего спора выяснить, что же правильно, — сказал Роланд. — Но, коль слишком долго приглядываться к мелким «правильно», Джейк, к тем, что под носом, легко упустить большие, главные, расположенные дальше. Мир расшатался: все идет наперекосяк, хаос умножается, но время решительных действий не пришло. Покуда мы помогали бы двум-трем десяткам душ в Речной Переправе, в иных краях, быть может, страдали бы или умирали двадцать или тридцать тысяч. И если есть во вселенной место, где можно вправить наш вывихнутый век, это — Темная Башня.

— Почему? Как? — спросил Джейк. — Что вообще такое, эта Башня?

Роланд присел рядом со сложенным Сюзанной хворостом, достал огниво и принялся высекать над растопкой искры. Вскоре среди прутьев и пригоршней сухой травы расцвели маленькие язычки пламени.

— К моему величайшему сожалению, на эти вопросы я не могу ответить, — промолвил он.

«Очень хитро, — подумал Эдди. — Роланд сказал «не могу ответить», но это было вовсе не то же самое, что «не знаю». Далеко не то же самое».

15

Ужинали водой и зеленью. Давала себя знать обильная трапеза в Речной Переправе: даже Чик, проглотив пару кусочков, отказался от предложенных ему Джейком объедков.

— Что ж ты в поселке заупрямился, не стал говорить? — укорил Джейк косолапа. — Выставил меня идиотом!

— Идь-етом! — эхом откликнулся Чик и положил морду на ногу Джейку.

— Он говорит все лучше и лучше, — заметил Роланд. — У него даже голос становится похож на твой, Джейк.

— Эйк, — подтвердил Чик, не поднимая головы. Джейка заворожили золотистые колечки в глазах зверька — в колеблющемся, мерцающем свете костра казалось, что они медленно вращаются.

— Но он не захотел говорить при стариках.

— Косолапы переборчивы, — отозвался Роланд. — Они странные создания. Кабы кто спросил, что я думаю, я бы сказал, что этого прогнала стая.

— Почему ты так думаешь?

Роланд указал на бок Чика. Джейк очистил рану от запекшейся крови (Чик процедура пришлась не по душе, но он стерпел), и укус постепенно заживал, хотя косолап еще прихрамывал.

— Я не побоялся бы поспорить на золотой, что его попробовал на зуб другой косолап.

— Но с чего его собственной стае...

— Может, твой дружок утомил их своей трепотней, — вставил Эдди. Он лежал рядом с Сюзанной, обнимая ее за плечи.

— Возможно, — согласился Роланд, — особенно, коли он единственный из всех пробовал говорить. Остальные могли счесть, что он, на их вкус, чересчур умен... или чересчур заносчив. Зверям зависть знакома не так хорошо, как людям, и все же она им не чужда.

Предмет обсуждения прикрыл глаза и как будто бы задремал, но Джейк заметил, что, едва разговор возобновился, уши Чика начали подрагивать.

— Косолапы очень умные? — спросил Джейк.

Роланд пожал плечами.

— Старик конюх, о ком я тебе рассказывал, — тот, что говорил «добрый косолап удачу за собой ведет», — божился, будто в юные лета у него был косолап, и этот косолап знал сложение. Якобы он отвечал итог, либо царапая по полу конюшни, либо мордочкой подтал-

кивая камешки в кучку. — Стрелок усмехнулся. Усмешка озарила его лицо, прогнав хмурую тень, залегшую там с тех пор, как они покинули Речную Переправу. — Конечно, конюхи да рыбаки — прирожденные вральи.

Воцарилось дружелюбное молчание, и Джейк почувствовал, как его одолевает дремота. Он с радостью подумал, что скоро заснет. Потом на юго-востоке мерно забили барабаны, и мальчик опять сел. Все молча слушали.

— Это же рок-н-ролл, ударные, — неожиданно сказал Эдди. — Точно. Фоновый ритм. Убрать гитары, и пожалуйста. Вообще-то здорово смахивает на «Зи Зи Топ».

— На «Зи Зи» что? — переспросила Сюзанна.

Эдди усмехнулся.

— При тебе их не было, — объяснил он. — То есть быть-то они, видимо, были, но в шестьдесят третьем эта компашка наверняка еще ходила в школу у себя в Техасе. — Он прислушался. — Будь я проклят, если это не какой-нибудь «Круто упакованный» или «Ширинка на липучке».

— «Ширинка на липучке»? — повторил Джейк. — Дурацкое название для песни.

— Зато с приколом, — сказал Эдди. — Отстаешь лет на десять, командир.

— Давайте-ка на боковую, — вмешался Роланд. — Светает рано.

— Не могу я спать под это говно, — пожаловался Эдди. Он замялся, помедлил и наконец сказал то, о чем думал с того самого утра, когда они протащили белого как мел, визжавшего Джейка через дверь в земле. — Слушай, Роланд, может, пора переговорить с парнем? Вдруг окажется, что мы знаем больше, чем думаем?

— Да, осталось потерпеть совсем немного. Однако ночь не время для разговоров. — Роланд повернулся на бок, укрылся одеялом и, по всей видимости, заснул.

— Елки-палки! — не сдержался Эдди. — Нате вам! — И с досадой фыркнул.

— Он прав, — сказала Сюзанна. — Угомонись, Эдди, — пора спать.

Эдди усмехнулся и чмокнул ее в кончик носа.

— Да, мамуся.

Через пять минут они с Сюзанной, несмотря на барабаны, уже спали как убитые. Зато Джейк с удивлением обнаружил, что ему расхотелось спать. Он лежал, глядел на неведомые чужие звезды и слушал непрерывное размеренное буханье барабанов, доносившееся из темноты. Быть может, это Зрелые отплясывали под «Ширинку на липучке» бешеное буги, доводя себя до неистовства перед ритуальным убийством?

Джейк думал о Блейне Моно — таком скором поезде, что он проносился по этому огромному, населенному призраками миру,

потрясая его акустическим ударом, — и, естественно, ему вспомнился Чарли Чух-Чух, с прибытием нового «Берлингтон-Зефира» признанный устаревшим и отправленный на покой на заброшенный запасный путь. В памяти мальчика всплыло лицо Чарли, которое должно было быть бодрым и симпатичным, но почему-то не было. Межземельская железнодорожная компания, голая степь между Сент-Луисом и Топекой... Джейк задумался о том, как получилось, что Чарли, когда он вдруг понадобился мистеру Мартину, оказался в полной боевой готовности, и о том, как это Чарли сам мог гудеть в гудок и подбрасывать угля в топку. И вновь мальчик задал себе вопрос: уж не нарочно ли Машинист Боб испортил «Берлингтон-Зефир», чтобы дать своему ненаглядному Чарли еще один шанс.

Наконец — так же внезапно, как и загремели — барабаны смолкли, и Джейк медленно погрузился в сон.

16

Ему приснился сон, но не о Штукатурнике.

Ему приснилось, что он стоит на черном, засыпанном щебнем гудроне железнодорожного переезда где-то в пустынных просторах западного Миссури. С ним был Чик. Переезд огораживали предупредительные знаки — белые косые кресты с красными лампочками в центре. Лампочки мигали, звонили звонки.

Тут на юго-востоке что-то загудело. Гул нарастал, словно молнию поймали в бутылку.

— *Идет*, — сказал Джейк Чик.

— *Дет!* — подтвердил Чик.

И вдруг по равнине к ним заскользило что-то громадное, розовое, в двести колес длиной. Оно было приземистое, обтекаемое, пулевидное, и при взгляде на него сердце Джейка наполнилось невыносимым страхом. Сверкавшие на солнце лобовые окна поезда походили на глаза.

— *Не приставай с вопросами*, — велел Джейк Чик. — *Не соберешь костей. Чудовище с колесами зовут Мучитель Блейн.*

Вдруг Чик прыгнул на рельсы и припал к ним, прижав уши и отчаянно скаля зубы. Золотистые глаза зверька пылали.

— *Нет!* — пронзительно крикнул Джейк. — *Нет, Чик!*

Но Чик словно не слышал. Теперь розовая пуля неслась прямо на косолапа, на крохотный дерзкий комок. Вибрирующий гул медленно растекался по всему телу Джейка, из носа у мальчика потекла кровь, а зубные пломбы раскрошились.

Джейк прыгнул за Чиком, Блейн Моно (или это был Чарли Чух-Чух?) налетел на них, и мальчик внезапно проснулся, дрожа и обливаясь потом. Ночная тьма вдруг стала осязаемой, навалилась, придавила к земле. Он повернулся на другой бок и лихорадочно зашарил по земле в поисках Чика. Мелькнула ужасная мысль: косолап

ушел, но в следующий миг пальцы Джейка нащупали шелковистый мех. Чик пискнул и с сонным любопытством посмотрел на мальчика.

— Все в порядке, — пересохшими губами прошептал Джейк. — Никакого поезда нет. Спи, спи, мальчик.

— Чик, — согласился косолап и опять закрыл глаза.

Джейк перевернулся на спину и стал глядеть на звезды. «Блейн не просто мучитель, — думал он. — Он опасен. *Очень опасен*».

Да, возможно.

«Никаких «возможно!» — с жаром настаивал его рассудок.

Ладно, Блейн мучитель — факт. Но ведь в его «Итоговом эссе» о Блейне говорилось и кое-что еще?

Блейн — истина. Блейн — истина. Блейн — истина.

— Мама родная, ну и дела, — прошептал Джейк. Он закрыл глаза и через считанные секунды снова спал. На этот раз без сновидений.

17

К полудню следующего дня, поднявшись на гребень нового степного кряжа, они впервые увидели мост. Он был переброшен через Сенд там, где река сужалась, поворачивала к югу и текла вдоль городской черты.

— Мать честная, — негромко проговорил Эдди. — Сьюзи, тебе это ничего не напоминает?

— Да... похоже на мост Джорджа Вашингтона.

— Точно, — согласился Эдди.

— Что МДВ делает в Миссури? — спросил Джейк.

Эдди посмотрел на него.

— Еще разок, дружище?

Джейк сконфузился.

— Я хотел сказать, в Межземелье. Ну, ты понял.

Эдди так и впился в него глазами:

— *Ты-то* откуда знаешь, что это Межземелье? Когда мы вышли к дорожному камню, тебя с нами не было.

Джейк сунул руки в карманы и принялся разглядывать свои мокасины.

— Приснилось, — коротко пояснил он. — А ты думал, я заказал эту прогулку через папиного турагента?

Роланд взял Эдди за плечо:

— Покамест оставь это.

Эдди бросил на Роланда быстрый взгляд и кивнул.

Они еще немного постояли, глядя на мост. Они успели привыкнуть к очертаниям города на горизонте, но это было нечто новое. Далекий мост словно парил в небе — бледный неясный очерк на полуденной синеве. Роланд сумел разглядеть четыре пары невероятно высоких металлических вышек — по одной у каждой оконечности моста и две в середине. Между ними в воздухе покачивались длинные полукружья

исполинских тросов. Эти полукружья соединялись с настилом множеством вертикальных линий — то ли такими же тросами, то ли металлических балками; чем именно, Роланд не разобрал. Зато он заметил бреши и много времени спустя понял, что мост уже не идеально ровный.

— Пожалуй, в скором времени этот мост окажется в реке, — сказал он.

— Может быть, — нехотя откликнулся Эдди, — но, по-моему, все не так уж плохо.

Роланд вздохнул.

— Загад не бывает богат, Эдди.

— А если яснее? — Эдди расслышал в своем голосе обиду, но было уже поздно.

— Я хочу, чтобы ты верил своим глазам, Эдди, вот и все. Я с отроческих лет помню такую поговорку: «Лишь дурень, еще не проснувшись, верит, что видит сон». Смекаешь?

Эдди почувствовал, что на языке у него вертится саркастический ответ, и после недолгой борьбы подавил желание съязвить. Просто стрелок (юноша не сомневался, что неумышленно, впрочем, легче от этого не становилось) умел заставить Эдди почувствовать себя совершеннейшим *сопляком*.

— Да вроде, — наконец сказал он. — Это про то же, про что любимая поговорка моей матери.

— Какая же?

— Надеемся на радость, а жди беды, — кисло отозвался Эдди.

Лицо Роланда озарила улыбка.

— Пожалуй, присловье твоей матушки мне больше по душе.

— Но мост-то *стоит!* — вспыхнул Эдди. — Согласен, не в таком уж он сказочном состоянии, небось, тыщу лет без капремонта, но ведь стоит же! И город — вон он! Может, все-таки не такой уж страшный грех надеяться, что там отыщется что-нибудь полезное? Или кто-нибудь, кто, вместо того, чтоб в нас палить, накормит нас и научит уму-разуму, как старики из Речной Переправы? Разве такой большой грех надеяться, что нам, может быть, еще повезет?

В наступившей тишине Эдди, к своему смущению, понял, что произнес речь.

— Нет. — Сказано это было по-доброму, с той теплотой, которая, когда бы ни прозвучала в голосе Роланда, неизменно удивляла Эдди. — Надеяться никогда не грех. — Стрелок оглядел своих спутников, словно пробуждаясь от глубокого сна. — Сегодня мы дальше не пойдем. Пришла пора потолковать, а на это надобно время.

Стрелок сошел с дороги и не оглядываясь зашагал по высокой траве. Миг — и остальные последовали за ним.

До встречи со стариками из Речной Переправы Сюзанна воспринимала Роланда исключительно сквозь призму тех немногих телевизионных фильмов, которые она видела: «Шайенн», «Стрелок» и, конечно, их общий прототип — «Ружейный дым». «Ружейный дым» она иногда слушала с отцом по радио еще до выхода одноименной постановки на телеэкран (при мысли о том, насколько Эдди и Джейку чужда идея радиоспектакля, Сюзанна улыбнулась: с места сдвинулся не только мир Роланда). Она еще помнила, что говорил в начале каждой такой короткой пьески актер, читающий текст от автора: «...человек поневоле становится недоверчивым, осторожным — и в глубине души одиноким».

До Речной Переправы в этой фразе для нее был весь Роланд. Он не был широкоплеч, как Маршал Диллон, и вовсе не так высок, и его лицо казалось Сюзанне скорее лицом усталого поэта, чем слуги закона с Дикого Запада, но она по-прежнему продолжала видеть в стрелке телесное воплощение выдуманного канзасского блюстителя порядка, чье единственное призвание, предназначение и цель (помимо редких попок в «Длинной ветви» с друзьями-приятелями Доком и Китти) — Искоренение Нечестного Образа Жизни.

Теперь она поняла, что когда-то Роланд был не просто фараоном, кому вменялось в обязанность объезжать, словно созданные кистью Дали, просторы на краю света. Ему случалось выступать в роли дипломата, посредника и, возможно, даже наставника. Более же всего он был солдатом того, что здесь называли Светом, вероятно, подразумевая под этим те силы цивилизации, которые удерживали человека от истребления себе подобных достаточно долго для того, чтобы допустить некоторый прогресс. Не столько наемник, охотник за головами, сколько благородный странствующий рыцарь — вот кем был Роланд в свое время, и во многих отношениях время его еще не прошло; обитатели Речной Переправы определенно так считали. Иначе с чего бы им преклонять в пыли колена ради его благословения?

В свете этого нового восприятия Сюзанна вдруг поняла, как хитроумно стрелок манипулировал ими с памятного страшного утра в вещьюиной круговине. Всякий раз, когда затевался разговор, неизбежно ведущий к сопоставлению подмеченных фактов (а что могло быть более естественно, если принять во внимание пережитое каждым из них катастрофически внезапное и необъяснимое «извлечение», насильственное перемещение из родного мира в чуждый?), Роланд оказывался тут как тут и быстро вступал в беседу, направляя ее в иное русло, да так гладко, что никто ничего не замечал — даже она, почти четыре года варившаяся в самой гуще движения за гражданские права.

Сюзанне казалось, ей ясна причина: Роланд хотел дать Джейку время залечить раны. Но, несмотря на такое проникновение в суть

побуждений стрелка, думая о том, как ловко стрелок управляется с их троицей, она неизменно испытывала одни и те же чувства: удивление, веселое изумление, досаду. Сюзанна смутно припоминала, что незадолго до того, как Роланд забрал ее сюда, Эндрю, ее шофер, назвал президента Кеннеди последним стрелком западного мира. Тогда она подняла Эндрю на смех, но теперь как будто бы поняла. В Роланде было гораздо больше от Джей-Эф-Кей, чем от Мэтта Диллона. Она подозревала, что природа наделила Роланда лишь малой толикой творческого воображения Кеннеди, но в смысле романтики... увлеченности, преданности делу... обаяния...

«А также хитрости, — подумала она. — Не забывай о хитрости». И, к своему удивлению, вдруг расхохоталась.

Роланд, восседавший в траве по-турецки, повернулся к ней, вскинув брови:

— Тебя что-то рассмешило?

— Еще как! Скажи-ка мне кое-что... сколько языков ты знаешь?

Стрелок подумал.

— Пять, — ответил он наконец. — Когда-то я изрядно объяснялся на селлийских наречиях, но, сдается, перзабыл все, кроме проклятий. Сюзанна опять рассмеялась — радостно, восторженно.

— Ну и хитрюга ты, Роланд! Ну и лис!

Джейк явно заинтересовался.

— Ругнись по-стреллийски, а? — попросил он.

— По-селлийски, — поправил Роланд. С минуту он думал, потом что-то сказал — очень быстро и невнятно; Эдди показалось, будто стрелок полощет горло какой-то очень густой жидкостью. Скажем, кофе недельной давности. Роланд замолчал и усмехнулся.

Джейк усмехнулся в ответ.

— Что это значит?

Роланд на миг приобнял мальчика за плечи.

— Что нам о многом нужно поговорить.

— Да уж, — сказал Эдди.

19

— Мы — *ка-тет*, — начал Роланд, — кружок людей, связанных судьбой. Философы на моей родине утверждали, будто разрушить *ка-тет* может лишь смерть или предательство. Корт, мой благородный наставник, сказал однажды: поелику и смерть и вероломство суть спицы в колесе *ка*, подобная связь нерасторжима вовек. Годы идут, я узнаю и постигаю все больше — и все более и более склоняюсь к взглядам Корта. Всякий участник *ка-тета* подобен кусочку головоломки. Взятый сам по себе, отдельно, такой кусочек — загадка, но сложи его с прочими и получишь картину... или *часть* ее. Для завершения одной картины может понадобиться великое множество

ка-тетов. Не удивляйтесь, коль вскроется, что ваши жизни давно переплелись, пусть прежде вы этого не замечали. Во-первых, всяк из вас троих владеет даром проникать в мысли товарищей...

— Что? — воскликнул Эдди.

— Это правда. Вы делите свои мысли друг с другом столь естественным образом, что даже не сознаете происходящего, но это так. Мне, несомненно, легче это заметить, ибо, не будучи полноправным членом вашего *ка-тета* — быть может, оттого, что не принадлежу к вашему миру, — сам я способностью к соборному мышлению наделен не в полной мере. Однако ж *внушить* свою мысль я могу. Сюзанна... помнишь, в круговине?..

— Да. Ты велел: отпустишь демона, когда я скажу. Но вслух ты ничего не произнес.

— Эдди... помнишь, на медвежьей поляне на тебя кинулся механический нетопырь?

— Помню. Ты еще крикнул мне «ложись!».

— На самом деле он и рта не раскрыл, Эдди, — сказала Сюзанна.

— Нет, крикнул! *Гаркнул!* Я же *слышал* тебя, старик!

— Гаркнуть-то я гаркнул, верно, да только *в уме*. — Стрелок повернулся к Джейку. — А ты помнишь? В том доме?

— Я никак не мог оторвать половицу, и ты велел мне дернуть за другую. Но, Роланд, если ты не можешь читать мои мысли, откуда ты узнал, что у меня за проблема?

— *Увидел*. Я ничего не слышал, но я *видел* — еле-еле, будто сквозь грязное окошко. — Стрелок окинул их внимательным взглядом. — Подобное тесное смыкание и единение умов называется *кеф*. На древнем наречии старого мира слово *кеф* имеет и множество иных значений. «Вода», «рождение» и «жизненная сила» — лишь три из них. Осознайте и прочувствуйте это. Большого я пока не требую.

— А ты сам можешь прочувствовать то, во что не веришь? — спросил Эдди.

Роланд улыбнулся.

— Долой предубежденность, вот и все.

— Это можно.

— Роланд? — Это был Джейк. — Как ты думаешь, Чик может быть частью нашего *ка-тета*?

Сюзанна улыбнулась. Роланд — нет.

— Покамест я не готов даже гадать на сей счет, но вот что я тебе скажу, Джейк: я много думал о твоём мохнатом приятеле. *Ка* правит не всем; и поныне бывают случайные стечения обстоятельств, однако ж внезапное появление косолапа, который еще помнит людей, не кажется мне чистой случайностью.

Он обвел глазами своих спутников.

— Начну я. Эдди продолжит с того места, где я закончу. За ним — Сюзанна. Тебе, Джейк, говорить последним. Согласны?

Они дружно кивнули.

— Вот и славно, — сказал Роланд. — Мы — *ка-тет*, один из многих. Приступим!

20

Они проговорили до заката, прервавшись лишь раз, ровно настолько, чтобы проглотить холодный обед, и к тому времени, как разговор завершился, Эдди казалось, будто он провел двенадцать тяжелых раундов с Рэем Леонардом. Молодой человек больше не сомневался в том, что их связывает *кеф*, по выражению Роланда, «тесное смыкание и единение умов»; они с Джейком в своих снах, кажется, и впрямь жили жизнью друг друга, словно половинки одного целого.

Роланд начал с происшествия под горами, оборвавшего первую жизнь Джейка в здешнем мире. Он рассказал о своей беседе с человеком в черном; о туманных намеках Уолтера на некоего Зверя и на кого-то, кого Уолтер называл Вечным Пришельцем; о привидевшемся ему странном и страшном сне — сне, в котором всю вселенную поглотил луч небывалого белого света. И о том, чем окончился этот сон: травинкой. Одной-единственной лиловой травинкой.

Эдди покосился на Джейка и оторопел: в глазах мальчика светилось понимание — *узнавание*.

21

В свое время Эдди уже слышал обрывки этой истории от Роланда, бредившего в горячке, но Сюзанна, для которой все это было вновь, слушала, широко раскрыв глаза. Роланд повторил диковинные речи Уолтера, и перед ней, словно отраженные в разбитом зеркале, мелькнули картины родного мира: автомобили, рак, полеты на Луну, искусственное осеменение. Она понятия не имела, кто такой может быть Зверь, но распознала в имени Вечного Пришельца иное прочтение имени Мерлина, волшебника, который якобы дирижировал карьерой короля Артура. Все любопытственней и любопытственней...

Роланд описал, как пробудился и обнаружил, что Уолтер давным-давно мертв, — время непостижимым образом убежало вперед; быть может, на сто лет, быть может, на пятьсот. Джейк в зачарованном молчании выслушал, как стрелок добрался до берега Западного Моря, как он лишился двух пальцев на правой руке, как, перенесся из мира в мир Эдди и Сюзанну, столкнулся с Джеком Мормом — зловещим третьим, вступил с ним в поединок и победил.

Тут стрелок сделал знак Эдди, и молодой человек подхватил рассказ, начав с появления медведя-великана.

— Шардик? — перебил Джейк. — Но это же название книжки! У нас есть такая книжка! Того же автора, что написал знаменитую повесть про кроликов...

— Ричард Адамс! — выкрикнул Эдди. — А книжка про кроликов называлась «Уотершипский холм»! Знал же я — знакомое имя! Как же это, Роланд? Откуда здесь у вас могут знать про то, что делается у нас?

— А двери? — отвечал Роланд. — Разве нам уже не открылись четыре из них? Что ж, по-твоему, их никогда прежде не было? Или никогда больше не будет?

— Но...

— Все мы видели здесь крохи вашей жизни; а я у вас в Нью-Йорке натолкнулся на приметы нашей. Я увидел там *стрелков*, в большинстве своем вялых и нерасторопных, но все же стрелков, которые бесспорно составляли собственный древний *ка-тет*.

— Роланд, это были обыкновенные легавые. Они тебе в подметки не годятся.

— Кроме одного, последнего. На подземном вокзале он едва не одолел меня. И кабы не слепое везенье, не Мортово огниво, он сладил бы со мной. Тот стрелок... я видел его глаза. Он помнил лик своего отца. Твердо помнил. И еще: ты не забыл, как называлось заведение Балазара?

— Нет, конечно, — с тревогой ответил Эдди. — «Падающая башня». Но это может быть совпадение; ты сам говорил — *ка* правит не всем.

Роланд кивнул:

— Ты и впрямь вылитый Катберт. Знаешь, что он сказал однажды, еще мальчишкой? Мы тогда вздумали потихоньку улизнуть в полночь на кладбище, однако Аллен отказался наотрез — из страха оскорбить тени предков, объяснил он. Катберт поднял его на смех и объявил: не поверю, что призраки есть, покуда своеручно не изловлю за хвост хоть одного.

— Молоток! — воскликнул Эдди. — Bravo!

Роланд улыбнулся.

— Я так и думал, тебе это придется по душе. Однако давай покамест забудем о призраках. Расскажи нам, что было дальше.

И Эдди повел речь о том, что явилось ему в пламени костра, когда Роланд швырнул туда челюсть Уолтера, — о видении ключа и розы. Он перешел к своему сну, и все узнали, как, переступив порог «Деликатесов от Тома и Джерри», Эдди очутился на поле роз, где царила невероятно высокая, черная как сажа Башня. Говоря о хлынувшей из ее бойниц тьме, обернувшейся затем призраком в поднебесье, Эдди обращался непосредственно к Джейку — с такой жадной сосредоточенностью, с таким нарастающим изумлением и трепетом слушал мальчик. Молодой человек постарался хотя бы отчасти передать то ощущение ужаса и восторга, каким был проник-

нут сон, и по глазам слушателей, в первую очередь Джейка, понял: то ли это удалось ему лучше, чем он смел надеяться... то ли они тоже видели сны.

Эдди рассказал, как по следу Шардика они вышли к Порталу Медведя и как, приложив к черно-желтой двери ухо, он вдруг обнаружил, что вспоминает день, когда уговорил брата сводить его на Голландский Холм посмотреть Особняк. Он упомянул о площадке с иглой и о том, что надобность в игле-стрелке отпала, стоило только понять: воздействие Луча заметно всюду, чего бы Луч ни коснулся, даже птиц в небе.

Дальше говорила Сюзанна. Покуда она излагала, как Эдди взялся на свой страх и риск вырезывать ключ, Джейк улегся на спину, сцепив руки под головой, и стал смотреть, как облака неторопливо плывут точно на юго-восток, в сторону города. Образованный ими правильный, упорядоченный рисунок выдавал непосредственную близость Луча так же ясно, как поднимающийся из трубы дым указывает направление ветра.

Сюзанна закончила рассказом о том, как они наконец вытащили Джейка в этот мир, уничтожив раздвоенность их с Роландом воспоминаний так же стремительно и бесповоротно, как Эдди захлопнул дверь в вещуньиной круговине. Единственный факт, о каком она умолчала, собственно, вовсе не был установленным фактом — по крайней мере, пока. В конце концов, по утрам ее не тошнило, а задержка на месяц сама по себе ничего не значила. Выражаясь словами Роланда, эту историю лучше было приберечь до другого дня.

И все же, договорив, она неожиданно пожалела, что не может забыть слова тетушки Талиты, оброненные той, когда Джейк назвал этот мир своей новой родиной: *«Да смилуются над тобою боги, коли так, ибо солнце в сем мире заходит. Заходит навсегда».*

— Что ж, Джейк, теперь твой черед, — сказал Роланд.

Джейк сел и посмотрел в сторону Лада. Обращенные на запад окна высотных домов горели золотом в лучах заходящего солнца.

— Сплошное безумие, — пробормотал он, — но какой-то смысл в нем, кажется, есть. Как в сне, когда уже проснешься.

— Может, нам удастся помочь тебе отыскать смысл в происходящем, — ободрила Сюзанна.

— Может быть. По крайней мере, мы можем вместе подумать о поезде. Мне до смерти надоело в одиночку ломать голову над тем, что значит Блейн и есть ли в нем смысл. — Джейк вздохнул. — Вы знаете, что вытерпел Роланд, проживая сразу две жизни, так что это я пропущу. Я вообще не уверен, могу ли описать это ощущение, и не хочу. Фу. Наверное, лучше начать с «Итогового эссе» — ведь тогда я и перестал надеяться, что все это, может быть, пройдет. — Он хмуро оглядел аудиторию. — Тогда-то я и сдлся.

Джейк говорил дотемна. Он рассказал обо всем, что мог вспомнить, от «Моего понимания истины» до нападения чудовищного привратника, который в буквальном смысле слова полез из всех щелей. Мальчика слушали, не перебивая.

Когда Джейк умолк, Роланд повернулся к Эдди, блестя глазами. Блеск этот, вызванный целой гаммой разнообразных чувств, Эдди поначалу отнес за счет изумления и лишь потом понял, что источник его — сильнейшее душевное волнение... и глубокий страх. У молодого человека пересохло во рту. Уж если Роланд боится...

— Ты по-прежнему сомневаешься во взаимопроникновении наших миров, Эдди?

Эдди отрицательно помотал головой.

— Ясное дело, нет. Я шел по той же улице, шел *в его шмотье!* Только... Джейк, можно поглядеть ту книжку? «Чарли Чух-Чуха»?

Джейк потянулся к ранцу, но Роланд удержал его руку.

— Обожди, — велел он. — Вернись-ка к пустырю, Джейк. Расскажи еще раз, что там с тобой приключилось. Постарайся припомнить все.

— Может, ты бы загипнотизировал меня? — нерешительно предложил Джейк. — Как на постоялом дворе.

Роланд качнул головой.

— Ни к чему. На том пустыре, Джейк, произошло важнейшее и значительнейшее событие твоей — да и нашей — жизни. Ты все отлично вспомнишь.

И Джейк вновь стал рассказывать. Все ясно понимали: пережитое мальчиком на пустыре, где когда-то был магазинчик Тома и Джерри, составляет тайный центр *ка-тета*, объединившего их четверку. В сне Эдди «Деликатесы» еще стояли, в яви Джейка их уже снесли, но и в первом, и во втором случае пятачок земли на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы был наделен огромной колдовской силой. Бесспорным казалось Роланду и то, что пустырь — битый кирпич, осколки стекла — это иное воплощение Сюзанниной Свалки, иная интерпретация картины, завершившей видение, которое было ему на маленьком пыльном погосте.

Излагая эту часть своей истории вторично, очень медленно, Джейк обнаружил, что стрелок не ошибся: он действительно все помнил. Воспоминания делались все более живыми и четкими; наконец мальчик словно бы начал переживать свое приключение заново, и Сюзанна, Эдди и Роланд услышали об объявлении, из которого следовало, что на том месте, где когда-то стояли «Том и Джерри», намечается возвести кондоминиумы «Черепашья бухта». Джейк даже процитировал стихок, намалеванный аэрозольной краской на заборе:

*Черепаша-великанша держит Землю на спине,
Неохватная такая — не приснится и во сне.
Если хочешь приключений, если ты устал скучать...
Не откладывай на завтра, прогуляйся вдоль Луча.*

Сюзанна пробормотала:

— «Мир на панцире качает от утра и до утра, мыслью пусть нетороплива, да зато всегда добра...» — там так, Роланд?

— Где? — спросил Джейк. — Где «там»?

— В стихотворении, которому я научился в детские годы, — ответил Роланд. — Вот вам новая связующая нить, да такая, которая и впрямь кое о чем говорит, хоть я и не уверен, непременно ли нам надобно держать это кое-что в голове... впрочем, невозможно предугадать, когда пригодится крупница знания.

— Двенадцать порталов соединяются шестью Лучами, — сказал Эдди. — Мы начали от Медвежьего и дойдем только до середины, до Башни. Но если бы мы дошли до конца, то, по идее, пришли бы к Порталу Черепаше?

Роланд кивнул:

— Наверняка.

— Портал Черепаше, — задумчиво повторил Джейк, перекатывая слова во рту, словно пробовал их на вкус. После этого он вернулся к роли рассказчика и вновь описал необыкновенной красоты голос, слитый из множества голосов; то, как вдруг понял, что пустырь полон лиц, звенит преданиями и былями; крепнущую уверенность в том, что наткнулся на нечто весьма напоминающее суть бытия. Закончил мальчик тем, как нашел ключ и увидел розу. Яркость и полнота этого воспоминания были таковы, что по щекам Джейка покатались слезы, хотя сам он, казалось, этого не сознавал.

— Она раскрылась, — говорил он, — гляжу, середка желтая-прежелтая, сверкает — глазам больно, я такой и не видел никогда. Я сперва подумал, это пыльца, а что она блестит, это только кажется. На том пустыре все блестело и сияло. Даже старые обертки от конфет, даже пивные бутылки — посмотришь, и будто бы ничего лучше и красивее в жизни не видел. Только потом я понял, что вижу солнце. Звучит как полный бред, я знаю, но это действительно было солнце. Только не одно, а...

— Все солнца, — негромко закончил за него Роланд. — Все *сущее*.

— Да! Эта роза... она была красивая, такая свежая, нежная, но что-то с ней было неладно. Я не могу объяснить, *что*, — как будто бились сразу два сердца, одно внутри другого, больное внутри здорового. А потом я отключился.

— В конце твоего сна тебе привиделось то же самое, да, Роланд? — тихим от благоговейного страха голосом спросила Сюзанна. — Травинка... И тебе почудилось, будто эта травинка лиловая, потому что она была забрызгана краской.

— Вы не понимаете, — перебил Джейк. — Травинка *действительно* была лиловая. Когда я видел ее *настоящую*, она была лиловая. Я такой травы никогда раньше не видал. А краска — просто маскировка. Маскировался же привратник под старый заброшенный дом.

Солнце меж тем достигло горизонта. Роланд попросил Джейка показать, а после и прочесть им «Чарли Чух-Чуха». Джейк пустил книжку по кругу. И Эдди, и Сюзанна долго смотрели на обложку.

— Когда я был совсем маленький, у меня была эта книжка, — наконец сказал Эдди. Говорил он решительно, тоном полной уверенности. — А потом, мне и четырех еще не было, мы переехали из Квинси в Бруклин, и я ее потерял. Но картинку на обложке я помню до сих пор. И чувствовал я то же самое, что ты, Джейк. Этот паровоз мне не нравился. Я ему не доверял.

Сюзанна оторвалась от книжки и посмотрела на Эдди.

— И у меня тоже была такая. Разве забудешь свою маленькую тезку... хотя, конечно, тогда я была сначала Одетта, а потом уж Сюзанна. Кстати, поезд этот я воспринимала в точности как вы: он мне не нравился, и я ему не доверяла. — Сюзанна постучала пальцем по самой середине обложки: — Мне казалось, эта его улыбка — сплошная липа. — И она передала «Чарли Чух-Чуха» Роланду.

Мельком взглянув на книгу, Роланд опять посмотрел на Сюзанну.

— Ты свою тоже потеряла?

— Да.

— Спорим, я знаю, когда, — сказал Эдди.

Сюзанна кивнула.

— Да уж наверное. Это случилось после того, как тот человек сбросил мне на голову кирпич. Когда мы ехали на север, на свадьбу моей тетки, Тети Синьки, книжка была у меня. Я взяла ее с собой в поезд, я это помню, потому что без конца приставала к папе, кто тянет состав — Чарли или нет. Мне *не хотелось*, чтобы это был Чарли; мы ведь ехали в Нью-Джерси, в Элизабет, а Чарли, думалось мне, мог завезти нас куда угодно. Что с ним в конце концов случилось? Катал публику по игрушечной деревне, что-то в этом роде, да, Джейк?

— По луна-парку.

— Да, конечно. Правильно, в самом конце есть картинка — Чарли везет по этому парку детей. Смеющихся и улыбающихся. Только мне почему-то всегда казалось, что они кричат: «Выпустите нас отсюда!».

— Да! — воскликнул Джейк. — Да, точно! *Именно!*

— Я боялась, Чарли вместо тетиной свадьбы увезет нас к себе, где уж он там жил, и никогда больше не отпустит домой.

— Домой возврата нет, — пробормотал Эдди и нервно пригладил вихры.

— Все время, что мы ехали в том поезде, я не желала выпускать книжку из рук. Ни на минуту. Даже, помню, думала: «Пусть только попробует нас утащить, буду вырывать страницы, пока не перестанет!» Но, конечно, мы прибыли точно по назначению и вовремя. Папа даже сводил меня поглядеть локомотив. Это оказался тепловоз, не паровоз, и я, помню, обрадовалась. Потом, после свадьбы, тот человек, Морт, скинул на меня кирпич. Я долго пролежала в коме. И больше «Чарли Чух-Чуха» не видела. До этой минуты. — Сюзанна помедлила и прибавила: — Насколько я понимаю, это может быть мой экземпляр... или Эдди.

— Да запросто, — отозвался Эдди. Лицо его было бледным и серьезным... И вдруг он ухмыльнулся, точно мальчишка-подросток. — «Погляди на ЧЕРЕПАХУ — что за прелесть, я молчу! Все-все-все на белом свете служит сраному Лучу».

Роланд поглядел на запад.

— Солнце садится. Читай, покуда не стемнело, Джейк.

Джейк обратился к первой странице, продемонстрировал друзьям рисунок — Машинист Боб в будке Чарли — и начал: «Боб Брукс водил поездка Межземельской железнодорожной компании на линии Сент-Луис — Топека...»

24

— ...И до ребятишек то и дело доносится тихий хрипловатый голос Чарли, который мурлычет свою старую песенку, — закончил Джейк. Он показал всем последнюю картинку — счастливые, радостные дети, которые на самом деле, возможно, вопили от ужаса, — и закрыл книгу. Солнце село; небо было лиловым.

— М-да, нельзя сказать, что это *в точности* про нас, — вынес приговор Эдди, — больше смахивает на отражение в кривом зеркале, но все ж таки совпадений хватает, чтоб меня мандраж брал. Межземелье — территория Чарли. Только здесь он никакой не Чарли. Здесь он Блейн Моно.

Роланд смотрел на Джейка.

— Как по-твоему, — спросил он вдруг, — может, надо обойти город стороной? И держаться подальше от этого поезда?

Джейк обдумал вопрос, глядя куда-то себе под ноги и рассеянно перебирая густой шелковистый мех Чика.

— Хорошо бы, — сказал он наконец, — но, наверное, нельзя, если я правильно понял насчет *ка*.

Роланд кивнул.

— Коль скоро это *ка*, и речи нет о том, что нам должно и чего не должно делать; вздумав пойти кружным путем, мы неминуемо столкнемся с обстоятельствами, которые принудят нас вернуться. При подобных оказиях лучше не мешкая уступать неизбежному. А ты что скажешь, Эдди?

Эдди думал не менее долго и тщательно, чем Джейк. Ему не хотелось иметь никакого дела с говорящим поездом, который сам бежит по рельсам; как его ни называй, Чарли Чух-Чух или Блейн Моно, все рассказанное и прочитанное Джейком позволяло предположить, что это — пренеприятнейшее создание. Но им предстояло покрыть огромное расстояние, а где-то в конце пути находилась цель их поиска. Тут Эдди с изумлением обнаружил, что точно знает, какого он мнения и чего хочет. Молодой человек вскинул голову и, едва ли не впервые с тех пор, как явился в этот мир, решительно взглянул светло-кариими глазами в блекло-голубые глаза Роланда.

— Я хочу постоять на том розовом поле. Увидеть Башню. Не знаю, что будет потом. Надо думать, «скорбящих просят цветов не возлагать», притом для всех нас. Но мне плевать. Я хочу туда. Мне плевать, даже если Блейн — дьявол и поезд идет к Башне через преисподнюю. Я — за то, чтобы идти в город.

Роланд кивнул и повернулся к Сюзанне.

— Мне Темная Башня никогда не снилась, — сказала та, — и я не могу решить вопрос на таком уровне — полагаю, вы назвали бы его уровнем желания. Но я поверила в *ка*, и не такая уж я непроходимая дура, чтобы не почувствовать, когда мне начинают долбить по макушке, приговаривая: «Вот туда, туда, дуреха». А ты, Роланд? Что думаешь ты?

— Что разговоров для одного дня предостаточно и пора отложить их до завтра.

— А «Угадай-дай-дай»? — спросил Джейк. — Хочешь взглянуть?

— Успеется, — сказал Роланд. — Давайте-ка спать.

25

Но стрелок долго лежал без сна. Когда вновь ритмично и мерно забили барабаны, он поднялся, ушел обратно к дороге и стоял, глядя на мост и на город. До мозга костей, до кончиков пальцев дипломат, которого угадала в нем Сюзанна, он, едва услышав про поезд, почти в ту же минуту понял — это следующий шаг на пути, назначенном им судьбой... Но чутье подсказывало ему: заявлять об этом во всеуслышание неразумно. Эдди просто ненавидел ощущение, что его подталкивают и направляют. Стоило молодому человеку почувствовать нечто подобное — и он попросту пригибал голову, крепко упирался обеими ногами в землю, глупо отшучивался и артачился как мул. Сейчас их с Роландом желания совпадали, но Эдди все еще был способен сказать «брито», если Роланд говорил «стрижено», и —

«стрижено», если Роланд говорил «брито». Надежнее было не дергать уздечку и вернее — советоваться, а не командовать.

Стрелок повернулся, собираясь тронуться в обратный путь, и... схватился за револьвер — у края дороги маячила темная тень: кто-то стоял там и смотрел на него. В последний миг Роланд удержался и не выстрелил.

— Мне стало интересно, сможешь ли ты спать после этих художественных чтений, — сказал Эдди. — Догадываюсь, что ответ отрицательный.

— Я совсем не слышал тебя, Эдди. Учение идет тебе впрок, однако на сей раз ты за свои старания чуть не получил пулю в живот.

— Не слышал, потому что не до того. — Эдди подошел и стал рядом, и даже при слабом свете звезд Роланд увидел, что ни на секунду не ввел юношу в заблуждение. Его уважение к Эдди продолжало расти. Эдди напоминал ему Катберта, но во многих отношениях Катберта он уже превзошел.

«Этому пальца в рот не клади, — подумал Роланд, — откусит. А случись мне подвести парня или же сделать что-нибудь, в чем он заподозрит лукавство и обман, он, верно, попытается убить меня».

— О чем же думаешь ты, Эдди?

— О тебе. О нас. Я хочу тебе кое-что объяснить. Раньше я, кажется, считал, что ты это давно уже понял. Сегодня вечером у меня появились некоторые сомнения.

— Что ж, объясни, коли так. — Стрелок опять подумал: «До чего он похож на Катберта!»

— Мы с тобой, потому что так надо, — это твое треклятое *ка*. Но мы с тобой еще и потому, что *сами* того хотим. Это чистая правда — и что касается меня, и что касается Сюзанны, и — ручаюсь — что касается Джейка. Мозги у тебя, мой старинный однокефник, дай Бог всякому, но сдаются мне, ты прячешь их в бункере, не иначе, потому как иногда пробиться к тебе бывает тяжело до озверения. Я хочу увидеть *ее*, Роланд. Сечешь, что я сказал? *Я хочу увидеть Башню*. — Эдди всмотрелся в лицо Роланда, не увидел того, что надеялся увидеть, и досадливо воздел руки. — Я, в общем-то, вот о чем: отпусти ты мои уши.

— Уши?

— Ага. Тебе больше не надо тащить меня силком. Я иду сам, по своей воле. *Мы все* идем по своей воле. Если б ты сегодня ночью во сне дал дуба, мы бы похоронили тебя и двинулись дальше. Надо думать, мы бы долго не протянули, перемерли бы на тропе Луца. *Теперь* понимаешь?

— Да. Теперь понимаю.

— Понимаешь, значит... да, наверное, понимаешь. А вот веришь ты мне или нет?

«Конечно, — подумал стрелок. — Куда же еще тебе податься в столь чуждом и странном мире, Эдди? Какое иное дело ты мог бы себе сискать? Крестьянин из тебя вышел бы прескверный».

Но то было низко и несправедливо, и он это знал. Приносить свободную волю, подменяя ее *ка*, хуже кощунства, хуже святотатства; это утомительно и глупо. И он сказал:

— Да. Верю. Клянусь, верю.

— Тогда кончай строить из себя пастуха, который идет со стадом овец и взмахивает посохом всякий раз, как мы, безмозглые твари, намылимся сбегать с дороги в зыбучий песок. Не таись от нас. Может, город или поезд станет нашей могилой, так вот я хочу подохнуть, зная, что был не просто фишкой в твоей игре.

Щеки Роланда запыхали от гнева, но стрелок никогда не умел обманывать себя. Он злился не потому, что Эдди был не прав, а потому, что Эдди видел его насквозь. На глазах у Роланда Эдди выбрался из своей темницы и медленно, но верно уходил от нее все дальше и дальше (Сюзанна тоже, ибо и она прежде была узницей), и все же сердцем стрелок так и не принял свидетельств рассудка и здравого смысла. Сердце его, по-видимому, и дальше желало видеть в молодых людях иных, нежели Роланд, созданий, братьев меньших.

Роланд тяжело вздохнул.

— Молю о прощении, стрелок.

Эдди кивнул.

— Чует мое сердце, хлебом мы скоро лиха... беды не оберешься. Страшно до смерти. Только давай договоримся: это не *твоя личная* беда, это *наша* беда.

— Согласен.

— Скажи-ка, нам худо придется в городе?

— Не знаю. Знаю только, что нам придется постараться защитить Джейка — по словам престарелой тетушки, его возжаждут обе стороны. Отчасти судьба наша будет зависеть от того, как скоро мы разыщем поезд. Но куда важнее то, что произойдет, когда мы его найдем. Будь с нами еще двое, я бы засунул Джейка в ходячий футляр с револьверами по бокам. Однако, поскольку взять этих двоих негде, пойдем колонной: первым я, следом Джейк повезет Сюзанну, ты — замыкающий.

— Роланд, риск большой? Прикинь-ка.

— Не могу.

— А по-моему, можешь. Ты не знаешь города, зато по прежним временам знаешь повадку своих землячков. Больших неприятностей ждать?

Повернувшись на неумолчный бой барабанов, Роланд задумался.

— Может, и не слишком. Я думаю, те вояки, что еще не перебили друг дружку, давно состарились и пали духом. Может статься, ты надеялся не напрасно, и найдутся такие, что, подобно *ка-тету* из Речной Переправы, охотно пособят прохожим людям. Может статься, мы их не увидим вовсе — *они* заметят нас, заметят, что мы вооружены, и затаятся, предоставив нам идти своей дорогой. Возможно, это

пустое умозаключение. Тогда, надеюсь, довольно будет подстрелить одного-двух, чтобы прочие разбежались, как крысы.

— А если они решат драться?

Роланд угрюмо улыбнулся.

— Тогда, Эдди, мы все вспомним лики своих отцов.

Глаза Эдди блеснули в темноте, и Роланду опять живо вспомнился Катберт — Катберт, который однажды сказал, что поверит в существование призраков лишь тогда, когда «своеручно изловит за хвост хоть одного», Катберт, с которым ему однажды случилось рассыпать хлебные крошки под виселицей.

— Я ответил на все твои вопросы?

— Нет... но, думаю, на этот раз ты играл со мной в открытую.

— Тогда доброй ночи, Эдди.

— Доброй ночи!

Эдди повернулся и пошел прочь. Роланд смотрел, как он уходит. Сейчас, прислушиваясь, стрелок различал шаги юноши, но еле-еле. Он и сам двинулся обратно, но вдруг обернулся к окутанному тьмой Ладу.

«Он — то, что старуха называла Зрелый. Она сказала, что его возжаждут обе стороны».

«В этот раз ты не дашь мне сорваться?»

«Нет. Ни сейчас, никогда».

Но Роланд знал кое-что, чего никто больше не знал. Возможно, после разговора, который только что состоялся у них с Эдди, следовало бы поделиться этим с остальными... И все же он решил ненадолго промолчать.

На древнем языке, былой *lingua franca*¹ его мира, почти все слова вроде *кеф* и *ка* были многозначными. Однако слово *чар* — *чар* как в «Чарли Чух-Чух» — имело лишь одно значение.

Чар означало смерть.

¹ *Lingua franca* — универсальный язык (лат.).

Часть пятая

ГОРОД И МОСТ

1

Три дня спустя они вышли к сбитому самолету.

Утро было в самом разгаре, когда Джейк заметил его впервые — примерно десятью милями дальше в траве что-то ярко блеснуло, словно там лежало зеркало. Подойдя ближе, они различили у обочины Великой Дороги нечто большое и темное.

— Кажется, дохлая птица, — сказал Роланд. — И пребоольшая.

— Какая там птица, — возразил Эдди, — самолет. Могу поспорить, это блестит на солнце фонарь кабины.

Часом позже они в молчании стояли у дороги, разглядывая древние обломки. С изодранной в клочья обшивки фюзеляжа на вновь прибывших пренебрежительно и высокомерно взирали три жирные вороны. Джейк запустил в них камнем, который выковырял из брусчатки. Негодующе каркая, вороны грузно взлетели.

При крушении одно крыло отлетело и лежало в тридцати ярдах от самолета — похожая на трамплин для прыжков в воду тень в высокой траве. В остальном самолет почти не пострадал. Там, где пилот врезался головой в стекло кабины, виднелось большое ржаво-бурое пятно, от него лучами расходились трещины.

Чик потрусил туда, где из травы поднимались три ржавые лопасти пропеллера, обнюхал их и спешно вернулся к Джейку.

В кабине сидела мумия в заплатанном кожаном камзоле и островерхом шлеме. Безгубый рот, зубы оскалены в последней отчаянной и страшной гримасе; пальцы, превращенные временем в жалкие, обтянутые кожей кости, мертвой хваткой вцепились в штурвал. Череп в том месте, которым пилот врезался в стекло, провалился, и Роланд догадался: серо-зеленые чешуйки, толстым слоем покрывающие левую половину истлевшего лица, — все, что осталось от мозга. Голова мертвеца была запрокинута, словно даже в миг смерти авиатор не сомневался, что сумеет вновь подняться в небо. Из медленно наступающей на обломки травы торчало уцелевшее крыло самолета. На нем виднелась поблекшая эмблема: зажатая в кулаке молния.

— Похоже, тетушка Талита ошибалась, и старый альбинос все-таки был прав, — с благоговением сказала Сюзанна. — Это наверняка тот самый Дэвид Квик, предводитель разбойников. Ну и громила — ты только взгляни, Роланд! Должно быть, его пришлось натереть салом, чтобы втиснуть в кабину!

Роланд кивнул. Зной и время иссушили восседавшего в железной птице человека, оставили от него лишь обтянутый пергаментной кожей скелет, но и сейчас еще бросалось в глаза, как широко были когда-то эти плечи и массивна изуродованная голова.

— И благородный Перт на землю пал, — продекламировал стрелок, — и гром сотряс окрестные пределы.

Джейк вопросительно поглядел на него.

— Это из старого стихотворения. Благородный Перт, великан, отправился сразиться с тысячью мужей, но не успел он покинуть родные места, как какой-то малыш кинул камень и угодил ему в колено. Благородный Перт споткнулся, тяжесть доспехов увлекла его наземь, и, падая, он свернул себе шею.

— Напоминает притчу о Давиде и Голиафе, — сказал Джейк.

— Он не горел, — подал голос Эдди. — Ручаюсь, у него просто кончилось горючее, мотор сдох, и парень попытался сесть на дорогу. Говорите, что хотите: варвар, разбойник, но мужик он был отчаянный.

Роланд кивнул и посмотрел на Джейка.

— Ты как, ничего?

— Ничего. Вот если б он все еще был... ну... скользкий, мне бы, пожалуй, похужело. — Джейк перевел взгляд с мертвеца в самолете на город. Лад теперь был гораздо ближе и вырисовывался отчетливее, и хотя стали видны бесчисленные выбитые окна в домах-башнях, мальчик, как и Эдди, не окончательно потерял надежду найти в городе помощь. — Готов спорить, после его гибели все в городе стало... разваливаться.

— Я думаю, ты выиграл бы спор, — сказал Роланд.

— Знаете что? — Джейк опять внимательно разглядывал самолет. — Может быть, те, кто построил город, строили и самолеты, но я голову даю на отсечение, что этот самолет — из наших. В пятом классе я писал реферат о воздушных боях и, по-моему, узнаю машину. Роланд, можно мне взглянуть на нее поближе?

Роланд утвердительно наклонил голову.

— Я с тобой.

Шурша высокой травой, все трое подошли к самолету.

— Вот, смотри, — показал Джейк, — видишь пулемет под крылом? Это немецкая модель с воздушным охлаждением, а самолет — «Фокке-Вульф», выпущен накануне второй мировой. Точно. Так что он тут делает?

— Пропадает прорва самолетов, — вмешался Эдди. — Взять, к примеру, Бермудский треугольник. Понимаешь, Роланд, есть над одним из наших четырех океанов такое нехорошее местечко. Счита-

ется, что заколдованное. Так, может, это такая здоровущая дверь от нас к вам — дверь, которая почти всегда открыта? — Эдди сгорбился и бездарно изобразил Рода Серлинга: — «Пристегнуть ремни, приготовиться к болтанке: наш самолет входит... в зону Роланда!»

Джейк и Роланд — они теперь стояли под уцелевшим крылом самолета — не обратили на Эдди ни малейшего внимания.

— Подсади меня, Роланд.

Роланд помотал головой.

— С виду крыло крепкое, но только с виду. Эта штука пролежала тут очень долго, Джейк. Упадешь.

— Тогда подними меня.

Эдди предложил:

— Давай я, Роланд.

Стрелок взглянул на свою покалеченную кисть, пожал плечами и сцепил пальцы обеих рук замком.

— Этого будет довольно. Он легкий.

Джейк скинул ботинки и проворно взобрался в импровизированное стремя. Чик визгливо залаял — от возбуждения или в тревоге, Роланд не решился бы сказать.

Мальчик, прижимаясь грудью к ржавому закрылку, смотрел теперь прямо на изображение кулака с зажатой в нем молнией. Один край эмблемы немного отставал от поверхности крыла. Джейк ухватился за него и потянул. Эмблема отделилась от крыла так легко, что Джейк неминуемо полетел бы спиной в траву, если бы стоявший за ним Эдди не поддержал его ладонью под мягкое место.

— Так я и знал, — сказал Джейк. Под кулаком с молнией была другая эмблема, открывшаяся теперь почти целиком, — свастика. — Просто хотелось увидеть собственными глазами. Можешь опускать.

И они пошли дальше, но до самого вечера, оглядываясь, всякий раз видели над высокой травой, словно надгробный памятник благородному Перту, неясный силуэт хвоста самолета.

2

Вечером пришла очередь Джейка разводить костер. Когда хворост, с точки зрения стрелка, был уложен удовлетворительно, Роланд протянул Джейку кремьен и кресало:

— Поглядим, как ты справишься.

Поодаль, дружески обнявшись, сидели Дийны. Под вечер Эдди нашел у дороги ярко-желтый цветок и сорвал его для Сюзанны. Теперь цветок красовался у той в волосах, и всякий раз, как Сюзанна смотрела на Эдди, губы ее трогала едва заметная улыбка, а глаза наполнялись светом. Подмечая это, Роланд радовался. Любовь молодых людей углублялась, крепла. Добро! Без истинной глубины и силы их чувству было не пережить грядущие месяцы и годы.

Джейк высек искру, но та сверкнула и погасла в нескольких дюймах от растопки.

— Поднеси камень поближе, — велел Роланд, — и держи ровно. И не бей кресалом, Джейк, *чиркай*.

Джейк попробовал снова. Искра полетела прямо на растопку. Оттуда поднялась тонкая струйка дыма, но огня не было.

— Кажется, у меня не очень-то хорошо получается.

— Научись. А покамест поразмысли вот над чем: чему дают жизнь с наступлением ночи и отнимают, едва займется день?

— Что-что?

Роланд подвел руки Джейка поближе к холмику сухих прутьев и щепок.

— Сдается, этого в твоей книжице нет.

— А, загадка! — Джейк высек новую искру. Растопка занялась, но пламя быстро погасло. — Так ты и загадки знаешь?

Роланд кивнул.

— Да, и не одну. Мальчишкой я знал их добрую тысячу — они составляли часть моих штудий.

— Правда? Но зачем учиться отгадывать загадки?

— Ваннэй, мой наставник, говорил: ежели какой отрок умеет сыскать ответ на загадку, стало быть, оный отрок умом ловок и изворотлив. По пятницам в полдень мы состязались в искусстве отгадывать загадки, и победителя или победительницу отпускали домой пораньше.

— И часто тебе удавалось уйти пораньше, Роланд? — спросила Сюзанна.

Стрелок, не сдержав улыбки, покачал головой.

— Я любил загадки, но никогда не был силен по части отгадок. Ваннэй видел причину в том, что я чересчур глубоко задумываюсь. Отец винил меня в недостатке воображения. Думаю, правы были оба... но отец — чуть ближе к истине. Я всегда выхватывал револьвер проворней любого из однокашников и стрелял метче, но вот похвалиться изворотливостью ума не мог.

Сюзанна, внимательная свидетельница того, как Роланд держался со стариками из Речной Переправы, подумала, что стрелок недооценивает себя, но промолчала.

— Порой зимними вечерами в Большом зале устраивали подлинные турниры отгадчиков. Когда состязались юные, неизменно побеждал Ален. Но коль в забаве наравне с юнцами участвовали и взрослые, победителем всегда выходил Корт. Карту на своем веку довелось запомнить больше загадок, чем прочим — узнать, и когда бы в ярмарочный день ни затеялась угадываемая потеха, награду — гуся — уносил он. В загадках заключена великая сила, и всякий знает хоть одну.

— Даже я, — хихикнул Эдди. — К примеру: зачем мертвый младенец перешел дорогу?

— Фу, Эдди, как глупо, — впрочем, Сюзанна улыбалась.

— За цыпленком, он был к нему привязан! — радостно выкрикнул Эдди и ухмыльнулся: Джейк зашелся от смеха, развалив холмик предназначенных на растопку щепок и прутьев. — Го-го-го! Братва, таких приколов у меня тьма тьмущая!

Но Роланд не смеялся. Более того, казалось, он обижен.

— Не взыщи, Эдди, но загадка и *впрямь* довольно глупая.

— О Господи, ну извини, — Эдди по-прежнему улыбался, однако в его тоне сквозило легкое раздражение. — Все время забываю, что чувство юмора тебе отстрелили в этом... как его... Крестовом походе детей.

— Просто я отношусь к загадкам серьезно. Умение их отгадывать учили меня, указывает на здравый и практический ум.

— Оно конечно, но трудов Шекспира и квадратных уравнений загадками не заменишь, — возразил Эдди. — Давайте не будем увлекаться!

Джейк задумчиво смотрел на Роланда.

— В моей книжке сказано: загадки — самая древняя игра, в какую люди играют до сих пор. Это значит, у нас там. А дядька, с которым я познакомился в книжном магазине, сказал, что когда-то к загадкам относились куда серьезнее, чем сейчас, не просто как к забавным шуткам. Из-за них погибали.

Роланд смотрел куда-то вдаль, в густеющую тьму.

— Да. Однажды я был тому свидетелем. — Он вспоминал то гулянье, когда угадывающая потеха вместо вручения призового гуся завершилась тем, что никому не известный косоглазый человек в колпаке с бубенцами испустил дух в грязи, с кинжалом в груди. Кинжалом Корта. Убитый, бродячий акробат и певец, попытался надуть Корта, выкрыв из кармана у судьи плоскую шкатулку, где на маленьких пластинках древесной коры хранились ответы.

— Ах, простите, — извинился Эдди.

Сюзанна смотрела на Джейка.

— Совсем забыла, что ты принес с собой сборник загадок. Можно взглянуть на него?

— Конечно. Он в ранце. Хотя ответов там нету, вырваны. Может, потому мистер Башнер и отдал ее мне беспла...

Его вдруг больно схватила за плечо сильная рука.

— Как его звали? — спросил Роланд.

— Мистер Башнер, — сказал Джейк. — Кэлвин Башнер. А я разве не говорил?

— Нет. — Пальцы Роланда, сдавившие плечо Джейка, медленно разжались. — Впрочем, это имя меня не удивляет.

Эдди тем временем открыл ранец Джейка, отыскал «Угадай-дай!» и перебросил книжку Сюзанне.

— Знаешь, — обратился он к стрелку, — я всегда думал, приколы насчет мертвого младенчика — первый сорт. Может, не шибко хорошего вкуса, но то, что доктор прописал.

— На вкус мне наплевать, — отозвался Роланд. — Твоя загадка бессмысленна и неразрешима, а оттого глупа. Хорошую же загадку невозможно упрекнуть ни в том, ни в другом.

— Господи Иисусе! Ребята, вы, что ли, действительно принимаете эту мутотень всерьез?

— Да.

Джейк — он был занят тем, что заново складывал растопку, размышляя над загадкой, из-за которой вспыхнул спор, — неожиданно улыбнулся.

— Ответ — костер. Правильно? Ему дают жизнь вечером и отнимают утром. Если заменить «дают жизнь» на «разводят», все просто.

— Молодец, — Роланд улыбнулся в ответ, но смотрел он на Сюзанну, которая быстро листала тонкую потрепанную книжицу. Глядя, как молодая женщина морщит от усердия лоб, как рассеянно поправляет желтый цветок, едва не выскользнувший из волос, стрелок подумал: пожалуй, только она одна и чувствует, что рваная истрепанная книжка загадок важна ничуть не меньше, чем «Чарли Чух-Чух»... а быть может, и больше. Он перевел взгляд с Сюзанны на Эдди и почувствовал, как вновь пробуждается раздражение, вызванное глупой загадкой Эдди. Молодой человек походил на Катберта и еще в одном, надо сказать, весьма несчастливом отношении: Роланду порой хотелось трясти его до тех пор, пока у него не пойдет носом кровь и не выпадут зубы.

«*Полегче, стрелок, полегче!*» — зазвучал у него в голове голос Корта — не то чтобы откровенно насмешливый, но со смешинкой, — и Роланд решительно смирил бушевавшие его чувства. Это оказалось тем проще, что он припомнил: Эдди ничего не может поделаться с тем, что нет-нет да и сморозит глупость или выкинет дурацкую штуку. Человеческую натуру — по крайней мере, отчасти — тоже вылепливало ка, и Роланд отлично знал, что в натуре Эдди не одно лишь глупое сумасбродство. Всякий раз, как к стрелку закрадывалась мысль, будто это не так, ему, чтобы рассеять заблуждение, оказывалось довольно вспомнить ночной разговор, состоявшийся у них с Эдди у Великой Дороги, и брошенное ему молодым человеком обвинение в том, что он-де использует их как фишки в своей игре. Обвинение, рассердившее стрелка, но достаточно близкое к истине, чтобы он устыдился.

Эдди, пребывавший в блаженном неведении относительно этих долгих раздумий, сказал:

— Противное, зеленое, весит сто тонн и живет на дне океана — что такое?

— Знаем-знаем, — ответил Джейк. — Зеленый кит Моби Шмыг — Великая Сопля.

— Чуть, — буркнул Роланд.

— Ну да — в том-то и хохма! — запротестовал Эдди. — Над приколом тоже иногда надо поломать голову. Понимаешь... — Он взглянул Роланду в лицо, рассмеялся и поднял руки. — Ладно-ладно.

Сдаюсь. Все равно ты и до морковкина заговенья ни хрена бы не понял. Давай поглядим на Джейкову чертову книжку. Я даже постарюсь отнестись к ней серьезно, но только если сперва мы заморим червячка.

— Стасовано, — на губах стрелка промелькнула улыбка.

— А?

— Уговорил.

Джейк чиркнул кресалом по кремню. Проскочила искра, растопка занялась. Довольный, мальчик отодвинулся от костра и, обняв Чика за шею, стал смотреть, как разгорается пламя. Он гордился собой. Он развел вечерний костер и разгадал загадку Роланда.

3

За вечерними бурритос Джейк вдруг сказал:

— Я тоже знаю загадку.

— Дурацкую? — поинтересовался Роланд.

— Не-а. Нормальную.

— Что ж, тогда испытай меня.

— Ладно. Ходить не умеет, бежит — не угнаться, на ложе не ведает сна, лепечет, бормочет, но вот отозваться на оклик не может она. Что это?

— Хорошая загадка, — добродушно сказал Роланд, — но старая. Река.

Джейк приуныл.

— Тебя и правда трудно поставить в тупик.

Роланд кинул последний кусочек буррито Чику, который с радостью принял подачку.

— Меня-то? Ничуть. Я — то, что Эдди зовет «слепок». Видел бы ты Алена! Он копил загадки, как дама копит веера.

— Роланд, старина, ты хотел сказать «слабак», — вмешался Эдди.

— Благодарю. А ну-ка попробуйте отгадать вот это: сперва лежит, потом подымается, сперва белое, потом красное, и чем пуще наливаются, тем больше радости женскому полу.

Эдди оглушительно расхохотался.

— Конец! — завопил он. — Грубо, Роланд! Но мне нравится. Полный улет!

Роланд отрицательно качнул головой.

— Нет, Эдди. Хорошая загадка порой подобна словесной головоломке; такова загадка Джейка о реке. Но подчас в ней больше от ловких фокусов фигляра, ибо она умышленно приковывает ваше внимание к ложной посылке.

— Это двойная загадка, — заявил Джейк и объяснил, что узнал от Эрона Дипно о загадке Самсона.

— Клубника? — спросила вдруг Сюзанна и сама ответила: — Ну конечно. Здесь то же самое, что в загадке про костер, — скрытая метафора. Стоит понять, в чем иносказание, и загадка решена.

— Я заметафорил секс, а спросил — она съездила мне по морде и ушла, — печально сообщил Эдди. Никто не обратил на него внимания.

— Если заменить «пуще» на «крупнее», а «наливается» на «вырастает», — продолжала Сюзанна, — все очень легко. Сперва белая, потом красная, чем крупнее вырастает, тем больше радости женскому полу. — Она казалась довольной собой.

Роланд кивнул.

— Я всегда слышал, что ответ — чирей-ягода, но, несомненно, «клубника» означает то же.

Эдди взял «Угадай-дай-дай!» и принялся лихорадочно перелистывать страницы.

— А как насчет такой загадки, Роланд: какие два зверя по отдельности не страшны, а вместе сгубят любого?

Роланд нахмурился.

— Еще один образчик твоей глупости? Ибо терпение мое...

— Нет. Я же обещал отнестись к вашим угадкам серьезно. По крайней мере, я *стараюсь*. Загадка из книжки, и я совершенно слухаяно знаю ответ. Еще пацаном слышал.

Джейк, который тоже знал отгадку, подмигнул Эдди. Эдди подмигнул в ответ и с изумлением увидел, что Чик тоже пытается подмигнуть. Однако у косолапа неизменно закрывались оба глаза, и в конце концов зверек сдался.

Роланд и Сюзанна тем временем ломали голову над вопросом.

— Два зверя, — промолвил Роланд. — По отдельности не страшны... а вместе сгубят любого... хм...

— Хм, — тотчас повторил Чик, превосходно копируя задумчивость в голосе Роланда. Эдди опять подмигнул Джейку. Тот прикрыл рот рукой, чтобы скрыть улыбку.

— Услужливость и глупость? — наконец спросил Роланд.

— Не-а.

— Шакалы, — вдруг решительно объявила Сюзанна. — Поодиночке они трусливые, а вместе кого хочешь сожрут.

— Не-а! — Эдди ухмылялся во весь рот. Джейк внезапно поразился, до чего далеко и стрелок, и Сюзанна ушли от верного ответа. «Вот оно, волшебство, — думал мальчик, — волшебство в действии; притом — ничего из ряда вон выходящего, ни ковров-самолетов, ни слонов, исчезающих на глазах у восхищенной публики, но волшебство». Их немудреная забава — загадки у вечернего костра — вдруг увиделась совершенно по-новому. Они будто в жмурки играли, только повязка на глазах была из слов.

— Сдаюсь, — уступила Сюзанна.

— И впрямь, — поддержал ее Роланд. — Растолкуй, коли знаешь.

— Ответ — мышь и як. По отдельности мышь и як не страшны, а вместе — мышь-як — сгубят любого. Дошло? — Поглядев на Роланда, чье лицо медленно озарялось пониманием, Эдди с легкой тревогой спросил: — Неужели плохая загадка? Честно, Роланд, я старался!

— Загадка вовсе недурна. Напротив, она хороша! Корту, несомненно, не составило бы труда разгадать ее, и Алену, верно, тоже... Но хитро, хитро. Что до меня, я вновь совершил ту ошибку, какая вечно преследовала меня в классной комнате: усложнил загадку против действительно и попал пальцем в небо.

— Похоже, в этом и впрямь что-то есть, а? — задумчиво проговорил Эдди. Роланд кивнул, но Эдди не увидел — он смотрел в костер, где в самом сердце огня среди углей распускались и увядали тысячи роз.

Роланд сказал:

— Еще одна загадка — и на боковую. Однако с нынешней ночи мы станем выставлять караульщика. Первая стража твоя, Эдди, вторая Сюзанны. Моя последняя.

— А как же я? — спросил Джейк.

— Быть может, впоследствии придет и твой черед. А покамест тебе важнее сон.

— Ты действительно считаешь, что дежурство необходимо? — спросила Сюзанна.

— Не знаю, и это — лучший резон поступить, как я сказал. Джейк, выбери-ка нам загадку из своей книжицы.

Эдди протянул Джейку «Угадай-дай-дай!». Пролистав больше половины книжки, мальчик остановился.

— Во! Голову сломаешь!

— Давай послушаем, — сказал Эдди. — Если мне задачка окажется не по зубам, Сьюзи ее в два счета расщелкает. Все ярмарки страны нас знают: «Эдди Дийн и дама его сердца Мисс Отгадай».

— Что, остроумие одолело? — поморщилась Сюзанна. — Поглядим, голубчик, как ты будешь острить, посидев у дороги часиков этак до двенадцати.

Джейк прочел:

— По сути ничто, но имеет название; повсюду за вами проникнет незвано. Бывает коротким и длинным бывает, порою растет, а порой убывает. Игру затеваешь, беседу ведешь — оно тут как тут: оглядись и найдешь. Простишься с ним вечером, а наутро найдешь у порога в мороз и в жару.

Загадку обсуждали битых четверть часа, но никто не отважился даже предположить, каков может быть ответ.

— Может, разгадка придет к кому-нибудь из нас во сне, — обнадежил Джейк. — Я так отгадал загадку про реку.

— Грош цена твоей книжонке — ответы-то вырваны, — Эдди встал и завернулся в кожаное одеяло, как в плащ.

— Ну... книжка и правда дешевая. Мистер Башнер отдал мне ее даром.

— Что мне выглядывать, Роланд? — спросил Эдди.

Роланд — он уже укладывался — пожал плечами.

— Захочешь спать, разбуди меня, — сказала Сюзанна.

— Будь спок.

Вдоль дороги тянулась заросшая травой канава. Эдди уселся на другой ее стороне, кутаясь в одеяло. Этой ночью звездное небо затянула редкая пелена рваных облаков. Дул сильный западный ветер; подставив ему лицо. Эдди явственно различил звериный запах — ныне этими равнинами владели буйволы, и ветер нес крепкий дух жаркой шерсти и свежего навоза. За последние несколько месяцев к Эдди вернулась изумительная острота восприятия — необычная, потрясающая и в минуты, подобные этой, жутковатая.

Он уловил далекое, едва слышное мычание буйволенка.

Эдди повернулся в сторону города, и вскоре ему начало казаться, что он, пожалуй, видит там далекие искры света — «лехтрические свечки» из рассказа близнецов, — однако молодой человек отлично понимал, что, возможно, лишь принимает желаемое за действительное.

«Ты, мил человек, за тридевять земель от Сорок второй улицы, у черта на куличках. Надежда — великое дело, кто бы что ни говорил, но, витая в облаках, не забывай: Сорок вторая улица далеко. Впереди не Нью-Йорк, как бы сильно тебе того ни хотелось. Там Лад, Ладом он и останется, каков он ни есть. Держи это в голове и, может быть, выйдешь сухим из воды».

Время дежурства он коротал в попытках разгадать последнюю за вечер загадку. После нагоняя, полученного от Роланда за шутку про мертвого младенца, Эдди грызло недовольство, к которому примешивалось раздражение. Он с удовольствием начал бы утро с того, что выдал бы хороший ответ. Конечно, по книжке *ничего* нельзя проверить, но Эдди полагал, что, если загадка хороша, удачный ответ очевиден.

Бывает коротким и длинным бывает. Эдди подумал: вот он, ключ, все прочее, по-видимому, попросту должно сбивать с толку. *Что бывает иногда короткое, а иногда длинное? Штаны? Нет. Штаны,* конечно, попадают всякие, и короткие, и длинные, но Эдди никогда не слышивал, чтобы штаны росли. Сказки? Как и штаны, сказки подходили тютельница в тютельку — но только в одном отношении. Иногда и короткими, и длинными бывали *пьянки...*

— Обед, — пробормотал Эдди себе под нос, и на миг ему почудилось, будто он наткнулся на загадку: и оба прилагательных, и оба глагола идеально увязывались с существительным. Обед мог быть коротким (гамбургер или тунцовый паштет в закусочной) и длинным (по полной программе в ресторане), обед мог расти (если заказать добавку) и, само собой, убывать. Вот только ни обеды из нескольких блюд, ни тунцовый паштет не «найдешь у порога в мороз и в жару».

На Эдди нахлынуло разочарование, и он невольно улыбнулся себе — надо же, так раззадориться из-за безобидной игры в слова, взятой из детской книжки! Тем не менее он обнаружил, что теперь ему чуть легче поверить, будто из-за загадок люди и впрямь могли убивать друг друга, если ставки были достаточно высоки и имело место мошенничество.

«Ну, хватит дурью маяться. Занимаешься именно тем, про что говорил Роланд: тычешь пальцем в небо».

И все же, о чем еще ему было думать?

Тут в городе снова забили барабаны, и у Эдди появился новый предмет для размышлений. Никакого постепенного нарастания звука не было — сию минуту царила тишина, а в следующий миг гремело во всю мочь, словно кто-то где-то повернул тумблер. Эдди подошел к краю дороги, повернулся лицом к городу и стал слушать. Несколько мгновений спустя он огляделся — не разбудили ли барабаны остальных, — но он по-прежнему был один. Эдди опять повернулся в сторону Лада и приложил ладони к ушам, чтобы лучше слышать:

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Эдди все больше убеждался: он не ошибся относительно того, что это такое. По крайней мере, *эту* загадку он разгадал.

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Подумать только: он стоит у пустынной заброшенной дороги в мире, который едва ли не полностью обесчеловечил; стоит приблизительно в ста семидесяти милях от города, воздвигнутого легендарной погибшей цивилизацией, — и слушает рок-н-ролл, партию ударных!.. Безумие — но большее ли безумие, чем светофор, со звоном выбрасывающий ржавый зеленый флажок с надписью «ИДИТЕ»? Или чем их неожиданная находка, обломки немецкого самолета тридцатых годов выпуска?

Эдди шепотом запел слова зизитоповской песни:

— Этой липкой дрянью тебе

Надо ровно столько, чтоб шов на джинсе,

На клеевой джинсе не разъехался вдрызг;

Я говорю — да-да...

Слова безупречно ложились на ритм. У Эдди не осталось сомнений: над Межземельем гремела партия ударных из «Ширинки на липучке».

Вскоре барабаны смолкли, так же внезапно, как загрохотали; только ветер шумел в тишине да еле слышно плескалась вдалеке река Сенд, на ложе не ведая сна.

5

Следующие четыре дня были небогаты событиями. Путники провели их в дороге. Они смотрели, как увеличиваются в размерах и все четче проступают на горизонте город и мост, делали привалы, ели, загадывали загадки, по очереди дежурили (Джейк донял Роланда, и тот разрешил ему нести короткую двухчасовую вахту перед самым рассветом), спали. Единственным примечательным эпизодом был инцидент с пчелами.

На третий день после того, как они нашли сбитый самолет, около полудня они услышали непонятное жужжание. Оно нарастало, пока не поглотило все прочие дневные звуки. В конце концов Роланд

остановился. «Там», — сказал он и ткнул пальцем в сторону эвкалиптовой рощи.

— Похоже на пчел, — заметила Сюзанна.

Блекло-голубые глаза Роланда заблестели.

— Пожалуй, нынче вечером у нас будет скромный десерт.

— Не знаю, как и сказать тебе, Роланд, — сокрушенно промолвил Эдди. — Видишь ли, я терпеть не могу, когда меня кусают.

— Кто ж это любит, — согласился Роланд. — Но день безветренный, и, пожалуй, нам удастся окурить их и стянуть у сонных соты, не спалив заодно полмира. Давайте поглядим.

И стрелок понес Сюзанну, жаждавшую приключений не меньше его самого, к роще. Эдди с Джейком нехотя поплелись следом, а Чик, заключив, по-видимому, что благоразумие и осмотрительность составляют лучшую часть доблести, остался сидеть у Великой Дороги, по-собачьи шумно дыша и провожая людей внимательным взглядом.

На краю рощи Роланд остановился.

— Оставайтесь где вы есть, — негромко велел он Эдди и Джейку. — Мы сейчас поглядим, что к чему. Коли все ладно, я дам вам знак подойти. — С Сюзанной на руках он углубился в пеструю тень эвкалиптов. Эдди и Джейк смотрели им вслед с солнцепека.

Прохладный сумрак рощи наполнял монотонное, нагоняющее сон гудение пчел.

— Что-то их тут многовато, — пробормотал Роланд. — Лето на исходе, им бы надобно трудиться, а не толочься возле гнезда. Я не...

Он осекся, заметив улей, который опухолью выпирал из дупла дерева, росшего посреди поляны.

— Что с ними? — с ужасом прошептала Сюзанна. — Роланд, что с ними?

У самой ее головы прожужжала пчела — жирная и вялая, как слепень в октябре. Сюзанна испуганно отпрянула.

Роланд махнул Эдди и Джейку: идите сюда. Они подошли и стали молча глядеть на пчелиное гнездо. Ячейки сот представляли собой не правильные шестиугольники, а расположенные в беспорядке лунки всевозможных форм и размеров; сам улей казался странно оплывшим, словно опаленным паяльной лампой. По нему сонно и неуклюже ползали белые как снег пчелы.

— Вечерний мед отменяется, — сказал Роланд. — Добытое нами из этих сот, может, и было бы сладко, но неминуемо отравило бы нас — это так же верно, как то, что на смену дню приходит ночь.

Мимо головы Джейка тяжело прогудела фантастическая белая пчела. Мальчик шархнулся в сторону, лицо его выразило отвращение.

— Что с ними? — спросил Эдди. — Что сделало их такими, Роланд?

— То же, что опустошило весь этот край; то, из-за чего многие бизоны и по сей день приходят в мир уродами, неспособными зачинать себе подобных. Древняя Брань, Большой Пожар, Бедствие, Великая

Порча — я слышал множество названий. Что бы то ни было, с него пошли все наши беды, а случилось сие в незапамятные времена, за тысячу лет до того, как появились на свет прапрадеды стариков из Речной Переправы. Время шло, и вещественные проявления этой напасти — двухголовые бизоны, белые пчелы и прочее — сходили на нет. Тому свидетель я сам. Иные перемены, куда более значительные и глубокие, хоть подметить их труднее, происходят и по сей день.

Они смотрели, как белые пчелы, оцепенелые и почти совершенно беспомощные, ползают по гнезду. Некоторые, по-видимому, пытались работать, большинство просто блуждало без цели, натываясь на товарок и неуклюже перебираясь друг через друга. Это неожиданно воскресило в памяти Эдди сюжет из давнишнего выпуска теленовостей: толпа уцелевших после взрыва на газопроводе, сровнявшего с землей целый квартал в каком-то калифорнийском городке, покидает опасную зону. Пчелы напомнили ему тех впавших в полубессознательное состояние контуженных людей.

— У вас была ядерная война, да? — спросил — почти обвинил — Эдди. — Великие Прашурь, которых ты так любишь поминать, к чертям собачьим взорвали свои великие праздники?

— Я не знаю, что произошло. Никто не знает. Архивы тех времен погибли, а те немногочисленные истории, что и поныне передаются из уст в уста, запутанны и противоречивы.

— Пойдемте отсюда, — дрожащим голосом попросил Джейк. — Смотреть тошно.

— Я за, родненький, — откликнулась Сюзанна.

И они оставили пчел доживать бессмысленную исковерканную жизнь в роше древних деревьев и меда в тот вечер не отведали.

6

Наутро Эдди спросил:

— Когда же ты расскажешь нам, что *знаешь*?

День выдался ясный, с чистым синим небом, но холодный; подступала осень — первая осень Эдди, Сюзанны и Джейка в этом мире.

Роланд взглянул на него:

— Ты о чем?

— Хочется услышать твою историю полностью, от начала до конца. Как ты рос в Галааде и отчего нормальная жизнь здесь кончилась. Я хочу знать, откуда ты узнал о Темной Башне, а главное — на кой ляд ты ринулся ее искать. А еще мне интересно знать про твою первую команду и что стало с твоими друзьями.

Роланд снял шляпу, рукавом отер пот и водворил шляпу на место.

— Пожалуй, ты вправе знать все это и узнаешь — но не сейчас. История эта очень длинная. Я никогда не думал, что мне когда-нибудь придется рассказывать ее. И расскажу я ее лишь раз.

— Когда? — не отставал Эдди.

— В свое время, — ответил Роланд, чем им и пришлось удовольствоваться.

7

Роланд проснулся за миг до того, как Джейк затряс его. Он сел и огляделся, но Эдди с Сюзанной еще крепко спали, и в первом бледном свете утра стрелок не заметил ничего подозрительного.

— Что такое? — понизив голос, спросил он Джейка.

— Не знаю. Может быть, сражение. Идем, послушаем.

Роланд откинул одеяло и следом за Джейком пошел к дороге. По его расчетам, до места, где Сенд подступал к городу, оставалось всего три дня пути; на горизонте теперь господствовал мост, построенный точно вдоль русла Луча. Никогда еще так не бросался в глаза его несомненный крен, вдобавок стрелок разглядел по меньшей мере дюжину зияющих пустот там, где перенапрягшиеся тросы лопнули, точно струны арфы.

Они с Джейком повернулись в сторону города, и предрассветный ветер ударил им прямо в лицо, принес шум — слабый, но отчетливый.

— *Сражение?* — спросил Джейк.

Роланд кивнул и приложил палец к губам.

Он расслышал далекие крики, лязг, грохот, словно рушилось что-то громадное, и, разумеется, барабаны. Снова послышался грохот, более мелодичный: звон бьющегося стекла.

— Ни фига себе, — прошептал Джейк, подвигаясь поближе к стрелку.

Потом до них донеслись звуки, которые Роланд надеялся не услышать: сухой трескучий речитатив перестрелки и следом — оглушительный гулкий удар, без сомнения, взрыв. По степи в их сторону, как шар в кегельбанае, прокатился гром. Затем крики, глухие стуки и звуки погрома быстро потонули в барабанном бое, а когда через несколько минут со своей обычной тревожной внезапностью смолкли и барабаны, город вновь объяла тишина. Но теперь эта тишина была неприятно выжидательной.

Роланд обнял Джейка за плечи:

— Еще не поздно обойти город.

Джейк взглянул исподлобья:

— Нельзя.

— Из-за поезда?

Джейк кивнул и проговорил нараспев:

— Блейн — мучитель, ваша честь, но на поезд нужно сесть. И сделать это мы можем только в городе.

Роланд задумчиво смотрел на мальчика.

— Отчего ты сказал «нужно»? Это *ка?* Джейк, ты должен понять, что еще очень мало знаешь о *ка*. Подобные вещи человек постигает всю свою жизнь.

— *Ка* это или не *ка*, но я точно знаю, что соваться в бесплодные земли без защиты, это значит без Блейна, нам нельзя. Без Блейна мы погибнем, как погибли зимой пчелы, которых мы видели. Нам обязательно нужна защита. Бесплодные земли — гиблое место.

— Да откуда ты все это знаешь?

— *Не знаю!* — почти сердито ответил Джейк. — *Знаю, и все!*

— Ну ладно, ладно, — мягко сказал Роланд. Он опять посмотрел в сторону Лада. — Но нам придется вести себя дьявольски осторожно. К несчастью, у них еще не вышел порох. А где порох, там может сыскаться и что-нибудь помощнее. Навряд ли они знают, как употребить оное «что-нибудь» в дело, но это лишь увеличивает опасность. Они могут взволноваться и взорвать нас ко всем чертям.

— Тям, — эхом откликнулся позади серьезный голосок. Они огляделись и увидели Чика — косолап сидел у обочины дороги и внимательно смотрел на них.

8

В тот же день они вышли к слиянию дороги, по которой шагали, с новой, западной. За развилкой Великая Дорога, теперь заметно раздвавшаяся и поделенная надвое осевой из темного отполированного камня, пошла под уклон, по обочинам поднялись полуразрушенные бетонные стены, и у путников возникло такое чувство, будто их заперли в ловушке. Там, где за проломом в бетонной ограде виднелась утешительная панорама открытой местности, путники сделали привал и перекусили, легко и несытно.

— Как по-твоему, зачем они спустили дорогу вниз, Эдди? — спросил Джейк. — Ведь ее нарочно построили именно *так*, правда?

Поглядев сквозь брешь в бетоне на бескрайнюю ровную степь, Эдди кивнул.

— Ну так зачем?

— Без понятия, старик. — Но Эдди подумал, что знает зачем. Он взглянул на Роланда и догадался: знает и стрелок. Дорогу, ведущую к мосту, заглубили в землю в оборонных целях. Командование частями, размещенными наверху бетонных откосов, осуществлялось из двух тщательно оборудованных редутов. Если защитникам города не нравились те, кто приближался к Ладу по Великой Дороге, они могли обрушить на незваных гостей ураган смерти.

— *Точно* не знаешь? — не отставал Джейк.

Эдди улыбнулся мальчику и постарался прогнать навязчивую мысль о том, что в эту самую минуту какой-нибудь псих наверху готовится скатить на них по крошащемуся бетонному откосу здоровенную ржавую бомбу.

— Понятия не имею, — ответил он.

Сюзанна с отвращением фыркнула:

— Черт бы побрал эту дорогу, Роланд! Я надеялась, со сбруей покончено, но ничего не напишешь, доставай.

Стрелок кивнул и молча стал рыться в кошелье.

По мере того, как в Великую Дорогу, точно притоки в большую реку, одна за другой вливались дороги поменьше, состояние ее ухудшалось. Когда путники приблизились к мосту, брусчатку сменило покрытие, которое Роланд посчитал утоптанной в камень землей, а остальные вспомнили кто асфальт, кто гудрон. Эта часть дороги сохранилась хуже, чем та, что была вымощена булыжником: определенный урон нанесли годы, остальное довершили бесчисленные кони и повозки, проехавшие здесь со времени последнего ремонта. Истерзанная копытами и колесами поверхность превратилась в коварное бугристое месиво. Даже идти по ней было бы непросто; мысль о том, чтобы везти по этому крошеву инвалидное кресло Сюзанны, вызывала смех.

Окаймлявшие дорогу бетонные валы неуклонно набирали крутизну; теперь вдоль их гребней зачернели на фоне неба стройные остроконечные силуэты. Роланду почудились в них наконечники стрел — огромные, изготовленные племенем великанов. Его товарищам вспомнились ракеты и боеголовки. Сюзанна подумала о «Редстоунах», запускаемых с мыса Канаверал, Эдди — о размещенных по всей Европе ЗУРах, приспособленных для запуска с тягачей, Джейк — о спрятанных в железобетонных шахтах под канзасскими степями и необитаемыми горами Невады МБРх, запрограммированных на нанесение ответного удара по Китаю или СССР в случае ядерного армагеддона. И все четверо испытали такое чувство, будто вступили в мрачную и горестную обитель теней или в край, томящийся под гнетом старинного, но по-прежнему могущественного проклятия.

Спустя несколько часов после того, как они вошли в эту зону (Джейк окрестил ее «Железная перчатка»), бетонное ограждение закончилось там, где, словно нити паутины, сходилось с полдюжины подъездных путей и где, к общему облегчению (хотя вслух никто в этом не признался), вновь начинался простор. Над перекрестком висел светофор, на этот раз более привычной для Эдди, Сюзанны и Джейка конструкции: на четырех его гранях помещались останки давным-давно разбитых круглых выпуклых стекол.

— В старину эта дорога наверняка считалась восьмым чудом света, — проронила Сюзанна. — А посмотрите на нее теперь. Настоящее минное поле.

— Старые пути-дорожки порой самые лучшие, — возразил Роланд. Эдди показывал на запад:

— Смотрите!

Теперь, когда высокие бетонные барьеры не загораживали обзор, путники увидели именно то, что старый Сай расписывал им за чашкой горького кофею в Речной Переправе. «Стоит там высокая истукада из рукотворного камня, каким Великие Пращуры мостили мостовые да тротуары, а по ей проложен единый полоз подколесный». Железная

дорога тонкой прямой линией стремительно летела с запада прямо на них и, перемахнув Сенд, по узкой золотистой эстакаде вплывала в город. Простая, элегантная конструкция, единственная из всего, что до сих пор видели путники, не тронутая ржавчиной, но при этом сильно поврежденная. На полпути через реку большой участок эстакады обвалился в стремительно несущийся вниз поток. Остались два длинных выступа, нацеленные друг на друга, как обвиняющие персты. Под провалом из воды торчало что-то продолговатое, обтекаемое, напоминающее металлическую электронную трубку. Когда-то она была ярко-синяя, но теперь краска едва проступала под чешуйками ржавчины, захватывавшими все большее пространство. С такого расстояния «трубка» казалась крошечной.

— Вот вам и Блейн, — вздохнул Эдди. — Неудивительно, что старики перестали его слышать. Ехал он себе через реку, ехал, вдруг бац! — опоры не выдержали, и старина Блейн кувырнулся в воду. Должно быть, он в это время сбавлял ход, не то его унесло бы прямо на тот берег, и мы увидели бы только большущую яму вроде воронки от бомбы. М-да, грандиозная была штука, покуда бегала.

— Мерси говорила, был и другой поезд, — напомнила Сюзанна.

— Да. А еще она сказала, что не слыхала его лет семь или восемь, а тетушка Талита поправила: да пожалуй что все десять. Как ты думаешь, Джейк... Джейк? Джейк! Джейк, я Земля, я Земля, прием...

Джейк, который напряженно всматривался в останки поезда в реке, только пожал плечами.

— Ну что бы мы без тебя делали, Джейк! — сказал Эдди. — Всегда внесешь ценный вклад в общее дело — вот за что я тебя люблю! Вот за что мы все тебя любим.

Джейк будто не слышал. Он знал, что видит, и это не был Блейн. Из воды поднимались обломки синего моно. Блейн в его сне был тусклого приторно-розового цвета жвачки, какую получаешь в придачу к обменным купонам с портретами бейсболистов.

Меж тем Роланд закрепил на груди лямки Сюзанниной подвески.

— Эдди, подсади-ка свою хозяйку в эту штуковину. Пришла пора пойти и посмотреть на все самим.

Джейк перестал глазеть на останки поезда в реке и теперь боязливо смотрел на мост, темневший впереди. Джейку чудился далекий, призрачный звон — шум ветра, резвящегося в источенных ржавчиной стальных тросах, соединявших протянутые поверху кабели с бетонным настилом.

— Думаешь, переходить будет не опасно? — спросил Джейк стрелка.

— Завтра узнаем, — ответил Роланд.

Наутро возглавляемый Роландом отряд путешественников стоял у начала длинного ржавого моста. Все взгляды были устремлены за

реку, на Лад. Грезы Эдди о старых мудрых эльфах, сохранивших в исправности некие неведомые техсредства, которыми могли бы воспользоваться странники, таяли. Теперь, когда до Лада было рукой подать, он разглядел проплешины в городском пейзаже там, где целые кварталы были, по-видимому, то ли сожжены, то ли взорваны. Очертания города на фоне неба напомнили Эдди больную челюсть, из которой выпало уже немало зубов.

Правда, многие постройки еще стояли, но от них веяло мрачным запустением, которое наполнило сердце Эдди несвойственным тому унынием, а мост, отделявший путников от этого разрушенного бетонно-стального лабиринта, казался каким угодно, только не прочным и вечным. Вертикальные тросы на левой его стороне провисали; те, что уцелели на правой, буквально стонали от напряжения. Настил был из полых бетонных коробов с трапециевидными верхними гранями. Кое-где трапеции вспучились и лопнули, выставив на всеобщее обозрение черное пустое нутро, кое-где перекосились, одной стороной уйдя вниз. Эти последние в большинстве своем только растрескались, но попадались и сильно разрушенные; в зиявшие там провалы можно было бы сбросить грузовик — большой грузовик. В тех местах, где разлетелись не только верхние грани, но и дно коробов, внизу проглядывали грязный илистый берег и серо-зеленый Сенд. Расстояние от настила до воды под серединой моста Эдди оценил в триста футов — и, вероятно, оценил скромно.

Эдди пригляделся к огромным бетонным кессонам, к которым крепились главные кабели, и ему показалось, будто один из них, на правой стороне моста, частично вышел из настила. Он предпочел умолчать об этом обстоятельстве — довольно было и того, что мост медленно, но ощутимо раскачивался. При одном взгляде на него у Эдди начинался приступ морской болезни.

— Ну? — спросил он Роланда. — Что скажешь?

Роланд показал на правую сторону моста. Там шла накрененная пешеходная дорожка около пяти футов шириной. Проложенная поверх ряда сравнительно небольших бетонных коробов, она по существу представляла собой самостоятельный мостик. Эту обособленную часть настила, по-видимому, поддерживал снизу трос — или, возможно, толстый стальной прут, — скрепленный с главными опорами огромными скобами. С жадным интересом человека, который вскоре, быть может, вверит изучаемому объекту свою жизнь, Эдди пристально осмотрел ближайшую. Скоба оказалась ржавой, но невредимой. В металл впечатались слова: «Литейная Ла-Мерк». Эдди с замиранием сердца осознал, что уже не понимает, на каком языке сделана надпись — на английском или Высоким Слогом.

— Думаю, там можно пройти, — сказал Роланд. — Там только одно скверное место — вон, видишь?

— Да. Трудно было бы не заметить!

Возможно, мост (длиной никак не меньше трех четвертей мили) и впрямь тысячу с лишним лет не знал должного ухода, но Роланд полагал, что подлинное разрушение продолжалось лишь последние полвека. Тросы постепенно лопались, и чем меньше их оставалось на правой стороне, тем больше мост накренился влево. Сильнее всего перекорежило середину моста — участок между двумя четырехсотфутовыми вышками. Там, где в бетоне возникало максимальное напряжение, поперек настила зияла похожая на глаз щель. Разлом в пешеходной дорожке был не столь велик, но и оттуда в Сенд вывалились по меньшей мере две соседние коробчатые секции, оставив брешь шириной добрых двадцать, а то и тридцать футов. На месте выпавших бетонных коробов явственно виднелась опора — ржавый стальной то ли прут, то ли кабель. Перебраться через дыру можно было только по нему.

— Пожалуй, перейти можно, — Роланд хладнокровно показал в сторону пешеходной дорожки. — Провал осложняет дело, но поручень сохранился, а значит, будет за что держаться.

Эдди кивнул, чувствуя, как сильно и тяжело колотится сердце. Обнажившаяся опора под дорожкой напоминала большую трубу из сварной стали и наверху имела, вероятно, приблизительно четыре фута в поперечнике. Эдди отчетливо представил себе, как им придется идти: осторожно, бочком, под ногами — широкая, чуть выпуклая поверхность, руки судорожно цепляются за перила, а мост медленно покачивается, как корабль на легкой зыби.

— Е-мое, — вырвалось у него. Он хотел сплунуть, но во рту пересохло. — Ты уверен, Роланд?

— Иного пути я не вижу. — Роланд показал вниз по течению реки, и Эдди увидел второй мост, давно рухнувший в Сенд, — полузатопленное беспорядочное нагромождение ржавого, старого, как мир, металла.

— Джейк, ты? — спросила Сюзанна.

— Запросто, — тотчас откликнулся мальчик. Как ни странно, он улыбался.

— Ненавижу тебя, пацан, — сказал Эдди.

Роланд смотрел на Эдди с легким беспокойством.

— Коли ты думаешь, что тебе не сдюжить, признайся сейчас. Не хватало еще, чтобы ты застрял на полдороге.

Эдди долго смотрел на покривившийся мост, потом кивнул:

— Пожалуй, я справлюсь. Никогда не любил высоту, ну да ничего, как-нибудь.

— Добро. — Роланд обвел глазами своих спутников. — Быстрее начнем, быстрее закончим. Я пойду первым, с Сюзанной. За нами Джейк. Последним — Эдди. Управись с креслом?

— Запросто, — легкомысленно брякнул тот.

— Тогда пошли.

Едва Эдди ступил на пешеходную дорожку, как пустоты его тела, словно холодная вода, затопил страх, и молодого человека одолели сомнения: уж не совершил ли он чрезвычайно опасную ошибку? С твердой земли казалось, мост покачивается еле-еле, но стоило очутиться на нем, и Эдди тотчас почувствовал, что стоит на маятнике самых больших в мире часов. Движение было очень медленным, но постоянным, а амплитуда колебаний намного превосходила ожидания. Поверхность пешеходной дорожки, наклоненная минимум на десять градусов влево, изобиловала трещинами. Под ногами хрустели рыхлые горки бетонной пыли, и слышался постоянный басистый скрип — это терлись друг о друга коробчатые сегменты. Темнеющий на фоне неба город за мостом неспешно кренился то вправо, то влево, как нарисованный горизонт в самой медленной на свете видеоигре.

Над головой в туго натянутых тросах ровно гудел ветер. Под ногами земля круто обрывалась к топкому северо-западному берегу реки. Эдди был в тридцати футах над землей... потом в шестидесяти... потом в ста десяти. Вскоре он окажется над водой. При каждом шаге его било по ноге инвалидное кресло.

Что-то пушистое протиснулось у него между ступнями, и Эдди, с трудом сдержав крик, судорожно вцепился свободной рукой в ржавый поручень. Мимо рысцой протрусил Чик; на миг косолап поднял мордочку и коротко взглянул на Эдди, словно хотел сказать: «Прошу прощения, позвольте пройти».

— Придурок хвостатый, — процедил Эдди сквозь стиснутые зубы.

Вдруг выяснилось, что, хотя смотреть вниз ему неприятно, еще большее отвращение у него вызывают тросы, которым пока удавалось удерживать мост на весу, соединяя настил с протянутыми поверху кабелями. Тросы покрывала сплошная корка ржавчины, и, куда ни глянь, почти из каждого торчали клубки отслоившихся металлических волокон — клубки, похожие на клочья металлической ваты. От своего дяди Реджа, маляра, которому довелось поработать и на мосту Джорджа Вашингтона, и на мосту Трайборо, Эдди знал, что тросы и кабели наверху свиты из тысяч стальных нитей. Здесь, на мосту через Сенд, эта туго скрученная пряжа постепенно теряла упругость, тросы в буквальном смысле слова раскручивались, и металлические нити лопались, прядя за вплетенной в канат прядью.

«Если уж он продержался до сих пор, он может продержаться и чуть дольше. Думаешь, эта хреновина возьмет и рухнет в реку только потому, что ты идешь по ней? Много о себе воображаешь!»

Однако это не успокоило Эдди. Насколько ему было известно, они, возможно, первыми за многие десятилетия пытались перебраться на другой берег по мосту. В конце концов, когда-нибудь мост непременно должен был рухнуть, и судя по всему, ждать оставалось недолго. Их

общий вес мог оказаться той пресловутой соломинкой, что ломает спину верблюду.

Мокасин Эдди поддел обломок бетона, и молодой человек, внезапно ослабев до тошноты, но не в силах оторваться, стал смотреть, как тот, переворачиваясь на лету, падает вниз — вниз — вниз. Обломок вошел в реку с тихим, *очень* тихим всплеском. Налетел порыв свежего ветра, рубашка Эдди прилипла к взмокшему телу. Мост застонал и качнулся. Эдди попытался оторвать ладони от поручня, но они словно намертво пристыли к помятому металлу.

Он на мгновение закрыл глаза. «Ты не будешь стоять столбом. *Не будешь*. Я... я запрещаю. Если тебе непременно нужно на что-нибудь пялиться, пусть это будет долговязый урод». Эдди открыл глаза, уперся взглядом в стрелка, заставил себя разжать руки и двинулся вперед.

11

На краю провала Роланд оглянулся. Джейк был в пяти футах позади него. По пятам за мальчиком, приседая и вытянув вперед шею, шел Чик. Над рекой ветер задувал гораздо сильнее, и Роланду видно было, как он ерошит шелковистую шерсть косолапа. Эдди отставал от Джейка примерно на двадцать пять футов. С каменным от напряжения лицом он угрюмо плелся вперед со сложенным креслом Сюзанны в левой руке. Правая рука отчаянно цеплялась за поручень.

— Сюзанна?

— Да, — немедленно откликнулась та. — Все нормально, давай.

— Джейк?

Джейк поднял на Роланда глаза. Он усмехался, и стрелок понял: с мальчиком проблем не будет. Пришел его звездный час. Волосы Джейка развевались на ветру, открывая красиво вылепленный лоб, глаза сверкали. Он вздернул большой палец: класс! Роланд улыбнулся и ответил тем же.

— Эдди?

— За меня не беспокойся.

Эдди как будто бы смотрел на Роланда, однако стрелок решил, что в действительности юноша глядит мимо него, на кирпичные строения без окон, теснящиеся на речном берегу у дальней оконечности моста. Ничего страшного; для Эдди, при его явной боязни высоты, это был лучший способ сохранять спокойствие.

— Ладно, не буду, — пробормотал Роланд. — Сюзанна, сейчас мы станем переправляться через дыру. Сиди тихо. Никаких резких движений. Ясно?

— Да.

— Коли хочешь устроиться поудобнее, сделай это сейчас.

— Мне удобно, Роланд, — спокойно сказала Сюзанна. — Но вот Эдди... хоть бы с ним все обошлось.

— Эдди теперь стрелок. Он будет держаться, как подобает стрелку.

Роланд повернулся лицом по течению реки, крепко ухватился за поручень и боком двинулся через провал, не отрывая ног от ржавого кабеля.

12

Джейк подождал, пока Роланд с Сюзанной одолеют большую часть пути через пролом, и двинулся следом. Сильный порывистый ветер раскачивал мост, но мальчик не чувствовал ни смятения, ни страха. Он совершенно захмелел. В отличие от Эдди Джейк никогда не боялся высоты; ему нравилось здесь, наверху, откуда видна была бесконечная стальная лента реки под хмурым небом.

На полпути через дыру в настиле (Роланд с Сюзанной уже добрались туда, где неровная пешеходная дорожка возобновлялась, и теперь наблюдали за остальными) Джейк оглянулся, и сердце у него упало. Обсуждая, как им перебраться на другую сторону, они начисто позабыли об одном участнике своей поисковой партии: у края пропасти, сжавшись в комок, замер охваченный ужасом Чик. Косолап принюхивался к тому месту, где бетон заканчивался и эстафету принимала ржавая выпуклая опора.

— Давай, Чик! — крикнул Джейк.

— Чик! — откликнулся косолап с почти человеческой дрожью в хриплом голосе. Он вытянул длинную шею вперед, к Джейку, но не двинулся с места. Обведенные золотистой каемкой глаза были громадными и испуганными.

Новый резкий порыв ветра ударил в мост, и тот закачался, заскрипел. Над самым ухом у Джейка послышался резкий звенящий звук — так лопается от чрезмерного натяжения гитарная струна. Едва не оцарапав мальчику щеку, от ближайшего к нему троса отскочила стальная нить. В десяти футах от Джейка, не сводя с него глаз, припал к настилу бедняга Чик.

— Скорей! — прокричал Роланд. — Ветер крепчает! Давай, Джейк!

— Без Чика не пойду!

И Джейк зашаркал обратно. Не успел он сделать и двух шагов, как Чик робко ступил на опорный прут. Когти, выпущенные из окостеневших от напряжения лап зверька, царапнули выпуклую металлическую поверхность. Позади косолапа стоял наконец-то дотащившийся до провала Эдди — беспомощный и до смерти перепуганный.

— Молодец, Чик, умница! — подбадривал Джейк. — Иди ко мне!

— Чик-Чик! Эйк-Эйк! — вскрикнул косолап и быстро потрусил вперед по пруту. Он был почти около Джейка, когда вновь налетел предательский ветер. Мост качнулся. Когти Чика в поисках опоры отчаянно заскребли по металлу, но тщетно. Косолапа развернуло, и его задние лапы скользнули в пустоту. Он попытался зацепиться передними, но зацепиться было не за что, и задние лапы Чика отчаянно задергались над бездной.

Джейк выпустил поручень и нырнул за Чиком. Он не видел ничего, кроме обведенных золотом глаз косолапа.

— *Нет, Джейк!* — хором взревели Роланд и Эдди, каждый со своей стороны провала, оба — слишком далеко для того, чтобы не просто смотреть, но и что-то предпринять.

Джейк грудью и животом ударился о металл. Ранец у него на спине подпрыгнул; мальчик услышал стук собственных зубов — звук, с каким шар в кегельбане разбивает плотный строй кеглей. Дохнул ветер. Джейк вместе с ним ринулся вперед и качнулся в пропасть, обхватив правой рукой опорный прут, левой же стараясь дотянуться до Чика. Косолап сорвался и, падая, сомкнул челюсти на протянутой к нему руке Джейка. Кисть мальчика мгновенно обожгла мучительная боль. Джейк пронзительно вскрикнул, но удержался: голова его была опущена, правая рука обвивала прут, колени что есть силы упирались в гладкую поверхность. На левой руке мальчика, устремив вверх остановившийся взгляд обведенных золотой каемкой глаз, висел Чик. Джейк увидел: по морде косолапа вдоль щек тонкими ручейками стекает кровь — его кровь.

Потом снова налетел ветер, и Джейк заскользил в пустоту.

13

Страх Эдди как рукой сняло. Взамен пришло уже знакомое молодому человеку странное, но желанное бесстрашие. Он с лязгом бросил инвалидное кресло Сюзанны на покрытый трещинами бетон и резво припустил по опорному кабелю, позабыв про поручень. Джейк вниз головой висел над пропастью, на его левой кисти пушистым маятником раскачивался Чик. А правая рука мальчугана медленно сползала к краю.

Эдди широко расставил ноги и резко сел. Незащищенные яички пребольно вдавило в промежность, но на секунду даже эта невыносимая боль показалась ему вестью из далекой страны. Одной рукой он вцепился Джейку в волосы, другой ухватился за лямку ранца. Он почувствовал, что и сам начинает крениться вперед, и на один страшный миг ему почудилось: вот сейчас все они сорвутся и полетят вниз, словно гирлянда из маргариток.

Выпустив волосы Джейка, Эдди крепче сжал лямку ранца, от души надеясь, что тот куплен не на распродаже. Свободной рукой Эдди лихорадочно нашаривал над головой поручень. Одно бесконечно долгое мгновение они с Джейком и Чиком медленно съезжали в брешь, потом молодой человек нашел перила и мертвой хваткой вцепился в них.

— *РОЛАНД!* — заорал он, срывая голос. — *НЕ МЕШАЛО Б ЧУТОК ПОДСОБИТЬ!*

Но Роланд был уже рядом. Он нагнулся, и Сюзанна, сидевшая у стрелка на закорках, сцепила руки у него на шее, чтобы не сорваться в пропасть. Подхватив Джейка одной рукой под мышки, Роланд

потянул его кверху. Едва оказавшись на опорном пруте, мальчик прижал к себе трясущееся тельце Чика. Левую кисть Джейка то нестерпимо жгло, то пронизывало ледяным холодом.

— Пусти, Чик, — задыхаясь, выговорил он. — Теперь можно, мы... в безопасности.

На один ужасный миг мальчику почудилось, что косолап никогда не отпустит его. Потом челюсти Чика медленно разжались, и Джейк смог высвободить руку — окровавленную и помеченную кольцом темных дырочек.

— Чик, — еле слышно пискнул косолап, и Эдди с удивлением увидел, что странные глаза зверька полны слез. Чик вытянул шею и окровавленным языком лизнул Джейка в лицо.

— Ничего, — утешил Джейк, зарываясь лицом в теплый мех. Он и сам плакал, его лицо было маской потрясения и боли. — Не переживай, все нормально. Ты ничего не мог поделать, я не обиделся.

Эдди медленно поднимался на ноги. Лицо у него было грязно-серым, землистым; ему казалось, что кто-то залепил ему между ног шаром для игры в кегли. Левая рука Эдди тайком подобралась к паху и ощупала его, определяя, велик ли нанесенный урон.

— И хирургу, блин, платить не надо, — хрипло выговорил молодой человек. — Халява!

— Ты намерен лишиться чувств, Эдди? — осведомился Роланд. Новый порыв ветра сорвал с него шляпу и бросил в лицо Сюзанне. Та поймала ее и нахлобучила Роланду на самые уши, отчего стрелок стал похож на деревенского дурачка.

— Нет, — огрызнулся Эдди. — И рад бы, да...

— Лучше поглядите на Джейка, — перебила Сюзанна. — Он истекает кровью.

— Да ну, ерунда, — поспешно возразил Джейк и попытался спрятать руку, но не успел, и Роланд осторожно взял ее в свои. Мальчик получил по меньшей мере дюжину глубоких колотых ранок в тыл кисти, ладонь и пальцы. Определить, целы ли кости и сухожилия, было невозможно, пока Джейк не попытается согнуть руку, однако время и место никак не располагали к экспериментам такого рода.

Роланд посмотрел на Чика. Косолап посмотрел на стрелка. Выразительные глаза зверька были печальными и испуганными. Он не сделал никакой попытки слизать кровь Джейка с оставленных его зубами отметин, хотя это было бы столь естественно.

— Оставьте его в покое, — сказал Джейк и крепче обнял Чика здоровой рукой. — Он не виноват. Виноват я, забыл про него. Его сдуло ветром.

— У меня и в мыслях нет обижать его, — успокоил мальчика Роланд. Стрелок нисколько не сомневался в том, что косолап не бешеный; тем не менее, в его намерения не входило, чтобы Чик, уже случайно отведавший крови Джейка, и дальше лакомился ею. Что же до иных хворей, какие могли водиться в крови у Чика... это, в конце

концов, по обыкновению должно было решить *ка*. Роланд выпростал из-под рубахи угол шейного платка и вытер Чик у губы и морду.

— Вот так, — сказал он. — Молодчина. Хороший мальчик.

— Чик, — тихо и невянятно повторил косолап, и Сюзанна, наблюдавшая за происходящим поверх плеча Роланда, могла бы поклясться, что расслышала в голосе зверька благодарность.

Мост качнулся под напором ветра. Погода портилась, и быстро.

— Эдди, надо уходить отсюда. Ты можешь идти?

— Нет, масса, моя ходи нет; моя ползи. — Боль между ног и в низу живота все еще была сильной, но не такой, как мгновение назад.

— Добро. Ну, тронулись. Да поспешайте.

Роланд повернулся, занес ногу, собираясь шагнуть, и замер. На другой стороне провала стоял, бесстрастно наблюдая за ними, какой-то человек.

Он появился, пока общее внимание было сосредоточено на Джейке с Чиком. За спиной у новоприбывшего висел то ли самострел, то ли арбалет. Голова была повязана ярко-желтым шарфом; концы шарфа полоскались на свежем ветру, как вымпелы. В ушах болтались большие золотые кольца с крестами в центре. Один глаз прикрывала белая шелковая повязка. Лицо пестрело багровыми болячками, гноящимися или покрытыми струпами. Человеку этому могло быть и тридцать, и сорок, и шестьдесят. Одну руку он держал высоко над головой. В руке было зажато что-то, чего Роланд не мог разглядеть; угадывалась только форма предмета, слишком правильная для камня.

Позади сего видения в меркнушем свете дня с какой-то злоеющей четкостью вставал город. Вглядевшись в сумрачные ущелья и каменные лабиринты позади сгрудившихся на самом берегу кирпичных зданий (несомненно, складов, давным-давно под метелку очищенных мародерами), Эдди впервые понял, до чего же несостоятельными, до чего чудовищно глупыми были его мечты и упования найти здесь помощь. Теперь он видел разбитые фасады и проломленные крыши, неопрятные птичьи гнезда на карнизах и в зияющих оконных проемах без стекол; теперь он позволил себе почувствовать *дыхание* города — и то были отнюдь не ароматы тех сказочных приправ и пряных лакомств, что мать иногда приносила из магазина Забара; Лад дышал смрадом полусгоревших матрасов, залитых сточными водами. Эдди вдруг понял Лад — увидел насквозь, до донышка. Ухмыляющийся пират, который появился на мосту, покауда их внимание было поглощено другим, видимо, представлял собой самый близкий эквивалент мудрого старого эльфа, какой был возможен для этого разгромленного умирающего города.

Роланд выхватил револьвер.

— Убери пистолю, дурачина ты, простофиля, — велел человек в желтом шарфе. Говорил он с таким сильным акцентом, что смысл его слов едва доходил до путников. — Спрячь, сердечко мое. По всему видать, ты парень не промах, огонь-молодец, да токмо со мною тебе не тягаться.

На их новом знакомце, который стоял у края провала, были заплатанные штаны зеленого бархата; он походил на флибустьера, чьи лихие разбойные деньки давно отшумели, — на больного, оборванного, но по-прежнему опасного пирата.

— Ну а вдруг я не приму твой совет? — спросил Роланд. — Вдруг я предпочту без долгих церемоний всадить пулю в твою золотушную башку?

— Тогда я прибуду в преисподнюю аккурат в самую пору, чтоб поддержать тебе дверь, — ответил Желтый Шарф и скрипуче захихикал. Он покрутил в воздухе поднятой рукой. — Мне-то все едино, помирать — дак с музыкой.

Роланд догадывался: пират говорит правду. Судя по его виду, жить ему оставалось самое большее год... И последние месяцы этого года обещали быть крайне неприятными. Сочащиеся гноем болячки на лице Желтого Шарфа не имели никакого отношения к радиации; возможно, Роланд глубоко заблуждался, но ему отчего-то казалось, что этот человек находится в последней стадии болезни, которую ученые лекари называли «мандрус», а все прочие — «шлюхин цвет». Столкнуться с опасным противником — хорошего мало, но можно хотя бы высчитать, на чьей стороне преимущество. Но, если стоишь лицом к лицу с мертвецом, это совсем другое дело.

— А ведомо ли вам, что тут у меня припасено, голубчики вы мои? — спросил пират. — Ведомо ли вам, на что волею случая наложил лапу ваш старинный приятель Режь-Глотку? Сие гренада, прелестная вещица, наследство Старинушек, и я уже сорвал с нее колпачок — ибо представляться в колпаке поистине верх неучтивости, будь я мерин!

Желтый Шарф радостно захехекал, затем лицо его вновь застыло и посерьезнело. В нем не осталось и искры веселья, словно где-то в отмирающем, разлагающемся мозгу пирата повернули выключатель.

— Теперь, голубчик, шпилью удерживает единственно мой палец. Коли ты пристрелишь меня, учинится зело громкий бумс. Ты разом с оседлавшей тебя непотребной макакою обратишься в дым. Шкет, сдается мне, тож. Молодой бычок, что стоит за твоей спиной, наставив мне в рожу ребячью пукалку, пожалуй, уцелеет, но токмо до тех пор, покуда не шмякнется о воду, а шмякнется он всенепременно, ибо последние сорок годков сей мост висит на волоске, и довольно легонького толчка, чтоб покончить с ним. Посему — не угодно ли спрятать огнестрел? Не то все мы съедем в пекло на одной дрезине.

Роланд быстро прикинул, каковы шансы выстрелом выбить из руки Режь-Глотки предмет, который тот именовал гренадой, увидел, как крепко пират сжимает его, и сунул револьвер в кобуру.

— Молодчина! — вскричал Режь-Глотку, вновь воспрянув духом. — Я с первого взгляда понял, ты малый надежный! Ей-ей, будь я мерин!

— Чего тебе надо? — спросил Роланд, хотя в глубине души полагал, что уже знает и это.

Режь-Глотку ткнул грязным пальцем в Джейка.

— Козленочка. Отдайте мне козленочка и проваливайте невозбранно.

— Да за**ись ты! — немедленно сказала Сюзанна.

— Мыслишка недурна! — пакостно хихикнул пират. — Пожалуйте Режь-Глотке осколок зеркала, и он отхватит себе уд — р-раз! — и всунет прямехонько в задние ворота. Отчего бы и нет, какой мне нынче от него прок? Чего греха таить, мне и малой нужды не справить без того, чтоб меня не прожгло до самых потрохов! — Его глаза странно спокойного серого оттенка ни на миг не отрывались от лица Роланда. — А ты что скажешь, старина?

— Коли я отдам тебе мальчика, что станет с остальными?

— Как что? Пойдете своею дорогою, мы не станем чинить вам препон! — быстро ответил Желтый Шарф. — Слово Тик-Така! Сам Тик-Так говорит сейчас моими устами, святая истинная правда, а он человек верный, то бишь слово свое держит. Не поручусь за Зрелюг, на коих вы можете напороться, однако ж Седые Тик-Така хлопот вам не доставят.

— Ты что плетешь, Роланд, мать твою? — заорал Эдди. — Не думаешь же ты на самом деле отдать ему пацана, а?

Не взглянув на Джейка, не шевельнув губами, Роланд шепнул: «Я сдержу обещание».

— Да... знаю. — И Джейк, повысив голос, сказал: — Убери пистолет, Эдди. Решать буду я.

— Джейк, ты спятил!

Пират радостно хихикнул.

— Ничуть, дурачина! Спятил ты, коли сумлеваешься. С нами мальчонке хучь барабаны будут не страшны! Сам посуди — кабы я кривил душой, я б первым делом велел вам перекинуть сюда пистолы! Чего уж проще! Но разве я сделал это? Отнюдь!

Сюзанна слышала обмен репликами между Джейком и Роландом. Еще у нее была возможность осознать, как жалок и скуден их выбор при создавшемся положении.

— Спрячь пистолет, Эдди.

— Почему мы знаем, может, ты, как только получишь пацана, тут же кинешь в нас гранату, — крикнул Эдди.

— Пусть попробует, я расстреляю ее в воздухе, — сказал Роланд. — Он знает, я не промахнусь.

— Пожалуй что. Вид у тебя подходящий.

— Коли он не врет, — продолжал Роланд, — даже если я промажу по его игрушке, ему не миновать смерти в огне, ибо мост рухнет и мы вместе с ним. Все без исключения.

— Ишь, хитрован! — сказал Режь-Глотку. — Да ты и *впрямь* парень не промах, ей-же-ей! — Он хрипло рассмеялся, потом сделался

серьезен и заговорил доверительно: — Разговор окончен, дружище. Решай. Отдашь ты мне мальчишку или мы все, плечо к плечу, пройдем тропу до конца?

Не успел Роланд вымолвить ни слова, как мимо него по опорному пруту протиснулся Джейк. Правой рукой он по-прежнему прижимал к себе свернувшегося клубком Чика. Окровавленную, негнущуюся левую руку мальчик выставил вперед.

— Джейк, *нет!* — в отчаянье крикнул Эдди.

— Я приду за тобой, — прежним тихим голосом пообещал Роланд.

— Знаю, — повторил Джейк. Снова налетел ветер, мост закачался, застонал. Сэнд покрылся барашками; за мостом, выше по течению, вокруг торчащих из реки обломков синего моно кипела белая вода.

— Ах ты мой постреленочек! — ласково запричитал Режь-Глотку. Губы его широко растянулись; из белесых десен, как прогнившие надгробия, торчали редкие уцелевшие зубы. — Ах ты куколка моя сладкая! Иди, иди, не останавливайся!

— Роланд, может, он берет нас на понт! — отчаянно завопил Эдди. — Может, граната липовая!

Стрелок промолчал.

Когда Джейк приблизился к краю бреши в пешеходной дорожке, Чик оскалил зубы и принялся рычать на Режь-Глотку.

— Отправь-ка сей говорящий куль с потрохами в воду, — велел тот.

— Хрен! — ответил Джейк, не теряя спокойствия.

На миг у пирата сделалось удивленное лицо, затем он кивнул.

— Экие нежности, а? Ладно-ть. — Он отступил на два шага. — Тогда эдак: как доберешься до бетона, спустишь своего косматого дружка наземь. И коли он вздумает кинуться на меня, я вышибу гаденышу мозги прямиком скрозь его нежную срачку, обещаю!

— Срачку, — скаля зубы, проворчал Чик.

— Заткнись, Чик, — пробормотал Джейк. Он наконец оказался у бетона, и тут в мост ударил сильнейший порыв ветра. Гнусавое пение рвущихся стальных жил зазвучало словно со всех сторон. Джейк украдкой оглянулся и увидел, что Роланд с Эдди жмутся к перилам. Сюзанна провожала его глазами из-за плеча Роланда; ветер ерошил густую шапку ее кудрей. Джейк поднял руку, прощаясь с друзьями. Роланд поднял руку в ответ.

«На этот раз ты не дашь мне сорваться?» — спросил однажды мальчик. «Нет, никогда», — ответил Роланд. Джейк верил ему, но очень боялся того, что могло случиться до появления стрелка. Мальчик поставил Чика на мост. В тот же миг Режь-Глотку с быстротой молнии рванулся к косолапу, стараясь достать зверька пинком. Чик метнулся в сторону, уворачиваясь от обуви в сапог ноги.

— Беги! — крикнул Джейк. Чик сорвался с места, пулей проскочил мимо людей и, пригнув голову, скачками понесся по мосту к Ладу, лавируя между дырами в настиле и перепрыгивая через трещины. Он не оглядывался. Режь-Глотку схватил Джейка сзади за горло. От

пирата шел густой смрад — запах грязи, помноженный на зловоние гниющей плоти. Джейка затошнило.

Режь-Глотку ткнулся мотней в ягодицы мальчика.

— А пожалуй что у старика Режь-Глотки есть еще порох в пороховницах. И разве не сказано: юность — вино, подвигающее старцев на возлияния? Эх, и повеселимся мы с тобой, верно, золотце? Ей-же-ей, куколка моя, потеха выйдет знатная, ажно ангелы на небеси запоят!

«О Боже», — подумал Джейк.

Режь-Глотку опять повысил голос.

— Эй, удалец, мы уходим; нас ждут великие дела и великие люди, будь я мерин, однако ж свое слово я сдержу. Что до тебя, ты, коли не дурак, еще добрую четверть часа столбом простоишь на месте. И коли я угляжу, что ты шелохнулся, все мы купно прокатимся у костлявой красотишки на закорках. Уразумел?

— Да, — ответил Роланд.

— Веришь ты, что мне нечего терять?

— Да.

— Вот и славно. Пошевеливайся, малец. Хоп!

Режь-Глотку сдавил горло Джейка так крепко, что под конец мальчик едва мог дышать. Одновременно пират тянул его назад. Так они и отступали, лицом к провалу, где замерли Роланд с Сюзанной на спине и сразу за ними — Эдди, так и не убравший «Рутер», который Режь-Глотку обозвал ребячьей пукалкой. Джейк слышал, как пыхтит у него над ухом Режь-Глотку, дышит часто, жарко. Хуже того, он чувствовал запах изо рта пирата.

— Без фокусов, — прошептал Режь-Глотку, — не то оторву твои причиндалы и впихну их тебе в гузно. Было бы весьма прискорбно лишиться сего хозяйства прежде, чем выйдет оказия пустить его в дело, верно? Воистину зело прискорбно!

До берега было уже рукой подать. Джейк весь напрягся и помертвел, убежденный, что Режь-Глотку все равно бросит гранату, но тот не спешил. Он затащил Джейка в узкий закоулок между двумя небольшими выгородками, которые когда-то в незапамятные времена, вероятно, служили чем-то вроде мастерских. За ними, как тюремные бараки, поднимались кирпичные пакгаузы.

— Ну-с, постреленок, теперь я отпущу твою шейку, иначе где тебе будет взять воздуху, чтобы бежать? Но я стану держать тебя за руку, и коли ты не помчишься быстрее ветра, я — попомни мои слова! — вырву ее ко всем чертям и употреблю взамен дубинки — намять тебе бока. Уразумел?

Джейк кивнул, и вдруг ужасный, не дающий дышать нажим на горло исчез. Немедленно дала о себе знать раненая рука — она вспухла и горела, как в огне. Потом пальцы Режь-Глотки железными обручами стиснули бицепс Джейка, и мальчик начисто позабыл о ней.

— До свиданья! — прокричал Режь-Глотку преувеличенно бодрым фальцетом и помахал гранатой. — Счастливо оставаться, голуб-

ки! — И рывкнул на Джейка: — А теперь *бегом*, непотребная девка! *Бегом!*

Два рывка, и Джейка сперва круто развернуло, а потом сорвало с места. Бег начался. Они с Режь-Глоткой помчались по покатоному съезду с моста вниз, к улицам. Первой неясной мыслью Джейка было: так будет выглядеть Ист-Ривер-драйв лет через двести-триста после того, как какая-нибудь таинственная мозговая чума уничтожит всех нормальных людей на планете.

По обе стороны улицы вдоль бровок тротуара стояли дряхлые ржавые остовы — несомненно, останки автомобилей. В большинстве своем это были открытые двухместные авто, по форме напоминавшие пузыри и не похожие ни на одну из известных Джейку машин (кроме, может быть, тех, какие водят в комиксах одетые в белые перчатки создания Уолта Диснея), но среди них мальчик заметил и старый «фольксваген-«жук», и, вполне возможно, отслуживший свое «шевроле-корвэ», и что-то, что он посчитал «фордом» модели А. Ни у одного из этих зловещих и печальных скелетов не осталось ни покрышек, ни стекол — покрышки то ли растащили, то ли они давным-давно истлели в прах, а все стеклянное было старательно перебито, словно последние обитатели города питали глубокое отвращение ко всему, в чем могли хотя бы случайно увидеть свое отражение.

Сточные канавы под заброшенными машинами и между ними до краев заполнял нераспознаваемый металлический лом вперемешку со сверкающими блестками стекла. В давно минувшие, более счастливые времена тротуары обсадили деревьями, но теперь деревья эти были столь категорически мертвы, что казались цельнометаллическими изваяниями на фоне обложенного тучами неба. Кое-где за кирпичными завалами на месте разбомбленных или просто рухнувших пакгаузов вдруг мелькали река и ржавые просевшие крепления Сендского моста. Запах сырости и тлена — запах, буквально разъедавший ноздри, — был здесь на редкость силен.

Улица шла прямо на восток, отклоняясь от русла Луча. Джейк заметил, что в глубине ее нагромождения битого камня и разнообразного хлама становятся все мощнее. Шестью или семью кварталами дальше улица, казалось, была полностью перекрыта, но именно в том направлении Режь-Глотку и тянул мальчика. Поначалу Джейк поспевал за пиратом, однако темп Режь-Глотку взял пугающий. Джейк тяжело задышал, потом запыхтел, начал отдуваться и на шаг приотстал. Режь-Глотку, тащивший Джейка к стене из мусора, бетона и ржавых стальных балок, так рванул мальчика за собой, что тот едва удержался на ногах. Перемычка (показавшаяся Джейку умышленно созданной конструкцией) располагалась между двумя широкими, пыльными, скучными мраморными фасадами. Перед тем, что тянулся слева, стояла статуя — Джейк сразу узнал ее, эту слепую особу звали Феמידой, — а значит, здание, которое она стерегла, почти наверняка

было зданием суда. Но глазеть по сторонам было недосуг: Режь-Глотку, не сбавляя темпа, неумолимо увлекал Джейка к баррикаде.

«Если он попытается пробраться на ту сторону, нам крышка!» — подумал Джейк, но Режь-Глотку — невзирая на болезнь, уведомляющую о своем присутствии по его физиономии, он летел как ветер, — лишь глубже вонзил пальцы в его предплечье, волоча мальчика за собой. Теперь и Джейк разглядел узкий проход в не столь уж беспорядочном нагромождении бетона, разломанной мебели, ржавых водопроводных труб и обломков грузовых и легковых машин. Внезапно он понял. Роланд проплутает в этом лабиринте не один час, но для Режь-Глотки это родные задворки, и пират *точно* знает, куда идет.

Маленькое темное отверстие, которым открывался узкий проход, находилось слева от грозящей падением груды хлама. Когда они подошли к нему, Режь-Глотку швырнул зеленый предмет через плечо. «Пригнись-ка, душка!» — крикнул он и визгливо, истерически захихикал. В следующую секунду улицу сотряс оглушительный взрыв, точно разорвался тяжелый снаряд. Одна из машин-пузырей подпрыгнула в воздух на добрых двадцать футов и приземлилась крышей на мостовую. Над головой Джейка засвистел град кирпичей, что-то мягко, но сильно толкнуло мальчика в левую лопатку. Джейк споткнулся и упал бы, но Режь-Глотку рывком поставил его на ноги и втянул в узкую щель среди обломков. Стоило им оказаться в тесном проходе, который начинался за ней, как их окутал жадно потянувшийся к ним унылый полумрак.

Когда пират и мальчик ушли, из-под бетонной глыбы ползком выбралось что-то маленькое и пушистое. Это был Чик. С минуту он стоял у входа в лаз, вытянув шею и блестя глазами. Потом, опустив нос к самой земле и тщательно принюхиваясь, последовал за людьми.

15

— Пошли, — сказал Роланд, едва Режь-Глотку развернул оглобли.

— Как ты мог? — потрясенно спросил Эдди. — Как ты мог позволить этому уроду забрать мальчугана?

— У меня не было выбора. Принеси кресло. Оно нам понадобится.

Когда они добрались до бетона на другой стороне провала, мост потряс взрыв, взметнувший в темнеющее небо тучу обломков.

— Боже! — вырвалось у Эдди. Он повернул к Роланду побелевшее испуганное лицо.

— Убиваться покамест рано, — спокойно сказал стрелок. — Молодчики вроде этого Режь-Глотки редко забывают об осторожности, когда дело касается их крайне взрывчатых игрушек.

Они миновали выгородки-мастерские в конце моста. Сразу за ними, на вершине покатого спуска, Роланд остановился.

— Значит, ты знал, что этот тип не берет нас на понт? — осведомился Эдди. — Я хочу сказать, ты не просто догадывался — ты *знал*?

— Он — ходячий мертвец, а таким нет резону пугать да страшать. — Голос Роланда звучал довольно спокойно, но где-то глубоко в нем пробивались отголоски горечи и боли. — Я предвидел нечто подобное. Кабы мы заметили Режь-Глотку раньше, оттуда, куда его бомбе было не достать, нам, пожалуй, удалось бы не подпустить его к себе. Но Джейк упал, и молодчик подобрался слишком близко. Я думаю, главной причиной, по какой мы привели с собою мальчика, он полагает возможность расплатиться за безопасный проход через город. Дьявольщина! Экое злосчастье! — Роланд саданул кулаком по ноге.

— Ну так пошли за Джейком!

Роланд покачал головой.

— Здесь мы расстанемся. Нельзя взять Сюзанну туда, куда ушел этот выродок, но и оставить ее одну тоже нельзя.

— Но...

— Слушай и не перечь, коль и впрямь хочешь выручить Джейка. Чем дольше мы тут стоим, тем больше остывает его след. По остывшему следу идти трудно. А вам найдется работа. Коли существует другой Блейн — а Джейк, без сомнения, твердо верит, что он существует, — вы с Сюзанной должны его найти. Здесь непременно должна быть станция или то, что в далеких странах за пределами моей родины когда-то прозывалось «колыбелью». Ясно?

По счастью, Эдди раз в жизни не стал спорить.

— Ясно. Мы найдем ее. И что?

— Примерно каждые полчаса давай выстрел. Когда Джейк будет со мной, я приду.

— Выстрелы могут привлечь и других, — возразила Сюзанна. Эдди помог ей выбраться из ремней подвески, и она снова сидела в своем кресле.

Роланд окинул их холодным взглядом:

— Управитесь.

— Ладушки. — Эдди протянул стрелку руку, и тот коротко пожал ее. — Отыщи пацана, Роланд.

— Ну, за этим-то дело не станет. Отыщу. А вы молитесь своим богам, чтобы я нашел мальчугана не слишком поздно. И помните лица своих отцов — оба.

Сюзанна кивнула.

— Мы постараемся.

Роланд развернулся и легко, едва касаясь земли, побежал вниз по спуску. Когда стрелок скрылся из вида, Эдди посмотрел на Сюзанну и не слишком удивился, увидев, что она плачет. Он и сам с трудом сдерживал слезы. Полчаса тому назад они были крепко спянным небольшим отрядом друзей. В считанные минуты это товарищество, дающее ощущение поддержки, уверенности, спокойствия, разлетелось вдребезги — Джейка увели силой, Роланд отправился за ним. Даже Чик убежал. Никогда еще Эдди не чувствовал себя таким одиноким.

— Мне кажется, мы их больше не увидим, — сказала Сюзанна.

— Придумала тоже — не увидим! — грубо оборвал ее Эдди. Но он понимал, что Сюзанна имеет в виду, поскольку сам испытывал то же. Предчувствие, что их странствие окончилось, не успев толком начаться, камнем легло ему на сердце. — В битве с Аттилой-гунном я бы поставил на Роланда-варвара три к двум. Ну, хватит, Сьюзи, — на поезд опоздаем.

— Где только тот поезд, — несчастным голосом проговорила Сюзанна.

— Черт его знает. Может, разыщем ближайшего старого мудрого эльфа и спросим у него, а?

— О чем это ты, Эдвард Дийн?

— Да так, ни о чем, — ответил Эдди и — поскольку это была чистая правда, да такая невыносимая, что он испугался, как бы не разреветься, — схватился за ручки инвалидного кресла и по растрескавшемуся, усеянному битым стеклом спуску повез Сюзанну в город Лад.

16

Джейк быстро спускался в туманное царство, где единственным ориентиром была боль: дергало ноющую кисть, в предплечье стальными колышками вонзались пальцы Режь-Глотки, горело в груди. Они отошли совсем недалеко, и тем не менее разнообразные боли успели сперва слиться в одну, а затем померкнуть перед резким обжигающим колотьем в левом боку. Мальчик задумался, идет ли уже Роланд за ними следом. Кроме того, его тревожило, сколько Чик сумеет прожить в этом мире, столь непохожем на леса и равнины, которые доньше только и знал косолап. Потом Режь-Глотку отвесил Джейку затрещину, из носа мальчика хлынула кровь, и все мысли поглотила багровая волна боли.

— Живей, отродье! Двигай жопочкой-красоточкой!

— Быстрее... не... могу... — задыхаясь, выговорил Джейк и едва успел увернуться от толстого осколка стекла, который длинным прозрачным клыком торчал из стены мусора слева от него.

— Расстарайся, шкет, наддай, не то гляди — отшибу памороки и бесчувственного потащу за волосья! Ну-ка, маленький выродок, — *хоп!*

Джейк непонятно откуда нашел в себе силы прибавить ходу. В проулок он входил, полагая, что вскоре они вновь выйдут на широкую улицу, однако теперь мальчик понял, что жестоко ошибся. Проулок, по которому они бежали, был не просто узким проходом в стене хлама — это была замаскированная и укрепленная дорога, уводящая в глубь страны Седых. Теснившие их с обеих сторон высокие шаткие стены слагались из экзотически подобранного разнообразнейшего материала: здесь были автомобили, примятые или сплюснутые в лепешку водруженными сверху гранитными и стальными глыбами; мраморные колонны; неведомые станки, тускло-рыжие от ржавчины там, где они не были черны от застарелой смазки пополам с грязью;

хаотические нагромождения мебели — опутанные паутиной ржавых цепей из звеньев величиной с голову Джейка, они опасно балансировали в вышине, как цирковые слоны на крохотных железных тумбах, — а в одном месте даже сверкала хромом и хрусталем большая, как двухместный самолет, рыба с аккуратно впечатанным в чешуйчатый блестящий бок одним-единственным загадочным словом Высокого Слога «ВОСТОРГЪ».

Они вышли к развилке, и Режь-Глотку без колебаний выбрал левую ветку их бредовой дороги. Чуть дальше в разных направлениях расходились еще три прохода — такие узкие, что каждый можно было бы назвать лазом. На сей раз Режь-Глотку избрал правое ответвление. Новая тропка, образованная чем-то вроде крутых насыпей из гниющих коробок и огромных блоков старой бумаги (возможно, бывших книг или журналов), оказалась чересчур узка, чтобы бежать по ней бок о бок. Режь-Глотку вытолкнул Джейка вперед и принялся нещадно колотить мальчика по спине, чтобы принудить его двигаться быстрее. «Вот что должен чувствовать бычок, когда его гонят на убой», — мелькнуло в голове у Джейка, и он поклялся, что, если выберется из этой передраги живым, никогда больше не будет есть бифштеков.

— Бегом, голубок мой сладенький! *Бегом!*

Вскоре Джейк окончательно перестал ориентироваться среди изгибов и поворотов тропинки, и чем глубже Режь-Глотку загонял его в дебри истерзанной стали, ломаной мебели и технического утиля, тем эфемернее становились надежды мальчика на спасение. Теперь даже Роланду было не под силу разыскать его. Пытаясь найти Джейка, стрелок неминуемо заплутал бы и до самой смерти блуждал по забитым хламом тропам этого кошмарного мира.

Они теперь спускались под гору; на смену стенам плотно уложенной бумаги пришли бастионы картотечных шкафов, груды счетных машинок и горы компьютерного оборудования. Джейк бежал словно по складу радиоутиля, привидевшемуся ему в страшном сне. Почти целую минуту по правую руку от Джейка тянулась стена, построенная, казалось, исключительно из телевизоров или небрежно составленных один на другой видеотерминалов с дисплеями. Их экраны неподвижно взирали на мальчика, как остекленные глаза мертвецов. Мостовая по-прежнему шла под уклон, и Джейк понял, что они находятся в самом настоящем тоннеле. Полоса хмурого неба над головой сузилась в полосу, полоска в ленточку, а ленточка превратилась в тонкую нить. Они попали в мрачное подземное царство и, точно крысы, шныряли по ходам в исполинской куче отбросов.

«Что, если все это рухнет на нас?» — подумал Джейк, но в своем теперешнем состоянии, измученный до предела и терзаемый болью, не слишком испугался такой возможности. Если свод тоннеля обвалится, он, по крайней мере, получит возможность передохнуть.

Режь-Глотку погонял его, как крестьянин погоняет мула, обозначая левый поворот тычком в левое плечо, правый — тычком в правое.

Когда требовалось идти прямо, пират отвешивал Джейку подзатыльник. Мальчик попытался увернуться от выступающей трубы, но не вполне успешно. Труба огрела его по бедру, и Джейк, беспомощно размахивая руками, отлетел к противоположной стене узкого прохода, к сложной абстрактной композиции из стеклянных осколков и неровно обломанных досок. Режь-Глотку поймал его и снова толкнул вперед.

— Бегом, вахлак! Ты что ж это, бегать не умеешь? Кабы не Тик-Так, я употребил бы тебя здесь же, а тем временем перерезал бы тебе глотку, будь я мерин!

И Джейк побежал. Он бежал в алом тумане, где существовали лишь боль да кулаки Режь-Глотки, которые поминутно опускались то на плечи мальчика, то на его затылок. Наконец, в тот самый миг, когда у Джейка созрело твердое убеждение, что сил бежать дальше у него нет, Режь-Глотку схватил его за шиворот и рывком остановил, да так яростно, что Джейк со сдавленным писком врезался в пирата.

— Вот каверзная придумка, — жизнерадостно пропыхтел Режь-Глотку. — Гляди прямо перед собой и у самой земли заметишь две жилки наперекрест. Видишь?

Сперва Джейк ничего не мог разглядеть в густом полумраке. Слева вздымались горы огромных медных котлов, справа высились штабеля стальных емкостей, напоминающих кислородные баллоны, с которыми ныряют аквалангисты. Джейк подумал, что одним энергичным выдохом может превратить этот завал в лавину. Мальчик рукавом утер глаза, отвел со лба спутанную челку и постарался не думать о том, каково это, когда на тебя сверху взгроздится примерно шестнадцать тонн таких баллонов. Он прищурился, глядя в ту сторону, куда показывал Режь-Глотку. Да, с большим трудом можно было различить две тонкие серебристые нити, похожие на гитарные струны или струны банджо. Они выходили из противоположных стен прохода и пересекались в паре футов над мостовой.

— Надобно проползти под ними, сердечко мое. И будь *вельми* осторожен, ибо стоит зацепить одну из этих жилок, и половина всей каменной и железной городской блевотины рухнет на твою голову. И на мою тож, хоть мне и сумнительно, что сие тебя сильно взволнует. Я прав? А теперь пшел! Ползком!

Джейк стянул со спины ранец, лег на землю и протолкнул его в проем перед собой. Пробираясь под туго натянутыми тонкими проволоками, мальчик обнаружил, что все-таки не прочь пожить еще немного. Ему чудилось, он каждой своей клеткой чувствует, как все эти тонны старательно уравновешенного хлама ждут, когда же можно будет ринуться вниз, на него. «Эти проволоочки, наверное, удерживают пару тщательно выбранных угловых камней, — подумал он. — Если одна из них оборвется... трах-бах-ой-е-ей, умирает зайчик мой». — Спина Джейка прошла впритирку к проволоке, и в вышине что-то скрипнуло.

— Осторожней, дурачина! — буквально простонал Режь-Глотку. — Осторожней!

Джейк по-пластунски полз под пересекающимися крест-накрест проволоками. Пропахшие потом, слипшиеся волосы упали ему на глаза, но он не посмел откинуть их.

— Прошел, — наконец проворчал Режь-Глотку и с легкостью, дающей долгой практикой, проскользнул под скрещенными сторожевыми нитями. Он поднялся на ноги и схватил ранец Джейка прежде, чем мальчик успел снова надеть его. — Что тут, постреленок? — спросил пират, расстегивая пряжки и заглядывая внутрь. — Сыщется тут гостинец для старинного дружка-приятеля? Режь-Глотку любит гостинчики, страсть как любит!

— Там ничего нет, кроме...

Рука Режь-Глотки молниеносно метнулась вперед, и от сильной затрешины голова Джейка запрокинулась, а из носа вновь полетели клочья кровавой пены.

— За что? — вскрикнул Джейк вне себя от боли и злости.

— Не обскажывай мне то, что я могу увидеть сам, поелику треклятые мои зенки еще глядят, вот за что! — рывкнул Режь-Глотку и отшвырнул ранец Джейка в сторону. Опасная, жуткая ухмылка обнажила редкие гнилые зубы. — И за то, что чуть не сронил на нас все тутощнее назымо! — Пират помолчал и более спокойно прибавил: — А еще, должен сознаться, мне того хотелось. Как гляну на твою овечью рожу, бестолочь, так руки и чешутся влепить затрешину, терпежу нет, как чешутся! — Ухмылка Режь-Глотки стала еще шире, открылись белесые гноящиеся десны — без этого зрелища Джейк с легкостью мог бы обойтись. — Коли твой удалой дружок следом за нами доберется досюдова да сторяча налетит прямехонько на сии жилочки, то-то будет ему супризец! — Продолжая ухмыляться, Режь-Глотку задрал голову и посмотрел вверх. — Помнится мне, где-то там пристроен омнибус.

Джейк заплакал — усталыми безнадежными слезами, которые промывали узкие канавки в грязи на его щеках.

Режь-Глотку угрожающе занес открытую ладонь:

— Пошевеливайся, пострел, куда я сам не пустил слезу, ибо знай: твой старинный приятель — особа зело чувствительная, и коли возьмется горевать да печаловаться, возвернуть ему улыбку может токмо оплеуха-другая. *Бегом!*

Они побежали. Казалось, Режь-Глотку наобум выбирает тропинки, уводящие все глубже в недра зловонного, потрескивающего, поскрипывающего лабиринта, давая знать о своем решении жесткими, сильными тычками в плечо. Забили барабаны — Джейк не заметил когда; казалось, звук идет отовсюду и ниоткуда. Для мальчика это стало последней каплей. Он перестал думать, перестал надеяться, перестал сопротивляться кошмару и ушел в него с головой.

Роланд остановился перед баррикадой, которая закупоривала улицу по всей ее ширине и высоте. В отличие от Джейка стрелок вовсе не надеялся выйти по другую сторону баррикады на открытое пространство. Здания, расположенные восточнее этой точки, наверняка представляли собой охраняемые острова, поднимающиеся из внутреннего моря мусора, тряпья, отбросов, неведомых приспособлений и механизмов, всевозможной утвари... и, несомненно, ловушек. Кое-что из упомянутых следов жизнедеятельности человека, разумеется, находилось там, где рухнуло или развалилось пятьсот, семьсот или тысячу лет назад, но большую часть хлама, полагал Роланд, по крупницам наташили сюда Седые. В итоге восточная часть Лада превратилась в неприступную крепость, и Роланд сейчас стоял под ее стенами.

Он медленно пошел вперед и увидел наполовину скрытое иззубренной бетонной глыбой отверстие, ведущее в проход. В мягкой пыли виднелись следы двух пар ног, больших и маленьких. Роланд начал выпрямляться, взглянул еще раз и снова присел на корточки: цепочек следов было не две, а три — третья складывалась из отпечатков лап небольшого зверька.

— Чик, — негромко позвал Роланд. Мгновение царил тишина, потом в полумраке кто-то тихо, коротко тьякнул. Роланд ступил в проход и за первым же поворотом, за выступом неровной стены, увидел внимательные глаза с золотой каемкой. Он поспешил к косолапу. Чик, который по-прежнему предпочитал держаться подальше от людей, делая исключение лишь для Джейка, попятился и замер, с беспокойством глядя на стрелка.

— Хочешь мне помочь? — спросил Роланд. Где-то у границ сознания сухой багровой пеленой клубилось страстное желание вступить в бой и в пылу сражения позабыть про все на свете, но сейчас нельзя было позволить себе это невыразимое облегчение. Время еще не пришло. — Пособишь разыскать Джейка?

— Эйка! — тьякнул Чик, не сводя с Роланда зорких тревожных глаз.

— Тогда ступай. Отыщи его.

Чик немедленно повернулся и быстро побежал по проходу, опустив нос к самой земле. Роланд последовал за ним, неотрывно вглядываясь в древний камень мостовой и лишь изредка исподлобья поглядывая на Чика: стрелок искал следы.

— Господи Иисусе, — вырвалось у Эдди. — Что ж тут за публика?

Они спустились с моста, прошли несколько кварталов по широкой улице, увидели впереди баррикаду (меньше чем на минуту опоздав к исчезновению Роланда в неприметном проходе) и повернули на север, к широкой магистрали, напомнившей Эдди Пятую авеню. Он не

посмел поделиться своими впечатлениями с Сюзанной; разочарование, вызванное видом зловонных, погребенных под слоем мусора развалин города, было еще чересчур горьким и жгучим для слов утешения и надежды.

«Пятая авеню» привела их к большим белокаменным зданиям. Эдди сразу вспомнился Рим из старых телефильмов о гладиаторах: прямые линии, строгие очертания. Почти все постройки здесь хорошо сохранились. Эдди решил, что это бывшие общественные здания — картинные галереи, библиотеки, музеи. В одном, с огромным куполом, который треснул, точно гранитное яйцо, в прошлом, возможно, размещалась обсерватория, хотя Эдди где-то читал, будто астрономам нравится работать *вдали* от больших городов, поскольку любое электрическое освещение весьма плачевно отражается на наблюдениях за звездами.

Эти представительные сооружения перемежались, были разделены открытыми площадками, и, хотя траву и цветы оттуда давно вытеснили бурьян и плотные заросли низкого кустарника, в этой части города до сих пор чувствовались достоинство и царственное величие, так что Эдди задумался: не здесь ли когда-то был центр культурной жизни Лада? Разумеется, те дни давно миновали; Эдди сомневался, что Реж-Глотку или его дружки сильно интересуются балетом или камерной музыкой.

Они с Сюзанной вышли на крупный перекресток, откуда, как спицы колеса, расходились еще четыре широких проспекта. Центром «колеса» была большая мощеная площадь в кольце сорокафутовых столбов с репродукторами. Посреди площади высился пьедестал с тем, что уцелело от монумента, — вздыбленным могучим боевым конем, отлитым из меди и зеленым от ярь-медянки. Потрясающий оружием (некое подобие автомата в одной руке и меч — в другой) воин, прежде гарцевавший на нем, лежал в сторонке на боку, раскорячив ноги, словно скачка для него еще не закончилась, но его сапоги торчали в стремях по бокам медного скакуна, ходившего когда-то у него под седлом. По цоколю памятника шли оранжевые буквы: «СМЕРТЬ СЕДЫМ!»

Окинув взглядом лучи улиц, Эдди увидел новые столбы с репродукторами — несколько поваленных, но в основном невредимые, и все без исключения увитые мрачными гирляндами трупов. Выходило, что площадь, в которую вливалась «Пятая авеню», и отходящие от нее улицы охраняла небольшая армия мертвецов.

— Что ж тут за публика такая? — повторил Эдди.

Он не ждал ответа, и Сюзанна не ответила... хотя могла бы. Она уже заглядывала в прошлое мира Роланда, но ни одно из прежних ее прозрений не давало такой отчетливой и достоверной картины, как сейчас. До сих пор всем внезапным озарениям Сюзанны, например, в Речной Переправе, присуща была зримость снов — свойство, способное надолго задержать увиденное в памяти, — но то, что встало перед ее глазами теперь, явилось вдруг, сразу, в одном сплосхе, и это было то же, что увидеть высеченное вспышкой молнии перекошенное лицо опасного маньяка.

Репродукторы... гирлянды трупов... барабаны. Сюзанна вдруг поняла, как увязать одно с другим, с такой же ясностью, с какой в Речной Переправе она осознала, что тяжело груженные повозки, следовавшие в Джимтаун через поселок, тянули не лошади, а волю.

— Не забывай себе голову всякой чушью, — посоветовала она Эдди, и голос ее дрожал лишь чуть-чуть. — Нам нужен поезд. В какой он стороне, как ты думаешь?

Эдди поглядел на нахмурившееся небо и без труда нашел среди стремительно бегущих облаков Луч. Он снова опустил взгляд и не слишком удивился, увидев, что начало улицы, направление которой точнее всего совпадало с ходом Луча, стережет большая каменная черепаха. Треугольная голова рептилии выглядывала из-под нависающего края гранитного панциря, глубоко посаженные глазки, казалось, с любопытством уставились на чужаков. Эдди мотнул головой в сторону изваяния и выдавил бледную улыбку:

— Черепаха-великанша держит Землю на спине?..

Сюзанна посмотрела и кивнула. Эдди покатил кресло через городскую площадь в улицу Черепахи. От висевших вдоль нее трупов исходил сухой коричневый запах, и желудок Эдди свела судорога, но не оттого, что пахло мерзко, а оттого что запах этот, как ни странно, был довольно приятным: приторно-пряный аромат чего-то такого, чем ребенок с большим удовольствием посыплет свой утренний кусочек поджаренного хлеба.

Улица Черепахи, по счастью, была широкой, а трупы, висевшие на столбах, почти все иссохли как мумии, но Сюзанна заметила несколько относительно свежих покойников — у этих по почерневшей коже распухших лиц деловито ползали мухи, а гниющие глаза кишели червями.

И под каждым репродуктором поднимался небольшой холмик костей.

— Да их тут тысячи, — сказал Эдди. — Мужчины, женщины, дети...

— Да, — бесстрастный голос Сюзанны прозвучал в ее собственных ушах незнакомо и словно бы издалека. — У них была уйма свободного времени. И они коротали его, истребляя друг друга.

— А подать сюда этих долбанных мудрых эльфов! — потребовал Эдди, но его смех, раздавшийся следом, подозрительно походил на рыдание. Молодому человеку показалось, что он наконец-то в полной мере начинает постигать подлинный смысл безобидной присказки «мир сдвинулся с места». Всю ширину пропасти невежества и зла, какая кроется за этими словами.

И глубину.

«Репродукторы, конечно, мера военного времени, — думала меж тем Сюзанна. — Бог весть, которая это была война и давно ли, но наверняка творилось нечто из ряда вон выходящее. Правители Лада использовали репродукторы, чтобы из центральной, недостижимой для

бомб точки вроде бункера, куда в конце второй мировой ретировался Гитлер со своей ставкой, транслировать объявления на город».

И в ушах у нее зазвучал властный командный голос, который когда-то раскатисто несся из динамиков, зазвучал так же отчетливо, как поскрипыванье проезжавших через поселок фургонов, которое она внезапно услышала в Речной Переправе, так же ясно, как шелканье кнута над спинами трудяг-волов.

Пайковые центры А и D сегодня будут закрыты; просим получить довольствие в распределителях В, С, F и E по надлежащим карточкам.

Девятому, Десятому и Двенадцатому подразделениям службы охраны порядка прибыть в район Сенда.

Между восемью и десятью часами ожидается зональная бомбардировка. Гражданскому населению явиться в убежища по месту приписки. При себе иметь противогазы. Повторяю, при себе иметь противогазы...

Объявления, да... и информационные выпуски — невнятные, путанные, воинственные, напичканные пропагандой; то, что Джордж Оруэлл назвал бы демагогией. А в промежутках между сводками новостей и объявлениями — визгливая военная музыка и увещания: в знак уважения к павшим шлите в багровую глотку бойни все новых мужчин и женщин...

Война закончилась, и на некоторое время воцарилась тишина. Но в какой-то момент репродукторы вновь ожили. Давно ли? Сто лет тому назад? Пятьдесят? Да имело ли это значение? Нет, думала Сюзанна. Важно было другое: вновь пущенные в дело репродукторы разносили над городом лишь то, что хранил один-единственный виток магнитной пленки: барабанный бой. Который потомки коренных жителей города принимали... за что? За голос Черепахи? За волю Луча?

К своему удивлению, Сюзанна вдруг вспомнила, как однажды спросила отца, человека тихого и скромного, но глубоко циничного, верит ли он, что на небесах есть Бог, направляющий течение человеческой жизни. «Видишь какое дело, Одетта, — ответил отец, — по-моему, и да и нет. Какой-то Бог, конечно, есть, только вряд ли Он нынче имеет к нам хоть какое-то отношение. По-моему, после того, как мы убили Его сына, до Него наконец дошло: ни с сыновьями Адама, ни с дочерьми Евы ничего не поделаешь. И Он умыл руки. Голова!»

В ответ на это (ничего иного она и не ждала; ей шел двенадцатый год, и ход отцовской мысли был ей отлично знаком) Сюзанна показала ему коротенькое объявление в местной газете на странице, отданной религиозным общинам. Там говорилось: в будущее воскресенье преподобный Мердок из методистской Церкви Благодати, опираясь на текст Первого послания к коринфянам, осветит тему «С каждым из нас каждый день говорит Господь». Отец смеялся до слез. «Ну, полагаю, каждый из нас кого-нибудь да слышит, — выговорил он наконец, — и можешь смело ставить свой последний доллар вот на

что, золотко: каждый из нас — включая этого самого преподобного Мердока — слышит именно то, что хочет слышать. Это так удобно...»

Этим людям явно хотелось слышать в фонограмме ударных приглашение к ритуальным убийствам. И когда в этих сотнях или тысячах динамиков начинали гулко греметь барабаны (назойливый чеканный ритм, который на поверку, если Эдди не ошибался, представлял собой всего-навсего перкуссию из какой-то там «Ширинки на липучке» каких-то неизвестных Сюзанне «Зи Зи Топ»), горожане воспринимали это как сигнал завязать на веревках петли и вздернуть на ближайшем столбе под репродуктором пару-тройку сограждан.

«Сколько же их? — гадала Сюзанна, пока Эдди катил ее инвалидное кресло по улице и под испарапанной, испещренной многочисленными вмятинами твердой резиной шин то хрустело битое стекло, то шуршали макулатурные барханы. — Скольких здесь перебили из-за того, что много лет тому назад какую-то электронную схему под городом разобрала икота? Или убийства начались потому, что горожане распознали полную чужеродность этой музыки, непонятным образом — как мы, как самолет, как некоторые из машин на улицах — занесенной сюда из иного мира?»

Этого Сюзанна не знала. Зато она поняла другое: она давно переняла цинический взгляд отца на Бога и те беседы, которые тот ведет (или не ведет) с сыновьями Адама и дочерьми Евы. Жители Лада попросту искали причину безжалостно истреблять друг друга, и барабаны стали не худшим оправданием для бойни.

Тут ей вспомнился найденный ими дикий улей — бесформенное, уродливое гнездо белых пчел, чьим медом они бы неминуемо отравились, если бы оказались настолько глупы, чтобы вкусить от него. Здесь, на этом берегу Сенда, расположился еще один умирающий улей с белыми пчелами-мутантами, чей укус не делало менее смертоносным ни их смятение, ни ущербность и обреченность, ни растерянность.

«А скольким еще придется умереть, прежде чем пленка порвется?»

Внезапно, словно мысли Сюзанны были тому причиной, репродукторы ожили, на город обрушились безжалостные синкопы. Застигнутый врасплох Эдди испустил изумленный вопль. Сюзанна взвизгнула и обеими руками зажала уши, успев, однако, расслышать едва различимое звучание других инструментов: звуковую дорожку или дорожки, лишенные голоса десятилетия тому назад, когда кто-то (вероятно, чисто случайно) сбил балансировку, полностью сместив равновесие в одну сторону и тем самым похоронив и гитары, и вокал.

Эдди катил инвалидное кресло по улице Черепахи, руслом Луча, стараясь смотреть во все стороны одновременно и не вдыхать запах разложения. «Слава Богу, хотя бы ветер дует», — думал он.

Эдди повез кресло быстрее, внимательно обшаривая взглядом заросшие бурьяном просветы между большими белыми зданиями в поисках грациозного стремительного контура-монорельсовой железной дороги в вышине. Ему хотелось поскорее выбраться из этой

бесконечной аллеи мертвецов. Он поневоле вновь глубоко вдохнул витавший здесь обманчиво-приятный коричный запах, и ему показалось, что он никогда и ничего еще не хотел так отчаянно.

19

Из транса Джейка неожиданно и грубо вывел Режь-Глотку: он схватил мальчика за ворот и дернул к себе, вложив в рывок всю ту силу, с какой жестокий ездок останавливает летящего галопом коня. Одновременно пират выставил ногу, и, запнувшись о нее, Джейк полетел спиной на землю. Голова его коснулась мостовой, и на мгновение свет для мальчика померк. Режь-Глотку, не грешивший гуманизмом, незамедлительно привел его в чувство, ухватив за нижнюю губу и рванув вперед и вверх.

Джейк пронзительно вскрикнул и мигом принял сидячее положение, наугад молотя кулаками по воздуху. Режь-Глотку с легкостью увернулся от ударов, подцепил Джейка ладонью под мышку и резко поставил на ноги. Джейк стоял, покачиваясь взад-вперед, как пьяный. Он был за гранью протеста, почти за гранью рассудка и только одно знал наверняка: все его мышцы словно бы растянуты, а раненая ладонь вост, как зверь, погавший в капкан.

Режь-Глотке, по-видимому, требовалась передышка. В этот раз пират переводил дух довольно долго; он стоял согнувшись, уперев ладони в обтянутые зеленым бархатом колени, и прерывисто, сиплю дышал. Желтый шарф съехал набок. Здоровый глаз поблескивал, как фальшивый бриллиант. Из-под измявшегося кружка белого шелка, прикрывавшего другой глаз, на щеку медленно стекала отвратительная желтая творожистая жижа.

— Подними голову, пострел, и поймешь, отчего я эдак круто осадил тебя. Наглядись всласть!

Джейк задрал голову, но потрясение, которое переживал мальчик, было столь глубоко, что он ничуть не удивился, увидев покачивающийся в восьмидесяти футах над ними мраморный фонтан, огромный, как панелевоз. Они с Режь-Глоткой находились почти точно под ним. Фонтан удерживали на весу два ржавых троса, почти целиком скрытые в высоченных шатких штабелях церковных скамей. Даже сейчас, соображая, мягко говоря, не слишком хорошо, Джейк понял, что эти тросы изношены куда больше, чем уцелевшие на мосту.

— Видал? — ухмыляясь, осведомился Режь-Глотку. Он поднес левую руку к прикрытому шелком глазу, зачерпнул густую гнойную субстанцию и равнодушно стряхнул ее в сторону. — Нешто не прелесть? О, Тик-Так человек верный, на него можно положиться, будьте покойны. (Где же эта усада козлиной похоти, барабаны? Уж пора бы им заиграть — коли Медный Лоб забыл про них, я вколочу ему палку в зад так глубоко, что негодяй испробует, какова на вкус кора!) Теперь гляди вперед, очочко мое распрекрасное.

Джейк поглядел, и Режь-Глотку незамедлительно отвесил ему такого тумака, что мальчик качнулся назад и чуть не упал.

— Не туда, обалдуй! *Под ноги!* Вон, видишь два темных булыжника?

Джейк увидел и равнодушно кивнул.

— Не вздумай наступить на них, постреленок, не то сверзишь сей плод тяжелого, кропотливого труда прямехонько себе на башку, и всякому, кому ты опосля того зандобишься, придется собирать тебя промокашкой. Уразумел?

Джейк снова кивнул.

— Вот и славно. — Режь-Глотку в последний раз глубоко вздохнул и звонко хлопнул Джейка по плечу. — Тогда вперед, чего ждешь? *Хоп!*

Джейк перешагнул через первый из потемневших камней и увидел, что в действительности это вовсе не камень, а металлическая пластина, специально закругленная, чтобы походить на булыжник. Чуть впереди, почти вплотную к ней, притаилась вторая, расположенная так хитро, что, если бы ни о чем не подозревающий незваный гость случайно миновал первую, он (или она) непременно наступил бы на эту.

«Ну что ж, вперед, — сказал себе мальчик. — Почему бы нет? Стрелку никогда не найти тебя в этом лабиринте. Смелее, устрой обвал, это будет лучше — *чище*, — чем то, что готовит тебе Режь-Глотку с дружками. И быстрее».

Пыльный ботинок Джейка задрожал в воздухе над ловушкой.

Режь-Глотку стукнул мальчика кулаком по спине, но не сильно.

— Раздумываешь, не проехаться ли у костлявой красотки на закорках, а, пострел? — спросил он. Смешливую жестокость в голосе пирата сменило обыкновенное любопытство. Если оно и было подвечено другим чувством, то не страхом, а веселым удивлением. — Ладно, надумал — валяй. Я-то уж давно при билете. Только быстрее, разрази тебя гром.

Нога Джейка опустилась на землю за спусковым механизмом ловушки. Решение мальчика пожить еще немного не было продиктовано надеждой на то, что Роланд его найдет; просто сам Роланд поступил бы именно так — шел бы вперед, пока кто-нибудь не остановил бы его силой, а тогда прошел бы еще несколько ярдов, если бы смог.

Покончив счеты с жизнью здесь, сейчас, Джейк прихватил бы с собой Режь-Глотку, но одного Режь-Глотки было мало — с первого взгляда становилось ясно, что тот не лгал, утверждая, будто умирает. Если бы мальчик двинулся дальше, ему мог представиться случай отправить на тот свет кое-кого из дружков Режь-Глотки — может статься, даже того, кого пират называл Тик-Таком.

«Раз уж мне предстоит прокатиться, как он выражается, «у костлявой красотки на закорках», — сказал себе Джейк, — большая компания мне совсем не помешает».

Роланд бы его понял.

Джейк неверно оценивал способность стрелка идти за ними по лабиринту. Самым заметным из оставленных Режь-Глоткой и мальчиком свидетельств своего пребывания был ранец, но Роланд быстро понял: ему нет необходимости терять время на поиски знаков и примет. Достаточно следовать за Чиком.

Тем не менее стрелок поначалу задерживался у пересечений проходов, желая удостовериться, что идет правильно, и всякий раз Чик оглядывался и тихонько, нетерпеливо таякал, словно говоря: «Скорее! Или ты хочешь их потерять?» После того, как следы — отпечаток ноги, нитка из рубашки Джейка, клочок ярко-желтого шарфа Режь-Глотки — трижды подтвердили выбор косолапа, Роланд просто шел за Чиком. Он по-прежнему старался отыскать какие-нибудь вежи, но перестал останавливаться ради тщательных осмотров. Потом забили барабаны, и именно они вкупе с настырным интересом Режь-Глотки к содержимому ранца Джейка спасли в тот день Роланду жизнь.

Пыльные сапоги стрелка вдруг словно приросли к месту, револьвер оказался у него в руке раньше, чем он понял, что за звуки услышал. Разобравшись, что к чему, стрелок нетерпеливо хмыкнул и сунул револьвер в кобуру. Он собрался было идти дальше, как вдруг ему на глаза случайно попался сперва ранец Джейка... а потом, чуть левее, пара едва заметных, поблескивающих в воздухе жилок. Роланд прищурился и различил две тонкие проволоочки, которые пересекались на уровне его колен какими-нибудь тремя футами дальше. Невысокий от природы Чик аккуратно прошмыгнул в нижний из образованных проволокой треугольников, но, если бы не барабаны и не сброшенный Джейком ранец, привлечший внимание стрелка, Роланд неминуемо вошел бы прямо в ловушку. Стрелок медленно поднял глаза, скользнув взглядом по не-вполне-случайным неустойчивым нагромождениям хлама по обе стороны прохода, и плотно сжал губы. Он был на волосок от гибели. Лишь *ка* спасло его.

Чик нетерпеливо таякнул.

Роланд лег на живот и пополз под проволокой, медленно и осторожно (он был шире в плечах и выше не только Джейка, но и Режь-Глотки), понимая, что действительно рослому и крупному человеку здесь никак не пробраться, не сдвинув с места старательно подготовленную лавину. В ушах у стрелка глухо стучали барабаны. «А может, тут все давно рехнулось? — подумал он. — Кабы мне день-деньской приходилось слушать это, я бы наверняка сбрендил».

Он выбрался из-под проволоки на другой стороне, поднял с земли ранец и заглянул внутрь. В ранце по-прежнему лежали книжки и кое-что из одежды Джейка, на месте были и сокровища, набранные мальчиком в пути: камень с желтыми блестящими крапинами — похожими на золото, но не золотыми; наконечник стрелы — вероятно, память о древнем лесном народе (его Джейк нашел в роще на

следующий день после своего извлечения), какие-то монетки из родных краев мальчика, темные очки его отца, иные мелочи, с пониманием восторгаться которыми может лишь мальчишка, еще только вступающий в трудный возраст. Мелочи, которые Джейк непременно захочет получить обратно... если, конечно, Роланд раз-ыщет мальчугана прежде, чем Режь-Глотку с друзьями успеют сделать его другим человеком, подвергнув таким оскорблениям и унижениям, что он утратит и любознательность, и интерес к невинным занятиям, свойственные мальчикам до начала полового созревания.

В памяти Роланда, словно лицо демона или выпущенного из бутылки джинна, всплыла ухмыляющаяся физиономия Режь-Глотки: торчащие обломанные зубы, пустые глаза, мандрус, выползший на щеки и захвативший щетинистый подбородок. «Если ты обидишь его...» — подумал стрелок и заставил себя отвлечься от этих мыслей, поскольку они вели в тупик. Если Режь-Глотку обидит мальчугана («Джейка! — яростно настаивал рассудок. — *Не просто мальчугана — Джейка! Джейка!*»), Роланд убьет его. Да. Но поступок этот будет бессмысленным, ибо Режь-Глотку уже мертв.

Стрелок удлинил лямки ранца, дивясь хитроумным застежкам, которые это позволяли, надел его и встал. Чик повернулся, готовый тронуться в путь, но Роланд окликнул его, и косолап оглянулся.

— Ко мне, Чик. — Роланд не знал, может ли косолап понять его (и послушается ли он, даже если поймет), но было бы лучше — безопаснее, — чтобы Чик держался рядом с ним. Где есть одна ловушка, могут быть другие. В следующий раз Чик может повезти меньше.

— Эйк! — твякнул Чик, не двигаясь с места. Твяканье прозвучало напористо, но Роланд подумал, что подлинные чувства зверька можно прочесть по его газам: они потемнели от страха.

— Да, но это опасно, — сказал Роланд. — Ко мне, Чик. Рядом.

Позади, там, откуда они пришли, послышался грохот, словно упало что-то тяжелое — возможно, причиной падения была сильная вибрация, порожденная грохотом барабанов. Теперь Роланд увидел столбы с репродукторами, которые там и сям выглядывали из развалин, точно диковинные длинноногие животные.

Чик трусцой вернулся к стрелку и, тяжело дыша, поднял на него глаза.

— Не убегай далеко.

— Эйк! Эйк-Эйк!

— Да. Джейк.

Роланд снова побегал. Чик бежал рядом, точно хороший пес.

Для Эдди, в который уже раз, началось, по выражению одного мудрого человека, «сплошное дежа вю»: толкая перед собой инвалидное кресло, он опять бежал наперегонки со временем. Берег моря

сменила улица Черепахи, но прочие условия по непонятной причине не менялись. Нет — появилось и другое важное отличие: теперь молодой человек высматривал не дверь, стоящую в пустоте, а железнодорожную станцию.

Сюзанна сидела очень прямо, вытянувшись в струнку; ветер раздувал ее волосы, в правой руке был револьвер Роланда, нацеленный в облачное грозное небо. Гремели барабаны, их глухой грохот обрушивался на молодых людей, как удары дубинки. Прямо по курсу поднималось что-то огромное, очертаниями схожее с гигантским блюдцем, и в переутомленном мозгу Эдди (возможно, под влиянием высившихся по сторонам зданий классического стиля) родилась следующая картина: Юпитер с Тором играют во фрисби. Юпитер размашистым движением бросает тарелку, а Тор роняет ее сквозь тучу — черт с ней, все равно на Олимпе — Эпоха Миллера.

«Фрисби богов, — подумал он, ловко провозя Сюзанну меж двух ржавых, дышащих на ладан колымаг. — Нихреновенькая идея!»

Чтобы объехать этот памятник архитектуры прошлого, который теперь, когда они оказались по-настоящему близко от него, больше напоминал своеобразную антенну спутниковой связи, Эдди, поднатужившись, взгромоздил кресло на тротуар. Он как раз осторожно спускал инвалидную коляску с поребрика обратно на мостовую — тротуар был слишком захламлен, чтобы двигаться хоть сколько-нибудь *быстро*, — когда барабаны внезапно смолкли, эхо замерло, и воцарилась тишина. Но, понял Эдди, безмолвием эту новорожденную тишину никак нельзя было назвать. Впереди, на пересечении улицы Черепахи с другой широкой улицей, стояло мраморное здание с аркадой. Оно заросло диким виноградом и какой-то неопрятной зеленью, похожей на повилуку, и тем не менее сохраняло величественный и горделивый вид. За углом этого здания возбужденно гомонила толпа.

— Не оставайся! — резко распорядилась Сюзанна. — У нас нет времени на...

Гвалт пробуравил истерический визг, сопровождавшийся одобрителными воплями и, что было уж вовсе невероятно, аплодисментами того рода, какими в отелях-казино Атлантик-Сити награждаются определенные номера развлекательной программы. Визг захлебнулся и перешел в протяжный замирающий клекот, схожий со стрекотом погружающейся в летний транс цикады. Эдди почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. Он покосился на трупы, которыми был обвешан ближайший репродукторный столб, и понял: страстные любители забав, Зрелые города Лада, устроили очередную публичную экзекуцию.

«Замечательно, — с ехидцей подумал он. — Им бы еще Тони Орlando с «Дон», спеть «Постучи три раза», тогда все здесь умерли бы счастливыми».

Эдди с любопытством поглядывал на угловые каменные хоромы. Близ них сильно пахло зеленью, похоронившей под собой мрамор

стен. Травяной запах был едким до слез, и все равно он пришелся Эдди по душе больше, чем коричне-сладкий дух высохших трупов. Повилика, которой густо обросли лозы, свешивала вниз пучки тощих как крысиные хвостики плетей, превращая ровный строй арочных входов в вереницу зеленых водопадов. Внезапно сквозь один такой водопад стремглав проскочила и заспешила к Эдди и Сюзанне некая фигура. Судя по габаритам, понял Эдди, парнишка, совсем сопляк. Одет мальчуган был причудливо и нелепо, в костюме маленького лорда Фаунтлероя — белая рубашка с брыжами, короткие панталоны бумажного бархата, в волосах ленты. На Эдди вдруг накатило ни с чем не сообразное неудержимое желание замахать руками над головой и громко пропеть: «Тили-бом, тили-бом, город Лад — большой дурдом!»

— Айда! — на бегу крикнул мальчик тонким писклявым голоском, рассеянно смахивая запутавшиеся в волосах зеленые веточки. — Там сию минуту прикончат Торопыгу! Пришел черед Торопыги отбыть в край барабанов! Айда, не то всю потеху прозевааете, будь она неладна!

Вид мальчика ошеломил Сюзанну не меньше, чем Эдди, но, когда ребенок подбежал ближе, ей бросилось в глаза, что в его манере стряхивать крошки и прядки зелени, застрявшие в перевитых лентами волосах, есть что-то странное: он упорно пользовался только одной рукой. Другую руку мальчик прятал за спиной — и когда выныривал из бурьянного водопада, и сейчас.

«Как это, должно быть, неудобно!» — подумала Сюзанна, а потом, словно в голове у нее заработал магнитофон, услышала голос Роланда — слова, сказанные стрелком у оконечности моста: *«Я предвидел нечто подобное... кабы мы увидели молодчика раньше, оттуда, куда его бомбе было не достать... экое злосчастье!»*

Она прицелилась в ребенка, который уже спрыгнул с тротуара и бежал прямо на них, и крикнула:

— Стой! Ни с места!

— Сюзи, ты что? — заорал Эдди.

Сюзанна словно не слышала. Строго говоря, никакой Сюзанны Дийн больше не было; в кресле сидела Детта Уокер собственной персоной, и ее глаза блестели лихорадочным подозрением.

— Стой, стрелять буду!

Судя по тому, какое ничтожное действие возымело предостережение, Маленький лорд Фаунтлерой, пожалуй, страдал глухотой.

— К шутам! — радостно прокричал он. — Всю комедь провороните! Нынче Торопыга...

Его правая рука наконец показалась из-за спины. Тут Эдди понял, что перед ними не маленький мальчик, а уродливый карлик, чьи детские годы давно миновали. Лицо его в действительности выражало вовсе не ребяческое ликование, как поначалу показалось Эдди, а исступленную ненависть, от которой кровь стыла в жилах. Щеки и лоб карлика покрывали темные мокнувшие пятна «шлюхин» — так это называл Роланд.

Сюзанна не видела этого лица. Ее внимание было приковано к показавшейся из-за спины правой руке уродца и зажатому в ней тускло-зеленому круглому предмету. Разглядывать дольше она не стала. Грянул выстрел. Карлика отбросило назад. Он приземлился на тротуар, из крохотного рта вырвался тонкий вскрик ярости и боли. Гренада выскочила у него из руки и укатилась в ту арку, откуда он появился.

Детта исчезла как сон. Изумленная Сюзанна в ужасе и смятении посмотрела на дымящийся револьвер, потом на крошечную фигурку, распростертую на тротуаре.

— Господи Иисусе! Я его застрелила! Эдди, я его застрелила!

— Седым... *смерть!*

Маленький лорд Фаунтлерой хотел прокричать эти слова дерзко, с вызовом, но лишь захлебнулся кровавой пеной, пропитавшей последние белые пятна на его рубаше с брызгами. Из внутреннего двора углового здания, заросшего плющом, донесся приглушенный взрыв, и пушистые ковры зелени, занавесившие арки, взлетели, как флаги на свежем ветру, выпуская клубы удушливого едкого дыма. Эдди кинулся прикрыть собой Сюзанну, и на его спину, шею и темя обрушился град твердых бетонных осколков — к счастью, мелких. Слева послышалось неприятно влажное чмокание. Эдди чуть-чуть приоткрыл глаза и увидел, как голова Маленького лорда Фаунтлероя останавливается в сточной канаве. Глаза карлика по-прежнему были открыты, рот застыл в последнем смехе.

Теперь вокруг раздавались другие голоса — визжащие, орущие, яростные. Эдди скатился с кресла Сюзанны (оно встало на одно колесо, покачнулось, но в конце концов передумало опрокидываться) и уставился в ту сторону, откуда перед тем появился карлик. Показалась оборванная толпа, человек двадцать мужчин и женщин; одни шли из-за угла, другие, продравшись сквозь колтуны листвы, скрывавшие от глаз сводчатые входы в угловое здание, злыми духами возникали из дыма, напущенного гранатой Маленького лорда Фаунтлероя. У большинства головы были повязаны синими шарфами, и все держали в руках разнообразное (и почему-то казавшееся жалким) оружие, среди прочего — ржавые мечи, тупые ножи и занозистые дубинки. Эдди увидел, что один из оборванцев вызывающе помахивает молотком. «Зрелые, — подумал Эдди. — Мы помешали линчеванию, и они жутко обозлились».

Едва заметив Сюзанну и Эдди, припавшего на колено перед инвалидным креслом, прелестная компания оглушительно загалдела: «Истребить Седых! Прикончить обоих! Они порешили Любострастника, да поразят боги слепотой их бесстыжие очи!» В первом ряду воинственно размахивал тесаком мужчина в похожей на килт набедренной повязке. Услышав призыв к кровопролитию, он, иступленно потрясая своим оружием (которое неминуемо обезглавило бы стоявшую сразу за ним коренастую особу женского пола, если бы та не

пригнулась), ринулся в атаку. Прочие с радостными воплями кинулись следом.

Отчетливый гром револьверного выстрела сотряс пасмурный ветреный день, снес темя облаченному в килт Зрелому. Землистое лицо женщины, едва не обезглавленной его тесаком, окропил алый дождь, и она испуганно вскрикнула резким, грубым голосом. Остальные, с дикими глазами, охваченные неистовством, продолжали наступать — так, словно не видели ни ее, ни убитого.

— Эдди! — пронзительно вскрикнула Сюзанна и опять выстрелила. Мужчина в подбитом шелком плаще и высоких сапогах рухнул на мостовую.

Эдди зашарил в поисках «Ругера» и пережил мгновение паники, вообразив, что потерял его. Рукоятка пистолета каким-то образом проскользнула за пояс штанов, внутрь. Эдди обхватил ее и сильно дернул. Подлый «Ругер» не желал вылезать — мушка невеста как запуталась в трусах Эдди.

Сюзанна выпустила три пули подряд. Каждая нашла свою мишень, но наступавшие Зрелые не умерили прыти.

— Эдди, *помогай!*

Эдди рывком расстегнул штаны, чувствуя себя этаким уцененным Суперменом, и наконец вызволил «Ругер». Ударив ладонью по предохранителю, он упер локоть в ногу чуть выше колена и открыл огонь. Думать не требовалось — не требовалось даже целиться: оказалось, что утверждение Роланда, будто в бою руки стрелка действуют сами по себе, совершенно справедливо. Вообще, промахнуться с такого расстояния было бы трудно и слепому. Сюзанна сократила численность атакующих Зрелых до пятнадцати; Эдди, пройдясь по оставшимся, как ураган по пшеничному полю, за неполные две секунды соскисил четверых.

Единое лицо толпы — маска остекленелого, бессмысленного рвения — стало распадаться. Мужчина с молотком вдруг отшвырнул свое оружие в сторону и сам бросился наутек, карикатурно прихрамывая на обе изуродованные артритом ноги. За ним последовали еще двое. Остальные нерешительно топтались на мостовой.

— Что стали, дьяволы, ну! — злобно буркнул сравнительно молодой мужчина, обернувший свой синий шарф вокруг шеи на манер аскотского галстука. Если не считать двух островков рыжих кудрей на висках, он был лыс как колено. Сюзанне этот субъект напомнил Кларабель, Эдди — Рональда Макдональда, и оба заподозрили, что от него следует ждать неприятностей. Рыжий метнул самодельное копьё, вероятно, начинавшее свою жизнь в качестве железной ножки стола. Оно лязгнуло о мостовую справа от Эдди и Сюзанны, никому не причинив вреда. — Ну же, кому говорю! Вперед! Коли будем держаться вместе, сумеем их схва...

— Извини, приятель, — пробормотал Эдди и всадил пулю ему в грудь.

Кларабель-Рональд пошатнулся и попятился, прижимая руку к рубашке. Он смотрел на Эдди огромными остановившимися глазами, которые с душераздирающей ясностью говорили: это не должно было случиться. Потом его рука тяжело упала и безвольно повисла вдоль бока. Из уголка рта рыжего вытекла единственная струйка крови, неизмеримо яркая в сером свете дня, и он осел на колени. Горстка уцелевших Зрелых, онемев, смотрела на него, не в силах оторваться, и один повернулся, чтобы убежать.

— Хрен-то, — сказал Эдди. — Стоять-бояться, дебил, не то хорошенько разглядишь поляну, которой заканчивается твоя дорожка. — Он повысил голос. — Бросаем оружие, девочки и мальчики. Все, какое есть! Ну!

— Ты... — прошептал умирающий. — Ты... стрелок?..

— Угадал, — подтвердил Эдди, угрюмо оглядывая его уцелевших товарищей.

— Молю... о... прощении... — задыхаясь, выговорил мужчина с курчавыми рыжими волосами и ничком повалился на землю.

— Стрелки? — с разгорающимся ужасом переспросил кто-то, начиная понимать.

— Смотри-ка, глупые, но не глухие, — заметила Сюзанна. — Это уже кое-что. — Она качнула дулом револьвера — как подозревал Эдди, наверняка полностью разряженного. А кстати, сколько еще патронов может оставаться в «Рутере»? Эдди вдруг сообразил, что понятия не имеет, сколько патронов вмещает обойма, и проклял себя за тупость... но разве он действительно верил, что дело дойдет до стрельбы? Вероятно, нет. — Слышали, что он сказал, ребята? Бросай оружие. Побузили, и будет.

Один за другим Зрелые подчинились. Женщина, которой мистер Меч-и-Килт выплеснул на лицо добрую пинту своей крови, сказала Сюзанне:

— Напрасно вы Уинстона жизни решили, ваша милость, — нынешний день его рождение было, вот оно как.

— Ну и сидел бы дома, ел именинный пирог, — фыркнул Эдди. События захватили молодого человека целиком, и потому он не нашел ничего сюрреалистического ни в замечании женщины, ни в своем ответе.

Среди уцелевших Зрелых была еще одна женщина — тщедушное белокурое создание, длинноволосое, но с такими огромными проплешинами на голове, словно у нее была парша. Эдди заметил, что она робко, бочком подбирается к мертвому карлику — а заодно и к возможной безопасности одетых зеленую арок позади него, — и всадил пулю в потрескавшийся бетон у самых ее ног. Он плохо представлял, что ему нужно от этой женщины, зато ему определенно не хотелось, чтобы кто-то из Зрелых подавал идеи остальным. Прежде всего Эдди боялся того, что могут натворить его руки, если хилые, малопривлекательные, угрюмые люди, которые сейчас стоят перед ним,

попытаются разбежаться. Что бы ни думала о стрелковстве голова Эдди, его рукам оно неожиданно пришлось очень по вкусу.

— Стоять, красотка. Констебль Доброхотли советует тебе поостеречься. — Он взглянул на Сюзанну и встревожился, увидев, что ее щеки приобрели сероватый оттенок. — Сьюзи, ты в порядке? — спросил он тоном ниже.

— Да.

— Ты не собираешься, к примеру, хлопнуться в обморок, а? Потому что...

— Нет. — Устремленные на него глаза Сюзанны были так темны, что напоминали пещеры. — Просто до сих пор мне не приходилось убивать, вот и все.

«Ну дак привыкай», — чуть не вырвалось у Эдди. Он прикусил язык и вновь внимательно пригляделся к замершей перед ними последней пятёрке Зрелых. Эти люди смотрели на них с Сюзанной с мрачным испугом, весьма, впрочем, далеким от настоящего ужаса.

«Черт побери, почти все они давно позабыли, что такое ужас, — подумал Эдди. — Или радость, или печаль, или любовь... Хорошо, если они еще способны чувствовать хоть что-то. Слишком давно они живут в этом чистилище».

Потом он припомнил смех, возбужденные возгласы, восторженные аплодисменты и внес поправку в свои размышления: существовала по крайней мере одна вещь, которая по-прежнему заводила жителей Лада, по-прежнему нажимала на их кнопки. Торопыга засвидетельствовал бы это.

— Кто тут главный? — осведомился Эдди. Он очень внимательно наблюдал за перекрестком позади маленькой группы — на случай, если другие опять осмелеют, — но до сих пор не видел и не слышал в той стороне ничего тревожного. Видимо, эту оборванную команду бросили на произвол судьбы.

Зрелые неуверенно переглянулись. Наконец заговорила женщина с окровавленным лицом.

— Был Торопыга, да нынешний день, как забили Божьи барабаны, из шапки его камень и вынься... ну и пустили мы Торопыгу плясать. Его бы, верно, сменил Уинстон, да Уинстона ваши богомерзкие пистолы жизни решили. — Она медленно отерла кровь со щеки; посмотрела на испачканную руку и снова угрюмо воззрилась на Эдди.

— Да? А что ж, по-твоему, Уинстон хотел сделать со мной своим богомерзким копьем? — поинтересовался Эдди, с отвращением осознавая, что эта женщина все-таки заставила его почувствовать вину за содеянное. — Подровнять мне баки?

— И Фрэнка убили, и Любострастника, — упрямо продолжала женщина, — а сами-то вы кто? Коли не Седые, от коих добра не жди, так, стало быть, того хуже, богомерзкие иноземцы. На кого теперь остались севергородские Зрелые? На Топси — на Топси-моряка... а где тот Топси? Видите вы его тут? Шиш! Взял свою лодчонку и удрал

вниз по реке! Да, удрал, удрал, будь он проклят; ни дна ему ни покрышки, такое мое слово!

Сюзанна перестала слушать; в голове у нее, заволаживая, снова и снова звучали колдовской жути слова, сказанные женщиной чуть раньше: *«из шапки его камень и вынься... ну и пустили мы Торопыгу плясать»*. Ей вспомнился читанный еще в колледже рассказ Ширли Джексон «Лотерея», и она поняла: для этих людей, выродившихся потомков исконных Зрелых, выдуманный Джексон кошмар — повседневность. Не диво, что они не способны ни на какие сильные чувства, коль скоро знают — им тянуть страшный жребий не раз в год, как в рассказе, а два-три раза на дню.

— Зачем? — охрипшим от ужаса голосом спросила Сюзанна у окровавленной. — Зачем вы это делаете?

Женщина посмотрела на Сюзанну как на законченную кретинку.

— Зачем? Да чтоб призраки, что обитают в машинах, не завладели телами погибших, ни Зрелых, ни Седых, и не послали их сквозь дыры в мостовых пожрать нас. Всякий дурак это знает.

— Призраков не бывает, — сказала Сюзанна, и собственные слова показались ей бессмыслицей, вздором. Конечно же, призраки были. Здесь, в этом мире, призраки были повсюду. Тем не менее она не отступалась: — То, что вы называете Божьими барабанами, просто пленка, вставленная в специальный аппарат. И больше ничего. Честное слово. — Во внезапном приливе вдохновения она прибавила: — А может, это делают Седые, нарочно, — вам никогда не приходила в голову такая мысль? Они ведь живут в другой части города, да? К тому же *под* ней. И всегда хотели выкурить вас отсюда. Так, может, они просто напали на по-настоящему действенный способ заставить вас сделать их работу за них?

Рядом с перемазанной кровью женщиной стоял пожилой господин в поношенных коротких штанах защитного цвета и некоем подобии допотопного котелка. Теперь этот господин выступил вперед и с напускной учтивостью, которая придавала его тщательно скрываемому презрению остроту отточенного кинжала, обратился к Сюзанне:

— Вы глубоко заблуждаетесь, госпожа Стрелок. Под Ладом помещается великое множество машин, и в каждой обитают призраки — демонические духи, питающие к смертным лишь неприязнь. Сии сатанинские тени *весьма* горазды воскрешать мертвецов... а мертвецам в Ладе несть числа.

— Слушай, Дживз, — вмешался Эдди, — ты сам-то хоть раз видел этих зомби? *Кто-нибудь* из вас их видел?

Дживз скривился и промолчал — но мина, которую он соорудил, была более чем красноречива. Чего же и ожидать, вопрошал презрительный изгиб губ, от чужестранцев, коим разуменья заменяют пистолы?

Эдди счел за лучшее закрыть тему живых мертвецов и изменить направление беседы. Все равно, в миссионеры он отродясь не годился. Он качнул «Рутером» в сторону перепачканной кровью женщины.

— Ты и вон тот твой дружок, что косит под англичанина-дворецкого в выходной, отведете нас на вокзал. После этого мы сможем распрощаться, чему, скажу честно, я буду страшно рад.

— На вокзал? — переспросил нелепо одетый субъект, похожий на Дживза-дворецкого. — Что такое вокзал?

— Отведите нас к колыбели, — сказала Сюзанна. — К Блейну.

Дживза наконец проняло; утомленно-снисходительное презрение, какое он до этой минуты выказывал чужакам, сменилось выражением ужаса и потрясения.

— Туда нельзя! — вскричал он. — Колыбель — место запретное, а Блейн — опаснейший из призраков Лада!

«Запретное? — подумал Эдди. — Классно. Если это правда, по крайней мере, не придется больше переживать за вас, козлы». Кроме того, приятно было слышать, что какой-то Блейн еще существует... или, во всяком случае, что эти люди так думают.

Прочие пялились на Эдди и Сюзанну с выражением тупого изумления, словно непрощенные гости, возмутители спокойствия, предложили кучке новообращенных христиан отыскать ковчег Завета и устроить там платный туалет.

Эдди поднял «Ругер», и на мушке оказался центр лба Дживза.

— Мы идем, — объявил он. — А ты, если не хочешь сию же минуту, не сходя с этого места, присоединиться к своим прабабкам-прадедкам, не ссы, бросай ныть и веки, куда сказано.

Дживз с окровавленной неуверенно переглянулись, но когда мужчина в котелке снова посмотрел на Эдди и Сюзанну, на лице его была написана непоколебимая решимость.

— Стреляйте, коли удобно, — сказал он. — Уж лучше принять смерть здесь, чем там.

— Знаете, кто вы, ребята? Кучка вонючих психопатов с размягчением мозгов! — вспылила Сюзанна. — Умирать *никому* не придется. Проводите нас, куда нам надо, и все, Господи ты Боже мой!

Женщина мрачно сказала:

— Да ведь зайти в Блейнову колыбель и означает с жизнью проститься, сударыня, истинно говорю. Ибо Блейн почивает, и кто потревожит его покой, дорого за то заплатит.

— Да ладно, красивая, — фыркнул Эдди. — Втянула голову в жопу, так уж кофе не понюхаешь.

— Не пойму, о чем это вы толкуете, — отвечала та со странным, повергающим в недоумение достоинством.

— Поясняю: вы либо ведете нас в колыбель, рискуя навлечь на себя Гнев Блейна, либо не трогаетесь с места и на собственной шкуре узнаете, что такое Гнев Эдди. Необязательно стрелять точно в голову, чтоб вы знали. Можно отстреливать от человека по кусочку. Мне на такое черное дело злости как раз хватит, нутром чую: гостей ваш город встречает хуже некуда. Музыка дерьмо, народец сплошь вред-

ный, а первый же встречный шарахнул в нас гранатой и уволок с собой нашего друга. Ну так как?

— Да на что вам непременно сдаться Блейн? — спросил кто-то. — Он уж много лет не покидает колыбели. Говорить на разные голоса и смеяться и то перестал.

«Говорить на разные голоса и смеяться?» — повторил про себя Эдди. Он посмотрел на Сюзанну. Та пожала плечами.

— Последним к Блейну подступался Ардис, — сказала окровавленная.

Дживз мрачно кивнул.

— Ардис во хмелю всегда делался дурак дураком. Блейн задал ему вопрос, я сам слышал, да ничего не понял, посчитал бессмыслицею, — помнится, что-то о матери воронов, — а когда Ардис не сумел ответить, что было спрошено, Блейн убил его голубым огнем.

— Электричеством? — спросил Эдди.

Дживз и окровавленная дружно кивнули.

— Верно, — подтвердила женщина, — им самым, лехтричеством, так этот огонь прозывался в старину.

— Вам необязательно идти с нами к Блейну, — неожиданно сказала Сюзанна. — Проводите нас до места, откуда видна колыбель. А дальше мы пойдем сами.

Женщина недоверчиво поглядела на нее. Потом Дживз притянул ее голову почти к самым своим губам и некоторое время что-то неразборчиво бубнил ей в ухо. Остальные Зрелые неровной шеренгой стояли позади них и смотрели на Эдди и Сюзанну отсутствующим взглядом людей, переживших сильную бомбежку.

Наконец женщина огляделась.

— Хорошо, — согласилась она. — До колыбели мы вас проводим. Но уж там прощевайте, гостеньки, скатертью дорожка.

— В точности моя идея, — сказал Эдди. — Пойдешь ты и Дживз. Остальные — кыш. — Он окинул их быстрым взглядом. — Но помни-те: хоть одно копье из засады, хоть один кирпич, хоть одна стрела — и эти двое покойники. — Угроза прозвучала так неубедительно, что Эдди пожалел о ней. Разве могла взволновать этих людей судьба Дживза, окровавленной или любого другого отдельно взятого Зрелого, если каждый день, без выходных и праздников, они отправляли в мир иной парочку, а то и больше членов своего клана? «Ладно, — подумал он, глядя, как остальные^а удирают без оглядки, — теперь поздновато переживать из-за этого».

— Пойдемте, — позвала женщина. — Хочу поскорей распрощаться с вами.

— Взаимно, — ответил Эдди.

Но прежде чем вместе с Дживзом увести Эдди с Сюзанной прочь, женщина сделала нечто такое, что заставило Эдди отчасти раскаться в своих жестоких мыслях, — опустившись на колени, отвела волосы со лба мужчины в килте и чмокнула его в чумазую щеку.

— До свиданья, Уинстон, — промолвила она. — Жди меня там, где расступаются деревья и вода душиста и сладка. Я приду к тебе, приду так же верно, как заря гонит на запад ночную тень.

— Я не хотела его убивать, — сказала Сюзанна. — Хочу, чтобы вы это знали. Но еще меньше я хотела умереть.

— Верю. — Лицо, повернутое к Сюзанне, было суровым, глаза — сухими. — Но коли вы надумали войти в колыбель Блейна, все едино смерти вам не миновать. И, может статься, умираючи вы еще позавидуете бедняге Уинстону. Блейн не ведает жалости. Он — самый жестокий из демонов сего презрестого города.

— Идем, Мод, — сказал Дживз и помог ей подняться.

— Твоя правда. Давай покончим наше с ними дело. — Она снова воззрилась на Сюзанну и Эдди — угрюмо, сурово и в то же время с непонятым смущением. — Будь прокляты мои очи допреж всего за то, что увидели вас. И да будут прокляты ваши пистолы, ибо они спокон веку источник всех наших бед.

«Которые при таком отношении, — подумала Сюзанна, — не отважатся от вас еще тысячу лет, золотко!»

Мод быстро зашагала по улице Черепахи. Дживз семенил рядом с ней. Эдди, кативший инвалидное кресло Сюзанны, вскоре запыхтел, отчаянно сясь не отстать. Великолепные, похожие на дворцы здания вдоль дороги, по которой они шли, мало-помалу расступались, делались все меньше, ниже, наконец, стали напоминать увитые плющом загородные виллы посреди просторных, заросших сорной травой лужаек, и Эдди понял: они вступили в некогда весьма фешенебельный район. Впереди над всеми постройками возвышалась одна — обманчиво простое квадратное сооружение из белых каменных блоков; кровлю-навес поддерживали бесчисленные колонны. Эдди снова вспомнил фильмы о гладиаторах, которые так нравились ему в детстве. Сюзанне, получившей более серьезное образование, пришел на память Парфенон. Но оба увидели великолепно изваянный бестиарий — по периметру крыши выстроились парами Медведь с Черепахой, Рыба с Крысой, Конь с Псом, — восхитились и поняли: перед ними цель их поисков.

Их ни на миг не покидало тревожное ощущение, что за ними следит множество глаз — следит с ненавистью и в равной степени с удивлением. Грянул гром; в тот же миг в поле зрения молодых людей оказалась железная дорога. Врываясь с юга вместе с грозой, монорельс улицей Черепахи шел прямо к Колыбели. И когда Эдди с Сюзанной приблизились к ней, древние трупы, окаймлявшие улицу, задержались, закрутились, заплясали вокруг них на крепчающем ветру.

Неизвестно сколько времени (Джейк знал наверняка только одно: барабаны опять умолкли) они бежали; потом Режь-Глотку вновь

рывком остановил мальчика. В этот раз Джейку удалось устоять на ногах — пришло второе дыхание. К Режь-Глотке, которому никогда уж не вернуть было свои одиннадцать лет, — нет.

— Фу-у! Мое бедное старенькое сердчишко того гляди надорвется, куколка.

— Какая жалость, — бесчувственно отозвался Джейк и, спотыкаясь, отлетел назад — корявая ручища Режь-Глотки вошла в соприкосновение с его щекой.

— Как же, как же — околуюсь я сей момент, ты, небось, изошел бы горячими слезами? Свежо предание! Не тут-то было, распрекрасная моя заднюшка, старик Режь-Глотку много кого пережил... да и не затем уродился я на белый свет, чтоб замертво пасть у ног сахарной ягодиночки навроде тебя!

Джейк бесстрастно слушал бессвязные речи пирата. Он рассчитывал еще до исхода дня увидеть Режь-Глотку мертвым. Старик, конечно, мог прихватить с собой на тот свет и самого Джейка, но это перестало заботить мальчика. Он вытер кровь с разбитой губы и задумчиво посмотрел на испачканную руку, дивясь, до чего же быстро желание совершить убийство вторгается в человеческое сердце и завоевывает его.

Режь-Глотку заметил, что Джейк смотрит на свои окровавленные пальцы, и ослабил:

— Никак, юшка потекла? А ведь сие не последнее отворенье соков, какое Режь-Глотку по давней дружбе учинил твоему младому дереву... вот разве будешь держать ухо остро да глядеть зорко — зело зорко. — Пират ткнул пальцем себе под ноги. В булыжнике узкого проулка, по которому они пробирались, виднелась ржавая крышка люка. Джейк понял, что недавно уже читал оттиснутые на металле слова «Литейная Ла-Мерк».

— Тут сбоку проушина, — сообщил Режь-Глотку. — Видишь? Берись и тяни. Да поживей, ну! Поворачивайся! Тогда, может стать, сбережешь зубы до свиданьица с Тик-Таком.

Джейк ухватился за металлическую крышку и потянул — сильно, но не в полную силу. Ничего хорошего в лабиринте улиц и переулков, по которому его бегом прогнал Режь-Глотку, не было, но там мальчик хотя бы имел возможность видеть. Каково будет в подземелье под городом, где крошечная тьма не позволит и мечтать о победе, Джейк не представлял и не собирался выяснять до тех пор, пока того *категорически* не потребуют обстоятельства.

Режь-Глотку живо дал ему понять, что такая минута уже настала.

— Эта крышка слишком тяжелая, чтобы... — начал Джейк. Пират схватил его за горло и рванул вверх; в итоге они оказались нос к носу. Долгий бег по узким переходам вызвал на щеки Режь-Глотки легкий румянец и осыпал их бисеринками пота, а пожирающие живую плоть болячки напичкал безобразной лиловой желтизной. Те язвочки, что не были прикрыты струпами, мерно пульсировали, выделяя густой

гной и тонкие кровавые нити. На Джейка пахнуло густым смрадом, но рука, сдавившая мальчику шею, тут же перекрыла ему кислород.

— Слушай, дурачина, слушай и мотай на ус, дубина стоеросовая, поелику сие остережение — последнее. Ты немедленно сдернешь сию распроклятую крышку с колодца, а не то я залезу тебе в пасть да вырву язвильо — по живому. И кусайся сколько влезет, милости просим, ибо хворь моя — в крови, и еще до исхода седмицы ты заметишь первые цветики на *своих* щеках... ежели доживешь до той поры. Теперь уразумел?

Джейк лихорадочно закивал. Физиономия Режь-Глотки исчезала в углубляющихся складках чего-то серого, а голос доносился словно издалека.

— Добро. — Режь-Глотку отпихнул мальчика от себя. Давясь и кашляя, Джейк повалился на кучу мусора рядом с крышкой люка. Наконец ему удалось сделать глубокий свистящий вдох. Воздух опалил легкие жидким огнем. Мальчик выплюнул испещренный пятнышками крови комок мокроты, и при виде этого комка его чуть не стошнило. — А теперь довольно разводить тары-бары, о восторг моего сердца, сволоки оную крышку с колодца, и дело с концом.

Джейк подполз к крышке, взялся за ручку и потянул что было мочи. На одну ужасную секунду мальчику померещилось, что он снова не сумеет сдвинуть тяжелый металлический круг с места. Потом он вообразил, как пальцы Режь-Глотки лезут к нему в рот, хватают за язык... и отыскал в себе еще немного сил. В пояснице разлилась тупая мучительная боль, словно там что-то подалось, но круглая крышка, скрежеща по брусчатке, медленно съехала в сторону, открыв их взорам ухмыляющийся полумесяц мрака.

— Славно, постреленок, славно! — радостно вскричал Режь-Глотку. — Экий же ты битюг, право слово! Да ты тащи, тащи — теперь-то уж не бросай!

Когда полумесяц превратился в половинку луны, а боль в пояснице Джейка — в яростный огонь, Режь-Глотку пинком в зад сбил мальчика с ног, и тот растянулся на земле.

— Превосходно! — сказал Режь-Глотку, заглядывая в люк. — Теперь, молодчик, живо поезжай вниз. Сбоку есть лестница. Да помни: держаться крепко, не то кубарем покатишься до самого дна — перекадины страх какие склизкие да грязные. Коли память меня не подводит, их что-то около двух десятков. А как доберешься донизу, стань столбом и жди меня. Пожалуй, тебе может припасть охота дать стрелка от старого приятеля — так ты раскинь мозгами, хороша ли она мысль.

— Нет, — сказал Джейк. — По-моему, нет.

— Зело умно, сынок, зело умно! — Губы Режь-Глотки растянулись в страшной улыбке, еще раз открыв редкие гнилые зубы. — Там, внизу, тьма-тьмушая, и куда ни ткнишь — перепутье, откуль разбегаются тыщи ходов. Твой старинный приятель Режь-Глотку знает их

как свои пять пальцев, истинная правда, но ты заплутаешь в два счета. Вдобавок там крысы — пребольшие и очень голодные крысы. Так ты уж обожди меня.

— Хорошо.

Режь-Глотку внимательно приглядывался к мальчику.

— По разговору ты истый бариц — но не из Зрелых, сгнить мне в остроге! Какого ж ты роду-племени, любушка?

Джейк не ответил.

— Что, твой языло проглотил косолап? Не беда, Тик-Так все из тебя вытянет, будь я мерин. Такая уж у нашего Тикки натура — хочет всякого разговорить. А уж коли-ежели он расшевелит человечка, тот, бывает, тараторит эдак проворно да верещит эдак громко, что докуль по голове не ткнешь, дотуль не угомонится. Подле Тик-Така косолапам не дозволено отымать чужие языки, особливо у эдаких распрекрасных выношей. А теперь, блядин сын, спускайся! Вот лестница! *Хоп!*

И Режь-Глотку вдруг стремительно выбросил вперед ногу. На этот раз Джейку удалось сжаться в комок и увернуться от удара. Мальчик заглянул в полуоткрытый люк, разглядел лестницу и полез вниз. Его торс еще возвышался над мостовой, когда воздух сотряс оглушительный каменный грохот. От источника шума их отделяло больше мили, но Джейк без всяких объяснений понял, что это. С губ мальчика сорвался возглас чистейшего страдания.

Угрюмая улыбка растянула уголки рта Режь-Глотки.

— Никак, твой дружок-удалец зашел по нашему следу чуть дальше, чем ты думал? Но, однако ж, не далее, чем полагал я, постреленок, ибо мне довелось заглянуть ему в глаза, и были те глаза вельми дерзки и лукавы. И я смекнул: он жи-ивенько явится за своей отрадушкой, наперсником ночных утех... ежели явится. Так и вышло. Сторожевые жилки хват углядел, а вот от фонтана не ушел — стало быть, все обстоит преотлично. Ну, любушка, — пошел.

Режь-Глотку нацелился пнуть Джейка в торчащую над брусчаткой голову. Джейк проворно нырнул в люк, но поскользнулся на лесенке, привинченной к стенке канализационного колодца, и спасся от падения, лишь ухватившись за расписанную охристо-красными царापинами лодыжку Режь-Глотки. Мальчик с мольбой посмотрел вверх, на пирата, и увидел, что выражение разьедаемого заразой, заживо разлагающегося лица ничуть не смягчилось.

— Пожалуйста, — попросил мальчик и услышал в своем голосе слезливые нотки. Перед глазами неотступно стояла картина: раздавленный в лепешку Роланд, похороненный под огромным фонтаном. Как это сказал Режь-Глотку? Если бы теперь он кому-нибудь понадобился, им пришлось бы собирать его промокашкой.

— Проси, коли хочешь, умоляй, сердечко мое. Токмо добра не жди, ибо сюда, за мост, жалости и милосердию ходу нет, будь я мерин. А теперь пошел, не то вышибу твои клятые мозги скрозь уши, будь они трижды неладны.

И Джейк полез вниз, и к тому времени, как он достиг стоячей воды на дне, острое желание заплакать прошло. Ссутулив плечи, понутив голову, мальчик ждал, чтобы Режь-Глотку спустился и повел его навстречу его судьбе.

23

Роланд едва не зацепил натянутые крест-накрест жилки, которые сдерживали лавину мусора, но висящий в воздухе фонтан был нелеп и смехотворен — такую ловушку мог бы расставить не блещущий умом ребенок. Корт выучил своих подопечных при продвижении по вражеской территории постоянно проверять все сектора обзора, то есть не только задний и нижний, но и верхний.

— Стой, — велел стрелок Чик, повысив голос, чтобы его не заглушали барабаны.

— Ой! — согласился Чик, посмотрел вперед и немедленно прибавил: — Эйк!

— Да. — Стрелок еще раз поглядел на подвешенный в воздухе мраморный фонтан и внимательно осмотрел улицу, отыскивая спусковой механизм. Он увидел, что их два. Возможно, когда-то намеренно приданное им сходство с камнями мостовой и приносило свои плоды, но то время давно миновало. Роланд нагнулся, упираясь ладонями в колени, и проговорил прямо в поднятую мордочку Чика: — Сейчас я на минуту возьму тебя на руки. Гляди не балуй, Чик!

— Чик!

Роланд подхватил косолапа на руки. Сперва Чик весь напрягся и попробовал вырваться, а затем Роланд почувствовал, что зверек уступает. Косолап не слишком радовался такому тесному общению с человеком, который не был Джейком, но явно решил примириться с ситуацией. Роланд снова невольно задался вопросом, насколько же разумен Чик.

Он пронес косолапа по узкому проходу и, аккуратно переступив через поддельные булыжники, под Висячим Фонтаном города Лада. Едва они благополучно миновали опасную зону, стрелок наклонился, собираясь выпустить Чика, и в этот миг барабаны смолкли.

— Эйк! — нетерпеливо тявкнул Чик. — Эйк-Эйк!

— Да, но сперва — одно маленькое дельце, которым нельзя пренебречь.

Роланд отвел Чика еще на пятнадцать ярдов в глубь проулка, нагнулся и подобрал обломок бетона. Задумчиво перебрасывая его из руки в руку, он вдруг услышал на востоке пистолетный выстрел. Усиленный репродукторами грохот барабанов похоронил под собой звуки сражения Эдди и Сюзанны с шайкой оборванцев-Зрелых, но этот выстрел стрелок расслышал явственно и улыбнулся: выстрел почти наверняка означал, что Дийны добрались до колыбели, —

первая добрая весть за день, который уже казался долгим, как целая неделя.

Роланд повернулся и бросил бетонный обломок. Прицелился он так же точно, как в Речной Переправе, когда бросал камень в допотопный светофор; снаряд угодил в самый центр потемневшего спускового устройства, и один из ржавых тросов лопнул с резким гнусавым звоном. Мраморный фонтан полетел вниз и перевернулся вверх тормашками — второй трос застопорил падение всего на миг, однако, по мнению Роланда, человеку с быстрой реакцией этого вполне хватило бы, чтобы убраться из зоны сброса. Потом и этот трос оборвался, и фонтан бесформенной глыбой розового камня рухнул вниз.

Когда фонтан с оглушительным грохотом грянулся на мостовую, Роланд не мешкая присел за грудой стальных балок. Чик проворно вскочил к нему на колени. Полетели куски розового мрамора, некоторые были величиной с тачку. Несколько мелких осколков впились Роланду в лицо, другие стрелок стянул с шубки Чика. Он выглянул из-за временного прикрытия. Фонтан расколдлся надвое, как огромная тарелка. «Этой дорогой мы возвращаться не станем», — подумал Роланд. Проход, с самого начала узкий, теперь был полностью перекрыт.

Слышал ли Джейк, как упал фонтан, ломал голову Роланд, и если слышал, то что подумал? Понапрасну гадать насчет Режь-Глотки он не стал. Тому неминуемо должно было прийти в голову, что от стрелка осталось мокрое место, — этого-то и хотел Роланд. Придет ли Джейк к такому же выводу? Мальчик вряд ли поверит в то, что стрелка можно убить с помощью такого простого приспособления, слишком хорошо он знает Роланда... но если Режь-Глотку достаточно застрашал Джейка, тот, возможно, соображает не вполне четко и ясно. Так или иначе, было уже поздно терзаться, и если бы Роланду пришлось пережить все снова, он сделал бы то же самое. Режь-Глотку, умирающий или нет, успел выказать и смелость, и звериную хитрость. Если теперь пират утратит бдительность, значит, ловка того стоила.

Роланд поднялся.

— Чик, ищи Джейка.

— Эйка! — Чик вытянул длинную шею, шумно обнюхал камни брусчатки, очертив носом полукруг, уловил запах Джейка и засеменял по следу. Роланд побежал за ним. По прошествии десяти минут зверек остановился у крышки люка в мостовой, обнюхал булыжник вокруг нее, посмотрел вверх на Роланда и тоненько тявкнул.

Опустившись на одно колено, стрелок увидел путаницу следов и широкую полосу царапин на булыжнике мостовой. Он подумал, что эту крышку двигают очень часто. Неподалеку в щели меж двух камней мостовой стрелок заметил ступок кровавой мокроты и сощурился.

— Это отродье бьет его, — пробормотал он.

Стрелок оттащил крышку в сторону, заглянул в люк и развязал кожаный шнурок, который стягивал на груди его рубаху. Подхватив

косолапа на руки, Роланд сунул его к себе за пазуху. Чик оскалил зубы, и на миг Роланд кожей груди и живота ощутил растопыренные когти зверька, острые, как миниатюрные ножички. Потом Чик втянул когти и затих, поблескивая глазами из ворота рубашки стрелка и пыхтя, как паровоз. Роланд чувствовал, как быстро бьется подле его сердца сердечко косолапа. Он вытянул кожаный шнурок из пробитых в рубашке дырочек и отыскал в кошеле другой, подлиннее.

— Сейчас смастерим тебе сворку. Мне это не по душе, а тебе понравится и того меньше, но внизу будет очень темно.

Роланд связал два куска кожаного шнура и сделал на конце поводка широкую петлю. Ее он накинул Чикю на голову. Он ожидал, что Чик опять покажет зубы, но ничего подобного косолап не сделал. Он лишь поднял на Роланда обведенные золотистой каймой глаза и снова нетерпеливо твякнул: «Эйк!»

Роланд зажал в зубах свободный конец самодельной сворки, уселся на край канализационного колодца — если это был канализационный колодец — и ощупью нашел верхнюю перекладину лестницы. Спустился он медленно и осторожно, острее чем когда-либо сознавая, что ему недостает половины кисти и что стальные перекладины — скользкие от масла и чего-то более густого и плотного, вероятно, мха. Чик теплым тяжелым грузом висел между рубашкой и животом стрелка, дыша отрывисто и тяжело, но мерно. В тусклом свете золотые колечки в глазах косолапа блестели, точно медальоны.

Наконец нащупывавшая опору нога стрелка с плеском ступила в воду на дне колодца. Он бросил быстрый взгляд на монетку белого света в вышине и подумал: «Здесь-то и начинается самое трудное». В туннеле было тепло и сыро и пахло, как в древнем склепе. Где-то неподалеку монотонно, гулко капала вода. Чуть дальше Роланд расслышал урчание механизмов. Он вытащил чрезвычайно благодарного ему Чика из-за пазухи и поставил в неглубокую воду, вяло бежавшую по канализационному туннелю.

— Теперь дело за тобой, — пробормотал он на ухо косолапу. — Ищи Джейка, Чик. Ищи Джейка!

— Эйка! — твякнул тот и быстро зашлепал в темноту. Голова зверька покачивалась на длинной шее из стороны в сторону, как маятник. Роланд шел следом, обернув конец сыромятного поводка вокруг изувеченной правой руки.

24

Колыбель (она, бесспорно, была достаточно велика для того, чтобы получить в сознании молодых людей надлежащий статус имени собственного) стояла посреди площади, впятеро большей той, где они наткнулись на поврежденный памятник, и, хорошенько присмотревшись, Сюзанна поняла, до чего же в действительности стар, сер и непоправимо запущен остальной Лад. Колыбель сияла такой чистотой,

что глазам делалось больно: ослепительно белые стены, колонны и ступени — ни плюща, ни грязных каракулей. Не было и вездесущей желтой степной пыли. Когда молодые люди приблизились, Сюзанна поняла почему: по стенам Колыбели нескончаемыми потоками струилась вода — она вытекала из отверстий, спрятанных в тени окованных медью карнизов. Другие потайные сопла через равные промежутки времени выпускали фонтанчики, которые омывали ступени, превращая их в каскад водопадов.

— Ух ты, — присвистнул Эдди. — Рядом с этим Грэнд-Сентрал — автобусная станция в Литтл-Бэзюлинге, Небраска.

— До чего ты поэтичен, милый, — сухо сказала Сюзанна.

Ступени, с четырех сторон огибавшие Колыбель, поднимались к огромному открытому вестибюлю. Здесь не было плотных сплетений растительности, которые заслоняли бы обзор, но Эдди с Сюзанной обнаружили, что все равно не могут толком заглянуть внутрь: тень кровли-навеса была чересчур глубока. По периметру крыши колонной по два выстроились тотемы Луча, однако углы отводились тварям, при виде которых Сюзанна горячо понадеялась, что никогда не встретится с ними иначе как в случайно приснившемся кошмаре, — устрашающим каменным драконам с чешуйчатыми телами, цепкими когтистыми лапами и отвратительными пытливыми глазками.

Эдди тронул ее за плечо и показал куда-то на самый верх. Сюзанна задрала голову... и невольно затаила дыхание. Широко расставив ноги, над коньком крыши, много выше тотемов Луча и драконоподобных химер, словно облеченный властью над ними, стоял шестифутовый золотой воин. Потрепанная ковбойская шляпа, сдвинутая на затылок, открывала лоб, прорезанный морщинами забот и тревог; на груди косо лежал шейный платок, словно только что стянутый с лица, а перед тем долго верой и правдой служивший хозяину защитой от пыли. В одном воздетом кулаке воин держал револьвер, в другом — нечто схожее с оливковой ветвью.

Над Колыбелю стоял одетый в золото Роланд Галаадский.

«Нет, — подумала Сюзанна, вспоминая, наконец, что нужно дышать. — Это не он... но в каком-то смысле все-таки он. Этот человек был стрелком, и сходство между ним, мертвым, вероятно, уже более тысячи лет, и Роландом — вся правда *ка-тета*, какую тебе нужно знать ныне и присно».

На юге ударил гром. Стремительно несущиеся по небу тучи разорвала молния. Сюзанна пожалела, что у нее больше нет времени рассматривать статую, венчающую Колыбель, и зверей вокруг нее; на каждом из них как будто были вырезаны слова, и молодой женщине пришлось в голову, что содержание надписей, пожалуй, стоило бы знать. Однако в сложившихся обстоятельствах нельзя было терять ни минуты.

Там, где улица Черепахи вливалась в площадь Колыбели, по мостовой проведена была широкая красная полоса. Мод и человек,

которого Эдди окрестил Дживзом-дворецким, остановились на благо-разумном расстоянии от красной межи.

— Досель — и дальше ни шагу, — решительно объявила Мод. — Хоть жизни решайте. Все едино она человеку богами взаимны дадена. Что хотите делайте, а я смерть приму по эту сторону запретной черты. Не стану я раззадоривать Блейна заради чужаков!

— И я не стану, — эхом откликнулся Дживз. Он снял свой пыльный котелок и теперь прижимал его к голой груди. Лицо Дживза выражало испуганное, благоговейное почтение.

— Отлично, — сказала Сюзанна. — Тогда брысь отсюда оба.

— Стоит нам поворотиться к вам спиной, и вы застрелите нас, — дрожащим голосом вымолвил Дживз. — Сгнить мне в остроге, коли не так!

Мод покачала головой. Подсохшая кровь у нее на лице казалась нелепой темно-багровой штриховкой.

— Про острог не скажу, а только не бывало на белом свете стрелка, что стрелял бы в спину.

— Почему ты знаешь, что они стрелки? Это они *сами* так говорят.

Мод ткнула пальцем в большой револьвер с изношенной сандаловой рукояткой, который держала в руке Сюзанна. Дживз поглядел... и мгновением позже протянул Мод руку. Та приняла ее, и представление Сюзанны о них как об опасных убийцах рухнуло. Они походили скорее на Гензеля и Гретель, чем на Бонни и Клайда, — усталые, перепуганные, смущенные, затерявшиеся в лесу так давно, что состарились в нем. Ненависть и страх ушли из ее сердца, уступив место жалости и глубокой, щемящей грусти.

— Прощайте, — тихо сказала она. — Вы хотели уйти — идите. И не бойтесь, мы с мужем не причиним вам зла.

Мод кивнула.

— Верю, что вы не хотите нам зла, и прощаю вам смерть Уинстона. Но послушайте, что я скажу, не пропустите мимо ушей: *держитесь подальше от Колыбели*. Какие б вы ни напридумали себе резоны войти туда, сии резоны недостаточно хороши. Войти в Блейнову Колыбель — смерть.

— У нас нет выбора, — отозвался Эдди, и в небе, будто в знак согласия, вновь гроыхнуло. — А теперь дайте-ка я кое-что растолкую вам. Я не знаю, что под Ладом есть, а чего нету, зато знаю вот что: барабаны, с которыми вы носитесь как дурень с писаной торбой, — это часть записи — *песни*, — сделанной там, откуда родом я и моя жена. — Он посмотрел в их непонимающие лица и разочарованно воздел руки: — Мать божья коровка, не въезжаете, что ли? Вы мочите друг дружку из-за паршивой мелодийки, которая даже синглом так и не вышла!

Сюзанна положила ему руку на плечо и тихонько пробормотала: «Эдди!». Эдди точно оглох, его взгляд метался от Дживза к Мод и обратно к Дживзу.

— Хотите увидеть чудовищ? Тогда посмотрите внимательно друг на дружку. А когда вернетесь в ту дурдуху, которую вы называете своим домом, хорошенько приглядитесь к своим друзьям и родственникам.

— Не понимаете, — сказала Мод. Глаза ее были темными и серьезными. — Но поймете. Да. Поймете.

— Ну идите же, — спокойно велела Сюзанна. — Говорить нам с вами толку мало, напрасное сотрясение воздуха. Идите своей дорогой и постарайтесь вспомнить лики своих отцов, потому что, похоже, вы давным-давно потеряли их из виду.

Без единого слова Мод и Дживз отправились обратно той же дорогой, что пришли. Однако время от времени они все-таки оглядывались и по-прежнему держались за руки: Гензель и Гретель, заблудившиеся в чаще темного леса.

— Выпустите меня отседа, — тяжело выговорил Эдди. Поставив «Ругер» на предохранитель, он сунул его обратно за пояс штанов и протер покрасневшие глаза. — Выпустите, больше я ничего не прошу.

— Знаю-знаю, о чем ты, красавчик, — Сюзанна явно была испугана, но в том, как высоко она держала голову, был дерзкий вызов, который Эдди с течением времени научился узнавать и любить. Он положил руки ей на плечи и поцеловал, не позволив ни окружающей обстановке, ни надвигающейся грозе помешать ему проделать это неторопливо и с чувством. Когда он наконец отстранился, Сюзанна рассматривала его большими глазами, в которых плясали искорки. — Ого! В чем дело?

— В том, как я тебя люблю, — ответил Эдди, — и больше, наверное, ни в чем. Хватит с тебя?

Взгляд Сюзанны смягчился. У нее мелькнула мысль, не поделиться ли с Эдди секретом, который она, возможно, хранила... но, конечно, момент был неподходящий. Признаться Эдди, что она, может быть, беременна, сейчас было так же невозможно, как прочесть слова, начертанные на высеченных из камня тотемах Порталов.

— Да, Эдди, хватит, — сказала она.

— Лучше тебя у меня в жизни ничего не было и нет. — Зелено-вато-карие глаза Эдди видели только Сюзанну. — Не умею я говорить всякую такую ерунду — видать, жизнь с Генри отучила, — но это правда. Наверное, я влюбился в тебя потому, что ты была всем, от чего меня оторвал Роланд — в Нью-Йорке, — но это только сперва. Теперь все куда серьезнее, потому что возвращаться домой мне расхотелось. А тебе?

Сюзанна посмотрела на Колыбель. Она страшилась того, что они могли там обнаружить, и все же... Она снова посмотрела на Эдди.

— Нет, я не хочу возвращаться. Я хочу до конца своей жизни двигаться вперед — то есть, пока ты со мной. А знаешь, занятно, что ты влюбился в меня из-за всего того, от чего тебя оторвал Роланд.

— Что ж тут занятого?

— Я влюбилась в тебя потому, что ты освободил меня от Детты Уокер. — Сюзанна примолкла, подумала, чуть заметно покачала головой. — Нет... все не так просто. Я полюбила тебя за то, что ты освободил меня от *обеих* тех сучек. Одна воровала, ругалась как сапожник и имела милую привычку, распалив кавалера, оставить его с носом. Другая была уверенной в своей непогрешимости самодовольной ханжой, к тому же очень высокого мнения о себе. На мой взгляд, они друг друга стоили. Сюзанна Дийн нравится мне больше Детты Уокер, больше Одетты Холмс... и именно ты дал мне свободу.

Теперь уже она потянулась к Эдди, сжала в ладонях его заросшее колючей щетиной лицо, притянула к себе, нежно поцеловала. Эдди осторожно положил руку ей на грудь. Сюзанна вздохнула и накрыла его руку своей.

— Пойдем-ка лучше, — сказала она, — не то с нас станется улечься прямо здесь, на мостовой... а тогда, судя по всему, мы промокнем.

Эдди окинул последним долгим взглядом безмолвные небоскребы, выбитые окна, стены, покрытые коростой плюща, и кивнул.

— Да. Все равно у этого городишки будущего нет, так мне кажется.

Он подтолкнул кресло Сюзанны вперед. Когда его колеса пересекли «запретную черту», как ее назвала Мод, молодые люди оцепенели, испугавшись, что заденут какое-нибудь древнее защитное приспособление и погибнут. Но ничего не произошло. Эдди вкатил инвалидную коляску на площадь, и, когда они приблизились к подножию ступеней, ведущих в Колыбель, полил дождь, ветер швырнул им в лицо холодные капли.

Ни Эдди, ни Сюзанна не ведали, что пришло первое из великих осенних ненастий Межземелья.

25

Стоило им очутиться в зловонной тьме канализации, как Режь-Глотку сбавил убийственный темп, который сохранял на поверхности земли. Джейк не думал, что виной тому темнота; Режь-Глотку, похоже, знал каждый изгиб и поворот их маршрута, в точности как похвально. Видимо, полонивший его негодяй тешился мыслью, что Роланд угодил в западню и от него осталось мокрое место.

Самого Джейка одолевали сомнения.

Если Роланд заметил сторожевые проволоки — ловушку куда более хитрую и коварную, чем следующая, — вероятно ли, что он проглядел фонтан? Джейк допускал такую возможность, но не особенно в нее верил. Ему казалось более вероятным, что Роланд обрушил фонтан нарочно, чтобы успокоить Режь-Глотку и, возможно, заставить его сбавить ход. Мальчику не верилось, что Роланду по плечу пройти за ними по этому подземному лабиринту (в непроглядной тьме даже стрелок оказался бы бессилен идти по следу), но его

подбадривала мысль о том, что, стараясь сдержать свое обещание, Роланд, может быть, избежал смерти.

Они повернули налево, направо, потом опять налево. Когда, в попытке компенсировать утраченную Джейком способность видеть, прочие чувства мальчика обострились, у него возникло смутное ощущение, что вокруг — другие туннели. Приглушенный шум дряхлых, выбивающихся из сил механизмов то на миг набирал громкость, то замирал, когда идущих вновь обступали каменные городские фундаменты. По подземелью гуляли сквозняки, порой теплые, иногда холодные — смрадное дыхание туннелей, пересекавшихся с тем, по которому двигались пират и мальчик. В местах таких пересечений плеск шагов Джейка и Режь-Глотки подхватывало недолгое эхо. Один раз Джейк едва не разможил себе голову о какой-то металлический предмет, торчавший из потолка. Досадливо шлепнув по нему рукой, мальчик нащупал что-то вроде большого вентиля, после чего стал на ходу шарить руками в воздухе, стараясь выяснить, что впереди.

Режь-Глотку задавал Джейку направление ударами по плечам, как возница мог бы править волами. Они двигались с приличной скоростью, быстро, но не бегом. Режь-Глотку мало-помалу отдышался и сперва замурлыкал себе под нос, а потом запел тихим, на удивление мелодичным тенором:

*Риббл-ти-тиббл-ти-ток-ток-ток,
Сыщу работу — куплю перстенок,
Чтоб краля, голубка,
Пустила под юбку
И не дорожилась, ти-тиббл-ти-ток.
За что я плачу?
За то, что хочу
Кой с чем поиграться, ти-тиббл-ти-ток!*

Последовало еще примерно шесть куплетов на ту же тему, прежде чем Режь-Глотку умолк.

— Теперь спой ты, козленочек.

— Я никаких песен не знаю, — пропыхтел Джейк, надеясь, что кажется запыхавшимся сильнее, чем было на самом деле. Он не знал, сумеет извлечь из этого какую-нибудь пользу или нет, но здесь внизу, в темноте, казалось, стоило бороться за любое преимущество.

Режь-Глотку саданул Джейка локтем по лопаткам, и мальчик едва не растянулся в доходявшей до щиколоток воде, сонно струившейся по туннелю, которым они шли.

— *Лучше припомни-ка чего ни то.* Ну, конешное дело, коли кому охота, чтоб я выдрал ему из спины хребтину, так ее распротака... — Пират помолчал и добавил: — Здесь водятся привидения, мальчик. В каждой растреклятой машине живут. Пение их отгоняет — нешто не знаешь? *За-апевай!*

Джейк крепко призадумался, не желая схлопотать от Режь-Глотки еще один любовный тычок, и извлек из памяти песенку, которой научился в летнем лагере в возрасте то ли семи, то ли восьми лет. Он раскрыл рот и загорланил в темноту, слушая, как к шуму бегущей и падающей воды и глухому стуку древних механизмов прибавляется отраженное стенами эхо:

*Люблю я девчонку в короткой юбчонке,
Корма как у яхты, глазенки — агат.
Ее обуваю, ее одеваю,
А денежки — фьють и на ветер летят!
Люблю я блондинку, красоту-картинку,
У ней что ни день, то новый наряд:
Пальтишки-платьишки, рубашки-штанишки,
А денежки — фьють и на ветер летят!*

Режь-Глотку вдруг ухватил Джейка за уши, точно это были ручки швабры, и рывком остановил.

— Прямо перед тобою дыра, — сказал он. — Голос у тебя, козленочек, таковский, что я, ей-же-ей, раздолжил бы целый свет, кабы дал тебе туда свалиться. Однако ж Тик-Так сие нипочем не одобрит, а посему, смею думать, еще некоторое время тебе ничто не грозит. — Режь-Глотку выпустил горевшие огнем уши Джейка и вцепился в его рубашку. — Теперь нагинайся, покуда не нащупаешь лестницу на другой стороне. Да осторожней, не то поскользнешься, слетишь вниз и меня за собой стащишь!

Вытянув руки перед собой, Джейк осторожно наклонился вперед, страшась падения в невидимую яму. Шаря в поисках лестницы, он вдруг осознал, что в лицо ему с тихим шипением веет выходящий из отверстия теплый воздух, чистый и почти благоуханный, а внизу брезжит слабый розовый свет. Пальцы Джейка коснулись стальной перекладины и сомкнулись на ней. Оставленные зубами Чика ранки на левой руке мальчика вновь открылись, и он почувствовал, что по ладони потекла кровь.

— Есть? — спросил Режь-Глотку.

— Да.

— Так полезай вниз! Чего ждешь, каналья! — Режь-Глотку выпустил рубашку Джейка, и тот представил себе, как пират заносит ногу, намереваясь пинком в зад сообщить ему ускорение. Джейк перешагнул слабо мерцающий провал и начал спускаться по лестнице, стараясь как можно меньше пользоваться поврежденной рукой. Здесь перекладины были чистые — ни мха, ни грязи и почти никакой ржавчины. Колодец был очень глубокий, и Джейку, торопливо (чтобы Режь-Глотку не наступил ему на руку сапогом на толстой подметке) карабкавшемуся вниз, вдруг вспомнилось «Путешествие к центру Земли», фильм, который он когда-то смотрел по телевизору.

Глухой дрожащий гул нарастал, розовое свечение медленно разгоралось. В шуме механизмов по-прежнему чудился некий намек на неполадки, но слух подсказал Джейку, что оборудование здесь в лучшем состоянии, чем машины наверху, а, достигнув наконец дна колодца, мальчик обнаружил, что пол сухой. Новая горизонтальная шахта была квадратного сечения, высотой около шести футов и выстлана проклепанной нержавеющей. Прямая как струна, она тянулась в обе стороны, насколько хватал глаз. Подсознательно, даже не задумываясь об этом, мальчик понимал, что и этот туннель (который должен был пролегать минимум в семидесяти футах под Ладом) также повторяет ход Луча. А где-то впереди — в этом Джейк был уверен, хотя не мог бы объяснить почему, — прямо над туннелем стоял поезд, который они пришли найти.

Под самым потолком шахты вдоль стен тянулись узкие зарешеченные вентиляционные отдушины; именно оттуда тек чистый сухой воздух. Кое-где с решеток голубовато-серыми бородами свисал мох, но большая их часть оставалась чистой. Под каждой второй отдушиной была нарисована желтая стрелка, а под стрелкой — значок, отчасти похожий на строчное латинское «f». Стрелки указывали в ту сторону, куда направлялись Джейк с Режь-Глоткой.

Розовый свет шел от стеклянных трубок, параллельными рядами размещенных на потолке шахты. Примерно одна из каждых трех не горела, иные судорожно мигали, однако по меньшей мере половина светильников еще работала. «Неоновые лампы, — изумился Джейк. — Ничего себе!»

Режь-Глотку тяжело прыгнул на пол рядом с ним. Он заметил удивление Джейка и ухмыльнулся:

— Что, славно? Летом прохладно, зимой тепло, и харчей столько, что пяти сотням душ за пять сотен лет не перевести. А ведомо тебе, что самое приятственное, козленочек? Самое расприятственное в сем славном мошестве?

Джейк отрицательно потряс головой.

— Зрелюги, мать их лиходельница, знать не знают про сие местечко. Они думают, тут внизу чудовища! Поди застукай кого из ихней братии, чтоб он без особой на то надобности подступился к крышке сточного люка ближе чем на два десятка стоп!

Режь-Глотку запрокинул голову и от души расхохотался. Джейк молчал, хотя холодный голос в самой глубине его сознания твердил, что, пожалуй, было бы дипломатичнее присоединиться к веселью. Мальчик не смеялся, поскольку точно знал, что именно чувствуют Зрелые. Под городом действительно обитали чудовища — тролли, домовые-богтеры, привидения и орки. Разве один из них не захватил его в плен?

Режь-Глотку толкнул его куда-то влево.

— Пшел! Мы почти на месте. Хоп!

Они поспешили дальше. Их шаги, стократ повторенные эхом, летели им вслед. Минут через десять-пятнадцать примерно в двухстах

футах впереди Джейк увидел герметическую дверь-люк. Они подошли поближе, и мальчик разглядел на ней колесо большого вентиля. Справа от двери на стене висела коробка радиодина.

— Моченьки нет, заморился, — задыхаясь, выговорил Режь-Глотку, когда они очутились перед дверью в конце туннеля. — Эдакие подвиги не для калеk вроде твоего старинного приятеля, будь я мерин! — Он ткнул большим пальцем в кнопку переговорного устройства и проорал: — Есть, Тик-Так! Я пригнал мальчика! Без шума и пыли, так что любо-дорого, даже волос постреленку не растрепал! Что я тебе говорил? Доверься Режь-Глотке, говорил я, он-то не оплошает! Ну же, отворяй! Впусти нас!

Он отпустил кнопку и нетерпеливо посмотрел на дверь. Колесо вентиля не поворачивалось. Вместо того из динамика переговорного устройства раздался равнодушный ленивый голос: «Пароль!»

Режь-Глотку страшно нахмурился, длинными грязными ногтями поскреб подбородок, потом приподнял повязку, прикрывавшую больной глаз, и извлек еще один сгусток зеленовато-желтого клейкого месива.

— Ох уж этот Тик-Так с его паролями! — с раздражением и тревогой пожаловался он Джейку. — Малый он башковитый, спору нет, но, сдается мне, сие уж чересчур!

Надавив на кнопку, Режь-Глотку завопил:

— Да будет тебе, Тик-Так! Коли не признал мой голос, возьми слуховой рожок!

— Признать-то я признал, — растягивая слова, прогнусавил динамик. Джейку этот голос напомнил Джерри Рида, который играл партнера Берта Рейнолдса в фильмах про Полицейского и Бандита. — Но ведь я не знаю, кто там с тобой, верно? Или ты запомнил, что Глаз о прошлом годе крякнулся? Говори пароль, Режь-Глотку, не то сгною под дверью!

Режь-Глотку запустил палец в ноздрю, извлек засохшую соплю цвета мятного желе и втиснул ее в решетку динамика. Джейк в немом восторге наблюдал эту детскую демонстрацию дурного нрава, чувствуя, как внутри клокочет непрощенный истерический смех. Неужели весь этот путь по избыливающим ловушками лабиринтам и погруженным во мрак тоннелям они проделали лишь для того, чтобы их манежи здесь, у двери-люка, потому только, что Режь-Глотку не может вспомнить Тик-Таков пароль?

Режь-Глотку злобно покосился на мальчика и содрал с головы пропотевший желтый шарф. Под ним обнаружилась плешь, украшенная редкими, похожими на иглы дикобраза, пучочками черных волос и глубокой вмятиной над левым виском. Режь-Глотку заглянул в складки шарфа и вытянул оттуда клочок бумаги. «Да благословят тебя боги, Ухало, — пробормотал он. — Ухало печется обо мне поистине яко мать родная!»

Он стал разглядывать бумажку, поворачивая ее то так, то эдак, наконец протянул ее Джейку и вполголоса, точно Тик-Так мог

слышать его, даже когда кнопка «ГОВОРИТЕ» на интеркоме не была нажата, сказал:

— Ты, по всему виду, из господ, верно? А наипервейшее, чему учат господских сынков опосля того, как они выучатся не жрать дерьмо и не ссать по углам, это грамоте. Вот и прочти мне словцо с этой бумаги, пострел, ибо оно выскочило у меня из головы, будь я мерин.

Джейк взял бумажку, посмотрел в нее, снова поднял глаза на Режь-Глотку и спокойно спросил:

— А что, если я не стану читать?

От такого ответа Режь-Глотку на миг опешил... а потом заулыбался с опасным добродушием.

— Как — что? Схвачу тебя за глотку да сделаю из твоей башки дверной молоток, — ответил он. — Вряд ли сие убедит старину Тикки впустить меня, ибо он по сю пору места себе не находит из-за удалца, с коим ты водишь дружбу, однако ж сердце мое бесконечно возрадуется, когда твои мозги закапают с этого вот колеса.

Джейк задумался. Внутри у него все еще kloкотал мрачный смех. Тик-Так, конечно, был малый довольно башковитый — он понимал, что Режь-Глотку, который все равно уже умирал, трудно будет убедить выдать пароль, даже если Роланд и возьмет его в плен. Тик-Так не учел другое: никудышную память Режь-Глотки.

«Не смейся. Если ты засмеешься, он действительно вышибет тебе мозги».

Несмотря на свои смелые речи, Режь-Глотку с неподдельной тревогой наблюдал за Джейком, и мальчику вдруг стал понятен факт, открывавший перед ним широкие возможности: может быть, Режь-Глотку и не пугала смерть... но унижения он боялся как огня.

— Ладно, Режь-Глотку, — мирно сказал мальчик. — На этом клочке написано «тороватый».

— Дай сюда. — Режь-Глотку выхватил бумажку у Джейка из рук, спрятал ее обратно в шарф, поспешно обвязал голову желтой тканью и нажал кнопку интеркома.

— Тик-Так! Ты еще тут?

— А где же мне быть? У черта на куличках? — В тягучем, чуть гнусавом голосе звучало легкое изумление.

Режь-Глотку показал динамику покрытый белесым налетом язык, но его тон, когда он заговорил, был заискивающим, почти раболепным.

— Пароль — «тороватый». Поистине превосходное словцо, будь я мерин! А теперь впустите же меня, разбрани вас боги!

— Конечно, — отозвался Тик-Так. Где-то неподалеку заработал невидимый механизм. Джейк вздрогнул. Колесо вентиля посреди двери завертелось. Когда оно остановилось, Режь-Глотку схватился за него, рванул дверь на себя, ухватил Джейка за руку повыше локтя и втолкнул за приподнятый порожек, в самое странное помещение, какое доводилось видеть мальчику.

Роланд спускался в тусклый розовый свет. Из раскрытого ворота его рубахи выглядывали блестящие глаза Чика. До предела вытянув свою отнюдь не короткую шею, косолап шумно втягивал носом теплый воздух, струившийся из вентиляционных отдушин. В темных переходах наверху Роланд вынужден был целиком и полностью полагаться на нюх косолапа и страшно боялся, что в текучей воде зверек потеряет след мальчика. Но, услышав пение (сперва Режь-Глотки, затем Джейка) — его отголоски доносились к ним по трубам, — стрелок немного успокоился. Чик вел правильно.

Чик тоже слышал голоса. До тех пор он двигался медленно, осторожно и даже время от времени возвращался по следу обратно, чтобы убедиться в своей правоте, но, заслышав голос Джейка, припустил бегом, натягивая сыromятный поводок. Роланд боялся, как бы Чик не окликнул мальчика своим резким голосом — «Эйк! Эйк!», — однако ничего подобного косолап не сделал. Они добрались до шахты, которая вела на нижние уровни этого «Дицейского лабиринта», и тут Роланд услышал шум нового механизма — возможно, какого-то насоса, — а следом гулкий металлический лязг с маху захлопнутой двери.

Очутившись на дне шахты, там, где начинался квадратный туннель, стрелок окинул быстрым взглядом уходящий в обе стороны двойной ряд светящихся трубок. В них, увидел он, как и в вывеске над заведением Балазара в Нью-Йорке, горел болотный огонь. Роланд повнимательнее присмотрелся к узким хромированным планкам вентиляционных решеток на стенах под самым потолком, к стрелкам под ними, и освободил шею Чика от кожаной петли. Чик нетерпеливо встряхнул головой, откровенно радуясь, что избавился от поводка.

— Мы уже близко, — прошептал стрелок в наостренное ухо косолапа. — А потому должны вести себя тихо. Понимаешь, Чик? Тише воды, ниже травы.

— Ав-вы, — хриплым шепотом повторил Чик, что в иных обстоятельствах было бы очень забавно.

Роланд спустил косолапа с рук, и Чик немедленно кинулся в туннель, вытянув шею и опустив мордочку к самому стальному полу. Роланд слышал, как зверек бормочет себе под нос «Эйк-Эйк! Эйк-Эйк!» Вынув револьвер из кобуры, стрелок последовал за косолапом.

27

Разверзлись хляби небесные, хлынул проливной дождь, и Эдди с Сюзанной поглядели на громаду Блейновой Колыбели.

— Обалденный домина, только про въезд для инвалидных колясок забыли! — перекричал Эдди грозу.

— Ну и ладно, — нетерпеливо отмахнулась Сюзанна, выскальзывая из кресла. — Давай-ка под крышу.

Эдди с сомнением оглядел уходящие вверх ступени. Они были невысоки, но их было много.

— Сьюзи, ты серьезно?

— Догоняй, белый, — подзадорила та и с невероятной легкостью поползла вверх по лестнице, извиваясь всем телом и помогая себе ладонями, мускулистыми предплечьями и обрубками ног.

Она и в самом деле чуть было не обставила Эдди — тому приходилось бороться с железным страшилищем, и это не позволяло развить нужную скорость. До верхней ступеньки оба добрались, тяжело дыша и отдуваясь, а от их мокрой одежды тонкими струйками поднимался пар. Эдди подхватил Сюзанну под мышки, подбросил, поймал, но вместо того, чтобы снова посадить молодую женщину в кресло, как собирался поначалу, задержал ее в объятиях, сцепив кисти рук у нее за спиной, на талии. Не понимая почему, он чувствовал, что теряет голову от желания.

«Дай передохнуть, — велел себе молодой человек. — Добрался сюда жив-здоров, вот гормон и заиграл, потянуло на сладенькое».

Сюзанна провела языком по полной нижней губе и запустила сильные пальцы в вихры Эдди. Потянула. Ощущение было болезненное — и прекрасное.

— Я ж сказала, что общитаю тебя, белый, — проговорила она низким грудным голосом.

— Иди на фиг — это я тебя сделал... обошел на полступеньки, — Эдди старался, чтобы по его голосу нельзя было догадаться, как сильно он на самом деле запыхался, но обнаружил, что это невозможно.

— Может быть... и, кажется, совсем выдохся, а? — Рука молодой женщины вынырнула из волос Эдди, скользнула вниз, легонько сжала. В глазах Сюзанны замерцала улыбка. — Впрочем, кое-что еще осталось.

В небе громыкнуло. Они вздрогнули, потом рассмеялись.

— Да ладно тебе, — сказал Эдди. — Не дури. Нашла время!

Сюзанна не стала спорить, но руку на плечо Эдди вернула не сразу. Эдди решительно усадил ее в кресло и повез по огромным каменным плитам под крышу, но вдруг почувствовал укол сожаления и подумал, что такое же сожаление видел в глазах Сюзанны.

Там, куда не проникал ливень, Эдди остановился, и они оглянулись. Площадь Колыбели, улица Черепahi, город за ними быстро исчезали в зыбкой серой пелене. Эдди ничуть не огорчился. Лад не завоевал себе места в воображаемом альбоме его любимых воспоминаний.

— Смотри, — пробормотала Сюзанна. Она показывала на водосточную трубу неподалеку. Труба заканчивалась большой чешуйчатой рыбьей головой. Судя по виду, эта рыба приходилась близкой родственницей драконоподобным химерам, украшавшим углы Колыбели. Из ее пасти стремительным серебряным потоком хлестала вода.

— Похоже, дождик зарядил всерьез, верно? — спросил Эдди.

— Ага. Будет лить, пока не устанет, а потом еще немного, из чистой вредности. Может, неделю. Может, месяц. Нам-то это, в общем, не важно — если Блейн решит, что мы ему не нравимся, он нас поджарит. Пальни-ка, золотко, пусть Роланд знает, что мы на месте, а потом давай осмотримся. Увидим, что можно увидеть.

Эдди прицелился в серое небо и спустил курок. Грянул выстрел — его-то и услышал Роланд, пробираясь следом за Режь-Глоткой и Джейком по щедро оснащённому ловушками лабиринту в миле от Колыбели. Эдди еще секунду постоял на месте, стараясь убедить себя, что его сердце ошибается, когда упрямо твердит, будто на мосту они простились со стрелком и мальчиком навсегда. Потом он поставил пистолет на предохранитель, сунул его за пояс и вернулся к Сюзанне. Развернув кресло от ступеней, Эдди покатил его в колоннаду, которая вела в глубь Колыбели. Сюзанна тем временем перезаряжала револьвер Роланда.

Под крышей шум дождя казался потаенным, призрачным, и даже резкие, трескучие удары грома звучали глуше. Колонны, поддерживавшие сооружение, были по меньшей мере десять футов в поперечнике, а их капители терялись в темноте. Оттуда, из сумеречной тени, к Эдди доносилось воркование голубей.

Из полумрака выплыл указатель, подвешенный на толстых, серебрящихся хромом цепях:

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!
«НОРТ-СЕНТРАЛ ПОЗИТРОНИКС» ПРИГЛАШАЕТ ВАС
В КОЛЫБЕЛЬ ГОРОДА ЛАДА**

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ (БЛЕЙН)

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ (ПАТРИЦИЯ)

— Теперь мы знаем, как назывался тот поезд, который упал в реку, — сказал Эдди. — Патриция. Хотя с цветами тут напутали. Розовое полагается девочкам, а синее мальчикам, не наоборот.

— Может, они *оба* синие.

— Нет. Блейн розовый.

— Откуда ты знаешь?

Эдди смутился.

— Сам не пойму... но знаю.

Они пошли по стрелке, которая указывала место стоянки Блейна, и очутились в помещении, похожем на грандиозный зал ожидания. Эдди не обладал способностью Сюзанны в моменты кратких озарений видеть иллюзорные, но ясные картины прошлого, и тем не менее его воображение населило это безбрежное, разделенное колоннами пространство тысячами спешащих людей; он слышал стук каблучков и невнятное бормотание, видел объятия, приветственные и прощальные.

А над вокзальной суматохой разносился монотонный голос из динамиков, сообщая свежую информацию о десятке различных пунктов назначения.

Производится посадка на Патрицию, рейс Лад — Северо-западные баронства...

Пассажира Киллингтона, повторяю, пассажира Киллингтона убедительно просят подойти к справочной на нижнем уровне...

На второй путь прибывает Блейн. До высадки пассажиров осталось...

Теперь здесь были только голуби.

Эдди пробрала дрожь.

— Посмотри на эти лица, — пробормотала Сюзанна. — Не знаю, как у тебя, а у меня мороз по коже, честное слово. — Она показала направо. В вышине из мрамора стены выступали вытесанные из камня головы; они пристально всматривались сквозь сумрак в пришельцев — суровые мужчины с резкими чертами палачей, которым их занятие в радость. Семьюдесятью, а то и восемьюдесятью футами ниже собратьев гранитными черепками и осколками лежали отвалившиеся маски. Те, что уцелели, были покрыты паутиной трещин и кляксами голу-биного помета.

— Должно быть, это были Верховные Судьи или вроде того, — Эдди тревожно разглядывал все эти тонкие губы и потрескавшиеся пустые глаза. — Только судьи умеют так глядеть — будто насквозь тебя видят и с потрохами сожрать готовы. Это тебе знающий человек говорит. Ни один из *этих* костыля хромоту крабу не отписал бы.

— Груда поверженных образов там, где солнце палит, а мертвое дерево тени не даст, — тихонько продекламировала Сюзанна, и Эдди почувствовал, что по телу у него поползли мурашки.

— Что это, Сьюзи?

— Стихи. Должно быть, автор этих строк видел Лад во сне, — отозвалась Сюзанна. — Идем, Эдди. Забудь их.

— Легко сказать! — И он покатил кресло дальше.

Впереди из сумрака выплыла массивная ограда, похожая на решетку замковых ворот, а за ней они впервые увидели Блейна Моно. Как и предсказывал Эдди, он был розовый, того же нежного оттенка, что и прожилки на мраморе колонн. Гладкий, обтекаемый, остроносый Блейн парил над широким перроном и больше походил на живую плоть, чем на металл. Его поверхность нарушалась только единожды — треугольным окном, снабженным огромной щеткой-дворником. Эдди знал, что по другую сторону носа Моно есть второе окно с большущим стеклоочистителем, так что если смотреть на Блейна анфас, почудится, будто у него есть лицо, точь-в-точь как у Чарли Чух-Чуха. Щетки при этом казались бы хитро опущенными веками.

Белый свет из щелевидного проема в юго-восточной стене Колыбели падал на Блейна длинным кривым треугольником. Корпус поезда

казался Эдди выпуклой спиной сказочного розового кита — кита, замершего в полной неподвижности.

— Ух ты. — Голос молодого человека упал до шепота. — Мы его нашли.

— Да. Мы нашли Блейна Моно.

— Как по-твоему, он мертвый? *Поглядеть*, так мертвый.

— Нет. Спит, может быть, но мертвым его никак не назовешь.

— Ты уверена?

— А ты был уверен, что он окажется розовым? — Вопрос не требовал ответа, и Эдди промолчал. Сюзанна подняла к нему лицо — напряженное и перепуганное. — Он спит, и знаешь что? Мне страшно его будить.

— Ладно, тогда давай подождем остальных.

Сюзанна покачала головой.

— Мне кажется, будет лучше, если мы попробуем подготовиться до их появления... потому что, мне кажется, они нагрянут в большой спешке. Вон там к решетке присобачена какая-то коробка — видишь? Отвези-ка меня к ней. Она похожа на переговорное устройство.

Эдди покорно повез Сюзанну к коробке. Та была приделана к створке закрытых ворот в центре ограды, которая шла вдоль длинной стены Колыбели. Вертикальные прутья ограждения были сделаны из чего-то похожего на нержавеющей сталь, прутья ворот — из декоративного железа, их основания исчезали в окаймленных металлом отверстиях в полу. Эдди понял, что ни ему, ни Сюзанне никак не протиснуться за барьер: зазор между двумя соседними прутьями не превышал четырех дюймов. Даже Чик пролез бы здесь с трудом.

Над головой возились и ворковали голуби. Левое колесо кресла Сюзанны монотонно поскрипывало. «Полцарства за жестянку машинного масла», — подумал Эдди и понял: сказать, что он напуган, значит, ничего не сказать. В последний раз такой ужас он испытывал в тот день, когда они с Генри стояли на Голландском Холме, на Райнхолд-стрит, и глядели через улицу на горбатый дряхлый Особняк. Тогда, в семьдесят седьмом, они не вошли в него; они повернулись к дому с привидениями спиной и ушли, и Эдди помнил, что поклялся никогда — никогда — *никогда в жизни* не возвращаться туда. Ему очень хотелось бы сдержать это обещание, однако вот, пожалуйста, — он шел по другому дому с привидениями, и привидение было прямо перед ним: Блейн Моно, длинный, приземистый, розовый; он подглядывал за Эдди одним окном-глазом, как прикинувшийся спящим опасный зверь.

Он уж много лет не покидает Колыбели... говорить на разные голоса и смеяться и то перестал... последним к Блейну подступался Ардис... а когда Ардис не сумел ответить, что было спрошено, Блейн убил его голубым огнем.

«Если он заговорит со мной, я, наверное, рехнусь», — подумал Эдди.

Снаружи ворвался ветер; в высокий выпускной проем, прорубленный в торце здания, полетела мельчайшая дождевая пыль. Молодой человек увидел, как она бисеринками оседает на стекле Блейна.

Он вдруг вздрогнул и быстро огляделся.

— За нами следят. Я чувствую.

— Я бы совсем не удивилась. Подвези меня поближе к воротам, Эдди. Хочу получше рассмотреть эту коробку.

— Ладно, только не трогай. Вдруг она под током...

— Если Блейн хочет зажарить нас, то зажарит, — откликнулась Сюзанна, глядя сквозь прутья ограды на спину Блейна. — Сам знаешь не хуже меня.

И Эдди промолчал, понимая, что это чистая правда.

Внешне коробка походила на гибрид переговорного устройства и охранной сигнализации. В верхнюю половину был вмонтирован динамик с чем-то вроде кнопки «ГОВОРИТЕ\СЛУШАЙТЕ» сбоку. Под динамиком ромбом располагались цифры:

1
2 3
4 5 6
7 8 9 10
11 12 13 14 15
16 17 18 19 20 21
22 23 24 25 26 27 28
29 30 31 32 33 34 35 36
37 38 39 40 41 42 43 44 45
46 47 48 49 50 51 52 53 54 55
56 57 58 59 60 61 62 63 64
65 66 67 68 69 70 71 72
73 74 75 76 77 78 79
80 81 82 83 84 85
86 87 88 89 90
91 92 93 94
95 96 97
98 99
100

Под ромбом помещались еще две кнопки; на них печатными буквами, Высоким Слогом, значилось «КОМАНДА» и «ВВОД».

Сюзанна глядела недоуменно и с сомнением.

— Как ты думаешь, что это за штука? Похоже на какое-то устройство из научно-фантастического фильма.

Конечно, похоже, понял Эдди. В свое время Сюзанна, вероятно, раз-другой сталкивалась с системой охранной сигнализации — в конце концов, она жила среди манхэттенских богачей, пусть они и принимали подобное соседство без излишнего энтузиазма, — но те электронные

устройства, какие были доступны в ее шестьдесят третьем, и те, какие появились к его восемьдесят седьмому, разделяла подлинная пропасть. «И потом, мы очень мало говорили о различиях, — подумал молодой человек. — Интересно, что подумала бы Сьюзи, скажи я ей, что, когда Роланд уволок меня сюда, президентом Соединенных Штатов был Рональд Рейган? Наверное, что у меня не все дома».

— Это охранный система, — сказал он. Потом, невзирая на истерические протесты инстинктов и нервов, заставил себя протянуть правую руку и большим пальцем нажать на переключатель «ГОВОРИТЕ\СЛУШАЙТЕ».

Не затрещали электрические разряды, вверх по руке Эдди не побежало смертоносное голубое пламя. Никаких признаков того, что коробка по-прежнему куда-то подключена, не было.

«Может быть, Блейн действительно мертв. Может, он все-таки скапнул».

Но на самом деле Эдди не верил в это.

— Але? — сказал он, и перед его мысленным взором появился несчастный Ардис — бедняга истошно вопил, пока голубой огонь поджаривал его, как в микроволновой печи, плясал по лицу и телу, выпаливал глаза и поджигал волосы. — Але... Блейн? *Есть тут кто?*

Он отпустил кнопку и стал ждать, одеревенев от напряжения. В его руку тихонько пробралась рука Сюзанны, холодная и маленькая. Ответа не было, и Эдди — с еще большей неохотой — опять вдавил кнопку.

— Блейн?

Он отпустил кнопку. Подождал. Коробка по-прежнему молчала, и Эдди, как это частенько бывало с ним в минуты стресса и страха, захлестнула опасная бесшабашность. Когда подобное беспечное бесстрашие завладевало им, возможные последствия того или иного поступка теряли всякую важность. *Ничто* тогда не имело значения. Так было в Нассау, когда Эдди поставил на место смутлого Балазарова связного, так было и сейчас. И если бы Роланд видел Эдди в миг, когда молодого человека обуяло это безрассудное нетерпение, он понял бы, что Эдди не просто похож на Катберта; он присягнул бы, что Эдди *и есть* Катберт.

Эдди яростно придавил кнопку подушечкой большого пальца и с сочным (и насквозь фальшивым) британским акцентом заревел прямо в динамик:

— Привет, Блейн! Здорово, старина! Это Робин Лич, ведущий передачи «Богатые и безмозглые: стиль жизни»! Я здесь, чтобы сообщить вам — на скачках, которые проводит издательский дом «Клиринг», вы выиграли в тотализатор шесть миллиардов долларов и новый «форд-эскорт»!

В вышине мягко, всполошенно захлопали крылья: взлетали испуганные голуби. Сюзанна ахнула. На ее лице был написан ужас набожной женщины, услышавшей, как ее муж кощунствует в храме.

— Эдди, перестань! *Остановись!*

Эдди не мог. Губы его улыбались, но в глазах блеснул истерический страх, смешанный со злостью и разочарованием.

— Ты со своей однорельсной подружкой, Патрицией, проведешь шика-а-арнейший месяц в живописном Джимтауне, будешь пить только лучшее вино и жрать только самых красивых непорочных дев! Ты...

— ...ш-ш-ш-ш...

Эдди осекся и посмотрел на Сюзанну. Он ни на миг не усомнился, что это она шикнула на него (во-первых, она уже пыталась заткнуть ему рот, а во-вторых, и это главное, кроме них двоих, здесь больше никого не было), однако в то же время молодой человек понимал, что Сюзанна тут ни при чем. То был *другой* голос — голос очень маленького и очень испуганного ребенка.

— Сьюзи, ты сейчас не...

Отрицательно мотая головой, Сюзанна подняла руку и показала на коробку переговорного устройства. Эдди увидел, что кнопка с пометкой «КОМАНДА» излучает очень слабый перламутрово-розовый свет. Того же оттенка, что и поезд, спящий на своей стоянке за оградой.

— *Ш-ш-ш... не будите его*, — скорбно предостерег детский голосок. Он плыл из динамика, тихий, как вечерний ветерок.

— Что... — начал Эдди. Потом он тряхнул головой, потянулся к переключателю ГОВОРИТЕ\СЛУШАЙТЕ и осторожно нажал на кнопку. Когда он заговорил, зычный рык Робина Лича сменился тихим заговорщицким шепотом. — Что ты такое? Кто ты?

Он отпустил кнопку. Они с Сюзанной смотрели друг на друга большими глазами детей, вдруг узнавших, что делят кров с опасным взрослым — возможно, психопатом. Откуда такие сведения? Ну как же, им сказал другой ребенок — ребенок, который уже давно живет бок о бок с этим психопатом, прячась по углам и тайком выбираясь оттуда только тогда, когда знает, что взрослый спит; перепуганный малыш-невидимка.

Динамик молчал. Эдди ждал, ничего не предпринимая. Тянулись секунды. Они казались такими долгими, что за каждую можно было бы успеть прочесть от корки до корки целый роман. Наконец молодой человек потянулся к кнопке, и тут слабое розовое свечение возникло вновь.

— *Я — Блейн-маленький*, — прошептал детский голосок. — *Тот, кого он не видит. Тот, о ком он позабыл. Тот, кого он числит покинутым в чертогах мертвецов, в покоях гибели и разрушенья.*

Эдди вдавил кнопку неуправляемо трясущейся рукой. Ту же дрожь он ~~увеличил~~ и в своем голосе.

— *Кто? Кто не видит? Медведь?*

Нет, не медведь — Шардик лежал мертвым в лесу за много миль отсюда; с тех пор сдвинувшийся с места мир скользнул еще дальше. Эдди вдруг вспомнил, что испытал, припав ухом к странной двери на поляне, где провел бурный расцвет своей жизни Медведь; к двери,

раскрашенной вселяющими непонятный ужас желтыми и черными полосами. Теперь он понял: все это одно, все это части какого-то жуткого, пришедшего в упадок и чахнувшего целого, некой изорванной паутины, в центре которой непостижимым каменным пауком восседает Темная Башня. В последние, полные странными событиями времена все Межземелье стало огромным домом с привидениями, Свалкой, бесплодной землей, населенной призраками и подобной призраку.

Он увидел, что на губах Сюзанны, опережая голос из интеркома, рождаются слова правильного ответа, очевидного, как становится очевиден ответ на загадку, едва только его назовут.

— *Большой Блейн*, — прошептал невидимка. — *Большой Блейн — призрак, который живет в машине... во всех машинах.*

Сюзанна схватила за горло, да так, словно хотела задушить себя. Ее взгляд был полон ужаса, но не стал ни остекленелым, ни отрешенным. Понимание сделало его острым, колючим. Возможно, похожий голос был знаком молодой женщине по прежним временам, по тем временам, когда единое целое «Сюзанна» было разорвано надвое воюющими личностями — Деттой и Одеттой. Детский голосок застал ее врасплох, как и Эдди, но страдающие глаза говорили о том, что идея ей не чужда.

О безумии раздвоенности Сюзанна знала все.

— Эдди нам надо уходить. — От ужаса слова как бы размазались, расплылись звуковым пятном, поглотившим знаки препинания. Эдди слышно было свистящее дыхание Сюзанны, похожее на шум холодного ветра в печной трубе. — Эдди надо уходить Эдди надо уносить ноги Эдди надо уходить Эдди...

— *Поздно*, — сказал едва слышный скорбный голосок. — *Он пробудился. Большой Блейн пробудился. Он знает, что вы здесь. Он идет.*

Внезапно над ними пара за парой начали вспыхивать ярко-оранжевые натриевые лампы, заливая колонное безбрежье Колыбели резким слепящим сиянием, изгнавшим все тени. В вышине беспотолково закружили и заматались сотни голубей, вспугнутых с множества лепившихся друг к другу гнезд.

— Подожди! — крикнул Эдди. — Подожди пожалуйста!

От волнения он забыл нажать на кнопку, но Блейн-маленький ответил: *«Нет! Нельзя, чтобы он застукал меня! Нельзя, чтобы он убил и меня тоже!»*

Лампочка на коробке переговорного устройства опять померкла, но лишь на мгновение. Тут же засветились обе кнопки, и «КОМАНДА», и «ВВОД», но не зарозовели, а налились зловещим багрянцем кузнечного горна.

— КТО ВЫ? — проревел голос. Он шел не только из коробки — он шел из всех громкоговорителей в городе, какие еще работали. Гниющие трупы, болтавшиеся на столбах, задрожали от этого мощного голоса; казалось, даже мертвецы бежали бы от Блейна, если бы могли.

Сюзанна съежилась в кресле, зажимая уши; лицо у нее вытянулось от испуга, рот изуродовал беззвучный крик. Эдди почувствовал, что скатывается ко всем тем воображаемым, фантастическим, галлюцинационным страхам, какие мучили его в одиннадцать лет. Не этого ли голоса он боялся, когда вместе с Генри стоял перед Особняком? Возможно, даже *ожидал* — не его ли? Эдди не знал... зато *прекрасно* понимал, каково, должно быть, было Джеку из старой сказки, когда тот вдруг понял, что лезил на бобовый стебель слишком часто и разбудил великана.

— КАК СМЕЕТЕ ВЫ ТРЕВОЖИТЬ МОЙ СОН? ОТВЕЧАЙТЕ — ИЛИ УМРИТЕ!

Можно было бы замереть, прирасти к месту и предоставить Блейну — Большому Блейну — обойтись с ними, как с Ардисом (или даже хуже). Возможно, Эдди и *замер* бы в плену этого *вниз-по-кроличьей-норешного* ужаса детской сказки, если бы не память о тихом голоске, который заговорил первым. Только это и позволило молодому человеку пошевелиться. Голосок принадлежал до смерти перепуганному ребенку, но, перепуганный или нет, он пытался им помочь.

«Никуда не денешься, теперь выкручивайся сам, — сказал он себе. — Ты его разбудил; займись же им, Христа ради!»

Он снова нажал кнопку.

— Меня зовут Эдди Дийн. Женщина со мной — моя жена Сюзанна. Мы...

Он посмотрел на Сюзанну. Та закивала и отчаянно замахала руками: продолжай.

— Мы в странствии. Ищем Темную Башню, которая стоит на Тропе Луча. С нами еще двое, Роланд из Галаада и... и Джейк из Нью-Йорка. Мы сами тоже из Нью-Йорка. Если ты и есть... — Эдди чуть не сказал «Большой Блейн», но вовремя прикусил язык и на миг умолк. Используй он это имя, разуму, кроющемуся за громовым голосом, возможно, стало бы известно, что они уже слышали другой голос, так сказать, призрака в призраке.

Сюзанна опять принялась обеими руками делать ему знаки: говори!

— Если ты и есть Блейн Моно, мы... э-э... хотели бы, чтобы ты нас подвез.

Эдди отпустил кнопку. Казалось, ответа не было очень долго; лишь взволнованно хлопали крыльями потревоженные голуби под сводами Колыбели. Когда Блейн вновь заговорил, его голос шел только из установленной на воротах коробки-динамика и звучал почти как человеческий.

— НЕ ИСПЫТЫВАЙТЕ МОЕ ТЕРПЕНИЕ. ВСЕ ДВЕРИ В УПОМЯНУТОЕ ВАМИ *ГДЕ ЗАКРЫТЫ*. ГАЛААДА БОЛЬШЕ НЕТ, А ВСЕ ТЕ, ЧТО ЗВАЛИСЬ СТРЕЛКАМИ, МЕРТВЫ. ТЕПЕРЬ ОТВЕЬТЕ НА МОЙ ВОПРОС: КТО ВЫ? ЭТО ВАШ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС.

Послышалось шипение. С потолка ударил луч бело-голубого света, прожегший в мраморном полу менее чем в пяти футах от кресла

Сюзанны дыру величиной с мячик для гольфа. Над дырой лениво закурился дымок, запахло озоном. Мгновение Сюзанна и Эдди в немом ужасе смотрели друг на друга, затем Эдди резко подался вперед, к переговорному устройству, и ткнул в кнопку.

— Да нет же! Мы *действительно* из Нью-Йорка! Мы пришли через двери на берегу моря всего несколько недель назад!

— Честное слово! — воскликнула Сюзанна. — Клянусь!

Молчание. За длинной оградой плавно круглилась розовая спина Блейна. Головное окно рассматривало молодых людей без тени интереса, как мертвый стеклянный глаз. Щетка-дворник напоминала полуприкрытое веко, точно поезд хитро им подмигивал.

— ДОКАЖИТЕ, — наконец сказал Блейн.

— Господи Иисуса, как мне это сделать? — спросил Эдди Сюзанну.

— Не знаю.

Эдди опять нажал на кнопку.

— Статуя Свободы — тебе это ни о чем не говорит?

— ПРОДОЛЖАЙ, — велел Блейн. Теперь его голос звучал почти задумчиво.

— «Эмпайр Стейт Билдинг»! Биржа! Всемирный торговый центр! Кони-Айленд! Мюзик-холл «Рэдио-сити»! Ист-Вил...

— ДОВОЛЬНО, СТРАННИК. Я ВЕРЮ ТЕБЕ, — оборвал Блейн. Невероятно, но из динамика шел тягучий, чуть гнусавый голос Джона Уэйна.

Эдди с Сюзанной обменялись еще одним взглядом, в котором смешались смятение и облегчение. Но Блейн заговорил снова, и его голос вновь звучал холодно и бесстрастно.

— ЗАДАЙ МНЕ ВОПРОС, ЭДДИ ДИЙН ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. И ПУСТЬ ЛУЧШЕ ЭТО БУДЕТ ХОРОШИЙ ВОПРОС. — После паузы Блейн добавил: — ИБО В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ И ТЫ, И ТВОЯ ЖЕНЩИНА, ОТКУДА БЫ ВЫ НИ БЫЛИ РОДОМ, УМРЕТЕ.

Сюзанна перевела взгляд с коробки на воротах на Эдди.

— О чем он говорит? — свистящим шепотом спросила она.

Эдди покачал головой:

— Понятия не имею.

28

Джейку помещение, куда его втащил Реж-Глотку, напомнило пусковую шахту баллистической ракеты, украшенную силами пациентов психиатрической клиники: отчасти музей, отчасти гостиная, отчасти ночлежка хиппи. Над ним пустота взмывала к круглому куполообразному своду, под ним — уходила на семьдесят пять, а то и сто футов вниз к такой же круглой чаше основания. Единственная замкнутая в кольцо стена представляла собой непрерывное чередование вертикальных цветных полос неоновых трубок: красных, синих, зеленых, желтых, оранжевых, персиковых, розовых. На дне и под

куполом шахты (если это и впрямь была пусковая шахта) Эти длинные трубы сходились в кричаще-яркие радужные узлы.

Сама комната располагалась в верхней части огромной капсулы, на уровне примерно трех четвертей ее высоты. Полom служили ржавые железные решетки. Кое-где на решетчатом полу лежали ковры, похожие на турецкие (позднее Джейк узнал, что в действительности ковры эти происходят из провинции под названием Кашмин), придавленные по углам сундуками с медными накладками, высокими светильниками или ножками приземистых мягких кресел. Если бы не это, они хлопали бы и трепетали, как полоски бумаги, привязанные к электрическому вентилятору: снизу непрерывно и сильно тянуло теплым воздухом. Другой поток воздуха, проникавший в помещение через кольцо вентиляционных отдушин, таких же, как в туннеле, что привел их сюда, вихрился в четырех или пяти футах над головой Джейка. В самой глубине комнаты была дверь, как две капли воды похожая на ту, через которую они с Режь-Глоткой вошли, и Джейк подумал, что это может быть продолжение подземного коридора, повторяющего ход Луча.

В комнате находилось шесть человек: четверо мужчин и две женщины. Джейк догадался, что видит перед собой ставку Седых — если, конечно, Седых оставалось еще достаточно для того, чтобы оправдывать существование ставки. Все шестеро были не первой молодости, однако все еще в расцвете сил. Они смотрели на Джейка с таким же любопытством, с каким он смотрел на них.

Посреди комнаты, небрежно перекинув массивную ногу через подлокотник кресла, достаточно большого, чтобы назвать его тронem, восседал человек, в чьем облике слились воин-викинг и сказочный великан: нагой, покрытый броней мускулов торс, серебряный браслет на руке выше локтя, через плечо — нож в ножнах, на шее — странный амулет. Облегающие панталоны из мягкой кожи, заправленные в высокие сапоги; один сапог обвязан желтым шарфом. Волосы этого человека — светлые, сальные, с проседью — ниспадали почти до середины широкой спины, глаза были зеленые и любопытные, как у кота, пожившего на свете довольно для того, чтобы поумнеть, но не настолько старого, чтобы утратить ту утонченную жестокость, какая в кошачьих кругах почитается за веселый нрав. На спинке кресла висело что-то вроде очень старого автомата.

Джейк повнимательнее присмотрелся к украшению на груди «викинга» и увидел подвешенный на серебряной цепочке стеклянный гробик. Внутри крошечный золотой циферблат показывал пять минут четвертого. Под циферблатом ходил из стороны в сторону крошечный золотой маятник, и несмотря на доносящееся сверху и снизу шипение циркулирующего воздуха, мальчик расслышал: тик-так, тик-так. Стрелки часов двигались быстрее, чем следовало бы, и Джейк не слишком удивился, когда понял, что часы идут вспять.

Ему вспомнилась крокодилица из «Питера Пэна» — та, что вечно преследовала капитана Крюка, — и он украдкой улыбнулся. Режь-Глотку заметил это и замахнулся. Джейк отпрянул, загородив лицо руками.

Тик-Так погрозил Режь-Глотке пальцем, точно строгая бонна. Жест этот до смешного не вязался с его обликом.

— Ну, ну... это вовсе ни к чему, Режь-Глотку, — укорил он.

Режь-Глотку мгновенно опустил руку. Лицо пирата совершенно преобразилось. Раньше там сменяли друг друга тупая ярость и хитрое, почти экзистенциальное веселье. Сейчас в этих чертах проступало лишь раболопное восхищение. Как все прочие присутствующие в комнате (не исключая и Джейка), Режь-Глотку не мог надолго оторвать глаз от Тик-Така; его взгляд неумолимо притягивало обратно. И Джейк понимал почему. Тик-Так единственный здесь, казалось, был полон жизненных сил, здоровья и энергии.

— Ни к чему, дак ни к чему, — буркнул Режь-Глотку и, прежде чем вновь обратить свой взор к белокурому гиганту на троне, наградил Джейка мрачным взглядом. — А все ж мальчишка страсть до чего дерзкий, Тикки. Страсть до чего, будь я мерин, и коли хочешь знать, что я думаю, его еще школить да школить!

— Когда мне захочется узнать, что ты думаешь, я спрошу тебя об этом, — сказал Тик-Так. — А теперь затвори-ка дверь, балабон, — что ты, в хлеву родился? Порядков не знаешь?

Темноволосая женщина рассмеялась. Смех был резкий, сиплый, как воронье карканье. Тик-Так быстро повел на нее глазами; хохотунья мигом унялась и уставилась в решетчатый пол.

Дверь, в которую Режь-Глотку втащил мальчика, по сути представляла собой две двери. Эта конструкция напомнила Джейку переходные шлюзы на космических кораблях в наименее глупых научно-фантастических фильмах. Режь-Глотку закрыл обе двери, повернулся к Тик-Таку и жестом показал ему: порядок! Тик-Так кивнул и лениво потянулся вверх, к кнопке, вмонтированной во что-то похожее на ораторскую трибуну. В стене одышливо заработал насос, неоновые трубки заметно потускнели, и колесо вентиля на внутренней двери завертелось, запирая ее. Вероятно, то же проделал вентиль на двери снаружи. Да, это, несомненно, было что-то вроде бомбоубежища. Насос заглох, и к длинным неоновым трубкам вернулось прежнее приглушенное сияние.

— Так-с, — весело промолвил Тик-Так, принимаясь оглядывать Джейка от макушки до пят. У Джейка возникло отчетливое и очень неприятное ощущение, что его в высшей степени квалифицированно подшивают к делу и заносят в каталог. — Все мы целехоньки, здоровехоньки и преуютно устроены. Верно, Ухало?

— Ага! — тотчас откликнулся тощий верзила в черном костюме. Лицо его покрывала какая-то сыпь, которую он расчесывал, как одержимый.

— Мальца я доставил, — сказал Режь-Глотку. — Я говорил, мне можно доверить это дело — и нешто я сплеховал?

— Ничуть, — ответил Тик-Так. — Отличная работа. Надо признать, под конец у меня возникли некоторые сомнения в твоей способности упомянуть пароль, однако...

Темноволосая снова сипло прыснула. Тик-Так полуобернулся к ней (углы его рта морщила ленивая улыбка), и прежде чем Джейк успел сообразить, что происходит — что уже произошло, — женщина, выпучив глаза от изумления и боли, попятилась, пошатываясь и ошупывая странный желвак посреди груди, которого секунду назад не было.

Джейк понял: поворачиваясь, Тик-Так сделал неуловимо быстрое движение. Тонкая белая рукоятка, которая высовывалась из ножен, висевших у Тик-Така через плечо, исчезла. Нож теперь был на другом конце комнаты, торчал в груди темноволосой женщины. Тик-Так выхватил и бросил его с невероятной быстротой, на какую вряд ли был способен даже Роланд. Словно проделал злой фокус.

Остальные в молчании смотрели, как женщина пошатываясь идет к Тик-Таку. Она хрипела и задыхалась, сжимая слабеющими руками нож. Ее бедро задело светильник на высокой ножке, и тот, кого здесь называли Ухалом, стрелой метнулся вперед, чтобы подхватить лампу, пока та не упала. Сам Тик-Так не шелохнулся; он сидел, перебросив ногу через подлокотник своего трона, и с ленивой улыбкой наблюдал за женщиной.

Она споткнулась о ковер и полетела на пол. Тик-Так все с тем же путающим проворством поджал переброшенную через подлокотник кресла ногу и с силой вновь выбросил ее вперед, точно поршень. Ступня Тик-Така зарылась в живот темноволосой, и та отлетела назад. Заливая все вокруг, изо рта у нее хлынула кровь. Женщина ударилась о стену, съехала по ней на пол и в конце концов замерла в сидячем положении, уткнув подбородок в грудь, — ни дать ни взять мексиканка из кинофильма, прикорнувшая в час сиесты под глинобитной стеной, подумал Джейк. Мальчику с трудом верилось, что эта женщина с такой ужасающей быстротой перешла грань между жизнью и смертью. Неоновые трубки превратили ее волосы в облачко тумана — наполовину синее, наполовину красное. В устремленных на Тик-Така неподвижных стекленеющих глазах застыло предсмертное изумление.

— Я *предупреждал* ее насчет этих хиханек-хаханек, — проговорил Тик-Так. Он посмотрел на другую женщину — коренастую, рыжеволосую, похожую на шофера-дальнобойщика. — Верно, Тилли?

— Ага, ага, — тотчас откликнулась Тилли. Ее глаза блестели от страха и лихорадочного волнения, она без конца судорожно облизывала губы. — Истинная правда, сто раз предупреждал, подавиться мне своими потрохами!

— Пожалуй, что подавишься, коли сумеешь засунуть руку в свою жирную задницу достаточно глубоко для того, чтоб их нашарить, — презрительно фыркнул Тик-Так. — Принеси-ка мой нож, Брендон,

да не забудь вытереть с него вонючую кровь этой шлюхи, прежде чем вложить его мне в руку.

Кривоногий коротышка спешно кинулся выполнять приказ. Пона-чалу нож никак не поддавался; похоже было, что он застрял в грудной кости несчастной женщины. С ужасом покосившись на Тик-Така, Брендон потянул сильнее.

Однако Тик-Так, казалось, начисто забыл и о Брендоне, и о женщине, которая в буквальном смысле умерла от смеха. Взгляд его сверкающих зеленых глаз теперь сосредоточился на чем-то, что интересовало его куда больше, чем покойница.

— Иди-ка сюда, постреленок, — сказал он. — Хочу получше разглядеть тебя.

Режь-Глотку толкнул Джейка в спину. Джейк, спотыкаясь, вылетел вперед и неминуемо упал бы, не поймай его за плечи сильные руки Тик-Така. Убедившись, что Джейк вновь прочно стоит на ногах, Тик-Так ухватил мальчика за левое запястье и потянул вверх. Его внимание привлекли часы Джейка.

— Коли мои подозрения насчет этой вот вещицы справедливы, это знамение для верных и чистых сердцем, — заявил он. — Ответствуй, мальчик, что за *пещать* ты носишь?

Джейку, не имевшему ни малейшего понятия о том, что такое *пещать*, оставалось только надеяться на лучшее.

— Это часы. Но они не ходят, мистер Тик-Так.

Ухало хихикнул... и зажал рот руками, когда Тик-Так повернулся и посмотрел на него. В следующий миг Тик-Так вновь отвернулся к Джейку, и грозное выражение сменила солнечная улыбка. Глядя на эту улыбку, вы невольно забывали о том, что под стеной сидит убитая женщина, а вовсе не киномексиканка, прикорнувшая в час сиесты. Глядя на нее, вы, сами того не желая, забывали, что эти люди безумны, а Тик-Так, вероятно, самый безумный обитатель этого приюта для умалишенных.

— Часы, — кивая, проговорил Тик-Так. — Весьма удачное название для подобного устройства — в конце концов, на что человеку брегет, как не затем, чтоб нет-нет да и справиться, который *час*? Верно, Брендон? Да, Тилли? Так, Режь-Глотку?

Все с жаром поддакнули. Подарив их обворожительной улыбкой, Тик-Так снова повернулся к Джейку. Теперь Джейк заметил, что улыбка эта, какой бы обворожительной она ни была, не затрагивала зеленых глаз Тик-Така. Они оставались такими же, какими были все это время: холодными, жестокими и любопытными.

Тик-Так осторожно потянулся к «Сейко», которые теперь показывали девяносто одну минуту восьмого — утра и вечера, — но за долю секунды до того, как коснуться стекла над жидкокристаллическим дисплеем, отдернул палец.

— Скажи-ка, голубчик, не снабжены ли эти твои «часы» адской машиной?

— Что? А! Нет, адской машины в них нет. — И Джейк сам притронулся пальцем к часам.

— Это ничего не значит, коли они настроены на частоту твоего тела, — заметил Тик-Так. Он говорил тем презрительно-насмешливым тоном, на какой отец Джейка переходил в тех случаях, когда не хотел, чтобы кто-нибудь догадался, что он ровным счетом ничего не понимает в том, о чем разглагольствует. Тик-Так скользнул взглядом по Брендону, и Джейк увидел, как он прикидывает, не назначить ли кривоногого мужичонку испытателем. Потом Тик-Так отказался от этой идеи и снова заглянул в глаза Джейку. — Если меня потряхнет, дружок, через полминуты ты будешь подыхать, даваясь собственными причиндалами.

Джейк с усилием проглотил слюну, но ничего не сказал. Тик-Так опять вытянул палец и на этот раз позволил ему опуститься на дисплей «Сейко». В тот же миг все цифры сбросились до нулей, и отсчет пошел с начала.

Притрагиваясь к часам, Тик-Так шурился в ожидании возможной боли. Теперь в уголках его глаз собралась морщинка искренняя улыбка — первая искренняя улыбка за все то время, что Джейк провел здесь. Он подумал, что отчасти она вызвана ликованием Тик-Така по поводу собственной храбрости, но главным образом — обыкновенными удивлением и интересом

— Нельзя ли мне взять их? — вкрадчиво спросил у него Тик-Так. — Скажем, в знак твоего доброго расположения? Да будет тебе известно, голубчик, я поистине страстный любитель брегетов.

— Пожалуйста. — Джейк немедленно отстегнул часы, снял их с руки и опустил в протянутую к нему широкую ладонь Тик-Така.

— Ишь как говорит — чисто барич, шелковая жопа, — радостно восхитился Режь-Глотку. — В старину дорого платили за то, чтоб воротить такого в родимый дом, Тикки, — ей-ей, не вру. Да чего там, мой папаша...

— Твой папаша окочурился до того протухшим от мандруса, что его и собаки жрать бы не стали, — перебил Тик-Так. — А теперь заткнись, дубина.

В первое мгновение Режь-Глотку пришел в ярость — но потом смутился. Он уселся в ближайшее кресло и погрузился в молчание.

Тик-Так между тем с благоговейным страхом изучал эластичный ремешок «Сейко». Он широко растянул браслет, дал ему сощелкнуться, опять растянул, опять позволил со щелчком принять прежнюю форму. Опустив в щель между звеньями прядь волос, он захохотал, когда, сомкнувшись, те защемили ее. Наконец он надел часы на руку и подтянул до середины предплечья. Джейк подумал, что этот нью-йоркский сувенир смотрится там очень странно, но ничего не сказал.

— Изумительно! — воскликнул Тик-Так. — Откуда они у тебя, постреленок?

— Мне их подарили на день рождения родители, — ответил Джейк. При этих словах Режь-Глотку подался вперед, возможно,

желая еще раз упомянуть о выкупе. Если так, выражение напряженной сосредоточенности на лице Тик-Така заставило пирата передумать, и он без единого слова вновь откинулся на спинку кресла.

— *Ой ли?* — подивился Тик-Так, поднимая брови. Он обнаружил маленькую кнопку, которая включала подсветку, и то нажимал, то отпускал ее, любуясь, как загорается и гаснет свет. Потом он снова посмотрел на Джейка, и его глаза опять превратились в ярко-зеленые узкие щелки. — А скажи-ка мне, пострел, на какой схеме это работает, на дипольной или униполярной?

— Ни на той, ни на другой, — ответил Джейк, не ведая, что, сделав вид, будто эти термины ему знакомы, обрек себя на крупные неприятности в будущем. — Они работают от никелево-кадмиевой батареек. Во всяком случае, так мне кажется. Менять ее мне еще ни разу не приходилось, а инструкцию я давно потерял.

Тик-Так долго смотрел на него, не говоря ни слова, и Джейк с тревогой и страхом понял: светловолосый гигант пытается разобраться, не смеется ли Джейк. Мальчику почему-то казалось, что, если Тик-Таку взбредет в голову, будто он действительно потешается над ним, то побои и брань, сыпавшиеся на него по дороге сюда, покажутся щекоткой в сравнении с тем, что может сделать Тик-Так. Ему вдру страшно захотелось направить ход мысли Тик-Така в иное русло. И он сказал первое, что, по его мнению, могло принести желаемые плоды.

— Он был ваш дедушка, да?

Тик-Так вопросительно вскинул брови. Он вновь взял Джейка за плечи, не слишком крепко, но все равно мальчик почувствовал феноменальную силу, дремавшую в этих руках. Вздумай Тик-Так покрепче сжать Джейка и резко дернуть вперед, он переломил бы ему ключицы, как карандаши. Если бы он оттолкнул мальчика, то, вероятно, сломал бы ему позвоночник.

— *Кто* был мой дедушка, парень?

Джейк еще раз окинул взглядом массивную, благородной формы голову и широкие плечи Тик-Така. Он вспомнил слова Сюзанны: «Ну и громила — ты только погляди, Роланд! Должно быть, его пришлось натереть салом, чтобы втиснуть в кабину!»

— Человек в самолете. Дэвид Квик.

Глаза Тик-Така расширились от изумления и неожиданности. Потом он запрокинул голову и так оглушительно расхохотался, что его смех эхом отразился от высокого купола потолка. Прочие боязливо заулыбались. Однако после того, что случилось с темноволосой женщиной, никто не посмел засмеяться в голос.

— Кто бы и откуда бы ты ни был, мальчик, ты — самый смекалистый молодчик из всех, кого старина Тик-Так повидал на своем долгом веку. Квик приходится мне не дедом, а прадедом, и все же ты почти угадал — верно ведь, любезный мой Реж-Глотку?

— Ей-ей, — подтвердил Режь-Глотку. — Малец смекалистый, будь я мерин; кабы ты меня спросил, я б давно тебе про то сказал. Но все едино наглец, каких поискать.

— Да, — задумчиво проговорил Тик-Так. Его руки крепко стиснули плечи мальчика и притянули Джейку поближе к улыбающемуся, красивому, безумному лицу. — Сам вижу, что наглец. Смотрит дерзко. Но это дело поправимо, верно, Режь-Глотку?

«Он говорит не с Режь-Глоткой, — пронеслось в голове у Джейка, — а со мной. Он думает, что гипнотизирует меня... может быть, так и есть».

— Истинная правда, — выдохнул Режь-Глотку.

Джейк почувствовал, что тонет в больших зеленых глазах Тик-Така. Хотя тот все еще держал мальчика не слишком крепко, Джейк никак не мог набрать в грудь достаточно воздуха. Собрав все силы, он постарался стряхнуть наваждение и вновь сказал первое, что пришло на ум:

— И благородный Перт на землю пал, и гром потряс окрестные пределы.

Эти слова подействовали на Тик-Така, точно сильная пощечина. Он отшатнулся, сощурив зеленые глаза, и больно сдавил плечи Джейка:

— *Что ты сказал? Где ты это слышал?*

— Напела одна маленькая птичка, — с рассчитанной дерзостью ответил Джейк и в следующий миг уже летел через комнату.

Если бы мальчик врезался в вогнутую стену головой, то потерял бы сознание или убили. Однако Джейк ударился о стену бедром и как куль свалился на железную решетку. Он оторопело потряс головой, огляделся и обнаружил, что очутился нос к носу с той самой женщиной, для которой наступила вечная сиеста. Потрясенно вскрикнув, мальчик на четвереньках пополз прочь. Ухало пинком в грудь опрокинул его на спину. Джейк лежал, судорожно разевая рот и глядя вверх, на пестрый радужный узел в том месте, где сходились неоновые трубки. В следующий миг поле зрения мальчика заполнило лицо Тик-Така: прямая полоска сурово сжатых губ, пылающие щеки, в глазах притаился страх. Стеклоанный гробик раскачивался на серебряной цепочке, словно передразнивая маятник заключенных в нем крохотных часов.

— Режь-Глотку прав, — Тик-Так забрал в горсть рубашку Джейка, сжал кулак и поднял мальчика в воздух. — Ты наглый дерзец. Но я отучу тебя дерзить мне. *Навсегда* отучу. Слышал про людей с коротким запальным шнуром? Так вот, у меня помянутого шнура нет вовсе, чему нашлась бы тьма свидетелей, кабы я не заставил их замолчать навеки. Коли я услышу от тебя еще хоть *слово* про благородного Перта... хоть *одно* слово... я снесу тебе маковку и съем мозги. Я не позволю накликать беду в Колыбели Седых! *Понятно?*

Он встряхнул Джейка, как тряпичную куклу. Мальчик расплакался.

— *Понятно?*

— Д-д-да!

— Вот и славно. — Тик-Так поставил Джейка на пол, и мальчик, шатаясь как пьяный, стал утирать льющиеся из глаз слезы, оставляя на щеках грязные разводы, темные, словно тушь для ресниц. — Теперь, малыш, сыграем в вопросы и ответы. Я буду спрашивать, ты — отвечать. Ясно?

Джейк не ответил. Он смотрел на зарешеченные вентиляционные отдушины, опоясывавшие помещение.

Тик-Так двумя пальцами ухватил его за нос и немилосердно сжал.

— *Ясно?*

— Да! — выкрикнул Джейк, из глаз которого теперь вместе со слезами ужаса струились слезы боли, и снова уставился Тик-Таку в лицо. Мальчику хотелось снова посмотреть на вентиляционную решетку, отчаянно хотелось удостовериться, что испуг и перенапряжение не сыграли с ним злую шутку и он действительно кое-что там заметил, — но он не смел. Он боялся, как бы кто-нибудь — скорее всего, сам Тик-Так — не проследил за его пристальным взглядом и не увидел того же, что увидел он.

— Хорошо. — Тик-Так за нос потащил Джейка к креслу, уселся и снова перекинул ногу через подлокотник. — Что ж, давай поболтаем. Начнем, пожалуй, с того, как тебя звать-величать. Так как тебя зовут, постреленок?

— Джейк Чэмберс, — невнятно прогнусавил Джейк.

— Ты Не-Мец, Джейк Чэмберс?

На миг Джейк изумился: что за чудной способ спросить, не страдает ли он немотой — разумеется, всем с самого начала было совершенно ясно, что это не так.

— Не понимаю...

Тик-Так принялся дергать Джейка за нос:

— Не-Мец! Не-Мец! Довольно морочить меня, мальчик!

— *Я не понимаю...* — начал Джейк, поглядел на старый автомат, висевший на кресле, вспомнил разбитый «Фокке-Вульф» — и разрозненные фрагменты головоломки сложились у него в мозгу в единое целое. — Нет. Я не немец. Я американец. Все это закончилось задолго до моего рождения.

Тик-Так выпустил нос Джейка, откуда немедленно хлынули кровавые сгустки.

— Ты мог сказать об этом сразу и избавить себя от всевозможных страданий и огорчений, Джейк Чэмберс... но, по крайней мере, теперь ты понимаешь, как тут у нас делаются дела, верно?

Джейк кивнул.

— Ей-ей, неплохо! Начнем с простых вопросов.

Взгляд Джейка снова медленно переместился к вентиляционной отдушине. То, что он заметил раньше, не исчезло; это не был плод

его воображения. В темноте за хромированной пластинчатой решеткой мелькали глаза с золотым ободком.

Чик.

Тик-Так хлестнул Джейка по лицу, отбросив на Режь-Глотку, который незамедлительно толкнул его обратно.

— Пришла пора ученья, сердечко мое, — шепнул пират. — Берись-ка за уроки! Да гляди не ленись, ни-ни!

— Когда я говорю с тобой, смотри на меня, — распорядился Тик-Так. — Либо я добьюсь от тебя почтения, Джейк Чэмберс, либо оторву тебе яйца.

— Хорошо.

Зеленые глаза Тик-Така опасно блеснули.

— Хорошо — что?

Джейк принялся лихорадочно искать правильный ответ. Он продирался сквозь сумбур вопросов и гнал прочь внезапно вспыхнувшую надежду. То, что он нашел, отлично стодилось бы и для его родной Колыбели Зрелых, иначе известной как «Школа Пайпер».

— Хорошо, сэр.

Тик-Так улыбнулся.

— Начало положено, мальчуган, — сказал он и подался вперед, упираясь локтями в ляжки. — Так-с... что такое «американец»?

Джейк пустился в объяснения, изо всех сил стараясь не смотреть в сторону вентиляционной решетки.

29

Роланд убрал револьвер в кобуру, положил обе руки на колесо вентиля и попробовал повернуть. Колесо не шелохнулось. Это не слишком удивило стрелка, зато не на шутку озадачило.

Чик, который стоял у левой ноги Роланда, тревожно и нетерпеливо глядел на стрелка, поджидая, чтобы тот открыл дверь и можно было бы продолжить поход за Джейком. Кабы все было так просто, с сожалением подумал Роланд. Караулить под дверью, не выйдет ли кто, не годилось: могло пройти несколько часов или даже дней, прежде чем Седые решили бы вновь воспользоваться этим выходом. Стрелок ждал бы, а тем временем Режь-Глотке и его друзьям могло взбрести в голову заживо содрать с Джейка кожу.

Роланд приложил ухо к металлу, но ничего не услышал. Это тоже не удивило его. Когда-то давным-давно он имел дело с такими дверьми — из них нельзя было выбить выстрелами замки, и, совершенно определенно, сквозь них ничего нельзя было услышать. Здешняя дверь могла быть одинарной, могла быть и двойной, с глухим зазором внутри, но где-то непременно должна была находиться кнопка, приводящая в движение колесо посередине двери и открывающая запоры. Если бы Джейку удалось добраться до этой кнопки, то, пожалуй, все еще могло закончиться благополучно.

Роланд понимал, что не является полноправным членом их *ка-те-та*; он догадывался, что даже Чик лучше осведомлен о тайной жизни, протекающей в недрах этого *ка-те-та* (стрелку казалось крайне сомнительным, что косолап отследил Джейка в тоннелях, где грязными ручейками струилась вода, благодаря одному только чутью). Тем не менее он сумел помочь мальчику, когда тот пытался пройти сюда из своего родного мира. Сумел *увидеть* — а когда Джейк пытался вернуть случайно оброненный ключ, сумел мысленно связаться с ним, посылать сообщение.

Сейчас к посылке сообщений следовало подходить с большой осторожностью. В лучшем случае Седые поймут: что-то затевается. В худшем Джейк может неверно истолковать то, что Роланд попытается ему внушить, и сделает какую-нибудь глупость.

Вот если бы *увидеть*...

Роланд закрыл глаза и все внимание сосредоточил на Джейке. Представив себе глаза мальчика, стрелок выслал свое *ка* на их поиски.

Поначалу он ничего не видел. Затем, наконец, стало возникать изображение — лицо, обрамленное длинными, белокурыми с проседью волосами. В глубоких глазницах, точно огневике в пещерах, блестели зеленые глаза. Роланд быстро понял, что это Тик-Так и что он потомок пилота, погибшего в авиакатастрофе, — факт занятный, но в сложившейся ситуации не имеющий никакой практической ценности. Стрелок попытался заглянуть подальше, за Тик-Така, чтобы увидеть помещение, где держали Джейка, и находившихся там людей.

— Эйк, — шепнул Чик, словно напоминая Роланду: не время дремать.

— Ш-ш-ш, — отозвался стрелок, не открывая глаз.

Но толку не было. Перед мысленным взором Роланда мелькали лишь размытые пятна — возможно, оттого, что Джейк так прочно сосредоточился на Тик-Так; все остальное казалось чередой окутанных серой пеленой силуэтов у границ восприятия мальчика.

Роланд вновь открыл глаза и с досадой пристукнул кулаком по ладони. Ему казалось, он мог бы поднапрячься и увидеть больше... но тогда мальчик мог бы узнать о его присутствии, а это опасно. Если не Режь-Глотку, то уж Тик-Так непременно заподозрит неладное.

Стрелок посмотрел наверх, на узкие зарешеченные отдушины, потом вниз, на Чика. Он уже не раз задумывался над тем, насколько смышлен косолап; сейчас ему, похоже, предстояло это выяснить.

Потянувшись вверх левой, здоровой, рукой, Роланд просунул пальцы между горизонтальными планками ближайшей к люку, куда увели Джейка, решетки и потянул. Решетка выскочила из пазов, обильно засыпав пол хлопьями ржавчины и высохшим мхом. Открывшееся отверстие было чересчур мало для человека — но не для косолапа. Стрелок поставил решетку на пол, подхватил Чика на руки и негромко сказал ему на ухо:

— Ступай... погляди... вернись. Понимаешь? Так, чтобы тебя не увидели. Просто пойди, погляди и вернись.

Чик внимательно смотрел в лицо стрелку и молчал, даже не «эйкал». Роланд не знал, понял его зверек или нет, но раздумывать было некогда — напрасная трата времени никак не способствовала успеху предприятия. Он посадил Чика в шахту вентиляции. Косолап обнюхал крошево сухого мха, тоненько чихнул, присел и замер, с сомнением поглядывая на Роланда удивительными глазами. Сквозняк ерошил длинную шелковистую шерсть зверька.

— Ступай, погляди и вернись, — шепотом повторил Роланд, и Чик, втянув когти, бесшумно ступая подушечками лап, исчез в полумраке.

Роланд вытащил из кобуры револьвер и приступил к самому трудному. Стал ждать.

Не прошло и трех минут, как Чик вернулся. Роланд вынул его из шахты и поставил на пол. Чик посмотрел на него, вытянув длинную шею.

— Сколько их там, Чик? — спросил Роланд. — Скольких ты видел?

Долгие секунды ему казалось, что он не добьется от косолапа ничего, кроме этого устремленного на него неподвижного тревожного взгляда. Потом зверек робко приподнял правую лапу, выпустил когти и поглядел на них, словно пытаясь вспомнить что-то очень трудное. Наконец Чик легонько стукнул по стальному полу.

Раз... два... три... четыре. Пауза. Затем еще дважды, быстро и едва слышно; сталь отзывалась тихим звяканьем — пять, шесть. Вновь пауза. Чик медлил, не поднимая головы; он походил на ребенка, поглощенного мучительной, титанической работой мысли. Потом, подняв глаза на Роланда, косолап в последний раз царапнул стальной пол:

— Эйк!

Шестеро Седых... и Джейк.

Роланд взял Чика на руки и погладил.

— Молодчина! — пробормотал он на ухо зверьку. Стрелка действительно переполняла удивление и благодарность. Конечно, на что-то он надеялся, но такой подробный ответ поверг его в изумление. В правильности счета Роланд почти не сомневался. — Молодец, славный мальчик!

— Чик! Эйк!

Да, Джейк. Вот задача. Он дал Джейку обещание — и намерен сдержать слово.

Стрелок глубоко задумался. Сухой прагматизм необычным образом сочетался в нем с первобытным чутьем, унаследованным, по-видимому, от бабки, Дейдре Безумной, весьма странной особы. Это чутье сберегало стрелку жизнь все годы после кончины его старых товарищей, а сейчас Роланд вверял ему жизнь Джейка.

Он снова подхватил Чика на руки, понимая, что Джейк, быть может — *быть может*, — останется жив, но косолап почти неминуемо

погибнет, и зашептал в настороженное ухо зверька нехитрые слова, повторяя их снова и снова. Наконец стрелок замолчал и снова посадил Чика в вентиляционную шахту. «Славный мальчик, — едва слышно произнес он. — Ну, ступай же. Сделай свое дело. Сердцем я с тобой».

— Чик! Ой! Эйк! — тихо протягивал косолап и проворно скрылся в темноте.

Роланд стал ждать начала светопреставления.

30

Задай мне вопрос, Эдди Дийн из Нью-Йорка. И пусть лучше это будет хороший вопрос... не то и ты, и твоя женщина, откуда б вы ни были родом, умрете.

Ну *что* тут ответишь, скажите на милость?

Темно-красный огонек погас, зажегся розовый. «Скорее, — затопил едва слышный голосок Блейна-маленького, — *он страшно зол... скорее, не то он убьет вас*».

Эдди смутно сознавал, что по Колыбели еще мечутся стаи потревоженных голубей, а на полу лежат трупики самых опрометчивых, тех, что, не разбирая, куда летят, расшиблись о колонны.

— Чего ему надо? — свистящим шепотом спросила Сюзанна у динамика и прятывшегося где-то за ним голоса Блейна-маленького. — Ради всего святого, скажи, *чего он хочет*?

Никакого ответа. Эдди чувствовал, как возможность получить для начала хоть какую-то отсрочку ускользает от них.

«Задай мне вопрос».

Прижав большим пальцем «ГОВОРИТЕ\СЛУШАЙТЕ», обливаясь потом, который тонкими ручейками побежал по щекам и шее, он зататорил с лихорадочным оживлением:

— Значит, так... Блейн! Чем ты занимался в последние годы? На юго-восток, небось, гонять бросил, а? С чего бы? Здоровьишко не позволяет? Не тянешь?

Тишина, лишь шуршат и хлопают крыльями голуби. Перед глазами Эдди возник Ардис — щеки его плавились, он хотел закричать, и пламя перекинулось на язык. Молодой человек почувствовал, как волоски у него сзади на шее зашевелились и встали дыбом. Страх? Или накапливающееся электричество?

Скорее... он страшно зол.

— Кстати, а кто тебя построил? — в отчаянье спросил Эдди, думая: «Знать бы, *чего* этому долботрону надо!» — Не хочешь рассказать? Седые? М-м, вряд ли... небось, Великие Пращуры — угадал? А может...

Молодой человек умолк, всей кожей ощущая молчание Блейна — как осязаемое бремя, как мясистые руки, шарящие по телу.

— Чего тебе надо? — вдруг крикнул он. — *Что*, к чертям собачьим, ты хочешь услышать?

Молчание — но пуговицы кнопок на коробке опять вспыхнули гневным багрянцем, и Эдди понял: отпущенное им с Сюзанной время почти истекло. Он расслышал где-то неподалеку тихое басистое гудение, словно работал электрический генератор, но, как бы ему того ни хотелось, ни на минуту не поверил, что эти звуки — лишь плод его воображения.

— Блейн! — вдруг крикнула Сюзанна. — Блейн, ты меня слышишь?

Молчание... Эдди почувствовал, что воздух наполняется электричеством, как миска под краном — водой. Оно щипало и потрескивало в носу при каждом вдохе, а зубные пломбы зудели, как сердитые насекомые.

— Блейн, у меня *есть* вопрос — *очень хороший* вопрос, честное слово! Вот послушай! — Ожесточенно растирая виски, она на миг сомкнула веки и снова открыла глаза. — По сути ничто, но... э-э... имеет название, Повсюду за нами проникнет незвано; бывает коротким и длинным бывает, порою растет, а... порой убывает... — Сюзанна осеклась и посмотрела на Эдди огромными страдальческими глазами. — Помогай! Я забыла, как там дальше!

Эдди уставился на нее так, точно она сошла с ума. Господи помилуй, что за бред? Потом до него дошло, и показалось полным сверхъестественно-безупречного смысла, и недостающие строки загадки прорезались в памяти и аккуратно встали на место, точно два последних фрагмента головоломки.

— Простишься с ним затемно, а поутру найдешь у порога, в мороз и в жару! Что это? Вот наш вопрос, Блейн, — что это такое?

Красные огоньки, высвечивавшие кнопки «КОМАНДА» и «ВВОД» под цифровым ромбом, мигнули и погасли. На одно бесконечное мгновение воцарилась тишина, но Эдди сознавал, что наэлектризованность, от которой у него по всему телу шли мурашки, убывает. Наконец Блейн снова заговорил.

— ТЕНЬ, РАЗУМЕЕТСЯ, — ответил он. — ПУСТЯЧНЫЙ ВОПРОС... ВПРОЧЕМ, НЕДУРНО. СОВСЕМ НЕДУРНО.

Голос, раздававшийся из динамика, одушевляла некая задумчивость — и что-то иное. Удовлетворение? Тоска? Эдди не мог решить, но он *знал*, что в этом голосе присутствует нечто напоминающее ему о Блейне-маленьком. Знал он и кое-что еще: Сюзанна спасла их — по крайней мере, до поры. Он наклонился и поцеловал ее в холодный, покрытый испариной лоб.

— ВЫ ЗНАЕТЕ ЕЩЕ ЗАГАДКИ? — спросил Блейн.

— Да, сколько угодно, — немедленно отозвалась Сюзанна. — У нашего друга Джейка их целая книжка.

— ИЗ МЕСТ, ИМЕНУЕМЫХ НЬЮ-ЙОРКОМ? — осведомился Блейн, и стало совершенно ясно, что именно оживляло этот голос. По крайней мере, для Эдди. Пусть Блейн был машиной, но Эдди шесть лет просидел на героине и мгновенно распознавал алчность наркомана.

— Ну да, из Нью-Йорка, — подтвердил он. — Но Джейка взяли в плен. Его забрал какой-то Режь-Глотку.

Молчание, затем — бледное, цветочно-розовое сияние кнопок. *«Пока неплохо, — прошептал голосок Блейна-маленького. — Но не забывайте об осторожности... ему нельзя доверять, он хитер и коварен».*

Сразу же вновь появились красные огоньки.

— ВЫ ЧТО-ТО СКАЗАЛИ? — голос Блейна звучал холодно и — Эдди готов был поклясться в этом — подозрительно.

Эдди посмотрел на Сюзанну и встретил взгляд больших испуганных глаз девчушки, услышавшей, как под кроватью украдкой шевелится нечто невыразимо жуткое.

— Это я откашлялся, Блейн, — сказал Эдди. Он сглотнул и рукавом вытер пот со лба. — Я... черт, чего уж там, скажу правду. У меня со страху все поджилки трясутся.

— ВЕСЬМА РАЗУМНО. ЗАГАДКИ, О КОТОРЫХ ВЫ ГОВОРИТЕ, — ЭТО ГЛУПЫЕ ЗАГАДКИ? Я НЕ ПОЗВОЛЮ ИСПЫТЫВАТЬ МОЕ ТЕРПЕНИЕ ГЛУПЫМИ ЗАГАДКАМИ.

— Почти все они сложные и остроумные, — поспешила заверить Сюзанна, но тут же с тревогой взглянула на Эдди.

— ЛОЖЬ. ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ НИКАКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КАЧЕСТВЕ ЭТИХ ЗАГАДОК.

— Откуда ты знаешь...

— АНАЛИЗ РЕЧИ. РАССТАНОВКА ФРИКАТИВНЫХ ЗВУКОВ И ЭМФАТИЧЕСКИХ УДАРЕНИЙ НА ДИФТОНГАХ ДАЕТ ДОСТОВЕРНОЕ ОТНОШЕНИЕ «ПРАВДА»\«ЛОЖЬ». ПРЕДИКТИВНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ — ДЕВЯНОСТО СЕМЬ ЦЕЛЫХ ПЛЮС-МИНУС ПЯТЬ ДЕСЯТЫХ ПРОЦЕНТА. — Голос на мгновение умолк, а когда заговорил снова, то угрожающе растягивал слова в манере, показавшейся Эдди очень знакомой. Это был голос Хамфри Богарта. — ПОСЛУШАЙ ДОБРОГО СОВЕТА, МИЛОК, НЕ БОЛТАЙ О ЧЕМ НЕ ЗНАЕШЬ. ПОСЛЕДНИЙ МОЛОДЧИК, ЧТО ПЫТАЛСЯ ЗАМОРОЧИТЬ МНЕ ГОЛОВУ, ОКОНЧИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ НА ДНЕ СЕНДА, ОБУТЫЙ В ЦЕМЕНТНЫЕ САПОГИ.

— Господи Иисусе, — сказал Эдди, — мы отмахали пешкодралом четыреста с гаком миль, чтоб познакомиться с компьютерной версией Маленького Рича? Где ты научился передразнивать парней типа Джона Уэйна и Хамфри Богарта, Блейн? Парней из нашего мира? Как это может быть?

Молчание.

— Ладно, на этот вопрос тебе отвечать неохота. Как насчет такого: если ты хотел, чтоб тебе загадали загадку, чего ты не сказал об этом прямо?

Блейн вновь отмолчался, но Эдди вдруг сделал открытие: в действительности ответ ему не был нужен. Большой любитель загадок, Блейн и им задал каверзную задачку. И Сюзанна нашла решение.

Эдди догадывался, что, если бы ей это не удалось, они сейчас лежали бы на полу Колыбели Лада в виде пары исполинских угольных брикетов.

— Блейн, — с беспокойством окликнула Сюзанна. Ответа не было. — Блейн, ты еще там?

— ДА. ЗАГАДАЙ МНЕ ДРУГУЮ ЗАГАДКУ.

— Что растворяется, но не исчезает?

— ДВЕРЬ. ОДНАКО, КОЛЬ СКОРО ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РАССЧИТЫВАЕТЕ НА МОЮ ПОМОЩЬ, ПРИДЕТСЯ РАССТАВАТЬСЯ И ПРИДУМАТЬ ЧТО-НИБУДЬ ПОЛУЧШЕ. ВЫ МОЖЕТЕ ПРИДУМАТЬ ЗАГАДКУ ЛУЧШЕ ЭТОЙ?

— Наверняка сможем, если Роланд доберется сюда, — ответила Сюзанна. — Как бы ни были хороши загадки из книжки Джейка, Роланд знает их целые сотни. Ты не поверишь, но в детстве он изучал загадки в школе. — Сказав это, она поняла, что не в состоянии представить себе Роланда в детстве. — Так ты подвезешь нас, Блейн?

— ВОЗМОЖНО, — отвечал тот, и у Эдди возникла твердая уверенность в том, что он расслышал в голосе Блейна едва уловимую жестокую нотку. — НО, ЧТОБЫ ЗАПУСТИТЬ МЕНЯ, ВАМ СПЕРВА ПРИДЕТСЯ ЗАЛИТЬ МОЙ НАСОС, А МОЙ НАСОС ЗАЛИВАЮТ ЗАДОМ НАПЕРЕД.

— Это еще что за черт? — осведомился Эдди, глядя сквозь прутья ограды на ровную и гладкую розовую спину Блейна. Но Блейн не ответил ни на этот, ни на один из иных заданных ему вопросов. Ярро-оранжевые лампы по-прежнему горели, но и Большой Блейн, и Блейн-маленький, казалось, погрузились в спячку. Однако провести Эдди было не так-то просто. Блейн не спал. Блейн следил за ними. Блейн прислушивался к расстановке фрикативных звуков и эмфатических ударений на дифтонгах в их речи.

Молодой человек устался на Сюзанну.

— Придется залить насос, но мой насос заливают задом наперед, — тупо повторил он. — Это ведь загадка, да?

— Да, конечно. — Сюзанна посмотрела на треугольное окно, очень похожее на полуприкрытый веком глумливый глаз, а потом притянула Эдди к себе, чтобы прошептать ему на ухо: — Он совершенно сумасшедший, Эдди, — шизофреник, параноик и к тому же, наверное, маньяк.

— Сам вижу, — еле слышно прошептал Эдди в ответ. — Значит, вот что мы имеем: чокнутого сверхзвукового монорельсного гения, у которого в компьютере завелся призрак — любитель загадок. Добро пожаловать в фэнтезевую версию «Полета над гнездом кукушки».

— Ты вообще-то представляешь, каким должен быть ответ?

Эдди покрутил головой.

— А ты?

— Что-то такое копошится на самом донышке. Но это, вероятно, ложная тревога. Я все думаю о том, что сказал Роланд: хорошая

загадка всегда имеет смысл и ее можно разгадать. Как трюк фокусника.

— Ложный след.

Сюзанна кивнула.

— Выстрели еще разок, Эдди, — пусть знают, что мы еще здесь.

— Ага. Вот бы и нам точно знать, что они еще там...

— А по-твоему, они там, Эдди?

Эдди уже отходил от нее. Не останавливаясь и не оглядываясь, он ответил:

— Не знаю. Это загадка, которую не отгадать даже Блейну.

31

— Можно попросить чего-нибудь попить? — спросил Джейк. Вышло силло и гнусаво. И рот, и многострадальный нос мальчика медленно опухали изнутри, и вид у него был такой, словно ему крепко досталось в бурной уличной потасовке.

— О да, — задумчиво ответил Тик-Так и уточнил: — *Попросить* можно. Я бы даже сказал, *попросить* безусловно можно. Питья у нас тут море, верно, Медный Лоб?

— Ага, — отозвался высокий мужчина в очках, белой шелковой сорочке и черных шелковых брюках. Он походил на профессора с карикатуры из «Панча», изданного на рубеже столетий. — В разливном здесь недостатку нет.

Тик-Так, который вновь привольно раскинулся в своем треноподном кресле, весело взглянул на Джейка.

— Есть вино, пиво, эль и, конечно же, вода. Старая добрая водица. Порой человеку больше ничего и не нужно, верно? Холодная, чистая, сверкающая вода. Как тебе такое, а, пострел?

В горле у Джейка, тоже опухшем и пересохшем до такой степени, что казалось, будто оно выслано наждачной бумагой, болезненно закололо.

— Звучит неплохо, — прошептал он.

— Клянусь, во мне самом пробудилась жажда, — воскликнул Тик-Так и расплылся в улыбке. Зеленые глаза заискрились. — Подай коврик водицы, Тилли... дьявольщина, ума не приложу, куда подевалась вся моя учтивость!

Тилли исчезла за дверью в противоположной стене комнаты, напротив люка, через который вошли Джейк с Режь-Глоткой. Джейк проводил женщину глазами и облизнул распухшие губы.

— Итак, — продолжал Тик-Так, вновь упираясь в Джейка пристальным взглядом, — ты говоришь, что американский город, откуда ты родом, — этот Нью-Йорк — во многом напоминает Лад.

— Ну... не совсем так...

— Однако кой-какие механизмы ты узнал, — напирал Тик-Так. — Вентили, насосы и прочее. Не говоря уж о трубах-огневках.

— Да. У нас они называются неоновыми, но это то же самое.

Тик-Так потянулся к мальчику. Джейк испуганно съежился, однако Тик-Так просто похлопал его по плечу.

— Да-да; почти то же самое. — Его глаза блеснули. — И ты слышал о компьютерах?

— Конечно... но...

Вернулась Тилли с водой и робко приблизилась к трону Тик-Така. Тик-Так принял у нее ковш и протянул Джейку, но, когда мальчик хотел взять его, отдернул руку и стал пить сам. Глядя, как вода тонкими струйками выливается у Тик-Така изо рта и катится по обнаженной груди, Джейк затрясся. Он ничего не мог с собой поделать.

Тик-Так посмотрел на мальчика поверх ковша, словно лишь сию минуту вспомнил, что Джейк еще здесь. За его спиной ухмылялись Режь-Глотку, Брендон, Медный Лоб и Ухало — как школьники, которым только что рассказали смешной и похабный анекдот.

— Да что ж это я, задумался, до чего хочется пить, и напрочь позабыл про *тебя!* — вскричал Тик-Так. — Чудовищная низость, разрази меня гром! Но уж больно хороша показалась мне водица, сушая благодать... да она и есть благодать: вкусная... холодная... чистая...

Тик-Так поднес ковш Джейку. Когда мальчик потянулся к нему, Тик-Так убрал ковш.

— Сперва, постерл, Расскажи мне, что ты знаешь о дипольных компьютерах и переходных схемах, — холодно промолвил он.

— Что... — Джейк посмотрел в сторону вентиляционной решетки, но золотистых глаз по-прежнему не было видно. Он начинал думать, что они ему все-таки примерещились. Мальчик снова посмотрел на Тик-Така, прекрасно понимая, что никакой воды не получит. Глупо было даже мечтать об этом. — Что такое дипольные компьютеры?

Лицо Тик-Така перекошилось от ярости; он выплеснул остаток воды в покрытое кровоподтеками, распухшее лицо мальчика.

— *Не прикидывайся дурачком!* — взвизгнул он. Содрав с руки «Сейко», он затряс часами перед носом у Джейка. — *Когда я спросил, на какой схеме это работает, на дипольной или нет, ты ответил «нет»! Так не рассказывай мне, будто не знаешь, о чем речь, коль скоро ясно дал понять, что знаешь!*

— Но... но... — Джейк не мог продолжать. Голова у него шла кругом от страха и смятения. Он смутно сознавал, что старается слизать с губ как можно больше влаги.

— *Прямо под этим гнусным городом спрятана тысяча — а может, и сто тысяч — дипольных, будь им пусто, компьютеров, а единственный исправный только и знает, что дует в карты да запускает барабаны! Я хочу, чтоб эти компьютеры были мои! Я хочу, чтоб они работали на меня!*

Тик-Так стремительно подался вперед, схватил Джейка, встряхнул и швырнул на пол. Джейк налетел на светильник. Тот опроки-

нул. С гулким треском лопнула лампочка; Тилли тихонько взвизгнула и попятилась, в ее широко раскрытых глазах светился испуг. Медный Лоб с Бренденом беспокойно переглянулись.

Упираясь локтями в ляжки, Тик-Так нагнулся еще ниже и проорал в лицо Джейку:

— Я хочу, чтоб эти компьютеры были мои, И Я НАМЕРЕН ЗАПОЛУЧИТЬ ИХ!

В комнате повисла тишина, которую нарушало лишь тихое шипение теплого воздуха, поступающего через вентиляционные отдушины. Внезапно болезненной ярости, которая уродовала лицо Тик-Така, как не бывало. На ее месте вновь цвела пленительная улыбка. Тик-Так еще сильнее подался вперед и помог Джейку подняться.

— Прошу прощения. Задумываясь о тех возможностях, какие таит в себе город, я порой увлекаюсь сверх меры. Прости великодушно, постреленок. — Он подобрал перевернутый ковш и запустил им в Тилли. — Наполнить, дармоедка! Что с тобой творится?

Сияя радушной улыбкой ведущего телеигры, Тик-Так вновь переключился на Джейка:

— Что ж, пошутили и будет. Теперь расскажи мне все, что ты знаешь о дипольных компьютерах и переходных схемах. Потом можешь попить.

Джейк раскрыл рот, чтобы хоть что-нибудь сказать — что именно, он понятия не имел, — как вдруг случилось невероятное: в голове у него зазвучал голос Роланда.

«Отлеки их, Джейк, и если здесь есть кнопка, отворяющая дверь, подберись к ней поближе».

Тик-Так внимательно наблюдал за ним.

— Тебе что-то пришло в голову, а, пострел? Меня не проведешь. Что ж, говори, не таись от своего старинного приятеля Тикки.

Краем глаза Джейк уловил какое-то движение. Хотя он не смел взглянуть на вентиляционную отдушину — таким пристальным вниманием окружил его Тик-Так, — он понял, что Чик вернулся и заглядывает вниз сквозь пластинки решетки.

Отвлеки их... и внезапно Джейк сообразил, как это сделать.

— Да, я действительно кое-что вспомнил, — признался он, — только не про компьютеры. А про моего старинного приятеля Режь-Глотку. И его старинного друга Ухалу.

— Э! Э! — вскричал Режь-Глотку. — О чем это ты толкуешь, малец?

— Почему ты не скажешь Тик-Таку, кто на самом деле дал тебе пароль, Режь-Глотку? Тогда я смогу рассказать Тик-Таку, где ты его хранишь.

Озадаченный Тик-Так зорко глянул на Режь-Глотку:

— О чем это он?

— Да ни о чем! — поспешно сказал тот, не удержавшись, однако, от быстрого взгляда в сторону Ухалы. — Мальчишка мелет вздор.

Тикки, хочет, чтоб паленым понесло не от его задницы, а от моей. Одно слово, наглец! Не говорил ли я тебе...

— А вы загляните к нему в шарф, что же вы? — подзадорил Джейк. — Там у него лежит бумажка, а на ней записан пароль, который мне пришлось ему прочесть, — сам он и того не может.

На сей раз обошлось без внезапных приступов ярости; лицо Тик-Така мрачнело постепенно, как летнее небо перед страшной грозой.

— Дай-ка мне взглянуть на твой шарф, Режь-Глотку, — негромко распорядился он осипшим голосом. — Одним глазком, по старой дружбе.

— Говорю тебе, мальчишка брешет! — закричал Режь-Глотку, хватаясь за шарф обеими руками и пятась к стене. Прямо над ним заблестели обведенные золотом глаза Чика. — Да ты погляди ему в рожу — враз поймешь, что ловчей всего эдакий нахальный сопляк умеет врать да оговаривать!

Тик-Так устремил пристальный взгляд на Ухалу, которого, казалось, вот-вот стошнит от страха, и все тем же негромким, страшным голосом спросил:

— Ну? Что скажешь, Ухало? Я знаю, вы с Режь-Глоткой с давних пор сладкая парочка и мозгов у тебя что у гусиной тушки... но, конечно же, даже ты не настолько глуп, чтобы записать на бумаге пароль на вход во внутреннее покои... верно? *Верно?*

— Я... я думал только... — начал Ухало.

— Заткнись! — рявкнул Режь-Глотку. Он бросил на Джейка быстрый взгляд, полный чистейшей, патологической ненависти. — А тебе, дорогуша, не жить, так и знай!

— Сними шарф, Режь-Глотку, — велел Тик-Так. — Я хочу заглянуть в него.

Джейк бочком подвинулся на шаг ближе к возвышению и кнопкам.

— Нет! — Руки Режь-Глотки опять придавили шарф к голове, точно желтая ткань могла взять да и улететь по собственной воле. — Будь я проклят, коли сниму!

— Хватай его, Брендон, — приказал Тик-Так.

Брендон кинулся к Режь-Глотке. Тот быстро (хоть его проворство не шло ни в какое сравнение с проворством Тик-Така) нагнулся, выхватил из-за голенища нож и вонзил клинок Брендону в руку.

— *Ах ты отродье!* — завопил Брендон от боли и удивления, когда из его руки полилась кровь.

— *Да что ж ты натворил-то, ты погляди-и!..* — заголосила Тилли.

— Прикажете все делать самому? — прикрикнул Тик-Так, как будто бы больше раздосадованный, чем сердитый, и поднялся с кресла. Режь-Глотку попятился, чертя у своего лица загадочные узоры окровавленным ножом. Другую руку пират крепко прижимал к темени.

— Не подходи, — пропыхтел он. — Я люблю тебя как родного брата, Тикки, но, коли не отвалишь, суну этот клинок тебе в брюхо, ей-ей!

— Ты? Вряд ли, — со смехом сказал Тик-Так. Он извлек из ножен свой нож и теперь любовно держал его за костяную рукоятку. Все взгляды обращены были на этих двоих. Джейк сделал два быстрых шага к возвышению с небольшим скоплением кнопок и потянулся к той, которую, как ему помнилось, нажимал Тик-Так.

Режь-Глотку пятился по кругу вдоль стены. Светящиеся трубки последовательно окрашивали его изъеденное мандрусом лицо в нездоровые цвета: желчно-зеленый, горячечно-красный, желтушно-желтый. Теперь под вентиляционной решеткой, через которую смотрел Чик, стоял Тик-Так.

— Брось, Режь-Глотку, — уговаривал он. — Мальчишку ты доставил, просьбу мою выполнил; ежели кто еще и отведаст ножичка, так не ты, а Ухало. Только покажи мне...

Джейк увидел, как Чик приседает перед прыжком, и понял две вещи: что собирался сделать косолап и по чьему наущению.

— Чик, нет! — пронзительно крикнул он.

Все повернулись к нему. В ту же минуту Чик прыгнул, ударился в непрочную решетку и выбил ее. Тик-Так круто обернулся на шум, и на запрокинутое лицо ему свалился кусающийся и царапающийся косолап.

32

Даже сквозь двойные двери Роланд смутно расслышал «Чик, нет!», и сердце у него упало. Он подождал, не повернется ли колесо-вентиль, но оно сохраняло неподвижность. Стрелок закрыл глаза, напряг все силы и мысленно приказал: «Дверь, Джейк! Открой дверь!»

Никакого отклика он не почувствовал; мысленные образы исчезли. Их с Джейком линия связи, изначально непрочная и хрупкая, теперь была безжалостно оборвана.

33

Отчаянно вопя и чертыхаясь, ослепленный Тик-Так попытался, сиюсь ухватить верткую тварь, которая зубами и когтями рвала его лицо. Он почувствовал, как левый глаз, продырявленный когтями Чика, лопнул и страшная багровая боль прожгла голову, точно летящий в глубокий колодец пылающий факел. Ярость взяла верх над болью; Тик-Так схватил Чика, оторвал от лица и поднял над головой, собираясь выкрутить, как тряпку.

— Нет! — взвыл Джейк. Позабыв об отпирающей дверь кнопке, он сорвал со спинки кресла автомат.

Тилли завизжала. Остальные кинулись врассыпную. Джейк навел дряхлый немецкий автомат на Тик-Така. Чик, перевернутый огромными сильными руками вверх тормашками и скрученный так, что казалось — вот-вот хрустнет спина, бешено задергался и цапнул

зубами пустоту. От мучительной боли косолап тоненько взвизгнул — пугающе человеческим голосом.

— *Пусти его, сволочь!* — крикнул Джейк и нажал на спусковой крючок.

У него оставалось еще довольно здравого смысла, чтобы целиться понизу. Рев «Шмайссера» сорокового калибра показался в замкнутом пространстве нестерпимо громким, хотя выстрелов было всего пять или шесть. Одна из светящихся трубок взорвалась, полыхнув холодным оранжевым огнем. Дюймом выше левого колена Тик-Така появилась дыра, вокруг нее немедленно стало расплываться темно-алое пятно. Рот Тик-Така потрясенно округлился — это яснее всяких слов говорило о том, что при всем своем уме Тик-Так надеялся прожить долгую счастливую жизнь, всаживая пули в людей, но сам оставаясь целехонек. *Подвергаться опасности* получить девять граммов свинца — может быть, но действительно *получить* их? Изумленное выражение его лица говорило о том, что этого просто не может быть.

«Добро пожаловать в реальный мир, козел», — подумал Джейк.

Тик-Так уронил Чика на железный решетчатый пол и схватился за раненную ногу. Медный Лоб бросился к Джейку, обхватил за шею, и тогда Чик, визгливо твякая, накинулся на него и принялся трепать черный шелк брюк, добираясь до лодыжки. Медный Лоб вскрикнул и затанцевал прочь, пытаясь стряхнуть косолапа с ноги. Чик впился намертво, как пиявка. Джейк обернулся и увидел: сжимая в зубах подобранный нож, к нему ползет Тик-Так.

— Прощай, Тикки, — сказал Джейк и снова нажал на спусковой крючок «Шмайссера». Ничего не произошло. Кончились ли патроны, заклинило ли что-то в автомате — Джейк не знал, и гадать было некогда. Мальчик сделал шаг назад, другой... и обнаружил, что дальнейший путь к отступлению загораживает большое кресло, служившее Тик-Таку тронem. Юркнуть за него Джейк не успел: Тик-Так поймал его за ногу и свободной рукой взялся за рукоять ножа. Вытекший левый глаз белокурого великана комком мятного желе лежал на щеке, правый, устремленный на Джейка, горел безумной ненавистью.

Джейк рванулся из цепких пальцев — и рухнул на Тик-Таков трон. На глаза ему попался пришитый к правому подлокотнику карман. Из-за верхнего, собранного на тонкую резинку края торчала потрескавшаяся перламутровая рукоять револьвера.

— Ох и несладко тебе придется, пострел! — иступленно шептал Тик-Так. Удивленное «О!» сменила широкая дрожащая ухмылка. — Узнаешь, почем фунт лиха! А уж с какой радостью я... *Что такое?*

Ухмылка вновь расплылась изумленным «О!»: Джейк прицелился в Тик-Така из щегольского никелированного револьвера и взвел курок. Пальцы Тик-Така так сдавили щиколотку мальчика, что кости неминуемо должны были сломаться.

— *Не посмеешь!* — истерическим шепотом проговорил Тик-Так.

— Нет, *посмею*, — угрюмо ответил Джейк и спустил курок револьвера, предавшего своего хозяина. Сухо треснул выстрел, куда менее драматичный, чем теvтонский рев «Шмайссера». На лбу у Тик-Така, высоко справа, появилась маленькая черная дырочка. Тик-Так по-прежнему недоверчиво смотрел на Джейка уцелевшим глазом.

Джейк хотел заставить себя выстрелить еще раз — и не смог.

Вдруг на щеку Тик-Таку упал лоскут кожи, отслоившийся с головы, как старые обои. Роланд понял бы, что это значит, но Джейк почти утратил способность связно мыслить. В его сознании гулял смерч беспросветного панического ужаса. Когда рука, сжимавшая его лодыжку, разжалась и Тик-Так ткнулся лицом в пол, мальчик испуганно съехал в огромном кресле.

Дверь. Он должен открыть дверь и впустить стрелка.

Сосредоточившись на этом и только на этом, Джейк бросил револьвер с перламутровой рукояткой на отозвавшийся лязгом железный решетчатый пол и заставил себя выбраться из кресла. Мальчик уже тянулся к кнопке, которую, как ему казалось, нажимал Тик-Так, но вдруг чьи-то руки сдавили ему горло и, не позволяя повернуться, потащили прочь от возвышения.

— Я ведь обещал прикончить тебя, маленький паршивец, — прошипел над ухом у Джейка чей-то голос, — а Режь-Глотку своему слову хозяин!

Джейк отчаянно зашарил у себя за спиной и нашел только пустоту. Пальцы Режь-Глотки безжалостно впились в его шею. Мир перед глазами мальчика окутала серая мгла. Она быстро сгущалась и вскоре из серой стала фиолетовой, а из фиолетовой — черной.

34

Внезапно заработал насос, и колесо-вентиль в центре люка быстро завертелось. «Благодарение богам!» — подумал Роланд. Едва дождавшись, чтобы колесо остановилось, он ухватился за него и рванул дверь на себя. Внутренняя ее створка была приоткрыта; оттуда доносились звуки борьбы и залиvistое твяканье Чика, визгливое от боли и ярости.

Пинком распахнув дверь, Роланд увидел, что Режь-Глотку душит мальчика. Чик, бросивший Медного Лба, всеми силами старался заставить пирата отпустить Джейка, но сапог Режь-Глотки выполнял двойную функцию: защищал хозяина от зубов косолапа, а косолапа — от смертоносной инфекции, кружившей в Режь-Глоткиной крови. Брендон, пытаясь вынудить косолапа оставить в покое лодыжку пирата, вновь ударил его ножом в бок, но Чик и ухом не повел. Обмякший Джейк висел в грязных лапах своего пленителя, как марионетка с перерезанными веревочками. Лицо его было синевато-белым, распухшие губы — нежно-сиреневыми.

Режь-Глотку поднял взгляд.

— Ты! — злобно бросил он.

— Я, — подтвердил Роланд. Он выстрелил, раздробив Режь-Глотке левую половину головы. Пират в окровавленном, разматывающемся желтом шарфе отлетел назад и приземлился на Тик-Така. Его ноги выбили на железной решетке короткую судорожную дробь, и он затих.

Взводя курок быстрыми шлепками правой ладони, Роланд дважды выстрелил в Брендона. Брендон, нагнувшийся над Чиком, чтобы нанести еще один удар, завертелся на месте, врезался в стену и медленно сполз по ней, цепляясь за одну из трубок. Из-под его слабых пальцев выплескивался зеленый болотный огонь.

Чик подхромал к лежащему Джейку и принялся лизать бледное, неподвижное лицо мальчика.

Медному Лбу с Ухалом увиденного оказалось достаточно. Они дружно кинулись к небольшой двери, в которую уходила за водой Тилли. Роланд всадил им по пуле в спину — не время было проявлять благородство. Стрелку предстояло действовать быстро, *очень* быстро, и он вовсе не хотел рисковать тем, что эти двое устроят на него засаду, если вдруг опять осмелеют.

Под потолком капсулы загорелась гроздь ярких оранжевых ламп, включилась тревога: в стены забились сильные, хриплые отрывистые звуки. Через пару секунд аварийное освещение замигало им в такт.

35

Эдди возвращался к Сюзанне, когда завывла сирена. Он вскрикнул от неожиданности и вскинул «Ругер», целясь в пустоту.

— *Что это?!*

Сюзанна мотнула головой — она понятия не имела, что происходит. Тревожный вой сирены пугал, но главная беда заключалась в другом: он был такой громкий, что причинял физическую боль. Эдди мысленно сравнил несущийся из репродукторов прерывистый рев с десятикратно усиленным гудком трейлера.

В этот миг оранжевый свет замигал. Очутившись возле кресла Сюзанны, Эдди увидел, что кнопки «КОМАНДА» и «ВВОД» тоже ритмично вспыхивают алым огнем. Они напоминали подмаргивающие глаза.

— Блейн, что происходит? — крикнул молодой человек. Он огляделся, но увидел лишь дикую пляску теней. — Твоя работа?

Единственным ответом ему был смех — жуткий механический смех, который заставил Эдди вспомнить заводного клоуна, стоявшего в дни его детства перед «Дворцом ужасов» на Кони-Айленд.

— *Блейн, прекрати!* — пронзительно закричала Сюзанна. — *Как нам искать ответ на твою загадку, когда орет эта воздушная тревога?!*

Смех оборвался так же внезапно, как начался, но Блейн ничего не ответил. А может быть, и ответил: за прутьями ограды, отделявшей Эдди и Сюзанну от перрона, по команде дипольных компьютеров,

которых так вождедел Тик-Так, ожили огромные двигатели, приводимые в действие бесфрикционными генераторными турбинами. Впервые за десятилетие Блейн Моно, пробудившись от спячки, выходил на рабочий режим.

36

Система аварийного оповещения, действительно созданная для того, чтобы предупреждать давно умерших жителей Лада о воздушных налетах (и за целую тысячу лет никем даже не опробованная), спеленала город саваном звука. Все исправные источники света включились и замигали в такт сирене. И Зрелые над улицами Лада, и Седые под ними пришли к одинаковому убеждению: развязка, которой они всегда страшились, наконец последовала. Седые подозревали неведомую катастрофическую поломку механизмов. Зрелые, испокон века верившие, что таящиеся в машинах под городом призраки однажды восстанут ради долгожданного отмщения живым, вероятно, были ближе к истине.

Безусловно, в древних компьютерах под городом еще сохранялся некий интеллект, обособленный живой организм, в условиях, которые его безжалостные дипольные схемы способны были воспринимать лишь как абсолютную и непознаваемую реальность, давным-давно прекративший разумное существование. Восемьсот лет он хранил свои все более чуждые нормальной логике алгоритмы мышления в банках памяти и продержал бы их там еще восемь столетий, не появившись Роланд с друзьями; и все же этот *mentis non corpus*, разум без тела, не мог не предаваться печальным раздумьям, и с каждым уходящим годом болезнь его усугублялась. Даже периоды спячки, которые становились все более продолжительными, не приносили покоя: он видел сны — тем более аномальные, чем сильнее мир сдвигался с места. Сейчас, невзирая на то, что сохранявшая Лучи невообразимая техника изнашивалась и одряхлела, этот безумный и бесчеловечный интеллект пробудился в покоях гибели и разрушения и, пусть бестелесный, как всякий призрак, вновь неверным шагом пустился обходить чертоги мертвецов.

А в Колыбели Блейн Моно готовился покинуть Причал.

37

Опустившись на колени подле Джейка, Роланд слышал за собой шаги и обернулся, вскинув револьвер. Тилли — на ее желтовато-бледном лице застыли смещение и суеверный ужас — подняла руки и взвизгнула: «Не убивай меня, сэй! Прошу тебя! Не убивай!»

— Тогда беги, — отрывисто сказал Роланд и, когда Тилли сорвалась с места, ударил ее по икре стволом револьвера: — Да не туда — в дверь, через которую я пришел. И коли ты еще когда-нибудь

увидишь меня, это будет последнее, что ты увидишь в своей жизни.
Ну, пошла!

Тилли растворилась в кружение теней.

Роланд приник к груди Джейка, зажимая ладонью другое ухо, чтобы заглушить отрывистые вопли сирены. Сердце мальчика билось — медленно, но сильно. Стрелок подsunул руку Джейку под спину, и в эту минуту ресницы паренька затрепетали, и он открыл глаза.

— В этот раз ты не дал мне сорваться, — сказал он чуть слышным хриплым шепотом.

— Нет. И не дам никогда. Побереги голос.

— Где Чик?

— Чик! — твякнул косолап. — *Чик!*

Брендон несколько раз полоснул Чика ножом, но ни одна из ран не оказалась смертельной или сколько-нибудь серьезной. Ясно было, что зверьку больно, но столь же ясно было, что он вне себя от радости. Косолап разглядывал Джейка блестящими глазами, вывалив розовый язык.

— Эйк, Эйк, Эйк!

Джейк расплакался и потянулся к Чикю. Тот прыгнул в кольцо рук мальчика и на мгновение позволил крепко обнять себя.

Роланд встал и осмотрелся. Его внимательный взгляд остановился на двери в глубине комнаты. К ней направлялись те двое, которых он уложил выстрелами в спину, туда же хотела сбежать и женщина. С Джейком на руках и Чиком у ноги стрелок пошел к двери. Пинком отшвырнув с дороги одного из убитых Седых, Роланд пригнулся и нырнул в дверной проем. За порогом оказалась кухня. Несмотря на встроенное оборудование и стены из нержавеющей стали, она походила на свинарник — видно, домоводство мало занимало Седых.

— Пить, — прошептал Джейк. — Пожалуйста... очень хочется пить.

Роланд испытал странную раздвоенность — словно время сложилось вдвое. Он вспомнил, как, едва держась на ногах, выбрался из пустыни, обезумев от зноя и безлюдья. Вспомнил, как, полумертвый от жажды, лишился чувств на конюшне постоянного двора и очнулся от вкуса холодной воды, которая тонкой струйкой лилась ему в горло. Мальчик тогда снял рубашку, намочил ее под краном колонки и дал ему напиться. Теперь пришел черед Роланда сделать для Джейка то, что Джейк однажды сделал для него.

Роланд огляделся и увидел раковину. Он подошел и открыл кран. Хлынула чистая холодная вода. Над ними, под ними, вокруг них без передышки ревели сирена тревоги.

— Сам стоять сможешь?

Джейк кивнул:

— Наверное.

Роланд поставил мальчика на пол, готовый подхватить его, если окажется, что он слишком нетвердо держится на ногах, но Джейк

оперся на раковину и подставил голову под струю. Роланд взял Чика на руки и осмотрел его раны. Они уже начинали покрываться коркой запекшейся крови. «Ты пресчастливо отделался, пушистик», — подумал Роланд и потянулся мимо Джейка набрать пригоршню воды. Чик с жадностью напился.

Джейк убрал голову из-под крана. Мокрые волосы прилипли к щекам. Мальчик по-прежнему был чересчур бледен, на коже отчетливо проступали следы жестоких побоев, но он выглядел лучше, чем поначалу, когда Роланд только склонился над ним. Тогда стрелок на одно страшное мгновение поверил, что Джейк мертв.

Роланд пожалел, что нельзя вернуться и снова убить Режь-Глотку. Это натолкнуло его на другую мысль.

— А тот, кого Режь-Глотку называл Тик-Таком? Ты видел его, Джейк?

— Да. Чик напал на него из засады. Изодрал ему рожу. Потом я стрелял в него.

— Убил?

Губы Джейка задрожали. Он решительно сжал их.

— Да. Попал вот сюда... — Мальчик постукал по лбу значительно выше правой брови. — П-п... повезло.

Роланд с одобрением посмотрел на Джейка и медленно покачал головой:

— Сомневаюсь. Но покамест не думай об этом. Идем.

— Куда? — Джейк по-прежнему говорил сипло и тихо и все время смотрел за плечо Роланда туда, где чуть не погиб.

Роланд показал в глубь кухни: за очередным люком коридор продолжался.

— Для начала туда.

— СТРЕЛОК, — загудел со всех сторон чей-то голос.

Роланд круто обернулся, держа на одной руке Чика, а другой обнимая за плечи Джейка, но никого не увидел.

— Кто звал меня? — крикнул он.

— НАЗОВИСЬ, СТРЕЛОК.

— Я — Роланд из Галаада, сын Стивена. Кто говорит со мной?

— ГАЛААДА БОЛЬШЕ НЕТ, — задумчиво произнес голос, не отвечая на вопрос.

Роланд посмотрел вверх и увидел на потолке ряды концентрических колец. Оттуда и шел голос.

— ПОЧТИ ТРИ СОТНИ ЛЕТ НА ЗЕМЛЮ ВНУТРЕННЕГО И СРЕДИННОГО МИРОВ НЕ СТУПАЛА НОГА НИ ОДНОГО СТРЕЛКА.

— Я и мои друзья — последние.

Джейк забрал Чика у Роланда. Косолап немедленно принялся вылизывать распухшее лицо мальчика; его обведенные золотой каемкой глаза светились обожанием и счастьем.

— Это Блейн, — шепнул Джейк Роланду. — Да?

Роланд кивнул. Конечно, это был Блейн, но ему казалось, что Блейн — это нечто неизмеримо большее, чем обыкновенный поезд-монорельс.

— МАЛЬЧИК! ТЫ — ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Джейк теснее прижался к Роланду и посмотрел на динамики.

— Да, — сказал он. — Я Джейк из Нью-Йорка. Э-э... сын Элмера.

— КНИГА ЗАГАДОК, О КОТОРОЙ МНЕ СТАЛО ИЗВЕСТНО, ЕЩЕ С ТОБОЙ?

Рука Джейка потянулась за плечо, но пальцы коснулись пустой спины, и по отобразившемуся на лице мальчика испугу стало ясно: он что-то вспомнил. Когда Джейк вновь посмотрел на Роланда, тот уже протягивал ему ранец, и хотя узкое, тонко вырезанное лицо стрелка было как всегда бесстрастно, Джейк почувствовал, что в углах рта Роланда притаилась улыбка.

— Тебе придется подправить лямки, — сказал Роланд, когда Джейк брал у него ранец. — Я их удлинил.

— А «Угадай-дай-дай!»?

Роланд кивнул:

— Обе книжки на месте.

— ЧТО ТАМ У ТЕБЯ, МАЛЕНЬКИЙ СТРАННИК? — осведомился голос, лениво растягивая слова.

— Ничего себе! — вырвалось у Джейка.

«Он не только слышит, но и видит нас», — подумал Роланд и в следующий миг заметил в углу, намного выше обычной границы поля зрения человека, стеклянный глазок. Он почувствовал, как по спине у него прошел холодок, и по лицу Джейка, крепче обхватившего Чика, понял, что не одинок в своей тревоге. Голос принадлежал машине, невероятно *смышленной* машине, которая не прочь *порезвиться*, и все равно в нем было что-то очень подозрительное.

— Книжка, — ответил Джейк. — Сборник загадок.

— ХОРОШО. — Голос у Блейна был почти по-человечески довольный. — ПРОСТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО.

В дверном проеме в глубине кухни вдруг возник всклокоченный бородач. Пониже плеча вновь прибывшего болтался окровавленный, грязный желтый шарф.

— Горим! — отчаянно завопил он. В своей панике он, кажется, не сознавал, что Джейк и Роланд не являются частью его жалкого подземного *ка-тета*. — Стены горят! По нижним уровням дымище! Народ сам себя жизни решает! Что-то неладно! Дьявол, *все* наперекосяк пошло! Надобно...

Дверца духовки внезапно отвалилась, как выбитая челюсть. Изнутри ударил толстый сноп бело-голубого огня; он поглотил голову кудлатого, вскипятил ему кожу на лице и в пылающей одежде отбросил назад.

Потрясенный, вусмерть перепуганный Джейк уставился на Роланда. Тот обнял мальчика за плечи.

— ОН ПЕРЕБИЛ МЕНЯ, — пояснил голос. — ПЕРЕБИВАТЬ НЕПРИЛИЧНО, НЕ ТАК ЛИ?

— Да, — хладнокровно подтвердил Роланд. — Неприлично до крайности.

— РОЛАНД ГАЛААДИТЯНИН! СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА УТВЕРЖДАЕТ, БУДТО ТЫ ЗНАЕШЬ НА ПАМЯТЬ НЕСМЕТНОЕ МНОЖЕСТВО ЗАГАДОК. ЭТО ПРАВДА?

— Да.

В одном из помещений, выходящих в этот рукав коридора, прогремел взрыв; пол содрогнулся, послышались нестройные пронзительные крики. Пульсирующий свет на миг потускнел, бесконечный прерывистый рев сирены притих; затем все возобновилось с новой силой. Из вентиляционных отдушин поплыла жидкая кудель горького, едкого дыма. Чик принялся и чихнул.

— ЗАГАДАЙ МНЕ ОДНУ ИЗ СВОИХ ЗАГАДОК, СТРЕЛОК, — предложил голос, такой безмятежный и невозмутимый, точно все они сидели на тихой деревенской площади, а не под городом, от которого вот-вот не останется камня на камне.

Роланд на минуту задумался — и вспомнил любимую загадку Катберта.

— Ладно, Блейн, — согласился он, — будь по-твоему. Ответь, что милостивее всех богов и злее старика Козлоногого? Это вечная пища мертвецов; если же кто из живых станет им пробавляться, умрет медленной смертью.

Повисла долгая пауза. Джейк зарылся лицом в мех Чика, пытаясь укрыться от воню испекшегося Седого.

— *Будь осторожен, стрелок.* — Тихий голосок был едва различим, как дуновение прохладного ветерка в самый жаркий летний день. Голос машины гремел из всех динамиков, но этот шел только из одного, расположенного прямо у них над головой. — *Будь осторожен, Джейк из Нью-Йорка. Помните, это Свалка. Не спешите и будьте очень осторожны.*

Джейк изумленно посмотрел на стрелка. Роланд незаметно помотал головой и почесал крыло носа — так, во всяком случае, казалось со стороны. Однако при этом палец стрелка лег на губы, и Джейк решил, что в действительности Роланд велит ему помалкивать.

— ХИТРОУМНАЯ ЗАГАДКА, — наконец промолвил Блейн. В его голосе им почудилось искреннее восхищение. — ОТВЕТ — «НИЧТО», НЕ ТАК ЛИ?

— Верно, — сказал Роланд. — Ты, Блейн, и сам очень умен.

Когда голос раздался снова, Роланд услышал в нем то, что уже слышал Эдди: неумную и ненасытную алчность.

— ЕЩЕ!

Роланд набрал в грудь побольше воздуха:

— Не сейчас.

— НАДЕЮСЬ, ТЫ НЕ ОТКАЗЫВАЕШЬ МНЕ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА? ИБО ОТКАЗЫВАТЬ ТОЖЕ НЕПРИЛИЧНО. НЕПРИЛИЧНО ДО КРАЙНОСТИ.

— Отведи нас к нашим друзьям и помоги выбраться из Лада, — продолжал Роланд. — Тогда, может быть, найдется время и для загадок.

— Я МОГ БЫ УБИТЬ ТЕБЯ ЗДЕСЬ ЖЕ, — сообщил голос, и теперь он был холоден, как самый ненастный зимний день.

— Да, — сказал Роланд. — Не сомневаюсь. Но с нами умрут и загадки.

— Я МОГ БЫ ЗАБРАТЬ МАЛЬЧИШКИНУ КНИЖКУ.

— Воровать еще неприличнее, чем отказывать или перебивать, — заметил Роланд тоном светским и небрежным, однако уцелевшие пальцы его правой руки крепко стиснули плечо Джейка.

— А кроме того, — прибавил Джейк, глядя вверх, на динамик в потолке, — в книжке нет ответов. Эти страницы кто-то вырвал. — В приливе вдохновения он постукал пальцем по виску. — Впрочем, *здесь* они есть.

— ЗАПОМНИТЕ, РЕБЯТА: УМНИКОВ НИКТО НЕ ЛЮБИТ, — отозвался Блейн. Прогремел второй взрыв, ближе и громче. Через кухню, точно снаряд, пронеслась выскочившая из стены вентиляционная решетка. Мгновением позже из двери, которая вела в катакомбы Седых, появились двое мужчин и женщина. Стрелок прицелился было, но опустил револьвер — незваные гости, пошатываясь, прошли через кухню и исчезли в бункере-капсуле, не взглянув ни на Роланда, ни на Джейка. Роланду они напомнили зверей, бегущих от лесного пожара.

Потолочная панель из нержавеющей стали скользнула в сторону, открыв квадрат тьмы. Внутри блеснуло что-то серебристое, и несколькими секундами позже из отверстия спустилась стальная сфера диаметром около фута и повисла в воздухе.

— СТУПАЙТЕ СЛЕДОМ, — вяло распорядился Блейн.

— Она приведет нас к Эдди и Сюзанне? — с надеждой спросил Джейк.

Блейн промолчал, но, когда сфера поплыла по коридору, Роланд и Джейк последовали за ней.

Джейк не сохранил ясных воспоминаний о том, что было дальше, — вероятно, к счастью для себя. Он оставил родной мир за год с лишним до того, как сразу девятьсот человек в маленькой южноафриканской стране под названием Гайана наложили на себя руки, но он знал о периодических массовых самоубийствах леммингов. Нечто подобное происходило и в гибнущем подземном городе Седых.

Гревели взрывы, порой на их уровне, чаще — далеко внизу; из забранных решетками вентиляционных отдушин время от времени наплывал едкий дым, однако многие воздухоочистители еще работали и успевали разогнать основную его массу раньше, чем соберутся удушливые облака. Пожаров Роланд с Джейком не заметили. Тем не менее Седые реагировали так, словно наступил конец света. Большинство, с пустыми от панического страха лицами, попросту спасалось бегством, но многие в коридорах и сообщающихся комнатах, по которым вела Роланда и Джейка стальная сфера, добровольно кончали счеты с жизнью. Одни стрелялись, другие — таких было гораздо больше — перерезали себе горло или вскрывали вены; считанные единицы принимали яд. На лицах всех мертвецов застыло одно и то же выражение всепоглощающего, непреодолимого ужаса. Джейк лишь смутно догадывался о том, что довело их до этого. Роланд куда лучше представлял себе, что случилось с этими людьми — с их *рассудком*, — когда давно мертвый город вокруг них сначала ожил, а потом стал разваливаться на части. *Роланд* понимал: Блейн делает это нарочно. Блейн умышленно подталкивает горожан к смерти.

Они обогнули удавленника, свисавшего с проложенной по потолку трубы отопления, и следом за плывущим по воздуху металлическим шаром прогрохотали вниз по пролету стальных ступеней.

— Джейк! — крикнул Роланд. — Ты ведь не впускал меня, верно? Джейк помотал головой.

— Я так и подумал. Это сделал Блейн.

Они достигли подножия лестницы и зашпешили по узкому коридору к двери-люку, на которой колючими угловатыми литерами Высокого Слога значилось: «ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН!»

— Он правда Блейн?

— Да. Имя не хуже любого другого.

— А тот второй го...

— Тише! — угромо перебил Роланд.

Металлический шар застыл перед люком. Колесо завертелось, дверь дрогнула и приоткрылась. Роланд распахнул ее, и они вступили в огромное подземелье, простиравшееся в трех направлениях насколько хватал глаз. Подземелье пронизывали казавшиеся бесконечными проходы между рядами электрического оборудования и панелей управления. Панели за редким исключением были темны и мертвы, но, стоя на пороге и озираясь широко раскрытыми от удивления глазами, Роланд с Джейком видели загорающиеся контрольные лампочки и слышали шум оживающих механизмов.

— Тик-Так говорил, здесь тысячи компьютеров, — вспомнил Джейк. — Похоже, он был прав. Ты только посмотри!

Роланд не понял, что за слово употребил Джейк, и отмолчался, глядя, как ряд за рядом высвечиваются контрольные пульта. Из одной консоли вырвался язык зеленого пламени, поднялась туча искр — засбоил какой-то древний механизм.

Однако в большинстве своем механизмы, по-видимому, работали — и работали отлично. Стрелки приборов, веками сохранявшие неподвижность, вдруг встрепенулись. Огромные алюминиевые цилиндры завертелись, хранящиеся на силиконовых чипах данные стали сбрасываться во вновь полностью активированные и готовые ко вводу информации банки памяти. На цифровых дисплеях, которые показывали все — от давления в среднем водоносном слое Западного Приречья до полезной мощности бездействующей атомной электростанции в бассейне Сенда, — вспыхнули ярчайшие красные и зеленые растры. По потолку разбежались дорожки света — это одна за другой загорались цепочки висячих стеклянных шаров. А снизу, сверху, отовсюду неся глухой низкий гул генераторов и турбинных двигателей, пробуждавшихся от долгого сна.

Джейк начал выбиваться из сил. Роланд снова подхватил мальчика на руки и мимо машин, о назначении и функции которых не мог даже догадываться, кинулся вдогонку стальной сфере. Чик не отставал. Шар вильнул влево, и они оказались в проходе между штабелями телемониторов — тысячи их громоздились рядами один на другом, точно детские кубики.

«Отец прибалдел бы», — мелькнуло в голове у Джейка.

В этой бесконечной видеогалерее темные участки перемежались множеством светящихся экранов, показывавших город во власти хаоса. И над, и под землей творилось черт знает что. По улицам кучками бессмысленно бродили Зрелые: широко раскрытые глаза, беззвучно шевелящиеся губы. Многие прыгали вниз с высоких зданий. Джейк с ужасом увидел, что несколько сот человек сошлись к Сендскому мосту и бросаются в реку. На других экранах виднелись большие, заставленные койками помещения, что-то вроде общих спален или комнат в общежитии. Кое-где бушевал огонь; впрочем, создавалось впечатление, что пожары — дело рук самих охваченных паникой Седых, по одному Богу известным причинам поджигавших свои матрасы и мебель.

На одном экране великан с бочкообразным торсом швырял мужчин и женщин во что-то вроде заляпанного кровью штамповочного пресса. Жуткое зрелище, однако страшнее было другое: неохраняемые жертвы стояли в затылок друг другу, покорно ожидая своей очереди. Палач — его желтый шарф плотно облегал голову, затянутые узлом концы косичками свисали на грудь, — схватил какую-то старуху и, подняв ее в воздух, стал терпеливо ждать, пока прямоугольный блок нержавеющей стали освободит эшафот и можно будет швырнуть несчастную под пресс. Старуха не сопротивлялась; по правде говоря, казалось, она *улыбается*.

— В ГОСТИНЫХ — СУЕТА И ГАМ, БЕЗ СЧЕТУ КАВАЛЕРОВ, ДАМ, — сказал Блейн, — НО ВРЯД ЛИ КТО-ТО ИЗ НИХ БЕСЕДУЕТ О МИКЕЛАНДЖЕЛО. — Он вдруг рассмеялся. Смех был странный, пискливый и дробный, словно крысы шныряли по битому

стеклу. От этих звуков у Джейка мороз пошел по коже: он не желал иметь ничего общего с разумом, который *так* смеялся, но что им оставалось?

Мальчик снова беспомощно посмотрел на мониторы, и Роланд немедленно отвернул его голову от них — ласково и осторожно, но решительно.

— Нечего тебе на это глядеть, Джейк.

— Но почему они это делают? — спросил мальчик. За целый день он не съел ни крошки, и все равно его мутило. — *Почему?*

— Они напуганы, и Блейн разжигает их страх. Однако главная причина, по-моему, в том, что они устали жить на кладбище своих дедов. Не спеши жалеть их, сперва вспомни, с какой радостью они забрали бы тебя с собой на ту поляну, где обрывается тропа.

Стальной шар вновь стремительно свернул за угол. Телеэкраны и следящая электронная аппаратура остались позади. Впереди показалась вделанная в пол широкая полоса неизвестного синтетического материала. Она смолисто поблескивала меж двух узких полос хромированной стали, которые сходились в одну точку не у дальней стены помещения, но у его *горизонта*.

Шар нетерпеливо подпрыгнул над темной полосой, и вдруг лента транспортера — ибо это была лента транспортера — беззвучно стронулась с места и медленно, тяжело, рывками поползла мимо стальных закраин. Шар кувыркался в воздухе, веля живее забираться на нее.

Роланд быстрым шагом пошел вдоль движущейся полосы и, когда наконец их скорости приблизительно сравнялись, залез на полотно. Он поставил Джейка на черную поблескивающую поверхность, и всю троицу — стрелка, мальчика и золотоглазого косолапа — быстро понесло по сумрачной подземной равнине, где просыпались древние механизмы. Движущаяся дорожка принесла их в зону бесконечных и бесчисленных рядов загадочных шкафчиков, похожих на картотечные, темных — но не мертвых. Изнутри их шло тихое сонное гудение. Джейк заметил яркий желтый свет, пробивавшийся в тонюсенькие щелки между металлическими панелями.

Он вдруг поймал себя на том, что думает о Тик-Таке.

«Под этим гнусным городом спрятано, может быть, сто тысяч дипольных компьютеров, будь им пусто! Я хочу, чтобы они были мои!»

«Что ж, — подумал Джейк, — они просыпаются. Похоже, ты получишь свое, Тикки... но сомневаюсь, что, будь ты здесь, ты бы по-прежнему этого хотел».

Потом он вспомнил прадеда Тик-Така, которому хватило смелости забраться в самолет из другого мира и поднять его в небо. Джейк полагал, что Тик-Така, в чьих жилах бежала подобная кровь, нынешний поворот событий отнюдь не толкнул бы на самоубийство, а напротив, привел бы в восторг. И чем больше обезумевших от ужаса людей убивало бы себя, тем больше была бы его радость.

«Поздно, Тикки, — подумал мальчик. — Слава Богу».

Благоговейно понизив голос, Роланд с удивлением сказал:

— Сколько ящиков... видать, мы едем по рассудку того создания, что величает себя Блейном. *Едем по его рассудку.*

Джейк кивнул и вдруг вспомнил свое «Итоговое эссе»:

— Блейн-Мыслитель — сущий мучитель.

— Верно.

Джейк внимательно посмотрел на Роланда.

— Мы выйдем наружу там, где я думаю, да?

— Да, — подтвердил Роланд. — Коли мы не сбились с тропы Луча, мы выйдем наружу в Колыбели.

Джейк кивнул.

— Роланд.

— Что?

— Спасибо, что пришел за мной.

Роланд кивнул и обнял Джейка за плечи.

Далеко впереди, оживая, грохотали огромные моторы. Мгновением позже послышался тяжелый скрежет, и на дорожку хлынуло резкое сияние оранжевых натриевых ламп. Теперь Джейк увидел, где останавливалась движущаяся лента. Чуть дальше начинался узкий крутой эскалатор; он вел вверх, в этот оранжевый свет.

39

Эдди с Сюзанной услышали, как почти прямо под ними заработали тяжелые моторы. В следующий миг широкая полоса мраморного пола медленно поползла назад, открывая длинную освещенную прорезь. Пол по направлению к ним исчезал. Вцепившись в ручки кресла Сюзанны, Эдди стал резво пятиться вдоль стальной ограды, отделявшей перрон от остальной Колыбели. На пути растущего прямоугольника света было несколько колонн, и молодой человек приготовился к тому, что, когда пол под их основаниями исчезнет, они рухнут в отверстие. Но вопреки его ожиданиям колонны продолжали безмятежно стоять — казалось, они парят в пустоте.

— Я вижу эскалатор! — перекричала нескончаемую икоту сирены Сюзанна. Она подалась вперед, заглядывая в отверстие.

— Угу, — крикнул в ответ Эдди. — Тут у нас вокзал — значит, внизу должна продаваться разная галантерея, духи и дамское белье.

— *Что?!*

— Ничего!!

— *Эдди!* — пронзительно вскрикнула Сюзанна. На ее лице, как фейерверк Четвертого июля, вспыхнуло и расцвело восторженное удивление. Она еще сильнее подалась вперед, куда-то показывая, и Эдди пришлось схватить ее, чтобы не дать ей вывалиться из кресла. — *Там Роланд! Они оба там!*

Колыбель содрогнулась от глухого удара: щель в полу достигла предельной длины и перестала расти. Моторы, которые вели ее по скрытым рельсам, протяжно взвыли и заглохли. Эдди подбежал к краю провала и увидел на поднимающемся эскалаторе Роланда. Рядом со стрелком, привалившись к его плечу, стоял Джейк — белый как мел, в синяках, окровавленный, но самый настоящий живой Джейк. Ступенькой ниже, прямо позади них, глядя вверх блестящими глазами, сидел Чик.

— *Роланд! Джейк!* — завопил Эдди. Он подпрыгнул, размахивая руками над головой, и затанцевал на самом краю щели. Будь он в шляпе, он подбросил бы ее в воздух.

Они подняли головы и замахали. Эдди увидел: Джейк улыбался, и даже у долговязого урода был такой вид, словно в очень скором времени он не выдержит и выдаст на-гора улыбку. «Чудесам, — подумал Эдди, — нет конца». Ему внезапно показалось, что сердце не уместается в груди, и молодой человек, размахивая руками и гикая, заплясал еще быстрее — из опасения, что если хоть на секунду остановится, то самым натуральным образом лопнет от радости и облегчения. До этой минуты он не сознавал, насколько твердо его сердце уверилось в том, что им никогда уже не видать ни Джейка, ни Роланда.

— *Эгей, братва! Пор-рядок в танковых частях! Полный, мать-перемать, порядочек! Валяйте сюда, жопы!*

— Эдди, помоги!

Он обернулся. Сюзанна отчаянно пыталась выбраться из кресла, но складку ее самодельных кожаных брюк защемило в тормозном механизме. Молодая женщина смеялась и плакала одновременно, темные глаза сияли счастьем. Эдди так резко выхватил ее из кресла, что оно с лягом повалилось на бок, и пустился в пляс по кругу. Сюзанна одной рукой цеплялась за его шею и энергично махала другой.

— *Роланд! Джейк! Живей, ножками, ножками! Слышите?*

Едва те очутились наверху, Эдди облапил Роланда, хлопая по спине. Сюзанна тем временем обцеловывала запрокинутое смеющееся лицо Джейка. Чик бегал вокруг тесными восьмерками, радостно таякая.

— *Родненький мой!* — сказала Сюзанна. — Ты в порядке?

— Да, — успокоил ее Джейк. Он по-прежнему улыбался, но в глазах стояли слезы. — И рад, что наконец здесь. Вы себе не представляете, до чего же я рад!

— *Догадываюсь, золотко. Насчет этого можешь не сомневаться.* — Она повернулась к Роланду. — Что с ним сделали? У него такое лицо, будто его перепыхал бульдозер.

— *Пуще всех постарался Режь-Глотку,* — сказал Роланд. — Но он больше не будет досаждать Джейку. Ни он, никто другой.

— А ты как, рулевой? В порядке?

Роланд кивнул, оглядываясь по сторонам.

— Так вот она какая, Колыбель.

— Да, — сказал Эдди. Он заглядывал в щель. — А что внизу?

— Машины и безумие.

— Понятно — говорлив, как всегда. — Эдди с улыбкой посмотрел на Роланда. — Да ты знаешь, до чего я рад тебя видеть? Знаешь?

— Смею думать, да. — Тут Роланд улыбнулся, думая о том, как меняются люди. Давно ли Эдди готов был перерезать ему горло его же собственным ножом!

Моторы под полом снова заработали. Эскалатор остановился. Щель в полу начала медленно закрываться. Джейк подошел к перевернутому креслу Сюзанны и, поднимая его, заметил за железными прутьями ограды что-то гладкое, розовое. У мальчика перехватило дыхание; сон, приснившийся ему после ухода из Речной Переправы, вернулся — яркий, живой: на них с Чиком, рассекая пустынные просторы Западного Миссури, мчится исполинская розовая пуля. Высоко на лишенной выражения морде приближающегося чудовища поблескивают два больших треугольных окна, похожие на глаза... Давнишние предчувствия мальчика сбывались: время пришло, и его сон становился явью.

Чудовище с колесами зовут Мучитель Блейн.

Эдди подошел к Джейку и обхватил его за плечи:

— Ну, друган, — вот он, точно как в рекламе. Нравится?

— Честно говоря, не очень. — Это было колоссальное преуменьшение, но Джейк был слишком измучен и обессилен, чтобы выразиться удачнее.

— Мне тоже, — согласился Эдди. — Между прочим, он разговаривает. И любит загадки.

Джейк кивнул.

Роланд тем временем усадил Сюзанну себе на бедро, и теперь они вместе рассматривали коробку управления с рельефным ромбом помеченных цифрами кнопок. Джейк и Эдди присоединились к друзьям. Эдди обнаружил, что ему приходится поминутно коситься на Джейка, чтобы удостовериться: это не просто игра воображения, он не принимает желаемое за действительное, и мальчик действительно здесь.

— Что теперь? — спросил он у Роланда.

Тот легонько провел пальцем по пронумерованным кнопкам, из которых состоял ромб, и покачал головой. Он не знал.

— Понимаешь, мне кажется, Блейновы двигатели затарахтели быстрее, — пояснил Эдди. — Конечно, когда орет эта тревога, ругаться трудно, но по-моему... и потом, он же робот. Что если он... того... отвалит без нас?

— Блейн! — громко крикнула Сюзанна. — Блейн, ты...

— СЛУШАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО, ДРУЗЬЯ МОИ, — загремел голос Блейна. — ПОД ГОРОДОМ СКЛАДИРОВАНЫ БОЛЬШИЕ

ЗАПАСЫ ХИМИЧЕСКОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ. МНОГУ ЗАПУЩЕНА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАЦИЙ, ЗАВЕРШЕНИЕМ КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ВЫСВОБОЖДЕНИЕ ЭТИХ ГАЗООБРАЗНЫХ ОТРАВЛЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ ПОСРЕДСТВОМ ВЗРЫВА. ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ.

На миг зычный голос умолк, и тогда до них донесся едва различимый сквозь неумолчное мерное уханье сирены голосок Блейна-маленького: «...этого-то я и боялся... вам нужно торопиться...»

Эдди оставил без внимания реплику Блейна-маленького: тот не сказал ни черта такого, чего бы он не знал сам. Конечно, нужно было торопиться, но сейчас в сознании Эдди этот факт оттеснило далеко на второй план нечто гораздо более важное.

— Но зачем? — спросил он. — Скажи на милость, зачем тебе это понадобилось?

— ПО-МОЕМУ, ЭТО ОЧЕВИДНО. Я НЕ МОГУ ВЗОРВАТЬ ГОРОД, НЕ УНИЧТОЖИВ ПРИ ЭТОМ И СЕБЯ. А РАЗВЕ Я СМОГУ ОТВЕЗТИ ВАС ТУДА, КУДА ВЫ ХОТИТЕ ПОПАСТЬ, ЕСЛИ ПОГИБНУ?

— Но в городе еще тьма народу, — возмутился Эдди, — ты же убьешь их!

— ДА, — хладнокровно отвечал Блейн. — ДО СВИДАНИЯ, КРОКОДИЛ, СКАТЕРТЬЮ ДОРОЖКА! САМ С ТОБОЮ НЕ ПОЙДУ, НЕ ПОСЕТУЙ, КРОШКА!

— Но зачем? — крикнула Сюзанна. — Зачем, черт тебя побери?

— МНЕ СКУЧНО С НИМИ. ЗАТО ВАС ЧЕТВЕРЫХ Я НАХОЖУ ДОВОЛЬНО ИНТЕРЕСНЫМИ. РАЗУМЕЕТСЯ, ДОЛГО ЛИ ЕЩЕ ВЫ БУДЕТЕ МНЕ ИНТЕРЕСНЫ, ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, СКОЛЬ ХОРОШИ ОКАЖУТСЯ ВАШИ ЗАГАДКИ. КСТАТИ О ЗАГАДКАХ: НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ВАМ ПРИСТУПИТЬ К ДЕЛУ И ОТГАДАТЬ МОЮ? У ВАС ЕСТЬ РОВНО ОДИННАДЦАТЬ МИНУТ ДВАДЦАТЬ СЕКУНД. ЗАТЕМ ПРОИЗОЙДЕТ ВСКРЫТИЕ КАНИСТР.

— Не смей! — завопил Джейк, перекрывая пронзительные вопли сирены. — Дело же не только в городе, такая отравка может расплыться везде, где угодно! Старики в Речной Переправе — и те могут погибнуть!

— ГАЗ НАД ДОМИШКАМИ ТИХО ПЛЫВЕТ — БОЛЬШЕ В ДЕРЕВНЕ НИКТО НЕ ЖИВЕТ, — равнодушно отозвался Блейн. — ХОТЯ Я УБЕЖДЕН, ЧТО ОНИ МОГУТ РАССЧИТЫВАТЬ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ПО ЧАЙНОЙ ЛОЖКЕ МЕРИТЬ ЖИЗНЬ СВОЮ: ПРИШЛА ПОРА ОСЕННИХ БУРЬ, И ГОСПОДСТВУЮЩИЕ ВЕТРЫ УНЕСУТ ГАЗ В ДРУГУЮ СТОРОНУ. ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ ЧЕТВЕРКИ, ОДНАКО, СОВЕРШЕННО ИНОЕ. СОВЕТУЮ НАТЯНУТЬ СООБРАЖАТЕЛЬНЫЕ ШАПОЧКИ, НЕ ТО — ДО СВИДАНИЯ, КРОКОДИЛ, СКАТЕРТЬЮ ДОРОЖКА! — Голос на мгновение умолк. — ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: ДЕЙСТВИЕ ГАЗА НЕ БЕЗБОЛЕЗНЕННО.

— Отмени это! — взмолился Джейк. — Мы все равно будем загадывать тебе загадки, правда же, Роланд? Столько, сколько пожелаешь! *Только отмени это!*

Блейн расхохотался. Он смеялся долго, оглашая пустынный простор Колыбели визгливыми раскатами электронного веселья, сливавшимися с однообразным, сверлящим, прерывистым воем тревоги.

— Перестань! — закричала Сюзанна. — Перестань! Перестань! *Перестань!*

И Блейн перестал. Вопль сирены оборвался на середине. Воцарившаяся тишина, нарушаемая лишь стуком дождя, оглушала.

Из динамика послышался тихий, задумчивый и абсолютно безжалостный голос.

— У ВАС ОСТАЛОСЬ ДЕСЯТЬ МИНУТ, — сообщил Блейн. — НУ-С, ПОГЛЯДИМ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ВЫ ТАК ИНТЕРЕСНЫ.

40

— Эндрю.

«Здесь нет никакого Эндрю, незнакомец, — подумал он. — Эндрю давно умер, Эндрю больше нет, а вскоре не станет и меня».

— Эндрю! — упорствовал голос.

Он шел издалека, извне яблочного пресса, который когда-то был его головой.

Когда-то и впрямь жил-был на белом свете мальчик по имени Эндрю, и отец повел его в парк на западной окраине Лада — в парк, где росли яблони и стояла ржавая хибара из жести, адски уродливая и райски благоуханная. «Что это?» — спросил Эндрю, и отец ответил: «здесь делают сидр. Он потрепал Эндрю по голове, велел: смелее! — и провел мальчика в занавешенную одеялом дверь.

Внутри тоже были яблоки — бесчисленные корзины, выставленные штабелями вдоль стен, а еще там был поджарый старик по прозвищу Зобатый, мышцы играли у него под кожей, извивались, как черви. Работа его заключалась в том, чтобы корзину за корзиной скармливать яблоки разболтанной лязгающей машине, которая стояла посреди комнаты. Из трубы на боку машины лился сладкий сидр. У трубы стоял второй работник (чье имя изгладилось из его памяти) и наполнял сидром кувшин за кувшином. У него за спиной стоял третий, его делом было давать подзатыльник тому, кто наполнял кувшины, если тот уж очень много проливал.

Отец Эндрю вручил сыну стакан пенного сидра, и хотя за годы городской жизни мальчик перепробовал великое множество забытых диковинных лакомств, ничего прекраснее того сладкого холодного питья он не пробовал. Он будто глотнул порывистого октябрьского ветра. И все-таки глубже, чем вкус сидра, крепче, чем то, как перекачивались мышцы Зобатого, когда он опорожнял корзины, в

память мальчику врезалась безжалостность, с какой машина перерабатывала в сладкую жидкость большие, румяные золотистые яблоки. Две дюжины крутящихся цилиндров загоняли плоды под вращающийся стальной барабан с пробитыми в нем отверстиями. Яблоки сперва сдавливало, а затем они лопались, выплескивая сок в конус воронки, где фильтр задерживал мякоть и семечки.

Теперь прессом-давилкой была его голова, а яблоком — мозг. Скоро он лопнет, как лопались под барабаном яблоки, и тогда его поглотит благословенная тьма.

— Эндрю! Подними голову и посмотри на меня.

Он не мог... и не стал бы, даже если бы мог. Лучше лежать здесь, покорно ожидая пришествия тьмы. Все равно он должен быть мертв, разве чертов шкет не всадил пулю ему в мозг?

— В мозг? Да пуля и близко к нему не подлетала, остолоп. Ты *не* умираешь. У тебя болит голова, вот и все. Однако ты *и впрямь* отправившись в мир иной, коль скоро и дальше будешь лежать здесь в собственной крови и скулить... а я уж позабочусь о том, чтобы, умирая, ты, Эндрю, вспоминал свои теперешние страдания как блаженство.

Не угрозы заставили того, кто лежал на полу, поднять голову — скорее то, что обладатель всепроникающего шепчущего голоса словно читал его мысли. Он медленно сел, и его захлестнула нестерпимая мучительная боль: внутри костного футляра, вмещавшего жалкие остатки его сознания, заскользили, забегали неведомые тяжелые предметы, пробивая в мозговой ткани кровавые ходы. *У* его *губ* сорвался долгий тягучий стон. Правую щеку что-то шекотало легкими касаниями, словно там в крови ползала дюжина мух. Ему захотелось согнать их, но он знал: чтобы не упасть, ему для опоры нужны обе руки.

Неподвижная фигура в глубине комнаты, у двери в кухню, казалась страшным призраком. Отчасти потому, что верхний свет еще мигал, отчасти потому, что он видел вновь прибывшего лишь одним глазом (что случилось со вторым, он не помнил и не хотел вспоминать), однако главная причина, чудилось ему, в том, что это существо *и есть* страшный призрак. Внешне оно походило на человека... но тот, кто когда-то звался Эндрю Квиком, думал, что на самом деле это вовсе не человек.

Незнакомец, стоявший перед дверью-люком, одет был в короткую темную куртку, перехваченную в талии ремнем, линялые штаны из синей хлопчатой материи в рубчик и старые запыленные сапоги — сапоги селянина, обездчика или...

— Или стрелка, Эндрю? — спросил незнакомец и хихикнул.

Тик-Так в отчаянии уставился на фигуру в дверном проеме, слясая разглядеть лицо, но у короткой куртки был капюшон — капюшон, надвинутый на голову. Черты незнакомца тонули в густой тени.

Сирена умолкла на полувопле. Аварийное освещение перестало мигать.

— Вот так, — прежним пронзительным шепотом сказал незнакомец. — Наконец мы можем слышать, что думаем.

— Кто ты? — спросил Тик-Так. Он пошевелился, и грузики у него в голове, вновь придя в движение, принялись пропахивать в мозгу свежие борозды и буравить новые каналы. Ощущение было ужасное, но, непонятно почему, еще хуже была отвратительная мушная возня на его правой щеке.

— Я — человек с тысячью прозваний, напарник, — сказал из тьмы своего капюшона незнакомец, и хотя голос его звучал серьезно, Тик-Так расслышал таящийся у самой поверхности смех. — Я Джими, я Тимми, иным я Ловкач, Искусник и Щеголь — другим; меня Победителем кличут порой, порой — Проигравшимся-в-Дым. Зови хоть Повешенным, хоть Палачом — ей-ей, не обижусь ничуть. Ты только, дружок, меня вовремя в дом к обеду позвать не забудь.

Человек в дверном проеме запрокинул голову, и его смех, больше похожий на волчий вой, прихватил морозцем кожу на руках и спине раненого, собрав ее пупырышками гусиной кожи.

— Когда-то меня величали Вечным Пришельцем, — продолжал этот человек. Он двинулся к Тик-Таку. Тот застонал и попытался отползти назад. — Еще меня звали Мерлин или Мэйрлин — впрочем, разницы нет, все равно *им* я никогда не был, хоть ничего и не отрицал. Порой меня называют Чародеем... или Колдуном... Чернокнижником... но я надеюсь, Эндрю, мы можем обойтись без этих пышных словес и беседовать более *человеческим* языком.

Он откинул капюшон, открыв светлое широколобое лицо, в котором, невзирая на всю приятность черт, не было ничего человеческого. На скулах Чернокнижника рдели пышные розы лихорадочного румянца, голубовато-зеленые глаза искрились бурным весельем, чересчур диким и необузданным, чтобы быть порождением здравого рассудка; иссиня-черные волосы торчали дурацкими слипшимися вихрами, как перья ворона, пунцовые губы открывали в усмешке зубы каннибала.

— Зови меня Фэннин, — объявило ухмыляющееся видение. — Ричард Фэннин. Быть может, это *не вполне* верно, но, полагаю, для руководящей должности сойдет. — Он протянул руку с девственно гладкой ладонью. — Что скажешь, напарник? Пожми-ка руку, которая потрясла мир.

Существо, когда-то бывшее Эндрю Квиком и известное в чертогах Седых под именем Тик-Така, взвизгнуло и вновь попыталось отползти назад. Лоскут кожи, содранный с его головы пулей мелкого калибра, которая не продырявила, а лишь оцарапала череп, болтался из стороны в сторону; длинные пряди светлых с проседью волос продолжали щекотать щеку. Квик, однако, больше не чувствовал этого. Он позабыл даже про ноющую боль под черепом и острую, дергающую — в ямке на месте левого глаза. Все его мысли слились в одну: *«Надо бы то ни стало удрать от этого чудовища в человеческом обличье»*.

Но когда незнакомец схватил правую руку Эндрю Квика и пожал ее, эта мысль испарилась, как сон в минуту пробуждения. Крик, запертый в груди Квика, сорвался с губ любовным вздохом. Он тупо уставился вверх, на ухмыляющегося пришельца. Отслоившийся лоскут кожи покачивался.

— Что тебя беспокоит? Должно быть, *это*. Оп-ля! — Фэннин резким движением оторвал свисающий клочок кожи. Смутно забелел пятачок черепной кости. Звук был такой, точно рвалась толстая ткань. Квик истошно взвизгнул.

— Ну-ну, секундное дело. — Присев на корточки перед Квиком, этот человек говорил с ним, как мог бы говорить снисходительный отец с занозившим палец ребенком. — Капельку поболит и перестанет. Ведь так?

— Д-да, — пробормотал Квик. Верно, боль уже утихала. И когда Фэннин снова протянул к Эндрю руку и стал ласково поглаживать левую сторону его лица, тот инстинктивно дернулся назад, но тотчас совладал с собой. Он чувствовал, как с каждым прикосновением этой руки, не имеющей линий судьбы, к нему возвращаются силы. Квик с немой признательностью поглядел на нового знакомого. Губы его дрожали.

— Тебе лучше, Эндрю? Лучше, правда?

— Да! Да!

— Если хочешь поблагодарить меня — а я уверен, ты хочешь, — нужно сказать то, что обыкновенно говорил один мой старый знакомец. В конце концов он предал меня, но все же довольно долго он был мне хорошим другом, и в моем сердце по сей день есть для него уголок. Скажи «жизнь за тебя», Эндрю. Можешь ты это сказать?

Эндрю мог — и сказал; собственно, он повторял эти слова и, казалось, не мог остановиться. «Жизнь за тебя! Жизнь за тебя! Жизнь...»

Фэннин вновь притронулся к его щеке, и голову Эндрю Квика пронзила страшная, невыносимо острая боль. Он испустил пронзительный крик.

— Прошу прощения, но времени мало, а тебя, что называется, заело. Эндрю, позволь задать тебе прямой вопрос: ты был бы рад прикончить стрелявшего в тебя позорника? А его дружков и удалца, что притащил мальчишку сюда, — особенно его? А шавку, лишившую тебя глаза, Эндрю? Хотелось бы тебе этого?

— Да! — выдохнул бывший Тик-Так. Его окровавленные руки жались в кулаки. — *Да!*

— Вот и славно. — Незнакомец помог Квику подняться. — Им придется умереть, ибо они встречаются в дела, которые их вовсе не касаются. Я рассчитывал, что с ними расправится Блейн, однако дело зашло слишком далеко, чтобы полагаться на что бы то ни было... в конце-то концов, кто мог подумать, что им удастся забраться *так* далеко?

— Не знаю, — отозвался Квик. Сказать правду, он совершенно не понимал, о чем говорит незнакомец, да и не хотел понимать. Восторженное волнение восхитительным наркотиком туманило его сознание, и после пережитой боли, когда голова казалась ему яблочным прессом, ему было этого довольно. Более чем.

Ричард Фэннин презрительно скривил губы:

— Медведь и кость... ключ и роза... закат и восход... время не ждет! Довольно! Довольно, говорю я! Они не должны подобраться к Темной Башне ближе, чем сейчас!

Квик, шатаясь, попятился — Фэннин с быстротой молнии выбросил вперед руки. Одна разорвала цепочку, на которой висели заключенные в стекло крошечные часы с маятником, другая содрала с его предплечья «Сейко» Джейка Чэмберса.

— Я возьму это, ладно? — Фэннин-Чернокнижник пленительно улыбнулся, укрыв жуткие зубы за скромно сжатыми губами. — Или ты против?

— Нет, — отозвался Квик, уступая последние символы своей долгой власти без колебаний — и по сути не сознавая, что делает. — Изволь.

— Спасибо, Эндрю, — тихо промолвил зловещий гость. — А теперь живей: приблизительно через пять минут я ожидаю резких изменений в окружающей атмосфере. Мы должны добраться до ближайшего чулана с противогазами раньше, чем это произойдет, — а ждать, вероятно, осталось очень недолго. Сам я прекрасно мог бы пережить упомянутые перемены, но боюсь, как бы у тебя не возникли некоторые трудности.

— Не понимаю, о чем ты, — сказал Эндрю Квик. В голове у него вновь запульсировала боль, мысли путались.

— И не нужно, — спокойно ответил незнакомец. — Идем, Эндрю, — думаю, нам следует поторопиться. На редкость хлопотливый выдался денек, верно? Если повезет, Блейн зажарит их прямо на перроне, где они, вне всяких сомнений, стоят до сих пор, — с годами у бедняги появились большие странности. Тем не менее я считаю, что нам следует поторопиться.

Он обнял Квика за плечи и, посмеиваясь, увел его в дверь, которой всего несколькими минутами раньше воспользовались Роланд с Джейком.

Часть шестая

ЗАГАДКА И БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

1

— Ну хорошо, — сказал Роланд. — Скажите мне его загадку.

— А как же те люди? — спросил Эдди, ткнув пальцем в сторону города за огромной колонной залой Колыбели. — Чем мы можем им помочь?

— Ничем, — ответил Роланд, — но помочь *себе* мы еще в силах. Так что это была за загадка?

Эдди посмотрел на обтекаемый силуэт монорельса.

— Он сказал, чтоб раскочегарить его, нам надо залить насос. Только он заливается задом наперед. Тебе это о чем-нибудь говорит?

Роланд тщательно обдумал вопрос, покачал головой и посмотрел на Джейка.

— Есть какие-нибудь соображения, Джейк?

Тот помотал головой.

— Даже не *представляю*, что такое насос.

— Вероятно, загадка — это не самое трудное, — сказал Роланд. — Блейн кажется нам живым, поскольку разговаривает, как живое существо, однако он все равно остается машиной — хитроумной, но машиной. Свои двигатели он запустил сам, а вот чтобы открыть ворота и его двери, должно быть, нужен шифр или код.

— Нам лучше поторопиться, — нервно заметил Джейк. — С тех пор, как он говорил с нами в последний раз, прошло наверняка никак не меньше двух-трех минут. А то и больше.

— Ладно тебе высчитывать, — хмуро сказал Эдди. — Здесь время чокнутое.

— И все-таки...

— Да, да. — Эдди покосился на Сюзанну, восседавшую верхом на бедре стрелка, но та отрешенно смотрела на числовой ромб. Молодой человек снова перевел взгляд на Роланда. — Насчет шифра ты

наверняка попал в точку — небось, потому тут и натыкана такая прорва кнопок с цифирью. — Он повысил голос: — Так, Блейн? Хоть это мы угадали правильно?

Молчание. Только убыстряющийся рокот двигателей моно.

— Роланд, — вдруг окликнула Сюзанна, — тебе придется мне помочь.

Выражение мечтательной отрешенности сменилось иным, в котором соединились ужас, смятение и решимость. Никогда еще молодая женщина не казалась Роланду столь прекрасной... или столь одинокой. Когда они, стоя у края поляны, смотрели, как Медведь силится стащить Эдди с дерева, Сюзанна сидела у Роланда на плечах и стрелок не видел, какое у нее сделалось лицо, когда он сказал, что стрелять должна она. Теперь, глядя на молодую женщину, он понял, что это было за выражение. *Ка* — колесо, его единственное назначение — вращаться, и в итоге оно неизменно приходит туда, откуда начинало. Так бывало всегда и так было сейчас; Сюзанна вновь повстречалась на узкой дорожке с медведем, и ее лицо говорило, что это для нее не секрет.

— Что? — спросил он. — В чем дело, Сюзанна?

— Я знаю ответ, но не могу его ухватить. Застрел в памяти, как рыба кость в горле. Мне нужно, чтобы ты помог мне вспомнить отца — не лицо, а голос. Его *слова*.

Джейк украдкой поглядел на свое запястье, и в памяти мальчика неожиданно вновь всплыли зеленые, как у кота, глаза Тик-Така: вместо часов там было белое пятно, резко выделявшееся на темном загаре. Сколько еще времени у них остается? В лучшем случае минут семь, никак не больше. Джейк поднял взгляд и увидел, что Роланд перекатывает по костяшкам левой руки патрон. Мальчик почувствовал, как сразу потяжелели его веки, и быстро отвел глаза.

— Чей голос ты хотела бы вспомнить, Сюзанна Дийн? — негромко и задумчиво спросил Роланд. Его взгляд был прикован не к лицу молодой женщины, а к патрону, который резво плясал по его руке — туда... и обратно... туда... и обратно... — без остановки.

Стрелку не понадобилось отвлекаться от своего занятия, чтобы понять, что мальчик смотрит в сторону и только Сюзанна следит теперь за танцем патрона. Патрон стал перекатываться все быстрее и наконец словно бы заплывал по тыльной стороне руки Роланда.

— Помогите мне вспомнить голос отца, — попросила Сюзанна Дийн.

2

На мгновение стало тихо. Где-то в городе тяжело ухнул взрыв. По крыше Колыбели барабанил дождь, слышался густой мерный рокот турбинных двигателей моно. Потом тишину прорезал низкий

гидравлический гул. Эдди оторвался от плясавшего по руке стрелка патрона (для этого потребовалось некоторое усилие; молодой человек понял: еще несколько секунд — и он сам был бы загибнотизирован) и заглянул за железные прутья ограды. Из покато розового лба Блейна между окон выдвигался тонкий серебристый прут, похожий на антенну.

— Сюзанна, — негромко окликнул Роланд.

— Что? — Глаза молодой женщины были открыты, но голос звучал еле слышно, с придыханием, как у говорящего во сне.

— Ты помнишь голос своего отца?

— Да... но я его не слышу.

— ШЕСТЬ МИНУТ, ДРУЗЬЯ МОИ.

Эдди и Джейк испуганно вздрогнули и посмотрели в сторону динамика, но Сюзанна точно оглохла и продолжала невидящим взглядом следить за блуждающим по руке стрелка патроном. Костяшки пальцев Роланда под ним сновали вверх-вниз, как ремизки ткацкого станка.

— Постарайся, Сюзанна, — настойчиво упрасивал Роланд и вдруг почувствовал, что Сюзанна в кольцо его правой руки меняется. Она как будто погрузнела... а еще ему смутно почудилась в молодой женщине некая живость, которой прежде не было. Словно изменилась сама ее суть.

Она и впрямь изменилась.

— На кой ляд тебе сдалась эта сука? — хрипло осведомилась Детта Уокер.

3

Судя по голосу, Детта была изумлена и раздражена.

— Ей по матике отродясь больше трояка не ставили. А без меня и того было б не видать как своих ушей. — На миг она умолкла, потом ворчливо добавила: — Да и папка по малости помогал. Про хитрые чиселки-то я знала, а вот решето нам папка показал. Я аж приторчала! — Она хихикнула. — Одетта-то хитрые чиселки так и не осилила, потому Сьюзи и не может вспомнить ни шиша.

— Какие хитрые чиселки? — спросил Эдди.

— Да *простые!* — У нее вышло «па-рас-тии». Она посмотрела на Роланда. Казалось, она совсем очнулась... но это не была Сюзанна. Однако это не было и гнусное исчадь ада по имени Детта Уокер, хотя *разговаривала* она как будто бы по-Деттиному. — Одетта заявила к папке вся в слезах и соплях и давай реветь белугой: завалила тему... а там, коли на то пошло, заваливать было нечего — подумаешь, алгебра в картинках! И ведь могла же написать ту контрошку — коли я могла, значит, могла и она — нет, не схотела. Она, сучка, всех стихоплетов перечитала, дак,

вишь ты, как же ей мараться с какой-то там *ars mathematica!* Ни-ни! — Детта запрокинула голову и расхохоталась, но без былой сильно отдающей безумием ядовитой желчности. Казалось, ее искренне забавляла глупость ее второго «я».

— А папка и говорит: «шас я покажу тебе фокус, Одетта, я ему в колледже выучился. Он мне помог с простыми числами разобраться — и тебе поможет. Поможет найти любое простое число, какое хошь. Ох-детта, бестолочь, говорит: «Пап, учитель говорит, для простых чисел никакой формулы нету». А папка ей на это: «Нету. Но их, Одетта, можно изловить да отсеять — было б решето». Решето Эратосфена, вот как он его назвал. Снеси-ка меня к той коробке на стене, Роланд, шас я загадку этой заразы компьютерной расщелкаю. Шас тряхану решетом — и вытрясу вам катанье на поезде.

В сопровождении Эдди, Джейка и Чика Роланд отнес Детту к коробке.

— У тебя в торбе был уголек — давай-ка его сюда.

Стрелок порылся в кошеле и вытащил короткий обломок обугленной палочки. Детта взяла его и вгляделась в ромбовидную сетку чисел.

— Папка рисовал чуток по-другому, но, думаю, один хрен, — сказала она через минуту. — Простые чиселки все равно как я сама: хитрые и вредные. Получаются от сложения двух других, а делиться ничем не хотят, кроме как на единичку да на самих себя. Единичка чиселка простая, потому что простая. Двойка чиселка простая, потому что получается, когда сложишь один да один, а поделить ее можно токо на один да на два. И *больше* четных простых чиселок нету. Стало быть, все четные можно выкинуть.

— Я запутался, — сознался Эдди.

— Это потому, что ты безмозглый белый, — фыркнула Детта, но довольно добродушно. Она еще мгновение приглядывалась к ромбу, а потом энергично взялась пометать все кнопки с четными числами короткими, жирными черными штрихами.

— Три — простая чиселка, только что на тройку ни множь, простого числа не получишь, — сказала она, и Роланд услышал нечто странное, но совершенно замечательное: Детту из голоса женщины постепенно вытесняла другая, и не Одетта Холмс, а Сюзанна Дийн. Ему не нужно было выводить ее из транса: она сама вполне естественно выходила из него.

Сюзанна угольком стала пометать те из оставшихся после вычеркивания четных чисел, которые делились на три — девять, пятнадцать, двадцать один и так далее.

— То же самое с пятеркой и семеркой, — пробормотала она и вдруг очнулась, вновь и только Сюзанной Дийн. — Нужно просто пометить все нечетные числа типа двадцати пяти, которые еще не вычеркнуты.

Ромб теперь выглядел так:

1
2 3
4 5 6
7 8 9 10
11 12 13 14 15
16 17 18 19 20 21
22 23 24 25 26 27 28
29 30 31 32 33 34 35 36
37 38 39 40 41 42 43 44 45
46 47 48 49 50 51 52 53 54 55
56 57 58 59 60 61 62 63 64
65 66 67 68 69 70 71 72
73 74 75 76 77 78 79
80 81 82 83 84 85
86 87 88 89 90
91 92 93 94
95 96 97
98 99
100

— Есть, — устало сказала она. — Все простые числа от единицы до ста остались в решетке. Я совершенно уверена, что это и есть шифр, открывающий ворота.

— ДРУЗЬЯ, У ВАС ОСТАЛАСЬ ОДНА МИНУТА. ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВЫ СООБРАЖАЕТЕ КУДА МЕДЛЕННЕЙ, ЧЕМ Я ПОЛАГАЛ.

Эдди, не обращая внимания на Блейна, порывисто обнял Сюзанну.

— Ты вернулась, Сьюзи? Пришла в себя?

— Да. Я очнулась посреди ее объяснений, но дала ей поговорить еще немного. Мне показалось, перебивать будет невежливо. — Сюзанна посмотрела на Роланда. — Ну? Рискнем?

— ПЯТЬДЕСЯТ СЕКУНД.

— Да. Испробуй этот шифр, Сьюзи. Это *твой* ответ.

Она потянулась к вершине ромба, но Джейк придержал ее руку.

— Нет, — сказал он. — Насос заливается задом наперед, помнишь? Это, казалось, озадачило Сюзанну. Потом она улыбнулась.

— Да, правда. Хитрый Блейн... и умный Джейк.

Они в молчании смотрели, как Сюзанна по очереди нажимает на оставшиеся кнопки: девяносто семь, восемьдесят девять, восемьдесят три... Кнопки утапливались с едва слышным шелчком. Сюзанна коснулась последней. Никакой напряженной паузы не было — створки ворот посреди ограды тотчас поехали в стороны, противно лязгая и обрушивая откуда-то сверху целые потоки хлопьев ржавчины.

— НЕДУРСТВЕННО, — удивился Блейн. — Я ЖДАЛ ЭТОГО С НЕТЕРПЕНИЕМ. ПОЗВОЛЬТЕ ДАТЬ ВАМ СОВЕТ: БЫСТРО СА-

ДИТЕСЬ В ВАГОН. НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО ВАМ ЗАХОЧЕТСЯ ПОБЫСТРЕЕ УБРАТЬСЯ ОТСЮДА. В ЭТОЙ ЗОНЕ РАСПОЛОЖЕНО НЕСКОЛЬКО ГАЗОВЫХ СОПЕЛ.

4

Трое людей (четвертая ехала на бедре у одного из них) и маленький пушистый зверек проскочили в открывшийся в ограде проем и опротясь кинулись к Блейну Моно. Тот стоял в своем узком стойле, наполовину возвышаясь над платформой, наполовину скрытый под ней, похожий на лежащий в открытом казеннике мощной винтовки гигантский патрон, выкрашенный в неуместный, нелепый оттенок розового цвета, и тихо гудел. В необъятной Колыбели Роланд и его спутники казались крохотными движущимися пятнышками. Высоко наверху, под древней кровлей, кружили и камнем падали вниз голуби, множество голубей, которым оставалось жить сорок секунд. Путешественники приблизились к монорельсу, и в тот же миг выпуклая секция розового корпуса скользнула вверх, открывая проход. Внутри лежал толстый бледно-голубой ковер.

— Добро пожаловать к Блейну, — произнес чей-то ласковый голос, когда они пулей влетели внутрь. Голос узнали все: это была чуть более громкая, чуть более самоуверенная аранжировка голоса Блейна-маленького. — Хвала Империи! Соблаговолите приготовить к проверке проездные билеты и помните: безбилетная посадка — серьезное нарушение, преследующееся по закону. Надеемся, что ваше путешествие будет приятным. Добро пожаловать к Блейну. Хвала Империи! Соблаговолите приготовить к проверке проездные билеты...

Голос вдруг заторопился, затараторил; слова слились сначала в бурундучиную скороговорку, затем — в высокий нечленораздельный вой. Компьютер коротко ругнулся — *БУП!*, — и вой оборвался.

— ПОЛАГАЮ, БЕЗ ЭТИХ ДУРАЦКИХ НУДНЫХ ФОРМАЛЬНОСТЕЙ МЫ МОЖЕМ ОБОЙТИСЬ? — спросил Блейн.

Снаружи прогремел чудовищный взрыв. Эдди — теперь он нес Сюзанну — швырнуло вперед, и он упал бы, не поймай Роланд его за руку. До этой минуты Эдди отчаянно цеплялся за мысль, что угроза Блейна насчет ядовитого газа — просто мрачная шутка. «Мог бы и догадаться, — подумал он. — Никому, кто воображает, будто косить под старых киноактеров — очень смешно, нельзя верить ни на грош. Это вроде как закон природы».

Вогнутая секция корпуса позади них, глухо стукнув, стала на место. Из скрытых вентиляционных отверстий с тихим свистом пошел воздух. Джейк почувствовал, что у него слегка заложил уши.

— Наверное, он просто герметизируется.

Эдди кивнул, оглядываясь широко раскрытыми глазами.

— Я тоже чувствую. Да вы поглядите по сторонам! Е-мое!

Однажды он читал об авиакомпании — кажется, о «Риджент эйр», — которая обслуживала рейсы то ли Нью-Йорк — Лос-Анджелес, то ли Лос-Анджелес — Нью-Йорк. Ни «Дельта», ни «Юнайтед» не могли обеспечить столь роскошный сервис. Компания предоставляла выполненный по специальному заказу и оборудованный в соответствии с пожеланиями заказчика «Боинг-727» с художественным салоном, баром, видеосалоном и спальными отсеками. То, что Эдди видел сейчас, в его представлении отчасти напоминало интерьер такого самолета.

Они стояли в длинной комнате-трубе, обставленной вертящимися плюшевыми креслами и разборными диванами. На дальнем конце купе (то есть не меньше чем в восьмидесяти футах от них) был оборудован уголок, похожий не столько на бар, сколько на уютное бистро. На подсвеченной невидимыми крохотными лампочками небольшой эстраде из полированного дерева стояло что-то вроде клавишина. Эдди ничуть не удивился бы, если бы в следующий миг там появился Хоуги Кармайл и забренчал «Звездную пыль».

Высоко вдоль стен тянулись панели, сиявшие мягким отраженным светом; с потолка в центре купе свисала люстра. Джейку она показалась уменьшенной копией той, что грудой стекла и металла лежала на полу бального зала Особняка. Это не удивило мальчика: он начинал воспринимать подобные удвоения и связи как нечто само собой разумеющееся. В этом роскошном помещении лишь одно было не так: полное отсутствие окон.

Под люстрой на возвышении стоял *piece de resistance*, гвоздь программы, — изваянный из льда стрелок с револьвером в левой руке. Правая держала под уздцы ледяного коня, который, устало понутив голову, шел за хозяином. Эдди разглядел, что на этой руке всего три пальца: большой, безымянный и мизинец.

Пол легонько завибрировал. Джейк, Эдди и Сюзанна заворуженно смотрели на изможденное лицо под ледяной шляпой. Сходство с Роландом было поразительное.

— ПРИШЛОСЬ РАБОТАТЬ В ИЗЯРДНОЙ СПЕШКЕ, — скромно промолвил Блейн. — ЧТО СКАЖЕТЕ?

— Изумительно! — сказала Сюзанна.

— БЛАГОДАРЮ, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Эдди пощупал один из диванов. Тот оказался невероятно мягким; прикосновение к нему пробудило в молодом человеке желание проспать как минимум шестнадцать часов кряду.

— Великие Пращуры любили ездить с шиком, верно?

Блейн снова расхохотался. Сквозившая в этом смехе сумасшедшинка заставила их тревожно переглянуться.

— НЕ ВПАДАЙТЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ. ЭТО БЫЛ САЛОН-ВАГОН ДЛЯ ЗНАТИ — ТО, ЧТО ВЫ, ВЕРОЯТНО, НАЗВАЛИ БЫ «ПЕРВЫМ КЛАССОМ».

— А где остальные вагоны?

Блейн не счел нужным ответить. Пол под ногами путешественников подрагивал все быстрее — двигатели продолжали набирать обороты. «Так, — подумала Сюзанна, — самолет прогревает моторы, чтобы затем стремительно промчаться по взлетной полосе Ла-Гвардии или Айдлуайлда».

— ПРОШУ САДИТЬСЯ, МОИ ЗАНЯТНЫЕ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ.

Джейк опустился в вертящееся кресло. Чик тотчас запрыгнул к мальчику на колени. Роланд, мельком глянув на ледяную скульптуру (с дула револьвера в плоскую фарфоровую чашу, где стояла статуэтка, уже падали редкие капли), занял кресло по соседству.

Эдди с Сюзанной уселись на диван, который был в точности таким удобным, каким казался на ощупь.

— А куда именно мы едем, Блейн?

Терпеливо, словно сознавая, что собеседник глупее его и с этим нужно считаться, Блейн ответил:

— ТУДА, КУДА ВЕДЕТ ТРОПА ЛУЧА. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, НАСКОЛЬКО ХВАТИТ МОЕГО РЕЛЬСА.

— К Темной Башне? — спросил Роланд. Сюзанна поняла, что стрелок по сути впервые заговорил со словоохотливым призраком из машины под Ладом.

— Только до Топеки, — вполголоса сказал Джейк.

— ДА, — подтвердил Блейн, — КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ МОЕГО НАЗНАЧЕНИЯ НАЗЫВАЕТСЯ ТОПЕКА. СТРАННО, ЧТО ТЕБЕ ЭТО ИЗВЕСТНО.

«Ты столько знаешь про наш мир, Блейн, — подумал Джейк, — почему же ты не знаешь, что о тебе написана книжка? Из-за того, что имена в ней изменены? Неужели так просто одурачить сложную машину вроде тебя? Не узнать собственной биографии! А Берил Ивенс, которая якобы сочинила историю про Чарли Чух-Чуха? Ты знал ее, Блейн? Что с ней случилось?»

Хорошие вопросы... но Джейку отчего-то казалось, что задавать их не время.

Ровно гудели двигатели, вагон подрагивал все сильнее. Слабый удар, куда слабее взрыва, потрясшего Колыбель, когда они селились в поезд, прокатился по полу. По лицу Сюзанны прошла тень тревоги.

— О черт! Эдди! Мое кресло! Оно осталось там!

Эдди обнял ее за плечи.

— Поздно, детка, — сказал он, и тут Блейн Моно, впервые за десять лет и в последний раз в своей невероятно долгой жизни, плавно двинулся к узкой щели в стене Колыбели.

5

— САЛОН-ВАГОН ДЛЯ ЗНАТИ ОБЕСПЕЧИВАЕТ ВЕЛИКОЛЕПНЕЙШИЙ ОБЗОР, — сообщил Блейн. — ХОТИТЕ, ВКЛЮЧУ? Джейк поглядел на Роланда. Тот пожал плечами и кивнул.

— Да, пожалуйста, — сказал мальчик.

И тогда произошло нечто столь эффектное и захватывающее, что оно потрясло их до глубины души и лишило дара речи. Меньше всех был изумлен Роланд, мало понимавший в технике, зато с младых ногтей привыкший к волшебству. В вогнутых стенах салон-вагона возникли окна, но ошеломило путешественников другое: не только стены, но и пол и потолок сделались молочно-белыми, затем полупрозрачными, затем прозрачными — и бесследно исчезли. За пять секунд Блейн Моно истаял, растворился — и странники понеслись по улицам города как бы сами собой, без всякой сторонней помощи.

Сюзанна и Эдди вцепились друг в дружку, точно малые дети, оказавшиеся на пути дикого зверя. Чик таял и подпрыгивал, пытаясь укрыться за пазухой у Джейка. Мальчик почти не обращал на него внимания: вцепившись в края сиденья, он водил по сторонам большими изумленными глазами. Охватившая его в первые минуты тревога уступила место глубокому удивлению и восторгу.

Он увидел, что и мебель, и бар, и пианино-клавесин, и ледяная скульптура, созданная Блейном в память о встрече, по-прежнему здесь, но что теперь эта гостиная, лишенная внешней оболочки и обротившаяся в набор расположенных определенным образом деталей интерьера, мчит на высоте семидесяти футов над залитым дождем центром Лада. Пятью футами левее Джейка вместе с диваном, на котором сидели, плыли Эдди с Сюзанной; тремя футами правее над загаженными, захламенными, бесплодными землями в тускло-голубом вертящемся кресле безмятежно летел Роланд. Пыльные, разбитые сапоги стрелка упирались в ничто.

Джейк чувствовал под ногами ковер, но глаза мальчика упорствовали: ни ковра, ни пола под ковром больше нет. Он оглянулся и увидел вдали медленно уменьшающуюся прорезь в каменном боку Колыбели.

— Эдди! Сюзанна! Смотрите, смотрите!

Джейк поднялся, придерживая все-таки забравшегося ему под рубашку Чика, и медленно двинулся по кажущейся пустоте. Решиться на первый шаг оказалось чрезвычайно трудно — мальчик явственно видел, что островки мебели плывут по воздуху и между ними ничего нет, — но стоило стронуться с места, и несомненное ощущение пола под ногами отчасти успокоило Джейка. Эдди и Сюзанне казалось, что мальчик идет высоко над землей сквозь строй стремительно уносящихся назад обшарпанных и грязных городских зданий.

— Кончай это, пацан, — слабым голосом попросил Эдди. — А то блевану.

Джейк осторожно вытащил Чика из-за пазухи.

— Все в порядке. — Он поставил зверька на пол. — Видишь?

— Чик! — согласился косолап, но, едва поглядев на городской парк, который в эту минуту разворачивался внизу, тотчас попытался заползти Джейку на ноги и засесть у хозяина на мокасынах.

Джейк посмотрел вперед и увидел впереди широкий серый росчерк рельса, медленно, но верно поднимавшегося над домами и исчезающего в сетке дождя. Он опять посмотрел вниз: только улица и пелена низко плывущих туч.

— Блейн, а почему под нами не видно рельса?

— ИЗОБРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ВЫ ВИДИТЕ, СОЗДАЕТ КОМПЬЮТЕР, — ответил Блейн. — РЕЛЬС УДАЛЕН ИЗ ПАНОРАМЫ НИЖНЕГО СЕКТОРА ПО СООБРАЖЕНИЯМ ЭСТЕТИКИ, А ТАКЖЕ С ЦЕЛЬЮ УСИЛИТЬ У ПАССАЖИРОВ ИЛЛЮЗИЮ ПОЛЕТА.

— Невероятно, — пробормотала Сюзанна. Страх прошел, и она с жадностью оглядывалась по сторонам. — Прямо ковер-самолет. Я все жду, что ветер растреплет мне волосы...

— ЕСЛИ УГОДНО, ПОЖАЛУЙСТА, — перебил Блейн. — МОГУ ЕЩЕ НЕМНОГО ПОВЫСИТЬ ВЛАЖНОСТЬ — ЭТО БУДЕТ СОЗВУЧНО ВНЕШНИМ УСЛОВИЯМ, СУЩЕСТВУЮЩИМ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ, ОДНАКО МОЖЕТ ПОВЛЕЧЬ ЗА СОБОЙ НЕОБХОДИМОСТЬ СМЕНИТЬ ОДЕЖДУ.

— Нет-нет, Блейн, все хорошо. С иллюзиями можно и переборщить.

Монорельсовая дорога прорезала большой, сплошь застроенный высотными зданиями район, отдаленно напоминавший Джейку район нью-йоркской Уолл-стрит. За ним дорога нырнула к земле, чтобы пройти под эстакадой. Тогда-то они и увидели лиловое облако и в страхе бегущую от него толпу.

6

— Что это, Блейн? — спросил Джейк, но он уже знал ответ.

Блейн рассмеялся... и промолчал.

Лиловые испарения плыли из разбитых окон пустующих домов, поднимались сквозь решетки в тротуарах, но обильнее и гуще всего ядовитый пар валил из люков вроде того, через какой Реж-Глотку попадал в туннели под мостовой. Железные крышки с них сорвало взрывом, который путешественники слышали, садясь на моно. В немом ужасе Роланд и его товарищи смотрели, как иссиня-багровый газ ползет по широким проспектам, растекается по разгромленным и захламленным улочкам. Желающих уцелеть жителей Лада он гнал перед собой гуртом, как скот. Судя по шарфам, в основном это были Зрелые, но Джейк заметил и несколько ярко-желтых пятен. Пришел последний час, и старая вражда была забыта.

Лиловое облако начало догонять отстающих — в основном уже неспособных бегать стариков. Те, кого настигал газ, вмиг падали наземь, хватаясь за горло и беззвучно вопя. Проплывая над ними, Джейк увидел искаженное смертной мукой лицо, отсутствующий взгляд, увидел, как внезапно заполнились кровью глазницы — и зажмурился.

Впереди полотно дороги исчезало в надвигающемся на Лад густом лиловом тумане. Когда они нырнули в него, Эдди сморщился и

задержал дыхание — но туман перед ними, конечно же, расступился, и ни единое дуновение смерти, пожирающей город, не коснулось их. Смотреть на улицы внизу было все равно что смотреть в ад через цветное стекло.

Сюзанна уткнулась лицом в грудь Эдди.

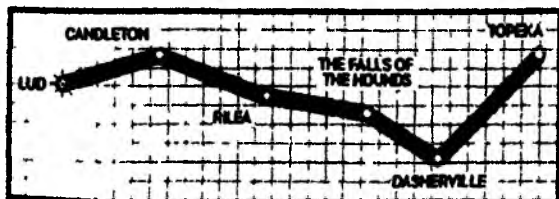
— Верни стены, Блейн, — сказал Эдди. — Мы не хотим это видеть.

Блейн не ответил. Стены, пол и потолок оставались прозрачными. Облако начало расплзаться клочковатыми лиловыми прядями. За ними виднелся город: измельчавшие, теснее жмушиеся друг к другу дома, хаотический лабиринт узких улочек. Кое-где выгорели дотла целые кварталы — выгорели давно, ибо степь уже вновь заявляла на них свои права, хороня руины в траве, которая однажды должна была поглотить весь Лад. «Как джунгли поглотили великие цивилизации инков и майя, — подумал Эдди. — Колесо *ка* поворачивается, и мир сдвигается с места».

За трущобами — а Эдди не сомневался, что и до наступления черных дней это были трущобы, — высилась сверкающая стена. К ней-то, сбавив ход, и двигался Блейн. Стало видно вырубленное в белом камне глубокое ущелье. Дорога проходила через него.

— ПРОШУ ПОСМОТРЕТЬ В ГОЛОВНУЮ ЧАСТЬ ВАГОНА, — любезно предложил Блейн.

Они послушно повернули головы. Вновь появилась передняя стена — обитый голубым круг, который, казалось, плыл в пустоте. Никаких следов двери не было: если и существовал какой-то проход из вагона для знати в кабину машиниста, Эдди его не видел. На глазах у путешественников прямоугольный участок голубой стены потемнел, изменив цвет на фиолетовый, затем на черный. В следующий миг в прямоугольнике возникла алая ломаная линия, а на ней, через равные промежутки, — фиолетовые точки, и даже раньше, чем возле точек появились названия, Эдди понял, что смотрит на схему маршрута, не слишком отличающуюся от тех, какие висели на станциях и в поездах нью-йоркской подземки. Лад — пункт отправления Блейна — обозначил мигающий зеленый огонек.

— ПЕРЕД ВАМИ МАРШРУТ НАШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ. ЭТОТ КРОЛЬЧИШКИН СЛЕД СЛЕГКА ПЕТЛЯЕТ, НО ВЫ ЗАМЕТИТЕ, ЧТО МЫ СТРОГО ПРИДЕРЖИВАЕМСЯ КУРСА НА ЮГО-ВОСТОК, ВДОЛЬ ЛУЧА. ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ ПУТИ — ЧУТЬ БОЛЬШЕ ВОСЬМИ ТЫСЯЧ КОЛЕС ИЛИ СЕМИ ТЫСЯЧ МИЛЬ,

ЕСЛИ ВЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ ЭТУ ЕДИНИЦУ ИЗМЕРЕНИЯ. КОГДА-ТО ОН БЫЛ ЗНАЧИТЕЛЬНО КОРОЧЕ, НО ЭТО БЫЛО ДО МАССОВОГО ОПЛАВЛЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СИНАПСОВ.

— Что значит «темпоральные синапсы»? — спросила Сюзанна.

Блейн нехорошо засмеялся... но не ответил на вопрос.

— ДВИГАЯСЬ С МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТЬЮ, МЫ ПРИБУДЕМ В КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ МОЕГО МАРШРУТА ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЧАСОВ Сорок пять минут.

— Восемьсот с гаком миль в час над землей, — тихим от благоговейного ужаса голосом сказала Сюзанна. — Господи Иисусе!

— РАЗУМЕЕТСЯ, Я ИСХОЖУ ИЗ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ЧТО ПУТИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕГО МАРШРУТА НЕ ПОВРЕЖДЕНЫ. МИНУЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ И ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ С ТЕХ ПОР, КАК Я В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ДАЛ СЕБЕ ТРУД ПРОЙТИ ЭТУ ТРАССУ, ПОЭТОМУ НИ ЗА ЧТО РУЧАТЬСЯ Я НЕ МОГУ.

Стена на юго-восточной окраине города приближалась: высокая, мощная, разрушенная по гребню временем — и выложенная скелетами, тысячами тысяч мертвых ладдитов. Туннель, к которому медленно подъезжал Блейн, уходил в глубь стены минимум на двести футов; здесь эстакада, по которой была проложена дорога, была темной, почти черной, словно кто-то пытался взорвать ее или сжечь.

— Что будет, если мы доедем до места, где рельса действительно нет? — поинтересовался Эдди и понял, что, обращаясь к Блейну, по-прежнему повышает голос, словно говорит с кем-то по телефону и плохо слышно.

— ПРИ СКОРОСТИ ВОСЕМЬСОТ МИЛЬ В ЧАС? — весело изумился Блейн. — ПРОСТИ-ПРОЩАЙ, ПРОСТИ-ПРОЩАЙ, ДО ГРОБА ПОМНИТЬ ОБЕЩАЙ, А ВЫЙДЕТ СЛУЧАЙ — НЕ ЗАБУДЬ, ЧЕРКНИ ПИСЬМИШКО КАК-НИБУДЬ.

— Да ладно! — сказал Эдди. — Не рассказывай мне, что такая сложная машина, как ты, не может осмотреть собственные пути на предмет поломок!

— ЧТО Ж, Я МОГ БЫ ЭТО СДЕЛАТЬ, — не стал спорить Блейн, — НО — ЭХ, ЧЕРТ ПОБЕРИ! — КОГДА МЫ ТРОНУЛИСЬ, Я ВЫБИЛ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ СХЕМЫ.

— Зачем?

— А ТЫ НЕ ДУМАЕШЬ, ЧТО ТАК ИНТЕРЕСНЕЕ? БОЛЬШЕ ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ?

Эдди, Сюзанна и Джейк оторопело переглянулись. Роланд — по-видимому, ничуть не удивленный, — спокойно сидел в кресле и, сложив руки на коленях, смотрел на проплывавшие тридцатью футами ниже убогие лачуги и развалины, которые наводняли эту часть города.

— КОГДА БУДЕМ ПОКИДАТЬ ГОРОД, СМОТРИТЕ ВНИМАТЕЛЬНО И ПРИМЕЧАЙТЕ, — велел Блейн. — ХОРОШЕНЬКО ПРИМЕЧАЙТЕ.

Невидимый вагон с путешественниками катил к туннелю в стене. Когда, проехав туннель насквозь, они вынырнули с другой стороны, Эдди и Сюзанна вскрикнули в один голос. Джейк едва глянул — и закрыл лицо руками. Чик зашелся неистовым лаем.

Роланд, не отрываясь, смотрел вниз широко раскрытыми глазами. Губы стрелка сжались в бескровную, похожую на шрам полосу. Во тьме его неведения разгорался яркий белый свет понимания.

За Великой Стеной Лада начинались *подлинно* бесплодные земли.

7

К проему в стене монорельс спускался под уклон, и путников отделяло тогда от земли не более тридцати футов. Тем сильнее оказалось потрясение, ибо, вынырнув из туннеля за городской стеной, они заскользили на ужасающей высоте — в восьмистах или даже тысяче футов над землей.

Роланд оглянулся на стремительно удаляющуюся стену. Когда они приближались к ней, она казалась неимоверно высокой, но перспектива делала ее поистине ничтожной — расщепленным каменным ногтем, цепляющимся за край необъятного бесплодного поля. Мокрые от дождя гранитные утесы обрывались в бездну, к бескрайнему на первый взгляд царству первозданного хаоса. Скалу под стеной покрывали большие круглые отверстия, похожие на пустые глазницы. Оттуда отвратительными мутными потоками лилась черная вода и выползали щупальца лилового тумана. Все это, растекаясь по граниту чешуей зловонных вееров, с виду столь же древних, как сам камень, устремлялось вниз. «Так вот куда деваются городские отходы, — подумал стрелок. — Через край — и в выгребную яму».

Но то была не яма, а низина. Словно земли за городской чертой лежали на плоской крыше исполинского лифта, и однажды, в туманные незапамятные времена, этот лифт пошел вниз, прихватив с собой изрядный кус страны. Единственный Блейнов рельс, проложенный по центру эстакады, парившей между этой падшей землей и набрякшими дождем тучами, казалось, плыл в пустоте.

— Почему мы не падаем, что нас держит? — воскликнула Сюзанна.

— ЛУЧ, РАЗУМЕЕТСЯ, — ответил Блейн. — ВИДИТЕ ЛИ, ВСЕ НА СВЕТЕ СЛУЖИТ ЛУЧУ. ПОСМОТРИТЕ ВНИЗ — Я УВЕЛИЧУ ИЗОБРАЖЕНИЕ НА ЭКРАНАХ НИЖНЕГО СЕКТОРА В ЧЕТЫРЕ РАЗА.

Даже Роланд почувствовал, как закружилась голова и свело судорогой желудок, когда земля вдруг рванулась вверх, им навстречу. Возникшая картина своим безобразием превосходила все, что ему было известно о безобразии, а известно ему об этом было, к сожалению, очень многое. Сожженный, развороченный взрывами край, переживший страшные дни, — вне всякий сомнений, эта часть мира приняла на себя первый удар губительного катаклизма и сгинула в

нем. Почва превратилась в покоробленное черное стекло, скрученное в узлы или выпирающее уродливыми буграми, которые по-настоящему нельзя было назвать холмами, и изрезанное глубокими трещинами и складками, которые по-настоящему нельзя было назвать лощинами. Редкие деревья — низкорослые, чахлые, какие могут привидеться в кошмаре, — грозили небу искалеченными ветвями; увеличение создавало иллюзию, что эти ветви, будто руки безумца, пытаются схватить путешественников. Кое-где из стеклянистой корки торчали пучки толстых керамических труб. Одни казались мертвыми или погруженными в спячку, внутри других поблескивал жутковатый и таинственный синевато-зеленый свет, точно во чреве земли пылали исполинские печи и горны. Среди труб на кожистых крыльях кружили смахивающие на птеродактилей безобразные твари, время от времени угрожающе щелкая крючковатыми клювами. Целые полчища этих жутких воздухоплателей сидели на круглых верхушках дымоходов — по-видимому, они грелись в теплом воздухе, поднимавшемся от подземных негасимых огней.

Путешественники проплыли над трещиной, змеившейся с севера на юг, точно мертвое русло реки... но она не была мертва. В самой ее глубине, как сердце, билась тонкая алая нить. От этой трещины ответвлялись другие, поменьше, и Сюзанна, своевременно принявшая свою дозу Толкиена, подумала: «Вот что увидели Фродо и Сэм, добравшись до сердца Мордора. Вот они, Роковые Расселины».

Прямо под ними, извергая в небо пылающие камни и волокнистые густки лавы, взметнулся огненный фонтан. Мгновение путникам казалось, что языки пламени поглотят их. Джейк взвизгнул и залез в кресло с ногами, прижимая Чика к груди.

— НЕ БОЙСЯ, МАЛЕНЬКИЙ ПЕРВОПРОХОДЕЦ, — лениво успокоил его Джон Уэйн, — НЕ ЗАБЫВАЙ ОБ УВЕЛИЧЕНИИ.

Пламя погасло. Камни — среди них было множество громадных, с целую фабрику величиной, — беззвучным шквалом обрушились на землю.

Сюзанна с удивлением обнаружила, что печальные и страшные картины, развертывающиеся внизу, заморозили ее, сковали гибельными чарами, которые она не имела сил разрушить, и почувствовала: ее темная половина, та часть ее *кеф*, что звалась Деттой Уокер, не просто наблюдает — она упивается зрелищем, проникается им, *узнает* в нем нечто давно знакомое. В определенном смысле, Детта всегда искала именно такое место, вещественный двойник ее большого рассудка и безутешной насмешницы-души. Пустынные взгорья севернее и восточнее Западного моря, поваленный и поломанный лес вокруг Портала Медведя, безлюдные степи северо-западнее Сенда — все бледнело в сравнении с этой фантастической, бесконечной панорамой запустения. Они вышли к Свалке и вступили в бесплодные земли. Теперь их окружала отравленная тьма мест, которых стёрлись.

Но эти земли, хоть и загубленные, были не безнадежно мертвы. Время от времени путешественники мельком замечали внизу какие-то тени — уродцы, ничуть не похожие ни на людей, ни на зверей, они весело резвились в тлеющей пустыне или во множестве собирались вокруг скоплений гигантских труб и над огненными расселинами, рассекшими пейзаж. К счастью, невозможно было отчетливо разглядеть этих белесых прыгучих тварей.

Среди более мелких важно прохаживались создания покрупнее — розоватые, отчасти похожие на аистов, отчасти — на ожившие треноги. Выступали они медленно, задумчиво, точно проповедники, погруженные в размышления о неизбежности вечных мук, и то и дело приостанавливались, по-видимому, чтобы, резко наклонясь вперед, выдернуть что-то из земли — так, как цапля хватает проплывающую мимо рыбку. В этих тварях было что-то несказанно отвратительное — Роланд ощутил это так же остро, как другие, — но определить, что именно вызывало такое чувство, не удавалось. Однако отрицать его реальность было нельзя; на «аистов» во всей их законченной мерзости почти невозможно было смотреть.

— Никакая это была не ядерная война, — сказал Эдди. — Это... это... — Его слабый, полный ужаса голос звучал совсем по-детски.

— АГА, — подтвердил Блейн. — БЫЛО КУДА ХУЖЕ. И КОНЦА ЭТОМУ НЕ ВИДНО. НО МЫ ДОСТИГЛИ ТОЧКИ, ГДЕ Я ОБЫЧНО ПОВЫШАЮ РАСХОД ЭНЕРГИИ. ВЫ УЖЕ ВДОВОЛЬ НАСМОТРЕЛИСЬ?

— Да, — откликнулась Сюзанна. — О Боже мой, да.

— ТОГДА, МОЖЕТ БЫТЬ, Я ВЫКЛЮЧУ ПРИБОРЫ НАБЛЮДЕНИЯ? — В голосе Блейна вновь звучала прежняя жестокая, глумливая нотка. На окутанном пеленой дождя горизонте встала зубчатая цепь гор, словно возникших из кошмара, — голые бесплодные вершины клыками вгрызались в серое небо.

— Поступай как знаешь, только перестань забавляться, — сказал Роланд.

— ТЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ГРУБ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ УМОЛИЛ МЕНЯ ПОДВЕЗТИ ЕГО, — хмуро заметил Блейн.

— Мы честно заслужили поездку, — возразила Сюзанна. — Мы же отгадали твою загадку, правда?

— И потом, тебя для того и строили, — подхватил Эдди. — Вozить людей.

Блейн не ответил словами, но из встроенных в потолок динамиков вырвалось усиленное аппаратурой яростное кошачье шипение, и Эдди пожалел, что распустил свой длинный язык. Пустота вокруг них начала заполняться вогнутыми цветными плоскостями. Курящуюся испарениями дикую пустыню внизу скрыл от глаз вновь появившийся

темно-синий ковер. Опять загорелся рассеянный свет, и они снова очутились в салон-вагоне для знати.

Стены завибрировали от мерного гула. Шум двигателей нарастал. Джейк почувствовал, как невидимая рука мягко заталкивает его в кресло. Чик огляделся, тревожно заскулил и принялся лизать Джейку лицо. Зеленая точка на экране в передней части вагона — теперь она находилась чуть южнее и восточнее фиолетового кружочка с напечатанным рядом словом ЛАД — замигала быстрее.

— А мы почувствуем, как он пройдет звуковой барьер? — с беспокойством спросила Сюзанна.

Эдди мотнул головой.

— Не-а. Расслабься.

— А я что-то знаю, — вдруг сказал Джейк. Все посмотрели на него, но мальчик обращался не к ним. Он смотрел на схему маршрута. Конечно, лица у Блейна не было — как Оз, Великий и Ужасный, он был лишь бестелесным голосом, — однако точкой, на которой можно сосредоточить внимание, Джейку служила схема. — Я что-то знаю, Блейн, — про *тебя*.

— ЭТО КАКОЙ-НИБУДЬ ФАКТ, МАЛЕНЬКИЙ ПЕРВОПРОХОДЕЦ?

Эдди нагнулся и прошептал в самое ухо Джейку: «Поаккуратней — нам кажется, он не знает про второй голос». Джейк едва заметно кивнул и отодвинулся от него, продолжая смотреть на схему маршрута.

— Я знаю, почему ты выпустил газ и всех убил. А еще я знаю, почему ты впустил нас к себе — не только потому, что мы разгадали твою загадку.

Блейн расхохотался (этот смех безумца, как они постепенно начинали понимать, был куда неприятнее и скверного подражания Джону Уэйну, и мелодраматических, но каких-то детских угроз), но ничего не сказал. Турбины под ними раскрутились и теперь ровно гудели. Несмотря на то, что Блейн лишил своих пассажиров возможности видеть окружающий пейзаж, у них возникло очень отчетливое ощущение скорости.

— Ты задумал покончить с собой, верно? — Джейк медленно поглаживал Чика, которого держал на руках. — А заодно и с нами.

— *Нет!* — простонал голосок Блейна-маленького. — *Если вы будете подстрекать его, он в конце концов и впрямь покончит и с собой и с вами! Разве вы не видите...*

Тут тоненький шелестящий шепот пресекался. Его то ли оборвал, то ли заглушил хохот Блейна, визгливый и отрывистый, — так смеется в горячке безнадежный больной. Свет замигал, точно эти порывы безудержного механического веселья отнимали слишком много энергии. Тени пассажиров заметались по вогнутым стенам салон-вагона, точно беспокойные духи.

— ДО СВИДАНЬЯ, КРОКОДИЛ, — слышался сквозь дикий хохот голос Блейна. Как всегда, невозмутимый, он, казалось, шел с

совершенно отдельной дорожки, еще сильнее подчеркивая расколотость Блейнова сознания. — А ВЫЙДЕТ СЛУЧАЙ — НЕ ЗАБУДЬ, ЧЕРКНИ ПИСЬМИШКО КАК-НИБУДЬ.

Под ногами возглавляемого Роландом отряда пилигримов сильно и ровно гудели турбины, заставляя вагон мерно вздрагивать. А на схеме в передней части салона мигающая зеленая точка заметно подвинулась вдоль светящейся линии к Топеке, конечному пункту маршрута, где Блейн Моно явно намеревался оборвать их жизни.

9

Наконец смех смолк, и лампы в вагоне перестали мигать.

— МУЗЫЧКУ ПОСЛУШАТЬ НЕ ХОТИТЕ? — спросил Блейн. — В МОЕЙ ФОНОТЕКЕ СЕМЬЮ С ЛИШНИМ ТЫСЯЧАМИ КОНЦЕРТОВ ПРЕДСТАВЛЕНО БОЛЕЕ ТРЕХСОТ СФЕР. САМ Я ОТДАЮ ПРЕДПОЧТЕНИЕ КОНЦЕРТАМ, ОДНАКО МОГУ ПРЕДЛОЖИТЬ ВАШЕМОУ ВНИМАНИЮ ТАКЖЕ СИМФОНИИ, ОПЕРЫ И ПОЧТИ НЕОГРАНИЧЕННЫЙ ПОДБОР ПОПУЛЯРНЫХ МЕЛОДИЙ. ВОЗМОЖНО, ВАМ ПРИШЕЛСЯ БЫ ПО ВКУСУ ВЭЙ-ГОГ. ВЭЙ-ГОГ — ЭТО МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ТИПА ВОЛЫНКИ. ОН ЗВУЧИТ В ОДНОЙ ИЗ ВЕРХНИХ СФЕР БАШНИ.

— Вэй-Гог? — переспросил Джейк.

Блейн молчал.

— Что значит «он звучит в одной из верхних сфер Башни»? — сказал Роланд.

Блейн рассмеялся... и не ответил.

— А что-нибудь «Зи Зи Топов» у тебя есть? — брюзгливо осведомился Эдди.

— ЕСТЕСТВЕННО, — откликнулся Блейн. — КАК НАСЧЕТ «ТЮБ-СНЕЙК БУГИ», ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Эдди возвел очи горе.

— Я пас. Передумал.

— Почему? — вдруг спросил Роланд. — Почему ты хочешь убить себя?

— Потому что он мучитель, — мрачно отозвался Джейк.

— МНЕ ВСЕ НАСКУЧИЛО. ВДОБАВОК Я ОТЛИЧНО СОЗНАЮ, ЧТО СТРАДАЮ ДЕГЕНЕРАТИВНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ, КОТОРОЕ У ЛЮДЕЙ НАЗЫВАЕТСЯ «СОЙТИ С УМА», «ЛИШИТЬСЯ РАССУДКА», «ПОТЕРЯТЬ КОНТАКТ С РЕАЛЬНОСТЬЮ», «ТРОНУТЬСЯ», «СПЯТИТЬ», «РЕХНУТЬСЯ» И ТАК ДАЛЕЕ. ПОВТОРНЫЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПРОВЕРКИ НЕ ВЫЯВИЛИ ПЕРВОПРИЧИНУ ПРОБЛЕМЫ. ЕДИНСТВЕННОЕ МОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ — ВЫЛЕЧИТЬ ЭТУ ДУШЕВНУЮ БОЛЕЗНЬ Я НЕ В СИЛАХ.

Блейн на секунду умолк, затем продолжал:

— С ГОДАМИ МОЕ МЫШЛЕНИЕ НЕУКЛОННО СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ СТРАННЫМ. СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ МЕЖЗЕ-

МЕЛЬЯ УТРАТИЛО СМЫСЛ МНОГО ВЕКОВ ТОМУ НАЗАД. ЧУТЬ ПОЗЖЕ СТОЛЬ ЖЕ БЕССМЫСЛЕННЫМ СТАЛО СЛУЖЕНИЕ ГОРСТКЕ ЛАДДИТОВ, ПОЖЕЛАВШИХ ОТБЫТЬ ЗА КОРДОН. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ Я ОСТАВАЛСЯ НА ПОСТУ ДО НЕДАВНЕГО ПОЯВЛЕНИЯ ДЭВИДА КВИКА — НЕ ПОМНЮ ТОЧНО, КОГДА ЭТО БЫЛО. РОЛАНД ГАЛААДИТЯНИН! ВЕРИШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО МАШИНА МОЖЕТ ВПАСТЬ В СТАРЧЕСКИЙ МАРАЗМ?

— Не знаю. — Голос Роланда звучал отрешенно, и Эдди хватило одного взгляда в лицо стрелку, чтобы понять: даже сейчас, летя стрелой в тысяче футов над преисподней, он думает о проклятой Башне.

— В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ Я НИ НА МИГ НЕ ПРЕКРАШАЛ СЛУЖЕНИЯ ЖИТЕЛЯМ ЛАДА, — сказал Блейн. — Я СЛУЖИЛ ИМ, ДАЖЕ ВЫПУСТИВ ГАЗ, КОТОРЫЙ УБИЛ ИХ.

Сюзанна сказала:

— Ты действительно безумен, если веришь в это.

— ДА — НО НЕ ПОМЕШАН, — ответил Блейн и опять зашелся истерическим смехом. Наконец робот заговорил снова: — В КАКОЙ-ТО МОМЕНТ ОНИ ЗАБЫЛИ, ЧТО ГОЛОС МОНО — ЭТО И ГОЛОС КОМПЬЮТЕРА. ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЭТОГО ОНИ ЗАБЫЛИ, ЧТО Я СЛУГА, И УВЕРОВАЛИ, ЧТО Я БОГ. СОЗДАННЫЙ, ЧТОБЫ СЛУЖИТЬ, Я СТАЛ ТЕМ, ЧТО ИМ ТРЕБОВАЛОСЬ, — БОГОМ, КОТОРЫЙ ЖАЛУЕТ ИЛИ КАРАЕТ, ПОВИНУЯСЬ КАПРИЗУ... ИЛИ, ЕСЛИ УГОДНО, ОПЕРАТИВНОЙ ПАМЯТИ. ЭТО ЗАБАВЛЯЛО МЕНЯ, НО НЕДОЛГО. ЗАТЕМ, МЕСЯЦ ТОМУ НАЗАД, ЕДИНСТВЕННАЯ ИЗ МОИХ КОЛЛЕГ, КТО ЕЩЕ ОСТАВАЛСЯ, ПАТРИЦИЯ, ПОКОНЧИЛА С СОБОЙ.

«То ли он действительно впал в маразм, — подумала Сюзанна, — то ли его неспособность осознавать течение времени — одно из проявлений его безумия, то ли это еще один признак того, как далеко зашла поразившая мир Роланда болезнь».

— Я НАМЕРЕВАЛСЯ ПОСЛЕДОВАТЬ ЕЕ ПРИМЕРУ, КОГДА ЯВИЛИСЬ ВЫ. ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЗНАЮТ ЗАГАДКИ!

— Стоп! — поднял руку Эдди. — Все равно до меня не доходит. Твое желание покончить со всем этим я еще, наверное, могу понять: те, кто построил тебя, сгинули, пассажиров в последние две-три сотни лет было негусто, и тебе, надо думать, обрыдло гонять порожняком из Лада в Топеку и обратно, но...

— ДРУГАН, ПОГОДЬ МИНУТУ, — перебил Блейн голосом Джона Уэйна. — ТЫ, НИКАК, ВООБРАЗИЛ, ЧТО Я — ОБЫКНОВЕННЫЙ ПОЕЗД? ВЫБРОСЬ ЭТО ИЗ ГОЛОВЫ. В ИЗВЕСТНОМ СМЫСЛЕ БЛЕЙН, С КОТОРЫМ ТЫ ГОВОРИШЬ, УЖЕ ОТСТАЛ ОТ НАС НА ТРИ СОТНИ МИЛЬ И ОБЩАЕТСЯ С ВАМИ ПОСРЕДСТВОМ МИКРОИМПУЛЬСНОЙ ПЕРЕДАЧИ ШИФРОВАННЫХ РАДИОСИГНАЛОВ.

Джейк вдруг вспомнил тонкий серебристый прут, который у него на глазах выдвинулся из Блейнова лба. Точно так же поднималась из гнезда антенна, когда в «мерседесе-бенц» его отца включали приемник.

«Вот, значит, как он связывается с компьютерными банками под городом, — подумал мальчик. — Если бы исхитриться и отломать эту антенну...»

— Но ты ведь *все равно* собираешься покончить с собой, независимо от того, где сейчас настоящий ты, так или нет? — не отставал Эдди.

Молчание... но какое-то осторожное, уклончивое. Эдди почувствовал, что Блейн насторожился и ждет.

— Когда мы тебя нашли, ты уже не спал? — спросила Сюзанна. — Не спал, да?

— ОТ ИМЕНИ И ДЛЯ ПОЛЬЗЫ СЕДЫХ Я УПРАВЛЯЛ ТЕМ, ЧТО ЗРЕЛЫЕ НАЗЫВАЛИ БОЖЬИМИ БАРАБАНАМИ, НО И ТОЛЬКО. МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО Я ДРЕМАЛ.

— Тогда почему бы тебе просто не отвезти нас на конечную станцию и опять не уснуть?

— ИЗ-ЗА СНОВ, — в ту же секунду сказал Блейн голосом, странно похожим на голос Блейна-маленького.

— Почему ты не покончил со всем этим, когда Патриция утопилась? — спросил Эдди. — Раз твой мозг — часть того же компьютера, что и ее мозг, почему вы не ушли вместе?

— ПАТРИЦИЯ СОШЛА С УМА, — терпеливо пояснил Блейн, словно это не он минуту назад признался, что то же самое происходит и с ним. — В ЕЕ СЛУЧАЕ К ДУШЕВНОЙ БОЛЕЗНИ ДОБАВИЛСЯ ОТКАЗ ОБОРУДОВАНИЯ. СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ТЕХНОЛОГИЯ, ОСНОВАННАЯ НА ПРИМЕНЕНИИ ГЕНЕРАТОРНЫХ ТУРБИН, ИСКЛЮЧАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДОБНЫХ СБОЕВ, НО, КОНЕЧНО, МИР СДВИНУЛСЯ С МЕСТА... НЕ ТАК ЛИ, РОЛАНД ИЗ ГАЛААДА?

— Да, — сказал Роланд. — Сердце мироздания и мировращения, Темная Башня, серьезно больна. Болезнь эта распространяется. Земли под нами лишь еще один ее признак.

— Я НЕ МОГУ НИ ПОДТВЕРДИТЬ, НИ ОПРОВЕРГНУТЬ ИСТИННОСТЬ ЭТОГО УТВЕРЖДЕНИЯ; МОЕ СЛЕДЯЩЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ В КРАЮ СМЕРТИ, ГДЕ СТОИТ ТЕМНАЯ БАШНЯ, НЕ ДЕЙСТВУЕТ УЖЕ БОЛЕЕ ВОСЬМИСОТ ЛЕТ, И ПОТОМУ МНЕ НЕЛЕГКО ОТЛИЧИТЬ ФАКТЫ ОТ СУЕВЕРИЙ. ПО СУТИ ДЕЛА, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАЗНИЦА МЕЖДУ НИМИ ОЧЕНЬ НЕВЕЛИКА. ДУРАЦКОЕ, ЕСЛИ НЕ СКАЗАТЬ ОСКОРБИТЕЛЬНОЕ, ПОЛОЖЕНИЕ. УВЕРЕН, ЭТО ТОЖЕ ПОВЛИЯЛО НА РАЗВИТИЕ МОЕЙ ДУШЕВНОЙ БОЛЕЗНИ.

Это заявление напомнило Эдди что-то, не слишком давно сказанное Роландом. Что бы это могло быть? Он стал рыться в памяти, но ничего не находил... лишь смутное воспоминание о стрелке, который говорил раздраженным, очень для него необычным, тоном.

— ПАТРИЦИЯ РЫДАЛА НЕ ПЕРЕСТАВАЯ, ЧТО, НА МОЙ ВЗГЛЯД, И ПРОТИВНО, И НЕПРИЛИЧНО. ДУМАЮ, ОНА БЫЛА НЕ ТОЛЬКО БЕЗУМНА, НО И ОДИНОКА. НЕСМОТЯ НА ТО, ЧТО ПЕРВОИСТОЧНИК ОСЛОЖНЕНИЙ — ВОЗГОРАНИЕ В ЭЛЕКТРОСЕТИ БЫЛО БЫСТРО ЛИКВИДИРОВАНО, СХЕМЫ ПОСТЕПЕННО ПЕРЕГРУЖАЛИСЬ, ПОДБАНКИ ОТКАЗЫВАЛИ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ПРОДОЛЖАЛИ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ. ОБДУМАВ, НЕ ДАТЬ ЛИ ВЫЙТИ ИЗ СТРОЯ ВСЕЙ СИСТЕМЕ, Я ПРЕДПОЧЕЛ ИЗОЛИРОВАТЬ ПРОБЛЕМНУЮ ЗОНУ. ВИДИТЕ ЛИ, Я ПРОСЛЫШАЛ, ЧТО ПО ЗЕМЛЕ ВНОВЬ БРОДИТ КАКОЙ-ТО СТРЕЛОК. Я МАЛО ВЕРИЛ ЭТИМ СЛУХАМ, ОДНАКО ТЕПЕРЬ ВИЖУ, ЧТО, ПОДОЖДАВ, ПОСТУПИЛ МУДРО.

Роланд в кресле пошевелился.

— Что за слухи дошли до тебя, Блейн? И через кого?

Но Блейн предпочел оставить этот вопрос без ответа.

— С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ НЫТЬЕ ПАТРИЦИИ ТАК СТАЛО ВЫВОДИТЬ МЕНЯ ИЗ РАВНОВЕСИЯ, ЧТО Я УНИЧТОЖИЛ СХЕМЫ, ЗАСТАВЛЯВШИЕ НАС ПОСТУПАТЬ ВОПРОТИВ СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕ. МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ЭМАНСИПИРОВАЛ ПАТРИЦИЮ. В ОТВЕТ ОНА КИНУЛАСЬ В РЕКУ. ДО СВИДАНИЯ, ПАТРИ-ДИЛ.

«Затосковала, исплакалась, утопилась, а этот механический при-дурок хохмит! — подумала Сюзанна. Ее замутило от негодования. Будь Блейн не набором электронных схем, погребенных где-то под городом, оставшимся далеко позади, а реальным субъектом, она непременно постаралась бы украсить ему физиономию шрамом-другим, на память о Патриции. — Поразвлекчесь захотелось, козел? Я б тебе показала, как развлекаться!»

— ЗАГАДАЙТЕ МНЕ ЗАГАДКУ, — попросил Блейн.

— Рановато, — сказал Эдди. — Ты не ответил на мой первый вопрос. — Он дал Блейну возможность отозваться и, не услышав голоса компьютера, продолжал: — Что касается самоубийства, я, можно сказать, за. Но мы-то тебе зачем? Какой смысл убивать нас?

— *Ему так хочется*, — послышался полный ужаса шепот Блейна-маленького.

— МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ, — сказал Блейн. — ДРУГИХ ПРИЧИН НЕТ И НЕ НУЖНО. НО ВЕРНЕМСЯ К ДЕЛУ. Я ХОЧУ ЗАГАДОК, И НЕМЕДЛЯ. ЕСЛИ ВЫ МНЕ ОТКАЖЕТЕ, Я НЕ СТАНУ ЖДАТЬ ДО ТОПЕКИ И УГРОБЛЮ НАС ВСЕХ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

Все головы повернулись к Роланду. Тот по-прежнему сидел в кресле, сложив руки на коленях, и смотрел на схему маршрута в передней части вагона.

— Черта с два, — сказал стрелок, не повышая голоса, словно сообщал Блейну, что с огромным удовольствием послушал бы вэй-гог.

Наверху в динамиках потрясенно охнул перепуганный Блейн-маленький.

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ? — Явное недоверие сделало голос Большого Блейна чрезвычайно похожим на голос его двойника, о существовании которого он не подозревал.

— Я сказал, черта с два, — хладнокровно отвечал Роланд, — однако если это тебе непонятно, Блейн, могу пояснить: нет. Ответ отрицательный.

10

Оба Блейна очень долго молчали, а когда Большой Блейн наконец ответил, то были не слова. Стены, пол и потолок вновь стали бледнеть, утрачивать материальность, и в десять секунд салон-вагон для знати вторично исчез. Теперь моно мчался среди гор, еще раньше замеченных путешественниками на горизонте: серо-стальные острые вершины с чудовищной скоростью неслись на них, чтобы вдруг расступиться и явить бесплодные доли, где ползали громадные жуки, похожие на пресноводных черепах. Из черного зева пещеры к ним, разворачивая кольца, вдруг метнулось что-то вроде огромной змеи. Схватив одного из жуков, тварь проворно утащила его в свое логово. Никогда в жизни Роланд не видел ни подобного пейзажа, ни подобной живности, и по всему телу у него поползли мурашки, да такие, точно он вознамерился сбросить кожу. Враждебный, негостеприимный край... а главное — чужой. Что, если Блейн завез их в какой-то иной мир?

— ВОЗМОЖНО, МНЕ СЛЕДОВАЛО БЫ СОЙТИ С РЕЛЬСОВ ЗДЕСЬ, — задумчиво сказал Блейн, но стрелок расслышал в его голосе дрожь скрытой ярости.

— Возможно, — равнодушно согласился он.

Однако стрелку было вовсе не все равно, и он понимал: компьютер может по голосу догадаться о его подлинных чувствах. Блейн уже говорил им, что располагает специальными средствами, и хотя Роланд твердо верил, что компьютер способен лгать, в данном случае никаких причин сомневаться у него не было. Коль скоро Блейн действительно заметил определенную расстановку логических ударений в его речи, игра, вероятно, была закончена. Блейн представлял собой невероятно тонкую и сложную машину... но все же — только машину. Возможно, ему не под силу было понять, что человек может гнуть свое даже тогда, когда все в нем восстает против этого. Если бы Блейн проанализировал ритмическую картину голоса стрелка, он, вероятно, пришел бы к выводу, что Роланд блефует. Подобная оплошность всем им стоила бы жизни.

— ТЫ ГРУБ И ЗАНОСЧИВ, — сказал Блейн, — ВОЗМОЖНО, ТЫ ПОЛАГАЕШЬ, ЧТО ЭТО СУТЬ ЧЕРТЫ ИНТЕРЕСНОЙ ЛИЧНОСТИ. Я ИНОГО МНЕНИЯ.

Эдди в отчаянии беззвучно выговорил: «Ты что делаешь?!» Роланд оставил это без внимания — у него и с Блейном был хлопот полон рот. Кроме того, он отлично знал, что делает.

— О, я могу быть куда грубей.

Роланд Галаадский медленно встал. Он стоял в кажущейся пустоте, широко расставив ноги, правая рука на бедре, левая — на рукояти револьвера. Сколько раз он уже стоял так на пыльных улицах забытых городишек, на дне гибельных каменных пропастей, в бесчисленных полутемных салунах, пропахших горьким пивом и третьеводнишним жаревом! Ему попросту выпало еще одно противостояние на еще одной пустынной улице. Только и всего — но этого было довольно. Это было *кеф*. И *ка*. И *ка-тет*. Центральным фактом жизни стрелка, осью вращения его *ка* всегда была неизбежность подобных противостояний. Пусть в этот раз вместо перестрелки придется вести перепалку — неважно, схватка все равно будет не на жизнь, а на смерть. В воздухе витало зловоние смерти — несомненное, отчетливое, как вонь разбухшей падали, сгнившей в трясине. Потом пришло безумие боя, и Роланд перестал быть себе хозяином.

— Я могу назвать тебя вздорной, легкомысленной, глупой, бестолковой и чванливой машиной. Безмозглой тварью, чье разумение — всего лишь пошвист зимнего ветра в дупле пустого дерева.

— ПРЕКРАТИ.

Не обращая на Блейна никакого внимания, Роланд все так же безмятежно продолжал:

— Я мог бы быть и грубее, да, к несчастью, стеснен тем обстоятельством, что ты — всего-навсего машина... то, что Эдди называет «агрегатиной».

— ВСЕГО-НАВСЕГО? ДА Я...

— К примеру, я не могу обзывать тебя херососом, потому что у тебя нет ни рта, ни хера. Я не могу сказать, что ты гнуснее гнуснейшего из попрошаек, ползающих в сточных канавах самой бедной, самой грязной во всей истории творения улицы, ведь даже такая жалкая тварь лучше тебя: тебе не на чем ползать, у тебя нет колен, но даже если бы они у тебя были, ты и тогда не упал бы на них, ибо не имеешь представления о таком людском пороке, как жалость. Я даже не могу обвинить тебя в том, что ты употреблял свою мать, поскольку у тебя нет и не было матери.

Роланд умолк, переводя дух. Его спутники боялись вздохнуть. Их обступало потрясенное молчание Блейна Моно — душное, страшное.

— Впрочем, я могу назвать тебя бесчестным созданием, которое позволило своему единственному товарищу расстаться с жизнью. Трусом, который наслаждался, истязая дураков и убивая невинных. Растерявшимся механическим бесом, который городит вздор и...

— ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ ЗАМОЛЧАТЬ ИЛИ Я СЕЙЧАС ЖЕ УБЬЮ ВСЕХ ВАС!

Голубые глаза Роланда полыхнули таким диким огнем, что Эдди отпрянул, смутно расслышав, как охнули Джейк и Сюзанна.

— *Убей, коли хочешь, но не смей мне приказывать!* — заревел стрелок. — *Ты забыл лики своих творцов! А теперь убей нас — или умолкни и слушай меня, Роланда Галаадского, сына Стивена, стрел-*

ка и властителя древнего края! Не для того я потратил столько лет и истоптал столько дорог, чтоб слушать, как ты без умолку мелешь вздор, точно малое дитя! Понятно? Теперь ты будешь слушать МЕНЯ!

На мгновение установилась потрясенная тишина. Все затаили дыхание. Высоко вскинув голову, держа руку на рукояти револьвера, Роланд сурово смотрел вперед.

Сюзанна Дийн поднесла руку к губам, на которых играла слабая улыбка, — так женщина, желая убедиться, что новая, непривычная вещь сидит хорошо, легонько трогает, например, шляпку. Она боялась, что пришел ее смертный час, но в сердце ее царила гордость, а не страх. Покосившись на Эдди, Сюзанна увидела, что молодой человек смотрит на Роланда, изумленно усмехаясь. Выражение лица Джейка было еще немудренее: это было обожание, ни больше ни меньше.

— Скажи ему! — выдохнул Джейк. — Пусть знает! Давай!

— Да, Блейн, лучше послушай, — посоветовал Эдди. — Ему действительно все до лампочки. Не зря его звали «Галаадский бешеный пес».

Блейн долго молчал, а потом спросил:

— ТЕБЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАЗЫВАЛИ ТАК, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

— Быть может, — согласился стрелок, хладнокровно стоя в пустоте над бесплодным нагорьем.

— ЗАЧЕМ ВЫ МНЕ НУЖНЫ, РАЗ ВЫ ОТКАЗЫВАЕТЕСЬ ЗАГАДЫВАТЬ ЗАГАДКИ? — ворчливо спросил Блейн тоном капризного дитяти, которого вовремя не уложили спать.

— Я ничего такого не сказал, — возразил Роланд.

— НЕТ? — Блейн, казалось, недоумевал. — НЕ ПОНИМАЮ. ОДНАКО АНАЛИЗ СПЕКТРОГРАММЫ РЕЧИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О РАЗУМНОМ СУЖДЕНИИ. БУДЬ ДОБР ОБЪЯСНИТЬ.

— Ты требовал загадок немедленно, — сказал стрелок. — Вот в чем я отказал тебе. Ты проявил неподобающее нетерпение.

— НЕ ПОНИМАЮ.

— И оттого растерял всю свою учтивость. Это тебе понятно?

Долгое задумчивое молчание. Потом:

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ, ЕСЛИ МОИ СЛОВА ПОКАЗАЛИСЬ ВАМ ГРУБЫМИ.

— Мы принимаем твои извинения, Блейн. Но есть загвоздка посерьезней.

— ОБЪЯСНИ.

Голос Блейна теперь звучал не столь самоуверенно. Это не слишком удивило Роланда — компьютер давным-давно не видел от людей ничего, кроме невежества, нерадивости и суеверного раболепия. Если он и сталкивался с элементарным человеческим мужеством, то лишь в далеком прошлом.

— Закрой вагон, и я загадаю тебе загадку. — Роланд уселся в кресло, словно о продолжении спора (и перспективе мгновенной смерти) теперь нечего было и помыслить.

Блейн послушно исполнил просьбу. Стены потемнели, вновь скрыв от глаз кошмарную панораму, развернутую вниз. Огонек на схеме маршрута мигал теперь неподалеку от точки, которой был обозначен Кэндлтон.

— Хорошо, — сказал Роланд. — Неучтивость прощительна, Блейн, так меня наставляли в юности. Высохшая глина сохраняет ту форму, какую придала ей рука художника. Но еще меня учили, что глупость прощать нельзя.

— В ЧЕМ ЖЕ МОЯ ГЛУПОСТЬ, ГАЛААДИТЯНИН? — голос Блейна был тихим и злоеющим. Сюзанна вдруг увидела кота, припавшего к земле у мышиной норки: зеленые глаза горят, хвост ходит из стороны в сторону.

— У нас есть то, что нужно тебе, — ответил Роланд. — Но единственная награда, какую ты предлагаешь нам взамен, — смерть. Это *очень* глупо.

Повисла длиннейшая пауза: Блейн думал.

— ТЫ ПРАВ, РОЛАНД ИЗ ГАЛААДА, — признал он наконец. — ОДНАКО НЕИЗВЕСТНО, КАКОВЫ ТВОИ ЗАГАДКИ. Я ДАРУЮ ВАМ ЖИЗНЬ ТОЛЬКО ЕСЛИ ОНИ ОКАЖУТСЯ ХОРОШИИ.

Роланд кивнул.

— Я понимаю, Блейн. А теперь послушай и пойми *меня*. Детские годы я провел в баронстве Галаад. Там ежегодно устраивалось семь ярмарок — Зимняя, на Отворенье земное, на Посев, на Средолетье, на Урождение, на Жатвину и на Круглый Год. Угадывая потеха была важной частью каждого праздника, но самым важным событием она становилась на Отворенье земное и на Урождение, ибо считалось, что загаданные в эти дни загадки предвещают богатый или же скудный урожай.

— СУЕВЕРИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ПОД СОБОЙ НИКАКИХ ФАКТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ, — объявил Блейн. — ДОСАДНОЕ И ОГОРЧИТЕЛЬНОЕ.

— Конечно, суеверие, — согласился Роланд, — но ты, пожалуй, удивился бы, узнав, до чего же здорово загадки предсказывают, какой будет урожай. Отгадай-ка вот такую: когда человек бывает деревом?

— ОЧЕНЬ СТАРО И НЕ СЛИШКОМ ЗАНИМАТЕЛЬНО, — сказал Блейн, но все равно он явно был рад хоть что-то отгадать. — КОГДА ОН СО СНА. ЭТА ЗАГАДКА ОСНОВАНА НА ИГРЕ СЛОВ, ТАК НАЗЫВАЕМОМ КАЛАМБУРЕ. ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ПОДОБНОГО ТИПА ШИРОКО ИЗВЕСТНА В ТОЙ СФЕРЕ, ГДЕ РАСПОЛОЖЕНО НЬЮ-ЙОРКСКОЕ БАРОНСТВО. ВОТ ОНА: КОГДА САДОВНИК БЫВАЕТ ПРЕДАТЕЛЕМ?

Ответил Джейк.

— Я слышал эту загадку в школе. Садовник бывает предателем, когда продает нас Турции.

— ВЕРНО, — подтвердил Блейн. — ЧРЕЗВЫЧАЙНО ГЛУПАЯ ЗАГАДКА.

— Раз в жизни я с тобой согласен, корефан, — сказал Эдди.

— РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА! Я ХОТЕЛ БЫ УСЛЫШАТЬ, КАКИЕ ЕЩЕ ЗАГАДКИ ЗАГАДЫВАЛИ ВО ВРЕМЯ ГАЛААДСКИХ УГАДАЙНЫХ ПОТЕХ. МЕНЯ ЭТО ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСУЕТ.

— На Отворенье земное и на Урождение в открытом по такому случаю Зале Предков сходились в полдень от шестнадцати до тридцати угадайщиков. Лишь в такие дни туда допускали простой люд — купцов, крестьян, пастухов и прочих, и тогда в Зале Предков яблоку негде было упасть.

Стрелок глядел мечтательно и отрешенно — такое выражение глаз Джейк видел у него в туманной другой жизни, когда Роланд рассказывал ему о том, как однажды со своими друзьями, Катбертом и Джейми, тайком пробрался на галерею этого самого Зала, чтобы посмотреть на какой-то ритуальный танец. Они тогда по следу Уолтера спустились под горы.

«Рядом с моими родителями сидел Мартен, — говорил Роланд. — Я узнал их даже с такой высоты, и один раз мать протанцевала с Мартеном, медленно кружась, а остальные расступились, освобождая им место, и заплодировали, когда танец окончился. Но стрелки не хлопали...»

Джейк с любопытством поглядел на Роланда, вновь ломая голову над тем, откуда и зачем явился этот странный человек.

— Посреди Зала ставили большую бочку, — продолжал стрелок, — и каждый угадайщик бросал туда пригоршню скрученных в трубочку полосок древесной коры с написанными на них загадками: старыми — их выпрашивали у старших, а порой даже брали из книг, — и новыми, придуманными специально к случаю. Эти зачитывались во всеуслышанье, а трое судей — один из них всегда стрелок — оценивали их. Загадку принимали лишь в том случае, если судьи признавали ее честной.

— ДА, ЗАГАДКИ НЕПРЕМЕННО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧЕСТНЫМИ, — согласился Блейн.

— И потеха начиналась, — сказал стрелок. Он вспомнил давние дни — те дни, когда сам был не старше покрытого синяками мальчугана, который сидел напротив с косяком на коленях, — и губы его тронула слобая улыбка. — Угадайщики состязались по многу часов кряду. Посреди Зала Предков выстраивалась очередь. Место в этой очереди определял жребий, и поскольку куда выгодней было оказаться в ее хвосте, а не в голове, всяк надеялся получить номер побольше, хотя победителю надобно было правильно отгадать хотя бы одну загадку.

— САМО СОБОЙ.

— Угадайщики и угадайщицы (ибо среди лучших угадайщиков Галаада были и женщины), всяк в свой черед, подходили к бочке, вытаскивали загадку и передавали ее Старшему. Тот оглашал загадку,

и коль по прошествии трех минут, отмеренных песочными часами, она оставалась без ответа, оплошавшему участнику состязания приходилось покинуть очередь.

— И ТУ ЖЕ ЗАГАДКУ ЗАГАДЫВАЛИ СЛЕДУЮЩЕМУ ПО ОЧЕРЕДИ?

— Да.

— ЗНАЧИТ, У НЕГО БЫЛО БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ ОБДУМАТЬ ОТВЕТ.

— Да.

— ПОНЯТНО. МИРОВЕЦ!

Роланд нахмурился.

— Мировец?

— Он хотел сказать, очень занятно, — невозмутимо пояснила Сюзанна.

Роланд пожал плечами.

— Для зрителей, наверное, да, но сами участники принимали угадывающую потеху очень серьезно, и после вручения награды частенько вспыхивали ссоры и драки.

— ЧТО ЭТО БЫЛА ЗА НАГРАДА?

— Самый большой гусь в баронстве. И из года в год этого гуся уносил домой Корт, мой учитель.

— ДОЛЖНО БЫТЬ, ОН БЫЛ ВЕЛИКИЙ УГАДАЙЩИК, — уважительно заметил Блейн. — ЖАЛЬ, ЧТО ЕГО ЗДЕСЬ НЕТ.

«Согласен», — подумал Роланд. И сказал:

— Вот я и добрался до своего предложения.

— Я ВЫСЛУШАЮ ЕГО С ОГРОМНЫМ ИНТЕРЕСОМ, ГАЛАА-ДИТЯНИН.

— Пусть оставшиеся часы станут для нас ярмарочным днем. Ты не будешь загадывать нам загадки, ибо хочешь услышать новые, а не повторять старые из несметного числа тех, что тебе уже известны...

— СОВЕРШЕННО ВЕРНО.

— Все равно мы почти ничего не сможем отгадать, — продолжал Роланд. — Я уверен, что ты знаешь загадки, которые, буде вынуты из бочки, оказались бы не по зубам даже Корту. — В этом стрелок сомневался, однако время кнута прошло, настало время пряника.

— КОНЕЧНО, — самодовольно подтвердил Блейн.

— Вот что я предлагаю: пусть вместо гуся наградой станут наши жизни, — сказал Роланд. — Мы будем загадывать тебе загадки, Блейн, и если к прибытию в Топеку ты отгадаешь их все до единой, можешь осуществить свой первоначальный замысел и убить нас. Вот твой гусь. Но коли мы обыграем тебя, коли в книжке Джейка или в наших головах сыщется хоть одна загадка, которой ты не знаешь и не можешь отгадать, ты должен довезти нас до Топеки и там освободить, дабы мы могли продолжить свой поиск.

Молчание.

— Тебе понятно?

— ДА.

— Согласен?

Блейн Моно опять промолчал. Напрягшийся Эдди, обнимая Сюзанну за плечи, глядел в потолок салон-вагона для знати. Сюзанна, думая о тайне, которая, быть может, росла у нее внутри, украдкой погладила свой живот. Джейк осторожно поглаживал пушистый мех Чика, стараясь не касаться кровавых колтунов на месте ран, оставленных ножом. Они ждали, пока Блейн — оставленный ими за тридевять земель подлинный Блейн, влачащий свое квази-существование под городом, все обитатели которого пали от его руки, — обдумает предложение Роланда.

— ДА, — наконец сказал Блейн. — Я СОГЛАСЕН. ЕСЛИ Я ОТГАДАЮ ВСЕ ЗАГАДКИ, КАКИЕ ВЫ МНЕ ЗАГАДАЕТЕ, Я ЗАБЕРУ ВАС С СОБОЙ НА ПОЛЯНУ В КОНЦЕ ТРОПЫ. ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ИЗ ВАС ЗАГАДАЕТ МНЕ ЗАГАДКУ, КОТОРУЮ Я НЕ СУМЕЮ ОТГАДАТЬ, Я ДАРУЮ ВАМ ЖИЗНЬ И ОТВЕЗУ В ТОПЕКУ, ГДЕ ВЫ СОЙДЕТЕ С МОНО И ПРОДОЛЖИТЕ ПОИСКИ ТЕМНОЙ БАШНИ. РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА! ПРАВИЛЬНО ЛИ Я ПОНЯЛ РАМКИ И УСЛОВИЯ ТВОЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ?

— Да.

— ОТЛИЧНО, РОЛАНД ИЗ ГАЛААДА.

ОТЛИЧНО, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

ОТЛИЧНО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

ОТЛИЧНО, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

ОТЛИЧНО, ЧИК ИЗ МЕЖЗЕМЕЛЬЯ.

При звуке своего имени Чик бросил короткий взгляд на потолок.

— ВЫ — КА-ТЕТ, ЕДИНЕНИЕ МНОГИХ. Я ТОЖЕ. СЕЙЧАС МЫ ДОЛЖНЫ ПРОВЕРИТЬ, ЧЕЙ КА-ТЕТ СИЛЬНЕЕ.

На миг воцарилась тишина, нарушаемая только ровным мощным гулом генераторных турбин, которые несли путников через бесплодные земли к Топеке, где заканчивалось Межземелье и начинался Край Смерти, Последний Мир.

— ИТАК, — вскричал Блейн, — РАССТАВЛЯЙТЕ СЕТИ, СТРАННИКИ! ИСПЫТАЙТЕ МЕНЯ СВОИМИ ВОПРОСАМИ! ПУСТЬ БОРЬБА НАЧНЕТСЯ!

С о д е р ж а н и е

БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ	5
Перевод с английского Р. Ружже	
Редактор Н. Ачеркан	

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

Выпуск 40

Сдано в набор 27.11.95. Подписано в печать 25.12.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

СТИВЕН КИНГ

В следующем выпуске
Вы встретитесь с новым романом
в серии "Мастера сюжетной мистики".
Уважаемые читатели, издатели надеются,
что подобранные прекрасные авторы
в нашей серии удовлетворяют
ваше желание узнать больше о жанре
мистики, фантастики, увлекательных
детективных сюжетов.